113

ъ

дія

скихъ

ъ

2 Bl C II 4113

Ст. 4113 2Две
НВ
2298
Две
№ 2298
Библиотека ... Университета
ПРОВЕРКА 2007
Деренин 1850

Энциклопедія

юридическихъ, политическихъ и соціальныхъ наукъ.

лекціи,

читанныя Профессор. С.Петербургскаго Университета

Рѣдкинымъ

1877/8 академич. года.

1877/8 ак. г.
1974
8454
Студ. читальня Импер. С.Петерб. Университета
Лен. Гос. Ун-т Научная библиотека им. Горького

Остальные листки, по выходе в свет, получите у Тизенгаузена. Деньги за последние уплачены сполна. А. Е. Кованько

ПРОВЕРКА
2007

Корреспонд. Лекции. С. Петерб.

Д 81 № 2298.

„Вступительная лекція"

3-го іен.

Всѣмъ вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что наше отечество, Россія, недавно выступило съ оружіемъ въ рукахъ на трудный, на великій подвигъ заступничества забалканскихъ христіанъ, — выступило оно вовсе не потому, чтобы оно желало присвоить себѣ монополію такого заступничества, но только потому что остальныя державы отказались въ немъ участвовать, хотя и не могли не признать всей его справедливости. Освободить милліоны балканскихъ христіанъ изъ подъ вѣковаго ига нѣсколькихъ сотень тысячъ турецкихъ магометанъ — вотъ цѣль такого нашего заступничества, цѣль, которую во всеуслышаніе объявило всему свѣту наше правительство, дѣйствуя единодушно съ своимъ народомъ. Что-же выражается въ такой цѣли? Ничто иное, какъ идея правды и справедливости, служенію которой вы, какъ юристы, намѣрены посвятить всю жизнь свою. Чтобы найти себѣ основанное на наукѣ права руководство къ такому служенію, для этого, конечно, вы пришли сюда и притомъ многіе изъ васъ пришли издалека и не мало васъ рѣшилось здѣсь изучать право, не боясь даже предстоящей, можетъ быть, борьбы съ нуждою. Во имя идеи правды и справедливости, для ея осуществленія въ дѣйствительности всѣ наши соотечественники выступили нынѣ, какъ одинъ человѣкъ, вовсе не противъ Турціи, состоящей, какъ извѣстно, большею частью изъ христіанскаго народонаселенія, а противъ Турокъ въ Турціи въ числѣ всего 750 тысячъ

человѣкъ. Вся Россія возстала, не жалѣя ни имущества, ни крови доблестныхъ сыновъ своихъ, проливаемой на поляхъ брани за вѣру и свободу своихъ братьевъ во Христѣ, покоренныхъ дикою ордою, вторгнувшеюся изъ Азіи въ Европу и уже четыре столѣтія расположенную лагеремъ въ благословенномъ, прекрасномъ юговосточномъ углу Европы, - Европы, которая до сихъ поръ въ эгоизмѣ своемъ терпитъ у себя этихъ отъявленныхъ враговъ цивилизаціи, терпитъ единственно потому, что никакъ не можетъ придти къ единодушному соглашенію, какъ слѣдуетъ поступить съ этимъ дикимъ народомъ. Такое высокое, можно сказать, святое значеніе ведомой нами кровопролитной и разорительной войны, такая безкорыстная самоотверженность русскаго народа чувствуется и сознается всѣми нами истинно русскими людьми; тогда какъ, напротивъ, многіе иностранцы подозрѣваютъ насъ въ какихъ-то своекорыстныхъ замыслахъ, въ какихъ-то чисто эгоистическихъ разсчетахъ холодной, бездушной, безнравственной политики, ставящей матеріальные интересы единственнымъ путеводителемъ и цѣлью всей своей дѣятельности, принося имъ въ жертву все, чѣмъ возвышается человѣкъ надъ проч. животными. Слыша часто такіе толки и видя, какъ такъ назыв. христіанскіе народы запада отказались участвовать въ заступничествѣ подъ маской нейтралитета, оставивъ насъ однихъ бороться за правое и святое дѣло, мы невольно спрашиваемъ себя, неужели эти народы потеряли всякую способность вѣрить въ чистое служеніе идеѣ правды и справедливости и даже въ самую эту идею, въ ея существованіе и осуществленіе, въ ея смыслъ и значеніе? Или, можетъ быть, дѣйствительно правы тѣ мыслители и государственные люди, которые утверждаютъ, что политика, особенно внѣшняя, не имѣетъ или, по крайней мѣрѣ, не должна имѣть ничего общаго съ правдою и справедливостью, и да-

же что самое право есть ничто иное какъ сила и что сила предшествуетъ праву и служитъ его основаніемъ? Неужели поэтому вправѣ они не вѣрить намъ, когда мы открыто говоримъ, что конечная цѣль войны съ Турками есть осуществленіе правды и справедливости на Балканскомъ полуостровѣ посредствомъ освобожденія его христіанскихъ народовъ отъ неправды и несправедливости, владычествующихъ надъ ними Турокъ. Или-же въ случаѣ, если они и повѣрятъ намъ въ этомъ, неужели они будутъ въ правѣ насмѣхаться надъ нашею наивностью, изобличающею будто-бы наше несовершеннолѣтіе, дѣтство, неразлучное съ невѣжествомъ среди этихъ опытныхъ и образованныхъ народовъ Запада, такъ какъ мы, въ самомъ дѣлѣ, еще вѣримъ въ идею правды и справедливости, не смѣшивая права съ силою, и готовы служить этой идеѣ съ самозабвеніемъ, съ самоотверженіемъ, подчиняя правдѣ и справедливости нашу политику, ищущую полезнаго, выгоднаго не въ смыслѣ противнаго правдѣ и справедливости, а какъ единаго съ нею, или какъ его естественнаго послѣдствія? Нѣтъ, скажемъ мы, - тысячу разъ нѣтъ! Не правы отождествляющіе право съ силою до того, что оправдываютъ всякій успѣхъ, все равно, какой-бы онъ самъ по себѣ ни былъ и какими-бы средствами онъ ни былъ достигнутъ; не правы политики, которые въ погонѣ за выгоднымъ, полезнымъ будто-бы для всѣхъ государствъ могутъ попирать и въ самомъ дѣлѣ попираютъ на пути своемъ всякую правду и справедливость, если она мѣшаетъ такимъ ихъ цѣлямъ; неправы подозрѣвающіе насъ въ лицемѣріи, такъ какъ мы искренно служимъ правдѣ и справедливости, ради ей самой; наконецъ, неправы вѣрующіе намъ въ этомъ отношеніи и потому-то и относящіеся къ намъ съ насмѣшкою, съ пренебреженіемъ, вообще свысока, какъ къ несовершеннолѣтнимъ, неблагора-

зумнымъ дѣтямъ, готовымъ вѣрить во всякій будто-бы вздоръ, во всякую будто-бы небылицу - и въ идею правды и справедливости, и въ человѣколюбіе, и въ прогрессъ человѣчества на пути къ свободѣ, и въ доброе и въ прекрасное, и въ истинное, - и потому готовы даже предпочесть такъ назыв. политику чувства политикѣ холоднаго разсудка. Почему-же, спрашивается, они неправы? Обстоятельный полный и всесторонній отвѣтъ на такой вопросъ можетъ дать только та наука, къ изученію которой вы только что приступаете; наука права, или правовѣденія вообще. Теперь же въ предверіи къ этой наукѣ вообще и въ особенности въ предисловіи къ этой наукѣ, которую я буду имѣть честь вамъ излагать здѣсь, позволю себѣ замѣтить только то, что въ этомъ отношеніи ярко освѣщено нашими собственными дѣлами для всякаго, кто начнетъ нарочно закрывать глаза, чтобы не видѣть, какъ мы поступали и какъ продолжаемъ поступать для рѣшенія всемірно исторической задачи, извѣстной подъ именемъ восточнаго вопроса.

1) Правда и справедливость была есть и будетъ всегда предметомъ человѣческаго мышленія и дѣломъ человѣческой жизни; или короче: правда и справедливость существуетъ какъ идея въ мышленіи и осуществляется какъ право въ дѣйствительности, въ жизни человѣчества. Это несомнѣнно положительный фактъ, о которомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣчества, такъ что отрицать этотъ фактъ значило бы отрицать всю эту исторію, чего, конечно, никто явно не дерзаетъ. Несознаніе или непониманіе этого факта происходитъ въ особенности отъ несознанія или отъ непониманія того, что идея правды и справедливости, какъ и всякая вообще идея, не врождена человѣку, не есть нѣчто готовое въ его умѣ, не выходитъ изъ не-

го вполнѣ образованною, подобно тому какъ Минерва выходитъ во всеоружіи изъ головы Юпитера; напротивъ, эта идея правды и справедливости, какъ и всякая идея, и развивается въ человѣческомъ сознаніи и осуществляется въ дѣйствительности въ жизни человѣческой постепенно, подчиняясь въ своемъ развитіи историческимъ условіямъ времени и пространства, чѣмъ и объясняется то безконечное многообразіе этой идеи въ ея проявленіи, при всемъ ея единствѣ самой въ себѣ, — то многообразіе, которое смущаетъ многихъ даже до того, что они сомнѣваются въ самомъ ея существованіи и осуществленіи этой идеи и даже прямо отрицаютъ ее, какъ небылицу. Мы, Русскіе, одни заступившись за балканскихъ христіанъ противъ неправдъ и несправедливостей, причиняемыхъ имъ непрестанно въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ поработившими ихъ Турками, мы тѣмъ самымъ показали, что мы сознаемъ, что есть нѣчто противоположное всѣмъ подобнымъ неправдамъ и несправедливостямъ, то противоположное, которое, какъ таковое, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ правдою и справедливостью, мыслимою нами, какъ идея. Мы одни рѣшились пособить осуществленію въ дѣйствительности, въ жизни балканскихъ христіанъ этой идеи, освободивъ ихъ отъ ига всякихъ неправдъ и несправедливостей, будучи сами убѣждены въ возможности такого осуществленія, вѣруя въ торжество правды и справедливости надъ неправдою и несправедливостью по нашей родной стародавней пословицѣ: „все минется, одна правда останется".

2) Право, которымъ осуществляется идея правды и справедливости не тождественно съ силою, а также сила не предшествуетъ праву и не есть его основаніе. Къ противоположному такому истинному взгляду на право, отождествленію его съ силою или признанію, что сила предшествуетъ праву или служитъ

для него основаніемъ, многіе пришли вслѣдствіе непониманія дѣйствительнаго отношенія между правомъ и силою, между тѣмъ какъ это отношеніе можетъ быть выражено весьма просто и коротко такъ: принудительная физическая сила представляетъ только одинъ изъ существенныхъ элементовъ права, какъ въ смыслѣ такъ назыв. объективнаго права, т.е. въ смыслѣ законовъ даннаго общества, устанавливающихъ порядокъ, господствующій во внѣшней общественной жизни людей и обладающихъ принудительною силою, дѣйствующею противъ всякой незаконности, всякаго безпорядка, и съ другой стороны, въ смыслѣ такъ назыв. субъективнаго права, т.е. какого либо полномочія, принадлежащаго извѣстнымъ лицамъ на основаніи законовъ, данныхъ обществомъ, охраняющихъ это полномочіе также своею принудительною силою. Такимъ образомъ всякое право должно имѣть непремѣнно принудительный характеръ, ибо иначе оно не будетъ правомъ, а будетъ пустымъ звукомъ, словомъ. Но неумолкающее никогда требованіе нашей собственной природы говоритъ намъ съ одной стороны, что право для того и существуетъ, чтобы внѣшнія, т.е. обнаруживающіяся во внѣ, дѣянія человѣческія ему подчинялись, а съ другой стороны, что только сила можетъ заслужить нравственное наше одобреніе, которая сама подчиняется закону и праву и что чувство права и правосознаніе только тогда находитъ въ насъ удовлетвореніе, когда оно встрѣчается съ господствомъ права, и слѣдов. съ закономъ, встрѣчаясь и съ силою, только какъ со средствомъ, орудіемъ, этого права, этихъ законовъ и притомъ, что примѣненіе силы мо-

жетъ быть лишь послѣднимъ моментомъ въ охраненіи права, такъ что физическая принудительная сила можетъ прилагаться лишь послѣ нравственныхъ условій, средствъ и способовъ ибо въ правѣ кромѣ силы, кромѣ этого физическаго элемента, есть еще другой также существенный элементъ, а именно нравственный, такъ какъ признавать право, подчиняться ему, не нарушать его, есть нравственная, а не только юридическая обязанность для человѣка, есть обязанность его нравственнаго сознанія, или такъ наз. совѣсти, при помощи дѣйствія которой, совмѣстно съ помощью власти того или другого авторитета, право и пріобрѣтаетъ свою принудительную силу. Согласно съ такими именно началами, рѣшившись заступиться за балканскихъ христіанъ, съ цѣлью водворенія въ ихъ политическомъ и соціальномъ быту правды и справедливости въ противоположность направленнымъ противъ нихъ неправеднымъ и несправедливымъ турецкимъ дѣйствіямъ. Для достиженія этой цѣли мы прибѣгли, наконецъ, къ физической принудительной силѣ, къ войнѣ, но не прежде, какъ нашедши напрасными, безъ всякаго желательнаго политическаго результата, истощивъ всѣ зависящія отъ насъ нравственныя усилія, средства и способы, чтобы вмѣстѣ съ другими первостепенными державами убѣдить турецкое правительство въ необходимости преобразовать бытъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, по крайней мѣрѣ, на столько, на сколько возможно дѣйствительное а не мнимое устраненіе на всегда претерпѣваемыхъ ими вопіющихъ неправдъ и несправедливостей.

Наконецъ, 3) праведное и справедливое не тождественно съ полезнымъ, выгоднымъ и т. д.

[illegible], ни для всего государства. Невѣрно, что будто бы они (эти правители или это государство) имѣютъ право на все то, что имъ кажется для себя выгоднымъ, полезнымъ, и что поэтому [illegible] выгодное, полезное и должны будто бы имѣть постоянно въ виду политики въ смыслѣ какъ практическомъ, т.е. въ смыслѣ дѣятельности правителей государства, такъ и теоретическомъ, т.е. въ смыслѣ науки, вовсе не обращая вниманія на то, что въ частной жизни признается праведнымъ и справедливымъ и вообще нравственнымъ и добрымъ, или, иначе говоря, что Макіавелли указалъ въ своемъ сочиненіи „Принципъ", что политика будто бы безнравственна по самой своей природѣ или, по крайней мѣрѣ, въ политикѣ будто бы примѣнимъ во всей своей силѣ извѣстный дикій принципъ, всей дѣятельности Iезуитовъ, что цѣлью оправдываются всякія средства даже совершенно противныя началамъ доброй нравственности. Глава Россіи нашъ Монархъ установилъ и высказалъ [illegible] конечную цѣль, достигнуть которой Онъ имѣетъ въ виду настоящею [illegible] войною съ Турціею, прямо и открыто объявилъ всему міру, что Россія побѣдою [illegible] въ рукахъ не о[illegible] [illegible] того, что считается обыкновенно во внѣшней политикѣ выгоднымъ полезнымъ для государства, но бескорыстно [illegible] за [illegible] [illegible] правды и справедливости, [illegible] освобожденія. [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

христіанъ тоже, чтобы восточный вопросъ рѣшенъ былъ окончательно, переставъ постоянно угрожать миру и спокойствію Европы. Кто же, повѣривъ нашему безкорыстію въ этомъ нашемъ заступничествѣ балканскихъ христіанъ, но самъ посѣдѣвъ, такъ сказать, въ своекорыстныхъ цѣляхъ особенно внѣшней политики неправедной и несправедливой, безнравственной, противной всякому чувству гуманности, будетъ смотрѣть на насъ, какъ на наивныхъ, неблагоразумныхъ дѣтей, не радѣющихъ о своихъ собственныхъ пользахъ, выгодахъ, интересахъ, а, напротивъ, руководящихся въ своей дѣятельности, противно своимъ интересамъ, небывалою правдою и справедливостью и заоблачною гуманностью, будутъ явно или втихомолку насмѣхаться надъ нашею такою глупостью, тому скажемъ мы, что слава Богу, мы дѣти, вѣрующіе въ правду и справедливость и въ ея окончательное торжество даже въ этомъ мірѣ, гдѣ совершается столько неправдъ и несправедливостей. Мы отъ всей души желаемъ пребыть дѣтьми и впредь, вѣруя, что тѣ, которые не будутъ такими дѣтьми, не внидутъ въ царствіе Божіе, которое есть для насъ христовъ, то царство правды и справедливости, куда и вы желаете теперь войти и куда можетъ ввести только наука, тогда вы можете пребыть только до тѣхъ поръ, пока сохраните священный огонь правды и справедливости, нераздѣльно съ христіанскою добротою, и съ человѣколюбіемъ, и съ гуманностью, не давая потухнуть этому огню ни отъ [illegible] [illegible] обхожденія, ни отъ своекорыстія, ни отъ слабости характера, ни отъ [illegible] гасильщиковъ божественной искры въ душѣ человѣческой.

Дурацкая [illegible]

Предисловіе.

Предметомъ моихъ лекцій въ настоящемъ академическомъ году будетъ, по прежнему, наука, называемая въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ нашего университета 1863 г. Энциклопедіею юридическихъ и политическихъ наукъ. Для того, чтобы она изложена была, дѣйствительно, какъ наука въ истинномъ, строгомъ смыслѣ этого слова, а не какъ обыкновенно излагали ее прежде и излагаютъ до сихъ поръ какъ на лекціяхъ, такъ и въ сочиненіяхъ, необходимо, чтобы наука эта имѣла не только свой извѣстный предметъ, но еще и свое извѣстное содержаніе и чтобы это ея содержаніе получило соотвѣтствующую форму посредствомъ методы ея изложенія. Это потому, что только тогда наука опредѣляется какъ наука особенная, самостоятельная, или какъ наука въ истинномъ смыслѣ этого слова и такое ея опредѣленіе тогда можетъ быть выражено въ соотвѣтствующемъ ему названіи, а не въ какомъ нибудь произвольномъ названіи. Опредѣленная такимъ образомъ и выраженная въ названіи наука получитъ тогда свой составъ, какъ составъ для нея существенный, который раздѣлится и на свои части, не какъ на части мертваго трупа, но какъ на части живаго органическаго цѣлаго, или, иначе сказать, какъ на моменты развитія опредѣленныхъ и выраженныхъ въ названіи предмета и содержанія нашей науки. Наконецъ, такъ какъ никакая наука не образуется и не развивается вдругъ, разомъ, а только по малу, въ теченіи времени, исторически, то и наша наука имѣетъ свою исторію.

Эта исторія выражается въ ея литературѣ, а литература, въ которой выражается въ свою очередь историческое ея понятіе, основывается на ея источникахъ. Вотъ почему изложеніе всякой науки, а слѣдовательно и той, которую я буду имѣть честь преподавать вамъ, необходимо начинать съ того, что называется <u>введеніемъ</u>, т.е. съ того, что вводитъ въ науку, а вводитъ въ науку все то, что сказать необходимо о самой наукѣ прежде изложенія ея содержанія. Сказать же во введеніи о самой наукѣ необходимо слѣдующее: 1, о ея предметѣ и содержаніи; 2, о методахъ, или способахъ ея изложенія; 3) о ея опредѣленіи и названіяхъ; 4, о ея раздѣленіи на части и 5, о ея источникахъ, исторіи и литературѣ. Вотъ это то и суть 5ти существенныхъ составныхъ частей введенія во всякую науку вообще и въ нашу науку въ особенности, или 5 моментовъ развитія. Въ соотвѣтствіи съ этими моментами необходимо чтобы введеніе состояло изъ 5ти различныхъ отдѣловъ, слѣдующихъ въ такомъ именно порядкѣ, въ какомъ я поставилъ эти составныя части, какъ части существенныя, а не случайныя, какъ части необходимыя, а не произвольныя, которыя, слѣдовательно, не случайно могутъ быть тѣ или другія, какъ часто это бываетъ и во введеніяхъ въ нашу науку и во введеніяхъ въ разныя другія науки вообще, и какъ не такія произвольныя, т.е. зависимыя отъ произвола излагателя, который вноситъ то или другое въ составъ введенія по своему произволу, не смотря на то, что это вносимое имъ въ составъ введенія, есть не существенная составная часть, и притомъ вносимое имъ является иногда въ порядкѣ опредѣленномъ не по его собственному

произволу. Случайность и произволъ не терпимы ни въ какой наукѣ въ истинномъ смыслѣ слова; личность, субъективность не должна отражаться на изложеніи самой науки, ея изложеніе должно быть объективно, т. е. согласно съ самымъ ея объектомъ, или съ предметомъ вообще и съ тѣмъ особеннымъ содержаніемъ, которымъ опредѣляется этотъ предметъ, для того, чтобы данную науку сдѣлать вполнѣ самостоятельною и самоцѣльною, сдѣлать ее отдѣльною отъ прочихъ наукъ, и сдѣлать ее независимою отъ какихъ нибудь предвзятыхъ цѣлей, что обыкновенно бываетъ въ особенности при изложеніи нашей науки, такъ что ея введеніе по своему составу бываетъ случайно, произвольно, не существенно, и слѣдовательно противно сущности, понятію истинной науки. Слѣдуя такому оправданному и объясненному плану изложенія науки, мы начинаемъ съ перваго отдѣла введенія, который мы можемъ озаглавить по вышесказанному такимъ образомъ.

Введеніе

Отдѣлъ первый

Предметъ и содержаніе нашей науки.

Предметъ, объектъ (objectum) науки вообще, а слѣдовательно и нашей есть то, что наука имѣетъ въ виду при своемъ изслѣдованіи, поставляя это какъ бы предъ собою, почему это и называется пред-метомъ, объектомъ науки; или другими словами: что разсматриваетъ наука, чѣмъ она занимается, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, о чемъ она говоритъ, или, лучше сказать, о чемъ должна говорить. Слѣдовательно, предметъ науки есть нѣчто для науки, поставленное предъ нею. Предметъ нашей науки въ особенности есть право въ обществѣ и государствѣ. Этотъ предметъ нашей науки общъ, однако ей со всѣми прочими такъ называемыми юридическими и соціальными, или общественными и политическими, или государственными науками въ томъ соотношеніи, что всѣ юридическія науки имѣютъ предметомъ своимъ право (jus), почему и называются юридическими, всѣ соціальныя или общественныя науки имѣютъ предметомъ своимъ общество (societas), почему и называются соціальными и, наконецъ, всѣ политическія или государственныя науки имѣютъ предметомъ своимъ государство (πόλις), а наша наука имѣетъ предметомъ своимъ право въ обществѣ и государствѣ, и слѣдовательно она есть, по предмету своему, юридическая

соцiальная и политическая наука, или предметъ ея общiй съ предметомъ всѣхъ юридическихъ, соцiальныхъ и политическихъ наукъ въ ихъ совокупности. Поэтому наша наука однопредметна, и въ этомъ смыслѣ сродна, или однородна со всѣми прочими юридическими, соцiальными и политическими науками; другими словами: она есть одна изъ юридическихъ соцiальныхъ и политическихъ наукъ, по своему предмету, такъ что предметомъ своимъ она отъ нихъ вовсе не отличается. Но вмѣстѣ съ ними она отличается отъ всѣхъ прочихъ наукъ, лежащихъ внѣ области юридическихъ соцiальныхъ и политическихъ наукъ; слѣдов. наукъ не юридическихъ, не соцiальныхъ, не политическихъ; наприм., предметомъ своимъ она отличается вмѣстѣ съ юридическими соцiальными и политическими науками отъ наукъ естественныхъ, которыя въ своемъ единствѣ наз. естествовѣдѣнiемъ и которыя имѣютъ своимъ предметомъ естество, т. е. природу въ смыслѣ внѣшней, видимой, чувственной, вещественной материальной природы. Такимъ образомъ, отъ другихъ наукъ наша наука, вмѣстѣ съ прочими однопредметными съ нею юридическими, соцiальными и политическими науками, отличается тѣмъ, что предметы ихъ различны, – она разнопредметна съ ними. Введенiе въ науку должно начинаться съ указанiя на ея предметъ для того, чтобы съ одной стороны отличить и слѣдовательно тѣмъ самымъ отдѣлить ее отъ всѣхъ не однопредметныхъ, разнородныхъ съ нею наукъ, и съ другой стороны чтобы показать сродство, однопредметность съ однопредметными съ нею науками и тѣмъ включить ее въ составъ ихъ области. Область наукъ, въ составъ которыхъ входитъ наша наука, есть: 1, правовѣдѣнiе, юриспруденцiя,

въ смыслѣ совокупности всѣхъ юридическихъ правныхъ наукъ; 2, обществовѣдѣніе, или соціологія, соціальныя науки, въ смыслѣ совокупности всѣхъ соціальныхъ, общественныхъ наукъ и 3, государствовѣдѣніе или политика, въ смыслѣ науки о государствѣ (πόλις), какъ совокупность всѣхъ государственныхъ, или политическихъ наукъ. Но наша наука есть только одна изъ такихъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ; слѣд., она отличается отъ нихъ. Поэтому за опредѣленіемъ предмета нашей науки, общаго ей съ прочими юридическими соціальными и политическими науками, которымъ она отъ нихъ не отличается, необходимо опредѣлить то, чѣмъ она отъ нихъ отличается, ибо иначе, хотя она съ одной стороны, будучи разнопредметною съ прочими неюридическими, несоціальными и не политическими науками является отдѣльною, самостоятельною наукою, но съ другой стороны, будучи однопредметна съ прочими юридическими соціальными и политическими науками, не будетъ отдѣльною, самостоятельною наукою, и, слѣд., не будетъ наукою вообще. Вотъ ~~это~~ то, что отличаетъ ее отъ однопредметныхъ съ нею юридическихъ соціальныхъ и политическихъ наукъ, что отдѣляетъ ее отъ нихъ и дѣлаетъ ее самостоятельною, - это и называемъ мы содержаніемъ нашей науки, въ отличіе отъ ея предмета, такъ что содержаніемъ, или матеріею, матеріаломъ науки называемъ мы все то, что есть именно особеннаго въ нашей наукѣ въ отличіе отъ прочихъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ или что должно быть въ ней особеннаго, что содержится въ нашей наукѣ какъ ея осо-

8454

бенный матеріалъ, какъ ея особенное содержаніе, что особеннаго въ ней говорится, или что должна сказать наша наука о предметѣ, общемъ въ ней съ прочими однопредметными ей юридическими, соціальными и политическими науками. Почему я называю это содержаніемъ, матеріею науки? Это есть уже нѣчто такое, что, какъ содержимое въ наукѣ, можетъ б. названо внутреннимъ въ наукѣ, въ отличіе отъ предмета, какъ чего-то внѣшняго. Предметъ, объектъ есть внѣшнее, представляемое наукою предъ собою, а содержаніе есть то, что въ наукѣ содержится внутри ея, а потому содержаніе въ смыслѣ термина, научнаго слова, слова, имѣющаго особенное значеніе, мы отличаемъ отъ предмета. Намъ необходимо такое отличіе именно для того, чтобы такимъ отличіемъ отдѣлить нашу науку не только отъ разнопредметныхъ, но и однопредметныхъ съ нею наукъ. Вотъ что, а не самый произволъ, заставляетъ насъ различать предметъ и содержаніе науки, но различать такъ, чтобы это различіе заключалось въ самомъ понятіи, въ самомъ значеніи этихъ словъ (содержаніе есть нѣчто внутреннее, а предметъ есть нѣчто внѣшнее, какъ представляемое наукою). Поэтому намъ прежде всего необходимо говорить о предметѣ, а потомъ о содержаніи, именно, потому, что, какъ я сказалъ, содержаніе есть то, что особеннаго наша наука должна сказать о своемъ предметѣ, общемъ съ предметами прочихъ наукъ. ~~Каждая~~ Вотъ юридическія, соціальная и политическія науки, вмѣстѣ взятыя, имѣютъ общее между собою содержаніе, а именно право, общество и государство; но каждая изъ нихъ имѣетъ особое

содержание, а именно объ этомъ общемъ предметѣ говоритъ нѣчто особенное. Точно также и наша наука должна сказать нѣчто особенное о своемъ предметѣ. Слѣдов., сперва надо сказать о предметѣ, потому что содержаніе есть то, что должно сказать особенное о предметѣ, уже опредѣленномъ. Такимъ образомъ необходимо сперва сказать о предметѣ, а потомъ о содержаніи науки. Содержаніемъ своимъ наша наука отличается отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, не только взятыхъ порознь (напр., отъ государственнаго права, отъ Исторіи Римскаго права и т. п.), но и вмѣстѣ взятыхъ въ ихъ совокупности, такъ что наша наука не есть сумма всѣхъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ, ибо въ противномъ случаѣ она не была-бы наукою отдѣльною и, слѣдоват., и самостоятельною. Всѣ излагатели нашей науки, впрочемъ согласны съ тѣмъ, что наша наука отличается по сущности, по содержанію отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ и порознь и вмѣстѣ взятыхъ, но всѣ приводимыя ими отличія нашей науки по содержанію отъ содержанія юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ несостоятельны, ненаучны, противны сущности науки вообще, такъ что если наука наша будетъ излагаться такъ и, если она будетъ имѣть въ виду такія, приводимыя обыкновенно излагателями отличія — случайныя и произвольныя, то она не будетъ излагаться какъ наука въ истинномъ смыслѣ, какъ наука самостоятельная,

отдѣльная отъ всѣхъ прочихъ наукъ не только разнопредметныхъ, но и однопредметныхъ. Вотъ наши науки и до сихъ поръ не излагаютъ какъ науки въ истинномъ, строгомъ смыслѣ слова, именно потому, что принимаютъ для ея содержанія такія отличія, которыя сами по себѣ не состоятельны, не научны. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ приводимыя отличія нашей науки отъ однопредметныхъ съ нею наукъ могутъ быть подведены подъ три рода, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои виды, такъ же не состоятельные, какъ и роды. Эти три рода могутъ быть названы такъ: во 1хъ количественными отличіями, во 2хъ, качественными и въ 3хъ, телеологическими. Разсмотримъ-же эти роды и виды сказанныхъ отличій, съ тѣмъ, чтобы критически разобрать, состоятельны-ли они, научны-ли они, или нѣтъ. Итакъ,

1, Количественныя отличія

Само слово указываетъ, что здѣсь отличается наша наука по содержанію, такъ сказать, количественно. Виды количественныхъ отличій суть: 1, экстензивное отличіе, 2, интензивное и 3, протензивное: потому что, всякое количество, какъ извѣстно изъ математики и въ особенности изъ механики, бываетъ или экстензивно или интензивно, или протензивно. Разсмотримъ каждый изъ этихъ видовъ.

а, Экстензивное отличіе есть отличіе по пространству, по расширенію, или уменьшенію чего либо въ пространствѣ. Въ отношеніи къ наукѣ экстензивное отличіе состоитъ въ краткости изложенія того, что

что составляетъ ея предметъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ, что наша наука, какъ и вообще всякая энциклопедія и всеобщая и частная (напр. теологическая, филологическая, естественная и т. п.) д. быть краткимъ и сжатымъ образомъ того же самого содержанія, что обширно и подробно излагается въ прочихъ однопредметныхъ съ нею юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукахъ. Это и есть экстенсивное количественное отличіе нашей науки. Это отличіе можно назвать внѣшнимъ отличіемъ, потому что количественное отличіе есть нѣчто по отношенію къ содержанію. Это отличіе, будучи ненаучнымъ, является не состоятельнымъ по слѣд. причинамъ: во 1-хъ, потому что оно противорѣчитъ самимъ положительнымъ фактамъ, ибо есть и такія сочиненія, какъ по всеобщей, такъ и по разнымъ частнымъ энциклопедіямъ, которыя излагаютъ свое содержаніе не менѣе подробно, чѣмъ оно излагается и въ сочиненіяхъ по однопредметнымъ съ ними наукамъ; такъ напр., есть сочиненіе по всеобщей энциклопедіи <u>Эрша</u> и <u>Грубера</u>, которое постоянно обновляется, безпрестанно издается и которое по одному этому уже не можетъ быть краткимъ обозрѣніемъ того, что содержится вообще въ наукахъ, предметомъ которыхъ они занимаются. Поэтому такое экстенсивное отличіе случайно и слѣд. не существенно, несостоятельно и не научно, а потому это отличіе произвольно, потому что большая или меньшая краткость изложенія зависитъ отъ произвола излагателя, ибо понятіе краткости есть понятіе субъективное, а не абсолютное. Слѣдов. это отличіе не состоятельно, ибо оно произвольно, а

наука не терпитъ произвола.

б, <u>Интенсивное отличіе</u> есть отличіе соотвѣтствующее интенсивному количеству, т.е. количеству опредѣленному не съ внѣшней стороны, т.е. не самымъ пространствомъ, занимаемымъ предметомъ, а съ внутренней стороны, т.е. содержаніемъ предмета, такъ что интенсивное отличіе есть сжатость изложенія. Это значитъ, что наша наука, если она отличается интенсивнымъ количествомъ отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, должна излагать тоже самое, что излагаютъ и однопредметные съ нею науки, но со всевозможною сжатостью, т.е. немногими, но многозначительными, т.е. по возможности, точными словами, между тѣмъ, какъ отъ прочихъ наукъ этого требовать нельзя. Такъ интенсивное отличіе есть также количественное отличіе но внутреннее, т.е. состоящее во внутренней силѣ самого изложенія. Это отличіе есть уже внутреннее, количественное отличіе потому, что сила присущая самому предмету, есть нѣчто внутреннее въ немъ. Но и такое отличіе, хотя оно и кажется болѣе существеннымъ и менѣе произвольнымъ, нежели первый видъ этихъ отличій, не есть также существенное отличіе, потому что оно несостоятельно и не научно по слѣд. причинамъ: во 1-хъ, оно противорѣчитъ положительнымъ фактамъ, ибо большинство сочиненій по Энциклопедіямъ, какъ всеобщей, такъ и частнымъ, не отличаются сжатостью и даже благоразумные излагатели стараются избѣгать такой сжатости, считая ее опасною въ томъ смыслѣ, что сжатость можетъ быть причиною неясности самого из-

ложенія, а неясность изложенія можетъ быть очень вредною въ особенности при изложеніи такой науки, какъ наша, которая читается лицамъ, только что начинающимъ юридическое образованіе, и слѣдоват. еще не знакомымъ съ прочими науками юридическаго курса. Если для такихъ лицъ въ началѣ будетъ что нибудь неясно изъ того, что они будутъ проходить впослѣдствіи съ большею подробностью и полнотою, то это можетъ вредно повліять на ихъ преуспѣванію въ изученіи данной области наукъ. Кромѣ того, во 2-хъ, такое отличіе произвольно, потому что большая или меньшая сжатость, какъ и краткость, зависитъ отъ произвола излагателя, такъ что и это есть понятіе не абсолютное, а относительное. Такимъ образомъ, и это отличіе произвольно, а слѣд. не существенно, потому что наука не терпитъ произвола. Наконецъ,

с, протентивное отличіе есть отличіе, соотвѣтствующее протентивному количеству, т. е. количеству, опредѣляемому временемъ, а именно протентивное отличіе науки есть скорость, быстрота ея изложенія. Это значитъ, что наша наука должна быть излагаема возможно въ меньшее количество времени въ сравненіи съ изложеніемъ прочихъ, однопредметныхъ съ нею наукъ въ ихъ совокупности. Это есть 3-й и послѣдній видъ количественныхъ отличій, потому что онъ обусловливается двумя предшествующими отличіями - краткостью и сжатостью изложенія, ибо только при краткости и вмѣстѣ сжатости изложенія можно излагать что нибудь въ непродолжительное сравнительно время. Но и это отличіе не существенно, и слѣдоват.,

не научно; ибо оно противорѣчитъ положительнымъ фактамъ. Дѣйствительно, хотя наша наука въ тѣхъ университетахъ, гдѣ она давно преподается, а именно, въ Германскихъ, читается только втеченіи одного полугодія и притомъ, по одной, а много по двѣ лекціи въ недѣлю., но въ нашихъ Университетахъ и прежде и теперь употреблялось гораздо больше времени на ея преподаваніе и дѣйствительно должно употребляться. Во 2-хъ и это отличіе совершенно зависитъ отъ произвола излагателя, вслѣдствіе того, что и самая быстрота, скорость изложенія есть также понятіе не абсолютное, а относительное произвольное, чего не терпитъ наука. Вотъ всѣ виды перваго рода отличій нашей науки отъ прочихъ наукъ.

2) Качественныя отличія

Само слово показываетъ, что эти отличія заключаются въ качествѣ или значеніи тѣхъ положеній, которыя должны содержаться въ нашей наукѣ. Главные виды этихъ отличій выражаются излагателями въ требованіи, чтобы наша наука была основною для всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ. Но это выраженіе „основная наука" есть выраженіе неопредѣленное, потому что отъ произвола излагателя зависитъ придать ей тотъ или другой смыслъ, а слѣдов., это отличіе произвольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ случайно, а не необходимо. Въ самомъ дѣлѣ, что мы называемъ основою, основною наукою? Называя нашу науку основною наукою, мы должны заключать, что наша наука со-

держитъ въ себѣ только принципы прочихъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ. Но въ такомъ случаѣ она превратится въ ту науку, которую мы называемъ Философіею права, общества и государства. Далѣе подъ именемъ основной науки можно разумѣть и то, что является какъ-бы введеніемъ въ нашу науку, что подготовляетъ къ ней, на чемъ слѣд., зиждутся всѣ прочія науки; но въ такомъ случаѣ наша наука является вводною наукою. Притомъ, такъ какъ всякая основа служитъ для того, что на ней основывается, то и наша наука, какъ основная должна служить основою для прочихъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ, а все, что является служебнымъ орудіемъ для чего либо, то само по себѣ цѣли не имѣетъ, а имѣетъ внѣшнюю цѣль, и слѣдоват., не самостоятельно и не самоцѣльно, и слѣд., въ такомъ случаѣ и наша наука была-бы не самостоятельною, не самоцѣльною и слѣд., не была-бы наукою въ истинномъ смыслѣ слова.

Такъ какъ качественныя отличія уже переходятъ въ отличія по цѣлямъ, или въ телеологическія отличія, то потому въ слѣдъ за качественными отличіями мы должны сказать и о 3мъ родѣ отличій, а именно, о телеологическихъ отличіяхъ нашей науки отъ другихъ наукъ, или объ отличіяхъ по цѣлямъ.

3, Телеологическія отличія.

Слово телеологическій происходитъ отъ греческаго слова τέλος - цѣль; но слово τέλος въ греческомъ языкѣ имѣетъ два значенія, а именно, въ особенности у Аристотеля оно

имѣетъ значеніе такъ назыв. внутренней цѣли, а другое значеніе, какое встрѣчается у многихъ философовъ, за исключеніемъ Аристотеля и нѣкоторыхъ другихъ, есть значеніе внѣшней цѣли, т. е. внѣ самого предмета къмъ либо для него поставленной, между тѣмъ какъ внутренняя цѣль есть то, къ чему стремится самый предметъ по своей сущности, которая поэтому присуща самому предмету, самому существу, составляетъ его сущность, его природу. Называя разсматриваемыя отличія телеологическими, мы принимаемъ слово τέλος, входящее въ составъ слова „телеологическій" въ смыслѣ внѣшней цѣли, потому что тѣ или другіе излагатели поставляютъ сами цѣль по своему произволу, который не имѣетъ отношенія къ самой сущности, природѣ нашей науки, слѣдоват. цѣль, зависящую отъ произвола того или другого излагателя. Изъ этого видно, что эти телеологическія отличія не суть существенныя, а случайныя и вмѣстѣ произвольныя, зависимыя отъ воли излагателя. Слѣдоват., опредѣляя ихъ короче, можно сказать, что это суть тѣ отличія, которыми отличаютъ тѣ или другіе излагатели нашу науку по цѣлямъ ея изложенія отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Такихъ различныхъ цѣлей собственно принимаетъ излагатель три:

1, Нашу науку нерѣдко излагаютъ какъ вводную науку. Въ этомъ случаѣ излагатели ея требуютъ, чтобы наша наука входила въ изученіе содержанія прочихъ однопредметныхъ съ нею юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ. Вопр.

почему мы и можемъ называть въ такомъ видѣ, въ такомъ образѣ нашу науку вводною. Или-же нѣкоторые излагатели въ данномъ случаѣ требуютъ, чтобы наша наука служила для прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Въ этомъ смыслѣ нашу науку называютъ _пропедевтикою_, т.е. подготовительною наукой, хотя впрочемъ, вслѣдствіе значенія нашей науки, какъ вводной, и какъ приготовительной, эти названія смѣшиваются между собою, такъ что нашу науку называютъ и энциклопедіею, какъ вводною наукою и пропедевтикою, и иногда и отличаютъ эти названія, хотя отличіе это между ними не существенное. Мы можемъ сказать, что, безъ сомнѣнія, вамъ можетъ быть полезно изложеніе нашей науки въ формѣ вводной или приготовительной науки къ изученію въ отдѣльности прочихъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такая цѣль была присуща самой нашей наукѣ. Эта цѣль вовсе для нея посторонняя, вовсе не существенная. Притомъ, выраженіе „вводная наука", какъ и выраженіе „приготовительная наука" есть выраженіе совершенно неопредѣленное и слѣд. зависимое отъ произвола излагателя, ибо отъ него въ самомъ дѣлѣ зависитъ опредѣлить себѣ съ большею или меньшею ясностью, что, по его мнѣнію вводитъ въ прочія однопредметныя съ нею науки, что подготовляетъ къ нимъ и этимъ обусловить ея содержаніе. Задаваясь такою цѣлію излагатель дѣлаетъ нашу науку служеб-

ного наукою, лишаетъ, слѣдоват., ея самостоятельности, независимости отъ прочихъ наукъ, лишая ея самоцѣльности, ибо она въ этомъ случаѣ имѣетъ не сама въ себѣ цѣль, но своему существу, а для нея поставляется внѣшняя цѣль, такъ что она не есть уже въ этомъ случаѣ наука въ истинномъ смыслѣ слова.

2, Иногда нашу науку излагаютъ какъ <u>науку заключительную</u>. Такъ уже излагаютъ ее рѣже, нежели какъ вводную. Въ этомъ случаѣ излагатель требуетъ, чтобы наша наука своимъ содержанiемъ не вводила въ изученiе содержанiя прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, а напротивъ, чтобы наша наука своимъ <u>содержанiемъ</u> заканчивала, завершала изученiе всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. И это слѣдоват. есть внѣшняя цѣль, зависящая отъ произвола или личнаго мнѣнiя излагателя. И это выраженiе „заключительная наука" также неопредѣленно, какъ и выраженiе „вводная наука". Конечно, можно для оканчивающихъ курсъ оглянуться еще, такъ сказать, назадъ на пройденный путь, дабы тѣ науки, которыя они проходили до того времени въ ихъ отдѣльности, представить себѣ въ ихъ связи; чему и служитъ наша наука, какъ заключительная. Въ этомъ отношенiи наша наука полезна также, какъ и въ томъ случаѣ, если она излагается, какъ наука вводная для начинающихъ юридическое образованiе; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы наша наука была такою по самой своей сущности, такъ какъ это для нея совершенно постороннiя цѣли. Если сами излагатели будутъ

задаваться такими цѣлями, помимо до-
стиженія тѣхъ требованій, которыя обу-
словливаются сущностью, природою нау-
ки, и которыя являются присущими на-
шей науки цѣлями, то въ такомъ случаѣ
она сдѣлается не самостоятельною, не са-
моцѣльною и такимъ образомъ въ ви-
дѣ заключительной науки, также какъ
и въ видѣ вводной науки, она не будетъ
вовсе наукою въ истинномъ смыслѣ сло-
ва. Слѣдов., и такое отличіе не есть от-
личіе существенное, научное, а случай-
ное и произвольное.

Наконецъ въ 3-хъ, нашу науку всего
рѣже преподаютъ, или излагаютъ иног-
да, какъ общеобразовательную науку,
а именно, требуя чтобы наша наука
своимъ содержаніемъ нѣсколько познако
мила-бы съ содержаніемъ прочихъ юри
дическихъ, соціальныхъ и политическихъ
наукъ даже и тѣхъ, которые спеціаль-
но не думаютъ изучать эти науки
и не изучаютъ ихъ на самомъ дѣлѣ, од-
нако-же имѣютъ притязаніе на такъ
назыв. энциклопедическое образованіе, со-
стоящее будто-бы въ томъ, что обра-
зованному человѣку не должна быть во-
все чуждою ни одна изъ областей на-
укъ. Можно, пожалуй, допустить что
и такое примѣненіе нашей науки
можетъ быть полезно, именно, для
неспеціалистовъ, для не юристовъ, для
общаго ихъ образованія, но при испол-
неніи разныхъ условій, а именно, что-
бы такое энциклопедическое образованіе
не было тѣмъ, что обыкновенно назы-
вается диллетантизмомъ въ наукѣ,
чего не терпитъ наука по самой своей

сущности. Диллетантизмъ можетъ быть во всемъ, въ чемъ угодно, но не въ наукѣ. Отъ диллетантизма слѣдуетъ отличать тотъ истинный энциклопедизмъ, который состоитъ въ томъ, чтобы не ограничиваться односторонними, узкими предѣлами своей специальной области, но признавать ея связь со всѣми прочими областями наукъ, и вслѣдствіе этого быть на столько знакомымъ со всѣми прочими областями наукъ, сколько это необходимо для яснѣйшаго, полнѣйшаго и всестороннѣйшаго пониманія своей специальной области. Во всякомъ случаѣ, наша наука, если для нея будетъ поставлена такая цѣль, помимо исполненія тѣхъ требованій, которыя обусловливаются самою ея сущностью, лишится своей самостоятельности и самоцѣльности, и слѣд., не будетъ наукою въ истинномъ смыслѣ слова, такъ что и это отличіе есть отличіе несостоятельное, не научное. Замѣтимъ, при этомъ, что иногда излагатели стараются соединить при изложеніи нашей науки двѣ и даже три цѣли, и въ такомъ случаѣ, особенно, если они соединяютъ всѣ три цѣли, они думаютъ избѣжать того упрека, который мы только что сдѣлали по отношенію къ нашей науки, если она преслѣдуетъ въ отдѣльности одну изъ этихъ трехъ цѣлей. Но если и соединить всѣ эти три цѣли, преслѣдовать ихъ разомъ, что, впрочемъ, весьма трудно, потому что, онѣ не совпадаютъ, а противоположны другъ другу, то и въ такомъ случаѣ, все таки внѣ останутся внѣш-

ними цѣлями для науки, и слѣд., не м. быть признаны существенными ея отличіями по содержанію отъ однопредметныхъ съ нею наукъ, не могутъ быть признаны состоятельными отличіями. Наконецъ, еще замѣчу, что иногда преслѣдуютъ еще при изложеніи нашей науки 4ую цѣль, о которой мы не упомянули до сихъ поръ потому что, эта 4ая цѣль никогда не преслѣдуется отдѣльно отъ прочихъ цѣлей, а всегда вмѣстѣ съ ними, т. е. или вмѣстѣ со всѣми, или съ двумя изъ нихъ или съ одной изъ нихъ. Въ этомъ случаѣ нашу науку можно назвать <u>дополнительною наукою</u>, вслѣдствіе той цѣли, которую при ея изложеніи имѣютъ въ виду, а именно дополнить содержаніемъ тѣ пробѣлы, которые случайно существуютъ въ данное время, въ данномъ мѣстѣ въ курсѣ; напр. у насъ вовсе не излагается весьма важная политическая наука, извѣстная подъ именемъ политики, которая не включена въ составъ наукъ юридическаго факультета, а потому наша наука могла-бы этотъ пробѣлъ пополнить, излагая, конечно, не всю политику, а по крайней мѣрѣ, главныя ея начала, главныя ея истины и въ особенности, обращая вниманіе на лучшія сочиненія по части этой науки. Или напр., въ составъ нашего курса юридическихъ наукъ не введено ни <u>торговое</u> право, ни вексельное право, ни морское право и наша наука могла-бы о нихъ сказать что нибудь въ видѣ пополненія этого пробѣла, не излагая ихъ вообще, если-бы теперь не нашлись такіе преподаватели, которые отчасти вно-

сять эти науки въ свой курсъ, а именно, съ одной стороны, вексельное, торговое и отчасти морское право вносятъ у насъ въ гражданское, или частное право, какъ особенное гражданское право, а съ другой стороны, часть морскаго права вносятъ въ составъ международнаго права, насколько содержаніе морскаго права находится въ связи съ международнымъ правомъ. Но, само собой понятно, эта внѣшняя цѣль не м. назваться существенною для нашей науки, ибо самые пробѣлы, которые бываютъ въ курсѣ, не существенны, а случайны; слѣд., и это отличіе вполнѣ не состоятельно, не научно.

Итакъ въ результатѣ мы получаемъ, что всѣ количественныя, качественныя и телеологическія ~~отношенія~~ личія содержанія нашей науки отъ однопредметныхъ съ нею наукъ оказываются не состоятельными, не научными вслѣдствіе именно того, что при нихъ наша наука лишается своей самостоятельности, независимости отъ прочихъ наукъ и своей самоцѣльности. Единственно самостоятельное и потому научное отличіе нашей науки по содержанію отъ однопредметныхъ съ нею наукъ, которое ставитъ нашу науку, какъ самостоятельную и самоцѣльную есть то, въ которомъ выражается отличіе нашей науки по ея сущности, по природѣ отъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Это отличіе состоитъ въ требованіи чтобы наша наука разсматривала свой предметъ, общій ей съ прочими

однопредметными съ ней юридическими, соціальными и политическими науками, т.е. право въ обществѣ и государствѣ, не такъ какъ разсматриваютъ юридическія науки право, какъ соціальныя науки — общество и какъ политическія науки — государство, а именно, чтобы она разсматривала этотъ предметъ во 1-хъ, вообще, или во всеобщности, т.е., не въ тѣхъ или другихъ частностяхъ или подробностяхъ, а вообще; во 2-хъ, чтобы она разсматривала этотъ предметъ всесторонне, или во всесторонности, а не съ одной какой либо стороны, какъ разсматриваютъ его прочія однопредныя съ нею юридическія, соціальныя и политическія науки. Стороны-же этого предмета суть слѣдующія, во 1-хъ положительная и философская сторона и во 2-хъ историческая и догматическая сторона. Наша наука разсматриваетъ свой предметъ, общій ей съ прочими однопредметными науками, всесторонне, т.е. и съ философской и съ положительной, и съ исторической и догматической или систематической стороны, всѣ-же прочія науки юридическія, соціальныя и политическія разсматриваютъ свой предметъ или съ одной или съ двухъ сторонъ, но никогда не разсматриваютъ его со всѣхъ сторонъ; напр., общая часть государственнаго права разсматриваетъ свой предметъ, государство только съ философской стороны, русское государственное право съ догматической или систематической стороны, т.е. ввидѣ права дѣйствующаго, съ нѣкоторыми историческими указаніями для уясненія нынѣ дѣйствующаго права, и слѣдов., отчасти разсматриваетъ свой предметъ съ исторической стороны, но не всесто-

ронне и притомъ каждую изъ разсматриваемыхъ имъ сторонъ она излагаетъ отдѣльно (т.е. сперва разсматриваетъ съ исторической а потомъ съ догматической стороны), а не въ ихъ связи, какъ это дѣлаетъ наша наука. Далѣе, въ 3-хъ, наша наука должна разсматривать свой предметъ, общій ей съ прочими однопредметными науками всеобъемлюще, а не какую нибудь часть всего объема права, общества и государства, между тѣмъ какъ всѣ прочія науки разсматриваютъ или одну какую нибудь часть объема, или, если даже во всемъ объемѣ его съ одной какой нибудь стороны. Въ самомъ дѣлѣ, философія права разсматриваетъ во всемъ объемѣ этотъ предметъ (право, общество и государство), какъ и наша наука, но съ тѣмъ различіемъ, что наша наука разсматриваетъ этотъ предметъ не только съ философской стороны, но и съ положительной, между тѣмъ, какъ философія права разсматриваетъ право только съ философской стороны. Всѣ остальныя юридическія, соціальныя и политическія науки разсматриваютъ только часть всего объема; напр. Государственное право разсматриваетъ только государство, какъ указываетъ самое названіе. Гражданское право разсматриваетъ только частныя права гражданъ, международное право разсматриваетъ только право между народами, а не вообще, не всѣ права, между тѣмъ, какъ наша наука разсматриваетъ всѣ права. Наконецъ, вслѣдствіе того, что, наша наука должна разсматривать свой предметъ и вообще и во всесторонности и во всеобъемлемости является 4-е требо-

ваніе, составляющее ея существенное отличіе отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Это отличіе состоитъ въ томъ, чтобы она разсматривала свой предметъ какъ одно всецѣлое, т. е. не то, чтобы она разсматривала сперва одну какую нибудь сторону, а потомъ другую, какъ разсматриваютъ однопредметныя съ нею науки, а непремѣнно, она должна излагать въ связи всѣ стороны, всѣ части объема, какъ одно цѣлое. Поэтому всѣ прочія науки, можно назвать отдѣльными, юридическими, соціальными и политическими науками, или частными, спеціальными юридическими, соціальными и политическими науками, между тѣмъ, какъ наша наука въ отличіе отъ нихъ есть всеобщая наука. Что эти отличія существенныя, а не случайныя, необходимы для нашей науки, то это понятно изъ сказаннаго, ибо въ самомъ дѣлѣ, ни одна изъ прочихъ юридическихъ соціальныхъ и политическихъ наукъ не имѣетъ такого содержанія, какое имѣетъ наша наука, которая содержитъ въ себѣ все то, что есть общее для всѣхъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, что представляетъ весь ихъ предметъ со всѣхъ его сторонъ и во всемъ ихъ объемѣ; словомъ, что представляетъ этотъ предметъ, какъ единое, цѣлое. Изъ этого видно, что это есть въ самомъ дѣлѣ опредѣленное отличіе нашей науки по содержанію отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, а не то, что краткость, сжатость изложенія. Мало того, это суть такія отличія, которыя истекаютъ изъ самой сущности нашей

науки, ибо наша наука въ самомъ дѣлѣ отдѣльная, самостоятельная и не зависимая отъ прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ. Если же она не будетъ разсматривать своего предмета всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло, какъ обыкновенно и не разсматриваютъ ее излагатели ни въ сочиненіяхъ, ни въ лекціяхъ, то въ такомъ случаѣ наша наука можетъ, конечно доставить больше или меньше пользы изучающимъ ее, но не исполнитъ того требованія, которое существенно для Университетскаго преподаванія, гдѣ преподаются учебные предметы, не какъ нибудь, а требуется, чтобы изложеніе каждой науки было изложеніемъ самостоятельнымъ, независимымъ и самоцѣльнымъ, — независимымъ отъ прочихъ наукъ, ни отъ какихъ нибудь предвзятыхъ цѣлей. Но, признавая эти отличія единственно научными, соотвѣтствующими сущности нашей науки, я тѣмъ вовсе не хочу исключить всякую возможность изложенія нашей науки, соотвѣтственно инымъ требованіямъ, которыя мы разобрали теперь, что они не суть существенныя отличія, а именно, требованіямъ, состоящимъ въ краткости, сжатости и быстротѣ ея изложенія или въ томъ, чтобы она была основною наукою; я только утверждаю, что эти требованія не существенны для нашей науки, что они безразличны для нея, а впрочемъ, удовлетвореніе ихъ возможно, и даже болѣе или менѣе полезно въ рукахъ особенно того, кто будетъ излагать нашу науки незадаваясь такими требо-

ваніями. Необходимо прибавить, что всего вѣрнѣе и лучше будетъ выполнить и такія несущественныя требованія отъ нашей науки, но доставляющія, въ самомъ дѣлѣ, большею или меньшею пользу изученію лишь тогда, когда излагатели нашей науки не будутъ задаваться ими, а стѣснять самое содержаніе, существенное для нашей науки, а напротивъ, когда они будутъ стараться исполнить научно состоятельныя требованія, заключающіяся въ томъ, чтобы она разсматривала свой предметъ вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло. Въ этомъ случаѣ, и прочія несущественныя требованія будутъ выполнены уже сами собою, т.е. тогда наша наука получитъ и должную краткость, и должную сжатость и должную быстроту, ибо въ самомъ дѣлѣ она будетъ излагать свой предметъ не во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ, а во всеобщности, а потому коротко, быстро, сжато. Она будетъ излагать вслѣдствіе того-же свой предметъ, согласно съ цѣлями, которыя могутъ быть поставлены ей извнѣ, ибо въ самомъ дѣлѣ, если вы не будете пускаться въ частности и подробности въ нашей наукѣ, а будете разсматривать ея предметъ во всеобщности, то въ такомъ случаѣ вы, конечно, введете себя въ изученіе прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и предоставите въ заключеніе то всеобщее, которымъ обусловливается связь всѣхъ отдѣльныхъ, однопредныхъ съ нею наукъ, т.е. представите нашу науку, какъ заключительную науку.

Слѣдоват., выполняя существенныя требованія нашей науки, вы этимъ самымъ можете такимъ образомъ удовлетворить и несущественныя требованія.

Мы окончили первый отдѣлъ введенія въ нашу науку, опредѣливъ ея предметъ и содержаніе. Теперь мы перейдемъ ко второму отдѣлу, а именно, къ отдѣлу о методахъ, или способахъ изложенія нашей науки. Логическій переходъ состоитъ здѣсь въ слѣдующемъ. Всякое содержаніе, матерія, а слѣд. и содержаніе всякой науки, а слѣд., и нашей, д. имѣть и д. получить какую нибудь опредѣленную форму, образъ, видъ, какъ нѣчто внѣшнее для своего внутренняго, для содержанія, для матеріи, потому что, безъ формы содержаніе, матерія вовсе не можетъ существовать (нѣтъ такого содержанія, нѣтъ такой матеріи, которая могла-бы существовать безъ всякой формы). Слѣд., нѣтъ такой науки, которая по своему содержанію, не имѣла-бы какой нибудь формы, форма же дается содержанію науки ни чѣмъ инымъ, какъ тѣмъ, что называется методами въ обширномъ смыслѣ, т. е. способами ея изложенія. Методою или способомъ изложенія придаютъ извѣстную форму содержанію извѣстной науки. Такъ, мы логически, прямо, непосредственно, безъ другихъ переходовъ, безъ посредства какого нибудь другаго члена переходимъ отъ перваго отдѣла ко второму. Итакъ,

Отдѣлъ Второй

Методы или способы изложенія нашей науки.

Всего есть и можетъ быть въ дѣйстви-

тельности два рода такихъ способовъ или методъ изложенія нашей науки: одни изъ нихъ несистематическіе, другіе систематическіе. Мы начинаемъ съ несистематическихъ, какъ, конечно, менье совершенныхъ, чьмъ систематическіе.

Несистематическіе способы изложенія.

Эти способы, какъ указываетъ самое слово, суть тѣ, которые не придаютъ наукѣ форму системы, т. е. единаго связнаго, цѣлаго; но наука вообще а слѣд. и наша, по самой своей сущности, непремѣнно есть система, т. е. она должна изложить какъ одно цѣлое все свое содержаніе въ связи, а именно, всѣ тѣ истины, или вообще положенія, которыя входятъ въ составъ ея содержанія. Поэтому противно сущности науки излагать ее несистематически. Есть, однако, два вида несистематич. способовъ изложенія нашей науки, изъ которыхъ одинъ есть наиболѣе несистематическій, почему мы съ него начинаемъ, какъ съ наименѣе совершеннаго, а именно, это есть тотъ, который мы назовемъ лексикографическимъ. Другой видъ несистематическихъ способовъ составляетъ переходъ къ систематическимъ способамъ, - это такъ назыв. монографическій способъ.

Лексикографическій способъ есть тотъ способъ, по которому наука излагается въ формѣ или въ видѣ, такъ называемаго, реальнаго энциклопедическаго словаря, лексикона (почему и называется лексикографическимъ), - въ фор-

мѣ словаря, т. е. въ азбучномъ порядкѣ тѣхъ понятій, которыя входятъ въ составъ содержанія науки. Но такъ какъ эти понятія, выражаемыя словами, хотя и стоятъ въ азбучномъ порядкѣ, однако-же не просто только поясняются какъ въ вербальныхъ словаряхъ (что, напр., mensa по латинск. лексикону значитъ столъ и т. п.), а самыя ихъ понятія раскрываются, развиваются и пр.. Изъ этого видно, что подъ каждымъ словомъ, выражающимъ извѣстное понятіе, помѣщено опредѣленіе этого понятія и все содержимое ~~[illegible]~~, напр., когда въ этомъ словарѣ указывается на наслѣдованіе, то здѣсь говорится о томъ, что такое наслѣдованіе, опредѣляется самое понятіе наслѣдованія (изъясняется, что есть законное и завѣщательное наслѣдованіе и потому указывается въ чемъ состоитъ законное, въ чемъ завѣщательное наслѣдованіе и т. п.). Все это указано ~~[illegible]~~ подъ этимъ словомъ наслѣдованіе, выражающимъ извѣстныя юридическія понятія. ~~[illegible]~~ По этому, этотъ словарь не есть словарь, изъясняющій только слова, не есть такъ сказать, вербальный словарь (отъ verbum — слово), которымъ пользуются ученики, а напротивъ, этотъ словарь есть реальный, т. е. имъ объясняется самое содержаніе понятій, самый ихъ объемъ, т. е. что заключаютъ въ себѣ понятія. Поэтому, подобные реальные словари называютъ еще энциклопедіями, такъ какъ они не ограничиваются этимъ какимъ нибудь предме-

томъ юридическимъ, социальнымъ или политическимъ, и заключающія въ себѣ всю область наукъ, имѣющихъ своимъ предметомъ право въ общежитіи и государствѣ. Такъ реальные энциклопедическіе словари, конечно могутъ быть всегда полезны, (не смотря на то, что они необходимо пишутся по методѣ несистематической)! а именно, для справокъ, какъ и всякіе реальные энциклопедическіе словари. У насъ, какъ извѣстно, профессоръ Березинъ издаетъ всеобщій реальный энциклопедич. словарь, какъ вообще реальный энциклоп. словарь, и не только юридическій.

<u>Монографическій способъ изложенія</u> есть изложеніе содержанія нашей науки въ формѣ такъ назыв. сборника монографій т.е. статей по отдѣльнымъ единичнымъ предметамъ. Это есть уже болѣе систематическій способъ, потому что каждая отдѣльная монографія составляетъ какъ-бы своего рода статью, которая м. и д. быть излагаема систематически. Но монографическій способъ все таки не есть строго систематическій въ томъ смыслѣ, что эти самыя монографіи, эти статьи не связаны между собою прямою, естественною, видимою связью, а только связью предполагаемою или же представляемою въ видѣ какихъ нибудь намековъ и т. под.. Изложеніе по этому способу м. быть весьма полезно, но во всякомъ случаѣ это не есть строго систематическое изложеніе. Замѣтимъ, что самое лучшее изложеніе по тому и другому способу представляютъ во внѣшнемъ изданіи сочиненія

Гольцендорфа въ 2 т., изъ которыхъ 1-й т. есть энциклопедическій сборникъ монографій по частямъ нашей науки, а 2-й т. есть реальный энциклопедическій словарь по частямъ нашей науки.

Систематическій способъ изложенія нашей науки.

Что касается до систематическихъ способовъ изложенія нашей науки, то они представляютъ такое безконечное разнообразіе, что почти всякое сочиненіе имѣетъ свою форму, отличную болѣе или менѣе отъ формы, отъ внѣшняго вида друг. сочиненій, вслѣдствіе разнообразныхъ взглядовъ на то, въ чемъ должна состоять система науки. Поэтому мнѣ нѣтъ нужды приводить всѣ эти разные систематическіе способы; достаточно сказать, что изъ всѣхъ систематическихъ способовъ наиболѣе соотвѣтствующій содержанію нашей науки и въ этомъ смыслѣ строго методическій и самый потому лучшій изъ нихъ есть такъ назыв. генетическій способъ, или иначе развивающій способъ. Поэтому я постараюсь примѣнить этотъ именно способъ при изложеніи нашей науки, какъ наиболѣе соотвѣтствующій ея содержанію, отличному отъ однопредметныхъ съ нею наукъ, такъ что этимъ способомъ можно наиболѣе представить право въ обществѣ и государствѣ во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости. Вообще говоря, не вдаваясь въ частности и подробности, этотъ способъ, или эта

въ строгомъ смыслѣ такъ назыв. генетическая метода состоитъ въ томъ, что ею представляется сознанный человѣчествомъ генезисъ предмета вообще, а слѣд. и въ приложеніи къ нашей наукѣ ея предмета, т.е. права въ обществѣ и государствѣ, а именно: ею впервые устанавливается происхожденіе или отправная точка предмета (что можно сравнить для наглядности съ истокомъ рѣки), потомъ, предлагается постепенное развитіе предмета самого въ себѣ (что можно сравнить съ теченіемъ рѣки) и наконецъ, все это заканчивается исходною точкою или исходомъ этого развитія (что можно сравнить какъ-бы съ устьемъ рѣки, гдѣ теченье ея прекращается, гдѣ она впадаетъ). Такимъ образ. это развитіе назыв. и можно называть, генетическимъ развитіемъ въ отличіе съ одной стороны отъ историческаго развитія предмета, т.е. отъ его развитія во времени и пространствѣ и вообще подъ условіемъ всѣхъ такъ назыв. историческихъ обстоятельствъ, а съ другой стороны, въ отличіе отъ такъ назыв. діалектическаго развитія, которое ввелъ въ свою философію Гегель, и которую потомъ проводили съ большимъ или меньшимъ искуствомъ его послѣдователи, гегеліанцы или гегелисты. Такой способъ изложенія нашей науки генетич., или генетическая метода въ самомъ дѣлѣ имѣетъ слѣд. преимущество предъ прочими способами ея изложенія. Во 1хъ единственно этимъ способомъ м. быть удовлетворены впол-

тѣ общія существенныя требованія отъ всякой науки, состоящія въ томъ, чтобы наука была излагаема какъ самостоятельная и самобытная наука, безъ чего она, какъ я говорилъ, не будетъ наукою въ истинномъ смыслѣ. Это потому, что излагая нашу науку по генетическому способу, излагатель въ самомъ дѣлѣ, ничего другаго не д. дѣлать, какъ только вѣрно, ясно, точно и полно выразить сознанный человѣческимъ дѣйствительный, реальный генезисъ, т.е. саморазвитіе предмета, на сколько этотъ предметъ составляетъ содержаніе нашей науки, отличное отъ содержанія однопредметныхъ съ нею наукъ. Этотъ способъ ничего не вноситъ произвольнаго въ науку, такъ что онъ не есть нѣчто произвольное, ибо онъ выполняетъ только требованія самого содержанія нашей науки. Во 2-хъ единственно этимъ способомъ изложенія нашей науки м. быть удовлетворены не только общія существенныя, но и особенныя существенныя требованія нашей науки, обусловленныя ея особеннымъ содержаніемъ, отличнымъ отъ содержанія прочихъ однопредметныхъ съ нею наукъ, а именно, тѣ требованія, въ силу которыхъ наша наука должна представить право въ общежитіи и государствѣ, какъ предметъ общій ей съ прочими однопредметными съ нею науками, во всеобщности, во всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, потому, что такъ именно и совершается въ человѣческомъ сознаніи генезисъ саморазвитія содержанія нашей науки.

Мы окончили второй отдѣлъ введенія въ нашу науку, сказавъ все нужное о методахъ, или способахъ изложенія науки. Перейдемъ теперь также непосредственно логически къ третьему отдѣлу введенія, въ которомъ мы будемъ говорить объ опредѣленіяхъ и названіяхъ нашей науки, а именно, мы къ нему переходимъ такимъ образомъ. Предметомъ и содержаніемъ, а также методою или способомъ изложенія нашей науки, соотвѣтствующимъ ея предмету и содержанію, наша наука опредѣляется по своему понятію, къ чему-то внутреннему, по ~~какъ~~ своей сущности, какъ внутреннему понятію, ~~наша наука~~, ~~или она~~ и получаетъ свое точное, вѣрное и полное опредѣленіе, наз. реальнымъ опредѣленіемъ, т.е. по самой ея сущности, или иначе наз. въ логикѣ собственно опредѣленіемъ, дефиниціею, а это опредѣленіе выражается внѣшнимъ образомъ въ томъ, что называется названіемъ науки. И такъ,

Отдѣлъ Третій.

Опредѣленія и названія нашей науки.

Опредѣленіе... въ собственномъ, строгомъ смыслѣ этого слова, какъ реальное опредѣленіе, какъ дефиниція нашей науки по ея понятію, по ея внутренней сущности или по опредѣленному нами предмету и содержанію науки и по соотвѣтствующей имъ генетической методѣ, можетъ, или лучше сказать, д. быть выражено такимъ образомъ: наша наука есть также

юридическая, соціальная и политическая наука вмѣстѣ, которая разсматриваетъ генетически, т.е. по генетической методѣ, право въ обществѣ и государствѣ (это ея предметъ) вообще, всесторонне и всеобъемлюще и всецѣло (это ея содержаніе). Но, ~~въ опредѣленіи~~ выраженная сущность науки въ понятіи внутреннимъ образомъ, выражается внѣшнимъ образомъ въ ея названіяхъ. Такихъ названій для нашей науки много. Къ числу ихъ относятся во 1хъ такія, которыя были употребляемы однимъ какимъ нибудь излагателемъ нашей науки. Такъ напр. только одинъ Карлъ-Федоръ Пюттеръ старшій въ отличіе отъ Стефана Пюттера Младшаго, озаглавилъ, между прочимъ свое сочиненіе такимъ образомъ: "Der Inbegriff der Rechtswissenschaft" т.е. "что наука въ себѣ заключаетъ, содержитъ" названіе, которое не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію; его развѣ можно понимать въ томъ смыслѣ, что если говорится о содержаніи всей науки ~~что наука въ себѣ заключаетъ, содержитъ~~ то въ этомъ смыслѣ содержаніе ея является въ самомъ дѣлѣ, какъ всецѣлое, отличное отъ содержанія прочихъ наукъ. Но представляя такимъ образомъ во всецѣлости содержаніе всей нашей науки, оно тѣмъ самымъ представляетъ ее во всесторонности и всеобъемлемости, ибо иначе нельзя представить всего цѣлаго содержанія науки. Но одного признака или отличія также весьма существеннаго, не выражается въ этомъ названіи, а именно того, что наука представляетъ свой пред-

метъ въ его всеобщности. Если она представляетъ все что содержится въ наукѣ права, то значитъ она содержитъ и всѣ его части и всѣ подробности, а не только то, что есть общее для однопредметныхъ съ нею наукъ, чѣмъ слѣдовательно отличается она отъ прочихъ наукъ. Въ этомъ отношенiи это названiе имѣетъ недостатокъ. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что она ограничивается какъ-бы только указанiемъ области юридическихъ наукъ, а именно указанiемъ на ихъ содержанiе, между тѣмъ, какъ наша наука разсматриваетъ право въ обществѣ и государствѣ, должна представить вообще всестороннее, всеобъемлющее и какъ одно цѣлое содержанiе всѣхъ трехъ областей наукъ, извѣстныхъ подъ именемъ: 1) правовѣдѣнiя, т.е. ученiя о правѣ, 2) обществовѣдѣнiя, т.е. ученiе о обществѣ и 3) государствовѣдѣнiе, т.е. ученiе о государствѣ, и притомъ, какъ одно цѣлое, въ ихъ связи.

9. Есть и такiя названiя нашей науки, которыя были употреблены болѣе, чѣмъ однимъ излагателемъ нашей науки, но не вошли во всеобщее употребленiе. Такъ, нѣкоторые излагатели назыв. нашу науку введенiемъ въ изученiе права, или правовѣдѣнiя. Это названiе грѣшитъ тѣмъ, что указываетъ, будто-бы по своей сущности, наша наука есть только вводная наука, что противно ея сущности, ибо это одна только изъ формъ, въ которой она можетъ быть изложена и въ самомъ дѣлѣ излагается.

Иные-же нашу науку называютъ иногда юридическою пропедевтикою. Въ этомъ названіи тотъ недостатокъ, что оно указываетъ будто-бы наша наука является только въ сущности служебною наукою, наукою подготовительною къ изученію юридическихъ наукъ. Кромѣ того, это названіе грѣшитъ тѣмъ, что указываетъ на одинъ только предметъ нашей науки, говоря, что наша наука есть введеніе въ изученіе Права или правовѣдѣнія, между тѣмъ, какъ наша наука разсматриваетъ не только одно право, но и общество и государство въ ихъ связи, а именно, право въ обществѣ и государствѣ.

Наконецъ, въ 3-хъ есть и такія названія, которыя вошли теперь въ общее употребленіе. Такъ съ половины прошедшаго столѣтія, а именно, со Стефана Пюттера Младшаго, въ отличіе отъ Карла-Федора Пюттера Старшаго самое употребительное родовое или нарицательное названіе нашей науки, т.е. въ смыслѣ общаго съ другими, подобными ей науками, это есть Энциклопедія. Что же касается до ближайшихъ, собственныхъ ея названій, которыми наша Энциклопедія отличается отъ прочихъ Энциклопедій, то ихъ употребляется довольно много. Сперва, конечно, скажемъ о родовомъ, или нарицательномъ названіи нашей науки, какъ объ общемъ названіи, а потомъ скажемъ объ ея видовыхъ названіяхъ.

Нынѣ общеупотребительное родовое или нарицательное названіе для нашей науки, общее ей съ другими Энциклопедіями,

называется. энциклопедія.

Она (энциклопедія) въ связи ея со другими ея побочными науками, а именно, какъ съ такъ назыв. всеобщею энциклопедіей, такъ и со специальными или частными энциклопедіями. ~~подобными частей энциклопедіи~~. Подъ всеобщею энциклопедіею разумѣютъ такую энциклопедію, какъ науку, которая разсматриваетъ всѣ вообще человѣческія знанія, ученія и искусства, другими словами: всѣ науки и всѣ искусства. Есть довольно много сочиненій на разныхъ языкахъ, въ которыхъ излагается эта наука не обыкновенно въ формѣ энциклопедической, т.е. въ формѣ реальнаго энциклопедическаго словаря. Что касается частной или специальной энциклопедіи, то подъ нею разумѣютъ такую энциклопедію, или науку, которая разсматриваетъ или одну какую нибудь особенную специальную часть всеобщей энциклопедіи, (почему она и называется частною или специальною энциклопедіею), а именно или одну какую нибудь область науки напр. кромѣ юридической, кромѣ политической, кромѣ социальной энциклопедіи есть еще энциклопедіи и по другимъ наукамъ, напр. есть энциклопедія теологическая, медицинская, филологическая и др. или во 2-хъ, она излагаетъ только одну отрасль извѣстной области науки, напр. есть сочиненія по энциклопедіи только церковнаго права, есть сочиненія по энциклопедіи только торговаго права и т.д. (слѣдовательно, это суть энциклопедіи только извѣстныхъ отраслей правовѣденія, какъ цѣлой области юридическихъ наукъ); наконецъ въ 3-хъ, есть энциклопедіи, которыя излагаютъ нѣсколько вмѣстѣ взятыхъ областей наукъ, напр., есть сочиненія по юридич. и политич. энциклопедіи вмѣстѣ, есть сочиненіе по политической и социальной энциклопедіи вмѣстѣ (только одно). Каждая изъ такихъ частныхъ

или специальныхъ энциклопедій имѣютъ свои видовыя, т.е. частныя названія, обусловленныя именно ея предметомъ и содержаніемъ (напр., теологич., юридич., филологич. и др.). Сперва скажемъ объ обще употребительномъ родовомъ, или нарицательномъ названіи нашей науки, а потомъ, о ея видовыхъ, собственныхъ названіяхъ.

Родовое, или нарицательное названіе нашей науки.

Родовое, или нарицательное названіе нашей науки есть именно энциклопедія. Здѣсь нужно различать три опредѣленія энциклопедіи, какъ науки, а именно: одно изъ нихъ можно назвать вербальнымъ, т.е. опредѣленіе по словопроизводству, по этимологіи, отъ verbum - слово; другое наз. номинальнымъ, отъ nomen - имя, названіе, т.е. по словоупотребленію, или въ какомъ смыслѣ употребляется это названіе энциклопедія и наконецъ, 3е опредѣленіе наз. реальнымъ отъ слова res - вещь, суть, сущность, т.е. по самой сущности, по понятію энциклопедіи, какъ науки, что выражало въ собственномъ, строгомъ смыслѣ такъ назыв. опредѣленіе или дефиницію, которую я привелъ въ самомъ началѣ этого отдѣла. Итакъ,

Вербальное опредѣленіе энциклопедіи вообще.

Слово энциклопедія есть латинизированное греческое слово - enciclopaedia. Оно латинизировано, т.е. въ этомъ греческомъ словѣ Ἐγκυκλοπαιδεία были замѣнены нѣкоторыя буквы, которыя свойственны только греческому языку, буквами свойственными только латинскому языку, а именно греческая буква <u>κ</u> замѣнена латинскою буквою <u>c</u>, двогласная греческая <u>αι</u> замѣнена латинскою двое-

гласною ae и наконецъ, греческая двоегласная
Ei замънено простою латинскою i. Впрочемъ, иногда первый слогъ слова Encíclopaedia отбрасывается и говорятъ просто cíclopaedia, что особенно встрѣчается въ сочиненіяхъ по Энциклопедіи, написанныхъ на Англійскомъ языкѣ. Въ Греческой формѣ Ἐγκυκλοπαιδεία это слово составлено не самыми древними греками, а составлено въ новѣйшее время, но изъ древне греческихъ словъ, именно, изъ предлога ἐν - въ и существительнаго κύκλος - кругъ и παιδεία - первоначальное ученіе, воспитаніе, вообще образованіе дѣтей и юношей, а также и средства къ тому ведущія, т.е. тѣ общеобразовательные предметы, познаніе которыхъ требовалось у древнихъ Грековъ отъ благовоспитанныхъ молодыхъ людей или, по крайней мѣрѣ, предполагалось. Но въ словѣ Ἐγκυκλοπαιδεία - первая половина этого слова, а именно, слово Ἐγκύκλο есть усѣченное прилагательное ἐγκύκλιος, а не есть два отдѣльныя слова ἐν κύκλος, т.е. въ кругѣ; а именно, въ этомъ усѣченномъ прилагательномъ нераздѣльно слито ἐν и κύκλος, что значитъ въ этой нераздѣльности круглый, круговидный, кругообразный (это первоначальное значеніе) а затѣмъ, въ переносномъ смыслѣ значитъ совершающій свое обычное круговращеніе, а слѣд., повторяющійся, и потому обычный, обыкновенный. Вторая половина слова Ἐγκυκλοπαιδεία есть παιδεία, что значитъ общеобразовательные учебные предметы. И такъ, по словопроизводству, этимологически, или, по вербальному значенію слово Ἐγκυκλοπαιδεία, или въ латинизированной формѣ encíclopaedia значитъ совокупность или система обычныхъ общеобразовательныхъ предметовъ. Это и есть вербальное опредѣленіе Энциклопедіи вообще.

2) Номинальное опредѣленіе Энциклопедіи.

Когда уже въ новое время, именно въ концѣ 16 столѣтія, составлено было изъ греческихъ словъ Энциклопедія, латинизированное въ формѣ encyclopaedia, то этимъ названіемъ стали разумѣть вообще всякое краткое обозрѣніе извѣстныхъ наукъ — или всего человѣческаго знанія и ученій, или же одной какой нибудь отдѣльной науки. Въ первомъ случаѣ, когда науки Энциклопедія разсматривала все вообще человѣческое знаніе и ученье, то ее стали называть всеобщею Энциклопедіею, а въ послѣднемъ случаѣ, когда она разсматривала только часть этого объема въ краткомъ обозрѣніи человѣческаго знанія и ученья, тогда обычай опредѣлилъ, что ее стали называть вслѣдствіе этого Энциклопедіею частною, или спеціальною. Это и есть номинальное опредѣленіе Энциклопедіи вообще, какъ науки и нашей науки въ особенности, а именно наша наука, въ этомъ смыслѣ, есть наука представляющая краткое обозрѣніе цѣлой области науки вообще, которая назыв. правовѣдѣніемъ, обществовѣдѣніемъ и государствовѣдѣніемъ.

Наконецъ, въ 3) логическое, самое точное и полное опредѣленіе Энциклопедіи вообще и нашей въ особенности обращаетъ вниманіе собственно на то, что составляетъ существенную сущность науки, что является понятіемъ, заключающимъ въ себѣ всѣ существенные признаки, которыми отличается эта наука отъ однородныхъ съ нею наукъ, такъ что эта наука съ одной стороны опредѣляется по общему ей съ однородными науками, т.е. также съ Энциклопедіями, родовому значенію, какъ представляющему ближайшій родъ (genus proximum), а съ

другой стороны опредѣленія этой науки въ ея специфической видовой разности, которою она отдѣляется, какъ особенная Энциклопедія отъ Энциклопедіи вообще (ultima differentia) ибо строго логическое опредѣленіе всякаго предмета, которое есть вмѣстѣ и строго реальное опредѣленіе всякаго предмета, а слѣдоват. и нашего, непремѣнно требуетъ опредѣленія его ближайшаго рода; т. е. къ какому роду ближе всего предметъ относится, съ одной стороны, для отличія отъ всѣхъ другихъ родовъ, а съ другой стороны для указанія видовой разности, которою данный предметъ отличается отъ однородныхъ съ нимъ предметовъ. Сущность понятія нашей науки, какъ мы видѣли заключается въ томъ, что, мы назвали, въ отличіе ея предмета, общаго ей съ однородными ей науками, содержаніемъ, которое опредѣляется, или опредѣлили мы, какъ условливаемое тѣми существенными требованіями нашей науки, которыя мы выразили словами: всеобщность, всесторонность, всеобъемлемость и всецѣлость разсмотрѣнія права общества и государства, какъ предметовъ, общихъ ей съ прочими однородными ей науками. Видѣли, какъ предметъ, такъ и содержаніе обусловили, также видѣли, и тотъ способъ изложенія нашей науки, который свойственъ и этому предмету и этому содержанію въ особенности и который вслѣдствіе этого есть строго методическій, или методъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Такой методическій способъ, по которому должна быть изложена наша наука, вслѣдствіе ея предмета и особеннаго содержанія, назвали мы генетическимъ, а потому необходимо въ составъ реальнаго опредѣленія нашей науки включить не только опредѣленіе ея предмета и содержа-

нія, но и опредѣленіе ея методы, т.е. способа ея изложенія: Такъ мы въ самомъ дѣлѣ и поступили, сказавъ, что наша наука есть токая юридическая, соціальная и политическая наука, которая разсматриваетъ генетически право въ обществѣ и государствѣ во всеобщности, всеобъемлемости, всесторонности и какъ одно всецѣлое. Послѣ такого полнаго, точнаго, строгаго, логическаго, реальнаго опредѣленія нашей науки выше, какъ энциклопедіи, посмотримъ насколько выражается такое реальное опредѣленіе ея въ названіяхъ, для нея употребительныхъ, въ составъ которыхъ входитъ и названіе ея, общее съ прочими подобными ей науками, т.е. названіе ея энциклопедіею и вмѣстѣ съ тѣмъ названіе ея особенное, видовое, спеціальное собственное, которымъ она отличается отъ всѣхъ прочихъ энциклопедій. Такъ мы переходимъ логически къ видовымъ, или собственнымъ названіямъ нашей науки. Итакъ,

2, Видовыя, или собственныя названія нашей науки.

Видовыхъ, или собственныхъ названій нашей науки довольно много, но всѣ ихъ можно подвести подъ четыре рода или четыре группы названій. Разсмотримъ каждое изъ нихъ, начиная съ названій наименѣе употребительныхъ, т.е. наименѣе совершенно выражающихъ сущность нашей науки, выражаемую въ ея реальномъ опредѣленіи, и восходя постепенно до такихъ названій, которыя возможнымъ образомъ, т.е. насколько это возможно въ названіи, выражаютъ сущность понятія нашей науки, выражаемую въ ея реальномъ опредѣленіи. Итакъ,

Первый родъ, или первая группа наз-

ваній есть слѣдующая: 1, Энциклопедія законовѣдѣнія, 2, Энциклопедія правовѣдѣнія 3, Энциклопедія правъ 4, Энциклопедія права 5, юридическая энциклопедія 6, юридическая энциклопедія. Эти названія составили одну общую группу на томъ основаніи, что есть нѣчто общее всѣмъ этимъ названіямъ, а именно, общій недостатокъ, несовершенство всѣхъ этихъ названій состоитъ въ томъ, что ими выражается, будто-бы только право и есть предметъ нашей науки, между тѣмъ какъ она должна имѣть своимъ предметомъ не только право, но и общество и государство въ ихъ связи, въ единствѣ, т. е. какъ право въ обществѣ и государствѣ. Затѣмъ, каждое изъ этихъ названій имѣетъ свои особенности, представляя опять постепенность отъ самого несовершеннаго изъ этихъ названій, къ самому совершенному изъ этой группы названій. Первое изъ указанныхъ названій наименѣе совершенно, будучи наименѣе точнымъ, потому что оно выражаетъ будто-бы наша наука имѣетъ своимъ предметомъ законовѣдѣніе, вѣдѣніе законовъ, знаніе законовъ, употребляя это выраженіе въ неопредѣленномъ его значеніи, ибо подъ названіемъ законы можно разумѣть и законы въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. постановленія верховной власти государства, выражаемыя обыкновенно письменно, можно разумѣть также и законы въ обширномъ юридическомъ смыслѣ, т. е. всѣ вообще законы, какъ особенныя нормы внѣшней дѣятельности человѣческой жизни. Слѣд. такая неопредѣленность уже указываетъ, что это названіе не точно. Этого названія нужно тѣмъ болѣе избѣгать, что подъ именемъ законы здѣсь можно разумѣть законы въ тѣсномъ юри-

дическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ постановленій верховной власти, потому, что это есть одна только изъ формъ дѣйствующая и преобладающая форма, ибо кромѣ законовъ въ этомъ смыслѣ есть еще и двѣ другія формы, каковы суть такъ назыв. обычное право и такъ назыв. право юриспр. и потому это суть такія формы, которыя иногда являются преобладающими даже предъ самими законами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Наконецъ, это названіе несовершенно въ томъ смыслѣ, что имъ обозначается, будто бы предметомъ нашей науки является только правовѣдѣніе, а не самый его предметъ, не самые законы, употребляя даже это слово въ обширномъ юридическомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ вообще юридическихъ нормъ. Это названіе было прежде оффиціальнымъ у насъ названіемъ, т. е. было употреблено въ нашемъ университетскомъ уставѣ, съ 1835 г., дѣйствовавшемъ до послѣдняго нашего устава 1863 г.. Вслѣдствіе этого явились на русскомъ языкѣ сочиненія по нашей наукѣ подъ этимъ, именно, названіемъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя это 1, сочиненіе бывшаго профессора Кіевскаго университета Неволина, который потомъ перешелъ въ СПбургскій университетъ на каѳедру гражданскаго права и 2, сочиненіе бывшаго нашего профес. Полицейскаго права Рождественскаго. Кромѣ Россіи, это названіе не употреблялось и не употребляется ни оффиціальнымъ, ни частнымъ образомъ, ни въ сочиненіяхъ, ни въ Уставахъ Университета, вслѣдствіе его неопредѣленности и наименьшаго совершенства. Нѣсколько уже болѣе точное названіе - это названіе Энциклопедія правовѣдѣнія. Это названіе точнѣе потому, что

указываетъ именно на то, что предметомъ нашей науки не есть только введеніе за- коновъ въ неопредѣленномъ смыслѣ этого слова, а право что въ самомъ дѣлѣ опре- дѣлено. Но впрочемъ, знаніе права въ смы- слѣ правовѣдѣнія употребляется въ различ- ныхъ значеніяхъ, именно, не только въ смы- слѣ науки права, но и въ смыслѣ совокуп- ности свѣдѣній о правѣ, какъ о совершен- но несвязномъ, не систематическимъ, а связан- номъ только внѣшнею связью, такъ что это представляетъ то, что обыкновенно называется агрегатомъ свѣдѣній. Это вы- раженіе придумано нѣмцами въ отличіе отъ правовѣдѣнія, какъ науки, которая выражается словомъ Recht-Wissenchaft, подъ которого разумѣется право, т.е. система права. Но даже и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ этого слова, все таки такое наз- ваніе Энциклопедія правовѣдѣнія не совершен- но въ томъ отношеніи, что оно указываетъ на ~~ныншнѣ~~ то, что будто наша наука имѣетъ своимъ предметомъ науку пра- ва, т.е. область правовѣдѣнія, но не самый предметъ этой области, не самое право.

3) Слѣдующее названіе, входящее въ составъ этой группы, еще болѣе совершенное, это есть Энциклопедія правъ. Но это назва- ніе несовершенно, будучи не точно, не полно, потому что подъ словомъ права разу- мѣются различныя въ различныхъ госу- дарствахъ дѣйствующія юридическія нор- мы, какъ положит. права (русское, француз- ское и т. под.), слѣдоват. Энциклопедія правъ значитъ науки, излагающая эти различныя въ различныхъ государствахъ по- ложительныя права, такъ что въ этомъ названіи не выражено того, что наша наука разсматриваетъ право съ фило-

софской стороны. Кромѣ того, въ этомъ названiи не выражено того, какiя именно положительныя права разсматриваетъ наша наука, всѣ-ли, или не всѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецкiе юристы, которые между прочимъ называютъ нашу науку Энциклопедiею правъ излагаютъ подъ именемъ правъ преимущественно только свое право и затѣмъ тѣ права, которыя или имѣютъ равную обязательную силу съ Нѣмецкимъ Германскимъ правомъ, или же которыя, по крайней мѣрѣ являются вспомогательными для нѣмецкаго права въ томъ смыслѣ, что если Нѣмецкое право не заключаетъ въ себѣ какихъ нибудь постановленiй, то въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ такому вспомогательному праву. Сюда относится, главнымъ образомъ, Римское и Каноническое право.

Еще болѣе совершенное названiе изъ этой группы названiй есть Энциклопедiя права. Оно болѣе совершенно потому, что въ немъ выражается, что предметъ нашей науки есть право вообще, а не то, или другое положительное право, дѣйствующее въ томъ, или другомъ государствѣ; но и въ этомъ названiи не выражено того, что, кромѣ права, еще предметомъ нашей науки есть общество и государство, ибо право не иначе можетъ быть выражено какъ въ обществѣ и государствѣ. Кромѣ того, предметомъ нашей науки должно быть и правовѣденiе, а такъ какъ право должно быть разсматриваемо въ нашей наукѣ, въ обществѣ и государствѣ, то слѣдов., предметомъ нашей науки должно быть также и обществовѣденiе и государствовѣденiе, чего также не выражено въ этомъ названiи, почему оно также не совершенно. Это названiе есть оффицiаль

ное названіе нашей науки а именно, оно употреблено въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ нашихъ Университетовъ 1863 г.. Въ этомъ уставѣ указанное названіе употреблено не для одной только Энциклопедіи, а и для другой науки, которая отнесена нынѣ дѣйствующимъ уставомъ къ одной и той же каѳедрѣ, потому что обѣ эти науки долженъ преподавать одинъ профессоръ, а именно, Исторія Философіи Права, такъ что подъ именемъ Энциклопедіи права въ нашемъ университетскомъ уставѣ теперь разумѣется и Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ, собственно наша наука и исторія философіи права, которую я читаю на 4-мъ курсѣ. Но эти двѣ науки совершенно отдѣльны между собою. Между прочимъ Энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ д. разсматривать право не съ философской стороны, но вообще, во всеобщности, но не въ частности и подробности, какъ разсматриваетъ исторія философіи права. Конечно, и исторія философіи права входитъ въ этомъ отношеніи въ составъ юридическихъ и политическихъ наукъ, но такимъ же образомъ въ этотъ составъ входятъ и всѣ юридическія и политическія науки, которыя разсматриваютъ право и государство съ извѣстной стороны и въ извѣстномъ отношеніи, между тѣмъ какъ наша наука разсматриваетъ все это генетически вообще, всесторонне, всеобъемлюще, и всецѣло, а не въ частности, не съ одной стороны, не часть объема, и не отдѣльно, какъ разсматриваются они въ прочихъ науках. Слѣдов., общаго названія для всѣхъ юридич. и политич. наукъ вмѣстѣ съ нашею наукою, равно какъ и общаго на

званія нашей науки и исторіи философіи права не можетъ быть. Не смотря на то, у нихъ употреблено общее названіе для этихъ двухъ наукъ, что можно было бы объяснить исторически, если-бы это не повело насъ слишкомъ далеко. Нужно сказать, что это названіе не научно, не имѣетъ значенія и, вслѣдствіе этого, нигдѣ и никогда, за исключеніемъ нашего нынѣ дѣйствующаго устава, эти двѣ науки не были, такимъ образомъ соединены въ одно общее названіе Энциклопедіи права, какъ и вообще ни подъ какое ~~нигдѣ~~ другое названіе.

Иногда нашу науку называютъ нѣмецкіе юристы юристическою Энциклопедіею (juristische encyclopedie) а франц. и итальянскіе юристы называютъ ее, какъ называемъ ее мы, юридическою Энциклопедіею. Оба эти названія употребляются вообще юристами безъ различія, одно за другое, но между ними есть различіе, которое м. быть объяснено не иначе, какъ этимологически. Въ самомъ дѣлѣ слова юридическій и юристическій имѣютъ одинъ и тотъ же корень, а именно, jus, juris — отсюда юридическій и юристическій; но прилагательное юридическій происходитъ отъ этого корня прямо, непосредственно и употреблялось еще у древнихъ Римлянъ, а юристическій происходитъ отъ этого корня посредственно, а именно чрезъ посредство существительнаго средневѣк. латыни, происходящей отъ этого корня, jurista, которое означало юристъ, правовѣдецъ. Вслѣдствіе этого, этимологически выходитъ, что юридическая Энциклопедія значитъ собственно наука, относящаяся къ праву, какъ къ своему предмету, т. е. въ этомъ названіи выражается, что пред

метъ нашей науки есть jus, juris (слѣдовательно, такое названіе нашей науки въ отличіе отъ названія юристич. Энциклопедіи можно назвать названіемъ объективнымъ, т. е. имѣющимъ объективное значеніе. Напротивъ того, названіе юристич. Энциклопедія, какъ происходящее отъ слова jurista, юристъ, выражаетъ, что наша наука есть наука относящаяся до юриста, т. е. что юристъ ее изучаетъ, или лицо, субъектъ, ее изучающій есть юристъ, слѣд. такое названіе, въ отличіе отъ перваго названія, можно назвать субъективнымъ, т. е. имѣющимъ субъективное значеніе. Само собою понятно, что субъективное значеніе есть менѣе совершенно, чѣмъ объективное значеніе, потому что наука должна сама выражать то, что составляетъ ея предметъ. Предметомъ нашей науки есть право, а слѣд. нужно сказать что наша наука есть юридическая Энциклопедія (отъ jus, juris право), что же касается того, кто ее изучаетъ, то это для науки совершенно безразлично: ее может изучать юристъ, математикъ, и вообще кто бы то ни было, потому что есть особенныя формы, виды нашей науки какъ науки общеобразовательной. Такимъ образомъ, названіе юридическая Энциклопедія есть названіе болѣе совершенное, чѣмъ названіе юристическая Энциклопедія и можно сказать, что это есть самое совершенное изъ всѣхъ названій относящихся къ первой группѣ. Въ самомъ дѣлѣ, этимъ названіемъ выражается, что предметъ нашей науки есть право (jus, juris); мало того, что предметъ нашей науки есть также

правовѣдѣніе, юриспруденція, потому что въ юриспруденцію входятъ юридическія науки. Но и это названіе есть самое совершенное только изъ названій первой группы, но, сравнительно съ названіями слѣдующей группы, оно является менѣе совершеннымъ, и потому мы не можемъ на немъ остановиться.

Второй родъ или вторая группа названій для нашей науки также въ постепенности ихъ совершенства - это во 1ыхъ энциклопедія государственныхъ и политическихъ наукъ, во 2, энциклопедія государствовѣдѣнія и въ 3, политическая энциклопедія. Въ этой группѣ помѣщено три разныхъ названія, потому что они имѣютъ одинъ общій недостатокъ, состоящій въ томъ, что будто-бы наша наука имѣетъ ~~своимъ~~ своимъ предметомъ только государство, а никакъ не право, не общество. Конечно, въ государствѣ есть право, но это должно быть выражено въ единствѣ, ихъ связь должна быть выражена въ самомъ названіи, между тѣмъ какъ изъ названія можно заключить, что предметъ нашей науки есть только государство. Что же касается въ частности, первое изъ этихъ названій энциклопедія политическихъ или государственныхъ наукъ, то оно несовершенно потому, что имъ выражается будто-бы наша наука имѣетъ ~~своимъ~~ своимъ предметомъ различныя государственныя и политическія науки, въ отдѣльности, не составляющія единства, между тѣмъ какъ наша наука должна именно разсматривать свой предметъ, какъ единое цѣлое. Кромѣ того, въ этомъ названіи не выражается того, что наша наука разсматриваетъ не

только государственныя науки, но и предметъ государственныхъ наукъ, а именно, государство. Второе изъ названiй разсматриваемой группы, а именно, энциклопедiя государствовѣденiе, является уже болѣе совершеннымъ, потому что имъ уже выражается, что предметомъ нашей науки являются государственныя науки, но не въ отдѣльности, а въ ихъ связи (цѣлая область государственныхъ наукъ), но и это названiе не выражаетъ, что наша наука разсматриваетъ государство, какъ предметъ этихъ наукъ. Самое же точное и совершенное изъ этихъ трехъ названiй, принадлежащихъ къ этой группѣ, есть третье названiе, а именно политическая энциклопедiя, или государственная энциклопедiя, ибо въ немъ выражается, что наша наука разсматриваетъ не только государство (πολις), но и государствовѣденiе, ибо и государствовѣденiе есть нѣчто политическое. Но наша наука имѣетъ своимъ предметомъ не только государство, но и право, и вмѣстѣ съ тѣмъ, общество. Такъ мы логически приходимъ къ третьей группѣ названiй.

Къ третьей группѣ названiй относятся слѣдующiя названiя: энциклопедiя юридич. и политическихъ наукъ и 2, юридическая и политическая энциклопедiя. Общiй недостатокъ этихъ названiй заключается въ томъ, что въ нихъ выражается хотя полнѣе и вѣрнѣе, что будто-бы наша наука имѣетъ своимъ предметомъ только право и государство, а общество не имѣетъ,

между тѣмъ какъ мы знаемъ, что наша наука должна разсматривать право общество и государство. Что же касается особенныхъ недостатковъ каждаго изъ этихъ названій, то первое изъ нихъ, а именно, энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ есть названіе менѣе совершенное, чѣмъ названіе юридическая и политическая энциклопедія, потому что, употребляя первое изъ этихъ названій мы должны думать, что наша наука разсматриваетъ юридическія и политическія науки въ ихъ отдѣльности, а не во всей цѣлости, и теперь уже о томъ, что въ этомъ названіи не упоминается о томъ, что въ составъ нашей науки входитъ и общество. Но несмотря на это, это названіе есть оффиціальное названіе, употребленное въ нынѣ дѣйствующемъ Университетскомъ уставѣ 1863 г. Второе изъ названій этой группы, а именно, юридическая и политическая энциклопедія, есть уже болѣе совершенное названіе, ибо въ немъ выражается, что право и правовѣдѣніе, и государство, и государствовѣдѣніе суть предметы нашей науки, только не въ цѣлости, а въ отдѣльности. Особый недостатокъ въ этомъ назв. заключается въ томъ, что въ немъ не указано и общество и обществовѣдѣнія, что также есть предметъ нашей науки.

Наконецъ, четвертая и послѣдняя группа опредѣленій, или названій для нашей науки есть слѣдующая: 1, Энциклопедія юридическихъ и соціальныхъ наукъ и 2, соціальная и политич. Энциклопе-

дія. Общій недостатокъ этихъ названій заключается въ томъ, что въ первомъ изъ нихъ выражается, будто-бы предметомъ нашей науки должно быть только право и общество, а не государство. Что же касается до недостатковъ каждаго изъ этихъ названій въ отдѣльности, то первое изъ этихъ названій менѣе точно, чѣмъ послѣднее, а именно: названіемъ энциклопедія юридическихъ и соціальныхъ наукъ выражается будто-бы наша наука должна имѣть своимъ предметомъ только юридич. и соціальныя науки, а не самое право и общество. Другое названіе, а именно, названіе соціальная и политическая энциклопедія точнѣе перваго, потому что имъ выражается, что предметъ нашей науки есть и общество и государство въ ихъ связи между собою и самыя науки объ обществѣ и государствѣ, т. е. соціальныя и политическія науки, также въ связи, какъ одно цѣлое.

Мы указали всѣ видовыя названія для нашей науки. Всѣ онѣ не совершенны, несовершенны на столько, на сколько вообще можетъ быть совершенно названіе предмета, которое вообще никогда не можетъ выражать сущности понятія предмета, какъ можетъ выразить его строго логическое, реальное опредѣленіе, которое можетъ указать всѣ существенные признаки, необходимые для опредѣленія понятія. Но во всякомъ случаѣ названіе предмета можетъ, по крайней мѣрѣ, содержать въ себѣ намеки на существенные признаки, входящіе въ составъ даннаго предмета. Вотъ почему мы должны критически отнестись къ указаннымъ нами названіямъ. Истинная критика состоитъ не только

въ томъ, чтобы указать въ чемъ состоитъ невѣрность, негодность, неполнота и т. под. но и въ томъ, чтобы указать въ чемъ состоитъ правильность, вѣрность, истинность, годность, полезность. Слѣд. разсматривая не существенные признаки въ указанныхъ названіяхъ, мы можемъ, однако, воспользоваться существенными ихъ признаками и, восполнивъ, такимъ образомъ, одно названіе другимъ, мы можем составить названіе по возможности, вѣрное и точное, соотвѣтствующее предмету и содержанію нашей наукѣ. Въ этомъ случаѣ мы поступаемъ отчасти такъ, какъ поступили тогда, когда, подвергнувъ критикѣ несущественныя требованія отъ нашей науки, мы сказали, что исполнивъ существ. требованія отъ нашей науки, мы тѣмъ самымъ исполнимъ и не существенныя требованія. Такъ точно и здѣсь, критически указавши недостатки указанныхъ названій, мы воспользуемся тѣмъ, что въ нихъ совершенно. Первое изъ названій послѣдней группы есть юридич. политическая Энциклопедія (недостатокъ его состоитъ въ томъ, что въ немъ не сказано, что наша наука имѣетъ предметомъ своимъ общество и общественныя науки), а второе названіе есть соціальная и политич. Энциклопедія (недостатокъ его заключается въ томъ, что въ немъ не указано, что предметомъ нашей науки есть, между прочимъ, право, и юридическія науки); слѣд. если мы къ первому названію прибавимъ слово „соціальная" или ко второму слову „юридическая", то выйдетъ названіе нашей науки совершенное настолько,

на сколько вообще может быть совершенно название, так что другого более совершеннаго названия мы выдумать не можем. Это название „юридич., социальная и политич. энциклопедія" указываетъ, что предметъ нашей науки есть право, общество и государство въ ихъ связи, какъ одно цѣлое, потому что здѣсь слова юридич. соціальн. и политическая соединены между собою неразрывно. Если въ этомъ названіи выражается, что предметомъ нашей науки являются юридич. соціальныя и политическія науки, какъ одно цѣлое, то имъ не выражается, что предметомъ нашей науки является также правовѣденіе, обществовѣденіе и государствовѣденіе въ ихъ единствѣ и притомъ въ связи съ ихъ предметомъ, т. е. съ правомъ, обществомъ и государствомъ. Связь и даже единство между этими предметами необходимо, потому что въ противномъ случаѣ наша наука не была-бы наукою, а суммою нѣсколькихъ предметовъ, вмѣстѣ соединенныхъ, какъ это иногда и дѣлается въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ, въ которыхъ напр. подъ заглавіемъ юридическ. и политическая энциклопедія излагаются безъ всякой связи, отдѣльно юридическая и отдѣльно политическая энциклопедія, что не соотвѣтствуетъ сущности науки. Итакъ, въ указанномъ названіи выражается, что предметомъ нашей науки является право, общество и государство, а вмѣстѣ съ нимъ и правовѣденіе и обществовѣденіе и государствовѣденіе, какъ имѣющія своимъ предметомъ право, общество и государство, разсматриваемыя всесторонне

и всецѣло. Но, однако, въ этомъ названіи какъ будто не выражено того, что наша наука разсматриваетъ свой предметъ вообще, а не въ частности, хотя и на это есть намекъ въ самомъ названіи, а именно, если предметъ разсматривается, какъ единое цѣлое, то, понятно, что въ немъ не разсматриваются частности и особенности, а разсматривается только общее въ немъ.

Такимъ образ. мы пришли въ окончательномъ результатѣ къ такому названію нашей науки, которое наиболѣе совершеннымъ, вѣрнымъ и точнымъ образомъ выражаетъ то, что составляетъ ея сущность, ея содержаніе. Но и это названіе довольно общирное и при томъ въ немъ, все таки, какъ будто недостаточно выражено, что наша наука разсматриваетъ свой предметъ, какъ единое цѣлое, потому что въ этомъ названіи слова юридич. соціальная и политич. соединены между собою союзомъ и, спрашивается, нельзя-ли дать нашей наукѣ такого названія, которое-бы будучи короткимъ, въ то же время выражало, что предметъ нашей науки разсматривается, какъ единое цѣлое? Для этого есть два способа. Первый способъ состоитъ въ томъ, чтобы назвать нашу науку просто „юридич. Энциклопедіею". Это названіе выражаетъ, что наша наука имѣетъ своимъ предметомъ право, которое какъ извѣстно, осуществляется и развивается въ обществѣ, въ государствѣ, такъ что выраженіе юридическ. Энциклопедія само собою предполагаетъ выраженія соціальн. и политическая Энциклопедія. Но этотъ способъ несовершененъ въ томъ смыслѣ, что

имъ выражается, будто преобладающимъ предметомъ нашей науки является право, такъ что она назначается преимущественно для юристовъ. Несовершенство это въ практич. отношеніи имѣетъ особенно важное значеніе у насъ, гдѣ юридическій факультетъ подраздѣленъ на юридическ. и административный (политич. и соціальный), такъ что названіе юридич. Энциклопедія даетъ возможность предполагать, что она назначается только для юридич. отдѣленія, тогда какъ для административнаго отдѣленія должна читаться другая Энциклопедія, подъ названіемъ соціальная и политич. Энциклопедія. Конечно, можно было-бы нашу науку преподавать въ трехъ видахъ, а именно, 1, какъ юридич. Энциклопедію, обращая преимущественно вниманіе на право 2, какъ соціальную Энциклопедію, обращая преимущественно вниманіе на общество, съ преобладаніемъ той науки, которая обыкновенно назыв. политическою экономіею и наконецъ 3, какъ политич. Энциклопедію, обращая преимущественно вниманіе на государство. Это было бы возможно въ томъ случаѣ, если-бы вмѣсто одного юридическаго факультета, на которомъ читаются всѣ эти предметы, было-бы три факультета, а именно, юридическій, соціальный и политическій. Такъ какъ соціальн. науки едва только начинаютъ образовываться и конечно, далеко еще не развились, то соціальный факультетъ еще невозможенъ. Но есть, однако, такія сочиненія въ которыхъ излагается или одна юридическая или одна политич. Энциклопедія.

причемъ въ юридической обращается особенное вниманіе на право и только въ видѣ разъясненія указывается, что право развивается въ обществѣ, а въ политич. обращается особенное вниманіе на государство и общество, причемъ право разсматривается, какъ одна изъ сторонъ обществ. и государственной жизни, а общество, какъ одинъ изъ элементовъ государства, а именно, какъ личный элементъ въ числѣ другихъ элементовъ, а именно вещественнаго элемента и того элемента, который назыв. государств. властью. Но все таки такимъ образ. понимать нашу науку нельзя, потому что преобладаніе какого нибудь предмета уничтожаетъ единство науки, что противно ея сущности. Такимъ образ. названіе нашей науки юридич. энциклопедіею невѣрно, если наша наука разсматриваетъ право, общество и государство, какъ единое цѣлое, или если она разсматриваетъ, какъ мы говоримъ право въ обществѣ и государствѣ. Другое употребительнѣйшее короткое названіе для нашей науки есть соціальная энциклопедія, гдѣ слово соціальный употребляется не въ томъ тѣсномъ смыслѣ, въ какомъ его употребляютъ въ названіи „соціальныя науки", въ отличіе отъ юридическихъ и политич. наукъ, а въ обширномъ смыслѣ, а именно, въ томъ, что наша наука имѣетъ своимъ предметомъ всю обществ. человѣческую жизнь, въ отличіе отъ той жизни, которая является также человѣческою, но индивидуальною. Науки, которыя разсматриваютъ человѣч. индивидуальную жизнь назыв. біологическими науками. Біологическія науки разсматриваютъ не только

человѣческую жизнь, но и вообще и жизнь инди-
видуальныхъ живыхъ существъ, вообще живот-
ныхъ, такъ что біологія имѣетъ обширнѣй-
шія значенія и одна, по крайней мѣрѣ, изъ
главныхъ ея частей есть та, которая за-
вершаетъ всю біологію, а именно, та, ко-
торая разсматриваетъ индивидуальную
жизнь человѣка, какъ вѣнца природы въ
числѣ другихъ твореній. Что касается
до соціальной Энциклопедіи, то она имѣетъ
своимъ предметомъ обществ. жизнь въ са-
момъ обширномъ смыслѣ, а именно, начи-
ная отъ самыхъ простыхъ обществен. сою-
зовъ, супружескихъ семейныхъ союзовъ, и
кончая самыми высшими людскими союзами
а именно, государств. и международными сою-
зами. Въ этомъ см. совокупность, един-
ство всѣхъ наукъ, разсматривающихъ
такое общество, назыв. обыкновенно со-
ціологіею. Впрочемъ это названіе въ новое
время оставлено вслѣдствіе того, что оно
составлено изъ двухъ словъ, взятыхъ изъ
различныхъ языковъ (socius или societas и
λόγος), между тѣмъ, какъ для составленія
названія обыкновенно берутся слова изъ
одного языка (напр. географія, Энциклопе-
дія и т. п.). Хотя въ этомъ названіи бы-
ло только что то странное и не было
ничего противологическаго, но все таки
названіе „соціологія" замѣнили названіемъ
„соціальныя науки". Такимъ образ., если назвать
нашу науку соціальн. Энциклопедіею, то въ томъ
только смыслѣ, что она разсматриваетъ
соціальныя науки вмѣстѣ съ юридич. и го-
сударств. науками, входящими въ составъ со-
ціальныхъ наукъ и представляющими съ ни-
ми одно цѣлое. Это названіе уже указываетъ,
что наша наука представляетъ единство,
и хотя она и распадается на части и от-

дѣлы, но они соединены между собою внутреннею, а не внѣшнею связью.

Такимъ образ. мы окончили опредѣленія и названія нашей науки, кончили 3й отдѣлъ введенія въ нашу науку. Въ непосредственной, т.е. прямой связи съ предметомъ и содержаніемъ нашей науки, со способами ея изложенія и съ обусловливаемыми ими ея опредѣленіями и названіями, а слѣд. съ тѣмъ, что разсматривалось во всѣхъ 3хъ предыдущихъ отдѣлахъ, находится раздѣленіе нашей науки на части, что потому, должно быть разсматриваемо въ слѣд. 4омъ отдѣлѣ. Такая непосредственная связь этихъ отдѣловъ объясняется тѣмъ, что предметомъ и содержаніемъ нашей науки (что разсматривалось нами въ 1омъ отдѣлѣ введенія), съ соотвѣтствующею имъ формою, которая придается имъ способами изложенія нашей науки (что разсматривалось во 2мъ отдѣлѣ), выражающимися въ опредѣленіяхъ и названіяхъ нашей науки (что разсматривалось въ 3мъ отдѣлѣ), обусловливается то, что назыв. въ логикѣ объемомъ понятія а здѣсь объемомъ науки, или ея составомъ (а этотъ объемъ, и составъ и раскрывается ни въ чемъ иномъ, какъ въ составныхъ ея частяхъ, и слѣд. въ раздѣленіи науки на ея части. Поэтому непосредственно за третьимъ отдѣломъ введенія въ нашу науку долженъ слѣдовать четвертый отдѣлъ о раздѣленіи нашей науки на части. Итакъ,

Четвертый отдѣлъ

Раздѣленіе нашей науки на части.

Изъ частей, на которыя раздѣляется науки вообще, одни части суть главныя

(и ихъ называютъ собственно частями науки), а другія части суть подраздѣленіе уже этихъ главныхъ частей, которыя носятъ различныя названія. Мы называемъ 1-я изъ этихъ частей, на которыя дѣлится каждая наука, отдѣлами, а подраздѣленія отдѣловъ назовемъ главами. Главы также могутъ дѣлиться, но мы во введеніи въ нашу науку остановимся только на раздѣленіи ея на отдѣлы, т.е. на главныя ея части или собственно такъ называемыя части и на подраздѣленіи этихъ частей на главы, и о раздѣленіи главъ мы будемъ говорить уже при изложеніи каждаго отдѣла въ особенности, потому что иначе пришлось-бы здѣсь во введеніи продолжать наше дѣленіе дальше т.е. каждую главу подраздѣлить на ея части, а затѣмъ каждыя эти части подраздѣлить также на ихъ части и т.д. пока, наконецъ не будетъ исчерпано все содержаніе науки, что уже не относится до введенія въ науку, а принадлежитъ уже къ самому изложенію содержанія науки, тогда какъ во введеніи въ науку нужно сказать только о наукѣ вообще, а не излагать ея содержанія. Итакъ, подъ словами „раздѣленіе нашей науки на части" мы разумѣемъ только раздѣленіе ея на главныя части или на собственно такъ наз. части и затѣмъ подраздѣленіе каждой такой части на главы, но не далѣе. Что раздѣленіе науки на такія части есть существенная составная часть введенія въ науку, это видно изъ того, что оно вытекаетъ изъ сущности науки. Сущность этой науки состоитъ, как мы видѣли въ ея предметѣ и содержаніи и въ

формъ, придаваемой ея способами изложенія, что все выражается въ ея опредѣленіяхъ и названіяхъ. Въ различныхъ сочиненіяхъ, излагающихъ нашу науку, она дѣлится вообще на главныя части, которыя затѣмъ подраздѣляются на свои части столь многоразличнымъ образомъ, что, можно сказать, что столько же есть различныхъ дѣленій и подраздѣленій нашей науки, сколько есть различныхъ сочиненій, излагающихъ нашу науку. Однако же есть, или, по крайней мѣрѣ должны быть общія основанія дѣленія ~~и подраздѣленія~~ нашей науки. ~~въ томъ, что~~ Для всякаго излагателя нашей науки основаніемъ его дѣленія своего и подраздѣленія всегда служитъ какъ представленіе ~~излагателя~~ о предметѣ и содержаніи нашей науки, такъ и употребляемые имъ способы изложенія, равно какъ и опредѣленія и названія науки, обусловливаемыя тѣмъ и другимъ, такъ что раздѣленіе нашей науки необходимо зависитъ отъ самого взгляда излагателя. Такъ и мы, на основаніи того, какъ мы опредѣлили предметъ содержанія нашей науки и форму, придаваемую ея способамъ изложенія, выражающіеся (предметъ и содержаніе) въ ея опредѣленіяхъ и названіяхъ, раздѣляемъ нашу науку на четыре главныя части, или собственно такъ назыв. части, а именно: часть первая — право, часть вторая — общество, часть третья — государство и часть четвертая — право въ обществѣ и государствѣ. Спрашивается, почему-же она должна быть раздѣлена на такія, именно, части и притомъ не болѣе не менѣе, какъ на эти части? Рѣшить этотъ вопросъ значитъ оправдать

такое раздѣленіе научнымъ образомъ; доказать, почему мы озаглавили такъ, а не иначе, эти главныя части и почему въ такомъ именно порядкѣ должны быть изложены эти части. Рѣшеніемъ этого вопроса мы и должны здѣсь заняться прежде всего, разсматривая раздѣленіе нашей науки на части.

Мы видѣли, что предметъ нашей науки есть право въ обществѣ и ~~въ~~ государствѣ. Но право, общество и государство суть понятія различныя между собою, иначе они не были-бы обозначаемы различными названіями, для нихъ употребляемыми. Какъ таковыя, они д. быть разсматриваемы не только въ связи ихъ между собою, но и въ отдѣльности, т.е. должно быть разсматриваемо не только право въ обществѣ и въ государствѣ въ ихъ связи, но и въ отдѣльности право, въ отдѣльности общество и въ отдѣльности государство. Вотъ почему необходимо раздѣлять нашу науку именно на четыре части, изъ которыхъ первая часть разсматриваетъ право въ отдѣльности, вторая часть — общество въ отдѣльности, 3-я часть — государство въ отдѣльности и, наконецъ 4-ая — въ связи эти различныя понятія между собою, на томъ основаніи, что они составляютъ одно цѣлое, ибо наша наука не имѣла-бы единства, необходимаго для всякой науки, слѣдоват., не была-бы наукою въ истинномъ смыслѣ слова, если-бы она не разсматривала ихъ въ единствѣ, въ связи, какъ одно цѣлое, что и выражается словами: право въ обществѣ и государствѣ. Вотъ почему не болѣе, не менѣе не можетъ быть главныхъ

частей нашей науки, - не болѣе потому, что нигдѣ болѣе этихъ предметовъ, разсматриваемыхъ въ нашей наукѣ, не менѣе потому, что эти, именно, предметы она разсматриваетъ всѣ безъ исключенія. Но почему же спрашивается она должна разсматривать въ этомъ именно, порядкѣ эти предметы, а не въ другомъ какомъ нибудь, или другими словами, почему разсмотрѣніе права есть предметъ первой части, а не второй и не третьей и не четвертой, разсмотрѣніе общества есть предметъ 2-ой части, а не 1-ой, 3-ей или 4-ой, разсмотрѣніе государства есть предметъ 3-ей части, а не 1-ой, 2-ой или четвертой и наконецъ разсмотрѣніе права въ обществѣ и государствѣ есть предметъ послѣдней части, а не первой, второй или третьей. Что разсмотрѣніе права въ обществѣ и государствѣ есть предметъ четвертой и послѣдней части, это понятно само собою, а потому мы и начнемъ съ этого свои доказательства. Не прежде, конечно, какъ по разсмотрѣніи каждаго предмета, входящаго въ составъ нашей науки въ отдѣльности, можно разсматривать предметъ послѣдней части т.е. право въ обществѣ и государствѣ, потому что иначе не могла-бы быть понятна связь между правомъ, обществомъ и государствомъ, которая и выражается именно, словами право въ обществѣ и государствѣ. Итакъ, послѣ того, когда будетъ разсмотрѣно право, общество и государство, м. быть разсматриваемо право въ обществѣ и го-

сударства. Теперь слѣдуетъ только доказать почему сперва д. быть разсматриваемо право, потомъ общество, а потомъ государство? Это потому, что эти понятія представляются въ такомъ, именно, порядкѣ въ генетич. ихъ развитіи, а именно право ни въ чемъ иномъ не выражается, не осуществляется, какъ, именно, въ обществѣ. Слѣд., сперва нужно сказать о томъ, что развивается, что осуществляется, т. е. о правѣ, а потомъ нужно сказать о томъ, въ чемъ оно осуществляется, въ чемъ развивается, т. е. объ обществѣ. Спрашивается, какже, оно осуществляется, развивается въ обществѣ? Оно развивается тамъ, какъ особенный элементъ, или особенная сторона общественной жизни человѣчества, общества, которая потому и называется правовою, или юридич. стороною. Общество, какъ мы увидимъ, имѣетъ разные элементы, какъ его существенныя составныя части, или стороны и одна изъ этихъ сторонъ, или элементовъ есть между прочимъ право, какъ юридическая сторона, юридическій элементъ (др. стороны обществ. жизни суть религіозная, научная, литературная и т. п.). Слѣд., право должно быть разсматриваемо прежде общества, ибо разсматривая общество мы разсматриваемъ обществен. жизнь во всѣхъ ея элементахъ, со всѣхъ сторонъ, между ними, какъ право есть только одна изъ сторонъ обществ. жизни. По этой причинѣ право должно быть разсматриваемо прежде общества. Далѣе, обществ. жизнь генетически развивается также постепенно, начиная отъ того

общественнаго, какъ людскаго постоянна-
го и самопроизвольнаго союза, который есть
самый простой союзъ между людьми, а
именно, начиная съ супружескаго союза,
союза мужа и жены. Этотъ союзъ есть
самый простой, потому что требуетъ
не болѣе двухъ человѣкъ для своего состава;
онъ простой также и потому, что эле-
менты его суть самые простѣйшіе, а
именно прямо единичные люди и наконецъ
онъ простой потому, что изъ него раз-
виваются проч. союзы также происходя-
щіе изъ природы человѣка, какъ и супру-
жескій союзъ, но всего болѣе и болѣе услож-
няющіеся, представляющіе собою всѣ выс-
шія и высшія ступени человѣческаго об-
щежитія, человѣч. обществен. жизни. Такъ,
первый союзъ, непосредственно слѣдующій
за супружескимъ и непосредственно изъ
него вытекающій есть союзъ родителей
и дѣтей, ибо дѣти суть естественное
послѣдствіе супружескаго союза, слѣд. есть
нѣчто ближайшее, что вытекаетъ изъ
супружеск. союза. Затѣмъ, дѣти въ от-
ношеніи къ родителямъ и между собою яв-
ляются состоящими между собою въ род-
ствѣ, родными. Такъ, проистекаетъ
и развивается союзъ родственниковъ, род-
ныхъ между собою. Всѣ эти союзы вмѣ-
стѣ составляютъ то, что называ. домаш-
нимъ, или семейнымъ союзомъ. Затѣмъ,
отсюда развивается родовой союзъ, сое-
диненіе нѣсколькихъ семействъ между
собою и т. д. до того общественнаго союза,
который является уже непосредственно
предшествующимъ государству. Это есть

общественный въ собственномъ или тѣсномъ смыслѣ союзъ, употребляя это слово какъ особенный условный научный терминъ. Этимъ союзомъ заключается все этическое развитіе обществ. жизни съ одной стороны и имъ же начинается съ другой стороны развитіе политической жизни, такъ что общество въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова есть также постоянный и самоцѣльный людской общественный союзъ, но входящій въ составъ государства въ видѣ личнаго его элемента т. е. въ видѣ той составной части, которая состоитъ изъ лицъ, какъ правомѣрныхъ субъектовъ, людей, членовъ государства и въ этомъ смыслѣ это есть личная составная часть общества, государства, ибо общество и въ этомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ единство этихъ людей входящихъ въ составъ государства въ смыслѣ его гражданъ, его членовъ. Но въ государство входятъ еще и другіе элементы, а именно, прежде всего элементъ вещественный, который состоитъ изъ совокупности единой всецѣлости вещей, принадлежащихъ государству. Эта единая всецѣлость вещей (оттого этотъ элементъ и назыв. вещественнымъ) есть ничто иное, какъ опредѣленная часть поверхности земнаго шара, которая принадлежитъ государству, на которой живетъ этотъ личный элементъ, граждане государства, — принадлежитъ государству совсѣми въ нѣдрахъ и на поверхности ея заключающимися веществами, слѣд. совсѣмъ тѣмъ, что относится къ царству ископаемому, а съ другой стороны совсѣми находящимися

наряду съ растеніями и животными, слу-
жащими государству средствомъ для его
цѣли, для осуществленія того, въ чемъ со-
стоитъ задача назначенія самого госу-
дарства и его членовъ, гражданъ. Слѣд.,
общество въ тѣсномъ смыслѣ, какъ лич-
ный элементъ государства, есть толь-
ко одинъ изъ элементовъ государства;
потому что есть еще и другіе элементы,
а именно элементъ вещественный и
наконецъ третій элементъ — государ-
ственная власть, связующая оба пред-
шествующіе элемента. Потому раз-
сматриванію государства должно пред-
шествовать разсматриваніе общества,
какъ одного изъ элементовъ государства,
подобно тому какъ разсматриванію
общества должно предшествовать
разсматриваніе права, какъ одной
изъ сторонъ обществ. жизни. Съ другой
стороны, государство есть конечная
ступень развитія самого общества,
т. е. государство является также одною
изъ формъ обществен. жизни, какъ жиз-
ни государственной, политической, но
самой высшей жизни, за которой уже
нѣтъ другой высшей жизни, ибо, такъ
наз. международныя общенія возникаютъ
не между чѣмъ инымъ, какъ между го-
сударствами, такъ что ихъ можно
называть иначе междугосударственными
учрежденіями и относить вмѣстѣ съ
государствомъ къ учрежденіямъ поли-
тическимъ, въ отличіе отъ прочихъ
общеній, каково природное физическое
общеніе, супружескій союзъ, изъ него выте-
кающія семья, родъ и племя, и како-

вн. гражданскія общенія, т. е. вытекающія изъ гражданской жизни, гражданственности, соединенія единичныхъ людей между собою, обусловливаемаго ихъ интересами, именно, ихъ общинными интересами, каковы ассоціаціи, корпораціи и общины, входящія въ составъ всякаго общества въ тѣсномъ смыслѣ, которое въ свою очередь является личнымъ элементомъ государства. Потому государство должно быть разсматриваемо послѣ общества, или его разсмотрѣніемъ должно б. заключено разсмотрѣніе права и общества, ибо государство есть высшая ступень общественной жизни, которая и служитъ основою, базисомъ всѣхъ этихъ трехъ различныхъ предметовъ, какъ различныхъ понятій (права, общества и государства), которыми занимается наша наука, — различныхъ, но тѣмъ не менѣе состоящихъ между собою въ наиближайшей связи именно, вслѣдствіе того, что право, развиваясь въ обществѣ, входитъ въ его составъ, а общество, развиваясь до государства, входитъ въ его составъ, какъ личный элементъ.

Такимъ образомъ мы оправдали самый порядокъ этихъ частей, доказавъ, что онъ не есть произвольно нами вымышленный, ибо онъ обусловливается предметомъ и содержаніемъ самой нашей науки, — содержаніемъ въ томъ смыслѣ, что оно обусловливается соотвѣтствующею ему методою, какова есть генетическая метода, ибо такія главныя части, на которыя дѣлится наша наука, суть строго говоря, не части въ смыслѣ частей, на которыя м. быть разрѣзанъ мертвый трупъ и даже не суть члены, выдѣленные живаго какого нибудь организма, а суть ступени генетическаго развитія, общественной жизни, которыя вхо-

дятъ въ составъ права, общества и государ-
ства, вслѣдствіе чего наша наука м. быть
выражена, какъ я сказалъ уже, наукою со-
ціальною, въ смыслѣ соціальной энциклопедіи.
Наконецъ, остается намъ объяснить загла-
віе этихъ четырехъ частей. Мы такъ ихъ
назвали потому, что предметъ нашей
науки есть въ самомъ дѣлѣ право въ об-
ществѣ и государствѣ. А слѣдоват., ихъ
нужно разсматривать также въ связи, а
не какъ отдѣльныя, различныя понятія. Поэ-
тому, первую часть мы озаглавимъ такъ:
право, вторую озаглавимъ словами обще-
ство, третью государство и наконецъ, чет-
вертую, мы назвали правомъ въ обществѣ
и государствѣ. Но наша наука, если она
будетъ разсматриваема со стороны ея
предмета, то какъ мы увидимъ, ~~она~~ не
будетъ отличаться отъ другихъ юридич.
и соціальныхъ наукъ, если она не будетъ раз-
сматривать свой предметъ вообще, всесто-
ронне, всеобъемлюще и всецѣло. Слѣдоват.,
наша наука должна разсматривать свой
предметъ вообще, всесторонне, всеобъемлю-
ще и всецѣло, дабы такимъ образомъ от-
личиться своимъ содержаніемъ отъ содер-
жанія одноприедметныхъ съ нею наукъ.
Такимъ образомъ, если-бы мы хотѣли впол-
нѣ озаглавить эти 4 главныя части, на
которыя дѣлится наша наука, то мы
должны были-бы прибавлять къ каждо-
му опредѣленному заглавію еще и то,
чѣмъ опредѣляется особенное содержаніе
нашей науки и сказать, напр. часть 1ая:
О правѣ вообще, со всѣхъ сторонъ, во всемъ
объемѣ и какъ одно всецѣлое; часть 2ая:
объ обществѣ вообще, во всемъ объемѣ, со

всѣхъ сторонъ и какъ одно всецѣлое; часть 3я о государствѣ вообще и часть 4я: о правѣ въ обществѣ и государствѣ вообще и проч. но, для избѣжанія излишнихъ повтореній мы отбрасываемъ эти длинныя обозначенія, довольствуясь тѣмъ, что подразумѣваемъ ихъ и просто говоримъ часть 1ая о правѣ, часть 2ая объ обществѣ и т. д.. Такимъ образ. мы дѣлимъ нашу науку на 4 главныя части. Каждая изъ этихъ въ свою очередь подраздѣляется на отдѣлы, а именно ни болѣе ни менѣе какъ на 3 отдѣла и притомъ такъ, что каждые отдѣлы каждой части находятся между собою въ параллелизмѣ, въ соотвѣтствіи, а именно, то, что 1й отдѣлъ 1ой части находится въ соотвѣтствіи съ первыми отдѣлами послѣднихъ 3хъ частей, а второй отдѣлъ 1ой части находится въ соотвѣтствіи со вторыми отдѣлами послѣднихъ 3хъ частей и т. д.. Это соотвѣтствіе обусловливается и оправдывается тѣмъ, что есть нѣчто общее между первыми, вторыми, третьими и четвертыми отдѣлами каждой части. Это общее обусловливается тѣмъ, что этими частями проводится, такъ сказать въ исполненіе, въ осуществленіе тотъ самый способъ изложенія нашей науки, который мы признали наиболѣе соотвѣтствующимъ ея предмету и въ особенности содержанію, а именно, генетическій способъ или развивающій. Этимъ способомъ выражается сознанный человѣчествомъ генезисъ такого предмета и содержанія нашей науки; генезисъ же какой-бы то ни было науки непремѣнно начинается

съ его отправной точки, затѣмъ продолжается какъ его постепенное поступательное, прогрессивное развитіе и, наконецъ, заканчивается его исходною точкою или исходомъ. Такимъ образомъ во всякомъ генезисѣ непремѣнно 3 момента. Точно такимъ же образомъ происходитъ въ сознаніи человѣчества генезисъ предмета и содержанія нашей науки, а именно, онъ начинается съ ихъ отправной точки, продолжается въ постепенномъ поступательномъ развитіи и, наконецъ, оканчивается ихъ исходною точкою, или исходомъ. Вотъ почему каждая часть нашей науки должна быть подраздѣлена на три отдѣла ни болѣе и ни менѣе. Изъ нихъ въ 1-мъ отдѣлѣ, должно сказать объ отправной точкѣ предмета и содержанія каждой части, а именно, о томъ, что назыв. принципомъ или принципами, которыхъ результаты суть опредѣленія, дефиниціи, понятія сущности предмета и содержаніе каждой части. Слѣдов., въ 1-мъ отдѣлѣ 1-ой части нужно сказать о принципахъ и опредѣленіяхъ права, въ 1-мъ отдѣлѣ 2-ой части о принципахъ и опредѣленіяхъ общества, въ 1-мъ отдѣлѣ 3-ей части о принципахъ и опредѣленіяхъ государства, а въ 1-мъ отдѣлѣ 4-ой части о принципахъ и опредѣленіяхъ права, общества и государства въ ихъ связи. Затѣмъ, во 2-мъ отдѣлѣ каждой части должно разсматривать самое развитіе предмета и содержаніе науки какъ генетическое, а не какъ историческое. Такъ во 2-мъ отдѣлѣ 1-ой части нужно разсматривать генети-

ческое развитие права, во 2-мъ отдѣлѣ 2-ой части генетич. развитие общества, во 2-мъ отдѣлѣ 3-ей части генетич. развитие государства, а во 2-мъ отдѣлѣ 4-ой части генетическое развитие права, общества и государства въ ихъ связи. Затѣмъ, въ 3-мъ отдѣлѣ каждой части слѣдуетъ сказать объ исходной точкѣ предмета и содержанія, а именно, въ 3-мъ отдѣлѣ 1-ой части слѣдуетъ сказать о возведеніи права къ правовѣдѣнію, какъ къ исходной точкѣ; въ 3-мъ отдѣлѣ 2-ой части о возведеніи общества въ тѣсномъ смыслѣ къ обществовѣдѣнію, какъ къ исходной точкѣ; въ 3-мъ отдѣлѣ 3-ей части о возведеніи государства къ государствовѣдѣнію какъ къ своей исходной точкѣ, наконецъ въ 3-мъ отдѣлѣ 4-ой части о возведеніи права, общества въ тѣсномъ смыслѣ и государства въ ихъ связи къ правовѣдѣнію, обществовѣдѣнію и государствовѣдѣнію или вообще къ соціальной наукѣ въ обширномъ смыслѣ этого слова, какъ къ своему исходу. Теперь мы можемъ представить въ табличной формѣ все раздѣленіе нашей науки на собственную такъ называемыя части и подраздѣленіе каждой части на ея отдѣлы, а именно

Часть 1-ая

Право

Отдѣлъ 1-ый

Принципы и опредѣленія права

Отдѣлъ II-ой

Развитіе (конечно генетическое) права.

Отдѣлъ III-ій

Возведеніе права къ правовѣдѣнію.

Часть 2-ая

Общество въ тѣсномъ смыслѣ

Отдѣлъ I-ый.

Принципы и опредѣленія общества въ тѣсномъ смыслѣ

Отдѣлъ II-ой

Развитіе общества въ тѣсн. смыслѣ

Отдѣлъ III-ій

Возведеніе общества въ тѣсномъ смыслѣ къ обществовѣдѣнію.

Часть 3-ья

Государство

Отдѣлъ I-ый

Принципы и опредѣленія государства

Отдѣлъ II-ой

Развитіе государства

Отдѣлъ III-ій

Возведеніе государства къ государствовѣдѣнію.

Часть 4-ая

Право въ обществѣ въ тѣсномъ смыслѣ и государство въ ихъ связи или единствѣ.

Отдѣлъ 1-ый

Принципы и опредѣленія права, общества въ тѣсномъ смыслѣ и государства въ ихъ связи или единствѣ.

Отдѣлъ III-ій

Возведеніе права, общества въ тѣсномъ смыслѣ и государства къ правовѣдѣнію, обществовѣдѣнію и государствовѣдѣнію въ ихъ связи или единствѣ.

Раздѣленіемъ нашей науки на собственно, такъ назыв. части и на отдѣлы этихъ частей можно-бы, повидимому, заключить этотъ 4-ый отдѣлъ введенія; но съ раздѣленіемъ нашей науки на эти части находятся въ ближайшей непосредственной связи: во 1, раздѣленіе нашей науки на собственно, такъ наз. энциклопедію и на, такъ назыв., методологію и во 2, раздѣленіе нашей науки на такъ наз. формальную или внутрен. энциклопедію и на смѣшанную или сличную энциклопедію. Скажу о томъ и о другомъ.

I. Раздѣленіе нашей науки на собственно, такъ назыв. энциклопедію и на методологію.

Подъ методологіею (отъ слова μέθοδος метода, а не методъ и λόγος слово, ученіе)

разумѣется то ученіе или та наука, которая разсматриваетъ методы въ обширномъ смыслѣ этого слова или способы вообще, какъ изложенія, такъ и изученія науки, т. е. методологія разсматриваетъ, какъ излагать и какъ изучать науки (docere et discere). То ученіе, которое разсматриваетъ методы въ обширн. смыслѣ или способы изложенія и изученія науки вообще, обыкновенно включается въ составъ логики, какъ ея особенная часть, а если смотрятъ на это ученіе какъ на особенную науку, то называютъ его всеобщею методологіею. Въ послѣднемъ случаѣ отдѣляютъ всеобщую методологію отъ всеобщей энциклопедіи, въ которой излагается все о наукахъ и искусствахъ, кромѣ способовъ изложенія и изученія, относящихся ко всеобщей методологіи. То ученіе, или та наука, которая разсматриваетъ способы изложенія и изученія какой нибудь особенной области вообще, вмѣстѣ со входящими въ составъ ея отдѣльными спеціальными науками, называется частною или спеціальною методологіею, какова напр. юридическ. методологія, разсматривающая вообще способы изложенія и изученія правовѣденія или юридическ. наукъ, т. е. вмѣстѣ со входящими въ составъ правовѣденія спеціальными, частными юридическими науками, такова также политическая методологія и т. под. Часто спеціальную методологію, а именно нашу юридич. и политическую методологію отдѣляютъ отъ нашей науки, какъ юридич. и политич. энциклопедіи

въ собственномъ смыслѣ и притомъ дѣлаютъ это двоякимъ образ. а именно: или во 1, излагаютъ ихъ въ одномъ и томъ же сочинен., но отдѣльно каждую, какъ главное и особенное ученіе одной и той же науки энциклопедіи въ обширномъ см.. такъ что понимаютъ юридическую и политич. энциклопедію въ двоякомъ смыслѣ — въ обширномъ и тѣсномъ или собственномъ смыслѣ и дѣлятъ, слѣдов. юридическую и политич. энциклопедію въ обширномъ смыслѣ на 2 части: на юридическую и политич. энциклопедію въ собственномъ смыслѣ и на юрид. и политич. методологію. Въ юридической и политической методологіи излагаютъ только способы изложенія и изученія правовѣденія вмѣстѣ со входящими въ составъ ихъ отдѣльными спеціальными юридич. и политическими науками а въ юридической и политической энциклопедіи въ собственномъ смыслѣ излагаютъ остальное что относитъ тотъ или другой авторъ къ содержанію нашей науки. Или же во 2, излагаютъ юридическ. и политическую методологію въ отдѣльномъ сочинен., а юридическую и политич. энциклопедію въ собственномъ смыслѣ излагаютъ также какъ отдѣльную науку, такъ что одно сочиненіе есть юридич. и политическая энциклопедія въ собственномъ смыслѣ, а другое только юридич. и политическая методологія. Но какъ то, такъ и другое отдѣленіе методологіи отъ энциклопедіи въ собственномъ см. противно сущности нашей науки, ибо она должна излагать все свое содержаніе во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, а если мы отдѣлимъ отъ нашей науки то, что

отдѣляется для методологіи, т. е. если мы будемъ говорить о способахъ изложенія и изученія правовѣдѣнія, обществовѣдѣнія и государствовѣдѣнія вмѣстѣ со всѣми, входящими въ ихъ составъ юридическими, соціальными и политич. науками, въ нераздѣльной ихъ связи, въ отдѣльной наукѣ, то въ такомъ случаѣ мы правильно исключимъ изъ нашей науки то, что существенно относится къ ея содержанію, а слѣд., не представимъ содержанія нашей науки во всемъ объемѣ, а слѣд. и во всецѣлости, во всеобщности, во всесторонности, что противно сущности нашей науки. Притомъ отдѣленіе методы изложенія и изученія нашей науки отъ ея содержанія не выполнимо въ дѣйствительности, ибо эти способы изложенія и изученія нашей науки обусловливаются ничѣмъ инымъ, какъ ея предметомъ и содержаніемъ, т. е. они должны имъ соотвѣтствовать, а опредѣленіе предмета и содержанія есть единственное основаніе, почему мы должны употреблять такой, а не другой способъ изученія и изложенія науки.

Изъ сказаннаго видно, что раздѣленіе нашей науки на энциклопедію въ собств. смыслѣ и методологію находится въ непосредственной связи съ ея раздѣленіемъ на части, потому что такое раздѣленіе есть раздѣленіе хотя уже и не на части, въ объясненномъ смыслѣ, и на два отдѣльныя ученія или даже на двѣ отдѣльныя науки, изъ которыхъ одна назыв. собственно энциклопедіею юридическихъ, соціальныхъ въ тѣс-

номъ смыслѣ и политич. наукъ, а 2° методологiею юридическихъ, социальныхъ въ тѣсномъ смыслѣ и политич. наукъ. Вотъ почему мы должны были сказать здѣсь объ этомъ дѣленiи.

2, Излагатели частныхъ энциклопедiй вообще и нашей въ особенности, преимущественно какъ юридич. энциклопедiи, а не какъ социальной и политической, нерѣдко излагали ее въ одномъ изъ слѣдующихъ трехъ видовъ, которымъ и придали особенныя названiя, а именно они излагали энциклопедiю или во 1, въ видѣ формальной или внѣшней энциклопедiи или во 2, въ видѣ материальной или внутренней энциклопедiи. Избирая одинъ изъ первыхъ двухъ видовъ т.е. излагая нашу науку или въ видѣ формальной и внѣшней, или въ видѣ материальной или внутренней энциклопедiи, излагатели, обыкновенно, старались оправдать такое предпочтенiе тому или другому виду изложенiя; но какъ тѣ, такъ и другiе дружно возставали противъ тѣхъ, которые въ своихъ сочиненiяхъ излагали энциклопедiю вмѣстѣ и какъ формальную или внѣшнюю, и какъ материальную или внутреннюю энциклопедiю, и такимъ образ. образовали смѣшанную, или слитную энциклопедiю.

Изъ сказаннаго вы видите, что раздѣленiе энциклопедiи на формальную материальную и слитную есть также раздѣленiе нашей науки по частямъ, хотя не въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говорили о частяхъ науки. Вотъ почему мы должны были сказать здѣсь.

и объ этихъ 3-хъ видахъ нашей науки, говоря о раздѣленіи нашей науки на части.

Формальною или внѣшнею Энциклопедіею назыв. такое сочиненіе по части нашей науки, какъ юридич. науки, т. е. какъ юридич. Энциклопедіи, которое старается опредѣлить если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно только форму (почему и наз. формальною Энциклопедіею) или только внѣшній образъ (почему и назыв. внѣшнею) правовѣдѣнія, со всѣми входящими въ составъ ея науками, если это будетъ юридич. Энциклопедія, и государствовѣдѣнія, если это политич. Энциклопедія. Съ такою цѣлію такія сочиненія очерчиваютъ объемъ или составъ правовѣдѣнія съ внѣшней стороны (почему и назыв. также внѣшн. Энциклопедіею), т. е. указываютъ натакъ назыв. источники права, подъ которыми разумѣются формы, или виды положительнаго права (каковы обычное право, законод. право и право юристовъ, т. е. результатъ ихъ дѣятельности), на такъ назыв. источники исторіи права, подъ которыми разумѣются памятники письменные, въ которыхъ изложено юридическое содержаніе права, какъ первоначально данное, между тѣмъ какъ всѣ послѣдующія переработки назыв. уже не источниками, а пособіями; (напр. для исторіи нашего русскаго права главные источники суть Р. Правда, Судебники Іоанна Васильевича, Уложеніе Алексѣя Михайловича и по-

томъ всѣ постановленія, Уставы и указы
государей). Кромѣ того формальная или
внѣшняя энциклопедія указываетъ на
составныя части правовѣдѣнія, т. е. на
спеціальныя юридич. науки, ибо они и вхо-
дятъ въ составъ правовѣдѣнія какъ осо-
бенная область наукъ, отдѣльная отъ
прочихъ областей. Наконецъ, формальная
или внѣшняя энциклопедія указываетъ
на методы или способы и изученія и из-
ложенія какъ правовѣдѣнія вообще, т. е.
всей области юридическихъ наукъ, такъ
и отдѣльныхъ спеціальныхъ юридическ.
наукъ, входящихъ въ составъ правовѣ-
дѣнія. Все это, что такимъ образомъ
разсматриваетъ наша наука, какъ
формальная или внѣшняя энцикло-
педія, составляетъ, въ самомъ дѣлѣ,
только нѣчто внѣшнее, только внѣш-
ній видъ или образъ самого содержанія
правовѣдѣнія, которое есть право. Слѣд.
такого рода сочиненія по части нашей
науки, которыя называются формальн.
или внѣшн. энциклопедіями, стараются
разсматривать не самое содержаніе
правовѣдѣнія, но если не исключительно,
то, по крайней мѣрѣ, преимущест-
венно формы этого содержанія, внѣш-
ній его видъ, а слѣд. не самое право, а
источники исторіи права, методы
изученія права, составныя части пра-
вовѣдѣнія и т. под.. Напротивъ мате-
ріальною или внутрен. энциклопедіею
назыв. такое сочиненіе по части на-
шей науки, особенно какъ юридической
науки, какъ юридич. энциклопедіи.

которое если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, съ большею или меньшею краткостью и сжатостью обозрѣваетъ самый матеріалъ, т.е. внутреннее содержаніе правовѣдѣнія (почему оно и назыв. внутр. или матеріальн. энциклопедіею) и входящихъ въ составъ правовѣдѣнія отдѣльн. спеціальн. юридич. наукъ, не касаясь по возможности, всего того, на что, если не исключительно, то, по крайней мѣрѣ, преимущественно обращаетъ вниманіе на право, на содержанія правовѣдѣнія, но не на источники права и т. под.. Но излагать въ томъ или другомъ видѣ нашу науку значитъ произвольно исключать изъ состава ея какую нибудь часть этого состава и слѣд. не представлять содержанія нашей науки, какъ одного цѣлаго; то и другое противно сущности нашей науки, требующей всеобъемлемости и всецѣлости изложенія ея предмета и содержанія. Поэтому мы должны отвергнуть такое разъединеніе формальной или внѣшней, матеріальной или внутренней энциклопедіи и слить ихъ въ одно цѣлое, а не смѣшивать ихъ, какъ говорятъ защитники формальной или внѣшней энциклопедіи или ихъ противники, т.е. защитники матеріальной или внутренней энциклопедіи, которые говорятъ что изложеніе такимъ образ. нашей науки есть не болѣе, какъ смѣшеніе той и другой энциклопедіи, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности подобное из-

ложеніе представляетъ все содержаніе нашей науки во всецѣлости, а слѣд. является не просто смѣшеніемъ, а слитіемъ во едино всего того, на что обращаетъ вниманіе наша наука какъ формальная и какъ матеріальная энциклопедія.

Мы окончили все, что необходимо было сказать о раздѣленіи нашей науки на части, а вмѣстѣ съ тѣмъ, что находилось въ непосредственной связи съ этимъ дѣленіемъ, какъ то: отличіе энциклопедіи въ собственномъ см. отъ методологіи съ одной стороны, и отличіе формальной или внѣшней и матеріальной или внутренней энциклопедіи отъ смѣшанной или слитной энциклопедіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ окончили 4-й отдѣлъ нашей науки. Раздѣленіемъ науки на ея части уже начертывается весь планъ ея изложенія, ибо планъ изложенія всякой науки состоитъ въ раздѣленіи ея на части. Этотъ планъ долженъ быть выполненъ не во введеніи въ науку, а въ изложеніи самого содержанія науки. слѣд. раздѣленіе науки есть предметъ той существенной части введенія въ науку, посредствомъ котораго мы должны-бы, казалось, перейти прямо къ изложенію самого содержанія нашей науки, т. е. раздѣленіемъ нашей науки на части или 4-мъ отдѣломъ введенія мы должны бы казалось, заключить введеніе въ нашу науку. Но мы не можемъ сдѣлать такого прямаго перехода, потому что есть еще одна существенная составная часть введенія, чрезъ посредство которой

мы можемъ уже прямо перейти къ изложенію содержанія нашей науки, заключивъ или окончивъ этимъ отдѣломъ все введеніе въ нашу науку. Этотъ 5-й и послѣдній отдѣлъ введенія озаглавливается такимъ образ.: „Источники, Исторія и Литература нашей науки".

Почему, спрашивается этотъ отдѣлъ необходимъ какъ существенная часть введенія и притомъ какъ пятый отдѣлъ, почему мы такъ, а не иначе озаглавили этотъ отдѣлъ? Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы скажемъ о всякой наукѣ слѣд.: никакая наука а слѣд. и наша не образуется, т. е. первоначально не происходитъ и не развивается ~~...~~ послѣ образованія, происхожденія, вдругъ, внезапно, разомъ. Это значитъ, что никакая наука а слѣдов., и наша не приходитъ вдругъ, внезапно, разомъ къ своему предмету и содержанію и къ своей формѣ, придаваемой ея предмету и содержанія способами ея изложенія, вообще не приходитъ къ тому, что составляетъ ея сущность, ея понятие, выражаемое въ ея опредѣленіяхъ, соотвѣтствующихъ ея названіямъ, на которыхъ, опредѣленіяхъ, основывается также раздѣленіе науки начати; словомъ никакая наука не приходитъ разомъ ко всему тому, что составляетъ предметъ 4-хъ существ. составныхъ частей введенія. Напротивъ, всякая наука, а слѣд. и наша какъ продуктъ сознанія со стороны человѣческ. ума, образуется

и развивается мало по малу, подчиняясь вмѣстѣ съ человѣчествомъ историческимъ условіямъ времени, пространства и мѣста, въ совокупности со всѣми историческими обстоятельствами, какъ внѣшними обстоятельствами. Такое образованіе и развитіе какъ науки вообще, такъ и нашей въ особенности и есть то, что назыв. обыкновенно Исторіею науки. Итакъ, всякая наука, а слѣд. и наша, какъ внутри въ ней самой совершающееся образованіе и развитіе, внѣшнимъ образомъ выражается ~~именно~~ въ сочиненіяхъ по части данной науки. Эти сочиненія, вмѣстѣ взятыя, назыв. литературою данной науки или литературными пособіями къ ея изученію и изложенію; слѣдов. и литература науки, состоящая въ непосредственной связи съ исторіею науки, есть также существенная составная часть введенія въ науку. Наконецъ, основаніемъ, а слѣд. и предположеніемъ, ибо всякая основа предполагаетъ то, что основывается на ней, и исторіи и литературы всякой науки, а слѣд. и нашей служитъ то, что назыв. вообще источниками науки. Подъ именемъ источниковъ науки разумѣется все то, что служитъ основаніемъ, первоначальнымъ матеріаломъ, веществомъ для образованія и развитія науки съ ея литературой, а потому оно и есть предположеніе и исторіи и литературы, а именно это есть то, на чемъ основывается литература, сочиненія по части науки, или, по крайней мѣрѣ, на чемъ она должна основываться. Источники потому служатъ основою науки, что они доставляютъ такъ

сказать, первоначальныя свѣдѣнія о томъ; что составляетъ содержаніе науки, такъ что сочиненія уже разсматриваютъ эти источники, т.е. или издаютъ ихъ или обрабатываютъ ихъ и т. под.. Поэтому необходимо строго различать источники и литературу науки, что часто смѣшивается. Различіе ихъ не есть просто схоластическое, т.е. не имѣющее ни какого значенія, напротивъ оно имѣетъ даже практическое значеніе, потому что тотъ только можетъ двигать науку впередъ мало того, тотъ только можетъ назваться изучающимъ науку самостоятельно, кто изучилъ и продолжаетъ изучать ее по источникамъ, а не по сочиненіямъ, основаннымъ на источникахъ. Сочиненія могутъ быть только пособіями при самостоятельномъ изученіи источниковъ, иначе придется всегда jurare in verba magistri, т.е. ссылаться на авторитетъ того или другаго сочиненія, что это такъ, а не иначе и не имѣть никакого самостоятельнаго сужденія о томъ, что касается того или другаго вопроса науки. Слѣдоват., необходимо всегда восходить къ источникамъ при изученіи науки, хотя никогда вмѣстѣ съ тѣмъ не должно пренебрегать и литературными пособіями, потому что въ противномъ случаѣ, мы отвергали-бы самую исторію науки и дѣлали-бы напрасно то, что уже другими сдѣлано. Конечно то или другое можетъ быть другими сдѣлано не такъ слѣдуетъ, такъ что критика здѣсь необходима, но если послѣ критическаго изслѣдованія окажется, что то или другое сдѣлано вѣрно, то нужно это

признать и идти дальше, чтобы не открывать Америки вновь. Поэтому и источники науки, какъ служащіе основою исторіи науки и литературы науки одинаково составляютъ существ. составную часть введенія въ науку, причемъ источники должны быть разсмотрѣны прежде исторіи и литературы науки. Вотъ какимъ образомъ объясняется заглавіе 5го отдѣла введенія въ нашу науку: объ источникахъ, прежде всего, а потомъ объ исторіи, а потомъ уже о литературѣ нашей науки; ибо литература предполагаетъ въ этомъ отношеніи, что исторія есть внутреннее развитіе науки, которая внѣшнимъ образ. выражается въ литературѣ. Такъ мы переходимъ къ пятому и послѣднему отдѣлу введенія. Итакъ,

V-й Отдѣлъ

Источники. Исторія и Литература нашей науки.

Что касается источниковъ и литературы нашей науки, то намъ нечего здѣсь говорить о нихъ, ибо это значило бы повторять то, что говорится въ другихъ наукахъ. Источники нашей науки, какъ представляющей вообще всѣ юридическія, соціальныя въ тѣсномъ смыслѣ и политическія науки въ ихъ всецѣлости и единствѣ, суть тѣ-же самые, какъ источники всѣхъ юридическихъ, соціальныхъ и политическихъ наукъ; слѣдов., они являются общими нашей наукѣ съ прочими юридическими, соціальными и политическими науками. Въ каждой изъ этихъ спе-

ціальныхъ юридич., соціальныхъ и политич. наукъ приводятся или, по крайней мѣрѣ, д. быть приведены источники данной науки, потому что если они не будутъ приведены, или если будетъ приведена только литература по части данной науки, то въ такомъ случаѣ не дается возможности слушателямъ восходить къ источникамъ, знакомиться съ ними, что противно университетскому преподаванію науки, которая, именно, ведетъ къ тому, чтобы сдѣлать слушателей самостоятельными въ каждой наукѣ, дать имъ возможность самостоятельно изучать науку и, наконецъ, даже двигать ее впередъ. Слѣдоват., миновавъ источники, мы должны придти къ исторіи науки, которую, однако будемъ разсматривать не раздѣльно съ ея литературой, потому что исторія науки и выражается внѣшнимъ образомъ въ ея литературѣ. Но исторія вмѣстѣ съ литературой въ нашей наукѣ не можетъ быть изложена, если ее преподавать прежде изложенія всѣхъ спеціальныхъ наукъ въ видѣ <u>вводной</u> науки какъ она преподается на 1мъ курсѣ, — не можетъ быть изложена такъ, какъ ее можно было-бы изложить, или-бы мы преподавали нашу науку на оборотъ какъ науку заключительную, т.е. послѣ того, какъ будетъ пройденъ весь курсъ юридическихъ, соціальн. политич. наукъ, потому что при изложеніи исторіи науки вмѣстѣ съ ея литературою здѣсь мы не можемъ предполагать въ слушателяхъ никакихъ спеціальныхъ познаній юридическихъ,

соціальныхъ и политическихъ и потому мы не можемъ напр. разсматривать критически сочиненія по части нашей науки, т. е. указывать на достоинство и недостатки каждаго изъ нихъ и представить, притомъ, ихъ въ историческомъ развитіи, т. е. показать, какъ послѣдующія сочиненія развивали далѣе нашу науку въ сравненіи съ предыдущими и т. под.. Такимъ образомъ мы можемъ излагать только то, что возможно излагать безъ всякаго предположенія спеціальныхъ, юридическихъ и политическихъ познаній въ слушателяхъ. Наша наука начала прежде всего образовываться какъ юридическая наука, т. е. какъ юридическая только энциклопедія, а потомъ развиваться какъ таковая, т. е. прежде всего во времени, затѣмъ она образовалась уже и какъ политическая только Энциклопедія и развивалась какъ таковая, далѣе она образовалась какъ юридическая и политическая Энциклопедія вмѣстѣ и развивалась какъ таковая и, наконецъ, она образовалась какъ соціальная и политическая Энциклопедія вмѣстѣ, но только образовалась, а еще вовсе не развилась какъ таковая; но до сихъ поръ еще не образовалась наша наука вмѣстѣ и какъ юридическая и какъ соціальн. и какъ политич. Энциклопедія въ ихъ единствѣ, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ я её давно излагаю. На этомъ основаніи я скажу прежде всего объ образованіи и развитіи нашей науки, какъ юридической Энциклопедіи во 2, объ образованіи и развитіи нашей науки какъ политической Энциклопедіи, въ 3, объ образованіи и развитіи нашей науки какъ юридической и полити-

ческой энциклопедіи вмѣстѣ и въ 4, объ образованіи только, но еще не о развитіи нашей науки, какъ соціальной и политическ. энциклопедіи вмѣстѣ. Итакъ,

Образованіе и развитіе нашей науки какъ юридическ. энциклопедіи.

Основателемъ, творцомъ юридической энциклопедіи какъ науки, обыкновенно, почитается германск. философъ Лейбницъ. Въ 1668 г. онъ издалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ не большое, но важное сочиненіе подъ заглавіемъ „Nova methodus discendae docendaeque jurisprudentiae" т. е. новая метода обученія и изученія правовѣденія. Судя по этому заглавію можно было бы съ перваго взгляда подумать, что въ немъ говорится исключительно только о способахъ какъ изученія правовѣденія, такъ и обученія ему, т. е. что это сочиненіе является исключительно только, такъ назыв. юридическою методологіею, а вовсе не есть сочиненіе по части юридич. энциклопедіи въ собственномъ смыслѣ. Въ самомъ дѣлѣ указаніе на эти способы изученія и обученія и было главною задачею Лейбница; но способы какъ изученія, такъ и обученія правовѣденія обусловливаются въ этомъ сочиненіи предметомъ и содержаніемъ сочиненія и притомъ обусловливаются до такой степени, что Лейбницъ, несмотря на главную свою цѣль, которую онъ задался, говоритъ здѣсь также и о содержаніи юридическихъ наукъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, способы изученія и обученія наукъ не могутъ быть отдѣлены отъ предмета и содержанія наукъ.

Въ этомъ смыслѣ указанное сочиненіе Лейбница излагаетъ, можно сказать, въ 1-й разъ не только юридич. методологію, но и самую юридическую энциклопедію въ собственномъ смыслѣ и притомъ въ ихъ слитіи, въ единствѣ, т. е. это сочиненіе излагаетъ энциклопедію въ обширномъ см. слова, въ составъ которой входитъ и юридическая методологія и юридическая энциклопедія въ собственномъ смыслѣ. По этой-то причинѣ Лейбницъ, обыкновенно признается основателемъ и творцомъ юридическ. науки, какъ юридической энциклопедіи. Но Лейбницъ только началъ ея образованіе; развитіемъ-же своимъ эта наука обязана другимъ ученымъ, а именно, вскорѣ послѣ изданія сказаннаго сочиненія Лейбница начала мало-по-малу расширяться область правовѣдѣнія вообще или объемъ правовѣдѣнія вообще, и объемъ въ особенности разныхъ спеціальныхъ юридич. наукъ. Начали излагать и изучать такіе юридическіе предметы, которые прежде не были вовсе изучаемы и излагаемы. Изъ нихъ стали образовываться и развиваться отдѣльныя спеціальныя юридическія науки, которыя прежде не были извѣстны. Когда число этихъ спеціальныхъ юридич. наукъ и содержаніе ихъ значительно пріумножилось, тогда явилась потребность, а именно, впервые въ Германіи, преподавать въ Университетѣ на юридич. факультетѣ такую науку, которая служила-бы общимъ введеніемъ къ изученію такимъ образ. образовавшихся и развившихся наукъ; словомъ сказать явилас

потребность въ томъ, что называется энциклопедіею въ видѣ вводной науки. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ извѣстіе, что такой потребности старался удовлетворить уже въ 1685 г. т.е. вскорѣ послѣ изданія Лейбницева сочиненія, профес. Кельнскаго Университета Мартини, который преподавалъ юридическую Энциклопедію въ видѣ вводной науки подъ названіемъ Collegium isagogicum in universam jurisprudentiam, т.е. вводная коллегія въ правовѣденіе вообще (коллегія значитъ совокупность лекцій по какому нибудь предмету). Съ дальнѣйшимъ развитіемъ всего объема правовѣденія или объема отдѣльныхъ спеціальныхъ юридич. наукъ, все болѣе и болѣе начала чувствоваться потребность со стороны студентовъ юридическаго факультета въ слушаніи курса юридич. энциклопедіи какъ вводной науки. Дѣйствительно въ 1734 г. при учрежденіи Университета въ Геттингенѣ, уставомъ этого университета сдѣлано было обязательнымъ преподаваніе на юридич. факультетѣ юридич. энциклопедіи въ видѣ вводной науки для удовлетворенія такой потребности студентовъ. Эту обязанность дѣйствительно вскорѣ, а именно въ 1737 принялъ на себя профес. этого университета Шмаусъ, который своимъ лекціямъ по юридич. энциклопедіи предпосылалъ въ 1737 г. конспектъ этихъ лекцій подъ заглавіемъ: „Очерки приготовительныхъ лекцій къ изученію права" Послѣ изданія такого конспекта было издано нѣсколько учебниковъ по части юридической энциклопедіи, какъ вводной нау-

ки, подъ разными названіями (Nettelbladt, Senkenberg, Johann Jacob Moser); въ особенности-же сочиненіе Стефана Пюттера Старшаго (въ отличіе отъ Карла Теодора Пюттера Младшаго), издавшаго юридическ. энциклопедію подъ заглавіемъ: Entwurf einer juristischen Enkyclopädie 1757 г.. Въ этомъ сочиненіи онъ впервые употребилъ названіе юридич. энциклопедія. Чрезъ 10 лѣтъ, а именно, въ 1767 г. онъ же по той же части подъ названіемъ Neuer Versuch einer juristischen Enkyclopädie, въ которомъ онъ впервые отдѣлилъ отъ юридич. энциклопедіи въ собственномъ смыслѣ юридич. методологію. За изданіемъ сочиненія Пюттера Старшаго начало появляться въ Германіи много сочиненій по юридич. энциклопедіи уже въ прошломъ столѣтіи; а еще болѣе въ текущемъ, такъ что всѣхъ сочиненій, изданныхъ въ одной Германіи по части нашей науки насчитывается болѣе 50ти. Здѣсь я не стану перечислять ихъ, а укажу только въ видѣ примѣра на нѣкоторыя замѣчательныя сочиненія, раздѣливъ ихъ на извѣстныя группы. Такъ во 1, сочиненія, излагающія юридическую энциклопедію въ видѣ матеріальной или внутренней энциклопедіи слѣд. Kitzmann, Lipfeldt, Mühlenbruch; во 2, замѣчательныя сочиненія по юрид. энциклопедіи въ видѣ формальной или внѣшней энциклопедіи суть сочиненія Wenck, Falk, въ 3, замѣчательныя сочиненія по юридич. энциклопедіи суть сочиненія Hugo, Zacharia Старшаго, Thibaut, Budhardt, и Wenig; въ 4, лучшія сочиненія по части энциклопедіи какъ сл... науки суть слѣдующія: Ahrens, Vogt, Karl Theodor Pütter, Friedländer, ...

Warnkönig, Ahrens (переведенъ на русск. языкъ) и Goldschmidt (въ послѣднемъ переведена нѣкогда самые полная литература по части сочиненій по юридич. энциклопедіи, изданныхъ въ Германіи) и Ortloff. Въ 5, наилучшій юридическій, реальный энциклопедическій словарь принадлежитъ Weiske и Holtzendorf'у какъ 2-й томъ его энциклопедіи „der Rechtswissenschaft"; въ 6) лучшій и полнѣйшій энциклопедическій сборникъ монографій Гольцендорфа, какъ 1-й томъ его энциклопедіи der Rechtswissenschaft.

Но кромѣ Германіи и въ другихъ странахъ хотя и не во всѣхъ было введено университетское преподаваніе юридич. энциклопедіи или, по крайней мѣрѣ, появились сочиненія по части этой науки, хотя и не подъ этимъ заглавіемъ. Такъ въ Даніи юридич. энциклопедія какъ вводная наука, хотя подъ другимъ заглавіемъ была введена почти одновременно со введеніемъ ея въ Германіи въ университетское преподаваніе и стала предметомъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ сочиненій на датскомъ языкѣ, изъ которыхъ лучшія принадлежатъ Schlegel'ю Juridisk Encyclopedie и Кофоду Анкеру „наставленіе для юриста".

Въ Нидерландахъ обязательно преподаваніе энциклопедіи было введено еще до отпаденія Бельгіи отъ Голландіи. Затѣмъ въ Голландіи замѣчательное сочиненіе принадлежитъ Anne den Tex на латинскомъ языкѣ, а въ Бельгіи Boussel'ю на французск. языкѣ. Во Франціи преподаваніе юридич. энциклопедіи было введено въ 1840 г. лучшее сочиненіе по части нашей науки, какъ юридич. энциклопедіи принадлежитъ Eschbach. Въ Италіи преподаваніе энциклопедіи введено очень недавно, но не смо

три на то появилось нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій по части нашей науки, а именно, сочиненія Albini, Pepere, Buniva, Vegni и Віанатіеі. Въ Испаніи въ 1842 г. предписано преподавать въ университетахъ нѣчто подобное въ юридич. энциклопедіи, какъ въ вводной науки. Вскорѣ послѣ этого Мадритскій профес. Don Pedro Gomez Serna издалъ небольшое сочиненіе по части юридич. энциклопедіи. Въ Англіи юридич. энциклопедія не преподается въ университетѣ, однако же и здѣсь появилось нѣсколько юридико-энциклопедическихъ сочиненій (не строго систематическихъ, почему я ихъ такъ и называю), а именно, Hoffman'a, Warren'a, Amos'a. Въ Сѣверо-Американск. штатахъ также въ университетахъ не преподается юридич. энциклопедія, однако же здѣсь вышло замѣчательное сочиненіе юридико-энциклопедическаго содержанія, принадлежащее Washburn'у.

Наконецъ въ Россіи преподаваніе юрид. энциклопедіи стало обязательнымъ для нашихъ университетовъ подъ именемъ Энциклопедіи Законовѣдѣнія только съ изданіемъ Устава 1835 г. Однако же въ прежнее время, какъ сохранилось объ этомъ извѣстіе, юридич. энциклопедія была преподаваема частью въ видѣ необязательной науки для слушателей, частью же въ видѣ обязательной, такъ напр. въ уставѣ высшаго училища правовѣдѣнія 1785 г. а также по уставу главнаго Педагогическаго училища, преобразованнаго въ 1819 г. въ СПетерб. университетъ, юридич. энциклопедія преподавалась въ этихъ заведеніяхъ. Кромѣ того юридич. энциклопедія у насъ преподавалась въ университетахъ, хотя не постоянно и не обязательно, а по собственному почину того или другаго преподавателя; такъ сохра-

нилось извѣстіе, что она преподавалась такимъ образ. въ Московск. университетѣ. Наконецъ, по нынѣ дѣйствующему уставу 1863 г. было положено преподавать юрид. энциклопедію въ связи съ политическою подъ назв. „юридич. и политич. энциклопедія." Эта наука" вмѣстѣ съ исторіею философіи права отнесена къ одной кафедрѣ подъ этимъ общимъ названіемъ. У насъ слѣд. замѣчательныя сочиненія по части юрид. энциклопедіи Неволина, Рождественскаго, недавно умершаго проф. и Ренненкампфа, професс. Кіевскаго Университета, живущаго и теперь.

2. Образованіе и развитіе политической Энциклопедіи.

Политическая Энциклопедія, какъ и юридическая могла появиться только послѣ того какъ образовались и достигли нѣкоторой степени своего развитія специальныя политич. науки, потому что только тогда можетъ быть почувствована потребность такой науки, которая-бы вводила въ изученіе специальн. политич. наукъ, т. е. въ политич. энциклопедіи въ видѣ вводной науки. Вообще-же всѣ специальн. политич. науки образовались и достигли нѣкотораго развитія только въ половинѣ XVIII ст. и потомъ только въ это время стали появляться сочиненія по части политич. энциклопедіи. Первое сочиненіе, старавшееся удовлетворить этой потребности принадлежитъ Gaspar'у де Real'ю (1751–1764), котораго можно признать основателемъ или творцомъ политич. Энциклопедіи какъ нау-

ки. Послѣ изданія сочиненія Реаля прошло довольно много времени прежде, нежели принялись писать сочиненія по части полит. энциклопедіи. Принялись за это прежде всего нѣмцы и начали преподавать ее въ университетахъ какъ отдѣльную науку только въ текущемъ столѣтіи, и притомъ не во всѣхъ университетахъ. Самое лучшее и полное систематич. сочиненіе по части политич. энциклопедіи, принадлежитъ Роберту фонъ-Молю, перевед. на русск. языкъ (въ немъ можно найти полную литературу по части политическ. энциклопедіи. Лучшій и новѣйшій реальный политическ. словарь принадлежитъ Bluntschli и Brater'у. Лучшій новѣйшій энциклопед. сборникъ политич. монографій, вышедшій безъ указанія автора, оказался принадлежащимъ доктору Hikn'у. Онъ, впрочемъ несобенно замѣчательный и приводится нами только потому, что онъ есть единственный.

3. Образованіе и развитіе нашей науки, какъ юридич. и политич. энциклопедіи вмѣстѣ.

Когда развилась въ значительной степени наша наука какъ юридич. энциклопедія и притомъ какъ политич. энциклопедія, то настала уже возможность, а вмѣстѣ и потребность, вслѣдствіе тѣсной связи между ихъ предметами, между правомъ и государствомъ, попытаться соединить ихъ. Первая такая попытка появилась въ Австріи, потому что здѣсь уже въ

въ началѣ текущаго столѣтія предписано было преподавать во всѣхъ университетахъ и во всѣхъ лицеяхъ не только юридическую, но и политическую энциклопедію въ ихъ соединеніи. Къ такой попыткѣ принадлежитъ сочиненіе Hess'а на нѣмецк. языкѣ; Zanebelli на итальянск. яз.; Albini также на итальянскомъ, Wirozil на нѣмецкомъ яз.. Замѣчательное сочиненіе, но только по одной юридико-политической методологіи принадлежитъ Ortloff'у. Единственный юридико политическій сборникъ изданъ въ Лондонѣ 1866 г. подъ заглав. Cyclopaedia of political constitutional, statistical and forensic knowledge въ 4 т. является мало замѣчательнымъ.

4. Образованіе нашей науки какъ социальн. и политич. энциклопедіи вмѣстѣ.

Наша наука, какъ соціальная и политич. энциклопедія, только пока образовалась, но еще не развилась, потому что появилось только пока сочиненіе на нѣмецк. языкѣ, принадлежащее Haser'у, — сочиненіе несовершенное во всѣхъ отношеніяхъ и одностороннее.

Такимъ образ. до сихъ поръ не явилось ни одного сочиненія, которое-бы излагало нашу науку какъ юридич. соціальн. и политич. энциклопедію въ ихъ соединеніи, какъ одно цѣлое, что мы называли соціальной энциклопедіею. Но на необходимость такого слитія юридич. соціальн. и полит. энциклопедіи указываетъ уже нераздѣльная связь между правомъ, обществомъ и го-

сударствомъ, какъ объ этомъ мы говорили, а потому я вмѣнилъ себѣ въ обязанность преподавать нашу науку въ такомъ, именно, видѣ. Но, конечно, одинъ въ полѣ не воинъ и потому свою попытку я самъ признаю во многихъ отношеніяхъ слабою. Она имѣетъ только то достоинство, что можетъ возвести то, что до сихъ поръ было такимъ предметомъ, который называли совершенно правильно cloaca maxima, т. е. куда стекались разныя нечистоты изъ другихъ наукъ, – возвести на степень истинной науки въ томъ смыслѣ, чтобы предъ лицомъ ея изчезъ всякій произволъ излагателя, дабы такимъ образомъ приготовить и самыхъ тѣхъ, которые слушаютъ ея изложеніе, къ тому, что бы и они относились съ должнымъ уваженіемъ къ святому бѣлу науки, какъ она должна б. преподаваема въ Университетѣ.

Введеніе въ нашу науку, какъ мы видѣли, существенно состоитъ изъ пяти частей, какъ своихъ составныхъ частей. Эти пять существ. составныхъ частей, составляющія содержаніе введенія во всякую науку, а слѣд. и нашу, обусловливаютъ раздѣленіе этого введенія на пять главныхъ отдѣловъ, которыхъ содержаніе нами указано. Не болѣе, не менѣе этихъ отдѣловъ, какъ существенно составныхъ частей, составляющихъ содержаніе введенія, не можетъ и не должно быть во введеніи въ науку вообще, а слѣд. и въ нашу науку, потому что этими составными частями введенія, именно развивается

самое содержаніе введенія, такъ что эти пять отдѣловъ представляютъ собою ничто иное (теперь мы можемъ это сказать), какъ ступени генетич. развитія этого содержанія введенія въ науку вообще и въ нашу въ особенности, представляющія сознанный человѣчествомъ генезисъ этого содержанія. Поэтому исключеніе какой нибудь изъ этихъ существ. частей изъ введенія въ науку вообще и въ нашу въ особенности, или же, напротивъ, внесеніе въ содержаніе введенія нашей науки или науки вообще, чего нибудь кромѣ этихъ существ. частей, несущественно для науки, потому что въ такомъ случаѣ отдѣлы введенія не будутъ представлять ступеней генетич. развитія содержанія введенія, произвольно, случайно. Но не смотря на то, обыкновенно въ сочиненіяхъ и въ лекціяхъ по всѣмъ наукамъ вы найдете, что или исключается изъ введенія какая нибудь существенная для него часть, или же, напротивъ, вносится что нибудь такое, что вовсе не входитъ въ составъ введенія и не должно входить. Что это, въ самомъ дѣлѣ, суть ничто иное, какъ ступени генетич. развитія содержанія введенія въ нашу науку, какъ и въ науку вообще, и что потому эти отдѣлы введенія, какъ ступени постепенн. генетич. развитія, должны быть излагаемы въ такомъ, а не въ иномъ порядкѣ, это видно изъ того, что я сказалъ особеннаго о каждой изъ этихъ существ. частей введенія

въ нашу науку, какъ и въ науку вообще, и въ особенности это видно изъ того, что мы представляли какъ логическій переходъ отъ одного отдѣла къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, первый отдѣлъ введенія содержитъ въ себѣ разсмотрѣніе предмета и содержанія науки. Съ него и слѣдовало начать. Это есть первая ступень генетическаго развитія содержанія введенія, потому что предметъ науки есть нѣчто такое, чѣмъ изъ внѣ отличается данная наука отъ всѣхъ прочихъ разнородныхъ наукъ и не отличается отъ однопредметныхъ и однородныхъ съ нею наукъ. Слѣдов. въ первомъ отдѣлѣ нужно было указать на предметъ нашей науки, общій съ однородными ей юридич. соціальн. и политическими науками. Затѣмъ необходимо было обратиться къ тому, что составляетъ существенное отличіе данной науки отъ однородныхъ съ нею наукъ, которыя составляютъ съ нею одну и ту же область юридич. соціальн. и политическихъ наукъ. Это есть нѣчто внутреннее для науки, есть ея содержаніе. Какъ то, такъ и другое т. е. какъ предметъ, такъ и содержаніе, составляютъ отличіе данной науки отъ прочихъ наукъ и потому нераздѣльно должно быть разсматриваемо. Вотъ почему въ первомъ отдѣлѣ введенія въ нашу науку, какъ и въ науку вообще, необходимо сказать о предметѣ и содержаніи нашей науки.

Предметъ и содержаніе науки, какъ и всякій предметъ и содержаніе, необходимо имѣютъ свою форму, что есть внѣшнее для обоихъ, въ которомъ и предметъ и содержаніе науки [illegible] ~~[illegible]~~

и получаютъ, именно, внѣшній видъ. Получаетъ же эту форму, этотъ внѣшній видъ наука посредствомъ того, что назыв. способами ея изложенія, ибо способъ изложенія и придаетъ научную форму наукѣ и притомъ тотъ, именно, способъ, который въ особенности соотвѣтствуетъ предмету и содержанію данной науки и который есть въ строгомъ смыслѣ методич. способъ изложенія, или, короче, который можно и должно назвать методою въ собственномъ, строгомъ смыслѣ этого слова. Вотъ почему второй отдѣлъ введенія въ нашу науку, какъ и въ науку вообще, долженъ разсматривать, именно, способъ или способы изложенія данной науки и въ особенности остановиться на такомъ способѣ, который соотвѣтствуетъ предмету и содержанію науки, или на методическомъ въ строгомъ см. слова способѣ, на методѣ потому что это есть вторая ступень генетическаго развитія содержанія введенія въ науку вообще и въ нашу въ особенности.

Когда наука опредѣлится по своему предмету и содержанію и по своей формѣ, которая придается наукѣ методою ея изложенія, тогда уже можно сказать, она обстоятельно опредѣляется людьми внѣшнимъ образомъ въ ея названіяхъ. Вотъ почему третій отдѣлъ введенія въ науку вообще и въ нашу въ особенности долженъ разсматривать именно, опредѣленія и названія, для науки употребляемыя. Такихъ названій для нашей науки много, а потому онѣ должны быть разсмотрѣны критически съ тѣмъ, чтобы остановиться на такомъ названіи, которое хотя и внѣшнимъ

образомъ, но на сколько это возможно, выражаетъ внутрен. сущность, понятіе науки, выражаемое въ ея опредѣленіи, дефиниціи.

Наука, опредѣленная такимъ образомъ, сама въ себѣ внутренне и выраженная въ ея названіи, получаетъ то, что назыв. ея составомъ, что обусловливаетъ ея объемъ. Этотъ составъ, какъ и составъ всякаго предмета, непремѣнно разлагается на составныя части. Разложеніе науки въ особенности на составныя ея части есть то, что назыв. раздѣленіемъ науки. Такъ мы переходимъ къ содержанію или предмету 4-го отдѣла введенія въ науку, какъ 4-ой ступени генетическ. развитія этого содержанія, къ тому, что мы назвали раздѣленіемъ науки на части, а именно, какъ на собственно такъ назыв. части или главныя части, такъ и на главныя подраздѣленія этихъ частей, которыя мы назвали отдѣлами.

Затѣмъ, оставалось-бы только исполнить то, что выражается въ раздѣленіи науки на ея части, или на главные отдѣлы, ибо это и составляетъ основу для изложенія уже содержанія самой науки или то, что назыв. планомъ науки, - оставалось-бы исполнять планъ науки, обусловливаемый ея составомъ и раздѣленіемъ его на составныя части. Но наука не является разомъ, а напротивъ она первоначально возникаетъ, образуется и затѣмъ мало по малу развивается и это развитіе, происходящее во времени и въ пространствѣ, назыв. ея исторіею. Исторія науки выражается въ ея литературѣ, а литература, а слѣд. и исторія ея, какъ внутреннее, заключающееся въ литературѣ, имѣетъ своимъ основаніемъ

источники науки. Такимъ образ. мы переходимъ къ пятой части введенія въ науку, или къ пятому отдѣлу введенія, или къ пятой ступени генетич. развитія, къ тому, что мы озаглавили: источники, исторія и литература нашей науки. Наука въ своихъ источникахъ, исторіи и литературѣ восходитъ мало по малу къ тому, что составляетъ ея сущность, а эта сущность опредѣляется всѣми тѣми составными частями введенія, которыя предшествуютъ этой составной части или пятому отдѣлу, ибо она восходитъ въ исторіи и литературѣ своей, на основаніи источниковъ къ тому предмету и содержанію своему, къ той формѣ, которую получаетъ она вслѣдствіе соотвѣтствующей предмету и содержанію методы и которая выражается въ дефиниціи, въ опредѣленіи науки внутрен. образомъ и въ названіяхъ ея внѣшнимъ образомъ; или, короче сказать, наука восходитъ мало по малу къ тому, что составляетъ ея истинную сущность, ея понятіе, которое не есть нѣчто абстрактное, отвлеченное отъ дѣйствительности, но которое является въ дѣйствительности, именно, въ томъ, что назыв. исторіею науки, выраженною въ литературѣ, на основаніи источниковъ, или въ томъ, что можетъ быть названо также идеаломъ науки и, въ смыслѣ идеала, идеею науки, или наукою въ идеѣ. Это то понятіе, сущность науки, этотъ идеалъ, идея науки или наука въ идеѣ, осуществляемая въ дѣйствительности, и есть то, что требуется отъ самой науки, т.е. отъ изложенія ея предмета и содержанія. Такъ переходимъ

мы непосредственно къ пятому и послѣднему отдѣлу или къ пятой и послѣдней существенной части введенія, къ пятой и послѣдней ступени генетич. развитія ея содержанія, къ самому изложенію содержанія науки, (а не содержанія введенія), въ которомъ излагается содержаніе науки, говорится уже о самой наукѣ, излагается самый предметъ, чѣмъ существенно отличается это изложеніе отъ изложенія введенія въ науку.

Такимъ образомъ мы разъяснили и оправдали въ окончательномъ результатѣ всего введенія раздѣленіе его на пять существен. частей, но уже понимаемыхъ въ смыслѣ не частей мертваго трупа и даже не членовъ живаго организма, но въ смыслѣ ступеней генетич. развитія введенія въ науку, или всего того, что слѣдуетъ сказать о самой наукѣ еще прежде, чѣмъ должно излагать ея содержаніе. Теперь только мы можемъ приступить къ этому изложенію содержанія науки, согласно съ установленнымъ раздѣленіемъ ея, или съ найденнымъ нами планомъ науки, основаннымъ на такомъ раздѣленіи.

Мы видѣли, что наша наука раздѣляется на 4 главныя части, которыя, какъ мы отчасти уже видѣли, суть также ничто иное, какъ ступени генетич. развитія самого содержанія науки, ибо наша наука имѣетъ ту особенность, которая по отношенію къ ея содержанію, выражается въ ея методѣ, какъ методѣ генетической. Эти существ. части или ступени генетич. развитія науки, какъ главныя части, суть, какъ мы видѣли: 1, часть первая, которая разсматриваетъ право (разумѣется вообще всесторонне, всеобъемлю-

ще и всецѣло); часть 2-ая которая разсматриваетъ общество такимъ же порядкомъ; часть 3-ья, которая разсматриваетъ государство и наконецъ часть 4-ая, которая разсматриваетъ право, общество и государство въ ихъ связи, или право въ обществѣ и государствѣ. Поэтому мы необходимо и должны слѣдовать оправданному и разъясненному нами во введеніи такому раздѣленію нашей науки на эти главныя части, должны, именно, начать съ первой части, которую мы озаглавили „право или о правѣ". Затѣмъ, въ четвертой части введенія въ нашу науку, когда мы говорили о ея раздѣленіи, мы сказали, что каждая изъ частей можетъ и должна быть подраздѣлена, вслѣдствіе приложенія къ содержанію нашей науки генетич. методы, какъ ей соотвѣтствующей, на три отдѣла, находящихся между собою въ соотвѣтствіи. Такъ первый отдѣлъ первой части долженъ разсматривать право относительно его началъ или принциповъ (принципы права) и то, что прямо непосредственно выводится изъ опредѣленія и поставленія такихъ принциповъ или началъ права, т. е. — опредѣленія права. Второй отдѣлъ долженъ разсматривать развитіе этихъ началъ или принциповъ права, но не какъ историческое, а какъ генетическое развитіе, вслѣдствіе приложенія той же генетич. методы къ содержанію нашей науки и, наконецъ, третій отдѣлъ долженъ разсматривать право съ опредѣленными въ немъ началами, или принципами, слѣд. получившее свое опредѣленіе, дефиницію и развившееся въ своихъ принципахъ до того опредѣленія, которое выражаетъ вполнѣ его сущность, его понятіе, — какъ такое право должно восходить къ тому, что есть уже-

его сознаніе, или знаніе, ибо генезисъ предмета, разсматриваемаго въ нашей наукѣ, а слѣд. и права есть ничто иное, какъ сознанный человѣчествомъ генезисъ и слѣд. необходимо предполагается сознаніе или знаніе этого генезиса. Сознаніе или знаніе генезиса права есть то, что назыв. наукою права. Но наука права не есть наука въ смыслѣ специальн. отдѣльной какой нибудь науки, а есть цѣлая область специальн. отдѣльныхъ наукъ, назыв. юридическими, или правными науками и эта область короче назыв. правовѣдѣніемъ или юриспруденціею. Слѣдов. въ третьемъ и послѣднемъ отдѣлѣ 1-ой части, разсматривающій право, должно быть разсматриваемо восхожденіе, опять генетическое, права къ правовѣдѣнію.

Часть Iая

А. Право

Отдѣлъ 1ый

Принципы и опредѣленія права.

При раздѣленіи нашей науки на части мы, по причинамъ, нами объясненнымъ, остановились только на главныхъ или собственно такъ назыв. частяхъ и на раздѣленіи этихъ частей на отдѣлы. Что касается самого подраздѣленія такихъ отдѣловъ, то мы сказали, что, по свойству самого предмета, эти дальнѣйшія подраздѣленія, различныя въ различныхъ отдѣлахъ, не представляютъ между собою соотвѣтствія, почему мы и не говорили о нихъ во введеніи, не говорили еще и потому, что

если-бы о нихъ сказать, т.е. если-бы сказать о раздѣленіи частей на отдѣлы, а отдѣловъ на главы, главъ на части, а этихъ частей на другія части и т.д., то мы дошли-бы, наконецъ, до единичныхъ положеній, или истинъ, составляющихъ содержаніе нашей науки. Теперь-же необходимо объ этомъ сказать, потому что въ этихъ частяхъ перваго отдѣла заключается генетич. развитіе самого этого отдѣла, а именно; это суть ступени генетич. развитія принциповъ и опредѣленій права. Такихъ ступеней всего три, а слѣд. этотъ отдѣлъ нужно подраздѣлить на три главы. Эти три главы должны слѣдовать въ такомъ порядкѣ, который обусловливается тѣмъ, что это суть ничто иное, какъ ступени генетич. развитія содержанія этого отдѣла. Мы озаглавливаемъ эти главы такимъ образомъ:

Глава 1-я восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права, что служитъ для принциповъ права ихъ отправною точкою, ибо принципы права не поставляются мыслителями разомъ, вдругъ, а появляются мало по малу, потому что человѣчество мало по малу восходитъ къ сознанію принциповъ права. Затѣмъ, когда человѣчество взойдетъ въ лицѣ своихъ представителей философовъ къ принципамъ права и выводимымъ изъ нихъ опредѣленіямъ, или дефиниціямъ права, тогда являются эти принципы уже въ собственномъ своемъ развитіи, какъ генетич. развитіи, т.е. мышленіе не останавливается просто на принципахъ права и ихъ опредѣленіяхъ, [illegible] опредѣляетъ самые эти принципы, въ [illegible] они состоятъ. Эти опредѣленія, взгля[illegible] [illegible] зрѣнія на принципы права безко-

нечно разнообразны; но все ихъ разнообра-
зіе представляется ни чѣмъ инымъ, какъ сту
пенями генетич. развитія самыхъ этихъ
принциповъ, а слѣд. и опредѣленій права.
слѣдов. вторая глава можетъ быть озагла-
влена такъ: развитіе принциповъ и опре-
дѣленій права. Наконецъ 3я глава, какъ тре-
тія и послѣдняя ступень генетич. развитія
этихъ принциповъ, должна сама собою,
на основаніи нашей методы, представить
исходную точку этихъ принциповъ. Исход-
ная точка этихъ принциповъ и опредѣле-
ній права, выражается въ томъ, что мы
назвали отношеніемъ нашей науки къ
принципамъ и опредѣленіямъ права. По-
чему мы такъ озаглавливаемъ эту гла-
ву, объ этомъ теперь говорить совершенно
излишне.

Прежде изложенія содержанія указан-
ныхъ главъ, намъ остается разъяснить ихъ
заглавіе, вмѣстѣ съ оправданіемъ ихъ необ-
ходимости и ихъ порядка. Прежде всего за-
мѣтимъ, что изъ заглавій всѣхъ этихъ
трехъ главъ перваго отдѣла первой части
слѣдуетъ, что во всѣхъ этихъ главахъ
дѣло идетъ о принципахъ и опредѣленіяхъ
права, такъ что это суть главныя ча-
сти одного и того же отдѣла, который
разсматриваетъ принципы и опредѣле-
нія права. Въ этомъ выражается уже,
что всѣ эти три главы суть, въ самомъ
дѣлѣ, части этого именно 1го отдѣла,
а не другого какого нибудь отдѣла. Оправ-
даемъ теперь заглавія каждой главы
этого отдѣла. Въ заглавіи первой главы
„восхожденіе къ принципамъ и опредѣле-
ніямъ права" разумѣется выражающееся
въ рядѣ положительныхъ фактовъ, какъ
ступеней поступательн. генетическ. дви-

женія, восхожденіе человѣчества въ своемъ сознаніи къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Весь этотъ рядъ положительныхъ фактовъ, вмѣстѣ взятыхъ, служитъ отправною точкою этого человѣческаго сознанія генезиса этого предмета, какъ развитія поставляемыхъ философами, какъ его представителями, принциповъ и опредѣленій права. Но мы знаемъ, что избранная нами для изложенія предмета и содержанія нашей науки генетич. метода, по своей сущности, по своему понятію, и требуетъ, именно, начинать съ отправной точки предмета. Вотъ почему съ этой именно главы мы и должны начать изложеніе перваго отдѣла 1-ой части. По этой причинѣ и въ этомъ смыслѣ, восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права есть первая существен. глава этого отдѣла, разсматривающаго вообще принципы и опредѣленія права.

Вторую главу мы озаглавили такъ: развитіе принциповъ и опредѣленій права. Подъ развитіемъ здѣсь разумѣется генетическое, а не другое какое нибудь, напр. историческое развитіе, а подъ принципами права разумѣются здѣсь поставленныя философами начала права, какъ показываетъ самое слово принципы (отъ латинск. слова principium, по гречески ἀρχή), но въ тѣхъ различныхъ значеніяхъ, какія мы впослѣдствіи на болѣе удобномъ мѣстѣ объяснимъ. Наконецъ, подъ опредѣленіемъ права мы здѣсь разумѣемъ реальное его опредѣленіе, а не вербальное и не номинальное, ибо опредѣленія вербальныя и номинальныя д. быть указаны нами не въ этой главѣ, а впослѣдствіи, на

своемъ мѣстѣ. Эта глава необходимо должна слѣдовать за первою главою и быть второю главою первой части, потому что этого требуетъ избранная нами генетич. метода, ибо послѣ того, какъ въ первой главѣ будетъ указана отправная точка принциповъ и опредѣлений, необходимо уже затѣмъ указать самое генетич. развитие тѣхъ принциповъ и опредѣлений права, къ которымъ взошло человѣческое сознание, отправляясь отъ цѣлаго ряда положительныхъ фактовъ, какъ отъ своей отправной точки. Ко этой-то причинѣ и въ этомъ-то смыслѣ, развитие принциповъ и опредѣлений права есть вторая глава этого перваго отдѣла 1-ой части.

Наконецъ 3-ю главу мы озаглавили такъ: отношение науки къ принципамъ и опредѣлениямъ права. Подъ этими словами разумѣемъ мы здѣсь различные взгляды представителей науки на поставленные принципы и опредѣления права и вообще указания на то, какъ можетъ смотрѣть на нихъ наука, какъ смотритъ на нихъ и какъ должна смотрѣть на нихъ (возможность, дѣйствительность и необходимость). Разумѣется, что мы, слѣдуя избранный нами для нашей науки генетич. методѣ, должны смотрѣть на принципы и опредѣления права, или, что все равно, должны отнестись къ нимъ не иначе, какъ генетически. Это значитъ, что мы должны представить генетич. развитие права въ его всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости. Но такое представление есть уже дѣло не перваго, а втораго отдѣла первой части, а потому восхожде-

ніе къ генетическому развитію права, но еще не самое это развитіе, есть послѣдняя исходная точка, или исходъ разсматриванія принциповъ и опредѣленій права, которою и должны мы заключить окончательно весь этотъ отдѣлъ первой части нашей науки. По такой-то причинѣ и въ такомъ-то смыслѣ, отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права есть 3ья и вмѣстѣ послѣдняя существен. часть этого перваго отдѣла, т. е. третья и послѣдняя его глава. Теперь уже мы можемъ приступить къ изложенію всѣхъ этихъ трехъ главъ 1го отдѣла первой части нашей науки въ объясненномъ нами ихъ значеніи и въ оправданномъ нами порядкѣ, какъ ступеней генетич. развитія принциповъ и опредѣленій права. Итакъ,

Глава 1ая

Восхожденіе къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Человѣческое сознаніе въ своихъ представителяхъ, мыслителяхъ, философахъ, представителяхъ науки, восходитъ генетически къ принципамъ и опредѣленіямъ права, проходя пять главныхъ ступеней этого восхожденія. Этимъ пяти ступенямъ соотвѣтствуетъ пять главныхъ положит. фактовъ, сознаваемыхъ человѣчествомъ, на которыхъ основывается такое восхожденіе по пяти ступенямъ этого восхожденія, но не болѣе и не менѣе потому что есть только пять главныхъ

положительныхъ фактовъ человѣч. генетич. сознанія такого восхожденія къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Разсмотримъ же эти ступени генетич. восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права порознь и въ связи ихъ между собою. Итакъ,

1-ая ступень.

Вездѣ, гдѣ существуетъ только человѣческое общество, или, что все равно, во всѣхъ людскихъ обществ. союзахъ, какъ-бы не были слабы узы, соединяющія людей въ эти союзы, общества, какъ бы не казались люди, живущіе въ этихъ обществахъ, отдѣльными другъ отъ друга, въ смыслѣ единичныхъ людей, индивидовъ, — находимъ мы вездѣ (и это есть неопровержимый историческій, несомнѣнный фактъ), что эти люди, какъ и цѣлыя общества, состоящія изъ такихъ людей, какъ и цѣлыя племена, народы признаютъ обязательными для себя какія-нибудь болѣе или менѣе опредѣленныя правила, нормы, законы для своей внѣшней, т. е. видимой, обнаруживаем. во внѣшней свободной дѣятельности, своей обществ. жизни, - правила, нормы, законы, установленные въ ихъ обществѣ, племени, народѣ или обычаемъ, или собств. такъ называв. законами въ см. постановленій, исходящихъ отъ властей общественныхъ союзовъ. Эти люди живя въ обществѣ, признаютъ для себя такія нормы, законы обязательными и притомъ до такой степени, что въ случаѣ ихъ несоблюденія, какъ отрицанія или же нарушенія, т. е. прямого преступленія

ихъ, признаютъ возможнымъ и даже необходимымъ употребленіе со стороны обществ. властей разныхъ мѣръ физическаго принужденія, такихъ мѣръ, которыми могли-бы быть обезпечены, защищены, охранены и даже возстановлены въ своемъ дѣйствіи несоблюденныя, нарушенныя правила, нормы, законы. Такую принудительную обязательность этихъ правилъ, нормъ или законовъ, назыв. юристы правною, или юридич. обязательностью, въ отличіе отъ непринудит. обязательности, которую наз. они моральною или собственно нравственною, тѣхъ правилъ или нормъ, которыя назыв. они, вслѣдствіе этого нравственными въ собственномъ смыслѣ или моральными, разумѣя подъ ними такія правила, нормы или законы, соблюденіе которыхъ возлагается, или общественными правами даннаго общества, или же положит. его религіею только на такъ назыв. совѣсть человѣка, т. е. на его внутр. нравственное сознаніе, какъ сознаніе съ его стороны добра и зла, такъ что соблюденіе этихъ правилъ, законовъ, нормъ поставляется въ этомъ смыслѣ въ зависимость отъ совѣсти человѣка и не допускаетъ никакой принудительности. Юридическую обязательность правилъ, нормъ, законовъ вообще называютъ юристы потому иначе юридическ. обязательною ихъ силою, или ихъ юридическимъ обязательнымъ дѣйствіемъ или просто юридическимъ дѣйствіемъ. Затѣмъ, система, какъ единство всѣхъ такихъ юридическихъ правилъ, нормъ, законовъ, опредѣляющихъ, регулирующихъ, или норми-

рующихъ свободныя дѣянія, поступки людей или цѣлыхъ обществъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою въ ихъ различныхъ областяхъ общественной жизни или, что все равно, опредѣляющихъ, регулирующихъ, нормирующихъ вообще ихъ дѣятельность, какъ дѣятельность свободную, ихъ жизнь въ обществѣ, назыв. юристы правомъ, jus даннаго общественнаго союза, прибавляя, что это есть его положительное право, т.е. такія правила, такія законы или нормы, которыя - какъ - бы положены, установлены въ этомъ союзѣ, въ этомъ обществѣ.

И такъ, вездѣ и всегда въ людскихъ общественныхъ союзахъ находимъ мы право въ этомъ смыслѣ слова. Это право, какъ право положительное (jus positivum) наз. юристы также правомъ въ объективн. или предметномъ смыслѣ этого слова (jus in sensu objectivo или sensu objectivo), законами (по гречески Νόμος, droit по французски, Recht по нѣмецки), или, короче, объективнымъ, предметнымъ правомъ. Это потому, что такое право въ этихъ правилахъ, нормахъ, законахъ, есть нѣчто предлежащее, предметное для субъекта, для человѣка, какъ члена даннаго общественнаго союза, для котораго оно обязательно юридически, имѣетъ обязат. юридич. силу или обязат. юридич. дѣйствіе, въ смыслѣ внѣшняго для него, какъ субъекта,

какъ бы изъ внѣ ему даннаго. Таково, напр. русское право, какъ право положительное, въ объективн., предметномъ смыслѣ, римское право и т. под.. Итакъ, положит. право въ объективн., предметн. смыслѣ этого слова, или короче, объективн. предметн. право есть система, имѣющихъ юридич. обязательную силу, или юридич. дѣйствіе правилъ, нормъ законовъ, установленныхъ въ извѣстн. людскихъ обществ. союзѣ, какъ для внѣшней свободной дѣятельности членовъ этого союза, такъ и для самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ его, а именно, для взаимныхъ отношеній членовъ союза между собою и къ цѣлому союзу и къ частямъ его. Такое право въ объективн. предметн. см. или объект. право съ одной стороны уполномочиваетъ членовъ даннаго обществ. союза какъ и самый союзъ въ цѣломъ и въ частяхъ его на извѣстн. внѣшнія, т.е. видимыя, обнаруживаемыя во внѣ дѣйствія. Дѣйствія эти, на которыя оно уполномочиваетъ, могутъ быть или положительными или отрицательными дѣяніями. Положительныя дѣянія суть дѣянія въ собствен. смыслѣ т.е. это есть способность, возможность и самая дѣйствительность дѣлать что нибудь, а отрицательн. дѣянія, то суть способность, возможность и самая дѣйствительность не дѣлать чего либо,

или воздерживаться отъ какого нибудь дѣянія. Напр. положительное право даетъ обыкновенно человѣку, какъ члену союза, уполномочіе на то, чтобы онъ распоряжался своимъ имуществомъ, составляющимъ его частную собственность, чтобы онъ что нибудь дѣлалъ (это положит. дѣяніе) или даетъ человѣку уполномочіе на отрицательное дѣяніе, а именно, на то, чтобы онъ чего нибудь не дѣлалъ, т. е. чтобы онъ не былъ обязанъ дѣйствовать; напр. въ чью нибудь пользу, что нибудь жертвуя ~~на то~~ своего ~~ним~~ имуществаи, ~~ради он~~ къ тому обязывается: самъ посредствомъ договора, или же развѣ онъ будетъ обязанъ къ тому своимъ состояніемъ, т. е. состояніемъ, напр. отца въ пользу дѣтей и состояніемъ дѣтей въ пользу родителей, состояніемъ гражданина, какъ члена извѣстнаго общественнаго союза, или какъ члена государства вообще въ пользу государства и т. под.?. Слѣдов. объективное право съ одной стороны уполномочиваетъ членовъ даннаго общественнаго союза и самый союзъ или на положит. или на отрицат. дѣянія, т. е. даетъ имъ извѣстное полномочіе дѣлать что нибудь или чего нибудь не дѣлать. Такое данное объективнымъ правомъ извѣстному члену общественнаго союза или самому союзу въ цѣломъ или въ частяхъ его полномочіе на извѣстныя положительн. или отрицательн. дѣянія назыв. юристы также словомъ право, но, употребляя это слово не въ предметномъ, объективн. смыслѣ, а въ субъективномъ, или личномъ смыслѣ (jus in sensu subjectivo, или sensu subjectivo) или, короче, назыв. его субъективнымъ правомъ, нѣмцы назыв. его также das …, французы droit. Его назыв. субъективн. правомъ потому, что оно есть полномочіе, принадлежащее какому нибудь извѣстному существу, которое есть субъектъ этого полномочія. Слѣдов. это есть право, принадлежащее извѣстному существу, извѣстному ли-

цу, какъ субъекту и оттого-то оно и называется субъективнымъ или личнымъ правомъ. Такого, напр. право собственности, даваемое, какъ я сказалъ, объективнымъ положительнымъ правомъ, какъ право распоряжаться частнымъ имуществомъ, слѣдов. въ смыслѣ полномочия на извѣстн. положительныя дѣянія или, напр. таково субъективное право собственника на то, чтобы воздерживаться отъ извѣстныхъ дѣяній, напр., на то, чтобы не отдавать никому своего имущества помимо своей свободной воли, развѣ, какъ я сказалъ, что обязанность была-бы условлена его особеннымъ состояніемъ въ обществѣ, или же его положеніемъ, какъ члена государства. Съ другой стороны, объективное право требуетъ отъ членовъ даннаго общественнаго союза, какъ и отъ самого союза въ цѣломъ и въ частяхъ его дѣлать что нибудь или не дѣлать чего нибудь, т.е. воздерживаться отъ чего нибудь, т.е. требуетъ отъ нихъ опредѣлен. положит. или отрицат. дѣяній, требуетъ отъ нихъ какъ чего-то необходимаго, но необходимаго не физически, а нравственно, т.е. не вслѣдствие того, что человѣкъ какъ существо физическое, какъ часть физической, матеріальной природы, подчиняется ея законамъ, а вслѣдствие того, что человѣкъ, какъ существо нравственно свободное, долженъ что нибудь дѣлать или чего нибудь не дѣлать, на основании объективнаго права, вслѣдствие его полномочия, исполняя это требованіе, какъ нравственно необходимое, или какъ должное, какъ обязательное въ собствен. смыслѣ, т.е. обязывающее свободную волю человѣческую, обязывающее человѣка, какъ свободное существо. Обусловленную такимъ требованіемъ со стороны объективнаго права нравств. необходимость для субъекта, или лица сдѣлать что нибудь, или чего нибудь не дѣлать, назыв. юристы обязанностью (offi-

cium), но съ прибавленіемъ, что это есть юридическая обязанность (officium juridicum), а не какъ обязательство, какъ иногда смѣшиваютъ въ особенности французскіе юристы обязанность съ обязательствомъ, между тѣмъ, какъ обязательство въ смыслѣ термина имѣетъ извѣстное условное значеніе, совершенно другое, нежели то какое имѣетъ слово юридич. обязанность. Обязательство есть внѣшнее, взаимное отношеніе между лицами, основанное преимущественно на договорѣ, хотя могутъ быть еще и другія какія нибудь основанія. Такъ какъ обязанность налагается объективнымъ правомъ, то потому-то она и назыв. собственно юридич. или правною обязанностью, чѣмъ и отличается она отъ собственно нравственной или моральной обязанности, ибо подъ послѣднею разумѣется обязанность, налагаемая моралью, или моральностью, т.е. нравственностью въ собственномъ смыслѣ, именно правами или положительн. религіею съ внѣшней стороны для человѣка или же съ внутренней стороны его собственною совѣстью, какъ сознаніемъ нравственнаго добра и зла. Но какъ правная или юридическая, такъ и нравственная въ собственномъ смыслѣ, или моральная обязанность назыв. философами однимъ и тѣмъ же именемъ, какъ родовымъ для нихъ названіемъ, а именно, этическою обязанностью, или нравств. въ обширномъ смыслѣ этого слова, ибо, какъ юридическая такъ и моральная обязанность имѣютъ между собою то общее, что какъ та, такъ и другая обязанность есть нравственная а не физическая необходимость для человѣка дѣлать что нибудь или чего нибудь не дѣлать, т.е. есть требованіе выполненіе котораго зависитъ отъ свободы человѣка, въ отличіе отъ физической необходимости, т.е. отъ того, выполненіе чего не зависитъ отъ человѣческой свободы или другими словами

нравственная въ обширномъ смыслѣ, или этическая необходимость вообще обязанность, что нибудь дѣлать или чего нибудь не дѣлать. Какъ правная или юридическая, такъ и моральная или собственно нравственная обязанность есть нѣчто должное, есть долгъ, обязывающій свободную волю человѣка, какъ существа, какъ члена нравственнаго міра, или существа свободнаго, почему такая обязанность и назыв. нравственною въ обширномъ смыслѣ обязанностью. Напротивъ физическая необходимость не есть обязанность ни въ какомъ смыслѣ, не есть нѣчто должное, не есть долгъ человѣка, который-бы обязывалъ его свободную волю, какъ существа нравственнаго, свободнаго, а есть физическая необходимость и въ этомъ смыслѣ только должное, что на нашемъ языкѣ не различается, ибо выраженіе „я долженъ" означать и физическ. и нравств. необходимость, между тѣмъ, какъ въ нѣмецкомъ языкѣ есть для этого два слова, а именно ich muß относится собственно къ физической необходимости, а ich soll означаетъ собственно нравственную необходимость. Такъ, напр. этическ. или нравств. необходимость въ обширномъ смыслѣ для человѣка, какъ правная, юридическая обязанность, состоитъ въ томъ, чтобы онъ исполнялъ всякіе договоры, заключенные имъ свободно и не въ противность объективному праву (это положит. дѣяніе), или, напр. чтобы онъ не посягалъ на чужую собственность, воздерживался бы отъ вмѣшательства въ распоряженіе вещами, другимъ лицамъ принадлежащими (это отрицательное дѣяніе). Нравственная въ обширномъ смыслѣ, или этическая необходимость, но уже не юридическая а моральная обязанность, есть, напр. обязанность человѣка, по мѣрѣ возможности, посильно помогать бѣднымъ, впавшимъ въ нищету, вообще по-

могать въ такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ находится нынѣ наше отечество (помогать раненымъ и семействамъ убитыхъ воиновъ за насъ, за наше отечество), или не настаивать, если только возможно физически, на исполненіи договора со стороны другихъ лицъ въ нашу пользу, когда человѣкъ, состоящій съ нами въ договорѣ, такъ назыв. должникъ нашъ немедленнымъ исполненіемъ договора, къ чему онъ обязанъ юридически, напр. уплатою долга, можетъ придти въ крайнюю бѣдность, нищету, между тѣмъ, если нами будетъ отсрочена уплата долга, то онъ можетъ исполнить свой договоръ, уплатить намъ свой долгъ безъ всякихъ для себя крайностей. Физическая-же необходимость для человѣка — это, напр. ѣсть, пить, спать и проч. съ тѣмъ, чтобы сохранить свое здоровье и свою жизнь, свое существованіе, какъ существа физической природы, какъ часть природы. Правда человѣкъ воленъ не удовлетворять даже вовсе или мало удовлетворять свои физическія потребности, т.е. можетъ, напр. вовсе воздержаться отъ пищи, чтобы скорѣе умереть и пр., но физически необходимымъ или естественнымъ послѣдствіемъ такого неудовлетворенія будетъ смерть или, по крайней мѣрѣ, болѣзнь, которою смерть приближается. Итакъ, субъективное право есть даваемое извѣстн. объект. правомъ извѣстному субъекту извѣстное полномочіе, а правная юридич. обязанность есть нравств. въ обширномъ смыслѣ или этическая необходимость, налагаемая на извѣстный субъектъ, лицо объективнымъ правомъ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что объективное право служитъ основою для всякаго субъективнаго права, какъ и для всякой юридической обязанности, такъ что нѣтъ права субъективнаго и нѣтъ юридической обязанности безъ объективнаго права. Всякая обязанность налагается, именно, ничѣмъ инымъ, какъ объекти-

нымъ правомъ, какъ и всякое право дается ни-
чѣмъ инымъ, какъ объективнымъ правомъ. Но,
противъ этого, можно возразить, что права
даются не только объективнымъ правомъ, но и
различными договорами (я напр. заключаю до-
говоръ, на основаніи котораго извѣстный чело-
вѣкъ обязанъ мнѣ отдать извѣстныя вещи
за извѣстную сумму денегъ). Противъ этого
возраженія слѣдуетъ отвѣтить то, что дого-
воръ есть нѣчто непосредственно вытекающее
изъ объективнаго права, на основаніи котораго
налагаются извѣстныя обязанности на лицъ,
заключившихъ договоръ. Слѣдов. права, вытекаю-
щія изъ договора все таки, основываются на объ-
ективномъ правѣ. Если объективное право за-
прещаетъ что нибудь покупать или прода-
вать (есть такія вещи, относительно ко-
торыхъ существуетъ подобное запрещеніе), то
договоръ купли и продажи относительно такихъ
вещей не дѣйствителенъ, т. е. изъ него не вы-
текаетъ ни какихъ обязанностей. Но, хотя,
какъ всякое субъективное право, такъ и всякая
юридическая обязанность имѣютъ одну и ту-
же общую основу, а именно, объективное пра-
во однако же, люди никакъ не смѣшиваютъ
~~объективнаго права~~ юрид. обязанности съ ~~субъективнымъ~~ субъективнымъ пр. Это
видно изъ того, что такъ какъ права въ
субъективномъ смыслѣ суть ничто иное, какъ
данныя, или даваемыя объективн. правомъ из-
вѣстному субъекту, лицу полномочія, то лю-
ди признаютъ, что они имѣютъ юридическое
т. е. субъективное право и не пользоваться свои-
ми правами отчасти или даже вовсе ими
не пользоваться; слѣд. люди признаютъ, что
объективное право не налагаетъ на ~~людей~~ нихъ юри-
дической обязанности непремѣнно пользовать-
ся своими субъективными правами. Слѣдоват.,
субъективныя ~~и объективныя~~ права и юр. обязан. не суть

тождественныя понятія, потому что еслибы объективное право налагало на лицъ, имѣющихъ субъективныя права, юридическую обязанность ими пользоваться, то въ такомъ случаѣ права эти перестали-бы быть правами, т.е. перестали-бы быть полномочіемъ субъекта и превратились-бы для него въ юридическую обязанность. Напр. объективное право даетъ заключившему договоръ субъективное право требовать его исполненія, напр. требовать уплаты долга въ означенный срокъ; но это субъективное право, какъ полномочіе не обязательно для человѣка, т.е. онъ можетъ имъ воспользоваться и не воспользоваться, т.е. можетъ потребовать уплаты всего долга въ означенный срокъ, или же может потребовать только часть долга, напр. изъ 100 руб. 50 и можетъ даже совершенно подарить этотъ долгъ и разорвать вексель и т. под.. Никакое объективное право не принуждаетъ человѣка къ тому, чтобы онъ воспользовался своимъ субъективнымъ правомъ, иначе это право превратилось бы въ обязанность. Напротивъ, такъ какъ, налагаемая объективн. правомъ юридическая обязанность, есть нравственная въ обширномъ смыслѣ или этическая обязанность, то потому люди признаютъ, что она должна быть ими исполняема, соблюдаема и не должна быть ими нарушаема ни положит. ни отрицательн. дѣяніями, ибо въ противномъ случаѣ, если-бы объективное право не принуждало къ исполненію юридической обязанности, то юридическая обязанность перестала-бы быть ~~правомъ~~ обязанностью, а превратилась-бы въ субъективное право, или полномочіе. Такъ, напр. обязанность исполнять заключенный законнымъ образомъ и вообще непротивозаконный договоръ есть нѣчто нравств. необходимое для договорившихся сторонъ, обязательное вслѣдствіе того, что объективное право освятило этотъ договоръ,

требуя отъ заключившихъ его сторонъ необходимаго его исполненія. Обязанность исполнять такой договоръ вовсе не есть потому право исполнять его, которымъ можно и не воспользоваться. Затѣмъ, всякое дѣяніе, согласное съ правомъ и объективнымъ и субъективнымъ, т.е. выполняющее или не нарушающее положительн. или отрицательное право субъекта, называютъ люди или правнымъ или правомѣрнымъ положительнымъ или отрицательнымъ дѣяніемъ; всякое же согласіе даннаго человѣческаго дѣянія съ объективнымъ и субъективнымъ правомъ назыв. юристы правостью или правомѣрностью дѣянія. Напротивъ, всякое дѣяніе не согласное съ правами объективными и субъективными, противное имъ и слѣд. не согласное съ юридич. обязанностью, т.е. которымъ не выполняется, не соблюдается или же прямо нарушается право въ субъективн. и объективн. смыслѣ и юридическія обязанности, какъ дѣяніе положительное или отрицательное, называютъ люди неправнымъ, не правомѣрнымъ дѣяніемъ или просто неправомъ или правонарушеніемъ, и самое несогласіе даннаго дѣянія съ правами объективными и субъективными и съ юридич. обязанностью назыв. юристы неправостью или неправомѣрностью.

И такъ, первый положительный фактъ, соотвѣтствующій этой ступени генетич. восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права есть тотъ, что всегда и вездѣ, гдѣ только существуетъ человѣческое общество, или во всякомъ людскомъ общежит. союзѣ было и есть, какъ одно изъ необходимѣйшихъ условій человѣческой людской общественной жизни, право въ объективномъ и субъективн. значеніи и юридич. обязанности, какъ на нихъ основанныя, а также правныя или правомѣрныя дѣянія и неправныя и неправомѣрныя дѣянія, т.е. неправо или правонарушенія; всегда и вездѣ человѣчество признавало

все это существующимъ въ людскомъ обществѣ и, находя его такимъ образомъ существующимъ, оно дѣлало его предметомъ своего созерцанія, наблюденія, изученія, обращая первоначально вниманіе на фактически существующее право или на такъ назыв. дѣйствующее положительное право, т. е. на объективное право, непосредственно господствующее въ данномъ людскомъ общественномъ союзѣ. Вслѣдствіе такого признанія люди признали также существующими правость, правоту или правомѣрность и напротивъ неправость, неправоту, неправомѣрность тѣхъ или другихъ людскихъ дѣяній. Система понятій, которыя человѣчество пріобрѣтаетъ и составляетъ себѣ о такомъ правѣ, образуетъ мало по малу то, что назыв. юристы догмою положит. права, въ смыслѣ науки.

<u>Вторая ступень</u> восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права: были и есть люди, которые относились къ существующимъ такимъ образ. въ дѣйствительности праву объективному и субъективному совершенно просто, безъ всякаго объ этомъ разсужденія, размышленія, безъ того, что наз. рефлексіею, наивно, какъ къ чему-то данному въ самомъ опытѣ факту, который они только воспринимаютъ, какъ нѣчто, именно извнѣ имъ данное, помимо ихъ воли и слѣд. какъ нѣчто какъ-бы физически для нихъ необходимое, не разсуждая о томъ, такъ или не такъ должно б. на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе какого нибудь основанія, причины, а просто, признавая для себя обязательнымъ дѣйствующее въ своемъ, именно, общественномъ союзѣ объективное право, пользуясь даннымъ этимъ объективн. правомъ субъективн. правами, какъ полномочіями и исполняя налагаемыя этимъ же объективн. правомъ обязанности, какъ обязанности правовыя, юридическія и, наконецъ,

подчиняясь основаннымъ на такомъ объектив. правѣ своего обществ. союза судебнымъ рѣшеніямъ или приговорамъ; рѣшеніямъ по дѣламъ спорнымъ, или такъ назыв. гражданскимъ и приговорамъ и по дѣламъ такъ назыв. уголовнымъ, предметъ которыхъ есть преступленіе и притомъ, признавая эти рѣшенія и приговоры, какъ сами по себѣ требующія отъ нихъ простаго повиновенія, покорности, такъ и со всѣми ихъ юридич. послѣдствіями, въ которыхъ выражается такая ихъ покорность, подчиненіе, а именно, начиная съ простаго ~~самого~~ отреченія отъ всякаго притязанія на что нибудь, когда судъ признаетъ это притязаніе неправомѣрнымъ и восходя, мало по малу, къ той мѣрѣ, которая назыв. наказаніемъ за преступленіе, переходя при этомъ чрезъ множество такихъ ступеней въ смыслѣ и гражд. и полиц. и уголовн. мѣръ и взысканій, (какъ, наприм. возстановленіе нарушеннаго права, вознагражденіе за причиненный другому вредъ и убытокъ, штрафы разнаго рода, въ особенности денежные, налагаемые за какіе нибудь проступки и т. п.). Это есть второй несомнѣнный положительный фактъ, соотвѣтствующій этой второй ступени генетич. восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

<u>Третья ступень</u> этого восхожденія: были и есть люди, которые не останавливаются на такомъ простомъ наивномъ отношеніи къ объективному и субъективному праву и юридич. обязанностямъ и къ судебнымъ постановленіямъ и рѣшеніямъ, а напротивъ подмѣчали и подмѣчаютъ въ самыхъ себѣ какое-то безотчетное, и неопредѣленное, темное и смутное внутрен. чувствованіе, которое вызываетъ въ нихъ разныя сужденія о дѣйствующемъ въ ихъ обществ. союзѣ объективн. правѣ и объ основанныхъ на немъ субъективн. правахъ и юридич. обязанно-

стяхъ, а также о постановленіяхъ, т.е. рѣшеніяхъ и приговорахъ судебн. мѣстъ, съ ихъ послѣдствіями, основанными на этомъ объективн. правѣ; словомъ, были и есть люди, которые восходятъ къ разсужденію, къ размышленію, обо всемъ сказанномъ или къ рефлексіи, къ размышленію о томъ такъ ли это должно быть или не такъ. Такое безотчетное и неопредѣленное темное смутное чувствованіе назыв. юристы обыкновенно чувствомъ права, а именно, это выраженіе употребляютъ въ особенности нѣмецк. юристы (Rechtsgefühl). Но въ этомъ выраженіи нужно остерегаться понимать эти слова въ тѣхъ значеніяхъ, въ какихъ они обыкновенно принимаются, а именно, въ этомъ выраженіи „чувство права" подъ чувствомъ не слѣдуетъ разумѣть всякое вообще чувство, какъ физическое такъ и духовное, а слѣдуетъ разумѣть духовное чувство, которое въ отличіе отъ физическаго чувства, слѣдуетъ называть въ смыслѣ особеннаго термина чувствованіемъ (Gefühl), въ отличіе отъ физическаго чувства, которое слѣдуетъ назвать другими словами въ смыслѣ термина а именно ощущеніемъ. Далѣе, въ выраженіи „чувства права" подъ словомъ права неслѣдуетъ разумѣть то, что до сихъ поръ мы понимали подъ нимъ, а именно, объективное, или субъективное право (jus), а нужно разумѣть то, что въ отличіе отъ объективнаго права (jus) назыв. праведнымъ и справедливымъ, слѣдов. это есть чувствованіе праведнаго и справедливаго, какъ внутреннее душевное чувствованіе (das Gerecht, justum), которому противопоставляютъ неправедное и несправедливое (ἄδικος. injustum). Иногда вмѣсто слова праведное и справедливое употребляютъ существительное правда и справедливость (justitia δικαιοσύνη Gerechtigkeit). Поэтому и чув-

ство права назыв. также чувствомъ правды и справедливости, а противоположное ему чувство назыв. чувствомъ неправды и несправедливости. Такое праведное и справедливое, или такую правду и справедливость, въ самомъ дѣлѣ отличаютъ люди и народы отъ правомѣрнаго, праваго въ смыслѣ, согласнаго съ правомъ объективнымъ и субъективнымъ какъ положительнымъ правомъ, а слѣдоват. и юристы не должны смѣшивать одного съ другимъ, т. е. праваго въ смыслѣ согласнаго съ правомъ положительнымъ и праведнаго и справедливаго. Руководствуясь такимъ своимъ чувствомъ права, люди судятъ о дѣйствующемъ въ извѣстн. обществен. союзѣ положит. объективн. правѣ, объ основанныхъ на немъ субъективныхъ правахъ и обязанностяхъ, а также и о самомъ судѣ, т. е. о судебныхъ рѣшеніяхъ и приговорахъ съ ихъ юридическими послѣдствіями, а именно они представляютъ сами себѣ или даже выражаютъ это представленіе, что такое-то постановленное въ извѣстномъ обществѣ его положит. объективное право, во всѣхъ его формахъ, или, что такой-то юридическ. обычай или такой-то законъ, а также и такія-то основанныя на немъ субъективныя права и такія то основанныя на нихъ юридическія обязанности и, наконецъ, такія-то судебныя постановленія съ такими-то юридическими послѣдствіями праведны и справедливы, или согласны съ правдою и справедливостью, а такія-то неправедны и несправедливы или несогласны съ правдою и справедливостью, противны ей и что такія-то дѣянія праведны и справедливы или согласны съ правдою и справедливостью, а такія то неправедны и несправедливы или несогласны съ правдою и справедливостью. Изъ этого видно

уже, что люди этимъ самымъ признаютъ, что праведное и справедливое не тождественно съ правомъ (justum съ jus), что, мало того, justum какъ праведное и справедливое, возвышается надъ jus въ собствен. смыслѣ, надъ правомъ, что такое праведное и справедливое, или правда и справедливость служитъ критеріемъ, или мѣрою для права положительнаго со всѣмъ тѣмъ, что на немъ основывается (съ субъективн. правами, съ юридич. обязанностями и судебными рѣшеніями). Замѣчу при этомъ, что я не даромъ употребляю два слова для выраженія одного и того же понятія, т. е. для выраженія того, что на другихъ языкахъ (на латинскомъ, на греч. на французск. англійск. и нѣмецкомъ выражается всего однимъ словомъ) justum, gerecht, δίκαιον, и вотъ почему: если-бы я перевелъ эти слова на русскій языкъ однимъ только словомъ, то это можно было бы вызвать недоразумѣніе: если-бы я перевелъ слово justum словомъ праведное, то можно было-бы подумать, что justum значитъ согласное съ правдою въ смыслѣ истиннаго, если же наоборотъ я перевелъ слово justum словомъ справедливое, то въ такомъ случаѣ я не имѣлъ-бы слова для выраженія того понятія, которое въ другихъ языкахъ имѣетъ свое особенное обозначеніе а именно, для выраженія того, что на французск. языкѣ назыв. equitée по латинѣ equitas, т. е. для выраженія правды въ см. справедливости, слѣдов. можно было-бы смѣшивать праведное и справедливое, justum съ equum, чего мы не хотѣли и потому употребили два слова для выраженія, justum, а именно „праведное и справедливое". Того человѣка, который поступаетъ праведно и справедливо въ объясненномъ нами значеніи или по правдѣ и справед-

ливости, называютъ обыкновенно праведнымъ и справедливымъ, а того, который поступаетъ неправедно и несправедливо, не по правдѣ и не по справедливости назыв. неправеднымъ и несправедливымъ. Поступать во всемъ, всегда и постоянно, праведно и справедливо, т.е. согласно съ чувствомъ права, какъ правды и справедливости, какъ праведнаго и справедливаго, признаютъ юристы особенною добродѣтелью, которая назыв. праведностью и справедливостью (здѣсь также мы употребляемъ два слова, тогда какъ въ другихъ языкахъ для выраженій этихъ понятій употребляется одно слово). Поступать противно этому люди признаютъ тѣмъ особеннымъ порокомъ, порочностью, которую назыв. неправедностью и несправедливостью. Собственно же праведностью (однимъ словомъ) называется добродѣтель вообще въ см. теологическомъ, т.е. въ смыслѣ безгрѣшности. Поэтому также ясно, почему я употребилъ и въ этомъ случаѣ для обозначенія добродѣтели, такъ сказать, юридической два слова, а именно, праведность и справедливость. Въ смыслѣ теологическомъ вообще, въ смыслѣ добродѣтели, безгрѣшности назыв. обыкновенно праведнымъ только одного Бога, какъ абсолютно праведнаго; человѣка же, поступающаго по Его велѣніямъ, заповѣдямъ, называютъ праведникомъ. Въ этомъ смыслѣ говорятъ также теологи объ оправданіи человѣка въ смыслѣ искупленія человѣчества отъ первороднаго грѣха, вслѣдствіе признанія его освобожденнымъ, такъ сказать, отъ суда, который былъ бы надъ нимъ произнесенъ, если бы онъ не былъ искупленъ. Но какъ отъ праваго въ смыслѣ согласнаго съ положительнымъ правомъ съ одной стороны, такъ и отъ праведнаго и справедливаго въ смыслѣ согласнаго съ правдою и

справедливостью съ другой стороны отличаютъ юристы то, что обыкновенно называется справедливостью (equitas) или выражается какъ прилагательное, употребляемое, впрочемъ, какъ существительное, а именно, справедливое (equum). Это есть, именно, согласное съ тѣмъ, что называютъ и должно называть справедливостью (equitas), или, что можно назвать также справедливымъ правомъ (въ переводѣ отъ слова jus equum, по выраженію римскихъ юристовъ, ибо римскіе юристы отличали jus equum, какъ праведное и справедливое право, какъ правду и справедливость, отъ jus strictum, т. е. отъ строгаго положительнаго права, какъ права формальнаго, которое требуетъ соблюденія всѣхъ формальностей, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства, судитъ всегда всякое дѣяніе какъ-бы отвлеченно, абстрактно отъ дѣятеля, отъ всѣхъ обстоятельствъ его окружающихъ. Но съ друг. стороны jus equum или просто equum справедливое должно отличать и отъ того, что мы называемъ въ собственномъ смыслѣ правдою и справедливостью вмѣстѣ, потому что equitas есть нѣчто среднее между правдою и справедливостью съ одной стороны и между собственно правомъ, какъ положительнымъ правомъ, или строгимъ правомъ (jus strictum), а именно, справедливость состоитъ въ нѣкоторомъ смягченіи строгаго права, какъ положительнаго права съ цѣлью возможно большаго приближенія къ праведному и справедливому, къ правдѣ и справедливости отъ положительнаго права, отъ того, что требуется положительнымъ правомъ, а для этого необходимо непремѣнно обращать вниманіе на всѣ обстоятельства даннаго дѣянія, ~~какъ~~

его окружающіе, такъ что данное дѣяніе является какъ-бы центромъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а съ другой стороны обращать вниманіе и на самого дѣятеля и тогда уже поставлять приговоръ или судебное рѣшеніе согласное именно съ такою справедливостью. Вотъ почему я сказалъ, что справедливость есть нѣчто среднее между правдою и справедливостью съ одной стороны и между положительнымъ правомъ съ другой стороны или что все равно справедливость есть нѣчто среднее (jus equum), между праведнымъ и справедливымъ (justum) съ одной стороны и между строгимъ правомъ, какъ положительнымъ правомъ, не обращающимъ вниманія ни на какія обстоятельства и на самого дѣятеля. Дѣятельность человѣческая, согласная съ такою справедливостью, при постановленіи судебныхъ рѣшеній, приговоровъ о такомъ-то человѣкѣ, о его дѣяніяхъ, назыв. правосудіемъ (justicia), такъ что слово justicia имѣетъ еще одно значеніе. Justicia значитъ и правда и справедливость, и праведность как добродѣтель и правосудіе; слѣдоват., для выраженія каждаго изъ этихъ понятій у насъ имѣется три слова, между тѣмъ, какъ въ латинскомъ языкѣ имѣется только одно слово, что нерѣдко вызываетъ недоразумѣнія. Несогласная съ такою справедливостью дѣятельность назыв. неправосудіемъ, т. е. неправымъ судомъ, несправедливымъ судомъ. Есть еще слово юстиція, но не на латинскомъ, а на другихъ языкахъ, въ томъ числѣ и на нашемъ, которые позаимствовали это слово изъ латинскаго языка, а именно, подъ юстиціею на этихъ языкахъ разумѣется всякая вообще дѣятельность судебныхъ мѣстъ и лицъ, всякая дѣятельность судебныхъ властей, такъ что

подъ юстиціею разумѣется всякая вообще судебная дѣятельность, все равно будетъ-ли это дѣятельность правосудная или неправосудная. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ юстиція какъ судебная дѣятельность отличается отъ другихъ видовъ правительств. дѣятельности, каковы суть: законодательная и исполнительная, или административная. Законодательная дѣятельность состоитъ, какъ указываетъ самое названіе, въ изданіи законовъ, а исполнительная дѣятельность состоитъ въ приведеніи въ исполненіе этихъ законовъ, равно какъ и судебныхъ постановленій. Эта дѣятельность называется иногда административною дѣятельностью, хотя и не совершенно удачно, потому что администрація не ограничивается приведеніемъ въ исполненіе законовъ и судебныхъ постановленій, а вообще предпринимаетъ всѣ мѣры, направленныя къ тому, чтобы государство было управляемо согласно съ цѣлью, что составляетъ внутреннюю присущую цѣль государства, выражающуюся въ томъ, что называется вообще общимъ благомъ.

И такъ, теперь мы можемъ сказать, что такъ назыв. чувство права есть душевное чувствованіе и правды и справедливости (justitia) и собственно такъ назыв. справедливости (aequitas). Но это чувство права само по себѣ, какъ я уже сказалъ, есть безотчетное и неопредѣленное, темное и смутное. Впрочемъ это не есть особенность этого чувства, потому что всякое вообще чувство, какъ чувствованіе, непремѣнно, по самой своей природѣ, таково. Однако-же это чувство права, не смотря на такую свою природу, уже вызываетъ человѣческія сужденія о правѣ, какъ объективномъ, такъ и субъективномъ и о юридическихъ обязанностяхъ и о судебныхъ постановленіяхъ, т.е. о томъ, таковы-ли они дол-

жны быть, каковы на самомъ дѣлѣ, каковы есть, или они должны быть другіе. Слѣдоват. чувство права уже существенно отличается отъ простаго отношенія человѣка къ праву объективному и субъективному и къ юридическимъ обязанностямъ и къ судебнымъ постановленіямъ, т.е. отношенія, несопровождающагося никакимъ разсужденіемъ, ни какою рефлексіею, тогда какъ чувство права стоитъ уже выше такого отношенія, ибо въ силу своего чувства права человѣкъ уже судитъ о данномъ положительномъ объективн. правѣ и объ основанныхъ на немъ субъект. правахъ и юридическ. обязанностяхъ, а также о судебныхъ рѣшеніяхъ и о судебныхъ приговорахъ - согласны-ли они съ правдою и справедливостью или несогласны. Однакоже, вызываемыя чувствомъ права такія сужденія необходимо бываютъ также безотчетны и неопредѣленны, темны и смутны, какъ и самое чувство въ смыслѣ чувствованія, ихъ вызывающее, такъ что, руководствуясь такимъ чувствомъ права, человѣкъ не можетъ дать ни себѣ, ни другимъ отчета въ своихъ сужденіяхъ, указать причины, почему онъ такъ, а не иначе разсуждаетъ, или если и дастъ какое нибудь объясненіе, то оно не будетъ имѣть надлежащей опредѣленности, а будетъ темнымъ, не будетъ достаточно яснымъ, а будетъ смутнымъ, т.е. легко можетъ быть смѣшано съ другими подобными сужденіями. Такъ, если мы; наприм. спросимъ человѣка, руководящагося только такимъ чувствомъ права, почему онъ одобряетъ, похваляетъ такой то юридическій законъ, такую-то юридическую норму, какъ праведную и справедливую, а другую юридическую норму порицаетъ какъ неправильную и несправедливую, почему онъ

находитъ, что такія-то субъективныя права, или такія-то юридическія обязанности праведны и справедливы, а такія-то неправедны и несправедливы и наконецъ, почему онъ признаетъ, что такія-то судебныя рѣшенія и приговоры согласны съ правдою и справедливостью, а такія-то несогласны, что такой-то человѣкъ, руководствующійся такимъ чувствомъ права и вызываемыми имъ сужденіями, какъ сужденіями безотчетными и неопредѣленными, темными и смутными, или вовсе не дастъ отвѣта въ такомъ своемъ сужденіи, вовсе не опредѣлитъ его основы, его причины, или просто разъ скажетъ, что я такъ думаю что мнѣ такъ кажется, представляется, что я въ этомъ увѣренъ. Подобныя выраженія, конечно, ничего не доказываютъ, хотя ихъ, конечно, нерѣдко употребляютъ. Впрочемъ, слѣдуя такому своему чувству права, человѣкъ можетъ иногда даже привести какое нибудь основаніе своего сужденія, но неясность, смутность и нераздѣльность, спутанность съ другими подобными сужденіями укажетъ на то, что такое основаніе есть также не больше, какъ произведеніе того-же самого чувства права, которое по природѣ своей также темно и смутно. Въ самомъ дѣлѣ, если мы спросимъ человѣка, руководствующагося въ своихъ сужденіяхъ только такимъ чувствомъ права почему онъ считаетъ противнымъ правдѣ и справедливости неравноправность женщины съ мужчиною въ томъ или другомъ отношеніи, напр. относительно распоряженія женщиною своимъ имуществомъ, то такой человѣкъ на этотъ вопросъ, или вовсе ничего не отвѣтитъ, ссылаясь просто только на свое чувство, говоря, что это онъ

чувствуетъ или отвѣтитъ хоть можетъ быть и другими словами, но никакъ не больше, какъ развѣ то, что женщина-де такой-же человѣкъ какъ мужчина. Но чтобы сбить его съ толку, какъ это дѣлалъ Сократъ съ своими противниками, софистами, запутать его, заставить его замолчать, сознаться прямо, что, или сужденіе его невѣрно, или-же, по крайней мѣрѣ, что онъ для своего сужденія не представилъ никакого основанія, достаточно будетъ сдѣлать ему, хоть такое возраженіе: вѣдь малолѣтній такой-же человѣкъ, какъ и совершеннолѣтній, а между тѣмъ никто не рѣшался утверждать, чтобы была противна правдѣ и справедливости неравноправность малолѣтнихъ съ совершеннолѣтними относительно распоряженія своимъ имуществомъ, да и ты, конечно, самъ не посмѣешь этого утверждать. На это возраженіе онъ, конечно, можетъ отвѣтить намъ тѣмъ, что различіе между мужчиною и женщиною не таково, какъ различіе между малолѣтнимъ и совершеннолѣтнимъ, такъ что ихъ равнять между собою нельзя и если не равноправенъ малолѣтній и совершеннолѣтній, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы неравноправны были мужчина и женщина. Но это можно признать голословнымъ съ его стороны, ибо мы можемъ спросить, что-же это за различіе, которое не должно уничтожать равноправности между мужчиною и женщиною и какое различіе допускаетъ неравноправность между малолѣтними и совершеннолѣтними? На такой нашъ вопросъ человѣкъ, руководящійся только чувствомъ права, или вовсе ничего не отвѣтитъ, или отвѣтитъ что нибудь такое, что уже вовсе неясно и вовсе не раздѣльно, темно и смутно.

Такъ-то безотчетны и неопредѣленны, темны и смутны всѣ вообще, вызываемыя чувствомъ права, сужденія, а именно, онѣ таковы по самой своей природѣ, сущности, т. е. потому, что онѣ вытекаютъ изъ чувства или чувствованія, которое само по себѣ, по своей сущности безотчетно, неопредѣленно, темно и смутно. Поэтому люди, мыслящіе отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно или, по крайней мѣрѣ, старающіеся такъ мыслить, не останавливаются на такъ назыв. чувствѣ права, а стараются взойти къ тому, что въ отличіе отъ чувства права, назыв. сознаніемъ или правосознаніемъ. Это есть уже четвертая ступень восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Итакъ,

<u>Четвертая ступень</u>: были и есть люди, руководившіеся и руководствующіеся въ своихъ сужденіяхъ объ объективномъ положительномъ правѣ и обоснованныхъ на немъ субъективныхъ правахъ и юридическихъ обязанностяхъ, а также о судебныхъ приговорахъ съ ихъ юридич. последствіями сознаніемъ права или правосознаніемъ. Въ этомъ выраженіи сознаніе права или правосознаніе, которое есть переводъ отъ нѣмецкаго термина Recht (право), точно также какъ и въ выраженіи чувство права Rechtsgefühl, слово право имѣетъ также значеніе не положительнаго объективнаго права, не субъективнаго права, на немъ основаннаго, не имѣетъ значенія того, что называютъ юристы jus, а имѣетъ значеніе праведнаго и справедливаго (justum), правды и справедливости (justitia), потому что правосознаніемъ, какъ и чувствомъ права вызываются также въ человѣкѣ сужденія о положительномъ объективномъ правѣ, съ основанными на немъ субъективными правами и юридическими обязанностями и о судебныхъ постановленіяхъ съ ихъ юридич. последствіями. Од-

накоже, между чувствомъ права и правосознанiемъ есть разница: между тѣмъ какъ сужденiя, вызываемыя чувствомъ права всегда безотчетны, неопредѣленны, темны и смутны, сужденiя, вызываемыя правосознанiемъ, всегда болье или менье отчетливы и опредѣленны, ясны и раздѣльны, потому что уже самое сознанiе вообще и въ особенности то, которое производитъ такiя сужденiя, по самой своей сущности, болье или менье отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно. Это уже видно изъ того, что сознанiе, какъ показываетъ самое слово, есть уже знанiе и слѣд. сознанiе права есть знанiе права, т.е. праведнаго и справедливаго, а всякое знанiе всегда, по своей сущности, отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно. Но оно называется сознанiемъ права, а не просто знанiемъ, слѣд. съ прибавленiемъ предлога съ; этимъ желаютъ выразить, что оно не есть просто воспрiятiе чего нибудь, какъ даннаго во внѣшнемъ опытѣ, внѣшними чувствами, какъ, напр. просто знанiе того или другаго видимаго предмета, познаваемаго нашими внѣшними чувствами, воспринимаемаго ими, а относительно права, какъ знанiе того или другаго внѣшняго видимаго права, т.е. права положительнаго, существующаго во внѣшней дѣятельности, реальности, въ данномъ общественномъ союзѣ. ~~а оно~~ Оно есть собственное произведенiе мыслящаго ума человѣческаго, воспринимающаго изъ внутри себя тѣмъ, что въ отличiе отъ внѣшняго опыта, назыв. внутреннимъ опытомъ, воспринимающаго знанiе, какъ свое-же собственное произведенiе, потому что это знанiе необходимо всегда бываетъ соединено съ мышленiемъ человѣческимъ, безъ котораго оно невозможно. Вотъ это-то сое-

дѣленіе всякаго знанія, какъ знанія съ мышленіемъ человѣческимъ и выражается предлогомъ съ въ словѣ сознаніе, т. е. предлогъ съ выражаетъ здѣсь, какъ-бы соучастіе ума человѣческаго въ произведеніи знанія, но только соучастіе, потому что внутренній его опытъ въ этомъ отношеніи находится въ связи съ внѣшнимъ опытомъ. Умъ самъ по себѣ, т. е. изъ себя не производитъ мыслимаго права, а производитъ влѣсивъ съ тѣмъ, что есть во внѣ, такъ что мыслимое право не есть чисто продуктъ одного мышленія человѣческаго, и такъ называемое положительное право не есть продуктъ однихъ только дѣйствій человѣческихъ въ дѣйствительности, но то и другое право находится между собою въ безпрерывномъ вліяніи другъ на друга: мыслимое право осуществляется въ реальномъ положительномъ правѣ, а реальное положительное право старается возвыситься къ тому, что измыслило мышленіе, т. е. къ мыслимому праву. По всѣмъ этимъ причинамъ, только люди мыслящіе познаютъ право, т. е. праведное и справедливое или правду и справедливость, — люди, которые только въ силу своего сознанія въ состояніи имѣть болѣе или менѣе отчетливое и опредѣленное, ясное и раздѣльное сужденіе о положительномъ, объективн. правѣ и основанныхъ на немъ субъективныхъ правахъ и юридическ. обязанностяхъ, а также о судебныхъ постановленіяхъ съ ихъ послѣдствіями. Сужденія такихъ людей болѣе или менѣе отчетливы и опредѣленны, въ томъ смыслѣ, что человѣкъ мыслящій, слѣд. сознающій право, какъ праведное и справедливое, какъ правду и справедливость, не только всегда можетъ дать болѣе или менѣе опредѣленный отчетъ на разумномъ основаніи, т. е. вытекающемъ изъ мыслящаго ума человѣческаго, — отчетъ въ томъ, что онъ признаетъ тогъ или

другой напр. юридическій законъ, тѣ или другія
субъективныя права и обязанности, а также тѣ
или другія судебныя постановленія съ ихъ послѣдствія-
ми праведными и справедливыми, или неправед-
ными или несправедливыми, но такой человѣкъ
можетъ привести даже и выразить такое
раціональное разумное основаніе, которое от-
личается болѣе или менѣе ясностью и раз-
дѣльностью отъ всѣхъ прочихъ основаній. Такъ,
напр. если мы спросимъ у мыслящаго, сознаю-
щаго право человѣка, почему онъ признаетъ
несогласною съ правдою и справедливостью нерав-
ноправность женщины съ мужчиною въ отно-
шеніи распоряженія своимъ имуществомъ, то
онъ отвѣтитъ, хотя, можетъ быть, и дру-
гими словами. Такимъ образомъ въ этомъ
отвѣтѣ будетъ заключаться уже разум-
ное, раціональное основаніе такого сужде-
денія; такъ, напр. онъ можетъ отвѣ-
тить, что въ физіологической природѣ
мужчинъ и женщинъ, т. е. въ физическихъ
или физіологическихъ органахъ ихъ и въ
отправленіи этихъ органовъ, а тѣмъ
менѣе въ психическомъ существѣ муж-
чины и женщины мы не находимъ ни-
чего такого, что заставляло-бы насъ от-
казывать женщинамъ въ правѣ распо-
ряженія ихъ своимъ имуществомъ. Напро-
тивъ, въ физическихъ или физіологическихъ
органахъ младенца и вообще болѣе или ме-
нѣе малолѣтняго съ одной стороны и взро-
слаго человѣка съ другой, хотя и существу-
етъ одно и тоже, но въ психическомъ отно-
шеніи существо ихъ различно, а именно,
малолѣтній незрѣлъ, его умъ и воля не
вполнѣ развились, не вполнѣ сформиро-
вались, между тѣмъ какъ у взрослыхъ
предполагаются они сформированными,
что и служитъ основаніемъ различія въ
правахъ распоряженія имуществомъ между

взрослыми и несовершеннолетними лица-ми. Это есть уже, безъ сомнѣнія, сужденіе отчетливое и опредѣленное, ясное и раздѣльное, хотя мы не говоримъ еще, вѣрно ли оно или нѣтъ. Такъ, болѣе или менѣе отчетливы, ясны, опредѣленны и раздѣльны и всѣ вообще вызываемыя правосознаніемъ сужденія по самой своей сущности, по самой своей природѣ, т.е. потому, что онѣ вытекаютъ изъ сознанія, ибо сознаніе само по себѣ всегда необходимо болѣе или менѣе отчетливо и опредѣленно, ясно и раздѣльно. Но огромное большинство людей, мыслящихъ о правѣ или сознающихъ право, какъ праведное и справедливое, или какъ правду и справедливость, ограничиваются только тѣмъ, что ищутъ разумнаго, раціональнаго основанія для уясненія праведнаго и справедливаго, согласнаго съ правдою и справедливостью, того или другаго юридическаго закона, входящаго въ составъ положительнаго объективнаго права или того, или другаго, основаннаго на немъ субъективнаго права, или той или другой основанной на немъ юридической обязанности, или того или другаго судебнаго постановленія съ его послѣдствіями. Находя такія разумныя основанія, большинство людей и останавливаются на такихъ единичныхъ т.е. относительно каждаго юридическаго закона, или юридической обязанности и судебнаго постановленія, разъединенныхъ, безсвязныхъ результатахъ своего правосознанія, довольствуясь или въ такомъ ихъ разъединеніи, въ такой ихъ отдѣльности. Однакоже есть и такія люди, правда, вообще не многіе, которые на этомъ не останавливаются, а восхо

дятъ на высшую ступень, которая есть пятая и послѣдняя ступень человѣч. восхожденія къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Итакъ,

Пятая и послѣдняя ступень: были и есть такіе мыслители, составляющіе, впрочемъ, весьма ограниченное меньшинство, которые не останавливались и не останавливаются на томъ, на чемъ останавливается большинство мыслящихъ людей, руководствующихся правосознаніемъ, т. е. неостанавливаются на разрозненныхъ, безсвязныхъ, не систематическихъ и слѣд. не научныхъ результатахъ правосознанія (ибо наука непремѣнно есть систематическое правосознаніе), а напротивъ, старались и стараются взойти къ связному, систематическому, а слѣд. научному познанію права, какъ правды и справедливости, а именно стараются понять сущность права, какъ праведнаго и справедливаго, или понятіе права въ его идеѣ, какъ нѣчто всеобщее и какъ нѣчто необходимое. Затѣмъ они старались и стараются посредствомъ такой идеи связать всѣ отдѣльныя сужденія о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, въ одно цѣлое и такимъ образ. взойти къ систематическому, научному познанію права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости. Такое познаніе права назыв. уже философскимъ его познаніемъ, а его послѣдствія, его результатъ, какъ наука, назыв. философскимъ ученіемъ о правѣ, или философіею права. Въ этомъ выраженіи „философія права" слово право имѣетъ также значеніе праведнаго и справедливаго (justum), правды и справедливости (justitia), какъ и въ выраженіи чувство права, какъ и въ выраженіи со-

нание права, а слово „философія", употребляемое въ этомъ выраженіи, означаетъ науку, имѣющую своимъ предметомъ, именно, систематическое, философское мышленіе человѣческаго ума о какомъ нибудь предметѣ, а слѣд. философія права есть наука, имѣющая своимъ предметомъ философское, истинно научное систематическое мышленіе о праведномъ и справедливомъ, о правдѣ и справедливости, какъ нераздѣльно связанное въ одно систематич. цѣлое, или, что все равно — мышленіе о правѣ, мышленіе объ его идеѣ, объ его сущности, т. е. о правѣ вообще, а не о правѣ того или другаго человѣческаго обществ. союза, или, что все равно, мышленіе о правѣ какъ о чемъ-то всеобщемъ и необходимомъ, т. е. проявляющимся во всѣхъ многообразныхъ проявленіяхъ своихъ въ дѣйствительности, какъ проявляющемся во всякомъ и во всемъ положительномъ правѣ. Поэтому тѣ мыслители, которые старались и стараются возвыситься до философіи права и назыв. философами, въ отличіе отъ прочихъ мыслителей и вообще отъ прочихъ людей, на эту ступень не возвышающихся. Слѣд. философы старались и стараются въ своемъ систематич. научномъ мышленіи познать право въ идеѣ, привести въ связь, въ одно систем. научное цѣлое всѣ разрозненныя, отдѣльныя, безсвязныя, не систематическія сужденія, основанныя на правосознаніи, о праведномъ и справедливомъ, о правдѣ и справедливости, опираясь на отчетливыя и опредѣленныя, ясныя и раздѣльныя сужденія; другими словами: философы старались и стараются конструировать, построить философію права какъ систему, какъ продуктъ философскаго мышленія, ума человѣческаго вообще. Въ виду такого пост...

нія или конструкціи философы старались и стараются найти или открыть для всѣхъ вообще добытыхъ человѣческимъ правосознаніемъ отдѣльныхъ раціональныхъ основаній права, какъ праведнаго и справедливаго, такое раціональное основаніе, изъ котораго-бы всѣ отдѣльныя раціональн. основанія порознь и вмѣстѣ взятыя, могли-бы быть логически выведены умомъ человѣческимъ, дедуцированы. Въ этомъ смыслѣ философы искали и ищутъ раціон. основы для всѣхъ раціональныхъ основаній права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости: слѣд. они искали и ищутъ въ этомъ см. первоосновы права, какъ праведнаго и справедливаго, какъ правды и справедливости. Убѣжденные, что они открыли или нашли такую первооснову, они старались и стараются выводить логически, дедуцировать изъ нея сперва опредѣленіе, дефиницію права, какъ праведнаго и справедливаго, т. е. опредѣленіе, дефиницію сущности, природы, естества права въ см. понятія права, въ см. правопонятія, а потомъ уже изъ этого правопонятія они старались и стараются логически вывести, дедуцировать уже и всѣ свои сужденія о правѣ, какъ о праведномъ и справедливомъ, какъ о правдѣ и справедливости. Эти сужденія, такимъ образомъ выведенныя изъ одной и той же первоосновы, они старались представить во внутрен. систематич. связи, въ системѣ какъ одно цѣлое. Эта система и есть философія права, въ которой какъ и во всякой другой наукѣ человѣч. сужденія превращаются уже въ положенія науки. Такимъ образ. въ философіи права, построенной, конструированной философами, первоосновы права, какъ начала построенныя, кон-

струированныя философами, обращались и обращаются въ философскiе принципы права. Въ этомъ смыслѣ эти первоосновы права называются началами или принципами (principium) права, какъ праведнаго и справедливаго (principium juris id est justi). Но одни изъ философовъ строили и строятъ свою философiю права, какъ свою философскую систему права, отправляясь отъ такого начала, отъ такого принципа права, отъ такой его первоосновы, изъ которой затѣмъ можно было-бы прямо, непосредственно возвести логически, дедуцировать опредѣленiя права, какъ правопонятiя, и съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ научныя положенiя въ своей системѣ. Такое начало или такой принципъ права, обыкновенно называютъ и можно назвать непосредственнымъ, ближайшимъ началомъ или принципомъ права. Другiе философы, старались и стараются для такого ближайшаго, непосредственнаго принципа права найти также еще основу, также начало или еще принципъ, какъ высшее начало или принципъ а затѣмъ для найденнаго высшаго начала или принципа стараются также найти основу или принципъ еще высшiй и т. дал. продолжая это до тѣхъ поръ, пока, наконецъ не взойдутъ они къ такому началу или принципу, которое уже не можетъ имѣть, по своей сущности, никакой высшей для себя основы, никакого высшаго для себя принципа и слѣд. который есть самый высшiй или верховный принципъ, верховное начало, верховная первооснова всѣхъ вообще принциповъ, всѣхъ вообще началъ, и слѣд., и верховный принципъ ближайшаго, непосредственнаго принципа права. Этотъ-то вер

ховный принципъ и назыв. въ собственномъ см. принципомъ (principium) всѣ же прочіе принципы изъ него выведенные логически, дедуцированные въ этомъ смыслѣ посредственные принципы, назыв. собственно principiata, т.е. производными принципами. Но обыкновенно не дѣлаютъ такого различія между ними, называя одинаково, безъ различія принципами всѣ вообще верховныя основы, начала. Дошедши до верховнаго принципа, начала всего, философы старались и стараются вывести, дедуцировать изъ него всѣ производные ближайшіе принципы того или другаго понятія, между прочимъ и ближайшій, непосредственный принципъ права, какъ право понятія съ нимъ, чтобы потомъ изъ него уже какъ изъ ближайшаго принципа, вывести логически, дедуцировать опредѣленіе права, какъ правопонятія, а изъ выведеннаго правопонятія вывести и дедуцировать всѣ вообще положенія, составляющія содержаніе всей философской системы и вообще всей философіи права, какъ науки. Такимъ образ. философія вообще во всей своей единой всецѣлости должна отправляться и обыкновенно отправляется отъ верховнаго принципа всего а слѣд. и отъ верховнаго принципа права, потому что философія вообще имѣетъ своимъ предметомъ все человѣческое научное мышленіе. Напротивъ того, часть какой нибудь философіи, а слѣд. и философія права, какъ одна изъ философскихъ наукъ, имѣющая своимъ предметомъ человѣческое мышленіе о какомъ нибудь особенномъ предметѣ, отправляться и въ самомъ дѣлѣ всегда отправляется просто только отъ непосредственнаго, ближайшаго по возможности, принципа права, а не отъ верховнаго принципа всего.

Но философія права, какъ правопонятія, входитъ однако, въ составъ философіи вообще, какъ одна изъ ея частей, какъ одна изъ философскихъ наукъ и, какъ таковая, она находится въ научной, внутренней систематич. связи со всѣми прочими философскими науками съ одной стороны и съ философіею вообще, какъ единымъ, систематич. научнымъ цѣлымъ. Поэтому наиближайшій ея непосредственный принципъ, всегда есть только одинъ изъ тѣхъ принциповъ, которые должны быть въ строгомъ смыслѣ названы principiata въ рядѣ всѣхъ прочихъ принциповъ, отъ которыхъ отправляются всѣ прочія философскія науки, какъ части философіи вообще.

Мы окончили разсмотрѣніе восхожденія человѣческаго сознанія къ принципамъ и опредѣленіямъ права, постепенно совершающееся, какъ мы видѣли, по 5^{ти} ступенямъ своего генетическаго развитія, совпадающимъ съ 5^ю же соотвѣтствующими имъ положительными фактами, т.е. мы окончили 1 ую главу 1го отдѣла 1ой части нашей науки. Но философы поставляли и поставляютъ для права весьма различные принципы и потомъ логически выводятъ, дедуцируютъ изъ нихъ и весьма различныя опредѣленія, дефиниціи права, какъ правопонятія. Не смотря на такое многоразличіе принциповъ и опредѣленій права, мы можемъ замѣтить въ нихъ строгое генетическое развитіе, какъ сознанный человѣчествомъ ихъ génesis, если мы глубже и подробнѣе въ нихъ вникаемъ. Разсмотрѣніе принциповъ и опредѣленій права въ ихъ генетическомъ развитіи есть уже, какъ мы показали прежде, предметъ

слѣдующей второй главы этого 1го отдѣла 1ой части нашей науки и къ разсмотрѣнію этой главы мы такимъ образомъ и переходимъ. Итакъ:

Глава 2я

Развитіе принциповъ и опредѣленій права.

Прежде всего мы должны здѣсь замѣтить, что выраженіе принципы или начала права (principia juris) можно понимать въ различныхъ значеніяхъ; но это различіе можетъ б. подведено къ 3мъ различнымъ значеніямъ. Во 1хъ, въ выраженіи принципы или начала права подъ словомъ право понимаютъ юристы собственно такъ назыв. право въ объективн. смыслѣ (jus), т. е. положительное право, дѣйствующее или дѣйствовавшее въ извѣстн. людскихъ общественн. союзахъ (каково, напр. Русск. Римск. Германское право и другія) для отличія отъ праведнаго и справедливаго (justum). Въ такомъ случаѣ подъ словомъ принципы, начала права понимаютъ юристы основанія положенія даннаго положительнаго права, т. е. тѣ, выраженныя словами мысли, которыя служатъ основаніями для разныхъ единичныхъ юридическихъ законовъ, входящихъ въ составъ даннаго положительнаго права и являющихся по отношенію къ этимъ основаніямъ ихъ послѣдствіями. Въ такомъ смыслѣ юристы и говорятъ, напр. о принципахъ Русск. Права, Римскаго и др. или какъ о сходныхъ или какъ о несходныхъ между собою. Такъ, напр. принципы Римскаго и русскаго права относительно наслѣдованія имущества, оставшагося послѣ

смерти его хозяина, собственника, сходны между собою въ томъ, что то и другое положенiи. право признаетъ въ этомъ отношенiи слѣдующее положенiе: имущество, оставшееся послѣ смерти хозяина переходитъ къ другому лицу, или къ другимъ лицамъ двоякимъ образомъ, а именно либо по волѣ самаго хозяина, выраженной въ такъ называемомъ завѣщанiи, testamentum (такъ называемомъ завѣщательное наслѣдованiе) либо по закону, т. е. переходитъ оно къ тому или къ тѣмъ лицамъ, на которое или на которыя указываетъ самъ законъ, какъ на ближайшихъ наслѣдниковъ, а именно, обыкновенно какъ на ближайшихъ родственниковъ умершаго (это наслѣдованiе называется, обыкновенно наслѣдованiе по закону). Въ этомъ отношенiи принципы или основоположенiя права и римскiе и русскiе тождественны, сходны; напротивъ они различны въ слѣдующемъ отношенiи: римское право признаетъ завѣщательное наслѣдованiе какъ бы правиломъ, а законное наслѣдованiе какъ бы исключенiемъ изъ этого правила, почему законное наслѣдованiе опредѣляется римскими юристами не положительно, а отрицательно (а именно римляне опредѣляли наслѣдованiе по закону, какъ successio ab intestato, т. е. наслѣдованiе безъ завѣщанiя т. е. незавѣщательное наслѣдованiе). Подобное правило дѣйствовало въ римскомъ правѣ потому, что тамъ существовалъ такой принципъ, въ силу котораго имущество считалось полною личною собственностью гражданина, который вполнѣ господствовалъ, владычествовалъ надъ нею, какъ dominus, при чемъ самое имущество называлось dominium. Въ силу своего полнаго господства надъ вещью римскiй гражданинъ могъ вполнѣ распоряжаться своею собственностью не только при

своей жизни, но и на случай смерти, завещая ее кому угодно, такъ что только въ томъ случаѣ, когда не оставалось никакого завѣщанія, т.е. когда не выражена была хозяиномъ имущества его послѣдняя воля о томъ, какъ должно распорядиться его имуществомъ послѣ его смерти, имѣло мѣсто наслѣдованіе по закону, т.е. въ этомъ только случаѣ имущество переходило къ тѣмъ лицамъ, которыя были указаны римскимъ правомъ, какъ законные наслѣдники. Напротивъ того, русское право содержитъ въ этомъ отношеніи слѣдующія начала или принципы: законное наслѣдованіе имущества въ родѣ умершаго есть правило, а завѣщательное наслѣдованіе есть исключеніе изъ него, ибо по русскому праву главное имущество, т.е. недвижимое, обезпечивающее собственно постоянное существованіе человѣка, именно то, которое умершій получилъ по закону отъ своего родственника или такъ называемое родовое имущество, а не то, которое онъ самъ себѣ пріобрѣлъ законнымъ образомъ (это такъ называемое благопріобрѣтенное имущество), - есть не личная полная собственность хозяина, какъ одного лица, а есть собственность цѣлаго рода, родовая собственность, которой только представителемъ является въ данный моментъ ея владѣлецъ, а потому такъ называемое недвижимое имущество не можетъ быть по русскому праву завѣщано постороннему лицу, а должно быть сохранено въ родѣ, переходя въ немъ по порядку, установленному русскимъ закономъ, а не по завѣщательному наслѣдованію. Вотъ на такихъ то принципахъ или основоположеніяхъ и основывается главнымъ образомъ, какъ ихъ послѣдствіе постановленіе римскаго и русскаго права, относящееся къ наслѣдованію имущества, которое послѣ смерти собственника

являются предметомъ наслѣдованія и потому называется наслѣдствомъ. Вотъ почему столь важно и даже необходимо при всякомъ научномъ математическомъ, раціональномъ, вполнѣ отчетливомъ, сознательномъ изученіи и изложеніи или преподаваніи даннаго положит. права всегда добиваться принциповъ его въ объясненномъ нами смыслѣ, открыть восхожденіе къ нимъ, потому что на этихъ то принципахъ и основываются всѣ единичн. законоположенія даннаго положит. права, какъ ихъ послѣдствія, потому что если мы уразумѣемъ принципы даннаго положительнаго права, то затѣмъ всѣ его единичные законы для насъ будутъ совершенно ясны, что весьма важно для ихъ толкованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ намъ представится тогда во внутренней систематич. связи всѣ единичныя положенія даннаго положительнаго права, а это весьма важно и даже необходимо для связнаго систематическаго изложенія и изученія даннаго положительнаго права. Всякое-же такое систематическое изложеніе и изученіе права необходимо, потому что безъ него наука права или правовѣдѣніе, какъ и всякая другая наука, была бы невозможна. Поэтому восхожденіе къ принципамъ права есть необходимое условіе истиннаго научнаго изученія и преподаванія положительнаго права, которымъ существенно отличается университетское преподаваніе отъ всякаго другаго преподаванія того же положительнаго права, какъ преподаваніе не научное, рутинное, которое не восходитъ къ принципамъ даннаго положительнаго права, а довольствуется только единичными законами, входящими въ составъ даннаго положит. права, стараясь удерживать въ памяти даже самыя

числа статей закона или свода и подлин-
ныя слова и выраженія его, что хотя и не
дурно, но не главное для юриста.

2.) Въ выраженіи принципы, начала пра-
ва иногда разумѣютъ философы подъ сло-
вомъ право также положительное право,
но уже не то или другое положительное пра-
во, т.е. дѣйствующее въ томъ или другомъ
людскомъ общественномъ союзѣ, а все вообщ
и всякое положит. право, при чемъ уже сло-
во право не имѣетъ значенія праведнаго,
справедл. иваго, правды и справедливости, а
значитъ правое, какъ согласное съ положи
правомъ. И вотъ для всего то положит. пра-
ва вообще и ставятъ философы наибли-
жайшіе принципы въ смыслѣ наибли-
жайшихъ, раціональныхъ основъ, какъ осно
ныхъ понятій, т.е. основныхъ для всего и вс
каго положительнаго права, которыя дол-
жны быть по возможности осуществле-
мы въ дѣйствительности всѣмъ и всякимъ
положительнымъ правомъ. Такимъ осно-
нымъ для всего и всякаго положительн. пр
вомъ и ставятъ философы ничто иное,
какъ праведное и справедливое (justum), с
му правду и справедливость (justitia) при-
навая, что положит. право должно быть
осуществленіемъ въ дѣйствительности, в
реальности правды и справедливости. Это
то понятіе (justum) и должно постоянно
имѣть въ виду все и всякое положитель-
ное право, чтобы такимъ образомъ объек-
тивное положительное право и всѣ основанн
на немъ субъективныя права и юридическі
обязанности и даже всѣ отправленія пр
восудія, вся дѣятельность членовъ обществе
наго союза и самъ общественный союзъ въ
ломъ и въ частяхъ своихъ и наконецъ все
устройство и управленіе союза, — что бы
это по возможности было согласно съ пр

дого и справедливостью; къ этому должно стре-
миться все и всякое положительное право.
Въ этомъ смыслѣ можно сказать и то,
что правда и справедливость есть верхов-
ная, послѣдняя, конечная цѣль всего и всяка-
го положительнаго права, ибо она есть то,
къ чему всякое положительное право должно
стремиться. Единственно только правдою
и справедливостью должно, по возможности,
руководствоваться всякое положительное
право, такъ что правда и справедливость
должна быть въ этомъ именно смыслѣ
верховною нормою положительнаго права,
какъ верховною регулою, правиломъ для не-
го т. е. какъ основнымъ правиломъ. Нако-
нецъ, только праведное и справедливое дол-
жно быть въ этомъ смыслѣ верховнымъ
критеріемъ т. е. мѣриломъ и совершенства
и несовершенства всего и всякаго положи-
тельнаго права и въ этомъ смыслѣ оно
должно быть его принципомъ, все-же про-
чее, что ставили и ставятъ нѣкоторые
философы принципомъ въ этомъ смыслѣ
всего и всякаго положительн. какъ напр. осо-
бенный интересъ или пользу членовъ общест-
венныхъ союзовъ какъ самаго союза въ цѣ-
ломъ, такъ и въ частяхъ его ихъ безопасность
и благосостояніе, однимъ словомъ, такъ на-
зываемое ихъ благоденствіе, счастіе и т. д.,-
все это должно быть признано не болѣе
какъ только естественнымъ послѣдствіемъ
осуществленія вообще въ общественномъ со-
юзѣ правды и справедливости или дѣй-
ствіями этой причины, а не верховною цѣлью
не принципомъ всего и всякаго положитель-
наго права. Въ этомъ именно смыслѣ мож-
но называть, какъ иногда и называютъ фи-
лософы, правду и справедливость наибли-
жайшимъ принципомъ права, но употреб-
ляя здѣсь слово право не въ смыслѣ пра...

го и справедливаго, а въ смыслѣ всего и всякаго положительнаго права. Но мы сказали прежде, что правда и справедливость выражается въ людяхъ и народахъ какъ въ такъ называемомъ чувствѣ права, такъ и въ такъ называемомъ правосознаніи, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ чувство и сознаніе права могутъ быть также названы принципами права, т.е. опять-въ смыслѣ принциповъ всего и всякаго положительнаго права, какъ мѣрою, критеріемъ согласія всего положительнаго права съ правдою и справедливостью, мѣрою праведности и справедливости и неправедности и несправедливости и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ даже мѣрою, критеріемъ всего совершенства и несовершенства положительнаго права. Огромная важность правды и справедливости, какъ принципа права, конечно, несомнѣнна и очевидна для всѣхъ людей. Такъ, правду и справедливость, какъ верховную цѣль, какъ норму, регулу и какъ мѣрило совершенства и несовершенства положительнаго права долженъ имѣть въ виду и законодатель при изданіи своихъ законовъ и судья при ихъ приложеніи въ данныхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ и администраторъ, какъ исполнитель закона, при приведеніи ихъ въ исполненіе и излагающій положительное право при его истолкованіи и при его критикѣ.

Мы такимъ образомъ указали два значенія, въ которыхъ употребляется выраженіе принципы права. Эти два значенія имѣютъ, не смотря на свое различіе, то общее для нихъ, что въ этихъ значеніяхъ слово право принимается въ значеніи положительнаго права. Но есть еще третье значеніе принциповъ права, о которомъ собственно и должна говорить наша наука, а именно, въ выраженіи

принципы права философы, поставляющіе ихъ, обыкновенно, понимаютъ подъ словомъ право неположительное право (jus), а уже самое праведное и справедливое или правду и справедливость (такъ что principia juris суть уже principia justi). Поставляя принципы права въ такомъ смыслѣ, какъ принципы самой правды и справедливости, философы поставляютъ для этого права, т. е. для праведнаго и справедливаго, или верховные принципы или же ближайшіе, непосредственные принципы, какъ принципы правопонятія, понятія права, ибо правопонятіе, понятіе права, какъ сущность его, есть ничто иное, какъ праведное и справедливое. Такимъ образомъ существенно отличаются эти принципы права въ этомъ третьемъ главномъ значеніи, какъ самомъ широкомъ, отъ принциповъ права двухъ первыхъ значеній, какъ болѣе узкихъ. На это то значеніе принциповъ права мы должны обратить особенное вниманіе, ибо мы здѣсь разсматриваемъ неположительное право, которое есть видъ права вообще, а право вообще, слѣдовательно право по его понятію. Разсматривая такимъ образомъ принципы права, какъ праведнаго и справедливаго (principia juris, id est justi), мы не должны касаться, однако, верховныхъ принциповъ права, потому что разсмотрѣніе ихъ есть дѣло не нашей науки, а философіи вообще и ея исторіи, а скажемъ только о производныхъ, ближайшихъ, непосредственныхъ принципахъ права, какъ праведнаго и справедливаго. Слѣдуя соотвѣтственно отличительному содержанію нашей науки, особенной методѣ ея изложенія, какъ генетической методы, мы представимъ эти принципы здѣсь не такъ, какъ они представляются въ наукѣ, позже

исторію философіи права, а представимъ
ихъ, именно, въ генетическомъ развитіи, но
не во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ, что
не есть дѣло нашей науки, а вообще, ибо
наша наука разсматриваетъ право, въ
отличіе отъ специальныхъ юридическихъ на-
укъ, вообще, во всеобщности, а не въ част-
ностяхъ и подробностяхъ. Поэтому мы огра-
ничимся здѣсь, при генетическомъ разви-
тіи принциповъ права, мы представимъ
только въ видѣ примѣра тѣ или другіе
принципы права, поставляемые тѣми
или другими философами, а именно, тѣ
изъ нихъ (принциповъ), которые представ-
ляютъ особенную оригинальность и на ко-
торыхъ построены болѣе или менѣе из-
логичныя философск. системы. Слѣдова-
тельно, мы не будемъ стараться о томъ,
чтобы исчерпать всѣ рѣшительно прин-
ципы, а только главные, всѣ напр. от-
тѣнки тѣхъ или другихъ принциповъ пра-
ва мы, конечно, минуемъ, ибо они будутъ
для насъ ясны сами по себѣ послѣ того, какъ
мы познакомимся съ главными принципа-
ми. Притомъ, представляя генетическое
развитіе этихъ принциповъ права, мы
подведемъ всѣ эти принципы права, кото-
рые до сихъ поръ были поставлены, подъ
извѣстные группы, руководствуясь тѣми
главными различными значеніями, въ ко-
торыхъ философы употребляютъ слово прин-
ципъ, какъ принципъ права, въ смыслѣ
правды и справедливости. Такихъ глав-
ныхъ значеній этого слова всего четыре, а
слѣдовательно, всего четыре главныхъ раз-
личныхъ группъ принциповъ права. Пер-
вую такую группу мы назовемъ формаль-
ными принципами права, т. е. правды и
справедливости, разумѣя здѣсь подъ прин-
ципами права источники и орудія его

познанія justi, праведнаго и справедливаго, или, что все равно, познанія правопониманія. Вторую группу назовемъ *реальными* или, пожалуй, матеріальными принципами права, разумѣя здѣсь подъ принципами права принципы бытія и становленія права, т. е. какъ осуществленія правопониманія въ правѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова (justi in jure). Третью группу назовемъ *телеологическими принципами* права отъ слова *τέλος*, разумѣя подъ ними особенныя цѣли, для которыхъ существуетъ право, какъ цѣли его бытія и становленія, какъ правыя цѣли, т. е. цѣли права, осуществляющаго праведное и справедливое (justum). Наконецъ, четвертую группу мы назовемъ практическими принципами права, разумѣя подъ ними основныя правила практической человѣческой дѣятельности, соотвѣтственной праведному и справедливому, правдѣ и справедливости, правопониманію какъ осуществляющему эту правду и справедливость. Замѣтимъ, что первыя три группы имѣютъ между собою то общее, въ отличіе отъ четвертой группы, что всѣ онѣ разсматриваютъ право, независимо отъ практической дѣятельности, а потому эти три группы принциповъ могутъ быть названы теоретическими принципами, а послѣдняя группа должна быть названа практическими принципами права, потому что изъ этихъ 4-хъ группъ первыя три суть виды одного рода принциповъ, которые могутъ быть названы теоретическими, а 4-я группа представляетъ другой родъ, а именно, родъ практическихъ принциповъ права. Та-

кимъ образомъ принципы права можно раздѣлить на теоретическіе и практическіе, а затѣмъ первые изъ нихъ можно подраздѣлить на формальные, реальные и матеріальные и на телеологичес[кіе]. Но, почему же мы не установили двух групп, и составили 4? Потому что, между тѣмъ, какъ послѣдняя группа (практическія принципы) въ самомъ и[дѣлѣ], составляютъ одно цѣлое, непредставляя собою существеннаго разнообразія, первого рода принципы, т. е. теоретическіе, представляютъ собою, напротивъ, существенное различіе, на которое нельзя не обратить особеннаго вниманія, и потому нельзя не составить изъ нихъ трехъ особенныхъ группъ. Что же касася вопроса о томъ, почему мы въ такомъ, а не другомъ порядкѣ поставили эти четыре группы то, это лучше всего у[ви]дится изъ изложенія ихъ, которое по[]ставитъ ихъ въ связи между собою и [по]рознь каждую изъ этихъ группъ. И та[къ]

I Формальные принципы права.

Это суть вообще такъ назыв. принципы познанія права, какъ праведнаго и справедливаго или, какъ ихъ называ[ютъ] особеннымъ терминомъ, principia cognoscendi juris, id est justi. Приступая къ раціональному философскому познанію права, какъ праведнаго и справедлива[го], умъ человѣческій съ своею дѣятельност[ью], называемою вообще въ обширномъ смы[слѣ] мышленіемъ, необходимо долженъ прежде всего рѣшить слѣдующій вопр[осъ]: откуда и изъ чего, т. е. изъ какого ист[оч]ника и чѣмъ, посредствомъ чего, или средствомъ какого орудія или органа

жетъ быть познаваемо право, какъ праведное и справедливое; познаваемо его понятіе, его сущность, а затѣмъ опредѣлена его дефиниція, т.е. опредѣлено его понятіе, потому что безъ предварительнаго рѣшенія этого вопроса объ источникахъ и орудіяхъ познанія правопонятія невозможно рѣшить прочихъ, относящихся сюда вопросовъ, т.е. тѣхъ вопросовъ, которые рождаются при разсмотрѣніи принциповъ права. Вотъ почему съ формальныхъ принциповъ права мы должны начинать свое разсмотрѣніе, а не съ какихъ нибудь другихъ принциповъ. Источникъ и орудіе познанія права, какъ праведнаго и справедливаго, есть притомъ нѣчто внѣшнее для содержанія, для матеріи права, т.е. для опредѣленія того, что въ немъ есть, содержится, какія въ немъ истины, положенія, мысли, понятія и т.п. Въ этомъ смыслѣ источники и орудія познанія права могутъ быть названы формальными принципами права, въ отличіе отъ матеріальныхъ, потому что ими не указывается на матерію, на содержаніе права, а указывается, именно, на источники, на орудія познанія права, которыми дается этимъ содержанію, матеріи внѣшняя форма. И въ этомъ смыслѣ необходимо начать разсмотрѣніе, именно съ этой группы, а не съ послѣдующихъ. Въ этомъ смыслѣ мы и называемъ такіе принципы права формальными принципами какъ принципами познанія права, т.е. источниками, орудіями его познанія. Поставленіе такихъ принциповъ необходимо прежде всякаго опредѣленія, содержанія, матеріи права, какъ правды и

справедливости, потому что если мы не знаемъ, изъ чего и посредствомъ чего можно познать и затѣмъ опредѣлить право, то, само собою разумѣется, мы не можемъ опредѣлить его содержанія, матеріи какъ бы слѣдовало, надлежащимъ образомъ.

Поставленные философами формальные принципы права многоразличны; по всѣмъ имъ общее есть то, что праведное и справедливое познаетъ никто иной, какъ самъ человѣкъ; слѣдовательно тутъ не говорится о какихъ нибудь другихъ существахъ, высшихъ человѣку, какъ познающихъ праведное и справедливое, а только о самомъ человѣкѣ, ибо праведное и справедливое есть ~~есть~~ понятіе философское, философія же есть наука, какъ наука человѣка. Этого никогда не должно забывать, а между тѣмъ это иногда забывается, когда напримѣръ ищутъ самаго абсолютнаго познанія философіи, которое вообще выше человѣческаго познанія, по самой сущности человѣчества, т. е. человѣческій умъ не можетъ обладать въ данный моментъ и въ данномъ мѣстѣ абсолютнымъ знаніемъ. Но спрашивается, изъ чего, изъ какого источника, и чѣмъ, посредствомъ чего, посредствомъ какого орудія или органа познаетъ человѣкъ право, какъ праведное и справедливое? Этотъ вопросъ и рождаетъ многоразличныя философскія системы, а въ этомъ многоразличіи и состоитъ различіе поставляемыхъ философами формальныхъ принциповъ права. Но все это многоразличіе формальныхъ принциповъ права представляетъ собою генетическое развитіе по слѣдующимъ пяти ступенямъ, которыя мы пройдемъ, такъ какъ мы объяснили

прежде, т. е. укажемъ въ особенности на главные оригинальные принципы.

На первой ступени стоятъ въ этомъ отношеніи тѣ именно философы, которые признаютъ формальными принципами права, т.е. праведнаго и справедливаго, или правопонятія или вѣру, или совѣсть, или такъ называемое нравственное чувство. Почему мы не сдѣлали изъ этихъ принциповъ трехъ ступеней, т.е. почему мы вѣру не поставили на первой ступени, совѣсть на второй, а нравственное чувство на третьей, а напротивъ соединили всѣ эти принципы вмѣстѣ? Это потому, что всѣ эти три понятія имѣютъ между собою нѣчто общее, такое общее, вслѣдствіе котораго они должны быть соединены въ одно цѣлое, а именно, всѣ они признаютъ формальнымъ принципомъ права не мышленіе ума человѣческаго, а человѣческое чувствованіе, потому что въ самомъ дѣлѣ вѣра, совѣсть и собственно такъ называемое нравственное чувство, т. е. чувствованіе, въ отличіе отъ тѣлеснаго ощущенія, суть ничто иное, какъ человѣческія чувствованія. Но, разумѣется, ни какимъ чувствованіемъ ничего людьми познано быть не можетъ (этого также не нужно забывать, такъ какъ это оберегаетъ отъ многихъ заблужденій); слѣдовательно, не можетъ быть познано право т.е. праведное и справедливое посредствомъ какого нибудь изъ этихъ чувствъ, а можетъ быть только чувствуемо посредствомъ этихъ чувствованій, что, конечно, другое дѣло, а слѣд. всѣ эти чувствованія не суть формальн. принципы права въ см. принциповъ, т.е. источниковъ и орудій познанія права, о кот. мы собрались говорить, а суть только принципы чувствованія.

Но мы показали уже прежде, что чувство пра-
ва, какъ чувствованіе предшествуетъ въ генет.
развитіи высшимъ ступенямъ, а именно тому,
что назыв. сознаніемъ права или правосозна-
ніемъ, а слѣд. и эти формальные принципы,
съ которыми мы имѣемъ дѣло, также пред-
шествуютъ по самой своей сущности всему
генетическому развитію формальныхъ прин-
циповъ права, какъ принциповъ правосозна-
нія, или предшествуютъ всему правопозна-
нію, а потому что они и образуютъ са-
мую первую ступень генетич. развитія
этихъ принциповъ права. Но наша наука
имѣетъ въ виду, какъ свою задачу, познаніе
права, правопознаніе, а не чувствованіе. По-
тому такіе принципы права, какъ вѣ-
ра, совѣсть, и такъ назыв. нравств. чув-
ство суть, въ отличіе отъ принциповъ
познанія права, которыми занимается
наука, донаучные, предшествующіе наукѣ
и суть ненаучные формальные принципы
права. Итакъ, если философы постав-
ляютъ такіе формальные принципы, то
они поставляютъ ихъ вовсе не научно, а
слѣд. поставляютъ не какъ философы, ибо
философами въ собств. смыслѣ могутъ б.
названы только дѣятели науки, а не
какіе нибудь представители чувствова-
ній человѣчества, вѣры, совѣсти, или рели-
гіознаго чувства, каковы напр. теологи.
Слѣд. если нѣкоторые философы и поста-
вили въ см. формальныхъ принциповъ пра-
ва, или вѣру, или совѣсть, или нравствен-
ное чувство, то они выставили ихъ не
въ качествѣ философовъ, а въ качествѣ теоло-
говъ. Такъ напр. одни изъ таковыхъ средне-
-вѣковыхъ философовъ теологовъ признали,
что человѣкъ познаетъ или можетъ поз-

нать право, какъ праведное и справедливое, изъ откровенія Божія, выражающагося въ священномъ писаніи, въ библіи, т.е. въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ, гдѣ выражена именно, воля Божія, согласіе съ которою и есть, по ученію этихъ философовъ теологовъ, праведное и справедливое, а именно, гдѣ воля Божія познается чрезъ посредство вѣры, которая есть собственно чувствованіе, а не познаніе. Это божественное откровеніе не есть потому формальный принципъ права въ точномъ научномъ смыслѣ этого слова, а принципъ права въ см. теологическомъ въ см. чувствованія. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы это чувствованіе какъ и всякое чувствованіе не было также почтеннымъ, важнымъ, высокимъ, какъ и знаніе, но изъ этого слѣдуетъ, что ихъ необходимо различать (познаніе и чувствованіе), а не смѣшивать между собою, равно какъ не слѣдуетъ впадать въ противопол. крайность, т.е. не слѣдуетъ ихъ противополагать, не слѣдуетъ думать будто-бы предметъ и содержаніе чувствованія есть нѣчто противоположное предмету и содержанію познанія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ откровеніе Божіе, выраженная въ ветхомъ и въ новомъ завѣтѣ ведетъ къ тому, что человѣчество вѣритъ, что согласіе съ этою волею Божіею и есть праведное и справедливое, такъ что праведное и справедливое есть матерія, содержаніе этой воли, точно также, какъ праведное и справедливое можетъ б. и есть матерія, содержаніе познанія. Средневѣковые философы обыкновенно при этомъ говорили, что для такого познанія вѣрою праведнаго и спра

ведливаго, откровеннаго въ священ. писаніи необходимо пособіе или вспомоществованіе со стороны Бога, а именно, вспомоществованіе Божіей благодати. Въ этомъ см. вѣру признали они источникомъ познанія праведнаго и справедливаго, а вспомоществованіе этому познанію со стороны благодати Божіей они признали орудіемъ этого познанія. Въ этомъ-то смыслѣ говорили о вѣрѣ, какъ о формальномъ принципѣ права, т.е. праведнаго и справедливаго какъ въ самомъ дѣлѣ и можно говорить, но не въ смыслѣ принципа познанія, а въ смыслѣ чувствованія.

Въ новое время, въ половинѣ XVII ст. выразилъ этотъ формальный принципъ права съ особенною опредѣленностью, но въ нѣсколько смягченномъ видѣ, согласно съ требованіями времени, англійскій философъ Сельденъ (1584-1654) въ своемъ сочиненіи De jure naturali et gentium juxta disciplinam Ebraeorum, т.е. о правѣ естественномъ и народномъ, согласно съ ученіемъ Евреевъ. Въ этомъ сочиненіи онъ выводитъ естественное право съ помощію откровенія, заключающагося только въ вѣтхомъ завѣтѣ, изъ райскаго состоянія человѣка, а именно, онъ говоритъ: хотя-бы и вѣрно было, что праведное и справедливое познается нашимъ умомъ, что слѣд. умъ человѣческій есть орудіе его познанія и въ этомъ смыслѣ формальный принципъ права, но это познаніе не можетъ быть добыто человѣческ. умомъ безъ посредства содѣйствія Бога, т.е. безъ благодати Божіей, такъ что въ этомъ отношеніи просвѣщаетъ насъ свѣтъ Божій, такъ

что Божественное откровеніе есть источникъ познанія праведнаго и справедливаго, а орудіе познанія его есть умъ человѣческій, вспомоществуемый вѣрою въ Божіе откровеніе. Слѣдовательно, тутъ допускается наряду съ вѣрою и умъ человѣческій, въ чемъ и состоитъ смягченіе взгляда теологовъ.

Затѣмъ представителями этого формальнаго принципа, т. е. вѣры въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. были нѣмецкіе философы Кокцей, Генрихъ и Самуилъ (отецъ и сынъ) комментаторы знаменитаго сочиненія Гуго Гроція „De jure belli ac pacis." Они написали комментаріи къ этому сочиненію подъ заглавіемъ „Grotius illustratus," гдѣ они впервые старались соединить волю Божію, согласно которой и есть, по ихъ ученію, правое и справедливое, съ умомъ человѣческимъ, какъ съ формальнымъ научнымъ принципомъ права въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, а именно. Они выводили праведное и справедливое изъ воли Божіей, откровенной въ священномъ писаніи, какъ изъ источника для вѣрующихъ въ него, но орудіемъ или органомъ человѣческаго познанія этой воли Божіей, а слѣдовательно праведнаго и справедливаго признали они не вѣру въ откровеніе Божіе, а умъ человѣческій, т. е. они говорили, что умъ человѣческій познаетъ праведное и справедливое не чрезъ откровеніе Божественное, ибо оно не вселено людямъ извнѣ, а чрезъ посредство своего ума. Особенно же развилъ такой формальный принципъ права Самуилъ Кокцей (сынъ) въ своей диссертаціи подъ заглавіемъ „De principio juris naturalis unico vero et adaequato," т. е. о принципѣ

права естественного, т. е. правды и справедливости, как единственном вполнѣ истинном и вѣрном.

Многіе средневѣковые философы признавали формальным принципом права также другое чувство т. е. чувствованіе, а именно, совѣсть человѣческую, называя ее внутренним голосом Божіем въ душѣ человѣческой и понимая под него чувство или чувствованіе вообще нравственнаго добра и нравственнаго зла, а слѣдовательно, въ особенности праведнаго и справедливаго и неправеднаго и несправедливаго, так что эту совѣсть признали они и источником и орудіем познанія, въ особенности праведнаго и справедливаго и слѣдоват. формальн. принципом права.

Нѣмецкій философъ XVIII ст. Крузіусъ (1712 – 1774), горячій противник Лейбницъ-Вольфовой философіи, т. е. философіи, основанной знаменитым нѣмецким философом Лейбницем, затѣм развитой, систематизированной и популяризованной его учеником Вольфом. Взамѣнъ этой философіи, которую Крузіусъ упрекал въ том, что она уклоняется от ортодоксальнаго ученія лютеранской церкви, предпринял начертать новую философскую систему, которая наприміръ была бы согласна съ этим ученіем, дѣйствуя, так. обр., въ духѣ средневѣковых теологовъ философов въ том смыслѣ, что онъ подчинял философію теологіи. Но его труды не имѣли во все успѣха, т. е. не достигали той цѣли, чтобы замѣнить Лейбницъ-Вольфову философію! Однакоже, Крузіусъ замѣчателен въ генетическом развитіи формальных принциповъ права,

~~что~~ онъ есть главный представитель соединенія ума человѣческаго и совѣсти, которую онъ и опредѣляетъ, какъ голосъ Божій въ душѣ человѣческой въ томъ смыслѣ что и умъ и совѣсть, вмѣстѣ взятые, представляютъ и орудіе и источникъ познанія нравственности вообще и праведнаго и справедливаго въ особенности. Мы, люди, говоритъ онъ, познаемъ волю Божію вообще, а слѣд. и согласное съ нею праведное и справедливое, ибо, говоритъ онъ, воля Божія есть верховное основаніе всякой нравственной обязанности вообще, а слѣд. и той, которая относится до обязанности, имѣющей въ основѣ своей правду и справедливость, такъ что умъ и совѣсть въ ихъ соединеніи являются у Крузіуса формальнымъ принципомъ права.

Наконецъ нѣчто подобное совѣсти признали формальнымъ принципомъ права: какъ праведнаго и справедливаго и вообще всей нравственности, всего нравственнаго добра и зла, какъ источникомъ его познанія и орудіемъ этого познанія, такъ наз. шотландскіе моралисты сенсуалисты, а именно, они выставили формальнымъ принципомъ нравственности вообще, а въ томъ числѣ въ особенности праведнаго и справедливаго или права, такъ называемое нравственное чувство (moral sens). Во главѣ ихъ, какъ основатель этой философской школы стоитъ Френсисъ Гетчесонъ (1694-1747). Сочиненія его, вмѣстѣ взятыя, не ограничиваются, впрочемъ, только нравственною философіею или философіею морали, какъ его предшественниковъ и послѣдователей, прозванныхъ потому философами-моралистами, а представляютъ собою довольно полную систему фи-

лософіи. Для насъ же особенно замѣчательны слѣдующія его сочиненія: во 1) Изслѣдованіе о происхожденіи нашихъ идей, о прекрасномъ и о добродѣтели; 2) Опытъ о природѣ и направленіи страстей и аффектовъ и наконецъ въ 3) Система моральной философіи — сочиненіе, изданное уже послѣ его смерти его сыномъ. Однако же, относительно моральной философіи Гетчисонъ можетъ быть также названъ сенсуалистомъ, ибо онъ то первый, а за нимъ его ученики и послѣдователи, родомъ изъ южной Шотландіи, почему они и названы были Шотландскими философами, обративъ особенное вниманіе на философію морали, призналъ источникомъ и орудіемъ нравственности, а затѣмъ уже и праведнаго и справедливаго, именно, моральное чувство (moral sens). Въ этомъ с.м. онъ вмѣстѣ со своими послѣдователями является моралистомъ сенсуалистомъ. Самъ Гетчисонъ говоритъ объ этомъ слѣдующее. Единственно только нравственнымъ чувствомъ (moral sens), а именно, такимъ, которое свободно отъ всякаго себялюбія, какъ чувствованіемъ или безкорыстнымъ чувствомъ доброжелательства другимъ людямъ, желаніе имъ блага, добра, опредѣляется нравственная идея, т.е. понятіе о добрѣ и о праведномъ и справедливомъ, т.е. такое моральное нравственное чувство служитъ для насъ источникомъ, а вмѣстѣ орудіемъ познанія, что есть нравственно доброе и нравственно злое вообще и что есть праведное и справедливое и неправедное и несправедливое въ особенности и слѣд. есть въ этомъ см. формальный принципъ права.

Таковы главн. представители этихъ формальн. принциповъ права, которые,

какъ чувствованія суть безнаучныя, или ненаучн. принципы. Напротивъ, всѣ послѣд. за 1ымъ ступени генетич. развитія формальн. принциповъ права суть уже такія, на которыхъ стоящіе философы признали формальн. принципомъ права, какъ праведнаго и справедливаго уже принципы научные, философскіе, принципы не чувствованія, а познанія права, правопознанія. Это то признаніе съ ихъ стороны и есть общее всѣмъ слѣдующимъ затѣмъ ступенямъ генетическаго развитія формальн. принциповъ права. Но помимо этого, эти ступени представляютъ еще такія существенныя особенности, вслѣдствіе которыхъ они образуютъ 4 различн. ступени, а именно:

На второй ступени генетическ. развитія формальн. принциповъ права стоятъ вообще тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права умъ человѣческій, но вовсе еще неопредѣленный ближайшимъ образомъ. На этой ступени стоитъ уже одинъ изъ древнѣйш. и знаменитѣйшихъ греческихъ натур-философовъ, т.е. занимавшихся философіею природы, а именно, Гераклитъ, жившій около 500 лѣтъ до Р. Хр. Изъ его многихъ сочиненій дошли до насъ только одни и то небольшіе отрывки, хотя и въ довольно большемъ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы понять сущность его философіи. Гераклитъ сказалъ образно (какъ и вообще онъ имѣлъ обыкновеніе выражаться образно, вслѣдствіе чего и былъ признанъ темнымъ) все течетъ, т.е. все вещественное, матеріальное, все во внѣшней видимой чувствен. природѣ и въ томъ числѣ весь міръ движется, какъ течетъ рѣка, а именно, возникаетъ, измѣняется и преходитъ. Но Гераклитъ призна-

смыслъ, что во всемъ текучемъ, движущемся есть, однако, нѣчто неподвижное, нѣчто вѣчно пребывающее, т.е. что не возникаетъ, не измѣняется и не проходитъ, — Это есть тотъ всеобщій мировой законъ, который управляетъ всѣмъ теченіемъ или движеніемъ всего міра, какъ постоянная и вѣчная мѣра, которою опредѣляются всѣ формы и всѣ ступени вѣчнаго мироваго движенія, теченія. Такой всеобщій мировой законъ познается человѣкомъ не иначе, какъ умомъ его, а не внѣшними чувствами и притомъ такъ, что умъ есть орудіе познанія и вмѣстѣ съ нимъ источникъ этого познанія, но только подъ условіемъ, чтобы этотъ умъ человѣческій былъ нераздѣльнымъ съ умомъ всѣхъ, или со всеобщимъ умомъ, между тѣмъ какъ люди, замѣчаетъ Гераклитъ, живутъ такъ, какъ будто бы имѣютъ другой какой то особенный умъ, отдѣльн. отъ всеобщаго ума, тогда какъ, напротивъ, только чрезъ причастіе всеобщему уму, какъ мировой силѣ, какъ объективному, — предметно существующему уму, мы люди становимся и можемъ стать разумными. Этотъ то всеобщій умъ и есть, по ученію Гераклита, мѣрило или критерій истины вообще, такъ что Гераклитъ призналъ единственнымъ судьею всякой истины вообще, т.е. критеріемъ того, что есть истинно и что ложно, не тотъ или другой человѣч. умъ, какъ умъ единичнаго человѣка, а умъ нераздѣльный со всеобщимъ умомъ, который онъ называлъ Божественнымъ умомъ. На сколько продукты, произведенія дѣятельности человѣч. единичн. ума, каковы суть его мысли, его сужденія, понятія, имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости, слѣд. характеръ истинности, на столько умъ единичнаго человѣка причастенъ всеобщему, т.е. божественному уму или, какъ выражается Гераклитъ,

всякій разъ, когда мы бываемъ въ общеніи со всеобщимъ умомъ мы вообще пребываемъ въ истинѣ и, напротивъ, мы заблуждаемся, когда придаемся нашему единичному смыслу, т.е. уму, разъединивъ его со всеобщимъ умомъ. И такъ, принципъ познанія всей и всякой истины есть по ученію Гераклита, всеобщій умъ, какъ объективно, предметно существующая міровая сила. Это міровая сила проявляется въ человѣкѣ, какъ въ единичномъ человѣческомъ субъективномъ умѣ. На сколько міровая сила проявляется въ немъ, на столько человѣч. единичн. умъ познаетъ истину вообще. Въ этомъ смыслѣ умъ человѣческій есть также принципъ познанія истины вообще. Этотъ то человѣч. умъ, при такомъ своемъ согласіи со всеобщимъ умомъ познаетъ и можетъ познать, между прочимъ, и всеобщій міровой законъ. И вотъ, познанное человѣч. умомъ, какъ согласное со всеобщимъ міровымъ закономъ, какъ нѣчто внутреннее для ума человѣческаго и есть истина, а внѣшняя видимая практич. человѣч. дѣятельность, согласная со всеобщимъ міровымъ закономъ, есть добродѣтель. Но послѣдняго рода согласіе, т.е. согласіе практич. дѣятельности человѣческой со всеобщимъ міровымъ закономъ называетъ Гераклитъ подражаніемъ природѣ въ томъ см., въ какомъ говорили о подражаніи природѣ стоики (и онъ разумѣлъ здѣсь подъ природою, какъ и стоики, весь вообще міръ). Въ этомъ см. нравственн. добро есть, по ученію Гераклита требованіе природы, т.е. требованіе, чтобы практич. человѣч. дѣятельность была согласна со всеобщимъ міровымъ закономъ, а добродѣтель есть ничто иное въ этомъ смыслѣ, какъ подражаніе природѣ. Добро, какъ требованіе природы, открывается въ человѣч. законахъ, въ законахъ государства, въ томъ, что обыкновенно называ. положительн. правомъ, а также

въ немъ открывается и всеобщій міровой за-
конъ. Въ этомъ отношеніи, т.е. какъ от-
крывающійся въ человѣч. обществѣ, въ зако-
нахъ государства, всеобщій міровой законъ
есть всеобщая міровая правда и справедливость.
[illegible] всеобщая міровая правда и справед-
ливость должна осуществляться въ человѣч.
законахъ, въ законахъ государства, т.е., по ны-
нѣшнему выраженію, въ положительномъ пра-
вѣ. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ самъ Герак-
литъ, ~~что~~ всѣ человѣч. законы питаются од-
нимъ божественнымъ закономъ, т.е. всеобщимъ
міровымъ закономъ, или правдою и справед-
ливостью. Это значитъ, что всѣ они безъ не-
го не существовали бы и не развивались, такъ
какъ всѣ они на немъ утверждаются. Но умъ
вообще, есть, по ученію Гераклита, формаль-
ный принципъ всеобщаго міроваго закона
[illegible] принципъ его познанія, а слѣд. умъ
есть также и формальный принципъ все-
общей міровой правды и справедливости, откры-
вающейся въ положительномъ правѣ, т.е. прин-
ципъ познанія права или формальный прин-
ципъ права, какъ праведнаго и справедливаго.
Но этотъ Гераклитовъ формальный прин-
ципъ права (умъ) есть еще умъ вовсе неопре-
дѣленный, ибо въ немъ отождествляется или
просто смѣшивается умъ всеобщій, міро-
вой, божественный и умъ человѣческій единич-
ный, умъ объективный и умъ субъективный
и притомъ въ умѣ человѣческомъ смѣшанъ
[illegible] общечеловѣч. умъ и умъ единичнаго человѣ-
ка. Поэтому, послѣдующіе за нимъ древніе
греческіе философы, въ особенности же софи-
сты, Сократъ, Платонъ и Аристотель ста-
рались опредѣлить ближайшимъ образомъ
[illegible] вовсе неопредѣленный Гераклитовъ
[illegible] въ смыслѣ формальнаго принципа пра-
[illegible]. [illegible] мы переходимъ къ различнымъ фор-
[illegible] принциповъ права у софистовъ,

а затѣмъ у Платона, Сократа и Аристотеля.

Софисты были, въ самомъ дѣлѣ, первыми философами, которые старались опредѣлить ближайшимъ образомъ умъ, какъ формальный принципъ нравственности вообще, а слѣд. и права и въ самомъ дѣлѣ опредѣлили его (умъ) уже прямо, какъ единичный умъ человѣческій, т. е. умъ того или другаго человѣка. Такъ изъ софистовъ знаменитый Протагоръ выставилъ впервые такое положеніе, которое затѣмъ послужило главн. основаніемъ всей философіи софистовъ, назыв. иначе софистикою. Человѣкъ говорилъ онъ есть мѣра всего и сущаго, какъ оно есть и несущаго, какъ его нѣтъ. Здѣсь подъ человѣкомъ разумѣлъ Протагоръ, именно, единичнаго человѣка, какъ онъ представляется нашимъ чувствованіемъ, именно, эмпирич. человѣка, а не человѣка вообще и притомъ человѣка какъ онъ есть въ самомъ опытѣ, т. е. непостоянно измѣняющагося и слѣд. человѣка единичнаго въ каждый моментъ его существованія, съ его единичнымъ умомъ, съ мнѣніями этого ума въ каждый данный моментъ его существованія, такъ что этому единичному человѣку, т. е. его уму въ данный моментъ времени его существованія мнится или кажется, что что нибудь есть такъ, или, что чего нибудь нѣтъ такъ, ~~то это и есть такъ или того нѣтъ такъ~~. Разумѣется все это есть только для этого единичнаго человѣка и притомъ только въ этотъ данный моментъ, въ другіе же моменты тоже самое ему можетъ казаться такимъ или не такимъ, такъ что, по ученію Протагора, выраженному въ этомъ основномъ положеніи, которое затѣмъ софиста

принимали въ своей философіи и въ теоріи (въ теоретич. области) и въ практики (въ нравствен. философіи), есть истина, если ее можно назвать истиною, только для единичнаго человѣка, имѣющая значеніе въ данный моментъ, слѣд. есть только кажущаяся истина тому или другому человѣку. Что же касается до истины самой въ себѣ, которая бы не была субъек~~тивною и даже~~ индивидуальною, то ее быть не можетъ, ибо ~~о чемъ~~ нельзя сказать, какъ о чемъ то всеобщемъ и необходимомъ, а это и есть существенный признакъ истины. Примѣняя къ области практической философіи указан. положеніе Протагора, софисты вывели изъ него дальнѣйшее слѣдствіе, а именно, что человѣкъ, какъ единичный человѣкъ съ его умомъ и притомъ во всякій данный моментъ существованія есть и мѣра дѣятельности всѣхъ своихъ дѣяній, такъ что все то есть нравственно доброе для него вообще и праведное и справедливое въ особенности, что этотъ единичный человѣкъ въ данный моментъ, слѣдуя своей единичной воли, какъ своему своеволію и произволу, основанному на индивидуальномъ своемъ мнѣніи, - что онъ производитъ во внѣ, что онъ совершаетъ, какъ дѣйствіе видимое, какъ поступокъ. ~~такъ что~~ Слѣд. и праведное и справедливое и вообще нравственно доброе, какъ и противное ему, не имѣетъ также никакой всеобщности и необходимости, слѣд. не имѣетъ общаго значенія для всѣхъ людей, а только для того или другого человѣка и притомъ въ данный моментъ. И такъ по ученію софистовъ, формальный принципъ права, какъ и нравственности вообще, есть лишь единичное влеченіе въ данный моментъ его су-

ществованія, умъ, какъ источникъ позна-
нія всего нравственно добраго и нравствен-
но злого вообще, а слѣдов. и праведнаго и
справедливаго и неправеднаго и несправедли-
ваго въ особенности, а вмѣстѣ съ тѣмъ
умъ есть и орудіе этого знанія.

Главнымъ и величайшимъ учителемъ про-
тивникомъ софистовъ является знамени-
тѣйшій греческій философъ, основатель
всей дальнѣйшей философіи греческой Со-
кратъ, который умеръ ровно за 400 л. до Р.
Хр. извѣстною насильственною смертью, т.е.
выпивши яда, по приговору надъ нимъ народна-
го суда въ обвиненіяхъ, въ которыхъ онъ былъ со-
вершенно невиннымъ. Онъ поучалъ устно и
своимъ собственнымъ примѣромъ, а потому
не оставилъ послѣ себя никакого сочиненія.
Относительно предмета или вопроса, насъ
здѣсь занимающаго, мы должны сказать,
что и Сократъ, подобно софистамъ, выста-
вилъ также формальн. принципомъ права
и вообще нравственности умъ человѣческій,
но съ тѣмъ существен. различіемъ отъ со-
фистовъ, что онъ выставилъ не единичный
умъ того или другого человѣка, съ его безпре-
станно измѣняющимися, какъ онъ самъ,
мнѣніями, а умъ человѣка вообще, съ тѣмъ,
что ~~можно назвать~~ его всеобщими понятіями, а
именно, мыслями, согласными съ самою сущ-
ностью вещей. Между прочимъ и принци-
помъ права, какъ праведнаго и справедли-
ваго и всего нравственно добраго и прекрас-
наго, онъ выставилъ именно этотъ обще-
человѣческій умъ съ его всеобщими понятія-
ми. Познаваемая человѣческимъ умомъ вооб-
ще истина есть то, что можно назвать
всеобщимъ понятіемъ въ смыслѣ Сократа,
(въ отличіе отъ индивидуальныхъ мнѣній
единичнаго человѣческаго ума); а именно, въ
смыслѣ познанія согласнаго съ сущностью

вещей, предметовъ, существъ, явленій міра, имѣющаго всеобщность и необходимость и въ этомъ смыслѣ имѣющаго право познаніемъ ~~[научныхъ?]~~ всеобщихъ понятій. Такихъ всеобщихъ понятій безчисленное множество, но есть и верховное господствующее надъ ними понятіе, и это понятіе, по ученію Сократа, есть понятіе добра, которое существуетъ въ мірѣ вещей, какъ въ нравственномъ міровомъ порядкѣ. Въ составъ этого нравственнаго міроваго порядка вообще входитъ, между прочимъ, и порядокъ государственной жизни, гдѣ владычествуетъ правда и справедливость, праведное и справедливое, какъ законъ, или законы государства. По этому и понятіе праведнаго и справедливаго познается также умомъ человѣческимъ и именно чрезъ себя и чрезъ себя. Въ этомъ смыслѣ умъ человѣческій вообще, а не того или другаго человѣка, есть, по ученію Сократа, формальный принципъ права, какъ и нравственности вообще. Далѣе такой умъ человѣческій, какъ познающій истину, — это всеобщее понятіе, — необходимъ, по ученію Сократа, и для добродѣтели человѣческой, которая является уже практическою его дѣятельностью, т. е. дѣятельностью внѣшнею, обнаруживающею его внутреннее совершенство. Но истинная добродѣтель тождественна, по ученію Сократа, съ знаніемъ истиннаго добра; такъ что, утверждаетъ Сократъ, человѣкъ порочный есть собственно не болѣе, какъ человѣкъ, незнающій истиннаго добра, принимающій дурное за хорошее, доброе и проч., а напротивъ, человѣкъ добродѣтельный есть человѣкъ, знающій истинное добро. По этому добродѣтель не можетъ быть дѣломъ или слѣдствіемъ одной только привычки человѣка поступать такъ, какъ велитъ ему добрая нравственность, а можетъ быть

этомъ, слѣдствіемъ совершенства, т. е. человѣкъ совершенствуясь въ знаніи, совершенствуется вмѣстѣ съ тѣмъ и въ добродѣтели, проявляющейся въ практической дѣятельности. Слѣдов., въ этомъ смыслѣ, человѣкъ только посредствомъ пріобрѣтенія знанія или, какъ выражается Сократъ, посредствомъ ученія становится добродѣтельнымъ, совершенствуясь, именно, въ самосознаніи, въ сознаніи сущности природы человѣческой, ибо человѣкъ, начиная съ познанія самого себя, выраженнаго въ слѣдующихъ словахъ Сократа: „γνῶθι σεαυτόν", „познай самого себя" доходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ до сознанія верховнаго добра и до согласія съ нимъ всей своей дѣятельности, словомъ до добродѣтели, которая въ общественной человѣческой жизни есть правда и справедливость, какъ добродѣтель, или праведность и справедливость, соединяющая въ себѣ и здѣсь всѣ главныя или всѣ такъ наз. кардинальныя добродѣтели, каковы у Сократа слѣдующія четыре: мудрость, (σοφία), мужество (ἀνδρεία), умѣренность, воздержанность, самообладаніе, благоразуміе (всѣми этими словами можно перевести греческимъ словомъ σωφροσύνη), и наконецъ праведность и справедливость (δικαιοσύνη).

И такъ, по ученію Сократа, формальнымъ принципомъ права, т. е. праведнаго и справедливаго, есть умъ человѣческій, познающій истинное, праведное и справедливое и вообще нравственно доброе и прекрасное и выражающій у Сократа, какъ и у Платона, такое свое сознаніе въ формѣ всеобщихъ понятій, которыя суть субъективныя, но не индивидуальныя, а общечеловѣческія познанія, выражающія сущность вещей, предметовъ, существъ, какъ они суть сами по себѣ, или согласныя въ этомъ смыслѣ съ объективностью

предметности, адекватныя объективно-
сти, равныя ей, тождественныя съ нею
или адекватныя съ нею.

Ближайшимъ изъ учениковъ Сократа
былъ Платонъ, который родился около 489 г.
и умеръ за 349 л. до Р. Хр. Онъ основалъ фи-
лософскую школу, которая по мѣсту сво-
его нахожденія была названа Академіею. Впо-
слѣдствіи, когда ученики Платона уклонились
отъ первоначальнаго его ученія, то образовались
Платоновы школы, которыя въ отличіе отъ
школы его непосредственныхъ учениковъ, на-
звавшейся старою Академіею, были названы
среднею и новою академіею. Средняя академія
съ большею примѣсью скептицизма основана
была Аркезилаемъ, а новая академія основана
была Карнеадомъ. Послѣ Платона дошло до
насъ довольно много философскихъ сочиненій
написанныхъ въ разговорной формѣ, хотя онъ
и въ формѣ лекцій, или бесѣдъ много училъ сво-
ихъ учениковъ. Есть много изданій сочиненій
Платона, какъ въ оригиналѣ, такъ и въ пе-
реводахъ. Лучшій переводъ на нѣмецкомъ язы-
кѣ съ введен. примѣчаніями - это переводъ
Мюллера и Карла Штейна въ 8 томахъ, а
на французскомъ языкѣ переводъ Сессе Шак-
ле въ 8 томахъ.

Платонъ былъ единственнымъ изъ учени-
ковъ Сократа, который развилъ его философ-
ское ученіе съ такою ясностью, точностью
и всесторонностью, какою не отличался ни одинъ
изъ учениковъ Сократа, даже не отличались
сами тѣ ученики Сократа, именно такъ наз.
Сократики, которые основали, подобно Плато-
ну, свои особенныя философскія школы и отъ Пла-
тоновой философской школы, т.е. отъ старой
Академіи они отличались тѣмъ, что на Со-
кратово ученіе они взглянули съ одной какой
нибудь стороны, односторонне и развили
также эту сторону, далеко не полно, такъ

что ихъ называютъ неполными и односторонними Сократиками. Сюда относится Эвклидъ Мегарскій, родомъ изъ Мегары, въ отличіе отъ Евклида, извѣстнаго составителя геометріи, которая и теперь еще не потеряла своего научнаго значенія въ Англіи, гдѣ преподаютъ по ней; сюда же относится Антисфенъ основатель кинической или цинической философской школы и наконецъ Аристиппъ - основатель Киринейской или Киринайской философской школы. Еще былъ извѣстенъ также нѣкоторыми философскими сочиненіями ученикъ Сократа, не основавшій, однако, философской школы, а именно, Ксенофонтъ извѣстный историкъ. Онъ старался изложить философское ученіе своего учителя Сократа, но изложилъ его односторонне и въ другомъ смыслѣ, а именно, онъ старался развить въ своемъ сочиненіи ученіе Сократа, примѣненіе его къ государству, но и въ этомъ отношеніи онъ остался одностороннимъ.

Платонъ отнесся къ тому, что мы назвали всеобщими понятіями Сократа, въ объясненномъ нами смыслѣ, такимъ образомъ, ~~что~~ то, что у Сократа имѣло значеніе всеобщихъ субъективныхъ понятій человѣческаго ума, согласныхъ съ объективностью, съ дѣйствительностью, т. е. съ сущностью вещей, явленій, ~~предметовъ~~, предметовъ существъ, ~~то~~ превратилъ Платонъ въ такъ наз. идеи. Это названіе встрѣчается уже до Платона у Мегариковъ, т.е. послѣдователей Мегарской философской школы; но Платонъ далъ этому названію другое значеніе, существенно отличное отъ Сократовыхъ всеобщихъ понятій, а именно, идеи имѣютъ у Платона значеніе сущаго вѣчно, слѣдов. не возникающаго и не преходящаго и неизмѣннаго и слѣдов., неподвижнаго въ противоположность съ одной стороны всѣмъ ~~~~~~ подлежащимъ

одинаковымъ вещамъ, предметамъ, существамъ и явленіямъ, которыя, по справедливому замѣчанію уже Гераклита, съ которымъ согласился и Платонъ, въ самомъ дѣлѣ, представляютъ вѣчное теченіе, т.е. вѣчное движеніе, какъ возникновеніе, развитіе и прехожденіе, вѣчную текучесть и въ противоположность съ другой стороны матеріи, которую Платонъ называлъ еще другимъ именемъ, какъ называлъ ее послѣ его ученикъ Аристотель, а именно, назвалъ тѣмъ именемъ, которое рѣзко указываетъ его взглядъ на дѣйствительно сущія идеи, а именно, назвалъ матерію несущимъ. Однако же эти идеи, по ученію Платона, суть не только самосущіе, т.е. отдѣльные отъ всего прочаго, т.е. отъ единичныхъ вещей, явленій и проч. но даже и отъ отвлеченныхъ понятій, (какова, напр., идея добра, идея правды и справедливости, какъ отвлеченное понятіе), ничто, по ученію Платона, все имѣетъ свою идею, имѣетъ ее и все видимое, чувственное (столъ, домъ и проч.) и имѣетъ ее все невидимое, сверхчувственное, мыслимое, какъ истинное, такъ и ложное, какъ доброе так и злое, какъ прекрасное, такъ и безобразное, какъ праведное и справедливое, такъ не праведное и несправедливое, а такъ какъ всего чувственнаго и мыслимаго, сверхчувственнаго безчисленное множество, то есть безчисленное множество и самыхъ идей. То но такъ, какъ и у Сократа есть безчисленное множество всеобщихъ понятій, вслѣдствіе того, что всеобщее понятіе суть ничто иное, какъ также сущности б.. идей, которыхъ ~~также~~ безчисленное множество. Но затѣмъ, каждая идея у Платона имѣетъ свои особен. положительн. качества, свойства, которыми она отличается отъ прочихъ идей; слѣдов. и идеи у нея

не смѣшиваются между собою, какъ не смѣшиваются и въ мірѣ вещи, явленія и т. под.. Въ такомъ смыслѣ, идеи противополагаются Платономъ матеріи, которая назыв. просто не сущимъ, въ томъ смыслѣ, что матерія, напротивъ, не имѣетъ никакихъ положительн. качествъ свойствъ и слѣдов., не есть нѣчто положительное, а есть нѣчто отрицательное, что и выразилъ Платонъ словомъ „не сущее". или, точнѣе говоря, матерія у Платона есть не болѣе, какъ вѣчно пассивный субстратъ всѣхъ привходящихъ къ ней положительныхъ опредѣленностей т. е., всѣхъ качествъ, свойствъ, которыя вносятся въ это несущее, въ эту матерію, вносятся именно, идеями. Идеи, напротивъ, суть объективно дѣйствующія на матерію, входящія въ нее качества, свойства, каждой идеѣ свойственныя, а именно, превращающія чрезъ этотъ пассивный субстратъ, это несущее въ сущее, въ нѣчто объективное, ибо, по ученію Платона, идеи суть съ одной стороны сами по себѣ сущее, т. е. идеи существуютъ во 1-хъ отдѣльно отъ единичныхъ существъ, какъ нѣчто предметное, объективно сущее, чѣмъ онѣ существенно отличаются отъ всеобщихъ понятій Сократа, которыя, напротивъ, не существуютъ отдѣльно отъ самихъ существъ, ибо онѣ суть присущія существамъ сущности. Во 2-хъ Платоновы идеи существуютъ независимо и отъ созерцающаго ихъ, познающаго ихъ ума человѣческаго т. е. идеи не составляются человѣкомъ, его умомъ, какъ составляются имъ представленія и какъ составляются имъ даже всеобщія понятія, ибо идеи суть самосущія. Мало того, для идеи совер

шенно безразлично знаетъ-ли ихъ человѣкъ или незнаетъ, онѣ все таки существуютъ: напр., знаетъ-ли человѣческій умъ идею прекраснаго или не знаетъ, она все равно существуетъ, какъ нѣчто самосущее, какъ нѣчто объективно сущее. Идей, сказалъ я, безчисленное множество и, будучи, такимъ образ. самосущими, какъ самосущія, онѣ образуютъ вмѣстѣ особенный міръ, т. е. міръ отдѣльный отъ міра единичныхъ существъ, вещей, явленій, такъ что идеи существуютъ какъ-бы по ту сторону отн. единичныхъ существъ, вещей, явленій, а единичныя существа и проч. существуютъ по друг. сторону для нашего ума. Однакоже между этими двумя мірами, хотя и отдѣльными, есть нѣкоторая связь, по ученію Платона. Эта связь состоитъ именно, въ томъ, что всѣ единичныя существа, вещи и явленія болѣе или менѣе причастны идеямъ, какъ выражается Платонъ, т. е. болѣе или менѣе осуществляются или въ дѣйствительности идеи, - болѣе или менѣе слѣдов., никогда не вполнѣ, а только отчасти, напр., вполнѣ добраго человѣка, который совершенно осуществлялъ-бы идею добра нѣтъ и быть не можетъ, а могутъ быть только болѣе или менѣе добрые люди, нѣтъ въ мірѣ такой вещи и быть не можетъ, которая бы вполнѣ осуществляла идею прекраснаго, а м. быть только болѣе или менѣе прекрасныя вещи. Вотъ почему Платонъ выражается такъ, что единичныя существа, вещи, и явленія суть только тѣни идей, суть только болѣе или менѣе не совершенные образцы идей, копіи, такъ сказать, своихъ оригиналовъ, модели своихъ типовъ, первообразовъ,

идеаловъ. Въ этомъ то смыслѣ, все въ мірѣ единичныхъ существъ, вещей и явлений имѣетъ по ученію Платона, идею. На сколько единичное существо причастно своей идеѣ, на сколько оно идеально, на столько и есть въ немъ ему присущее то, что есть вещамъ сущее, напротивъ, всѣ остальныя единичныя существа есть не сущее, есть матеріальное въ противоположность идеальному; напр. столъ, на сколько онъ выполняетъ свое назначеніе, т.е. на сколько онъ въ дѣйствительности осуществляетъ идею стола, столь ность, на столько онъ столъ, все-же остальное въ немъ не идеально, не есть то, что составляетъ его стольность, въ чемъ онъ не является причастнымъ идеѣ. Такъ и человѣкъ, на сколько онъ выполняетъ свое назначеніе, на сколько онъ разумно свободное существо, на столько онъ идеаленъ, на столько присуща ему идея, какъ вѣчно сущее въ немъ, все же прочее въ немъ есть несущее, есть то, что не имѣетъ значенія, вѣчно пребывающаго. Какъ единичныхъ вещей, существъ и явлений безчисленное множество, такъ и всеобщ. понятій; но какъ между всеобщ. понятіями есть верховныя понятія, такъ и между идеями, которыя представляютъ, по Платону, нѣкотораго рода іерархію, чиноначаліе, есть болѣе или менѣе высокія, болѣе низкія и менѣе низкія идеи и наконецъ, есть верховная изъ всѣхъ идей, подобно верховн. всеобщему понятію Сократа. У Сократа это верховное понятіе есть понятіе добра, а точно также и у Платона верховная идея есть идея добра, какъ добра самосущаго, сущаго самого по себѣ и для себя, какъ добра полнаго абсолютнаго, ничѣмъ не обусловленнаго и неограниченнаго никакими отношеніями, - есть

идея чисто объективная, вѣчная. Эта идея какъ верховная, владычествуетъ, какъ божество, говоритъ Платонъ, во всемъ мірѣ, т.е. и въ мірѣ понятій и въ мірѣ единичныхъ вещей, существъ и явленій, ибо въ мірѣ единичныхъ вещей, существъ и явленій владычествуетъ вообще идея, какъ верховная идея, владычествуетъ надъ всѣми идеями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ всѣми вещами и явленіями. Праведное и справедливое, правда и справедливость есть согласный съ этою верховною идеею добра нравственный порядокъ какъ всего видимаго міра, міроваго порядка, который назыв. у Платона божественнымъ порядкомъ, такъ и порядка міра общественнаго, государственнаго, который называется Платономъ, въ отличіе отъ божественнаго порядка, человѣческимъ порядкомъ какъ порядкомъ, въ душѣ единичнаго человѣка заключающимся. Въ самомъ дѣлѣ, на сколько государство и человѣческая душа причастна идеѣ добра, на столько они добродѣтельны или совершенны, ибо добродѣтель вообще (ἀρετή) ~~([illegible])~~ есть по Платону совершенство всякаго существа въ смыслѣ его годности исполнять свое назначеніе, свое дѣло; насколько государство и душа человѣческая идеальны, на столько есть въ нихъ вѣчно сущее. Добродѣтель есть совершенство въ смыслѣ годности всякаго существа, а потому и о перочинномъ ножикѣ, напр. можно говорить, что онъ добродѣтеленъ, если онъ исполняетъ свое назначеніе чинить перья, что, впрочемъ, теперь не дѣлается. Но въ особенности, добродѣтель относится до человѣка, какъ до единичнаго, до его души и до государства, до соединенія людей. Въ этомъ смыслѣ, добродѣтель государства и души че-

ловѣческой сама по себѣ одна, ибо одно совершенство, одна годность или способность можетъ исполнить свое назначеніе, свое дѣло. Но эта единая добродѣтель, по ученію Платона, проявляется въ разныхъ видахъ, которые разсматриваются какъ особенныя добродѣтели. Главныхъ или кардинальныхъ добродѣтелей Платонъ насчитываетъ 4, которыя такія же, какъ и у Сократа и именно: мудрость (σοφία), мужество (ἀνδρεία), умѣренность, воздержаніе, самообладаніе, благоразуміе (σωφροσύνη) и наконецъ, праведность и справедливость (δικαιοσύνη). Праведность и справедливость относится, по Платону, къ проч. добродѣтелямъ, какъ основа, а вмѣстѣ результатъ ихъ, т.е. если кто праведенъ и справедливъ, тотъ будетъ и мудрымъ и мужественнымъ и благоразумнымъ и напротивъ, кто мудръ, мужественъ и благоразуменъ, тотъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и праведнымъ и справедливымъ. По ученію Платона, человѣческій умъ вообще способенъ познавать, созерцая въ себѣ всѣ идеи знанія, которое и есть истинное знаніе, ибо это есть знаніе истинно сущаго, слѣдов., умъ человѣческій способенъ вообще познать, между прочимъ, и верховн. идею добра и идею правды и справедливости въ особенности, такъ, что умъ человѣческій вообще есть источникъ и орудіе познанія права, или есть формальный принципъ права. Далѣе, умъ человѣческій вообще способенъ также и осуществлять въ дѣйствительности верховную идею добра вообще, именно, въ государствѣ, а слѣд., и идею права въ особенности, хотя человѣкъ не можетъ осуществить въ дѣйствительности вполнѣ ни никакой идеи, а слѣд., и этой идеи, а

только отчасти. Впрочемъ, верховная идея добра, какъ и идея права существуетъ сама по себѣ и для себя, т.е., независимо отъ ея познанія, отъ осуществленія ея въ дѣйствительности со стороны человѣка. Такимъ образ. выходитъ, что и у Платона, какъ у Сократа, формальнымъ принципомъ права является человѣческій умъ вообще, но познающій не субъективно такъ назыв. всеобщія понятія, которыя заключаются въ сущности вещей, какъ имъ соотвѣтствующія, какъ это у Сократа, а самосущія идеи.

Изъ учениковъ Платона самый величайшій и вообще величайшій философъ всей древности — это <u>Аристотель</u>, который родился около 384 г. въ Стагирѣ, что въ Македоніи, почему онъ часто назыв. стагирикомъ. Послѣ Аристотеля осталось довольно много сочиненій, изъ которыхъ многія дошли до насъ. Лучшее, полное собраніе сочиненій Аристотеля въ оригиналѣ и съ латинскимъ переводомъ. Это изданіе Берлинск. Академіи наукъ и Парижское изданіе Нардибланъ-Дэ-Dio ; для насъ особенно важна его „Этика" и его „Политика". Политика переведена, хотя и не совсѣмъ точно на р. языкъ г. Скворцовымъ.

Аристотель называлъ Платоновы самосущія идеи также идеями или формами, но понимая слово идеи въ смыслѣ именно формъ, которыя у него вовсе не самосущи, а которыя, напротивъ, присущи всѣмъ единичнымъ вещамъ, существамъ и явленіямъ въ смыслѣ ихъ сущностей, такъ что формы эти вовсе не имѣютъ бытія внѣ единичныхъ вещей, существъ и явленій, какъ имѣютъ его Платоновы идеи, которыя въ этомъ смыслѣ и есть самосущія. То, въ

чемъ существуютъ именно формы, т. е. единичныя вещи, существа, явленія, назвалъ Аристотель прямо матеріею, которую Платонъ назыв. несущимъ, такъ что всякое существо, всякая вещь, всякое явленіе, по ученію Аристотеля, состоятъ изъ извѣстной матеріи, имѣющей извѣстную форму; напр., матерія стола есть дерево, форма же стола есть именно столъ, въ которой, какъ въ особенномъ видѣ, эта матерія преобразована. Матеріи всякаго существа присуще, по ученію Аристотеля, стремленіе къ такой формѣ, которая-бы ей соотвѣтствовала; напр. стола нельзя сдѣлать изъ воды, какъ матеріи, а можно сдѣлать только изъ дерева и проч., вода, какъ матерія, не можетъ получить формы соотвѣтствующей столу. Такое стремленіе матеріи къ соотвѣтствующей формѣ называетъ Аристотель движеніемъ, а то, къ чему стремится матерія, какъ къ своей формѣ, назыв. Аристотель цѣлію (τέλος), но не въ смыслѣ внѣшней цѣли, поставляемой кѣмъ либо, или чѣмъ либо для матеріи, а въ смыслѣ цѣли внутренней, т. е. присущей самой матеріи, которая по природѣ, по назначенію матеріи, стремится, движется къ цѣли; такъ напр., въ столѣ форма, которую получило дерево ставшаго столомъ, есть именно цѣль, къ которой дерево имѣло движеніе, стремленіе, какъ къ присущей ему цѣли. Двигателемъ здѣсь является именно то дерево, которое получило форму стола, въ которомъ, слѣд., осуществилась цѣль заключающаяся въ матеріи. Или, напр., Аристотель говоритъ о человѣкѣ, что онъ есть по своей природѣ, по своей сущности, полити-

ческое т. е. государственное животное. Подъ этимъ онъ разумѣетъ, что государство есть присущая человѣку, какъ матеріи цѣль, къ которой онъ стремится, по самой своей сущности, по своей природѣ, такъ какъ государство есть его назначеніе, къ которому онъ движется именно вслѣдствіе присущей ему такой цѣли, т. е. быть въ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, составляется государство на извѣстной части земной поверхности, на которой поселяются люди, вслѣдствіе чего мы и говоримъ теперь, что государство есть соединеніе извѣстн. территоріи, какъ области и извѣстн. людей. Люди составляютъ личный элементъ, составную часть, существующую въ государствѣ, а территорія, область составляетъ вещественный элементъ государства. Оба эти элемента соединяются въ понятіи верховной власти, которая является, такимъ образ., представителемъ государства, какъ единаго цѣлаго. Государство есть форма для такой матеріи, а именно, въ формѣ государств. устройства и выражается то, что соотвѣтственно его матеріи, каковы люди и какова земля, на которой они поселяются и какова — форма, образъ правленія государства, устройство государства, такъ что форма обусловливается и въ этомъ отношеніи матеріею, а съ другой стороны, самое государство во внѣшней формѣ является тѣмъ, къ чему стремится человѣкъ, потому что человѣкъ есть по природѣ своей животное политическое, государственное, почему онъ неизмѣнно становится членомъ государства. Внѣ государства человѣкъ, какъ говоритъ Аристотель, есть существо или высшее человѣка (это богъ), или ниже человѣка (это звѣрь). Человѣкъ непре-

можно, развиваясь, приходить къ тому, что становится членомъ государства, хотя, конечно, переходя чрезъ тѣ общенія людскія, которыя суть ближайшія составныя части государства, какова семья, домъ, родъ или поселенія семей, соединенныя вмѣстѣ въ одно цѣлое и составляющія сельскія общины, которыя существуютъ на ряду съ городскими общинами, но такъ, что для всѣхъ этихъ общинъ является общимъ центромъ, а именно, главный городъ ~~Polis~~ πόλις, какъ представитель государства, которое потому также назыв. ~~Polis~~ πόλις. Или, напр., для поясненія можно сказать, что въ семени извѣстнаго дерева, какъ въ зародышѣ, заключается уже самое будущее дерево. Семя развивается въ дерево и есть потому матерія для дерева, которая потому и стремится по своей природѣ, къ своему назначенію, къ которому оно движется, переходитъ чрезъ разныя ступени своего развитія и заканчиваясь тою ступенью, на которой опять является новое семя для новаго дерева (появленіе плодовъ дерева). Въ такомъ то смыслѣ Аристотель говоритъ, что вообще есть всего четыре причины въ значеніи первопричинъ всего существующаго, а именно, матерія или вещество, форма или идея, движеніе и наконецъ, цѣль. Матерія или вещество есть то, что м. быть названо возможностью формы (она имѣетъ δύναμις), т. е. въ семени, напр., есть возможность развитія дерева, а форма есть дѣйствительность матеріи, въ которой матерія становится тѣмъ, чѣмъ она д. б., по своей природѣ, такъ что дерево, напр. есть дѣйствительность семени. Если эта дѣйствительность совершенно совпадаетъ съ тѣмъ, что требуется присущей матеріи цѣлью, такъ что въ этой дѣйствительности возможность

матеріи; ея цѣль, то въ такомъ случаѣ энергія называется энтелехіею (ἐν τέλος), т.е. заканчивающеюся какъ-бы дѣйствительностью, въ смыслѣ такой дѣйствительности, которою исполнена, т.е. вполнѣ осуществлена, присущая цѣль матеріи; такъ, напр., государство, какъ идеальное государство, представляющее собою идею государства, есть, конечно, законч. государство, есть энтелехія, т.е., то, чѣмъ д. быть вполнѣ государство, если оно исполняетъ присущую ему цѣль, достигнетъ этой цѣли, вполнѣ ее осуществитъ, и если то, къ чему оно имѣетъ въ себѣ возможность, станетъ полною дѣйствительностью. Послѣ этого понятно будетъ, почему Аристотель сводитъ всѣ эти, такъ назыв. имъ причины всего существующаго въ смыслѣ первопричинъ, къ одной причинѣ, а именно, къ цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль есть присущая матеріи форма, къ которой она движется; слѣдов., цѣль обусловливаетъ и матерію и форму и движеніе, а потому эти двѣ причины, т.е. матерія, форма и движеніе, возводятся къ цѣли, которая всѣхъ ихъ въ себѣ заключаетъ. Потому-то Аристотель во всей своей философск. системѣ проводитъ именно эту первопричину всего какъ цѣль (τέλος) въ смыслѣ не внѣшн., а внутрен. цѣли. Не говоря здѣсь о теоретич. философіи, мы обратимся къ нравствен. практич. философіи Аристотеля и увидимъ, что и здѣсь и при томъ съ большою ясностью выражается, именно, сведеніе всѣхъ этихъ причинъ со стороны Аристотеля къ той единой первопричинѣ, какова цѣль, а именно, Аристотель говоритъ, что цѣль всей человѣческой практич. дѣятельности (а эта практич. дѣятельность и есть предметъ нравствен. философіи, какъ дѣя-

тельность свободная) цѣль эта, какъ конечная въ этомъ смыслѣ или послѣд. цѣль всей человѣческой практич. дѣятельности, слѣд., жизни, есть то, что назыв. благомъ. Итакъ, конечная цѣль всей человѣческ. жизни, всей дѣятельности есть благо и притомъ не всякое благо, а верховное благо или добро, или благо, а подчиненныя этому верховному благу цѣли уже не суть конечныя цѣли человѣческой дѣятельности, а суть второстепенныя, третьестепенныя и т. п. цѣли, ведущія къ этой конечной цѣли, которыя, слѣд. не представляются вполнѣ цѣлями, а суть только средства къ этой цѣли, т. е. къ верховному благу, добру, которое, такимъ образомъ и является у Аристотеля основою всей его практич. нравствен. философіи, какъ и у Платона, но съ тѣмъ различіемъ, что у Платона благо, добро есть идея, а у Аристотеля есть сущность всего существующаго, какъ первопричина, присущая всему существующему, а не отдѣльная отъ него, не самосущая. Точно также верховное добро, которое лежало въ основѣ всей практич. философіи Сократа, имѣетъ также сходство съ этимъ верховнымъ благомъ, добромъ Аристотеля, но съ тѣмъ различіемъ, что у Сократа это верховное добро есть не болѣе, какъ верховное всеобщее понятіе общечеловѣческаго ума, выражающее сущность чего либо, адекватное этой сущности, между тѣмъ какъ у Аристотеля верховное благо есть присущая всему цѣль, какъ конечная цѣль всего, а именно, присущая всей человѣческой дѣятельности и жизни, которая ~~цѣль~~, какъ верховное благо, добро называется обыкновенно счастьемъ. Если такъ, то изъ этого слѣдуетъ, что практ. человѣческая дѣятельность д. непремѣнно

осуществлять эту цѣль, какъ верховное благо, добро, стремясь къ ней, какъ своему назначенію, какъ къ тому, въ чемъ заключается ея природа, ея сущность. Способность, возможность къ такой δύναμις, т.е. къ такому осуществленію этого верховнаго блага, добра именно, въ дѣятельности, способность постоянная въ смыслѣ навыка, въ смыслѣ постоянной возможности со стороны человѣка дѣйствовать согласно съ такою цѣлію, и наз. у Аристотеля добродѣтелью, ἀρετή, которая поэтому не есть просто только совершенство, какимъ оно является у Платона въ смыслѣ только качества человѣческой души, а есть совершенство дѣятельное, въ самой дѣятельности обнаруживаемое, что и выражается въ особенности наглядно въ русск. языкѣ въ названіи добродѣтель, указывающемъ, что это есть нѣчто дѣятельное. Итакъ добродѣтель не остается у Аристотеля только способностью или возможностью, а какъ всякая истинная способность, возможность становится энергіею, осуществляется въ дѣйствительности. Если добродѣтель такова, что она осуществляетъ въ дѣйствительности вполнѣ верховную цѣль, цѣль всей человѣческой дѣятельности и жизни, то въ такомъ случаѣ она является энтелехіею души человѣческой. Но добродѣтели по Аристотелю двухъ родовъ: однѣ у нихъ діаноэтическія въ переводѣ умственныя: это суть теоретическія добродѣтели, т.е. которыя суть совершенства, достоинства, качества, какъ постоянныя, именно, ума въ смыслѣ теоретич. познавательной способности. Таково, напр., знаніе, которое есть умственная добродѣтель такого ума; такова практическаго уже искусства, таковы

мудрость, σοφία, въ см. какъ приложенія къ жизни, такъ и въ смыслѣ основы для всякой жизни и дѣятельности, таково, напр., такъ назыв. практическое благоразуміе, φρόνησις. Въ основаніи всѣхъ этихъ діаноэтич. умственныхъ, теоретическихъ добродѣтелей лежитъ то, что назыв. Аристотелемъ ὀρθὸς λόγος, т.е. разумъ, какъ разумная часть души человѣческой, въ смыслѣ теоретической способности направлять всю душу къ тому, что составляетъ верховное благо, добро для всей человѣческой дѣятельности и жизни, какъ къ верховной, конечной цѣли, направлять надлежащимъ образ., прямымъ образ., прямо (ὀρθῶς), именно, чрезъ посредство праваго разума съ помощью діаноэтич. добродѣтелей. Но возможны еще и добродѣтели другого рода, собственно такъ назыв. добродѣтели, которыя называются у Аристотеля въ отличіе отъ діаноэтич., этическими или нравственными добродѣтелями. Сущность ихъ состоитъ въ томъ, что въ дѣятельности своей, въ жизни человѣкъ избѣгалъ двухъ крайностей - излишекъ съ одной стороны и недостатокъ съ другой - и держался-бы между ними средины. Въ этомъ только случаѣ дѣятельность его будетъ добродѣтелью, тогда только можно говорить о добродѣтели, какъ о срединѣ между двумя крайностями. Вотъ на эту-то средину и указываетъ правый разумъ, который является основнымъ правиломъ всѣхъ этическ. добродѣтелей. Какъ самый наглядный, простой примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи добродѣтель назыв. щедростью. Щедрость есть потому добродѣтель, что она есть средина между двумя крайностями,

которыя суть пороки, а именно, между излишкомъ щедрости, т.е. между расточительностью и между недостаткомъ щедрости, т.е. скупостью. Такимъ образ. скупость и расточительность, какъ два противоположн. полюса, являются пороками, между тѣмъ, какъ средина между ними есть именно щедрость, какъ добродѣтель. Для этого правый разумъ подчиняетъ себѣ другую часть души, которая имѣетъ въ себѣ неразумное, но которое будучи подчинено разуму, дѣлается разумною частью души. Неразумная часть души есть, именно, возможность или способность прирожденныхъ влеченій, стремленій, прирожденныхъ человѣку вожделеній, пожеланій, всякихъ душевныхъ движеній, аффектовъ и въ особенности сильныхъ движеній, которыя превращаютъ человѣка въ существо пассивное. Онѣ такъ гнетутъ человѣка, такъ надъ нимъ владычествуютъ, какъ надъ существомъ страдающимъ, что называются потому страстями. Правый разумъ и указываетъ, какъ человѣкъ долженъ познавать должное имъ. самъ въ себѣ, какъ то, что ведетъ его дѣятельность, жизнь къ присущей ей конечной цѣли. Къ числу собственно этическихъ добродѣтелей, которыхъ Аристотель насчитываетъ довольно много, принадлежитъ, между прочимъ, δικαιοσύνη, ~~[illegible]~~ т.е. правда, или праведность и справедливость, какъ добродѣтель, именно, опред. въ смыслѣ постоянной способности или постоянной склонности къ праведному и справедливому, осуществляющей это праведное и справедливое въ дѣйствительности, а именно, воздающей равное равнымъ и неравное неравнымъ, ибо праведное и справедливое, правда и справедливость въ сущности есть ничто иное, какъ равенство, но не абсо-

лютное равенство въ смыслѣ того равенства, о которомъ говорили уже Пиѳагорейцы, которые признали также правду и справедливость, какъ добродѣтель, а въ смыслѣ относительнаго и условнаго равенства. Пиѳагорейцы говорили, что праведное и справедливое есть число равнократно равное, т. е. такое число, которое будетъ помножено само на себя (напр., четыре есть продуктъ двухъ помноженныхъ на два, девять, какъ квадратъ есть число равнократно равное 3×3 и т. п.). Такимъ образ. въ примѣненіи, напр. къ дѣйствію правосудія, Пиѳагорейцы выставили тотъ извѣстный принципъ, что око за око и зубъ за зубъ (равное за равное) т. е. если кто нибудь причинилъ какой нибудь вредъ, то правда и справедливость требуетъ, чтобы и ему былъ причиненъ такой же, совершенно равный вредъ. Напротивъ, равенство по Аристотелю есть относительное, какъ равное равнымъ и неравное неравнымъ, ибо говоритъ онъ, если-бы неравные получали равное, то въ такомъ случаѣ, было-бы неравенство. Истинное равенство, такимъ образ. и состоитъ въ томъ, чтобы равные получали равное, и неравные неравное, это и есть относительное равенство. На основаніи вышеизложеннаго видно, что по ученію Аристотеля правый разумъ есть орудіе и источникъ познанія права, какъ праведнаго и справедливаго, слѣдов., есть формальный принципъ права

Изъ главныхъ философовъ формальнымъ принципомъ права, именно, уже собственно права а не нравственности призналъ впервые умъ человѣческій вообще, какъ общечеловѣческій умъ, творецъ и основатель науки естественнаго права, знаменитый голландскій ученый, Гуго-Гроцій (Hugo Grocius, такъ

латинизировали его имя отъ Hugo de Grot) въ своемъ сочинении „De jure belli ac pacis" что значитъ, что праведно во время войны и во время мира. Здѣсь онъ опредѣляетъ естественное право такимъ образ.: это есть законы или правила, которыя внушаетъ намъ правый разумъ (ὀρθὸς λόγος — въ переводѣ отъ латинскаго rectae ratio), посредствомъ котораго мы судимъ о праведности и справедливости, и о неправедности и несправедливости всѣхъ нашихъ дѣяній, поступковъ, такъ что этотъ правый разумъ и есть потому, въ этомъ смыслѣ, какъ умъ общечеловѣческий, формальный принципъ права, по ученію Гуго Гроция. Но съ особенною рѣшительностью выставленъ былъ умъ человѣческий вообще формальнымъ принципомъ права нѣмецкимъ философомъ Пуфендорфомъ, который былъ первымъ профессоромъ науки естественнаго права въ Геттингенѣ (1632 - 1694 г.). Изъ его сочиненій для насъ замѣчательны „De jure naturali et gentium. 2, De officiis hominis et civis, т.е. объ обязанностяхъ человѣка и гражданина. Пуфендорфъ говоритъ, что наука естеств. права подобно ~~всѣмъ~~ точно такъ вообще философскія, нравственныя, этическія науки, способна быть столько же очевидною для ума человѣческаго, какъ и науки математическія, и что потому для познанія естественнаго права, слѣд. праведнаго и справедливаго совершенно достаточенъ естественный разумъ человѣческий, т.е. для этого познанія нѣтъ надобности ни въ откровеніи божіемъ, ни въ вспомоществованіи человѣческому уму божіею благодатію. Поэтому изъ естественнаго права, какъ науки, должны быть исключены, по ученію Пуфендорфа, всѣ теологическія догмы, которыя заключены были

до времени Пуфендорфа въ ученіи права, какъ бы напр. догмы: о грѣхопаденіи человѣка, о происхожденіи грѣха, объ искупленіи Спасителемъ, объ оправданіи человѣка — все это было прежде приводимо въ связь съ ученіемъ права, какъ праведнаго и справедливаго, въ схоластической философіи, сущность которой состояла въ томъ, что она признала необходимымъ подчиненіе теологіи философіи, что и выражалось въ положеніи: Philosophia est ancilla theologiae, т. е. философія есть служанка теологіи. Напротивъ, Гуго Гроцій первый освободилъ философію права въ особенности, какъ науку естественнаго права, отъ такого подчиненія теологіи, (какъ мы это скажемъ въ своемъ мѣстѣ).

Мы сказали, такимъ образ., о главныхъ представителяхъ второй ступени генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права. На этой ступени стоящіе философы признаютъ какъ мы видѣли, формальнымъ принципомъ права умъ человѣческій вообще, но безъ ближайшаго его опредѣленія, — смотрятъ-ли они на него, какъ на созерцательную, какъ на теоретическую способность, способность познавательную, или какъ на дѣятельную способность, практическую, или же наконецъ, какъ на теоретич. и на практическую способность въ ихъ единствѣ; этого они не опредѣлили. Тѣ философы, которые стараются опредѣлить ближайшимъ образомъ правопонятіе и въ этомъ отношеніи умъ человѣческій или какъ умъ только теоретическій, или какъ умъ только практическій или же какъ единый теоретическій и практическій, стоятъ уже на высшихъ ступеняхъ генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права, такъ что за этою второю ступенью слѣдуютъ еще три ступени этого развитія формальныхъ принциповъ права.

<u>На третьей ступени</u> генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права стоятъ философы, которые признаютъ формальн.

нымъ принципомъ права исключительно теоретическій умъ человѣка, т.е. какъ созерцательную, познавательную способность человѣческого духа, человѣческой души, которая вообще созерцаетъ или познаетъ истину.

Съ особенною опредѣлительностью выставилъ формальнымъ принципомъ права и вообще нравственности исключительно умъ теоретическій, англійск. философъ Уолластонъ (1659-1724) въ сочинени подъ заглавіемъ „Очерки природной религіи". Уолластонъ говоритъ, что мы, люди, должны выражать въ своихъ внѣшнихъ дѣяніяхъ, поступкахъ непремѣнно истину, которая состоитъ въ согласіи нашихъ понятій, нашего мышленія, съ предметами, съ дѣйствительностью, съ бытіемъ, такъ что нравственно доброе вообще и праведное и справедливое въ особенности есть въ сущности не что иное, какъ истинное, т.е. основанное на истинныхъ сужденіяхъ нашихъ, между тѣмъ какъ, напротивъ, нравственно дурное, злое вообще, и неправедное и несправедливое въ особенности есть ничто иное, какъ ложное, т.е. основанное на ложныхъ сужденіяхъ ума человѣческого, ибо человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ непремѣнно выражаетъ то, что познано его умомъ или какъ истинное, или какъ ложное. Истина, по ученію, Уолластона есть вообще верховное добро для человѣка и источникъ всей его правды и справедливости. Поэтому истина должна быть не только познана человѣкомъ, но и осуществлена имъ въ дѣйствительности во всѣхъ его дѣяніяхъ. Человѣкъ назыв. разумнымъ существомъ, продолжаетъ Уолластонъ, именно потому, что онъ способенъ познать истину, а существомъ нравственнымъ, онъ называется потому, что въ силу своей свободы, въ силу своей воли, онъ можетъ поступать или же согласно или же несогласно съ познанною имъ истиною. Такъ, говоритъ Уолластонъ, всякое вообще человѣческое дѣяніе есть нравственно доброе дѣяніе, если имъ выражается истинное сужденіе ума человѣческаго и, напротивъ, всякое человѣческое дѣяніе есть нравственно дурное, если

имъ выражается ложное сужденіе ума человѣческаго; другими словами: человѣкъ нравственно обязанъ дѣлать то, чего если-бы онъ не дѣлалъ, то это значило бы, что онъ отрицается отъ истины и нравственно обязанъ не дѣлать того, что если-бы онъ дѣлалъ, то это также значило бы, что онъ отрицается отъ истины, при чемъ все равно, какой-бы ни былъ предметъ истины т.е. истиннаго сужденія человѣческаго ума. Напр. человѣкъ есть существо разумное и свободное – это есть истинное сужденіе ума человѣческаго, это есть истина. Вслѣдствіе этого человѣкъ обязанъ выражать такое свое сужденіе въ дѣйствительности, именно, въ своихъ дѣяніяхъ, т.е. онъ нравственно обязанъ обращаться съ людьми, какъ съ разумными и свободными существами, а не какъ съ неразумными животными или какъ съ несвободными рабами, потому что иначе человѣкъ судилъ бы о людяхъ ложно, признавая ихъ неразумными и несвободными существами и потому обращаясь съ ними, какъ съ таковыми, во всей своей дѣятельности, во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ. Вообще говоритъ Уолластонъ, если человѣкъ поступаетъ неправедно и несправедливо, то тѣмъ самымъ онъ заявляетъ, что не считаетъ себя членомъ человѣческаго общества, а это есть ложное сужденіе, слѣд. на немъ не должно основывать своихъ поступковъ, ибо человѣкъ, какъ сказалъ уже Аристотель, есть общежительное животное.

На четвертой ступени генетическаго развитія формальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права не исключительно теоретическій умъ, какъ Уолластонъ, а напротивъ исключительно практическій человѣческій умъ, т.е. какъ дѣятельную способность человѣческой души, руководящую волею какъ способность свободно поступать [illegible]

бронравственно или напротивъ, злонравственно вообще, а слѣд. и праведно и справедливо или-же, напротивъ, неправедно и несправедливо. Исключительно практическій умъ призналъ формальнымъ принципомъ права и всей вообще нравственности съ особенною опредѣлительностью извѣстн. основатель новѣйшей нѣмецкой философіи, <u>Кантъ</u> (1724-1804). Полное собраніе сочиненій Канта было нѣсколько разъ издано и между прочимъ Резенкранцомъ и Гертенштейномъ. Изъ его сочиненій для насъ особенно важны три критики, какъ основныя сочиненія для его философіи, каковы: „Критика чистаго ума" или разума, переведенная на русскій языкъ г. Владиславлевымъ, „Критика практическаго ума" и въ третьихъ „Критика силы сужденія" а также „Метафизическія начальныя основы ученія о правѣ и ученія о добродѣтели", т. е. о морали.

Главная отличительная черта Кантовой философіи, въ отличіе съ одной стороны отъ философіи такъ назыв. умозрительной идеалистически догматической Лейбницъ-Вольфовой, а съ другой стороны отъ такъ назыв. опытной или эмпирической философіи Лока, и, наконецъ, отъ новой скептической философіи англійскаго мыслителя Юма, состоитъ въ томъ, что Кантъ прежде всего считалъ необходимымъ повѣрить собственно нашъ умъ, сперва преимущественно какъ теоретическій, а потомъ какъ практическій, а затѣмъ уже какъ силу сужденія, какъ нѣчто дополняющее ихъ, съ тою цѣлью, чтобы узнать, что нашъ умъ чисто самъ по себѣ, независимо отъ внѣшняго опыта, можетъ познать или какъ можетъ познавать и какъ возможны для насъ такъ назыв. синтетическія сужденія a priori. Подъ именемъ синтетическихъ сужденій a priori разумѣются въ отличіе отъ анали-

тическихъ сужденій, такія сужденія, въ которыхъ сказуемое присоединяется къ подлежащему (ибо изъ соединенія подлежащаго со сказуемымъ и составляется сужденіе), именно, прежде всякаго опыта, прежде всякаго наблюденія въ опытѣ, a priori, а слѣд. и независимо отъ опыта, между тѣмъ какъ аналитическія сужденія суть такія сужденія, въ которыхъ сказуемое выводится изъ самого подлежащаго, а именно, изъ его анализа, изъ его разложенія. Такъ, напр. если мы скажемъ, что всякая вещь имѣетъ тяжесть, что это есть свойство всякаго предмета, то это будетъ аналитическое сужденіе, ибо изъ понятія вещи, какъ подлежащаго, умъ нашъ прямо выводитъ, что оно имѣетъ тяжесть, ибо не имѣющихъ тяжести вещей нѣтъ. Слѣд. это будетъ аналитическое сужденіе. Напротивъ, если мы скажемъ, что душа человѣческая безсмертная, то это будетъ синтетическое сужденіе, потому что въ немъ подлежащее (душа человѣческая) и сказуемое (безсмертна) соединяются между собою не вслѣдствіе анализа души человѣческой не вслѣдствіе разложенія ея (нельзя выводить безсмертія изъ понятія души, ибо душа есть и у животныхъ, но нельзя сказать, чтобы она была безсмертна), а сказуемое присоединяется къ подлежащему, вслѣдствіе нашего познанія о душѣ человѣческой, какъ безсмертной, a priori, т.е. прежде всякаго опыта и независимо отъ всякаго опыта, независимо отъ него. Если мы скажемъ, что подобное сужденіе есть апостеріорное, т.е. основанное на опытѣ, выведенное изъ него вслѣдствіе того, что умъ человѣческій наблюдая надъ людьми, видитъ, что Петръ, Иванъ, Григорій и др. умерли, то это будетъ невѣрно, потому что изъ того факта, что Петръ, Иванъ и Григорій и др. умерли нель-

за, напр., еще вывести заключенія (т.е. заключенія изъ опыта), что всѣ люди смертны, ибо подобное сужденіе есть слѣдствіе такъ называемой индукціи, наведенія, а индукція не представляетъ собою такого результата, который бы отличался всеобщностью и необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, въ данномъ случаѣ изъ того, что Петръ, Иванъ, Григорій и др. умерли, что всѣ до сихъ поръ умирали, нельзя распространять понятія смертности на прочихъ людей, какъ людей и говорить, что они смертны, ибо нельзя сказать съ полною достовѣрностью, чтобы всѣ люди были смертны потому только, что всѣ люди сколько мы знаемъ умирали. Такое сужденіе не представляетъ необходимости въ томъ см. чтобы оно по необходимости вытекало изъ природы, изъ сущности самого человѣка. Точно также нельзя на основаніи индукціи сказать, что въ человѣкѣ можетъ быть нѣчто такое, что можетъ быть безсмертно - это душа его, потому что всѣ люди смертны, какъ физическія существа, но цѣльное тѣлое, состоящее изъ души и тѣла. Слѣдов., спрашивается, (это есть основной вопросъ критики чистаго ума), возможны-ли и если возможны, то какъ возможны синтетическія сужденія. Что аналитическія сужденія возможны, т.е. апостеріорныя, это совершенно очевидно, потому что достаточно имѣть какой нибудь предметъ для того, чтобы можно было вывести изъ него сказуемое, разложивши его; но возможны-ли апріорныя сужденія, не основанныя на опытѣ, подобно аналитическимъ сужденіямъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ Кантъ критикуетъ, какъ онъ говоритъ, нашъ умъ, какъ умъ познающій, какъ познающую способность, т.е. спрашиваетъ что и какъ онъ познавать долженъ и приходитъ къ слѣд. результату. Человѣческій умъ

можетъ познавать только то, что находится въ предѣлахъ пространства и времени, какъ заключающаго въ себѣ это познаваемое имъ. Пространство и время не суть нѣчто чувственное, а суть сверхчувственное; сами по себѣ они не представляютъ никакого содержанія, но въ нихъ всѣ вещи содержатся. Какъ таковыя вещи, явленія единичныя составляютъ содержаніе, матерію пространства и времени, которыя въ этомъ смыслѣ суть формы для этой матеріи, а именно, суть формы сверхчувственныя для матеріи, содержаніе которыхъ чувствуется, такъ что все то, что находится въ предѣлахъ пространства и времени, то есть чувственное, то воспринимается нашими внѣшними чувствами, совокупность которыхъ и составляетъ то, что называется чувственностью (Sinnlichkeit). Слѣд. пространство и время суть форма чувственности, какъ апріорныя формы для апостеріорнаго, въ опытѣ нами находимаго, воспринимаемаго нашими чувствами внѣшними содержанія. Итакъ, синтетическія сужденія возможны a priori въ томъ смыслѣ, что содержаніе ихъ должно быть непремѣнно чувственное, а не сверхчувственное; но формы этого содержанія должны быть апріорныя, т. е. присущія самому уму человѣческому, независимыя отъ опыта, доопытныя. Вотъ почему мы въ состояніи познавать чувственное, т. е. содержимое въ предѣлахъ пространства и времени этихъ апріорныхъ формъ, присущихъ нашей чувственности. Затѣмъ, есть еще высшая способность у насъ, а именно, разумъ (Vernunft), который также имѣетъ апріорныя сверхчувственныя формы, также для чувственнаго содержанія, а именно, для всѣхъ нашихъ понятій, какъ представляющихъ всеобщую совокупность

существ. признаковъ вещей. Совокупность, напр. признаковъ человѣка составляетъ понятие человѣка, въ отличие отъ представления, подъ которымъ разумѣется только сохраняющиеся въ нашемъ умѣ образы отъ единичныхъ предметовъ, безъ познания ихъ существенныхъ признаковъ.

Если я напр. вижу свѣчу, то представляю себѣ только ея образъ, котораго я не могу имѣть не видѣвши ее; но существенные признаки свѣчи составляются уже послѣ, такъ какъ они уже составляютъ самое понятие свѣчи. Понятия, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ, какъ извѣстно, суждение. Для всѣхъ понятий ~~и для всѣхъ~~ суждений, которыя имѣютъ ~~своимъ содержаниемъ~~ нѣчто чувственное ~~есть также особенныя формы уже въ нашемъ~~ разумѣ, которыя суть основныя понятия, основ. понятия разума, или такъ наз. категории, какъ назвалъ ихъ еще ~~Аристотель въ нѣсколько другомъ смыслѣ~~, хотя также въ смыслѣ общихъ понятий, - Аристотель, основавший свои категории на пифагорейскихъ таблицахъ, подобныхъ категориямъ. Изъ этихъ общихъ понятий дѣлаются суждения, которыя суть также основныя суждения, но также имѣющия содержаниемъ своимъ чувственное, между тѣмъ, какъ эти основныя суждения суть также априорныя сверхчувств. формы въ нашемъ разумѣ. Напр., возможность, дѣйствительность и необходимость суть основныя понятия, категории, подъ которыя м. быть подведено множество понятий; или, напр., дѣйствия, основания и слѣдствия, средства и цѣли суть также основныя понятия, ~~которыя въ~~ своемъ соединении (какъ напр. средства и цѣли) представляютъ уже основания для множества разн. единичныхъ суждений, на нихъ основанныхъ. Слѣдов., ни чувственность, ни разумъ

нашъ не имѣютъ въ содержаніи своемъ ничего сверхчувственнаго, и хотя и имѣютъ въ себѣ сверхчувств. формы, но только какъ орудія для познанія чувственнаго, т.е. подчиненнаго нашимъ внѣшнимъ чувствамъ и состоящаго въ предѣлахъ пространства и времени (какъ сверхчувств. формахъ), такъ что внѣ предѣловъ пространства и времени ничего для насъ не познается.

Есть еще одна высшая способность нашей души, а именно, умъ (Vernunft), которая имѣетъ также свои понятія, умопонятія. Умъ произноситъ свои сужденія; но понятія ума суть уже, такъ назыв. идеи, которыя отличаются отъ основопонятій разума, отъ категорій тѣмъ, что онѣ не суть даже апріорныя формы для чувственнаго, какъ категоріи, равно какъ и сужденія ума не суть апріорныя формы для всѣхъ сужденій, а суть ничто иное, какъ заключенія или умозаключенія въ видѣ выводовъ изъ оправданныхъ уже разумомъ сужденій. Умъ нашъ, подобно разуму, ничего иного не познаетъ, кромѣ также чувственнаго, т.е. въ предѣлахъ пространства и времени находящагося, но съ тѣмъ различіемъ отъ разума, что умъ нашъ въ своихъ идеяхъ и въ своихъ заключеніяхъ не постигаетъ такъ творчески, самостоятельно, какъ разумъ, а постигаетъ только, какъ выражается Кантъ, конститутивно, а постигаетъ регулятивно, т.е. регулируетъ понятія и сужденія. Такъ напр., умопонятіе, извѣстное подъ именемъ души человѣческой (это есть умопонятіе или идея) есть ничто иное, какъ регулированіе понятій о душѣ человѣческой, т.е. всего того, что составляетъ существенные признаки души, а именно эти признаки соединяютъ [illegible] человѣческихъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

шего человѣческою, между тѣмъ, какъ нѣтъ ничего въ опытѣ, въ дѣйствительности соотвѣтствующаго души человѣческой, между тѣмъ какъ соотвѣтственное основопонятіямъ или категоріямъ есть въ опытѣ (именно чувственное), такъ что разумъ конституируетъ понятія и сужденія, а умъ только регулируетъ, обобщаетъ. Итакъ, умозаключенія, какъ заключенія ума, суть ничто иное, какъ обобщеніе сужденій, которыя являются его посылками, его основаніями, такъ что умъ ни къ чему больше не приходитъ, какъ къ выводу изъ сужденій данныхъ разумомъ, которыя суть также нѣчто чувственное. Потому-то и самыя важныя для человѣка идеи и основанныя на нихъ сужденія для человѣка не познаваемы, каковы: идея божества, какъ бытіе божіе, идея души человѣческой, какъ ея безсмертіе и идея человѣческой воли, какъ ея свобода. Этихъ идей человѣческій умъ познавать не можетъ, такъ какъ это не есть чувственное. Такъ какъ, съ другой стороны, эти идеи ничто иное, какъ обобщеніе, то, слѣд., это суть идеи ума.

Вотъ результатъ Кантовой критики чистаго ума. Спрашивается, что же познается и что м. быть умомъ познано? На этотъ вопросъ Кантъ отвѣчаетъ однимъ словомъ: умомъ познаются только явленія, но не познается вещь сама въ себѣ, т. е., имъ познается, какъ вещь проявляется въ пространствѣ и во времени, какъ она является предметомъ нашихъ понятій и сужденій нашего разума, какъ явленія познаются нашимъ умомъ, регулируются имъ, но вещь сама въ себѣ не познаваема, а слѣд., не познается ни бытіе божіе, ни безсмертіе души, ни свобода воли человѣка, умомъ нашимъ, какъ познават. способ-
[illegible]

нашего познанія, который Кантъ выразилъ словами „вещь сама въ себѣ" и который есть все сверхчувственное, сверхопытное, какъ содержаніе матеріи. Познаніе наше не имѣетъ, такимъ образ., такого содержанія, такой матеріи, но оно имѣетъ сверхчувственныя, сверхопытныя, априорныя формы, каковы суть пространство и время, и формы разума, или категоріи въ см. основопонятій, или основосужденій, но никакъ ни идей или умопонятій, и никакъ умозаключеній, которыя ограничиваются только тѣмъ, что сами регулируютъ всѣ наши познанія о чувственномъ, предлагаемыя нашею чувственностью, при помощи априорныхъ формъ и предлагаемыя нашимъ разумомъ, при помощи категорій или основныхъ сужденій.

Кантъ, какъ я сказалъ, положилъ въ основу всей своей философской системы „Критику чистаго ума" т.е. собственно, повѣрку чистаго, именно, независимаго отъ опыта, ума, какъ высшей въ человѣческой душѣ познавательной способности, какъ самаго себя т.е. ума, какъ и прочихъ низшихъ, т.е. подчиненныхъ этому уму познавательныхъ способностей, каковы суть: чувственность (Sinnlichkeit) и разумъ (Verstandt), - повѣрку, съ цѣлью опредѣлить, что эти наши познавательныя способности могутъ познать и какъ, т.е. посредствомъ чего, они могутъ познать, или съ цѣлью опредѣлить познаніе по его содержанію и по его формѣ. Извѣстно, къ какимъ окончательнымъ результатамъ привела Канта эта „Критика чистаго ума", а именно, Кантъ нашелъ, что человѣческая познавательная способность вообще т.е. и чувственность, и разумъ, и умъ, какъ теоретическій умъ, могутъ познавать только то, что даетъ намъ опытъ, наши чувства, что

состоитъ въ предѣлахъ пространства и време-
ни, такъ что опытное чувствованіе есть един-
ственное содержаніе нашего познанія, или, что
все равно, мы не познаемъ того сверхчувствен-
наго, того сверхопытнаго, которое Кантъ на-
зываетъ однимъ словомъ „вещью самой въ себѣ",
выражая этимъ названіемъ, съ одной стороны,
внутреннюю сущность вещей, существъ и яв-
леній, а, съ другой стороны, предѣлъ нашего по-
знанія со стороны его содержанія, такъ какъ мы,
по Канту, познаемъ только внѣшнія явленія
вещи самой въ себѣ, этой сущности вещи, ко-
торыя именно и являются для нашихъ чувствъ,
для нашей чувственности въ предѣлахъ про-
странства и времени. По Канту, мы познаемъ
чрезъ посредство присущихъ нашихъ познава-
тельныхъ способностяхъ, каковы чувственность
и разумъ, независимыхъ отъ опыта, отъ чув-
ственности и, въ этомъ смыслѣ, априорныхъ
средствъ, или подъ ихъ условіями, которыя наз.
формами, каковы суть относительно чувст-
венности пространство и время, съ одной сто-
роны, - и каковы суть относительно разума
(Verstand) его основныя понятія или ка-
тегоріи, изъ которыхъ составляются всѣ суж-
денія нашего разума. Что же касается до ума,
то, хотя и онъ имѣетъ свои понятія, назыв.,
въ отличіе отъ понятій разума, идеями и хо-
тя и онъ имѣетъ свои сужденія, называемыя,
въ отличіе отъ сужденій разума, заключенія-
ми, какъ основанныхъ на сужденіяхъ разума,
какъ выводимыхъ изъ нихъ; однако же содержаніе
этихъ понятій и этихъ сужденій собствен-
но есть, также, ничто иное, какъ опытное,
чувственное, ибо то содержаніе идеи, которое
представляется, какъ сверхопытное и сверх-
чувственное, есть ничто иное, какъ предста-
вленіе ума, не имѣющее ничего соотвѣтствую-
[illegible], какъ чувственномъ, не имѣю-

щее ничего объективнаго, никакой объективности. Въ этомъ смыслѣ идеи, какъ умопонятія, или какъ умозаключенія, вовсе не познаваемы нашимъ умомъ, а суть ни болѣе ни менѣе, какъ способъ, или средство - регулировать познанное нашею чувственностію и разумомъ чувственное, опытное содержаніе т. е. обобщать, объединять его; или, другими словами: идеи имѣютъ, какъ выражаетъ Кантъ, одно только регулятивное а не конститутивное значеніе, каковы, какъ самыя высшія идеи, суть: свобода воли человѣческой, безсмертіе души человѣческой и существованіе божества. Слѣд. для насъ не познаваемы ни свобода воли, ни безсмертіе души, ни бытіе божіе.

Въ душѣ человѣческой есть не только умъ теоретическій, какъ теоретическая познавательная способность, но есть еще и умъ практическій, по ученію Канта, какъ практическая способность нашей души, направляющая нашу волю къ практической дѣятельности, а именно, эта способность предписываетъ a priori, независимо отъ опыта и прежде всякаго опыта, волѣ законы для ея дѣятельности, являясь, поэтому, автономич. самозаконною способностью. Эти законы суть нравственные въ обширномъ см. или этическіе законы, они отличаются отъ законовъ природы, которые суть не болѣе, какъ обобщенія, объединенія познанныхъ нашею познавательною способностію во всѣхъ ея видахъ (т. е. чувственностью и разумомъ) явленій, а именно законы природы суть нѣчто всеобщее и нѣчто необходимое во всѣхъ явленіяхъ сего матеріальнаго, вещественнаго міра а слѣд. они вовсе не даются умомъ, а составляются умомъ изъ содержанія, даваемаго опытомъ, не суть апріорные, а суть апостеріорные законы, т. е. независимые отъ опыта, ибо явленія даются опытомъ чувственнымъ. Однако-же, не смотря на такое

существенное отличіе нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ или этическихъ законовъ отъ законовъ физическихъ или законовъ природы, и нравственные въ обширн. смыслѣ или этическіе законы имѣютъ то общее съ физическими законами, что, также, необходимымъ условіемъ ихъ существованія является всеобщность и необходимость, ибо и они суть нѣчто, также что предписывается, какъ нѣчто необходимое для исполненія и, притомъ, какъ необходимое безусловно, какъ категорич. а не гипотетич. безусловное а не условное велѣнія, или императивы человѣческаго ума. Съ другой стороны, эти нравственные въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы, подобно физическимъ законамъ, являются всеобщими, такъ какъ это суть предписанія, велѣнія категорическія для человѣческой дѣятельности вообще, а не особенныя частныя правила того или другого человѣка, которыми онъ положилъ себѣ руководствоваться въ своей дѣятельности. Конечно, исполненіе этихъ нравственныхъ законовъ въ обширн. смыслѣ, или этическихъ законовъ, предписываемыхъ, такимъ образ., практическимъ умомъ, какъ категорической императивы, не можетъ быть полнымъ, совершеннымъ со стороны человѣка, но тѣмъ не менѣе эти законы являются для него необходимыми въ объясненномъ нами смыслѣ, какъ велѣнія, ничѣмъ не обусловленныя, напр., ни благоразуміемъ, ни тѣмъ, что это исполненіе ведетъ, напр., къ счастью, къ удовольствію и т. под. (они должны быть исполняемы сами для себя), тѣмъ не менѣе они являются для людей всеобщими. Какъ бы то ни было всякое исполненіе этихъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, или этическихъ законовъ не возможно безъ предположенія того, что назыв. свободою воли человѣческой, ибо въ самомъ дѣлѣ, можно-ли говорить о какихъ нибудь дѣяніяхъ и-

ловѣка, что онъ добронравственный, или безнравственный, если не предположить, что человѣкъ можетъ ихъ совершать и не совершать, или не предположить, что человѣческая воля, которой предписываетъ, такимъ образ., умъ практическій нравственные законы, свободна совершать или не совершать тѣ или другія дѣянія. Слѣдов., нравственность, которая есть предметъ нравств. законовъ въ обширномъ смыслѣ, или этическихъ, необходимо требуетъ прежде всего предположенія, что человѣческая воля свободна. Такое требованіе называетъ Кантъ постулятомъ практическ. ума, именно въ смыслѣ необходимаго условія, необходимаго требованія со стороны практическаго ума, для исполненія его собственныхъ категорическихъ велѣній, какъ нравственнаго закона, а именно: онъ считаетъ, что эта свободная воля есть первый постулятъ практическаго ума, т. е. что это есть первое ближайшее условіе, какъ того, чтобы наша дѣятельность могла быть обсуждаема, какъ добрая или дурная дѣятельность съ нравственной точки зрѣнія, чтобы можно было говорить объ исполненіи или неисполненіи, о соблюденіи или нарушеніи нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, или этическихъ законовъ. Этотъ постулятъ ведетъ уже за собою два другіе постулата практическаго ума, а именно: безсмертіе души человѣческой и бытіе Божіе, такъ что и эти требованія суть требованія практическаго ума, въ виду именно нравственности. Это Кантъ развиваетъ такимъ образомъ. Цѣль всей человѣческой дѣятельности есть добро; но добро имѣетъ свои степени, т. е. добро, какъ цѣль вообще можетъ превратиться и превращается въ средство для другихъ высшихъ цѣлей, какъ въ средство для высшаго добра, такъ что, наконецъ, самое высшее, или верховное добро

есть цѣль всѣхъ цѣлей, которая уже не можетъ быть средствомъ для какой нибудь еще болѣе высшей цѣли. Это верховное добро и есть счастие, какъ верховное счастье, какъ блаженство. Блаженство — вотъ къ чему стремится человѣкъ, вслѣдствие своей нравственной природы, вотъ къ чему стремится вся его дѣятельность т. е. исполнение, соблюдение его волею категорическихъ велѣний практическаго ума имѣетъ цѣлью такое верховное добро, благо, такое блаженство. Но это счастье, какъ верховное счастье какъ блаженство, не достижимо въ настоящей жизни, въ жизни земной, посюсторонней, а потому необходимо предположить, какъ требование опять практическаго ума, какъ постулятъ его, другую жизнь — по-тусторонною, необходимо, слѣдоват., предположить, что человѣкъ не умираетъ весь на землѣ, а сохраняется, а именно сохраняется въ томъ, что безсмертно что переходитъ въ жизнь по ту сторону, ибо тамъ только, вслѣдствие безсмертия сущности человѣческой жизни, вслѣдствие вѣчности этой жизни, и можетъ быть достигнуто для человѣка то, къ чему онъ стремится въ настоящей жизни а именно, верховное благо, добро, какъ верховное блаженство. Итакъ, изъ постулята свободы человѣческой воли необходимо вытекаетъ другой постулятъ практич. ума, состоящій въ безсмертіи души человѣческой. Но я сказалъ уже прежде, что, по ученію Канта, нравственные законы, хотя и должны быть необходимо исполняемы людьми, какъ всеобщіе нравственные законы, однакоже, они не могутъ быть вполнѣ исполняемы людьми по ихъ несовершенству, ограниченности, конечности, а слѣд. и въ той потусторонней жизни для безсмертной души человѣческой, собственно говоря, не можетъ быть полнаго счастья, какъ верховнаго блага, добра, какъ блаженства, ибо оно не соотвѣтствовало

бы несовершенной доброправственной человѣческой дѣятельности. Въ какой мѣрѣ и степени соотвѣтствуетъ дѣятельность человѣка нравств. законамъ, въ какой мѣрѣ и степени исполнилъ человѣкъ въ земной своей жизни нравственные законы и, слѣдов., въ такой мѣрѣ и степени онъ заслужилъ то, къ чему онъ стремился, въ будущей потусторонней жизни. Какъ наградитъ человѣка, за его нравственную дѣятельность, это можетъ знать только существо, которое знаетъ все, которое можетъ проникнуть во всѣ изгибы человѣческаго сердца, во всѣ чувства, мысли и желанія, и слѣд., только всевѣдущее существо можетъ оцѣнить степень нравственнаго совершенства того или другаго человѣка, а слѣд. степень той награды, которая можетъ быть ему присуждена по мѣрѣ и степени его нравственнаго совершенства. Но это значило-бы, что и въ потусторонней жизни не возможно было-бы для человѣка достиженія верховнаго блага, добра, не возможно было-бы полное счастье, или блаженство, ибо ни одинъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ, не можетъ о себѣ сказать, что онъ въ земной жизни вполнѣ исполнилъ всѣ категорич. велѣнія практическаго ума. Поэтому, необходимо предположить не только то, что есть существо всевѣдущее, но и то, что есть существо всеблагое, которое вмѣняетъ въ заслугу человѣку и одно старанія, или стремленіе къ тому, чтобы исполнить нравственные законы, которые представляются въ земной человѣческой жизни идеаломъ, для дѣятельности человѣка недостижимымъ. По мѣрѣ этого старанія, по мѣрѣ заслугъ человѣческихъ въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ ищетъ поддержки, подкрѣпленія своего въ существѣ, которое въ состояніи подкрѣпить его въ исполненіи имъ нравствен-

ныхъ законовъ, онъ и получаетъ ту или другую награду, награду счастіемъ въ той или другой степени. Но вслѣдствіе того, что есть существо, которое не только воздаетъ каждому по дѣламъ его, но и воздаетъ больше, нежели, сколько заслужилъ человѣкъ, а именно, даруя ему, какъ-бы безвозмездно, помимо его заслугъ, по своему милосердію, по своей благости полное счастіе, то должно предположить, что есть существо не только праведное и справедливое и всемилостивое, но и всемогущее, которое можетъ такимъ образ. дать полное счастіе, полное блаженство и такому существу, которое само по себѣ не въ состояніи его пріобрѣсть, которое не можетъ представить ни своей конечности, по своему несовершенству, такой дѣятельности, которая-бы вполнѣ соотвѣтствовала полному счастью, блаженству. Такимъ образ. является третій постулятъ, какъ требованіе практическаго ума, въ виду также нравственности, а именно, бытіе существа всевѣдущаго, праведнаго и справедливаго, всеблагаго и всемогущаго, т.е. бытіе божества. Такимъ-то образ., практическимъ умомъ возстановляется у Канта, по крайней мѣрѣ, отчасти, возможность придти къ тѣмъ великимъ, важнѣйшимъ истинамъ о сверхчувственномъ, о сверхопытномъ, которыя не доступны были теоретич. уму, какъ познающему уму, съ подчиненными ему познавательными способностями (чувственностью и разумомъ).

Въ этомъ состоитъ существенное содержаніе второй Кантовой Критики подъ заглавіемъ: „Критика практич. ума," которую онъ опредѣлилъ так. образ.: „практическій умъ восходитъ по ступенямъ, содержаніе которыхъ не познаваемо для теоретическаго ума, но которые вытекаютъ изъ са-

-мой сущности практическаго ума, какъ присущественной человѣческой природы, какъ такой способности, которою направляется человѣческая воля, какъ воля свободная, къ практической дѣятельности, или къ исполненію, соблюденію категорич. велѣній для дѣятельности человѣческой, назыв. „категорическими императивами, или нравственными въ обширномъ смыслѣ, или этическими законами.

Наконецъ, къ указаннымъ двумъ критикамъ (т. е. критикѣ чистаго ума, как теоретич. способности и къ критикѣ практич. ума) Кантъ присоединилъ еще третью критику подъ назв.: „Критика силы сужденія." Кантъ, конечно, не могъ не замѣтить, въ концѣ своей философской дѣятельности, что онъ разъединилъ умъ теоретич. и практическій такъ что между ними не оставилъ ничего общаго, а именно, между тѣмъ какъ теоретическій умъ является не познающимъ сверхчувственнаго, сверхопытнаго, практическій умъ является способностію, которой присуще это сверхчувственное, сверхопытное. Кантъ такимъ образ. замѣтилъ, что его философ. система не представляетъ того единства, которое необходимо требуется отъ всякой философск. системы, что она не представляетъ цѣлостнаго воззрѣнія, міросозерцанія а напротивъ, является раздвоенною. Вотъ почему Кантъ присоединилъ еще третью критику подъ заглав.: „Критика силы сужденія", въ которой онъ старается соединить теоретич. и практич. умъ, примирить ихъ въ томъ, что теоретич. умъ, при своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ, а практич. умъ при своихъ законахъ, или велѣніяхъ необходимо одинаково руководствуются понятіемъ о томъ, что въ мірѣ существуетъ цѣлесообразность, равно какъ и нераздѣльная съ цѣлесообразностію и

чинность, или причинословность, причинная связь, казуальность т. е. умъ, какъ единый умъ, и въ своихъ сужденіяхъ и въ своихъ веленіяхъ для человѣческой воли руководится, именно, сознаніемъ цѣлей и сознаніемъ причинъ, какъ причинъ міра, вслѣдствіе которыхъ міръ представляетъ собою единое цѣлое, въ которомъ сплетено все, какъ средство и цѣль, и, затѣмъ, какъ дѣйствіе и причина, въ силу того, что цѣль и становится именно причиною того, что первоначально являлось ея средствомъ. Но и здѣсь, вслѣдствіе своей критики чистаго ума и вслѣдствіе ограниченной дѣятельности практич. ума, ограничивающегося только обязательными законами или веленіями для воли, Кантъ нашелъ, что человѣч. духъ можетъ понимать такую цѣлесообразность, или казуальность въ мірѣ только, какъ предположеніе, только, какъ постулятъ, не имѣя возможности — доказать, чтобы въ самомъ дѣлѣ, въ самой дѣйствительности, въ мірѣ было что нибудь подобное, т. е. чтобы, подобно тому, какъ умъ человѣческій въ своихъ понятіяхъ и сужденіяхъ и въ своихъ законахъ для практич. дѣятельности руководится понятіемъ о средствахъ и цѣли, причинахъ и дѣйствіяхъ, и въ самомъ мірѣ существовала цѣлесообразность и казуальность, чтобы въ самомъ дѣлѣ между явленіями міра была причинная связь, какъ безконечная связь, причинословная, какъ связь дѣйствій и причинъ и безконечная связь, какъ связь средствъ и цѣлей, которыя-бы восходили отъ низшихъ къ высшимъ, т. е. восходили-бы, наконецъ до первопричины всего и до нераздѣльной съ нею первоцѣли, или верховной, конечной цѣли всего. Такъ что, въ этомъ отношеніи, если предположить, что такое міросозерцаніе, міровоззрѣніе человѣческой души, человѣч. духа есть истинное, то эта истина

имѣетъ для человѣч. духа, вообще, значеніе субъективной истины а не объективной, т.е. она не имѣетъ значенія той истины, для которой можно было бы указать въ чувственномъ опытѣ то, что ей соотвѣтствуетъ.

Я изложилъ сущность содержанія тѣхъ трехъ сочиненій Канта, которыя положены въ основаніе всей его философ. системы и которыя онъ самъ называетъ общимъ именемъ „Критикою" въ томъ смыслѣ, что ими посторяется умъ человѣческій и какъ теоретич. способность и какъ практич. способность и какъ сила сужденія. Всѣми этими сочиненіями положена основа для философск. системы Канта, основа еще не бывалая до него, такъ какъ такой основы не знали его предшественники. Вотъ почему философск. система Канта часто характеризуется словомъ критицизмъ, подъ которымъ разумѣется особен. направленіе философск. системы, характеръ которому б. данъ впервые Кантомъ и которое затѣмъ легло въ основу системъ его учениковъ и послѣдователей. Иногда для точнѣйшаго обозначенія характера филос. системы Канта въ отличіе отъ характера другихъ, болѣе или менѣе сродныхъ съ нею философск. системъ, обозначаютъ ее именемъ критич. идеализма, въ отличіе отъ предшествующаго ему филос. направленія, т.е. отъ умозрит. философск. системы, которая принадлежала Лейбницу и которая затѣмъ б. переработана его ученикомъ Вольфомъ и которая потому назыв. Лейбницъ-Вольфовой системой, но въ отличіе отъ Кантова идеализма философ. система Лейбницъ-Вольфова названа была и назыв. до сихъ поръ, со времени появленія Кантовой философской системы, догматич. идеализмомъ въ томъ смыслѣ, что отправною точкою этой филос. системы являются мысли, какъ сверхчувствен. познанія, присущія уму

[...]ическому, какъ познават. способности въ см.
прирожденныхъ ему идей или мыслей, или врож-
денныхъ идей, такъ что эти мысли имѣютъ
сходство съ тѣми мыслями, которыя лежатъ
[въ ос]нованіи всякой религіи, въ особенности хри-
[сти]анской и которыя въ особенности въ христіан-
[ств]ѣ назыв. догмами въ см. ничѣмъ недока-
[за]нныхъ. которыя и не могли быть ничѣмъ до-
казаны, пот. что это суть первоначальныя, ос-
новныя мысли, т.е. не имѣющія въ другой мы-
[сли] своей основы. Способъ философскаго доказа-
тельства и состоитъ именно въ томъ, что
[дл]я доказательства одной мысли ищутъ осно-
[ван]ія въ др. мысли, которая, или была уже дока-
[за]на, или которая признается не требующею
доказательства. Нѣкоторыя положенія въ иде-
[али]стической, умозрительной Лейбницъ-Вольфо-
[вой] философіи являются догмами въ томъ
[смыс]лѣ, что имъ уже не требуется доказатель-
[ст]ва истинности этихъ положеній, такъ
[как]ъ они считаются истинными сами по себѣ,
[сов]сѣмъ также, какъ и христ. догмы, хотя и на
[др]уг. основаній. Христіанскія догмы не требу-
[ют]ъ доказательства того, что онѣ истин-
[ны, при]нимаются вѣрою, между тѣмъ, какъ догмы
[Лей]бницъ-Вольфовой философіи признаются
[не]требующими доказательства того, что онѣ
[по]нимаются самою познающ. способностью
[какъ] аксіомами, т.е. не имѣющія нужды въ доказа-
[те]льствѣ, въ которыхъ истина сама по се-
[бѣ] ясна, очевидна для человѣч. ума. Кантъ, ме-
[жду] прочимъ выступилъ и противъ такого
[до]гматич. идеализма, говоря, что эти догмат.
[ическ]ія положенія, которыя легли въ основу филосо-
[фіи], какъ прирожд. идея, суть произвольно по-
[ставленны]я его принципы, какъ не требующія
[до]казательства, между тѣмъ какъ необходимо
[illegible] узнать, можетъ ли познающ[illegible]
[illegible] умъ [illegible]. Съ этою цѣлью Кантъ

и положилъ въ основу своей филос. системы Критику чистаго ума, какъ первую критику, результатомъ которой и б. рѣшеніе того вопроса, который вовсе не задавали себѣ догматич. идеалисты Лейбн.-Вольфовой философіи. Вотъ почему въ отличіе отъ догматич. идеализма Лейбн.-Вольф. философіи Кантова философск. система обозначается именемъ критическаго идеализма. Съ друг. стороны, этимъ назван. Кантова философск. система отличается отъ идеалистич. же системъ, но съ другимъ характеромъ, а именно, системъ преемниковъ Канта, каковы: Фихте, Шеллингъ, Краузе и Гегель, но не Гербартъ, который не менѣе указанныхъ философовъ имѣетъ въ настоящее время послѣдователей, но который построилъ философск. систему, только на половину являющуюся идеалистическою, а на половину реалистическою, отличающеюся реализмомъ. Что же, спрашивается, идеалистическаго въ Кантовой философск. системѣ? Идеалистическое въ его филос. системѣ есть то, что въ ней есть a priori, что не берется изъ опыта, что не есть предметъ чувственности, а есть сверхчувственное, не заключающееся въ предѣлахъ пространства и времени. Что же это такое? Это суть формы опытн. познанія, каковы суть для чувственности пространство и время, а для разума категоріи. Точно так же идеальными въ Кантовой системѣ являются априорные, категорические законы, являю- для нравственности, категор. императивы, потому что они даются независимо отъ опыта. Вотъ что есть идеальнаго, идеалистическаго въ Кантовой фил. системѣ. Въ этомъ см. и въ этомъ отношеніи Кантова фил. система м. б. названа идеалистич. или идеализмомъ, но съ прибавленіемъ названія критич. идеализмъ для отличія съ одной стор. отъ Лейбн.-Вольфовой философіи, ему предшествовавшей, а, съ др. стороны, для отличія отъ идеалистовъ послѣдующихъ, преимущественно же Фихте, Шеллинга, Краузе и Ге-

Послѣ сдѣланнаго нами разъясненія, мы м. прямо обратиться къ тому, что составляетъ дальнѣйшее развитіе Кантовой фил. системы, относящееся собственно до предмета нас занимающаго, а именно, до права, которое, впрочемъ, входитъ въ составъ нравственности въ обширн. см.; почему мы и обратимъ сперва вниманіе на нравственность въ обширн. см. начиная так. образ., съ общаго уже права, какъ заключающаго въ себѣ и право и мораль, а затѣмъ уже перейдемъ собственно къ морали и наконецъ, къ праву, именно, для уясненія форм. принципа права Канта. Извѣстно, что практич. уму присущи категор. императивы или велѣнія, которыя и суть ничто иное, какъ нравств. законы, предписываемые a priori практич. умомъ. Такихъ категор. велѣній или нравств. законовъ м. б. безчисленное множество; но всѣ они возводятся Кантомъ къ основному или верховн. нравств. закону, какъ верхов. нравств. категор. велѣнію практич. ума. Этотъ верховн. нравствен. законъ выражаетъ Кантъ слово въ слово. Такимъ обр. въ видѣ всеобщаго для людей и необходимо велѣнія, какъ необходимо всеобщ. закона, изъ котораго вытекаютъ всѣ проч. нравств. законы, какъ изъ своего источника: „поступай, говоритъ Кантъ, обращаясь къ человѣку, такъ, чтобы твое особенное правило или maxime какъ выражается Кантъ, твоей воли м. быть и стать всеобщ. закономъ“. Всякій человѣкъ устанавливаетъ или, по крайн. мѣрѣ, д. устанавливать какія нибудь правила для своей дѣятельности, жизни, чтобы поступать согласно съ этими правилами такъ, а не иначе, и хотя онъ не всегда выполняетъ эти правила, но все таки болѣе или менѣе руководствуется ими, по крайн. мѣрѣ д. руководствоваться. Такихъ правилъ столько же, сколько есть и людей, потому что каждое такое правило есть частное правило для каждаго единич. человѣка. Поэтому Кантъ и говоритъ, что каждый человѣкъ, желая согласно дѣйствовать съ велѣніями нравств. законовъ вообще, а слѣд. съ категор. велѣніями практич. ума, а слѣд. согласно [illegible] закономъ, который есть для всѣхъ [illegible]

новъ источникъ и основаніе, т.е. согласно съ верховн. нравств. въ обширн. см. закономъ, д. поступать такъ, чтобы въ своихъ внѣшн. дѣяніяхъ или въ своихъ поступкахъ руководиться такимъ своимъ частнымъ правиломъ, которое могло бы стать и затѣмъ быть общ. правиломъ, слѣд., всеобщ. закономъ, ибо общее правило и есть всеобщій законъ для всѣхъ людей. Въ такомъ только случаѣ дѣятельность человѣка, его поступки, согласные съ такимъ основн. велѣніемъ практич. ума будутъ дѣйствительно добронравственными, а иначе они б. противны добронравственности, б. дурны въ нравств. отношеніи. Слѣд., для того, чтобы человѣкъ могъ повѣрить свои дѣянія, нравственны ли они или дурны въ нравств. отношеніи, для этого стоитъ только человѣку свое частное правило возвысить до всеобщаго закона, т.е. представить, что его частное правило станетъ всеобщ. закономъ для всѣхъ людей. Если въ этомъ случаѣ, оно выдержитъ такую критику, т.е. если въ самомъ дѣлѣ окажется, что оно м. б. всеобщ. закономъ для всѣхъ людей, при которомъ вообще возможно общежитіе людей, то въ такомъ случаѣ, дѣянія человѣка, руководимыя такимъ частнымъ правиломъ, м. б. признаны и въ самомъ дѣлѣ б. нравственными, а въ противн. случаѣ, они б., напротивъ, дурными въ нравств. отношеніи, злыми. Извѣстно, напр., что договоры налагаютъ на договаривающихся извѣстн. обязательства, что они д. быть соблюдаемы свято и ненарушимо. Теперь представимъ себѣ, что кто ниб. поставилъ правиломъ всей своей жизни, вступая въ договоры съ друг. людьми (что необходимо), ибо безъ договоровъ не возможна общежитіе, не исполнять безъ согласія др. лица, съ кѣмъ онъ заключилъ договоръ, обязанностей, наложенныхъ этимъ договоромъ, если исполненіе ихъ не б. для него выгодно. Спрашивается, будутъ ли дѣянія человѣка, поставившаго себѣ такое правило, нравственными и безнравственными? Для рѣшенія этого вопроса стоитъ только [illegible] частное правило [illegible] [illegible], во всеобщимъ закономъ, т.е. представить себѣ, что

всѣ люди могутъ нарушать заключенныя или договоры безъ согласія другой стороны если исполненіе ихъ не представляется для нихъ выгоднымъ. При существованіи такого общаго правила, конечно, невозможна общественная жизнь, потому что при такомъ правилѣ никто не будетъ вступать въ договоры съ другими лицами, а слѣдовательно исчезнетъ все то, что составляетъ жизнь, движеніе, въ особенности въ юридической сферѣ, взаимныя отношенія будутъ уничтожены, а также всѣ так назыв. обязательства права или нормы, законы, которыми опредѣляются обязанности, вытекающія изъ договоровъ. Это конечно, невозможно, а слѣдовательно, и дѣянія, при совершеніи которыхъ будутъ руководствоваться такими правилами, будутъ дѣяніями противными нравственнымъ законамъ, будутъ безнравственными дѣяніями.

Вотъ въ какомъ смыслѣ указанное положеніе Канта является въ самомъ дѣлѣ, верховнымъ нравственнымъ закономъ, изъ котораго истекаетъ все безчисленное множество нравственныхъ законовъ. Всѣ нравственные въ этомъ смыслѣ т.е. въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы подраздѣляются у Канта на законы основные нравственные, которые теперь въ отличіе отъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, какъ этическихъ законовъ, называютъ моральными законами, и на правныя, или юридическіе законы. Тѣ и другіе суть законы, но существенное между ними различіе состоитъ въ слѣдующемъ. 1, Моральные законы требуютъ исполненія нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ законовъ, руководясь нравственнымъ долгомъ, какъ единственнымъ къ тому побужденіемъ, потому что моральная обязанность состоитъ въ томъ, что

бы исполнять нравственные законы ради самыхъ этихъ нравственныхъ законовъ, для самыхъ этихъ законовъ, чтобы исполнять долгъ ради самаго долга, - самое исполненіе этого долга должно быть единственнымъ къ тому побужденіемъ, чтобы ничего другаго не имѣлось при этомъ въ виду ни какъ предшествующаго исполненію нравственныхъ законовъ, ни какъ послѣдующаго этому исполненію, - ни какъ побужденія въ собственномъ смыслѣ, т.е. ни какъ мотивовъ, ни какъ цѣлей, ни какъ намѣренія (для того, напр. чтобы получить выгоду, пользу, пріятность, удовольствіе и т.п.), - все это должно быть устранено при исполненіи моральныхъ законовъ, при исполненіи моральныхъ обязанностей. Что же касается до юридическихъ законовъ, то исполненіе ихъ не требуетъ такого побужденія, т.е. можно исполнить юридическій законъ не только въ виду того, чтобы исполнить ихъ, не только исполняя долгъ ради долга, но и руководствуясь какими бы то ни было мотивами, побужденіями и цѣлями, лишь бы только самый нравственный законъ былъ на самомъ дѣлѣ исполненъ. Изъ этого слѣдуетъ 2), что при исполненіи моральныхъ законовъ, какъ моральныхъ обязанностей, приходится обращать вниманіе на то, что есть внутреннее въ человѣкѣ, ибо моральныя обязанности исполняются ради самаго долга, а долгъ есть нѣчто внутреннее, какъ представляемое должнымъ для воли человѣческой. Изъ этого слѣдуетъ, что непремѣнно нужно, чтобы то, что находится въ неразрывной связи съ этимъ представленіемъ человѣческой воли о долгѣ, было также согласно съ нравственными законами, т.е. чтобы съ ними были согласны чувствованія (если мы дѣлаемъ об-

но, а чувствуемъ другое, то такое дѣяніе нельзя назвать нравственнымъ), мысли и желанія. На все это нужно обращать вниманіе при исполненіи нравственныхъ обязанностей т. е. на образъ чувства, на образъ мыслей и на образъ желаній (каковы чувства, мысли и желанія). Что касается до исполненія юридическихъ обязанностей, то здѣсь въ этомъ нѣтъ необходимости, т. е. для признанія какого нибудь дѣянія юридически исполненнымъ, юридически правомѣрнымъ, достаточно чтобы оно по своей внѣшности, какъ дѣяніе обнаруженное, было согласно съ нравственнымъ закономъ, причемъ все равно, при какихъ условіяхъ оно исполнилось (при какихъ чувствахъ, при какомъ образѣ мыслей и желаній). Изъ этого слѣдуетъ третье отличительное существенное свойство моральныхъ и юридическихъ законовъ и обязанностей, а именно, моральные законы простирали свое дѣйствіе не только на внѣшнія дѣянія, но и на внутреннюю дѣятельность человѣка, т. е. не только на дѣянія, которыя являются обнаруженными во внѣшнемъ произведеніи какихъ нибудь перемѣнъ въ существующемъ мірѣ, но и на дѣянія внутреннія, не обнаруживаемыя, которыя не называются собственно дѣяніями, а называются внутреннею дѣятельностью и которыя состоятъ именно, въ чувствованіяхъ, мысляхъ и желаніяхъ, которыя должны быть согласны съ разными законами. Напротивъ, съ точки зрѣнія юридической достаточно одного дѣянія, согласнаго только съ внѣшней стороны съ нравственными законами. Наконецъ, отсюда же слѣдуетъ 4-ое и послѣднее существенное отличіе, по ученію Канта, между моральными и юридическими законами.

между моральными и юридическими обязанностями, а именно, оно состоитъ въ томъ, что обязанности и законы моральные, по сущности своей, не принудительны, тогда какъ, напротивъ, законы и обязанности юридическія отличаются принудительностью. Это значитъ, что въ случаѣ исполненія моральныхъ обязанностей, нельзя человѣка принудить къ этому исполненію, потому что внѣшнія дѣянія съ точки зрѣнія морали должны быть согласны съ внутреннимъ человѣка, т. е. съ его мыслями, чувствами и желаніями, произведшими данное дѣяніе, а это внутреннее недоступно для человѣка, т. е. нельзя принудить его къ тому, чтобы онъ такъ то чувствовалъ, такъ то мыслилъ и того то желалъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ моральные законы не принудительны. Что касается до законовъ юридич. и юридическихъ обязанностей, то они по своей сущности, принудительны, т. е. можно принудить человѣка, чтобы онъ не чувствовалъ, какъ бы онъ не мыслилъ и чего-бы онъ не желалъ, исполнить извѣстное внѣшнее дѣяніе, согласное съ юридич. закономъ. Этого будетъ достаточно для того, чтобы дѣяніе было признано нравственнымъ съ юридич. точки зрѣнія, т. е. правомѣрнымъ.

Указавши, такимъ образ., раздѣленіе нравств. законовъ въ обширн. смыслѣ на юридич. и на моральные законы съ соотвѣтствующими имъ моральными и юридич. обязанностями, съ показаніемъ ихъ существеннаго различія между собою, мы должны заключить все это изложеніе Кантовой философск. системы на столько, на сколько это необходимо для нашей спеціальной цѣли, опредѣленіемъ того, въ чемъ полагаи

гаетъ Кантъ сущность тѣхъ законовъ, которыми мы здѣсь занимаемся, какъ юридическ. законами, какъ правными законами. И правные законы, какъ одинъ изъ видовъ нравственныхъ въ обширномъ см. законовъ, имѣютъ также источникомъ своимъ верховн. юридич. законъ, который можетъ быть названъ верховн. правн. или верховн. юридич. закономъ, изъ котораго всѣ прочіе юридическіе законы выводятся. Въ этомъ юридич. законъ и выражается, именно, также категорическій императивъ для человѣч. дѣятельности, но какъ внѣшн. дѣятельности, въ отличіе отъ моральн. дѣятельности, а именно, этотъ законъ можно выразить говоритъ Кантъ, такимъ образ. „поступай такъ, чтобы твой свободный произволъ (т.е. та свобода, которая состоитъ въ избраніи одного изъ двухъ или изъ многихъ), былъ совмѣстимъ со свободнымъ произволомъ каждаго другаго лица, по всеобщему закону свободы". Это значитъ, что относительно всѣхъ внѣшнихъ дѣяній поступай такъ, чтобы уже пользованіе свободою могло быть совмѣстимо съ пользованіемъ свободою со стороны другихъ лицъ, ибо пользованіе свободою всѣми лицами есть требованіе, какъ категорическ. императивъ, или безусловное велѣніе, практич. ума, потому что безъ свободы невозможна нравственность вообще, а слѣд. и право въ см. слѣдованія законамъ права. Изъ этого верховнаго закона права или верховнаго юридич. закона Кантъ выводитъ слѣд. опредѣленіе права, какъ правопонятія

или понятія права: право есть совокупность условій, при которыхъ свободный произволъ можетъ быть совмѣстимъ со свободнымъ произволомъ другаго лица или другихъ лицъ, по всеобщему закону свободы, т.е. по велѣнію безусловному практ. ума, которое требуетъ свободы для того, чтобы возможна была нравственность вообще. Въ этомъ см. практич. умъ есть, по ученію Канта, формальный принципъ права, т.е. не въ смыслѣ источниковъ и орудій познанія права или правопознанія, а въ смыслѣ присущаго практич. уму безусловнаго велѣнія, предписываемаго имъ человѣч. волѣ для внѣшней дѣятельности во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою, состоящихъ въ общеніи или живущихъ въ обществѣ.

Кромѣ Канта, еще знаменитый нѣмецкій философъ Гербартъ можетъ быть также пріобщенъ къ числу главныхъ представителей 4ой ступени генетич. развитія формальн. принциповъ права, т.е. той ступени, на которой, стоящіе философы признаютъ формальнымъ принципомъ права исключительно умъ человѣческій. Гербартъ, философск. система котораго имѣетъ теперь много последователей, род. 1766 г. и умеръ въ 1841 г.. Полное собраніе его сочиненій издано Гартенштейномъ.

Гербартъ довершилъ начатое Кантомъ разъединеніе теоретич. и практической или нравственной философіи, которое Кантъ выразилъ наглядно въ разъединеніи теоретич. и практич. ума

а именно. Гербартъ высказалъ ту мысль, что истины практич. или нравствен. философіи, каковы напр. нравств. законы, вовсе не нуждаются въ метафизическихъ вообще какихъ бы то ни было теоретич. основаніяхъ, какъ въ доказательствахъ, основанныхъ на какихъ нибудь познаніяхъ теоретич. ума, потому что эти истины просто присущи нашему практич. уму, какъ его идеи. Раздѣливши, так. образ., окончательно теоретич. и практич. философію, Гербартъ могъ являться не впадая въ противорѣчіе, реализмомъ въ теоретич. части своей философской системы и идеализмомъ въ практич. или нравствен. части своей философск. системы, т.е. онъ могъ признать, какъ и призналъ въ своей теоретич. части филос. системы, что нѣтъ ничего идеальнаго, т.е. сверхъопытнаго, сверхчувственнаго во всемъ томъ, что и какъ познается нашимъ теоретич. умомъ, какъ познават. способностью вообще потому что не только вся матерія или же все содержаніе нашихъ познаній, какъ утверждалъ уже Кантъ, но и самыя формы, средства, условія нашего познанія чувственны, опытны и реальны, между тѣмъ, какъ у Канта форма познанія идеальна (пространство и время для чувственности и категоріи для разума). Напротивъ, въ практич. части своей философск. системы Гербартъ

призналь идеальные, т. е. сверхчувственные, сверхъопытные принципы нашей практич. нравственной дѣятельности, признавая ихъ идеями, какъ идеями нравственными или этическими. Такимъ образ. Гербартъ, какъ реалистъ въ теоретической части своей философской системы, ограничиваетъ всю задачу теоретич. познающаго ума человѣческаго тѣмъ, что этотъ умъ долженъ только обрабатывать представленія, возбуждаемыя въ немъ дѣйствіемъ на наши чувства внѣшнихъ предметовъ, какъ чего-то опытнаго, чувственнаго. Послѣ обработки этихъ представленій разумъ ихъ объясняетъ, потому что они темны, исправляетъ ихъ, потому что сами по себѣ, не будучи обработаны, онѣ не совсѣмъ вѣрны, сглаживаетъ ихъ, т. е. уничтожаетъ между ними видимыя, кажущіеся противорѣчія, далѣе преобразуетъ ихъ (представленія) въ понятія, въ которыхъ есть уже нѣчто идеальное, сверхчувственное, сверхъопытное, ибо понятія выражаютъ существенные признаки предметовъ, ихъ сущность, а сущность не есть нѣчто чувственное. Такимъ образомъ умъ преобразуетъ представленія мысли, въ мыслимое, какъ идеальное и, наконецъ, соединяетъ представленія, т. е. приводитъ ихъ въ связь, или систему. Вотъ вся задача теоретическаго ума, ибо, по ученію Гербарта, хотя опытъ и есть основа всего нашего мышленія, но этотъ опытъ обрабатывается и долженъ б. обрабатываемъ нашимъ мышленіемъ для того, чтобы мы могли что-нибудь познать — или эмпиризмъ обрабатывается идеализмомъ. Въ результатахъ этого обрабатыванія и состоитъ все содержаніе теоретич. философіи. Такимъ-то образ. Гербартъ старался утвердить свою философію теоретическую на единствѣ, на соединеніи опыта съ одной стороны и мышленія съ другой, ибо онъ

философія не должна въ этомъ смыслѣ, отправляться отъ опыта, отъ опытнаго, чувственнаго, какъ отъ своей отправной точки, какъ отъ своей основы, но обрабатывать данное въ опытѣ, опытное, т. е. добытыя изъ опыта представленія въ объясненномъ смыслѣ для того, чтобы возможно было истинное познаніе вещей, предметовъ, существъ. Слѣдов., теоретическая философія должна принимать всѣ находимыя нашимъ сознаніемъ представленія не за вполнѣ истинныя познанія, за сущности вещей, ибо эти представленія сами по себѣ не содержатъ въ себѣ истины, а должна принимать ихъ только, такъ сказать, за грубую массу, за грубый матеріалъ, который наша мысль должна еще обрабатывать, превративъ въ мыслимое, въ идеальное и приведши въ систему эти мысли, это идеальное. Такимъ-то образ. Гербартъ и ограничиваетъ, сказалъ я, задачу нашего теоретическаго ума, а вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ и объемъ нашего знанія тѣмъ, что дано въ опытѣ, или опытнымъ, чувственнымъ познаніемъ, все же сверхъопытное, сверхчувственное для насъ не познается. Однако-же и Гербартъ признавалъ, что это даваемое въ опытѣ, чтобы быть нами дѣйствительно познаваемымъ, должно быть обработано посредствомъ нашего размышленія, чего не признаетъ тотъ чистый реализмъ, который является въ видѣ или эмпиризма, или сенсуализма, такъ что въ этомъ см. хотя Гербартъ и есть реалистъ, но не есть ни эмпирикъ, ни сенсуалистъ. Но въ области практической, этической, нравствен. философіи, или въ области практич. части своей философской системы Гербартъ идеалистъ и притомъ идеалистъ, также въ особомъ смыслѣ

этого смысла, т.е. въ томъ смыслѣ что онъ признаетъ присущими нашему практическому уму такъ назыв. практическія или этическія идеи, которыя онъ назыв. также и эстетическими, т.е. видомъ эстетическихъ идей (эстетич. идеи суть родъ идей, а практическія или этич. идеи суть видъ этого рода). Онъ признаетъ ихъ также вѣчно и неизмѣнно присущими нашему практическому уму образцами, или первообразами, или идеалами для всѣхъ волеотношеній нашихъ, потому что практическая дѣятельность человѣческая, согласная съ этими идеями, и есть по Гербарту, нравственно добрая дѣятельность, которая безусловно, абсолютно одобряется нами, т.е. одобряетъ ее безпристрастный зритель, наблюдатель этой дѣятельности, а противная тому дѣятельность, какъ нравственно дурная дѣятельность, напротивъ, не одобряется нами абсолютно, какъ посторонними безкорыстными зрителями; или другими словами: нравственно добрая дѣятельность, согласная съ этими идеями, какъ первообразами, какъ образцами для волеотношеній безусловно нравится намъ, а нравственно-дурная дѣятельность абсолютно безусловно намъ не нравится, и вслѣдствіе того, что первая намъ нравится, мы ее безусловно одобряемъ, а вторая не нравится, потому мы ее и порицаемъ безусловно, безкорыстно. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи этическія идеи являются видомъ эстетическихъ идей, ибо, на основаніи ихъ, мы постигаемъ точно также, какъ и при эстетич. сужденіи о какомъ нибудь предметѣ изящнаго искуства, мы судимъ о немъ также безкорыстно, безпристрастно, т.е. наше сужденіе, какъ постороннихъ зрителей не можетъ имѣть никакой корысти, этот

тической цѣли (оно м. быть пристрастно только со стороны того человѣка, о произведении котораго мы судимъ, напр., со стороны художника, написавшаго картину). Въ этомъ смыслѣ эти этическія идеи являются эстетическими идеями, но отличаются отъ собственно такъ назыв. эстетич. идей тѣмъ, что они относятся къ нравственной дѣятельности нашей, а не имѣютъ дѣла съ сужденіемъ объ эстетич. произведеніяхъ изящныхъ искуствъ и художествъ. Эти идеи являются образцами, первообразами или идеалами для всѣхъ волеотношеній, т. е. для отношеній воли человѣческой, которыя безконечно разнообразны, но которыя могутъ быть сведены и въ самомъ дѣлѣ сводятся у Гербарта къ пяти главнымъ основнымъ волеотношеніямъ, какъ первоначальнымъ, изъ которыхъ всѣ другія волеотношенія суть уже производныя. Воля должна слѣдов., во всѣхъ этихъ отношеніяхъ брать себѣ, такъ сказать, за образецъ, за первоначало, за идеалъ эти идеи и стараться слѣдовать имъ сама, сколько возможно приближаясь къ этимъ идеаламъ и тогда только дѣятельность воли будетъ нравственно добрая, а въ противномъ случаѣ она будетъ нравственно дурною дѣятельностью. Какія же это пять главныхъ основныхъ волеотношеній? Это суть 1, отношеніе воли къ уму, какъ познающей способности, какъ теоретич. уму, а не къ тому уму, который направляетъ волю, что этотъ умъ названъ практич. умомъ уже Кантомъ и онъ-то заключаетъ въ себѣ присущія ему эти идеи. Слѣдов. отношеніе воли къ практическому уму несомнѣнно есть согласное съ практич. умомъ, если воля въ самомъ дѣлѣ направляется практич. умомъ, т. е. присущими ему этическими идеями. Что

рое отношеніе воли, для которой это отношеніе служитъ также образцомъ, первопричиною, это есть отношеніе воли къ самой себѣ (въ первомъ случаѣ къ уму). Третье, 4ое и 5ое отношеніе есть отношеніе къ воли чужой, но различное. На этомъ основаніи всѣхъ главныхъ этич. идей, къ которымъ сводитъ Гербартъ всѣ прочія производныя изъ нихъ идеи, - пять. Разсмотримъ-же эти идеи, которымъ придаетъ Гербартъ особенныя названія, на столько, на сколько это нужно для нашей цѣли.

Первая идея есть идея, назыв. Гербартомъ идеею внутрен. свободы. Эта идея есть образецъ, первообразъ, идеалъ для отношеній воли, извѣстнаго лица, человѣка къ его собств. теоретическому познающему уму, вообще къ его познавательной способности, а именно, она велитъ безусловно категорически, заключаетъ въ себѣ императивъ, она требуетъ согласной воли человѣка съ его же умомъ, какъ позна-ющимъ умомъ, т.е. съ его убѣжденіемъ, какъ слѣдствіемъ познанія такъ что человѣкъ, слѣдуя этой идеѣ, ничего не хочетъ (т.е. воля его ничего не хочетъ) и потому ничего не дѣлаетъ, т.е. хотѣнія его воли ничего такого не обнаруживаютъ, что было-бы не согласно съ собственнымъ его убѣжденіемъ. Вотъ это-то и нравится намъ (чтобы человѣкъ такъ дѣлалъ, какъ хотѣлъ) вотъ это то и одобряется нами, какъ посторонними жителями, безкорыстно и слѣд. это есть нравственно доброе. Противное же тому намъ абсолютно безусловно не нравится и мы его порицаемъ безкорыстно, какъ посторонніе зрители, и слѣд., противное тому, какъ противное доброй нравственности, есть нравственно дурное. Почему же эту идею называетъ Гербартъ идеею внутрен.

ней свободы? Потому говорить онъ, что внутренняя свобода, въ отличіе отъ внѣшней, уже проявляющейся вовнѣ, въ дѣятельности, и состоитъ въ согласіи, въ гармоніи человѣка самого съ собою, т. е. въ согласіи его воли, какъ направленной практич. умомъ, какъ познающимъ, теоретич. умомъ, ибо изъ такой гармоніи, видя такую гармонію въ человѣкѣ, мы заключаемъ, что онъ хочетъ и дѣйствуетъ независимо ни отъ чего внѣшняго, совершенно свободно, вслѣдствіе внутренней свободы, господствуя своимъ умомъ, надъ своею волею, т. е. постоянно согласуя волю съ своимъ умомъ и слѣд. дѣятельность его въ такомъ случаѣ является для насъ такою, какая свойственна человѣку, какъ разумному и вмѣстѣ нравственному существу, ибо онъ, согласуя волю съ своимъ умомъ, поступаетъ разумно и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственно въ томъ смыслѣ, что онъ не руководится, не опредѣляется ни въ своемъ хотѣніи внутреннемъ, ни въ своей внѣшней дѣятельности ничѣмъ, внѣ себя находящимся, а самимъ собою такъ что инниціатива, починъ дѣятельности въ немъ лежитъ. Если инниціатива, починъ хотѣнія и дѣятельности внѣшней лежитъ въ немъ самомъ, то въ такомъ случаѣ говоримъ, что человѣкъ имѣетъ свободу, свободенъ и что слѣдов., онъ дѣйствуетъ какъ свободный человѣкъ.

Вторая идея Гербарта называется идеею совершенства. Эта идея есть первообразъ, идеалъ, образецъ для отношеній извѣстной воли къ себѣ же самой, т. е. она требуетъ велитъ категорически, чтобы воля человѣка была относительно къ себѣ самой совершенною волею какъ въ формальномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи, т. е. она должна совершенна какъ въ томъ, чтобы предмет

ея хотѣнія и проч. былъ добронравственъ, такъ она должна быть совершенна и въ см. воли силь ной, ничѣмъ изъ внѣ непринуждаемой, ничѣмъ изъ внѣ непобѣждаемой, неодолѣваемой, согла сной съ самой собою, т. е. консеквентной, послѣ довательной себѣ. И въ самомъ дѣлѣ, такая воля абсолютно намъ нравится и мы ее без корыстно одобряемъ въ качествѣ посторон нихъ зрителей, такъ что если даже человѣкъ дѣлаетъ что нибудь злое, то мы все таки удивляемся его энергіи, тогда какъ напро тивъ, слабый человѣкъ, человѣкъ - тряпка не одобряется нами ни въ какомъ смыслѣ, хотя бы онъ дѣлалъ что нибудь хорошее, до брое. Слабая воля абсолютно намъ не нра вится. И такъ, та дѣятельность воли, ко торая согласна съ такою идеею совершен ства въ объясненномъ нами смыслѣ, есть добрая дѣятельность въ нравственномъ отношеніи, съ нравственной точки зрѣ нія, а противная тому дѣятельность есть нравственно дурная дѣятельность.

<u>Третья идея есть идея доброжелатель ства.</u> Съ этой идеи начинается уже отно шеніе воли одного человѣка къ волѣ другаго, а именно, эта идея требуетъ, велитъ кате горически, чтобы воля одного человѣка была со вершенно предана волѣ другаго человѣка, что бы преданность выражалась въ хотѣніи воли, въ желаніи одного человѣка другому человѣку того, чего этотъ человѣкъ самъ себѣ жела етъ какъ добра, какъ блага, или преданность человѣка предполагаетъ желаемое дру гому человѣку, какъ самому себѣ, благо, добро. Вотъ почему эта идея и назыв. идеею блага, добра, или доброжелательства. Такое доброжелательство абсолютно намъ нравится и мы его безкорыстно одобряемъ, какъ посто ронніе зрители. Слѣдов. это доброжелатель

ство, какъ добрая нравственность намъ абсолютно нравится, а противное тому, такъ назыв. зложелательство, зависть, злорадство во всѣхъ его видахъ намъ абсолютно не нравится и мы его безкорыстно порицаемъ, какъ посторонніе зрители, такъ какъ это есть противное доброй нравственности, есть дурное съ нравственной точки зрѣнія.

Четвертая идея есть такой образецъ, первообразъ или идеалъ, который требуетъ извѣстнаго взаимнаго отношенія волей двухъ лицъ между собою, какъ взаимныхъ отношеній въ тѣхъ обстоятельствахъ, когда воли двухъ лицъ встрѣчаются между собою ненамѣренно въ одномъ какомъ нибудь внѣшнимъ предметѣ, которыя обѣ хотятъ этого предмета, а именно, одно лицо хочетъ распоряжаться извѣстн. внѣшн. предметомъ, назыв. вещью или имуществомъ и тою же самою вещью хочетъ распоряжаться и др. лицо, между тѣмъ, какъ эта вещь, этотъ предметъ, по самой своей сущности, по своему свойству, такой, что не можетъ въ одно и тоже время быть въ распоряженіи двухъ лицъ. Вотъ почему въ этомъ смыслѣ возникаетъ между волями этихъ двухъ лицъ столкновеніе, которое Гербартъ назыв. споромъ (Streit). Вотъ этотъ споръ и говоритъ Гербартъ, по идеѣ права, абсолютно намъ не нравится и мы его порицаемъ безкорыстно, какъ посторонніе зрители. Слѣдов., лицамъ нельзя оставаться въ такихъ спорныхъ отношеніяхъ между собою, а потому д. быть постановлены, говоритъ Гербартъ, твердыя правила какъ для предотвращенія могущаго возникнуть спора, такъ и для пресѣченія уже возникшаго спора. Эти-то правила и суть правенные юридич. законы, совокупность

которыхъ образецъ право въ объективн. смыслъ. Вотъ почему эта идея, и назыв. идеею права, т. е. она требуетъ, безусловно велитъ предотвращать и пресѣкать споръ, столкновеніе въ объясненномъ нами смыслѣ, именно потому, что такой споръ абсолютно намъ не нравится и мы его безкорыстно порицаемъ. Слѣдов., такой споръ есть нѣчто дурное съ нравств. точки зрѣнія, а слѣд., наоборотъ, предупрежденіе и пресѣченіе спора правомъ, юридич. законами, есть нѣчто доброе съ нравствен. точки зрѣнія, суть нѣчто такое, что намъ абсолютно нравится, что мы безкорыстно одобряемъ.

Наконецъ, пятая и послѣдняя идея есть идея справедливости, какъ называютъ и нѣкоторые послѣдователи Гербарта, или идея возмездія, какъ назыв. ее самъ Гербартъ. Это есть первообразъ, образецъ, или идеалъ для взаимнаго отношенія также волей двухъ лицъ между собою, причемъ одна изъ нихъ не намѣренно направляется, устремляется къ волѣ другаго лица. Здѣсь одна изъ волей является дѣйствующею, объективною вслѣдствіе такого стремленія, а другая воля, на которую направляется, устремляется другая воля, является пассивною, а именно эта воля испытываетъ дѣйствіе другаго лица или какъ что нибудь доброе, хорошее для него, или какъ что нибудь дурное для него. Такое взаимное отношеніе волей между собою, которое устанавливается при такомъ пассивномъ положеніи одного лица и активнаго положенія другаго лица, намъ абсолютно не нравится и мы это порицаемъ въ томъ случаѣ, если такое отношеніе остается безъ должнаго, справедливаго возмездія, т. е., если тому, кто причинилъ зло или вредъ другому, не будетъ воздано должное,

или тому, кто сдѣлалъ другому доброе, хорошее, не будетъ также воздано должнаго возмездія. Слѣдов., воздаяніе добромъ за добро и зломъ за зло, - вотъ требованіе той идеи, которая назыв. идеею возмездія, а такъ какъ такое возмездіе есть воздаяніе по справедливости, называется справедливостью (equitas), то эта идея назыв. также идеею справедливости. Поэтому, на основаніи этой идеи, причиненное однимъ человѣкомъ другому добро или зло, д. получить себѣ справедливое возмездіе, которое намъ, какъ постороннимъ зрителямъ, абсолютно нравится и мы его безкорыстно одобряемъ, какъ нѣчто нравственное, доброе. Напротивъ, намъ не нравится тому противное, т.е. отсутствіе возмездія, отсутствіе справедливости и мы это безкорыстно порицаемъ, какъ посторонніе зрители, намъ это абсолютно не нравится, какъ нѣчто дурное съ нравств. точки зрѣнія. Въ согласіи на самомъ дѣлѣ этихъ пяти главныхъ основн. волеотношеній, равно какъ и всѣхъ прочихъ, которыя изъ нихъ м. быть выводимы съ одной стороны, съ этическими практическими или нравств. идеями вообще, съ другой стороны, и состоитъ, слѣдов., добрая нравственность вообще, а въ согласіи этихъ волеотношеній съ идеею права и справедливости въ особенности, состоитъ праведное и справедливое въ особенности. Отсюда слѣдуетъ, что и у Гербарта формальный принципъ права, точно также какъ и у Канта, есть практич. умъ въ томъ смыслѣ, что ему присущи этическія, нравств., практическія идеи какъ образцы, первообразы или идеалы всѣхъ волеотношеній.

Такимъ образ. мы разсмотрѣли глав-

ныхъ представителей четвертой ступени генетическаго развития формальныхъ принциповъ права. Намъ остается сказать еще о главныхъ представителяхъ пятой и послѣдней ступени этого развития.

На пятой ступени стоятъ именно тѣ философы, которые признаютъ формальнымъ принципомъ права человѣческий умъ вообще, т.е. уже въ его нераздѣльности, въ его единствѣ, какъ теоретический и практический умъ вмѣстѣ. Изъ этого уже видно, что въ самомъ дѣлѣ, эта есть высшая и послѣдняя ступень, что ничего болѣе не выдумано и не м. быть выдумано философами, по крайней мѣрѣ, при настоящемъ положении философии, хотя м. быть въ будущемъ что нибудь будетъ выдумано философами болѣе высокое. Представителемъ пятой ступени являются: Фихте старший, Шеллингъ, Краузе и Гегель. Скажу о каждомъ изъ нихъ въ такомъ, именно, порядкѣ, потому что это представляетъ постепенность и притомъ скажу порознь и въ связи, ибо они представляютъ постепенное развитие этой ступени.

Фихте Старший родился въ 1762 г. и умеръ 1814 г. Полное собрание его сочинений, издано его сыномъ, Фихте Младшимъ. Фихте старался соединить разъединенный Кантомъ умъ человѣческий какъ теоретический и какъ практический умъ. Кантъ, какъ извѣстно признавалъ, что одни только явления, постигаемыя для человѣка, для его теоретич. ума, для подчиненныхъ ему познавательныхъ способностей, каковы суть чувственность и разумъ и что непостижима уму человѣческому такъ назыв. вещь сама въ себѣ, не смотря на то, что она по учению Канта,

есть основа явленій, которыя суть проявленія самой вещи, постигаемыя для ума, между тѣмъ, какъ самая вещь, т. е. ея сущность не постигаема, вслѣдствіе особенныхъ свойствъ нашей познавательной способности. Ѹнія-те Старшій отвергъ эту самую основу, какъ независимую отъ человѣческаго духа, независимую въ томъ смыслѣ, что она, по Канту, не постижима для человѣческаго ума и слѣд. не обусловливается нашею познавательною способностью. Кантъ призналъ, какъ извѣстно, что вещь сама въ себѣ проявляется намъ подъ условіемъ внѣшняго чувства, которое въ пространствѣ и времени воспринимаетъ эти предметы, эти вещи. Такъ какъ у человѣка пять внѣшнихъ чувствъ, то только подъ этими пятью условія-ми онъ видитъ, такъ сказать, явленія вещи, между тѣмъ, какъ сущность вещи м. быть проявляется въ безконечномъ множествѣ явленій, которыя для насъ непостижимы, потому что у насъ не болѣе пяти чувствъ. Если-бы у насъ было десять чувствъ вмѣсто пяти, то, конечно, мы видѣли-бы вещь съ десяти разныхъ сторонъ, подобно тому, какъ слѣпорожденный, для котораго не существуетъ цѣлый видимый міръ, м. знать вещи только съ четырехъ сторонъ; и слѣпорожденный и глухорожденный вмѣстѣ м. знать вещи съ трехъ различныхъ сторонъ. Ѹнія-те Старшій отвергаетъ Канто-ву вещь саму въ себѣ, какъ не зависимую отъ человѣка, ибо онъ признаетъ, что нѣтъ ничего такого, что не зависитъ отъ человѣка и что все зависитъ отъ субъекта. Все бытіе вообще, весь міръ

признаетъ Фихте, зависимымъ отъ субъекта въ томъ смыслѣ, что субъектъ-мыслящій человѣкъ и производитъ все, и продецируетъ все это, всѣ вещи, всѣ существа въ мірѣ, такъ что весь міръ есть ни что иное, какъ произведеніе субъекта, т. е. какъ произведеніе единаго, заключающагося во всякомъ данномъ человѣкѣ вообще, слѣд., всеобщаго и въ этомъ смыслѣ независимаго ни отъ чего, ни чѣмъ не обусловленнаго, слѣд., безусловнаго, абсолютнаго, самосознающаго и теоретически дѣятельнаго я, которое я, какъ всеобщее, абсолютное является такимъ образомъ, говоритъ Фихте, формою для всѣхъ единичн. явленій для я каждаго единичнаго человѣка, - является формою, т. е. всѣ эти частныя я въ немъ заключаются, въ немъ содержатся, ибо оно есть общее для всѣхъ единичныхъ явленій, какъ частныхъ явленій. Въ этомъ смыслѣ оно есть абсолютное и безусловное, между тѣмъ, какъ все прочее есть условленное. Въ такомъ смыслѣ это всеобщее я есть безграничное, безконечное, вѣчное я, между тѣмъ какъ единичное я, какъ условное, зависимое есть ограниченное, конечное и временное я. Это я не имѣетъ, впрочемъ, у Фихте значенія только познающей способности, только теоретическаго ума, съ подчиненными ему чувственностью и разумомъ, а это есть вмѣстѣ и познающее и дѣйствующее, практически, творчески дѣятельное и въ томъ и др. смыслѣ, ибо оно творитъ, продуцируетъ, производитъ все и какъ познающій, и какъ теоретич. умъ. Оно творитъ все, подвергаетъ своему вліянію, своему дѣйствію, такъ что все есть продуктъ его теоретич. и практич-

ской дѣятельности. Что это значитъ? Что все есть продуктъ теоретич. дѣятельности, это значитъ, что о чемъ бы я, (вообще человѣкъ), не мыслило, оно мыслитъ не о чемъ либо отъ него независимомъ, напр. о свѣчѣ, а мыслитъ о мысляхъ объ этой свѣчѣ, такъ что мысль объ этой свѣчѣ есть предметъ мышленія. Мысль есть нѣчто, такимъ образомъ, имъ продуцированное, оно творитъ, оно производитъ эту мысль. Въ этомъ смыслѣ все, всѣ вещи суть его признанія, его продукты. Точно также и въ дѣйствительности все, что не совершается въ мірѣ въ смыслѣ всего, въ чемъ происходитъ какое либо измѣненіе (ибо это есть характеръ человѣческой дѣятельности), которая есть ничто иное, какъ измѣненіе, произведенное этимъ же я (напр., я разсѣкалъ рукою воздухъ и въ эту минуту я имѣю дѣло со всѣмъ міромъ въ этомъ простомъ движеніи). Вотъ въ какомъ смыслѣ я есть вмѣстѣ у Фихте и теоретич. и практич. умъ, вотъ въ какомъ смыслѣ я есть дѣятельность и въ себѣ (мыслящее, познающее), и внѣ себя (практически дѣятельное). Вотъ въ какомъ смыслѣ я есть ничто иное, какъ самосознающее себя, т. е. чтобы ни мыслилъ человѣкъ и чтобы онъ ни думалъ, всегда это сопровождается его теоретическ. и практическимъ умомъ. Это есть особенное свойство человѣка, которымъ онъ отличается отъ животныхъ, что онъ вѣчно рефлексируется, всегда остается при сознаніи, что мысли суть его мысли и дѣла суть его дѣла. Слѣд. необходимое свойство, качество этого я есть самосознаніе. Это то я, всеобщее, абсолютное, самосознающее, творчески дѣятельное и теоретически и практически являющееся об-

щею формою, для всѣхъ единичныхъ я, и соединяющее въ себѣ то, что въ разъединеніи наз. теоретич. и практич. умомъ, — это я есть по ученію Фихте, верховный принципъ всего, т.е. изъ сознанія самого себя со стороны этого я и выводится все существующее и все совершающееся въ мірѣ, какъ въ себѣ сознаваемое или мыслимое этимъ самымъ я, этимъ единымъ теоретич. и практическ. умомъ. Поэтому то такое я есть отправная точка и мыслящаго субъекта, т.е. человѣческаго ума съ его теоретическ. познающею способностью и съ его нравств. практическою дѣятельностью въ ихъ нераздѣльности, а также и отправная точка самого мыслимаго объекта, предмета, міра, такъ что не мыслитъ это я, что оно не творитъ, все это есть его же собств. мысли, все изъ него исходитъ, какъ его собственная мысль (все что оно не производитъ, что не мыслитъ, равно какъ и все совершающееся въ мірѣ, т.е. самые объекты мыслимые, изъ него происходитъ). Слѣд., субъектъ мыслящаго ума не только познаетъ, но и сознаетъ объекты міра, вещи и проч., не только воспринимаетъ ихъ, какъ нѣчто внѣшнее, но и самымъ процессомъ своего познанія, тѣмъ, что онъ познаетъ и обращаетъ все въ мысли или тѣмъ, что онъ не иначе познаетъ, какъ свои собств. мысли, онъ творитъ все или какъ выражается Фихте, умъ полагаетъ то, что люди обыкновенно называютъ предметомъ, объективн. міромъ, что люди обыкновенно считаютъ отдѣльнымъ отъ себя, отъ своего я, какъ отъ мыслящаго, познающаго и отъ практически дѣйствующаго субъекта, между тѣмъ, какъ оно вовсе не отдѣльно, а напро

тивъ не раздѣльно съ нимъ, ибо все есть продуктъ того-же я. Чтобы понять такое отвлеченіе необходимо вспомнить, о томъ, что если мы мыслимъ о чемъ либо, то мы представляемъ себѣ что-то, что соединяетъ въ понятія, которыя соединяются въ сужденія, изъ которыхъ выводятся уже заключенія. Слѣд., содержимое нашего познанія суть представленія а понятія, которыя суть нѣчто мыслимое, такъ что ничего другаго нѣтъ, о чемъ бы мы мыслили, кромѣ этихъ представленій и понятій. Въ этомъ смыслѣ Фихте и говоритъ, что все есть я всеобщее, которое собственно творитъ все, такъ что все есть его мысль, т.е. я всеобщаго, а не того или другаго единичнаго я. Фихте такимъ образ. утверждаетъ, что я есть мыслящій субъектъ, т.е. такой, который не мыслитъ, т.е. ничего иного не признаетъ, кромѣ того, что самимъ имъ мыслимо; или другими словами: для этого я нѣтъ ничего существующаго, предметнаго, объективнаго, какъ внѣшней вещи, отдѣльнаго отъ его мышленія, а все существуетъ только въ немъ, какъ мыслящемъ, какъ самосознающемъ субъектѣ; все существующее есть только субъективное для этого я, а вовсе не есть само по себѣ объективное, внѣшнее, предметное. Это-то я, какъ мыслящій субъектъ, во 1, полагаетъ себя, какъ выражается Фихте, т.е. оно сознаетъ мысли находимыя въ себѣ или присущія ему, какъ мыслящему субъекту и признаетъ ихъ, конечно, своими собственными мыслями. Въ этомъ состоитъ это положеніе субъектомъ самого себ. Тема самоположенія наз. Фихте собственно

положеніемъ (tesis) и признаетъ его первоначальною ступенью мыслимой или самосознающей дѣятельности этого я. Формула, въ которой выражается эта дѣятельность, слѣдующая: я равно я. Это значитъ, что я равно самому себѣ, равно сознаваемымъ въ себѣ мыслямъ, потому что совокупность всѣхъ мыслей и есть сознающее и самосознающее я; слѣд., въ этомъ смыслѣ я равно я, потому именно, что мышленіе человѣка всегда сопровождается самосознаніемъ, т. е. сознаніемъ имъ самого себя, сознаніемъ сознающаго я, которое мыслитъ, именно, какъ я, а не кто другой не мыслитъ въ немъ, какъ мыслящій субъектъ. Во 2, эти же самыя мысли, говоритъ Фихте, я полагаетъ и ставитъ предъ собою, противопоставляетъ себѣ, противополагаетъ себѣ и чрезъ это дѣлается предметомъ своей мысли, которую онъ ставитъ предъ собою, какъ предметъ, какъ объектъ для своей мысли. Такъ оно обращается со всѣми мыслями, со всѣмъ, что назыв. міромъ. Но это не есть совершенно чуждое субъекту, который творитъ все, отвлекая только отъ себя эти мысли, ставя ихъ, полагая предъ собою, какъ нѣчто внѣшнее, объективное для него, какъ все существующее, весь міръ. Эту вторую ступень самосознающей дѣятельности всеобщаго абсолютнаго я назыв. Фихте противоположеніемъ (антитезисъ); формула его такая: я равно не я, т. е. субъективное равно объективному. Наконецъ въ 3, всеобщее, абсолютное я сознаетъ, что это объективное, это кажущееся мнимое внѣшнее есть ничто иное, какъ собственныя его субъективныя мысли, имъ же полагаемыя, имъ же продуцируемыя, такъ что нѣтъ ничего внѣшняго, что не было-бы въ я, какъ въ субъектѣ. Это есть сопоположеніе, синтезисъ, какъ третья и послѣдняя ступень самосознающей дѣятельности всеобщаго

абсолютнаго я, выражающаяся въ формулѣ: я + не я = я, т.е. весь міръ, не есть что нибудь внѣшнее, а есть самыя-же мысли субъекта.

Окончательный результатъ всего того, что мы до сихъ поръ сказали о томъ, что составляетъ отличительную сущность Фихтовой философской системы вообще, можетъ быть выраженъ просто такимъ образомъ: все, т.е. вся дѣйствительность, реальность, все предметное, объективное, есть ничто иное, какъ субъективная мысль, есть произведеніе, или продуктъ самосознающаго, мыслящаго духа, ума, продуктъ его самосознанія, какъ мыслящей дѣятельности, есть идея сама по себѣ и для себя сущая, есть продуктъ всеобщаго, независимаго ни отъ чего и, въ этомъ смыслѣ, чисто абсолютное я, есть его мысль, мысль его, какъ-бы мыслящаго субъекта, какъ субъекта мыслящей дѣятельности, или, короче: все есть мысль, идея, субъектъ. Въ такомъ-то смыслѣ Фихтова философская система и назыв. субъективнымъ идеализмомъ. Въ это чистое, абсолютное всеобщее самосознающее мыслящее я превратилъ Фихте именно то, что назыв. Кантъ теоретическимъ, созерцающимъ или познающимъ умомъ, такъ что все дѣйствительное, сущее, все бытіе, существъ, есть только кажущійся внѣшній міръ, собственно-же есть ничто иное, какъ произведеніе сознанія, мышленія, ума, или умственной дѣятельности самосознающаго я, такъ что ничего не существуетъ независимо отъ этой дѣятельности, отъ этого самосознанія, ибо Фихтово всеобщее, чистое, абсолютное, самосознающее я, сознавая, созерцая, познавая само себя, самосознавая себя, созерцаетъ, сознаетъ въ себѣ-же самомъ то, что [пред]ставляетъ какъ-бы предметное, какъ бы [illegible]ное отношеніе къ нему, между тѣмъ [illegible] въ сущности, это есть собственно суб[illegible] [illegible] продуктъ, продуктъ его сознанія, его

мышленія; все дѣйствительное, все реальное есть для этого я, имъ же самимъ мыслимое идеальное, и въ этомъ смыслѣ бытіе и мышл., реальное и идеальное также соединяются у Фихте, какъ они соединяются и у Канта. Но это-же самое всеобщее чистое абсолютное проявляется, раскрывается, сознавая или познавая въ себѣ самомъ мысли, какъ свои собственныя мысли, какъ продуцированныя имъ мысли, въ томъ, что назыв. внѣшнею практическою дѣятельностію или, собственно дѣяніями, какъ внѣшними видимыми обнаруживаемыми дѣяніями. Такое всеобщее, чистое абсолютное я, какъ производящее, раскрывающее себя уже въ дѣяніяхъ, превратилъ Фихте съ другой стороны въ то, что назвалъ Кантъ умомъ практическимъ, умомъ дѣятельнымъ. Но, такъ какъ у Фихте одно и тоже всеобщее чистое абсолютное я и производитъ, продуцируетъ свои мысли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, и проявляетъ, раскрываетъ ихъ въ своихъ-же дѣяніяхъ, то, по ученію Фихте, умъ теоретическій и умъ практическій - нераздѣльны, не разъединены, какъ у Канта, а, напротивъ, состоятъ въ единствѣ по самой своей сущности, т.е. Фихтово всеобщее абсолютное я есть нераздѣльно и, такъ назыв., теоретическій и практическій умъ, ибо теоретическая познавательная дѣятельность и практическая нравственная дѣятельность есть, по существу, по содержанію своему, матеріально одна и таже дѣятельность одного и того-же субъекта, ума самосознающаго, всеобщаго, чистаго, абсолютнаго я, только различная по своему образу, формально: теоретическая познавательная дѣятельность есть образъ, форма дѣятельности всеобщаго чистаго абсолютнаго я, единаго въ себѣ ума, какъ ума производящаго свои мысли, ставящаго ихъ предъ собою, представляющаго ихъ себѣ, какъ предметъ, объектъ, разсматривающаго ихъ,

какъ свои собственныя мысли, а практиче-
ская дѣятельность есть такой образъ дѣя-
тельности этого-же единаго ума, гдѣ умъ
представляетъ произведенныя, продуцирован-
ныя имъ мысли, какъ внѣ себя, повидимому
существующіе предметы, объекты, какъ внѣш-
нія существа, какъ внѣшній міръ, дѣйству-
етъ на нихъ, измѣняя ихъ по своимъ собст-
веннымъ измѣненіямъ, по своимъ собствен-
нымъ мыслямъ, или, какъ говорятъ, по сво-
имъ цѣлямъ. Но отсюда уже видно, что,
имѣя одинъ и тотъ-же умъ, это я оп-
редѣляетъ себя и къ той какъ и къ другой
дѣятельности, - и къ теоретической и къ прак-
тической, т. е. оно есть первопричина и той
и другой дѣятельности, есть починъ, ини-
ціативъ и той и другой дѣятельности; слѣд.
умъ, какъ всеобщее чистое абсолютное я, есть
первопричина всей вообще своей дѣятельности,
какъ теоретической, такъ и практической.
Это качество, какъ существ. качество ума
единаго и всеобщаго, чистаго абсолютнаго я,
слѣд. свойство его, ему присущее или, что
все равно, эта присущая ему способность
быть первопричиною всей своей дѣятельности
или способность его - самоопредѣляться ко всей
своей дѣятельности вообще и есть то, что
назыв. обычно свободою. Въ самомъ дѣлѣ, она [illegible]
причиною своей дѣятельности, слѣд., не зави-
ситъ ни отъ какой другой причины, - въ
этомъ и состоитъ сущность свободы; если-
же, напротивъ, что нибудь другое есть при-
чина дѣятельности какого нибудь лица, то
въ такомъ случаѣ это лицо не есть свобод-
но. Слѣд., свобода присуща единому уму, какъ
теоретическому такъ и практическому вмѣ-
стѣ, присуща всеобщему чистому абсолют-
ному я, какъ его сущность, какъ его при-
роди. И такъ, умъ, какъ единый, нераздѣль-

ный умъ, какъ всеобщее чистое абсолютное я, есть, въ такомъ смыслѣ слова, и источникъ и вмѣстѣ орудіе познанія всего, а также всего проявленія этого познанія во всемъ, или есть, въ этомъ смыслѣ слова, верховный формальный принципъ всего. Но далѣе, изъ предъидущаго прямо слѣдуетъ еще, что этотъ единый умъ, это всеобщее чистое абсолютное я есть единственно истинно сущее, есть постоянно вѣчно пребывающее, именно есть вѣчное бытие, какъ вѣчное и безначальное и безконечное существо, ибо оно все изъ самого себя и во всемъ проявляетъ, раскрываетъ само-же себя. Если это такъ, то все прочее, кромѣ этого всеобщаго чистаго абсолютнаго я, есть не болѣе, какъ произведеніе его и, въ этомъ смыслѣ есть конечное существо, есть я также, но уже я ограниченное, конечное. Это я ограниченное конечное, не всеобщее, а частное, индивидуальное условное, есть я каждаго единичнаго человѣка, какъ индивида, для котораго общая форма есть именно всеобщее чистое абсолютное я. Соотношеніе между этимъ ограниченнымъ, конечнымъ, индивидуальнымъ я съ одной стороны и между тѣмъ всеобщимъ абсолютнымъ безграничнымъ и безконечнымъ, вѣчнымъ я Фихте выражаетъ такимъ образомъ, что всеобщее, чистое абсолютное я есть сверхчувственное, сверхопытное, независимое отъ опыта я, которое мы не постигаемъ изъ опыта, не воспринимаемъ посредствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ, между тѣмъ какъ я индивидуальное ограниченное конечное является во внѣшнемъ опытѣ и воспринимается нами, какъ таковое. Но несмотря на такое между ними существенное различіе, есть и точно ихъ соединяющая, ибо то и другое я есть равно самосознающее я, есть равно

свободное я, свободное существо съ свободною теоретическою и практическою дѣятельностью, есть равно существо, которое производитъ само свои мысли, продуцируетъ ихъ и которое эти мысли имъ продуцированныя посредствомъ мышленія своего, посредствомъ теоретической своей дѣятельности раскрываетъ во внѣ, въ практической дѣятельности, въ дѣяніяхъ. Это конечное ограниченное отдѣльное я есть ничто иное, какъ я самосознающее каждаго человѣка, индивида, есть человѣческое я; слѣдов., если я всеобщее абсолютное свободное въ своей дѣятельности есть первопричина своей дѣятельности, то и это я, ограниченное, конечное, также свободно во всей своей дѣятельности, есть первопричина всей своей дѣятельности, а такъ какъ это я есть ничто иное какъ умъ, то слѣд. это я есть существо разумное, и какъ всеобщее абсолютное я и какъ индивидуальное человѣческое я; или человѣкъ есть по сущности своей разумное существо. Итакъ, человѣкъ есть разумно-свободное существо, по самой своей сущности. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сознаетъ себя, какъ такое разумно-свободное существо среди всѣхъ подобныхъ ему существъ въ мірѣ, среди прочихъ людей. Такое сознаніе относится къ теоретической дѣятельности человѣка. Но, сознавая себя свободнымъ и разумнымъ существомъ, человѣкъ долженъ и въ своихъ дѣяніяхъ, въ своей практической дѣятельности проявлять именно такое свое сознаніе. Это относится уже до практической дѣятельности человѣка. Но человѣкъ не можетъ представлять себя самого какъ я, разумнымъ и свободнымъ существомъ (слѣд. въ отношеніи теоретической дѣятельности) и не можетъ представлять себя разумнымъ и свободнымъ въ практической дѣятельности, не представляя въ то-же время и подобныхъ

себѣ существъ, людей разумными и свободными существами въ практической дѣятельности, потому что человѣкъ есть человѣкъ только между людьми, по изреченію одного философа: „иши кото - имеши кото, т. е. если бы былъ только одинъ человѣкъ на свѣтѣ, то не было-бы человѣка, ибо человѣкъ есть человѣкъ только среди прочихъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ не можетъ приписать себѣ одному только всей свободы, а долженъ приписать себѣ только часть всей свободы, ибо, если бы каждый человѣкъ поступалъ совершенно произвольно, самовластно, какъ будто-бы вся свобода ему одному принадлежала; то людямъ вообще нельзя было-бы жить вмѣстѣ между собою, не возможно было-бы для нихъ сожитіе, общежитіе или общественная жизнь. Такъ какъ эта жизнь соотвѣтствуетъ природѣ, сущности человѣка, такъ что люди должны жить въ обществѣ, то каждый изъ нихъ долженъ ограничивать свою безпредѣльную, саму по себѣ, свободу предоставленіемъ части свободы и прочимъ людямъ, или человѣкъ долженъ ограничивать свою безпредѣльную свободную дѣятельность въ пользу свободы другихъ людей. Такъ какъ всѣ люди предполагаются свободными существами по самой своей природѣ, то такое ограниченіе свободы каждаго человѣка возможностью свободы прочихъ людей можетъ быть дѣломъ только ихъ-же собственной свободы и не можетъ быть дѣломъ какого нибудь понужденія, ибо иначе уничтожило-бы то, что составляетъ сущность природы человѣка т. е. свободу. Единичный человѣкъ сознаетъ, что его свобода ограничивается свободою другихъ людей, сознаетъ именно посредствомъ своего самосознающаго ума и вслѣдствіе этого сознанія дѣйствуетъ именно согласно съ такимъ сознаніемъ, т. е. признаетъ

свободными и прочихъ людей, приписываетъ имъ свободу и поступаетъ, обращается съ ними, какъ со свободными существами, точно также, какъ и самъ онъ есть свободное существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поступаетъ вмѣстѣ съ нимъ какъ съ разумнымъ существомъ вслѣдствіе того, что свобода есть именно принадлежность человѣка, какъ разумнаго существа, т.е. свобода есть принадлежность дѣятельности ума человѣческаго. Такимъ образомъ человѣкъ долженъ обращаться съ другими людьми, какъ съ разумными и свободными существами, приписывая себѣ разумность и свободу, долженъ въ дѣятельности своей обращаться постоянно съ другими людьми, какъ со свободными и разумными существами, или какъ выражается Фихте, каждый человѣкъ обязанъ ограничивать свою свободу понятіемъ возможности свободы другихъ людей, находящихся съ нимъ въ обществѣ, въ общеніи, вслѣдствіе того, что также велѣніе необходимо для взаимной общественной жизни, для того, чтобы была возможна общественная жизнь тѣхъ людей, которые находятся въ обществѣ. Въ этомъ и заключается категорическій императивъ, или безусловное велѣніе, но уже не одностороннее практическаго ума, какъ у Канта, но единаго нераздѣльнаго человѣческаго ума теоретическаго и практическаго вмѣстѣ. Въ этомъ заключается верховный, основный законъ нравственной вообще дѣятельности человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и верховный основный юридическій законъ, законъ права, какъ правды и справедливости. Но этотъ законъ дѣйствуетъ, т.е. имѣетъ обя-

зательную силу въ области права только подъ условіемъ взаимности, т. е., онъ обязателенъ для человѣка при томъ условіи, чтобы прочіе люди, состоящіе съ нимъ въ общеніи, въ общежитіи, также относились бы къ нему, какъ къ свободному и разумному существу, также ограничивалъ-бы свою свободу понятіемъ возможности его свободы, ибо если-бы люди не относились къ нему такимъ образомъ, то для него не было-бы и обязанности состоять съ ними въ такомъ отношеніи. Такое взаимное отношеніе между людьми, какъ внѣшнее, обнаруживаемое, видимое, есть правное, или юридическое между ними отношеніе. Въ такомъ-то смыслѣ Фихте и опредѣляетъ, что право есть мѣра свободы единичнаго человѣка, какъ его единичнаго произвола, ограничиваемаго возможностью представленія, понятія такоже произвола, какъ свободы со стороны прочихъ людей, состоящихъ съ нимъ въ общеніи и при томъ подъ условіемъ взаимности, т. е. подъ тѣмъ условіемъ, чтобы и эти прочіе люди ограничивали такимъ же образомъ свою свободу въ пользу его свободы.

Сказанный верховный законъ права, по ученію Фихте, не есть законъ природы, законъ физическій, а есть законъ нравственный, ибо это есть законъ для свободы человѣческой, потому что физически говоря столько же возможно, чтобы люди обращались одинъ съ другимъ и по закону физической силы, не уважая разумной свободы одинъ другаго, сколько и

можно на оборотъ и то, чтобы люди
ограничивали свою физическую силу
верховнымъ основнымъ закономъ
права. Если этотъ верховный, основ-
ной законъ права, юридическій законъ
дѣйствительно имѣетъ обязательную
силу, если ему дѣйствительно подчи-
няются люди въ своихъ взаимныхъ
отношеніяхъ, то только пото-
му, что каждый изъ людей посто-
янно и свободно дѣлаетъ этотъ
законъ самъ для себя закономъ,
самъ для себя правиломъ ~~(частный)~~
какъ постояннымъ правиломъ. Въ
этомъ отношеніи Фихте сходит-
ся съ Кантомъ, который также тре-
буетъ согласія частныхъ правилъ
дѣятельности того или другаго че-
ловѣка съ общимъ закономъ. Поэ-
тому-то этотъ общій, верхов-
ный законъ права имѣетъ обязатель-
ное дѣйствіе только подъ тѣмъ усло-
віемъ, если существуетъ общеніе ме-
жду людьми или взаимнодѣйствіе
ихъ между собою, которое именно воз-
можно при ближайшемъ ихъ обще-
ніи между собою и притомъ не вся-
каго рода взаимнодѣйствіе, а взаим-
нодѣйствіе ихъ между собою, какъ меж-
ду разумными и свободными существ-
ами. Но самое это общеніе одного че-
ловѣка съ другимъ зависитъ отъ того,
какъ другой человѣкъ, съ которымъ
хочетъ первый вступить въ общеніе, въ
общежитіе, будетъ обращаться съ нимъ на
самомъ дѣлѣ, т. е. будетъ ли онъ обращаться
съ нимъ какъ съ разумн. и свободн. существомъ
или какъ съ неразумнымъ, несвободнымъ сущес-
твомъ. Въ первомъ случаѣ человѣкъ обязанъ итомъ

по отношенію къ нему верховный нравственный законъ, т.е., ограничивать свою свободу въ пользу его свободы, а во второмъ случаѣ не обязанъ. Опредѣленное такимъ образомъ со стороны Фихте правопонятіе, какъ праведное и справедливое, сознается человѣческимъ умомъ, изъ котораго оно также истекаетъ; слѣдовательно въ этомъ смыслѣ, по ученію Фихте, единый умъ человѣческій, т.е., нераздѣльно какъ практическій, такъ и теоретическій, есть формальный принципъ права. Такъ мы дошли спеціально до того, чѣмъ мы занимаемся, т.е., до опредѣленія формальнаго принципа права Фихте.

Существенный недостатокъ Фихтовой философской системы заключается въ крайней односторонности отправной ея точки, или верховнаго ея принципа. Такая отправная точка или такой принципъ Фихтовой философской системы есть, какъ мы видѣли, чистое абсолютное Я, какъ субъектъ, который продуцируетъ, производитъ, творитъ все дѣйствительное, реальное, все объективное, какъ мыслимое имъ, такъ что нѣтъ ничего, кромѣ мыслящаго субъекта, нѣтъ ничего объективнаго, что и выражается въ самомъ названіи, придаваемомъ Фихтовой философской системѣ, а именно, въ названіи субъективный идеализмъ. Для дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія философіи необходимо было устранить такую односторонность Фихтовой философской системы. Это и сдѣлалъ Шеллингъ, но сдѣлалъ такъ, что впалъ въ другую крайнюю противоположность, признавъ за точку отправленія, за верховный принципъ своей философской системы не абсолютное субъективное Я, а абсолютное объективное Я. Въ такомъ смыслѣ философская система Шеллинга называется объективнымъ идеализмомъ, въ противоположность субъективному идеализму Фихте. Такъ мы логически, или, лучше сказать, генетически перешли къ разсмотрѣнію Шеллинговой философской системы.

<u>Шеллингъ</u> родился въ 1775 г. и умеръ въ 1854 г. Полное собраніе его сочиненій издано его сыномъ послѣ его смерти. Фихтово всеобщее чисто абсолютное <u>я</u>, этотъ самосознающій единый умъ, какъ субъектъ съ его теоретической и практической свободною дѣятельностью, предъ которымъ (я) исчезаетъ всякій объектъ, все объективное, какъ недѣйствительное, какъ не реальность, какъ кажущійся міръ, словомъ, какъ призракъ, превращаетъ Шеллингъ въ объективное, предметно сущее, само по себѣ сущее, безусловно ничѣмъ не обусловливаемое, ни отъ чего не зависимое, ничѣмъ не ограниченное, въ абсолютное, но служащее какъ бы основою или подкладкою всего видимаго объективнаго міра, или въ субстанцію тѣмъ, что это абсолютное вноситъ мысль, разумъ свой въ этотъ міръ, въ объективное, дѣлая его такимъ образомъ разумнымъ, мыслимымъ, идеальнымъ, такъ что, можно сказать, что по ученію Шеллинга, не вообще есть объективно, предметно сущая мысль, сама по себѣ абсолютная, безъ всякаго субъекта, т.е. ничья либо мысль, какъ она есть у Фихте, мысль абсолютнаго <u>я</u>, а просто мысль, какъ проявляющаяся во внѣ, какъ объективирующаяся, какъ объективная, объективно сущая. Въ этомъ то смыслѣ Шеллингова философская система и называется <u>объективнымъ идеализмомъ</u>, въ отличіе отъ субъективнаго идеализма Фихте, ибо отправная точка или верховный принципъ Шеллинговой философской системы, есть именно эта объективная самосущая абсолютная мысль, эта разумная <u>субстанція</u> всего міра, <u>называемая</u> Шеллингомъ <u>абсолютомъ</u> въ смыслѣ сущаго само по себѣ и для себя, не только не зависимо ни отъ чего, но и служа основою всего мыслимаго, а слѣдовательно и всего дѣйствительно существующаго. Въ этомъ абсолютѣ, т.е. въ самой его сущности, первоначально содержится все, содержится безразлично, индифферентно, такъ что ни что изъ заключающагося въ этомъ абсолютѣ какъ содержаніе не представляетъ себѣ ни чего

различнаго, а все является тождественнымъ, т.е. въ немъ безразлично существуетъ и субъектъ и объектъ и мыслящее и мыслимое и духъ, духовное и природа вещественная и міръ внутренній, мыслимый, идеальный и міръ внѣшній дѣйствительно сущій и міръ нравственный, міръ свободы и міръ физическій, міръ природы. Вотъ въ этомъ то смыслѣ, по ученію Шеллинга, абсолютъ самъ по себѣ, по самой своей сущности, еще не раскрываясь, т.е., помимо своего раскрытія, проявленія, манифестаціи вовнѣ, есть безразличіе, индеференція или есть абсолютное, т.е. въ этомъ смыслѣ есть тождество всего, есть идентитетъ. Поэтому Шеллингова философская система называется также въ этомъ смыслѣ, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, системою тожества. Но этотъ абсолютъ, это абсолютное, по ученію Шеллинга, не представляется, однако, въ такомъ безразличіи, въ своемъ содержаніи самъ по себѣ, т.е., не остается индеференціею, а напротивъ, деференцируется, различается, раскрывается, открываясь, проявляясь, манифестируясь съ одной стороны во внѣшнемъ вещественномъ, физическомъ, дѣйствительно существующемъ мірѣ или, коротко говоря, въ веществѣ, въ природѣ, а съ другой стороны во внутреннемъ для человѣка, въ духовномъ, мыслимомъ, идеальномъ или нравственномъ мірѣ, въ мірѣ свободы человѣческой и духѣ человѣка. Но такъ какъ это суть ничто иное, какъ двѣ различныя стороны бытія, проявленія, манифестаціи, — раскрытія или отправленія одного и того же абсолюта, какъ объективной субстанціи всего міра, которыя въ немъ самомъ содержатся первоначально вмѣстѣ безразлично, индеферентно, какъ тожественныя, то потому въ каждой изъ этихъ двухъ сторонъ раскрывается, открывается ничто иное, какъ абсолютное или абсолютъ и при этомъ раскрытіи, откровеніи, манифестаціи его повторяется опять первоначальное изъ

между собою тожество, но не въ смыслѣ безразличія, какъ прежде, а въ смыслѣ параллелизма между обоими этими мірами (физическомъ и духовномъ), такъ что непрестанно соотвѣтствуютъ одни изъ явленій міра физическаго (напр., свѣтъ, тяжесть и т.п.) другимъ явленіямъ міра духовнаго, которыя имѣютъ съ ними что нибудь особенно общее, какъ это проводится именно въ философіи природы Шеллинговой. Но въ такомъ случаѣ не уничтожается ли Шеллингомъ всякое различіе между этими мірами, - вслѣдствіе параллелизма между ними? Нѣтъ, онъ сохраняетъ его, но въ томъ только смыслѣ, что въ одномъ мірѣ, а именно, въ мірѣ физическомъ обладаетъ вещественное, физическое, матеріальное, чувственное и т.п., почему этотъ міръ и называется, не смотря на то, что онъ имѣетъ соотвѣтствіе съ другимъ духовнымъ міромъ, физическимъ, вещественнымъ и т.п. міромъ, тогда какъ напротивъ въ другомъ мірѣ, т.е. въ мірѣ духовномъ преобладаетъ духовное вещество, надъ вещественнымъ матеріальнымъ, почему онъ и называется по преимуществу духовнымъ міромъ. Изъ этого слѣдуетъ, что по ученію Шеллинга, не только нравственному, духовному міру присуща сила духа, но она присуща и вещественному, физическому міру, природѣ, хотя здѣсь духъ еще какъ бы дремлетъ, по выраженію Шеллинга, еще не проснулся, еще не въ бодрственномъ состояніи, подъ гнетомъ, такъ сказать, вещества, матеріи, которая тяготѣетъ надъ нимъ, между тѣмъ, какъ духъ въ мірѣ духовномъ уже освобождается отъ этого дѣйствія на него вещества, являясь свободнымъ духомъ. Откровеніе, раскрытіе или манифестація абсолюта въ томъ и другомъ мірѣ является постепеннымъ, т.е. являются степени этой манифестаціи, этого откровенія, или которыя Шеллингъ и обозначилъ [illegible] и которыя [illegible], по ученію Шеллинга именно, [illegible] возрожд[illegible]

тіемъ, т.е., онъ представляетъ себѣ, что умъ человѣческій точно также созерцаетъ, видитъ или мыслимыя, идеи, имъ сознаваемыя, познаваемыя имъ ступени раскрытія, откровенія, манифестаціи этого абсолюта своими умственными очами, какъ мы видимъ все чувственное, видимое чувственными очами. Въ этомъ смыслѣ онъ и называетъ это интеллектуальнымъ созерцаніемъ. Какъ для чувственнаго созерцанія нѣтъ другаго доказательства въ видимости, а слѣдовательно, въ бытіи чувственномъ созерцаемомъ, кромѣ самаго созерцанія (что человѣкъ видитъ, осязаетъ и т.п., въ томъ онъ и убѣждается, что оно существуетъ), такъ точно и для интеллектуальнаго, умственнаго созерцанія (умъ созерцаетъ, видитъ въ себѣ мысли, идеи) нѣтъ другихъ доказательствъ бытія созерцаемаго, кромѣ самаго созерцанія (что умъ человѣческій созерцаетъ, въ томъ онъ и убѣждается, что оно существуетъ). Все такимъ образомъ созерцаемое интеллектуально является предметомъ познанія человѣческаго ума или что все равно, умъ человѣческій является въ своей дѣятельности сознанія, созерцанія источникомъ и орудіемъ всего познаваемаго имъ, т.е. всего, въ чемъ открываетъ себя, раскрываетъ себя, манифестируетъ себя, во всѣхъ видахъ бытія абсолюта, Шеллингово божество. Человѣкъ сознаетъ себя, какъ существо обоихъ этихъ міровъ, т.е., и физическаго и духовнаго и вслѣдствіе этого онъ сознаетъ себя способнымъ созерцать и умственно, интеллектуально и чувственно. Какъ умъ сознающій или познающій все, этотъ умъ есть вмѣстѣ, нераздѣльно и умъ дѣйствующій, т.е., открывающій, раскрывающій, манифестирующій себя вовнѣ, въ дѣяніяхъ, такъ что онъ является способнымъ къ самоопредѣленію во внѣшней практической дѣятельности, къ дѣяніямъ въ томъ самомъ, что онъ сознаетъ себя первопричиною, что

[illegible] всей своей практики. Дѣятельно-
сти и въ этомъ смыслѣ человѣкъ сознаетъ се-
бя слѣдов. свободнымъ, пот. что сознаетъ, что
свобода есть его природа, его сущность. Созна-
вая себя свободнымъ, человѣкъ въ тоже время
сознаетъ свободными и проч. подобныхъ себѣ су-
ществъ, т.е. людей. Поэтому человѣкъ призна-
етъ себя нравственно обязаннымъ ограничить
свою свободную дѣятельность возможностью сво-
бодной же дѣятельности всѣхъ проч. людей или
свою единичн. индивидуальн. волю, волю свою,
какъ единичнаго человѣка, какъ индивида все-
общею волею, т.е., волею вообще всего человѣ-
чества, въ которомъ раскрывается абсолютъ
и слѣдов., въ этомъ смыслѣ волею абсолюта,
абсолютною волею. Въ такомъ сознанiи при-
знаетъ человѣкъ, что и его дѣятельность, какъ
индивида должна быть согласна со всеобщею
волею въ объясненномъ нами смыслѣ. Такое
сознанiе есть, можно сказать также безу-
словное велѣнiе, категорическiй императивъ
ума человѣч., именно, какъ верховный, нрав-
ственный законъ вообще. Но исполненiе этого
категорическаго велѣнiя, вслѣдствiе того, что
человѣкъ является по сущности своей перво-
причиною всей своей дѣятельности, зависимой
отъ человѣка, какъ индивида, т.к. что человѣкъ
можетъ физически и исполнить и исполнять
и неисполнить и не исполнять этого верховна-
го нравствен. закона. Законъ одного не можетъ
допустить по самой своей сущности, чтобы
его исполненiе подвергалось бы такой случайно-
сти, т.е., чтобы это исполненiе зависѣло отъ
воли единичнаго человѣка, ибо это велѣнiе есть
велѣнiе категорическаго ума человѣческаго вооб-
ще, какъ всеобщаго ума безусловн. велѣнiе, кото-
рое непремѣнно должно быть исполнено людь-
ми, не мож. быть неисполнено ими, по крайней
мѣрѣ если оно не будетъ исполнено, то [illegible]
быть возстановлено по своему существу т.е.

…лжны б. уничтожены последствія его не исполненія, его нарушенія. Это потому, что законъ не только физическій, но и нравственный долженъ непремѣнно исполняемъ, т.е. это значитъ, что, на самомъ дѣлѣ, единичная воля д. б. согласна со всеобщею волею, она не можетъ ничего хотѣть иного, чего хочетъ всеобщая воля и не можетъ слѣдов. проявлять въ дѣяніяхъ ничего такого, что было бы противно направленію всеобщей воли. Что же спрашивается, есть общаго между тѣмъ, чего хочетъ всеобщая воля? Общее есть то, что та и другая воля ни какъ не хочетъ себѣ зла, а непремѣнно хочетъ блага, добра, стремится къ добру, но съ тѣмъ только различіемъ, что всеобщая воля, какъ всеобщая хочетъ всеобщ. блага, добра и стремится къ нему, между тѣмъ, какъ единичная воля хочетъ единичнаго блага, добра и стремится къ нему, какъ къ благу, добру единичн. человѣка, какъ индивида. Но такъ какъ единичн. воля по верховн. нравствен. закону д. б. согласна со всеобщ. волею, то, слѣдов. и то благо, добро, котораго хочетъ единичная воля, какъ воля единичн. человѣка, д. б. согласно съ тѣмъ благомъ, добромъ, котораго хочетъ всеобщая воля, такъ что единичн. воля не должна б. противна всеобщей волѣ, а должна совершенно съ ней совпадать. Слѣдов. д. быть непремѣнно устроено такъ, чтобы единичн. благо непремѣнно совпадало со всеобщимъ благомъ. Что же спрашивается, дѣлать [illegible] случаѣ, когда единичн. воля хочетъ [illegible] блага, добра, которое не совпадаетъ съ [illegible] ромъ, предписаннымъ всеобщ. закономъ [illegible] не исполненія верховнаго нравствен. [illegible] со стороны того или [illegible] человѣка? [illegible] [illegible] самую единичную волю, которая [illegible] чемъ, считаетъ единичн. благо, не [illegible] падающаго, но [illegible] противорѣчащаго [illegible] щему благу? Это не возможно, потому [illegible] единичн. воля [illegible] [illegible]

непоколебима, какъ всеобщая воля. Слѣдов., нужно приискать для этого другое устройство. Спрашивается, нельзя ли принудить единичную волю исполнять только всеобщую волю, т.е. чтобы то благо, добро, котораго желаетъ единичная воля, было тождественно со всеобщимъ благомъ? Этого сдѣлать также невозможно, потому что воля по сущности своей свободна, пот. что иначе она не была бы волею. Уже сказалъ Гегель, что какъ тяжесть есть сущность тѣла, безъ котораго тѣло не м. существовать, такъ точно сущность воли есть свобода, безъ которой воля не м. существовать. Въ самомъ дѣлѣ, воля недоступна принужденію, а доступно принужденію только проявленіе воли. Можно, напр., человѣка взять за руку и заставить его что нибудь подписать и можно друг. какимъ нибудь образомъ принудить, т.е. побудить его волю что нибудь сдѣлать, но нельзя заставить волю человѣка хотѣть именно того, а не другаго. Можно побудить волю человѣка исполнить то или другое представленіемъ блага или добра въ случаѣ исполненія чего либо, представленіемъ награды въ случаѣ исполненія чего нибудь или наказанія въ случаѣ неисполненія; но принудить къ тому, чтобы воля хотѣла одного и нехотѣла другаго никакъ невозможно, пот. именно, что воля недоступна принужденію, а доступно только принужденію ея проявленіе. Слѣд., и это средство оказывается недостигающимъ цѣли, а слѣдов., необходимо оставить единичную волю, такъ какъ она есть по своей сущности. Но если ни того ни другаго нельзя сдѣлать для того, чтобы нравственный законъ былъ исполняемъ, что необходимо, то необходимо, говоритъ Шеллингъ устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы человѣкъ самъ себя принуждалъ къ подчиненію всеобщей волѣ своей

единичной волѣ, а слѣд., къ исполненію всеобщаго, нравственнаго, верховнаго закона. Какже спрашивается, это устроить? Это можно устроить такимъ образ., отвѣчаетъ Шеллингъ, что если, человѣкъ станетъ стремиться къ своему собственному благу, добру въ противность всеобщей волѣ, съ ея всеобщимъ благомъ, добромъ, то, чтобы онъ не м. достигнуть такой своей цѣли такъ, чтобы онъ самъ старался достигнуть всеобщей цѣли съ тѣмъ, чтобы такимъ образ. достигнуть и собственнаго блага, добра. Если, напр., человѣкъ хочетъ разбогатѣть посредствомъ воровства или посредствомъ такой постройки желѣзн. дороги, которая угрожаетъ опасностью жизни больш. количеству неопредѣлен. и не извѣстн. людей, то нужно устроить такъ, чтобы онъ отъ этого не только не разбогатѣлъ, а напротивъ, обѣднѣлъ вслѣдствіе отнятія у него его-же собственнаго имущества. И такъ, для исполненія всеобщаго нравственнаго закона нужно устроить такъ, чтобы человѣкъ б. вынужденъ свободно ограничивать свою свободу возможностью свободы всѣхъ проч. людей. Такое устройство, говор. Шеллингъ, и есть правоустройство (Rechtsverfassung), правомѣрный, юридич., правный порядокъ, выражающійся въ правѣ, какъ система правныхъ, юридич. законовъ, предписывающихъ, чтобы человѣкъ свободно принуждалъ самъ себя ограничивать свободу своей единичн. воли свободою воли проч. людей, свободою всеобщ. воли и чрезъ то исполнялъ бы верховн. нравств. законъ. Въ виду такой цѣли юридич. или правн. законы д. дѣйствовать въ мірѣ духовномъ, нравственномъ, въ мірѣ свободы съ такою же твердью, желѣзною неизмѣнностью, съ какою дѣйствуютъ физич. законы

міръ физическ. или въ міръ природы, въ собственно такъ наз. природѣ, гдѣ необходимо, непреложно, непремѣнно извѣстныя дѣйствія слѣдуютъ за своею причиною, т. е. нравные, юридич. законы д. ставить человѣку препятствія къ удовлетворенію имъ своего прирожденнаго влеченія къ собствен. благу, добру, коль скоро онъ вторгается въ область чужой свободы, коль скоро онъ перестаетъ ограничивать свободу своей единичной воли свободою всеобщей воли. При этомъ, юридич. законы д. ставить это препятствіе такъ, чтобы оно б. неизбѣжными послѣдствіями такого вторженія человѣка въ область чужой свободы, чтобы они были какъ-бы естеств. дѣйствіями самой природы. Внѣшн. природа или физич. міръ своими физическ. законами не м. поставить такихъ препятствій единичн. волѣ человѣка, когда онъ противится всеобщ. волѣ, пот. что внѣшняя природа, физич. міръ относится безразлично къ свободн. людскимъ дѣяніямъ, такъ что предъ лицомъ природы, физич. міра эти дѣянія безразличны въ нравств. отношеніи (нѣтъ ни нравственно добрыхъ, ни нравственно дурн. дѣяній). Поэтому такія препятствія м. б. поставлены или внесены въ міръ только людьми, какъ духовно тѣлесными существами. Надъ природою въ собств. см., т. е. надъ видимою физич. природою или надъ физич. міромъ, гов. Шеллингъ, д. б. устроена людьми, создана, такъ сказ., вторая какъ-бы природа, возвышающаяся надъ первою природою, т. е. нравств. міръ, гдѣ-бы властвовалъ-бы законъ для свободы людской, такъ, чтобы за вторженіе человѣка въ чужую сферу свободы необходимо-бы слѣдовало препятствіе или вообще противоположеніе такого его эгоистич. стремленія. Такое препятствіе, такое противоположеніе и явится тѣми законами, которые наз. собственно правными или юридическими и система которыхъ образуетъ

право въ объективномъ смыслѣ, а та вторая высшая природа, гдѣ эти законы должны дѣйствовать и есть правный, юридич. порядокъ, правоустройство, правомѣрное состояніе. Поэтому на юридическій порядокъ должно смотрѣть, говоритъ Шеллингъ, какъ на машину, которая нарочно изготовлена впередъ на извѣстные случаи съ тѣмъ, чтобы, когда эти случаи настанутъ, то эта машина дѣйствовала бы какъ бы сама собою, лишая, напр., вора всего имъ наворованнаго имущества и сверхъ того облагая его такимъ денежнымъ штрафомъ, что онъ становился еще бѣднѣе послѣ воровства, между тѣмъ какъ онъ хотѣлъ сдѣлаться богаче, вторгаясь въ область чужой свободы, въ область чужихъ правъ. Вотъ это-то и сознаетъ умъ человѣческій, самъ по себѣ непосредственно, 370
~~такъ~~ назыв. у Шеллинга интеллектуальнымъ созерцаніемъ и при этомъ умъ, сознающій это, направляетъ волю человѣка, согласно такому своему сознанію къ дѣятельности. Въ такомъ-то смыслѣ нераздѣльный теоретич. и практическій умъ человѣка и есть Шеллинговъ формальный принципъ права.

Главные существенные недостатки философской системы Шеллинга вообще суть слѣдующіе: во 1, односторонній объективный характеръ его идеализма, подобно тому, какъ недостатокъ Фихтовой философіи состоитъ въ одностороннемъ субъективномъ характерѣ его идеализма; во 2, отсутствіе въ этой философіи Шеллинга строгой методы, которая-бы показала внутреннюю связь между абсолютомъ, какъ отправною точкою, какъ верховнымъ принципомъ его философской системы съ одной стороны и между открытіемъ, манифестацiею абсолюта во все-

ступеняхъ и во всѣхъ видахъ его бытія, какъ идеальнаго, такъ и реальнаго, какъ въ области духовнаго міра, такъ и въ области физическаго міра, такъ, чтобы эта связь вытекала изъ самой сущности, изъ самаго естества философскаго мышленія въ абсолютѣ. Вслѣдствіе такого отсутствія строгой методы Шеллингъ не могъ, кромѣ того, и развить логическаго закона мышленія, вообще, такого, который-бы оправдалъ его взглядъ на признаваемое имъ для абсолютное тожество между мышленіемъ и бытіемъ, оправдалъ-бы его, такъ назыв., систему тожества. Преимущественно надъ устраненіемъ перваго изъ этихъ двухъ главныхъ недостатковъ была направлена философск. система Краузе, а преимущественно къ устраненію втораго изъ этихъ недостатковъ фил. системы Шеллинга была направлена, такъ назыв. теоретич. философія Гегеля. Вотъ почему намъ необходимо сказать сперва о философской системѣ Краузе, а потомъ о философск. системѣ Гегеля и въ особенности объ ихъ формальномъ принципѣ права. Итакъ,

3, Знаменитый нѣмецкій философъ Краузе, имѣющій теперь довольно много послѣдователей, род. въ 1781 г. и умеръ въ 1832 г., на другой годъ послѣ смерти Гегеля. Сочиненія его изданы отдѣльно, частью имъ самимъ, частью уже послѣ его смерти его послѣдователями; но эти сочиненія еще не соединены въ одно полное собраніе. Краузе нашелъ, что какъ Фихтова филос. система, такъ и Шеллингова, равно односторонни, какъ мы это замѣтили, почему онъ и старался помирить эти философскія системы посредствомъ ихъ соединенія, чтобы такимъ образ. уничтожить ихъ односторонность. Краузе при этомъ отправлялся отъ мысли Шеллинговой философіи, что какъ въ при-

родѣ внѣшнем или физическомъ мірѣ, такъ и въ духѣ или духовномъ мірѣ, именно, въ человѣкѣ, въ человѣчествѣ, не только въ земномъ, но и на всѣхъ другихъ планетахъ (какъ это признавалъ Краузе, предполагая, что на другихъ планетахъ есть люди, вслѣдствіе чего и называлъ всѣхъ людей, живущихъ какъ на землѣ, такъ и на другихъ планетахъ, человѣчествомъ) есть присущее имъ и раскрывающееся въ нихъ абсолютное или абсолютъ. Но Шеллингъ на этомъ и остановился, а Краузе идетъ дальше, а именно, онъ представляетъ абсолютное, какъ первобытіе, какъ первосущество, какъ сущность въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, въ которомъ и выражается Краузово божество. Но этотъ абсолютъ у Краузе не слитъ со всѣмъ міромъ, какъ слитъ онъ у Шеллинга, вслѣдствіе чего Шеллингова философск. система обозначается именемъ пантеизма, всебожія, т.е. въ его божествѣ есть все, такъ что въ его абсолютѣ отождествился весь міръ, - напротивъ, абсолютъ Краузе возвышается надъ всѣмъ міромъ, и Краузе прямо говоритъ въ этомъ смыслѣ, что не богъ есть все, а все есть въ богѣ и богъ надъ всѣмъ. Въ этомъ смыслѣ въ отличіе отъ Шеллинговой философской системы Краузева философск. система назыв. панентеизмомъ, всебожіемъ. Далѣе, по ученію Краузе, истина свойственна единству, т.е. единенію субъекта и объекта, ибо въ ихъ соединеніи, т.е. въ соотвѣтствіи мышленія и бытія или сущаго и состоитъ знаніе, какъ истинное знаніе, и состоитъ истина. Субъектъ знанія есть умъ человѣческій, а объекты знанія будутъ въ природѣ, но природа разрѣшается въ богѣ, ибо богъ даетъ ей бытіе, возвышаясь надъ нею и слѣд., въ богѣ все знаніе, въ богѣ начало всякаго знанія, какъ верховный основный принципъ, т.е., въ богѣ верховный первоначальный принципъ всякаго знанія, какъ

въ первосуществѣ, въ которомъ все разрѣшается, а потому все и субъектъ и объектъ возводится у Краузе къ первосуществу, къ абсолюту, къ божеству, въ которомъ, такимъ образомъ, соединяется все, какъ въ своемъ верховномъ принципѣ, въ чемъ и выражается синкретизмъ философіи, потому что, какъ я сказалъ, въ богѣ начало всякаго знанія, слѣд., все субъективное и въ богѣ же вся природа, т.е., все сущее, вся дѣйствительность, вся реальность или все объективное такъ что въ этомъ смыслѣ богъ есть единство субъекта и объекта. Это единство всего въ богѣ и постигается мыслящимъ и познающимъ субъектомъ, т.е., умомъ человѣческимъ. слѣдов., умъ человѣческій въ этомъ смыслѣ есть формальный принципъ всего, т.е. всего познанія, а слѣд., и формальный принципъ права. Такъ какъ познаніе или познаваніе происходитъ такимъ образ. въ этомъ именно субъектѣ, въ умѣ человѣческомъ, то потому субъекту присуще самосознаніе, какъ основосознанія, какъ говоритъ уже Фихте; то самосознаніе и есть первое условіе сознанія или познанія всего, такъ что безъ самосознанія человѣкъ не можетъ познать ничего. Различіе этого самосознанія субъекта, именно, посредствомъ его мысленнаго разложенія, анализа. самосознаніе есть первый путь къ познанію, познаванію истины, который (путь), какъ метода познаванія, м. быть названъ поэтому аналитич. путемъ. Этотъ самый путь, эта метода и все содержаніе, все знаніе достигнуто этимъ путемъ, вслѣдствіе, именно, того, что это есть первый путь есть предметъ первой части философіи, назыв. поэтому аналитическою, или просто субъективною, потому что въ ней разум

чается самосознаніе субъекта. Разложеніе такого самосознанія субъекта необходимо для философіи съ тою особенною цѣлію, чтобы рѣшить вопросъ, откуда и какъ происходитъ субъектъ къ объекту своего знанія или къ тому содержанію знанія, которое занимаетъ уже вторую часть философіи, такъ что можно сказать, что эта первая часть философіи, аналитическая или субъективная занимается, именно, рѣшеніемъ такого вопроса, между тѣмъ, какъ вторая часть занимается уже самымъ содержаніемъ, объектами знанія, почему она м. б. названа объективною частью въ отличіе отъ первой части. Объекты знанія суть богъ и природа, а такъ какъ природа въ богѣ, то потому единственно богъ, божество есть предметъ или объектъ знанія, которымъ занимается вторая часть. Эта часть наз. также синтетическою частью въ отличіе отъ первой части, какъ аналитической, потому что, въ этой части субъектъ умъ человѣческій уже синтезируетъ, соединяетъ все, т.е., всѣ объекты, всѣ предметы знанія, въ одно, въ божество, какъ единство объективнаго знанія. Слѣдов., можно сказать, что въ этой части путь ведущій къ знанію, познанію или познаванію субъекта, есть путь синтетическій, есть синтетическая метода. Такъ именно и старался Краузе соединить или примирить Фихтову субъективную систему и Шеллингову объективную систему идеализма. Въ этомъ смыслѣ Краузова философская система раздѣляется на двѣ главныя части, изъ которыхъ каждая есть представительница односторонняго идеализма (первая субъективнаго, а вторая объективнаго идеализма), но

которая вмѣстѣ составляетъ одно цѣлое, одну филос. систему. Въ такомъ-то см. Краузову философск. систему м. назвать синкретическ. идеализмомъ, что характеризуетъ его синкретизмъ, какъ соединеніе субъект. и объективн. идеализма. Въ первой или аналитич. части своей философск. системы Краузе, анализируя самосознаніе или что все равно, анализируя человѣческ. самосознающее я, какъ самосознающій субъектъ, находитъ въ немъ между прочимъ (мы говоримъ только о томъ, что относится къ нашему предмету) три главныя способности субъекта, а именно: во 1, способность мышленія или разумъ, умъ, 2, способность чувствованія или чувства и въ 3, способность хотѣнія или воли. Всѣ эти способности Кр. разсматриваетъ отдѣльно и въ связи ихъ между собою. Для нашей цѣли мы остановимся только на способности хотѣнія или воли. Хотѣніе или волю Краузе опредѣляетъ какъ такую дѣятельность нашего самосознающаго я или человѣческаго духа, посредствомъ которой это наше я, духъ человѣческій, какъ единое цѣлое существо, опредѣляетъ само свою дѣятельность или, что все равно, опредѣляетъ саму себя къ дѣятельности, какъ ея первопричина, осуществляя въ дѣйствительности въ предѣлахъ времени и пространства свою вещную природу, сущность, свое вѣчное существо. Эта способность воли господствуетъ надъ другими двумя способностями, т. е. надъ разумомъ или умомъ, и надъ чувствомъ, придавая ихъ дѣятельности опредѣленное

направленіе въ самой дѣйствительности, въ самой реальности, которую они сами по себѣ безъ этой воли не имѣютъ. Форма воли, говоритъ Краузе, есть ея свобода, т.е. въ свободѣ то и проявляется воля, какъ способность. Но потому въ свободѣ, въ дѣйствительности проявляемой, мы и видимъ въ ней надлежащую волю, ея хотѣніе. Объектъ же или предметъ воли, т.е. ея хотѣніе, есть благо, добро, какъ говоритъ уже Шеллингъ, т.е. осуществленіе въ дѣйствительности вѣчнаго естества, вѣчной природы, сущности нашего я, человѣческаго духа и составитъ благо. Абсолютный законъ этого осуществленія въ дѣйствительности такого естества, такой вѣчной природы, такой сущности человѣческаго духа, есть ничто иное, какъ верховный нравственный законъ. Онъ м. быть выраженъ кратко въ такомъ всеобщемъ велѣніи, обращенномъ къ единичному человѣку, а именно къ его волѣ категор. императивъ - велѣніе, которое присуще тому естеству, той вѣчной природѣ, сущности, которую долженъ осуществлять въ человѣческихъ дѣяніяхъ духъ, а именно: желай и совершай дѣло чисто и просто, - чисто т.е., безъ всякихъ другихъ целей, само по себѣ добро и просто, т.е. безъ всякаго разсужденія,

т.е., не разсуждай о томъ, полезно-ли это [illegible], благоразумно и т. под.; или же, оно можетъ быть выражено такимъ образомъ: будь свободною, временною причиною добра, т.е., во время твоей земной жизни [illegible] такъ, чтобы твои дѣянія были [illegible] той природы, которая сама и проявляетъ свободно, чтобы ты былъ первою причиною того блага, добра, которое производитъ дѣйствіе, слѣдов., чтобы ничто внѣшнее не принуждало тебя сдѣлать то или другое, произвести то, что назыв. добромъ, будь свободною причиною, т.е., дѣлай добро не вслѣдствіе какого нибудь принужденія, ибо такая дѣятельность не есть добронравственная дѣятельность, а чисто вслѣдствіе хотѣнія дѣлать добро. Хотѣніе дѣлать вообще добро есть свободное хотѣніе еще и въ томъ см., что оно не зависимо отъ природныхъ влеченій, именно, отъ склонности человѣка къ удовольствію, или отъ отвращенія его къ неудовольствію. Поэтому на хотѣніе добра со стороны человѣка не д. имѣть никакого вліянія мысли, напр. о наградѣ и наказаніи, о томъ, что если будетъ дѣлать добро, то получитъ награду здѣсь или въ потусторонней жизни, а если не будетъ дѣлать добро, то б. наказанъ, или мысли о смертности или о безсмертіи, а также мысли объ успѣхахъ и не успѣхахъ въ своихъ дѣяніяхъ, — независимо отъ всего человѣкъ д. дѣлать добро, даже будучи совершенно убѣжденъ, что добро не б. имѣть ник. послѣдствій, крые илодотворно отзовутся на самомъ срѣдѣ, кая не дѣлаетъ добра, уклоняется отъ него. Так. обр. хотѣніе воли, по своей природѣ имѣетъ своего конечною цѣлію осуществленіе въ дѣйствит. абсолютнаго

образомъ, т.е., независимо ни отъ чего посторонняго, абсолютнаго и безусловнаго категорическаго явленія, какъ закона добра, какъ закона нравственной или вѣчной природы, вѣчнаго, естественнаго, нравственнаго я, человѣческаго духа, или что все равно, вѣчнаго его назначенія, какъ предназначенія. Самое существенное въ жизни, говоритъ Краузе, есть именно добро. Воля, хотящая добра есть добрая воля. Въ этой-то доброй волѣ, въ совершеніи добра ради самого добра и состоитъ то, что можно назвать человѣческою добродѣтелью. Т. е. добродѣтель человѣка уподобляетъ его первосуществу, божеству, дѣлаетъ его богоподобнымъ или человѣкъ чрезъ это богоподобіе соединяется съ богомъ, своею природою, своею вѣчною сущностью, подобною божеств. сущности, или другими словами: человѣкъ достигаетъ такимъ образ. такой нравственной чистоты, что въ немъ поселяется самъ богъ, само божество, само первосущество, какъ вѣчное добро. Въ этомъ-то и состоитъ нравственно доброе человѣческой жизни, добрая нравственность. Законъ такой-то нравственно доброй жизни, доброй нравственности и есть нравственный законъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Въ области нравственной жизни вообще или въ области нравственнаго закона содержится, между прочимъ, и право, т.е., кромѣ морали, кромѣ, собственно такъ назыв., нравственности въ тѣсномъ см., и слѣд. и юридическіе законы. Право ближайшимъ образомъ опредѣляетъ Краузе вообще такимъ образомъ: право есть органическая цѣлость, т.е., соединеніе въ одно живое цѣлое всѣхъ условій, зависящихъ отъ свободы, т.е., человѣческой, въ противоположность условіямъ, которыя зависятъ отъ необхо-

димости, отъ природы, а не отъ свободы человѣческой, - условій, нужныхъ для достиженія цѣлей, т.е., для достиженія назначенія, для выполненія предназначенія человѣка, какъ нравственно разумнаго существа, т.е. для осуществленія въ дѣйствительности собственной его вѣчной природы, вѣчной сущности, вѣчнаго естества того, что есть разумность его, его свобода и его добрая нравственность, его добродѣтель съ ея основою, доброю волею, - и вмѣстѣ съ тѣмъ для совершенія, для осуществленія въ дѣйствительности добра ради добра своею свободною доброю волею. Но такъ опредѣленное право есть право только человѣческое, т.е. въ смыслѣ права людей, живущихъ не на одной только землѣ, но и на другихъ планетахъ. Краузе считаетъ не возможнымъ остановиться на этомъ, а находитъ необходимымъ возвыситься къ понятію права, какъ всемірнаго, міроваго права для всѣхъ существъ, всеобщаго права и въ этомъ смыслѣ имъ назыв. божественнаго права, потому что все заключается въ божествѣ. Такое право опредѣляетъ Краузе, какъ органическій составъ, т.е., единство условій или условностей, нужныхъ для единства жизни, т.е. для гармонич. жизни всѣхъ вообще существъ въ первосуществѣ, въ первобожествѣ, потому что въ жизни божества и заключается жизнь всѣхъ существъ вообще. Въ божествѣ заключается поэтому и самая жизнь права, въ этомъ то смыслѣ, т.е., какъ всеобщаго или божественнаго, міроваго права. Или право опредѣляетъ Краузе и такимъ образ., что оно есть существенная форма взаимныхъ отношеній всѣхъ вообще существъ между собою, въ силу которой (формы) всякое единичное существо въ общеніи всѣхъ существъ, въ единеніи ихъ, т.е., вмѣстѣ и всѣхъ лицъ

и всѣхъ союзовъ, есть и становится совершеннымъ и законченнымъ въ своемъ собственномъ естествѣ, въ своей собственной природѣ, или въ силу которой (формы) гармонія всѣхъ существъ дѣйствительно существуетъ и осуществляется при взаимномъ самоограниченіи существъ одного въ пользу другого. Въ этихъ ограниченіяхъ вы находите понятіе объ условіи или условности, которое заключаетъ въ себѣ ту мысль, что безъ права вообще, какъ человѣческаго права, не возможна жизнь во всѣхъ ея видахъ, во всемъ ея развитіи, во всѣхъ ея сторонахъ (ни въ научномъ, ни въ естетическомъ, ни въ хозяйственномъ отношеніи и т. п.), такъ что въ этомъ смыслѣ право есть условіе или условность человѣческой жизни. Точно также безъ права въ смыслѣ всеобщаго, міроваго права, какъ права, касающагося всѣхъ вообще существъ въ мірѣ, или божественнаго права, не возможна и гармонія между всѣми существами, которая допускаетъ каждому существу жить единичн. жизнью, но однако требуетъ, чтобы каждое существо взаимно ограничивало себя такъ, чтобы и прочія существа могли также пользоваться своею единичною жизнью, ибо, какъ говоритъ Краузе, когда существа приходятъ между собою въ общеніе, то онѣ испытываютъ на себѣ взаимное ограниченіе одного существа другимъ. Сумма всѣхъ такихъ ограниченій, которыя испытываетъ одно существо со стороны всѣхъ тѣхъ существъ, съ которыми оно вступаетъ въ общеніе, равно какъ со стороны всего міра или міровой жизни, т. е. со стороны всѣхъ существъ въ мірѣ, м. быть названа міровымъ ограниченіемъ, т. е. такимъ, которому подчинены существа въ мірѣ, ибо всѣ существа ограничены во взаимномъ своемъ отношеніи и непремѣнно д. быть ограничены такъ, чтобы при этомъ сохранилась особенная природа, особенное естество каждаго существа, какъ ограничивающаго другое суще-

ство и какъ ограничиваемаго другими существами, т.е., такъ, чтобы сохранилась и гармонія всѣхъ существъ между собою. Все это входитъ также въ особый единый организмъ права, т.е. все это опредѣляется и осуществляется тѣмъ міровымъ, всемірнымъ правомъ, т.е., правдою и справедливостью, которая возвышается надъ правомъ, такъ сказать, частнымъ въ сравненіи съ этимъ общечеловѣческимъ правомъ, такъ что въ этомъ состоитъ задача, это есть дѣло этого міроваго, всеобщаго, божествен. права. Такъ какъ человѣчество, говоритъ далѣе Краузе, есть единое цѣлое, живущее, какъ единый организмъ, какъ одно живое цѣлое, то въ этомъ смыслѣ есть одно только человѣческое право, какъ есть только одна правда и справедливость въ смыслѣ всеобщаго, міроваго, божественнаго права. Но это одно право, какъ одна правда и справедливость, раздѣляется на различныя особенныя области для каждаго людскаго общенія, для каждаго союза общества, для того или друг. государства или народа (что называв. юристами положит. правомъ) и особенныя для того или другаго единичнаго человѣка (что назыв. уже правомъ въ субъективн. см., какъ правомочіемъ). Но идея права, т.е., какъ единая правда и справедливость, есть не это человѣческое право съ его областями (положительное право, какъ право объективное и основанныя на немъ субъективн. права того или другаго человѣка), но есть именно ничто иное, какъ всеобщее, міровое, божественное право, какъ правда и справедливость, которая поэтому и есть всеобщая, міровая, божественная идея права. Въ самомъ дѣлѣ, она простираетъ свое дѣйствіе не на людей только, не на человѣчество только, но на всѣ существа міра. Основаніе этого всеобщаго ми-

рового права, какъ и содержащихся въ немъ правъ въ субъективномъ смыслѣ всѣхъ единичныхъ существъ и всякаго общенія или союзовъ ихъ между собою есть богъ, что выше всего, а затѣмъ есть данная имъ каждому живому существу его собственная натура, его природа и его собственное существо, а также въ согласіи съ нимъ и природою установленныи богомъ гармоніи между всѣми существами. Поэтому-то каждое существо и м. требовать своего права, опираясь прежде всего на божество, а затѣмъ на свою натуру, особенную природу. Такимъ образомъ право каждаго существа, какъ право и справедливость есть часть единаго, всеобщаго, міроваго, божественнаго права, единой правды и справедливости, именно, божественной правды и справедливости, ибо все въ богѣ (такъ что вездѣ Краузе проводитъ мысль пантеизма). Богъ вложилъ, въ самомъ дѣлѣ, въ каждое живое существо неизгладимое чувство права, какъ правды и справедливости. Но чѣмъ обильнѣе, т. е. развитѣе чѣмъ живое существо, тѣмъ тѣснѣе и многообразнѣе оно переплетено, такъ сказать, и сплетено съ другими существами, тѣмъ обширнѣе и многостороннѣе область его права, а потому самая обширная, самая многосторонняя область права есть область всѣхъ существъ, которыя, съ людьми какъ высшими существами на всемъ мірѣ и на всѣхъ планетахъ.

Мы видѣли прежде, что принципомъ познанія всего призналъ Краузе умъ человѣческій и притомъ въ его нераздѣльности, какъ теоретическій и какъ практич. Отсюда слѣдуетъ, что умъ человѣческій въ этой его нераздѣльности есть также и ...

ципъ познанія въ особенности права, какъ праведнаго и справедливаго, или такъ назыв. Краузе всеобщее, міровое, божественное право, такъ и права въ собственномъ смыслѣ или такъ назыв. человѣческаго права, какъ онъ его опредѣлилъ, или что все равно, по ученію Краузе, не раздѣльный умъ человѣческій есть формальный принципъ права вообще. Этотъ Краузовъ формальный принципъ права выразилъ и выяснилъ съ особенною опредѣлительностью главнѣйшій его послѣдователь, Аренсъ, умер. въ 1875 г. профес. Лейпциг. универ.. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ. Духовная способность къ философіи, т. е. разумѣется въ человѣкѣ ему присущая, назыв. умомъ (Vernunft), т. е., какъ способность высшаго познаванія, познанія научнаго. Это есть отличительная сила человѣческаго духа, т. е., умомъ собственно отличается человѣкъ отъ прочихъ животныхъ, которыя хотя имѣютъ познавательную способность, но не имѣютъ ума, какъ высшей познавательной способности. Умъ есть мысль, именно, безконечно безусловная, абсолютная, божественная, т. е. есть способность познающая, которой не имѣютъ другія животныя. Умъ есть способность человѣческаго духа или возможность познать также все конечное, условное въ связи его съ безконечнымъ, безусловнымъ, абсолютнымъ или съ конечными основными законами и съ высшимъ, всеобщимъ, міровымъ порядкомъ жизни, чего тоже не м. познать прочія животныя, ибо не имѣя возможности по[illegible] абсолютно, они не имѣютъ возмож[illegible] [illegible] ними всего не абсолютна[illegible]

условнаго, конечнаго. Но кромѣ такой связи всякаго конечнаго существа съ безконечнымъ существомъ, абсолютомъ, всякой частной жизни со всеобщею, мировою жизнію божества, всякое особенное, конечное существо, всякая особенная жизнь представляетъ въ предѣлахъ жизни еще другія стороны для нашего познанія. Эти другія стороны открываютъ взору еще многообразныя безконечности, именно, безконечное множество единичныхъ, индивидуальныхъ и преходящихъ непрестанно формъ и отношеній, тѣхъ, которыя своимъ безконечнымъ многообразіемъ придаютъ постоянно свѣжую прелесть всей жизни въ предѣлахъ времени, вслѣдствіе которой въ ней мы не находимъ той скучной монотонности, которая не могла бы возбудить нашей любознательности. Слѣдов. умъ человѣческій познаетъ двоякаго рода: безконечное, абсолютное, а именно, то, которое выражается въ жизни конечнаго, преходящаго единичнаго существа, единичныхъ явленій и безконечное разнообразіе формъ и отношеній. И эти явленія также познаваемыя человѣческимъ умомъ, представляютъ важный предметъ и необходимый даже для познаванія нашего ума въ томъ отношеніи, что, между тѣмъ, какъ одна сторона открываетъ намъ всеобщую жизнь міра всѣхъ существъ въ мірѣ, эта сторона открываетъ намъ какъ и особенную жизнь особыхъ существъ въ мірѣ. Поэтому обѣ эти стороны равно существенны при разсмотрѣніи существъ вообще, при познаніи ихъ со стороны ума человѣческаго. Къ одной сторонѣ, говоритъ Аренсъ, относится познаніе умозрительное, т. е. къ первой сторонѣ относится познаніе всеобщей, мировой, божественной жизни, со всѣмъ, что въ ней

есть—дѣло умозрѣнія, умозрительныя познанія, т. е. познанія, которыя находитъ умъ самъ въ себѣ, созерцаніе самого себя, а не внѣ себя, не во внѣ опыта. Къ другой сторонѣ, а именно ко второй относится познаніе эмпирическое, т. е., знаніе единичныхъ существъ, явленій и съ ихъ особенною жизнію, ихъ особенною натурою, которая представляется намъ ни чѣмъ инымъ, какъ внѣшнимъ опытомъ. Но обѣ эти стороны познанія, продолжаетъ Аренсъ, только въ своемъ соединеніи образуютъ полную и цѣльную науку даннаго предмета, т. е., знаніе какого-бы то ни было предмета, составляющее содержаніе и предметъ науки объ этомъ предметѣ, непремѣнно требуетъ, чтобы мы разсматривали содержаніе относящееся къ этому предмету,- содержаніе, относящееся и къ умозрительному и къ эмпирическому знанію. Въ этомъ случаѣ мы только получимъ въ результатѣ полную и цѣльную науку, т. е., полное и цѣлостное знаніе предмета. Отсюда уже прямо слѣдуетъ, что и время есть, по ученію Аренса, предметъ двоякаго рода познанія со стороны человѣческаго ума и д. быть поэтому познано съ двоякой стороны, т. е., и умозрительно и эмпирически. Въ этомъ только случаѣ мы получимъ въ результатѣ полное и цѣлостное знаніе, полную и цѣлостную науку права или правовѣденіе, т. е., и правовѣдѣніе умозрительное, какъ философію права и правовѣденіе эмпирическое, т. е., положительное правовѣденіе. Потому-то, по ученію Аренса, формальный принципъ права есть умъ человѣческій, познающій право, какъ умозрительно, такъ и объективно, эмпирически, т. е. какъ философское или такъ назыв. [illegible] право (философія права), такъ

и эмпирическое, положительное право, какъ предметъ положительнаго правовѣдѣнія. Но только изъ соединенія этихъ обоихъ родовъ познанія, т. е., изъ соединенія философіи права и положительнаго права, образуется въ данномъ случаѣ наука правовѣдѣнія, какъ единое цѣлое юридическихъ наукъ.

Краузе, какъ видно изъ всего этого очерка его философской системы, остановился на внѣшнемъ только примиреніи субъективнаго идеализма Шеллинга и объективнаго идеализма Фихте, или на такъ называемомъ синкретическомъ идеализмѣ, ибо синкретизмъ и представляетъ собою не болѣе, какъ только внѣшнее примиреніе различныхъ противоположныхъ между собою философскихъ системъ вслѣдствіе, именно, неодносторонности. Такимъ синкретическимъ идеализмомъ не удовольствовался Гегель и возвысился до такой философской системы, которая характеризуется названіемъ абсолютнаго идеализма. И такъ,

4) Знаменитый нѣмецкій философъ Гегель родился въ 1770 г. и умеръ въ 1831 г. въ Берлинѣ отъ первой холеры. Полное собраніе его сочиненій издано послѣ его смерти его учениками, послѣдователями и друзьями, которыхъ и до сихъ поръ еще не мало.

Гегель отправляется отъ того предположенія, что все есть λογος въ смыслѣ обычнаго значенія этого слова, т. е., есть разумъ, есть мысль, но разумъ и мысль безъ субъекта и безъ объекта, а простая мысль, простой разумъ, просто абсолютный разумъ, слѣдовательно, абсолютный разумъ, какъ простая мысль, простой разумъ или же есть абсолютная идея, просто идея, но идея въ особенномъ значеніи этого слова, какого оно не имѣетъ въ другихъ философскихъ системахъ, а именно: подъ идеею, разумомъ

Гегель понимаетъ самосознаніе и вмѣстѣ осуществленіе въ дѣйствительности, или реализаціи понятій (Begriff), но опять реализацію общую въ томъ значеніи, какого не имѣютъ другія философскія системы, а именно, подъ понятіемъ, становленіемъ, онъ не разумѣетъ того, что обыкновенно называютъ понятіемъ въ логикѣ, какъ суммою всѣхъ существенныхъ признаковъ какого нибудь существа, какого нибудь явленія, изъ котораго (понятія) составляются затѣмъ и другія формы логическаго мышленія, а именно, сужденія, какъ первой формы логической мысли, а изъ сужденій составляется послѣдняя форма логической мысли, а именно, умозаключеніе, — напротивъ, у Гегеля понятіе есть сущность существа, сущность вещи, есть существенное въ существѣ, въ явленіи и вообще въ чемъ бы то ни было. Что же это существенное? Это есть то, что есть дѣйствительно сущее, что не есть призрачно сущее, которое есть преходящее, не есть то, что началось, что прекратилось и что преходитъ, а есть истинно сущее, называемое непреходящимъ, что не есть призрачно сущее, а есть вѣчно пребывающее. Вотъ это-то пребывающее въ предметахъ и въ чемъ бы то ни было, даже въ самомъ понятіи, въ смыслѣ логическомъ, и есть понятіе по Гегелю. Слѣдовательно, сущность, существенно-значительное въ правѣ есть свобода, по Гегелю, есть понятіе права, ибо въ самомъ дѣлѣ, имѣю я что нибудь право въ субъективномъ смыслѣ, то я въ немъ свободенъ. Съ другой стороны право есть законъ и въ объективномъ смыслѣ, т. е. оно даетъ право свободы на что нибудь, даетъ волю дѣйствовать такъ или иначе, или точно также. Это, какъ такое вѣчно пребывающее, вѣчное, сущность предмета, су-

щества и т. п. есть разумъ всякаго предмета, есть Λόγος въ предметѣ, есть мысль въ немъ заключающаяся, которая не умираетъ, а вѣчно остается, пребываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, то или другое постановленіе положительнаго права собственно измѣняется и уничтожается; но непреходящимъ въ немъ является именно та мысль, что право есть свобода. Эта мысль никогда не уничтожается, такъ что когда мы говоримъ о правѣ, то непремѣнно предполагаемъ свободу, потому что свобода есть мысль, Λόγος, разумъ права. Слѣдов., понятіе есть вмѣстѣ и пребывающее, какъ дѣйствительное, т. е. какъ дѣйствительно сущее, какъ постоянно сущее и вмѣстѣ съ тѣмъ есть разумъ. Поэтому, можно сказать, и говоритъ Гегель, произнося пресловутое изреченіе, котораго многіе не умѣли понять въ его истинномъ смыслѣ а именно, Гегель говоритъ, что „все дѣйствительное есть разумное и все разумное есть дѣйствительное". „Выраженіе „дѣйствительное есть все разумное" не означаетъ просто того, что всякая гадость, которая существуетъ въ мірѣ, всякая неправда и несправедливость, которая дѣйствуетъ въ мірѣ, что всякое выработанное человѣкомъ право, противное свободѣ, какъ его сущности было разумнымъ — нѣтъ, не это оправдываетъ Гегель, называя все дѣйствительное разумнымъ, а то, что истинно сущее, не преходящее, то только, въ чемъ есть мысль, никогда не измѣняющаяся въ немъ, есть разумъ (подобно тому, какъ основа права есть свобода, какъ его мысль, какъ его идея). „На оборотъ, „все разумное есть дѣйствительное", т. е. нѣтъ ничего такого, что будучи разумнымъ, не было-бы вмѣстѣ дѣйствительнымъ. Это не значитъ, что „есть" означаетъ въ данную минуту сущее, въ это время пребывающее, а здѣсь разумѣется бытіе вообще, такъ какъ бытіе вообще, если оно не [illegible]

[illegible], то оно будетъ вредъ (все разумное, если оно не обнаружилось въ дѣйствительности, то оно непремѣнно должно быть и стать дѣйствительнымъ). Такъ, напр., изчезло рабство предъ свободою, составляющею разумъ права, λόγος, — рабство какъ имѣющее случайное и не истинное бытіе; изчезло предъ разумомъ, предъ λόγος, вѣчною мыслью, которая заключается въ правѣ, и человѣкъ сталъ въ дѣйствительности все болѣе и болѣе свободнымъ, какъ свободное и разумное существо, вслѣдствіе собственно своей дѣятельности, равно какъ и вслѣдствіе дѣятельности всѣхъ другихъ окружающихъ его людей, т. е. человѣчество непрестанно все болѣе и болѣе становится свободнымъ. Въ такомъ освобожденіи человѣка, какъ разумнаго и свободнаго существа, и состоитъ сущность всей исторіи человѣчества. Всеобщая исторія есть, слѣдовательно, какъ именно исторія освобожденія человѣка, исторія постепеннаго развитія его свободы, и такъ какъ свобода, какъ сущность права, есть его разумъ, λόγος, то всеобщая исторія есть въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ, та область философіи, которою съ одной стороны заключается вся философія права, а съ другой стороны открывается философія исторіи, какъ послѣднюю часть философіи духа, а именно, открывается философія абсолютнаго духа, ибо въ исторіи и живетъ, именно, духъ, какъ абсолютный духъ, въ ней-то и развивается абсолютъ, въ ней-то онъ и приходитъ все болѣе и болѣе къ своему самосознанію. Въ человѣкѣ онъ въ первый разъ приходитъ къ сознанію, что онъ есть духъ, и во всемірной исторіи онъ продолжаетъ развивать это свое сознаніе что онъ есть абсолютный духъ, а именно, въ исторіи онъ является міровымъ всемірнымъ духомъ. Такъ что, исторія есть развитіе въ [illegible] смыслѣ ...

ровано духа, какъ абсолютнаго духа и слѣдов. Съ этой стороны исторія есть область, принадлежащая философіи абсолютнаго духа.

Въ томъ положеніи, что все дѣйствительное разумно и все разумное дѣйствительно, Гегель сказалъ самымъ короткимъ образомъ выраженную мысль, что его философская система есть окончательное рѣшеніе того вопроса, всякой философской системы, а именно вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится мышленіе къ бытію, мысль къ сущему, какъ къ существующему, потому что если они разъединены, если они не имѣютъ между собою соотвѣтствія, то въ такомъ случаѣ невозможно никакое знаніе для человѣка, въ такомъ случаѣ мы должны отрицать науку философіи. Только подъ тѣмъ условіемъ возможна наука, чтобы мышленіе и бытіе соотвѣтствовали, ибо въ самомъ дѣлѣ, что мы называемъ истиною, какъ не соотвѣтствіе мысли и бытія. Выраженіе „я знаю истину" значитъ, что я мыслю о предметѣ совершенно адекватно, равно съ тѣмъ, какъ предметъ есть самъ по себѣ. Вотъ въ такомъ-то положеніи и выразилъ Гегель это полное соотвѣтствіе между мышленіемъ и бытіемъ, что все мыслимое, разумное есть дѣйствительно сущее какъ истинно сущее, и наоборотъ, все дѣйствительно сущее есть разумное, такъ что между ними есть не тожество, а единство, которое такимъ образомъ является краеугольнымъ камнемъ той философской системы, которая вслѣдствіе этого м. быть названа абсолютнымъ идеализмомъ. Мы сказали почему и въ какомъ смыслѣ философская система Гегеля обыкновенно называется абсолютнымъ идеализмомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ абсолютномъ идеализмѣ Гегелевой философской системы дѣйствительно Гегель восходитъ къ [illegible]

ству, а не только примиряетъ, какъ Краузе, внѣшнимъ образомъ и субъективный идеализмъ Фихтовой философiи и объективный идеализмъ Шеллинговой философской системы, ибо абсолютнымъ, какъ разумнымъ, которое тождественно съ дѣйствительнымъ, признаетъ Гегель не мысль чисто субъективную, какъ саму себя сознающую, т.е. какъ сознаваемую субъектомъ, каковою мы видимъ ее отчасти уже у Канта и въ особенности у Фихте, и не мысль чисто объективную, какъ вовсе не сознающую саму себя, а сущую въ дѣйствительности, объективно только, каковою она является у Шеллинга, а мысль, какъ мыслимое, какъ дѣйствительность, какъ саму жизнь абсолюта, этого Гегелева божества. Эта-то дѣйствительность абсолюта, его жизнь, какъ жизнь λόγος-а абсолютной идеи, абсолютнаго, разумнаго, тождественнаго съ дѣйствительнымъ, совершается, по ученiю Гегеля, какъ дiалектическiй процессъ абсолюта, или другими словами, что все равно, самый абсолютъ, по ученiю Гегеля, есть ничто иное, какъ всецѣлый дiалектическiй процессъ λόγος-а, разумнаго, тождественнаго съ дѣйствительнымъ. Подъ дiалектическимъ-же процессомъ абсолюта разумѣетъ Гегель присущее абсолюту самодвиженiе его, какъ саморазвитiе, а именно: поступательное или прогрессивное (а не ретроградное) ритмическое, законосообразное, и не безпорядочное. Прогрессивное саморазвитiе, совершается по закону, а именно, всегда по тремъ ступенямъ, которыя суть вмѣстѣ съ тѣмъ и моменты самого дiалектическаго процесса абсолюта, а именно, моменты въ томъ смыслѣ, что они являются существенными принадлежностями саморазвитiя абсолютно чистаго мышленiя, какъ независимаго ни отъ чего посторонняго, какъ происходя-

щаго въ умѣ человѣческомъ, въ этомъ суще-
ствѣ, въ которомъ абсолютъ приходитъ
къ самосознанію, а потому этотъ діалек-
тическій процессъ абсолюта есть вмѣстѣ съ
тѣмъ и діалектическій процессъ самого это-
го мышленія, которое развивается прогрессив-
но и ритмически, или законосообразно
по тремъ ступенямъ въ умѣ человѣческомъ,
приходящемъ вслѣдствіе этого къ знанію
абсолютнаго, или къ знанію абсолюта, аб-
солютной идеи, разумнаго вообще, тождест-
веннаго съ дѣйствительнымъ, или, что все
равно, этотъ діалектическій процессъ аб-
солюта есть вмѣстѣ съ тѣмъ и метода
познаванія со стороны принципа, со сто-
роны ума человѣческаго, есть метода науч-
ная, которая есть потому метода всей
Гегелевой философской системы, вслѣдствіе
чего Гегелева философская система призна-
етъ саму себя строго методическою, такъ
что ея содержаніе соотвѣтствуетъ ея формѣ
и наоборотъ, ея форма соотвѣтствуетъ содер-
жанію до того, что у Гегеля форма этого содер-
жанія, въ которую оно облекается, какъ спо-
собъ познаванія со стороны ума человѣческаго,
какъ метода, тождественна съ самымъ со-
держаніемъ, т.е., вмѣстѣ съ саморазви-
тіемъ мышленія въ умѣ человѣческомъ по
методѣ діалектической, по методѣ, соот-
вѣтствующей діалектическому процессу, раз-
вивается нераздѣльно и самое содержаніе раз-
вивается и все то, что познаетъ такимъ обра-
зомъ методически умъ человѣческій. Но такое
мышленіе ума человѣческаго, которое такимъ
образомъ развивается діалектически въ наукѣ,
въ философіи, есть чистое мышленіе, т.е. оно
независимо ни отъ чего, ни отъ какихъ предпо-
ложеній, которыя были-бы для него какою либо
основою, ни отъ какихъ заимствованій изъ
чего либо внѣшняго для мышленія, какъ напр.
изъ опыта и внѣшняго, т.е. совершеннаго или

производимаго какъ результата воспріятія
внѣшними чувствами даннаго въ опытѣ и
независимо отъ внутренняго чувства, какъ
результата воспріятія того, что совершает-
ся во внутреннемъ опытѣ, въ самой душѣ че-
ловѣческой. Въ [illegible]-то смыслѣ, это чистое
я есть источникъ и орудіе всего познанія чело-
вѣческаго или формальный принципъ всяка-
го познанія вообще. Въ этомъ смыслѣ оно
имѣетъ сходство съ тѣмъ, что называ-
етъ Шеллингъ интеллектуальнымъ созер-
цаніемъ, съ тою только существенною
разницею, что интеллектуальное созер-
цаніе Шеллинга вовсе не было имъ опре-
дѣлено, какъ совершающееся строго ме-
тодически и оттого все то, что являлось
у Шеллинга какъ результатомъ интел-
лектуальнаго созерцанія, а именно, вся
его философская система не имѣла над-
лежащей основы, которую могла [illegible]
[illegible] метода. Между тѣмъ
какъ [illegible] мышленіе у Гегеля имѣетъ
такую основу въ методѣ, присущей это-
му мышленію, какъ теоретической мыс-
ли, которая тождественна [illegible]
скимъ процессомъ абсолюта, совершаясь
какъ этотъ самый процессъ, происхо-
дя, какъ и онъ, не иначе, какъ прогрессив-
но, все впередъ, т. е. все болѣе и болѣе раз-
вивая свое содержаніе, все болѣе и болѣе
отдѣляясь отъ отвлеченія и приходя къ
тому, что представляетъ собою болѣе со-
держанія, какъ нѣчто вполнѣ конкрет-
ное, до того момента, когда это содержа-
ніе уже вполнѣ является [illegible], [illegible]
ни опредѣленнымъ, такъ что въ этомъ
случаѣ наука такимъ образомъ полу-
чаетъ свое законченіе, [illegible] окан-
чиваетъ свое развитіе. [illegible] само-
бою которая [illegible] [illegible]ніемъ

ея содержаніе. Этотъ діалектическій процессъ и тождественная съ нимъ діалектическая метода философіи и совершается, какъ я сказалъ, необходимо по закону трехъ ступеней или трехъ моментовъ, такъ что въ наукѣ, въ философіи, именно, мышленіе какъ чистое мышленіе, всегда развивается по тремъ моментамъ, тремъ ступенямъ, которыя суть моменты развитія, т. е., моменты содержимаго въ этомъ развитіи, такъ что эти ступени во всемъ саморазвитіи чистаго мышленія или діалектическаго процесса абсолюта имѣютъ нѣчто существенно сходное, а именно, каждая изъ нихъ имѣетъ общій ей соотвѣтствующій характеръ, а потому достаточно опредѣлить только такой общій характеръ каждой изъ этихъ трехъ ступеней для того, чтобы можно было уразумѣть и частный характеръ тѣхъ ступеней, по которымъ проходитъ во всемъ своемъ саморазвитіи чистое мышленіе въ наукѣ, въ философіи, въ діалектическомъ процессѣ абсолюта, познаваемаго въ философіи. Прежде всего упомяну о томъ, что эти три ступени заимствованы Гегелемъ у Фихте, но съ тою существенною разницею, что у Фихте ступени эти были ничто иное, какъ ступени развитія самосознанія субъекта, субъективнаго самосознанія, слѣдовательно, представляли также односторонность, какую вообще представляла вся его философія какъ субъективный только идеализмъ, такъ что метода, раскрывающаяся въ этихъ трехъ ступеняхъ самосознанія Фихтовой философской системы, являлась также одностороннею; но

была абсолютною методою, какою она является у Гегеля, какъ діалектическая метода, какъ метода самодвиженія, саморазвитія чистаго мышленія, познающаго абсолютно. Слѣдовательно, хотя Гегель и позаимствовалъ эти ступени у Фихте, но существенно преобразовалъ ихъ, соотвѣтственно своей философской системѣ, т.е., ея методѣ, а слѣдоват., и ея содержанію, не оставляя ихъ соотвѣтственными философской системѣ Фихте, которая была не болѣе, какъ субъективнымъ идеализмомъ.

Первую ступень можно назвать у Гегеля, какъ и у Фихте, положеніемъ (positio tesis) въ томъ смыслѣ, что здѣсь не самосознаніе, какъ у Фихте, а чистое мышленіе полагаетъ себя, т.е. чистое мышленіе продуцируетъ, производитъ все, находитъ въ себѣ и затѣмъ развиваетъ мысль, которая тождественна, какъ и всякая мысль у Гегеля, съ дѣйствительно существующимъ, ибо вообще мыслимое и дѣйствительно сущее тождественно, которая (мысль) слѣдовательно, не есть просто только мысль отвлеченная отъ реальности, отъ дѣйствительно сущаго, но есть единая съ нимъ, соотвѣтствующая ему, такъ что чистое мышленіе, полагая въ умѣ человѣческомъ мысль, продуцируя ее, находя ее сами въ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ продуцируетъ и самое сущее и самое дѣйствительное, соотвѣтствующее этой мысли, такъ что это положеніе (tesis) не есть только положеніе какъ у Фихте, но есть мысль и сущее, какъ и во всей философіи Гегеля вслѣдствіе того, что мысли-

мое, какъ разумное, тождественно съ дѣйствительнымъ. Но мысль, которая такимъ образомъ полагается умомъ человѣческимъ, его чистымъ мышленiемъ непосредственно, т.е. прежде всякаго дальнѣйшаго развитiя мышленiя, есть конечно мысль, а слѣдоват., и сущее одностороннее, т.е. въ этой мысли выражается только одна сторона той мысли полной, развитой уже, опредѣленной уже, до которой чрезъ посредство первыхъ двухъ ступеней доходитъ чистое мышленiе. Здѣсь, на этой первой ступени, умъ человѣческiй беретъ изъ двухъ мыслей, взаимно себѣ противоположныхъ и притомъ противоположныхъ абсолютно, т.е., безусловно и безотносительно, а не въ какихъ либо отношенiяхъ, одну только мысль и ставитъ ее, какъ будто-бы эта мысль была уже вполнѣ развитая, какъ будто-бы она была всестороннею мыслiю, какъ будто бы она все въ себѣ заключаетъ, между тѣмъ какъ умъ человѣческiй только отвлекаетъ эту мысль отъ полноты ея, отъ полноты той мысли, для которой данная мысль является одною изъ сторонъ, абсолютно противоположнаго другой стороны. Такъ поступаетъ умъ человѣческiй на первой ступени его развитiя, т.е. умъ человѣческiй въ обширномъ смыслѣ, какъ познавательная способность вообще, когда она является на низшей ступени своего развитiя, на той ступени, которая у Гегеля называется Verstand, т.е., разсудкомъ, въ отличiе отъ Vernunft, какъ высшей познавательной способности, т.е. отъ собственно такъ называемаго ума, такъ что эта

мысль въ такой своей односторонности полагается именно разумомъ или разсудкомъ, и потому есть разсудочное или разумное въ этомъ смыслѣ чистое мышленіе, а не мышленіе высшихъ познавательныхъ способностей, т.е. мышленіе ума, другими словами: разсудокъ всегда вертится на какой-нибудь извлеченной, абстракціи отъ той цѣльной мысли, которой эта мысль принадлежитъ, какъ одна изъ сторонъ [illegible] не идеи. Разсудокъ полагаетъ, [illegible] предицируетъ какъ-бы мысль, которая есть и сущее, бытіе, но бытіе есть мысль односторонняя. Абсолютная противоположность бытію есть конечно ничто иное, какъ небытіе. Бытіе и небытіе, какъ абсолютныя противоположности, являются съ точки зрѣнія ума, какъ высшія познавательныя способности, какъ мы увидимъ, только сторонами или моментами той цѣльной мысли, которая называется становленіемъ (das Werden) а между тѣмъ разсудокъ или умъ на этой первой ступени діалектическаго развитія принимаетъ одну только одностороннюю мысль, какъ-будто бы въ ней уже все выражено, какъ будто бы въ ней вся полная мысль. Вотъ почему разсудочное мышленіе одностороннее; оно не видитъ, наприм., что бытіе непремѣнно заключаетъ въ себѣ и небытіе и что вмѣстѣ съ тѣмъ оно является истиннаго какъ результатомъ того всесторонняго познанія, которое достигается въ своемъ саморазвитіи чистое мышленіе ума человѣческаго въ наукѣ, въ философіи. Но познавательная способность не видитъ

этого на первой ступени потому имен-
но, что это есть первая ступень, ко-
торой нельзя миновать чистому мы-
шленію, что она есть ступень, какъ
такая задача, которая состоитъ ни
въ чемъ иномъ, какъ въ абстракціи, въ от-
влеченіи отъ цѣлаго одной только сто-
роны. Такимъ образомъ разсудокъ от-
влекаетъ одну только сторону – бытіе,
какъ отвлеченіе одностороннее, какъ од-
носторонняя мысль и эта мысль есть
уже знаніе, есть уже познаніе, ибо ина-
че это не было-бы ступенью самораз-
витія чистаго мышленія, ступенью по-
знающаго человѣческаго ума. И въ самомъ
дѣлѣ, бытіе, эта мысль, если оно бу-
детъ взято такъ, что при этомъ умъ
человѣческій отвлечется отъ всего, т. е. не
скажетъ, что такое есть бытіе, не оп-
редѣлитъ его вовсе никакимъ понятіем,
не скажетъ даже, что это есть нѣчто,
а просто будетъ размышлять о бытіи,
то спрашивается, что онъ выразитъ
именно въ этомъ? Онъ выразитъ въ
этомъ, въ самомъ дѣлѣ, то, что умъ
человѣческій можетъ отвлекаться отъ
всего того, что составляетъ противо-
положность мысли, и положитъ эту
мысль саму въ себѣ, въ полной ея неоп-
редѣленности. Но на этомъ человѣческая
познавательная способность или чистое
мышленіе не останавливается, а идетъ
далѣе, а именно, начинаетъ уже дѣй-
ствовать умъ, какъ высшая познава-
тельная способность, уже со второй сту-
пени діалектическаго процесса абсо-
люта, или чистаго мышленія, а имен-
но, умъ усматриваетъ въ мысли, та-
кимъ образомъ, отвлеченной разумомъ

отъ полноты ея, отдѣленной отъ того, что составляетъ абсолютную ея противоположность и вмѣстѣ съ этою абсолютною противоположностью соединяетъ эту мысль въ одну высшую мысль, видя, усматривая эту абсолютную противоположность. Что это значитъ? Если мы отвлечемся отъ всякаго опредѣленія, при мысли о бытіи, то въ такомъ случаѣ, эта мысль будетъ такъ безсодержательна, такъ пуста, сама въ себѣ, именно, вслѣдствіе такой абсолютной неопредѣленности, что она будетъ тоже, что ея противоположность абсолютная, т.е., бытіе будетъ такъ безсодержательно, такъ пусто, что оно будетъ тоже, что не бытіе, или превратится въ небытіе, такъ что бытіе обусловливаетъ небытіе, въ немъ лежитъ небытіе. Въ самомъ дѣлѣ, думая напр., сказать важную мысль, говорим, что богъ есть и слѣдовательно, приписывали богу не болѣе, какъ бытіе; но этотъ предикатъ, это прилагательное къ богу такъ не опредѣленно, пусто и безсодержательно, что указанное сужденіе можетъ быть замѣнено противоположнымъ ему сужденіемъ, а именно, тѣмъ, что бога нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, сказать о богѣ, что онъ есть и остановится на этомъ значитъ еще вовсе ничего не опредѣлить, а потому все возможное при этомъ можно назвать богомъ. Такимъ образомъ, можетъ быть названъ теизмомъ и фетишизмъ и политеизмъ, какъ въ самой грубой, такъ и въ самой тонкой его формѣ, единобожіе и, наконецъ, всебожіе и всебожіе можетъ быть также названо теизмомъ. Слѣдоват., выраженіемъ богъ есть нельзя ничего сказать о томъ существѣ, которое является основою

всего видимаго міра. Если остановиться на этомъ выраженіи, то это значитъ тоже, что не сказать ничего, а между тѣмъ на немъ останавливались и останавливаются не только теологи, мыслители, но и псевдотеологи философы и чистые философы только съ тѣмъ различіемъ, что послѣдніе называютъ бога не божествомъ, а какимъ нибудь другимъ именемъ, наприм. абсолютомъ. Слѣдоват., сказать объ абсолютѣ, что онъ есть, развивается, познается чистымъ мышленіемъ значитъ еще вовсе ничего не сказать, хотя, однако, эта мысль есть первая, есть начатокъ того познанія, до котораго хочетъ дойти чистое мышленіе, такъ что этой мысли нельзя обойти, а непремѣнно нужно начинать съ нея, а не съ чего нибудь другаго. Почему же такъ? Это потому, что начало всего, по ученію Гегеля, есть λόγος, мысль, разумъ, а эта мысль, этотъ разумъ, по ученію Гегеля, тождественна съ дѣйствительнымъ, съ сущимъ, такъ что въ этомъ выраженіи тожество, соотвѣтствіе, согласіе мышленія и бытія, этимъ рѣшается абсолютно, окончательно основной вопросъ для всякой философіи о возможности познаванія истины, ибо возможно познаніе истины только въ томъ случаѣ, когда мышленіе будетъ тождественно бытію, когда оно будетъ ему вполнѣ соотвѣтствовать. Вотъ почему философія Гегеля и начинаетъ именно съ того предположенія, что мышленіе и бытіе тождественно, вотъ почему философія и не можетъ начать ни съ чего другаго.

Слѣдовательно, первая ступень діалектическаго развитія и должна именно начать съ бытія, какъ тождественнаго съ мышленіемъ. Это было уже подготовлено для Гегеля тѣмъ великимъ мыслителемъ, который считается основателемъ новой философіи, въ отличіе отъ новѣйшей, основателемъ которой считается Кантъ, положившій въ основу философіи критицизмъ, критику самой познавательной способности (что можетъ быть познано и какъ познано), а именно, Декартомъ, который соотвѣтствіе, согласіе, гармонію мысли и бытія выразилъ въ такомъ положеніи: "cogito - ergo sum", я мыслю, слѣдоват., "существую, т.е., мышленіе необходимо требуетъ существованія, мышленіемъ обусловливается существованіе и существованіе обусловливается мышленіемъ. Это положеніе Декарта и легло въ основу новой философіи, въ отличіе отъ новѣйшей. То, что такъ субъективно выразилъ Декартъ, который отнесъ мышленіе, тождественно съ бытіемъ отнесъ къ самосознающему себя Я, Гегель выразилъ абсолютно, снявши этотъ субъективизмъ, а именно въ томъ положеніи, что все разумное, т.е., мыслимое дѣйствительно и все дѣйствительное разумно. Онъ не сказалъ: я мыслю, слѣдоват., существую, а сказалъ, что мышленіе есть существованіе, бытіе и бытіе есть мышленіе, т.е., онѣ тождественны въ томъ смыслѣ, что онѣ суть только разныя стороны абсолюта въ мышленіи и абсолюта въ дѣйствительности. Итакъ, по содержанію онѣ [illegible] одно и тоже и только различны по

формъ.

Такимъ образомъ на первой ступени чистое мышленіе полагаетъ ту мысль, которая есть вмѣстѣ и сущее, которая выражается словомъ бытіе, Sein. Sein луч ше выражаетъ данное понятіе, которое хотѣлъ выразить Гегель, нежели слово бытіе, ибо бытіе есть только мысль, отвлеченная отъ сущаго, тогда какъ, напротивъ, Sein означаетъ вмѣстѣ и мысль и бытіе, хотя, впрочемъ, и слово бытіе на русскомъ языкѣ имѣетъ также двойственное значеніе, а именно, о каждомъ существѣ можно сказать, что оно имѣетъ бытіе, слѣдоват., является чѣмъ-то дѣйствительнымъ, реальнымъ, такъ точно и о каждой мысли, можно сказать, что она есть, что она существуетъ.

На второй ступени познавательная способность, какъ я уже сказалъ, усматриваетъ въ этомъ бытіи небытіе, именно, вслѣдствіе того, что бытіе, которое прямо рождается, исходитъ изъ мышленія, есть совершенно неопредѣленное по содержанію, совершенно пусто, не развито и слѣдоват., требуетъ своего развитія. Умъ не можетъ остановиться, какъ я сказалъ на первой ступени, а именно, на результатѣ разсудочнаго мышленія, которое довольствуется отвлеченною мыслію, потому что умъ видитъ ея односторонность, ея абстрактность, а именно, онъ видитъ, что такая мысль поставленная разсудочнымъ мышленіемъ содержитъ въ себѣ и свою абсолютную противоположность, какъ это ясно видно на мысли о бытіи, абсолютная противоположность которой есть не бытіе.

Такимъ образомъ, умъ человѣческій приходитъ къ тому, что онъ противополагаетъ, видитъ противуположенія этой односторонней абстрактной мысли въ ней самой. Отъ того эта вторая ступень, на которую восходитъ человѣческая познавательная способность, можетъ быть названа, какъ у Фихте противуположеніемъ (antitesis), или можетъ быть названа, какъ она и называется — иногда у Гегеля, отрицаніемъ, а именно отрицаніемъ мысли, поставляемой разсудочнымъ мышленіемъ въ ея односторонности, въ видѣ отвлеченностей, слѣдовательно, отрицаніемъ положенія, продуцируемаго разсудочнымъ мышленіемъ, т. е. чистымъ мышленіемъ на первой ступени его развитія (negatio positionis). Такимъ образомъ дѣятельность ума на этой второй ступени состоитъ именно въ противуположеніи мысли, поставленной разсудочнымъ мышленіемъ и въ отрицаніи этой мысли, какъ отвлеченной. Поэтому иначе эта ступень діалектическаго развитія чистаго мышленія называется Гегелемъ отрицательною дѣятельностію ума, въ отличіе отъ третьей ступени, гдѣ уже умъ дѣйствуетъ положительно, такъ что то, что отрицается имъ на второй ступени, понимается имъ на третьей ступени, между тѣмъ какъ на второй ступени онъ приходитъ къ тому, что есть абсолютная противуположность мысли, поставленной разсудкомъ; слѣдовательно, онъ поставляетъ мысль, отрицающую первую абсолютно. Почему же умъ не приходитъ по многимъ отрицательнымъ мыслямъ по отношенію къ первой мысли, а только къ одной? Потому что въ одной

только мысли, односторонне отвлеченной, заключается абсолютно противоположная мысль, потому что абсолютное противоположение может быть одно, и не больше. Если я, напр., скажу бѣлый цвѣтъ, то абсолютною ему противоположностію будетъ не красный, не черный и тому подобный цвѣтъ, а вс вообще не бѣлые цвѣта, которые также образомъ сводятся къ одной мысли, - къ небѣлому.

Такимъ образомъ въ данномъ примѣрѣ абсолютная противоположность бытія, которую поставляетъ умъ человѣческій въ отрицательной своей дѣятельности, есть небытіе. На этой ступени, также, какъ и на первой, не можетъ останавливаться человѣческая познавательная способность, чистое мышленіе, потому что это значило бы, что оно не пришло ни къ какому положительному результату, что оно отрицало только мысль, поставленную разсудочнымъ мышленіемъ, ибо небытіе есть только отрицаніе бытія, и не есть какое нибудь положеніе. Если я скажу, напр., что Богъ есть, то я этимъ еще ничего не скажу, такъ что это выраженіе значитъ собственно тоже, что Бога нѣтъ. Съ этой точки зрѣнія атеистами мог. быть названы и тѣ, которые скажутъ, что я Богъ, какъ говорили нѣкоторые философы, и какъ говорили нѣкоторые мыслили, что собственно нѣтъ атеистовъ, безбожниковъ, но разумѣя подъ Божествомъ нѣчто такое, что не есть религіозное понятіе, чего никакъ нельзя назвать божествомъ въ религіи, потому что божество есть понятіе религіозное. Говоря, напр., что тотъ человѣкъ, который ко-

вергаетъ свою жизнь опасности за идею,
напр. жертвуя своею жизнію за вѣру,
царя и отечество, такъ, напр., подвер-
гая опасности свою жизнь при путе-
шествіяхъ по странамъ дикихъ наро-
довъ, напр. внутри Африки, или внут-
ри Австраліи, въ Новой Голландіи, — неужели
такой человѣкъ атеистъ? Нѣтъ, и у не-
го есть божество, но божество это есть
его идея, въ которую онъ вѣритъ. Идея
эта есть, однако, понятіе философ-
ское, а не религіозное, между тѣмъ какъ
Божество есть понятіе религіозное.
Слѣдовательно, никакъ нельзя назвать
такого человѣка атеистомъ, а нужно
признать, что онъ не вѣритъ въ боже-
ство и притомъ не вѣритъ въ откро-
веніе Божества (откровеніе есть при-
надлежность всякой религіи) и слѣдова-
тельно это не есть человѣкъ вѣрующій
въ религіозномъ смыслѣ этого слова. Тѣ
и говорили о религіяхъ нѣкоторые из
философовъ, которые признавали поня-
тіе божіе, а нѣчто другое; такъ напр.
Шопенгауеръ возвелъ на престолъ Божест-
ва нѣчто, небытіе, въ которомъ все су-
ществующее окончательно поглощает-
ся. Такой взглядъ не можетъ быть наз-
ванъ теизмомъ, точно также, какъ и
первый взглядъ, по которому небытіе при-
знается единственнымъ предикатомъ
Божества. Вотъ почему познавательная
способность непремѣнно должна взойти
на высшую ступень. Это не есть нѣчто
произвольное въ движеніи діалектическа-
го процесса. Какъ непроизвольна первая
ступень, вслѣдствіе того, что съ бытія
начинается развитіе чистаго мышле-
нія, тождественнаго съ бытіемъ, такъ не-
произвольна вторая ступень, вслѣдствіе

того, что каждая мысль, полагаемая на первой ступени, заключаетъ въ себѣ абсолютную противоположность, которая и противополагается на второй ступени, такъ что непроизвольная и третья ступень, а есть именно λόγος, разумное, тождественное съ дѣйствительнымъ а именно, если въ бытіе умъ человѣческій помнитъ небытіе, изъ этого слѣдуетъ, что это суть такія абсолютныя противоположности (бытіе и небытіе), которыя нераздѣльны, ибо, еслибы они были раздѣлены, то въ такомъ случаѣ нельзя было бы въ небытіи найти бытія, т.к. что слѣдовательно по сущности своей онѣ представляютъ единство между собой, представляются не только соединенными, но соединенными потому что они и сами въ себѣ едины. Что бытіе нераздѣльно, видно, что абсолютно есть небытіе и что, напротивъ, небытіе есть также абсолютно бытіе, такъ что они взаимно себя обусловливаютъ. Это видно изъ того, что въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего, что не имѣло бы своей абсолютной противоположности и кромѣ того, не можетъ быть ничего такого, что не имѣло бы абсолютной противоположности. Въ самомъ дѣлѣ, добро не было возможно, еслибы не было въ дѣйствительности зла, такъ что добро и зло взаимно себя обусловливаютъ. Точно въ такомъ же отношеніи находятся свѣтъ и тьма, прекрасное и безобразное и т.д. Словомъ по ученію Гегеля, являются абсолютныя противоположности и притомъ такъ, что каждая мысль какъ бы разлагается на свои абсолютныя противоположности, на свои стороны, которыхъ можетъ быть не болѣе какъ двѣ

Поэтому эта вторая ступень деалектическаго развитія абсолюта, или чистаго мышленія есть та ступень, которую Гегель иначе называетъ въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ деалектическою ступенью, ибо на этой именно ступени мысль разлагается, раздвояется на двѣ абсолютныя противоположности (отъ греческаго слова διαλέγω - раздѣляю); въ отличіе отъ деалектическаго развитія въ обширномъ смыслѣ, подъ которымъ разумѣются всѣ вообще ступени деалектическаго развитія, эта вторая ступень называется деалектическимъ развитіемъ въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ. Почему всѣ ступени деалектическаго развитія Гегеля могутъ быть названы діалектическими, равно какъ и самая система называется діалектическою, - это теперь ясно, а именно потому, что вся система Гегеля предполагаетъ, что все въ мірѣ мыслимомъ, равно какъ и въ дѣйствительномъ раздвояется, разлагаясь на двѣ абсолютныя противоположности, которыя являются различными сторонами для мышленія, которыя отвлекаютъ одну сторону отъ другой (небытіе отъ бытія и бытіе отъ небытія), но которыя сами, по своей сущности, соединены, ибо онѣ суть абсолютныя противоположности одного цѣлаго.

На третьей ступени діалектическаго развитія умъ человѣческій усматриваетъ, что эти противоположности абсолютной мысли едины между собою на самомъ дѣлѣ и ставитъ, полагаетъ такую мысль, которая выражала бы собою это единство, и въ которой бы на самомъ дѣлѣ соединялись обѣ эти абсолютно противоположныя мысли,

какъ въ высшей ~~мысли~~ мысли, въ которой-бы внѣшнимъ образомъ примирялись-бы вполнѣ соединялись прежнія мысли, какъ въ высшей мысли, подчиняющей ихъ себѣ, являющейся для нихъ истиною, ибо эта мысль является для всестороннею, какъ слагающеюся изъ двухъ сторонъ, являющихся на второй ступени абсолютными противоположностями. Поэтому такая дѣятельность человѣческаго ума на этой третьей ступени называется у Гегеля соединеніемъ (синтезисъ), какъ и у Фихте, сопложеніемъ, именно, соединеніемъ этихъ двухъ абсолютныхъ противоположностей въ одну высшую мысль, или назыв. иначе отрицаніемъ отрицанія, т.е. умъ отрицаетъ не бытіе, которое есть отрицаніе небытія, т.е. отрицаетъ отрицаніе, ибо, если бы онъ не отрицалъ отрицаніе небытія, то въ такомъ случаѣ бытіе превратилось-бы ни во что, и слѣдоват., дальнѣйшее развитіе чистаго мышленія, было-бы невозможно, почему необходимо [illegible], заставляетъ умъ человѣческій отрицать отрицаніе. Наконецъ, эта ступень называется [illegible] результатомъ положительной дѣятельности ума въ отличіе отъ отрицательной дѣятельности ума, какою она является на второй ступени, ибо тамъ все дѣло состоитъ въ отрицаніи мышленія, между тѣмъ какъ здѣсь въ отрицаніи второй мысли, какъ одной стороны мысли, слѣдоват., въ отрицаніи отрицанія. Третью и послѣднюю ступень называетъ Гегель ступенью спекулятивнаго мышленія. Это не значитъ отражаемое мышленіе, какъ иногда думаютъ, потому что для этого есть [illegible] слово, именно, рефлексія, подъ которымъ [illegible] дѣятельность [illegible]

ческой, человѣческаго духа, а слѣдов., въ томъ числѣ и ума, сознающаго, что она мыслитъ о самой себѣ, о своей собственной мысли, слѣдов., отражаетъ, выходитъ изъ себя, т. е. не мыслитъ о чемъ нибудь другомъ, а о своей же мысли, о своей-же дѣятельности (человѣкъ разсуждаетъ, что онъ сдѣлалъ и какъ сдѣлалъ, хорошо ли или дурно и т. п.). Это размышленіе и есть рефлексія, въ смыслѣ, такъ сказать, зеркала, отражающаго въ себѣ. Спекуляція имѣетъ уже совершенно другой смыслъ. О банкирѣ говорятъ напр., что онъ спекулируетъ на то, что теперь восточная война окончится для насъ благополучно и что слѣдов. нашъ кредитъ заслуживаетъ теперь большаго довѣрія, чѣмъ кредитъ турецкій и даже большаго сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ заслуживалъ прежде, когда насъ въ Азіи выгнали изъ Арменіи и загнали въ собственные предѣлы и когда подъ Плевной насъ два раза сильно побили. Теперь Карсъ взятъ, Плевна тоже взята и Шипка послужитъ опорою для нашихъ дальнѣйшихъ операцій. Все это возвышаетъ нашъ кредитъ и бумажный рубль нашъ подымется въ цѣнѣ, тогда какъ серебряный понижается. Все это банкиръ разсчитываетъ. Спрашивается, какъ разсчитываетъ? Онъ принимаетъ во вниманіе всѣ обстоятельства и всѣ условія, все обдумываетъ всестороннѣ, основательно. О такомъ банкирѣ мы и говоримъ, что онъ спекулируетъ на то-то. Это выраженіе позаимствовано философіею, гдѣ ему придали смыслъ той дѣятельности ума, которая по Гегелю есть положительная дѣятельность ума, какъ высшая способность, состоящая въ томъ, что умъ не останавливается на положеній разсуд

...ла, не останавливается даже на отрицаніи этого положенія, но все всесторонніе размышляетъ, обдумываетъ и наконецъ восходитъ къ тому результату, что мысли, поставленныя на первыхъ двухъ ступеняхъ не могутъ существовать и не существуютъ на самомъ дѣлѣ отдѣльно, раздѣльно, а существуютъ слитно, (для этого-то соединенія, единства мыслей, что назыв. тождествомъ, и поискали такое слово, которое выражаетъ такую мысль, въ которой соединяются обѣ эти двухстороннія мысли, а именно бытіе и небытіе. Это слово и есть становленіе (Das Werden). Что же есть становленіе, что становится? Говорятъ напр., міръ сталъ. Это значитъ, что изъ небытія переходитъ въ бытіе; все становится въ міръ, ибо самъ міръ сталъ, такъ что становленіе есть законъ самодвиженія міра, т.е. сущаго, существующаго, дѣйствительного точно также, какъ становленіе есть законъ всего существующаго въ мысляхъ. Становленіе есть та формула, въ которой прежде всего выражается саморазвитіе, самодвиженіе и мысли и сущаго. Все становится, ~~...~~ все течетъ, какъ сказалъ уже Гераклитъ. Слѣдоват., становленіе есть то высшее понятіе, въ которомъ соединяются эти абсолютныя противоположности — бытіе и небытіе. Въ становленіи онѣ перестаютъ быть самостоятельными мыслями, а дѣлаются только моментами, т.е. существенными принадлежностями или составными частями въ высшей мысли, которая есть болѣе развитая, болѣе конкретная, какъ слагающаяся изъ этихъ двухъ противоположностей — бытія и небытія (бытіе есть отвлеченіе и небытіе есть тоже отвлеченіе), которыя соединяются, сжимаются въ становленіи. Становленіе есть уже болѣе опредѣленная мысль, чѣмъ бытіе и небытіе, потому

что бытіе вовсе неопредѣленно, а небытіе нѣсколько опредѣленно, но отрицательно, между тѣмъ какъ становленіе есть болѣе опредѣленная мысль, ибо имъ предполагается и бытіе и небытіе, а слѣдов., она слагается изъ этихъ двухъ мыслей. Становленіе имѣетъ уже кое какое содержаніе, между тѣмъ какъ бытіе вовсе не имѣло его, а небытіе являлось и отрицательнымъ содержаніемъ; становленіе является имѣющимъ содержаніе потому, что мысль о становленіи и опредѣляетъ то, что небытіе перешло въ бытіе. Слѣдоват., не даромъ трудился разсудокъ на первой ступени, положивъ бытіе какъ мысль, не даромъ трудился и умъ на второй ступени, отрицая эту первую мысль и такимъ образомъ, выводя то, что бытіе есть небытіе; если-бы онъ не трудился, то не дошелъ бы до того положенія, которое является содержаніемъ третьей ступени. Необходимо, что небытіе перешло въ бытіе, ибо безъ этого, какъ говоритъ Гегель, не было-бы возможно знаніе. Въ самомъ дѣлѣ становленіе непремѣнно предполагаетъ небытіе, и небытіе становится бытіемъ, ибо въ этомъ и выражается сущность становленія. Что становленіе есть высшая мысль, это доказывается [illegible] образомъ, а не только тѣмъ, что въ немъ слагаются обѣ эти мысли (бытіе и небытіе), а именно, тѣмъ, что въ немъ, какъ я сказалъ, впервые выражается то понятіе, которое проходитъ во всей философской системѣ Гегеля, ибо оно входитъ во все дѣйствительное, во все разумное. [illegible] становится, все развивается, но становится само по себѣ, движется [illegible] присущаго ему самодвиженія, [illegible] присущаго разуму мысли самодвиженія, саморазвитія, и все это происходитъ не иначе, какъ по тремъ указаннымъ нами ступенямъ, ибо не м. быть

ничего больше какъ положеніе отрицанія и отрицаніе отрицанія, что и выражается въ этихъ трехъ ступеняхъ. Что эти три ступени не суть только, какъ можно было-бы думать изъ приведеннаго примѣра, ступени первоначальнаго развитія мысли, т. е. начиная съ бытія, проходя чрезъ небытіе и возвышаясь къ становленію, а что они на самомъ дѣлѣ суть ступени чистаго мышленія, развитія философской системы вообще, это доказано: тѣмъ, что становленіе, которое является по отношенію къ предшествующимъ мыслямъ — бытію и небытію — высшею мыслію, въ очахъ разсудка, въ очахъ разсудочной мысли опять становится отвлеченною, односторонней мыслью, такъ что умъ опять видитъ въ становленіи нѣкоторыя абсолютныя противоположности, вслѣдствіе чего эти абсолютныя противоположности опять соединяются между собою въ одну ~~въ одну~~ высшую мысль, которая является уже болѣе конкретною, болѣе содержательною формою, съ болѣе богатымъ содержаніемъ, ибо здѣсь прошло еще двѣ мысли и явилась такимъ образомъ новая мысль. Затѣмъ опять въ этой новой мысли, на которой останавливается разсудокъ, какъ на односторонней мысли, умъ видитъ опять абсолютныя противоположности, которыя опять соединяются въ одно цѣлое, въ одну высшую мысль, которая еще богаче содержаніемъ, чѣмъ предъидущая мысль. Такимъ образомъ все чистое мышленіе движется, именно, по тремъ ступенямъ, вслѣдствіе присущаго закона этого самодвиженія, этого саморазвитія чистаго мышленія, а не по другимъ какимъ нибудь ступенямъ, — движется слѣдов., до тѣхъ поръ пока наконецъ мышленіе тожественное съ бытіемъ раскроетъ все содержаніе, разовьетъ его вполнѣ, станетъ вполнѣ развитымъ, вполнѣ опредѣленнымъ. Спрашивается, гдѣ-же это

можетъ быть? Разумѣется, это можетъ быть ни въ чемъ иномъ, какъ въ абсолютѣ, потому что абсолютное, или абсолютъ есть тождество всего мыслимаго, всего разумнаго и всего дѣйствительнаго, слѣдоват., всего безъ всякаго исключенія. Все есть его содержаніе, какъ говорилъ и Шеленкартъ, который говорилъ, что все заключается въ абсолютѣ, но только онъ не указалъ, какъ изъ абсолюта все исходитъ, все развивается, что указалъ и опредѣлилъ категорически, для чего нашелъ законъ, какъ законъ діалектическаго процесса, Гегель. Спрашивается, гдѣ-же совершаетъ умъ человѣческій такое мышленіе, тождественное съ бытіемъ? Конечно, въ философіи, а именно, въ томъ, что предметъ философіи и есть ничто иное, какъ полное, всестороннее, цѣлостное развитіе чистаго мышленія, т. е. изображеніе самодвиженія чистаго мышленія представленія его въ формѣ научной, въ формѣ слова, въ формѣ мыслей, которымъ соотвѣтствуетъ все сущее.

Философская система Гегеля называется абсолютнымъ идеализмомъ, а также и діалектическою философскою системою, именно потому, что по Гегелю метода, какъ форма его философіи, тождественна съ ея матеріаломъ или содержаніемъ, а не только ей соотвѣтствовала, ибо діалектическая метода и есть ничто иное, какъ построеніе всего содержанія философской системы Гегеля, представляющее собою, именно, самый діалектическій процессъ абсолюта или Λόγος'а, мысли, разумнаго, тождественнаго съ дѣйствительнымъ, познаваемаго чистымъ мышленіемъ ума человѣческаго. Всю свою такъ построенную философскую систему излагаетъ Гегель въ краткѣ, въ своемъ сочиненіи подъ названіемъ "Encyclopädie der Philosophischen Wissenschaft". Главною ступенью ея раз-

вития, и въ этомъ смыслѣ главныя части философской системы, на которыя она дѣлится, суть слѣдующія, какъ ихъ называетъ Гегель, а именно: во 1, логика, во 2, философія природы и въ 3, философія духа. Очевидно, что въ цѣломъ, Гегеля философская система развивается соотвѣтственно діалектической методѣ, по этимъ тремъ главнымъ ступенямъ, которыя суть вмѣстѣ и главныя части всей этой системы. Такое раздѣленіе всей философской системы Гегеля на эти три главныя части объясняется и основывается у Гегеля на томъ, что развивающійся въ этой философской системѣ Λόγος, мысль, разумное, тождественное съ дѣйствительнымъ, достигаетъ этого тождества не иначе, какъ противопоставленіемъ самого-же себя или ставя самого себя предъ собою, т.е. дѣлая самого себя своимъ предметомъ, объектомъ, какъ предметомъ сознанія чистаго мышленія ума человѣческаго, а именно съ слѣдующею постепенностью: во 1, Λόγος, мысль, разумное, тождественное съ дѣйствительнымъ, во всей чистотѣ своей, сущая сама по себѣ или въ себѣ, въ своей чистой стихіи, т.е. въ области чистаго мышленія, есть предметъ первой части философіи, которую Гегель потому называетъ просто логикою, какъ ученіемъ о бытіи Λόγος'а въ самомъ себѣ или по себѣ (an sich sein). Потому эта часть не есть, какъ можно было бы думать по ея названію, логика въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, т.е., въ смыслѣ науки о формахъ человѣческаго мышленія, каковы суть главнымъ образомъ понятія, сужденія и умозаключенія, а эта логика имѣетъ своимъ предметомъ Λόγος, мысль, саму въ себѣ, чистую, отрѣшенную отъ всего, слѣдовательно, содержащую въ себѣ какъ составную существенную часть, не только формальн

ную логику, имѣющую своимъ предметомъ формы человѣческаго мышленія, но и то, что теперь называется иначе матеріальною логикою въ томъ смыслѣ, что этимъ ученіемъ разсматривается самое содержаніе, матерія мышленія, но лишь сама въ себѣ, какъ сущее въ области чистаго мышленія и въ этомъ смыслѣ, какъ метафизика, такъ что въ составъ Гегелевой логики входитъ не только формальная или обыкновенная логика, но и обыкновенно такъ назыв. метафизика. Во 2, Λόγος, мысль выступаетъ уже изъ себя, изъ своей чистой области и является внѣ себя, въ чуждой для себя области, въ инобытіи, т.е. въ бытіи иномъ, нежели какое есть Λόγος въ самомъ себѣ, такъ что это есть инобытіе Λόγος'а, а именно: здѣсь уже Λόγος является въ природѣ внѣшней, матеріальной, вещественной, такъ что и въ природѣ есть также Λόγος, есть мысль, есть разумное. Это есть уже предметъ второй главной части философіи, которую называетъ Гегель философіею природы въ смыслѣ ученія о Λόγος'ѣ, о мысли въ ея инобытіи, именно въ природѣ. Наконецъ въ 3, Λόγος, мысль опять возвращается къ себѣ изъ чуждой области, изъ инобытія, изъ природы въ свою собственную область въ духовную область, потому что мысль есть нѣчто духовное, а не природное, не матеріальное, не вещественное - или что все равно, въ область духа, гдѣ мысль является уже при себѣ, для себя, какъ выражается Гегель, т.е. при себѣ сущею въ духѣ, такъ что это есть область, для мышленія, для Λόγος'а, а вмѣстѣ съ тѣмъ мысль является здѣсь сама въ себѣ сущею, т.е. она сохраняется въ духѣ точно также какъ она сохранялась и въ природѣ, - она является духовною. Здѣсь въ

3-ей части или на этой ступени своего развитія хотя мысль и является духовною, но облекаясь въ вещественное, матеріальное, то что ей, какъ мысли, чуждо самой по себѣ, не чуждо въ этомъ отношеніи, а именно въ томъ смыслѣ, что λόγος, какъ разумное, тожественно съ дѣйствительнымъ по природѣ и есть эта дѣйствительность. Поэтому эта 3-я часть имѣетъ своимъ предметомъ ученіе о λόγος-ѣ въ духѣ или просто о духѣ, какъ λόγος'ѣ, мысли въ самой себѣ и для себя (an und für sich Sein) или иначе эта часть называется философіей духа. И такъ, какъ вы видите, изъ этого дѣленія философской системы Гегеля, эти три главныя части суть ничто иное, какъ главныя ступени развитія одного и того же λόγος'а, мысли, именно, въ человѣческомъ мышленіи, вы видите, что здѣсь и сама въ себѣ и внѣ себя, и въ духѣ, мысль, какъ мысль остается мыслью, сохраняетъ въ себѣ, какъ мысль, какъ λόγος. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, какъ и говорятъ о Гегелевой философіи, что по ученію Гегеля, все есть λόγος, мысль, разумное, тожественное съ дѣйствительнымъ. Поэтому часто Гегелеву философскую систему называютъ также абсолютнымъ логизмомъ, въ этомъ именно смыслѣ. Разумѣется, что для нашей спеціальной цѣли, состоящей въ опредѣленіи формальнаго принципа права, достаточно обозрѣть 3-ю и послѣднюю часть Гегелевой философской системы, а именно — его „философію духа", потому что въ этой именно части мы и найдемъ, между прочимъ, право, для котораго формальный принципъ мы здѣсь опредѣляемъ.

Въ духѣ λόγος, мысль возвращающаяся, какъ мы сказали, изъ инобытія, изъ своего отчужденія, именно, изъ отчужденія своего, въ такъ называемую чуждую себѣ область, въ области при

роды, въ свою собственную область духовную, къ духъ. Здѣсь λόγος, мысль, приходитъ уже къ сознанію, именно, чрезъ посредство человѣка, какъ существа самосознающаго, который составляетъ переходъ отъ философіи природы къ философіи духа, ибо съ одной стороны, онъ, какъ тѣлесно-органическое существо, есть самое высшее существо въ природѣ, — какъ вершина всего ея развитія, которой заканчиваетъ это развитіе и который съ этой стороны разсматриваетъ философію природы, а съ другой стороны онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и существо духовное, въ которомъ λόγος, мысль становится духомъ, являясь самосознаніемъ, — каковымъ мысль не была и не могла быть въ чуждой ей области, въ природѣ (въ этомъ смыслѣ человѣкъ уже разсматривается въ философіи духа). Духу вообще, слѣдов., и человѣку, какъ существу духовному, свойственна свобода, которая есть ничто иное, какъ самоопредѣленіе къ дѣятельности существа, т. е. свойства, качество существа быть первопричиною, инициативою, почином всей своей дѣятельности. Въ силу своей свободы, духъ вообще, слѣд. и человѣческій духъ, и человѣкъ долженъ опредѣлять самого себя къ дѣятельности, дѣлаться чрезъ себя тѣмъ, что онъ есть самъ въ себѣ, а именно, дѣлаться, становиться свободнымъ; ибо духъ не является несвободнымъ, какъ нѣчто готовое, какъ нѣчто данное, подобно природѣ, которая дается извнѣ человѣку, какъ нѣчто данное для него, чуждое ему; — а напротивъ, для того, чтобы быть свободнымъ, чтобы опредѣлить себя къ дѣятельности, духъ долженъ стать свободнымъ, долженъ именно сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть по своей сущности, по своему по-

нятію, т. е. свободнымъ, именно, совершаетъ на дѣлѣ, въ дѣйствительности то, что онъ есть самъ въ себѣ, слѣдов., являясь онъ себя тѣмъ, что онъ есть самъ по себѣ. Это самоопредѣленіе совершается не иначе, какъ также діалектически, по слѣдующимъ тремъ главнымъ ступенямъ, а именно: духъ является во 1, какъ духъ субъективный; 2, какъ духъ объективный и 3) какъ духъ абсолютный. Эти три ступени составляютъ предметъ философіи духа, именно тѣхъ трехъ отдѣловъ, на которые подраздѣляется эта 3ья и послѣдняя часть философской системы Гегеля, и которая называется по предмету своему, соотвѣтствующими тому названіями, такъ что философія духа подраздѣляется у Гегеля на слѣдующія три части: 1, философія субъективнаго духа, 2, философія объективнаго духа и 3, философія абсолютнаго духа. Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе каждаго изъ этихъ отдѣловъ и въ особенности остановимся на среднемъ отдѣлѣ, т. е. на философіи объективнаго духа, потому что это есть ничто иное, какъ философія права въ обширномъ смыслѣ. И такъ:

Отдѣлъ 1й

Философія субъективнаго духа.

Здѣсь разсматривается духъ, какъ на первой ступени, самъ въ себѣ и въ этомъ смыслѣ, какъ субъектъ въ самомъ себѣ заключенный, еще не выразившійся во внѣ, еще не проявившійся, еще не открывшійся, не объективировавшійся. Поэтому-то этотъ духъ и называется субъективнымъ духомъ въ отличіе отъ

духа объективнаго, - и потому самый этотъ отдѣлъ разв. философiею субъективнаго духа. Въ духѣ, единичномъ человѣкѣ, индивидѣ самомъ въ себѣ заключенномъ, какъ существѣ природномъ, т.е. тѣлесномъ, составляющемъ часть природы, вмѣстѣ духовномъ и сознаетъ себя абсолютъ, Λόγος, мысль, духъ; т.е. человѣкъ сознаетъ самъ себя, чрезъ посредство своего чистаго мышленія, что онъ есть существо не природное только, не тѣлесное только, но по преимуществу существо духовное и притомъ какъ единство того и другаго существа, т.е. тѣлеснаго и духовнаго. Существуя въ единичномъ человѣкѣ, субъективный духъ есть духъ единичный, какъ и человѣкъ есть единичное существо индивидъ и потому человѣкъ сознаетъ себя какъ существо духовное единичное, т.е. отдѣленное отъ всѣхъ прочихъ существъ въ природѣ кромѣ человѣка и отъ подобныхъ ему существъ, т.е. отъ прочихъ людей. Этотъ единичный человѣкъ, въ объясненномъ мною смыслѣ, и есть предметъ философiи субъективнаго духа, а именно, той философiи субъективнаго духа, которая Гегелемъ развивается по слѣдующимъ тремъ [illegible], которыя потому въ этомъ смыслѣ и суть раздѣлы, на которые подраздѣляется. Этотъ первой отдѣлъ философiи субъективнаго духа, образуя предметъ особенныхъ философскихъ наукъ, имѣющихъ уже давно свои особенныя названія, которыя и удерживаетъ Гегель, за исключеніемъ только втораго раздѣла, гдѣ является новое названіе, вслѣдствіе того, что это есть новая ступень развитія философіи субъективнаго духа, на которую до Гегеля [illegible]

внимания. И такъ эти три раздѣла перваго отдѣла философіи субъективнаго духа суть слѣдующія 1, Антропологія, 2, Феноменалогія и 3, Психологія.

Раздѣлъ 1.

Антропологія.

Она разсматриваетъ субъективный духъ еще въ его непосредственномъ видѣ, т.е. какъ данный прямо въ опытѣ, въ эмпиріи духа, а именно, какъ духъ единичнаго человѣка и притомъ духъ нераздѣльно слитый съ тѣломъ. Съ этою принадлежностью не духа, а природы, такъ слитой нераздѣльно съ тѣломъ, духъ представляется именно, какъ духъ человѣческій. По гречески человѣкъ называется Ἄνθρωπος — а потому и этотъ отдѣлъ философіи называется антропологіею т.е. ученіемъ о человѣкѣ, въ которомъ духъ нераздѣльно слитъ съ тѣломъ и который представляетъ единичное отдѣльное существо отъ всѣхъ прочихъ существъ. Это ученіе слѣдуетъ, именно, за постепеннымъ ходомъ, развитіемъ тѣхъ видоизмѣненій или особенностей, которыя получаетъ духъ отъ внѣшней природы въ своемъ тѣлѣ, въ своемъ тѣлесномъ организмѣ, какъ единичный человѣкъ, какъ индивидъ, а именно, духъ, въ тѣлѣ развиваясь, постоянно возвышается до того, что онъ наконецъ побораетъ, овладѣваетъ, побѣждаетъ въ себѣ природу т.е. свое тѣло, обнимаетъ собою все тѣло, присутствуетъ во всемъ своемъ тѣлѣ и дѣлая его служебнымъ для себя органомъ, орудіемъ для своего свободнаго опредѣленія

къ дѣятельности, слѣдоват., орудіемъ свободы, и вслѣдствіе этого духъ начинаетъ относиться къ себѣ какъ къ свободному существу, какъ къ существу самосознающему себя вслѣдствіе единоличности своей, отдѣльности отъ всѣхъ прочихъ существъ, какъ я, отвлекающаго себя отъ всего внѣшняго, отъ не я.

Раздѣлъ II.

Феноменологія духа.

Когда духъ начинаетъ относиться къ себѣ какъ къ существу самоопредѣляющему себя свободно, какъ къ существу самосознающему себя, какъ къ я отвлекая себя отъ всего внѣшняго, отъ всего не я, когда духъ приходитъ, именно, къ сознанію своему, то такое-то отношеніе духа къ себѣ и ко всему и, слѣдоват., такое его отдѣленіе отъ всего внѣшняго есть то, что назыв. сознаніемъ. Съ этого сознанія и начинается 2-й этотъ отдѣлъ философіи субъективнаго духа, назыв. феноменологіею духа. Эта феноменологія духа разсматриваетъ постепенныя проявленія, явленія, феномены, сознанія духа, почему этотъ отдѣлъ и носитъ такое названіе; онъ разсматриваетъ послѣдовательное развитіе дѣятельности этого сознанія въ духѣ. Сознаніе духа проявляется по слѣдующ. тремъ ступенямъ: 1, какъ чувственное воспріятіе, т.е. воспріятіе всего внѣшняго, чувственныхъ внѣшнихъ предметовъ внѣшними чувствами и затѣмъ какъ разсудочное сознаніе, т.е. сознаніе этихъ изображеній внѣшнихъ предметовъ посред-

ствомъ той познавательной [illegible] способно-
сти, которая въ отличіе отъ ума наз.
разумомъ. 2, какъ самосознающій себя
духъ, а именно сознающій свою самость,
т. е. свою особенность отъ всего прочаго
и слѣдов., сознающій себя при себѣ и для
себя. Это есть уже дѣятельность сред-
ней человѣческой познавательной способ-
ности, а именно дѣятельность разума
(Verstand) и въ 3, какъ абсолютное
знаніе, а именно, какъ знаніе абсо-
люта Логоса, мысли, абсолютной идеи,
въ которой абсолютно реализируется
понятіе, какъ позуманаго, тождествен-
наго съ дѣйствительнымъ абсолюта.
Это есть уже дѣятельность самой выс-
шей человѣческой способности, назыв.
Гегелемъ умомъ (Vernunft), до кото-
рой доходитъ чистое мышленіе діа-
лектически, постепенно, сознавая аб-
солютъ, абсолютное. Эта область по-
знанія есть область уже абсолютнаго
знанія, какъ область знанія объ абсо-
лютѣ.

Отдѣлъ III

Психологія.

Здѣсь разсматривается субъективный
духъ, сознающій себя въ человѣкѣ, какъ
единое цѣлое, именно, какъ единство
всѣхъ душевныхъ свойствъ человѣка, при-
надлежащихъ его духовной сторонѣ, и
это-то единство, какъ уже и самъ Кантъ
сказалъ, назыв. душею. Здѣсь человѣкъ,
субъективный духъ его, проходитъ чрезъ
посредство сознанія на всѣхъ ступе-
няхъ его развитія, такъ что [illegible]

и дается возможность человѣку стать субъективнымъ духомъ, субъектомъ, именно, въ томъ смыслѣ, чтобы стать субъектомъ своей дѣятельности, которая свободна, которая развита въ самоопредѣленіи его къ дѣяніямъ, а слѣд., къ дѣятельности вмѣстѣ съ тѣмъ сознательно разумной; такъ что дѣятельность человѣческая является свободною и вмѣстѣ разумною и сознательною. Такая дѣятельность человѣка есть дѣятельность, совершающаяся въ самой душѣ человѣческой, какъ въ субъектѣ; но эта дѣятельность вмѣстѣ съ тѣмъ и раскрывается во внѣ, душа человѣческая роселяетъ свою дѣятельность и на внѣшніе предметы, такъ что эта дѣятельность не только является внутреннею, въ самой душѣ совершающеюся, но и внѣшнею дѣятельностью, совершающеюся внѣ субъекта, а именно, какъ дѣйствія самосознающаго человѣческаго я, души человѣческой на внѣшніе предметы, на объекты. Однако-же, это дѣйствіе человѣческой души, какъ субъекта, на внѣшніе для него предметы, объекты, состоитъ въ томъ, что объекты не представляетъ она такъ, какъ будто-бы они были для нея внѣшними объектами, какъ-бы чужими для нея, а напротивъ, не признавая ихъ самости, самосущности, самостоятельности, существованія для самихъ себя, душа дѣлаетъ ихъ своими, усвояетъ ихъ себѣ и тѣмъ утверждаетъ свое единство, какъ субъекта съ объектомъ. Но такая дѣятельность души человѣческой, состоящая въ усвоеніи себѣ его объектовъ, бываетъ двоякая: одна теоретическая, какъ теоретическое отношеніе души къ объектамъ, а другая практическая, какъ практическое отношеніе души къ объектамъ

Теоретическое отношенiе души къ объектамъ, какъ предметамъ внѣшнимъ или теоретическая дѣятельность, есть дѣятельность души, какъ интеллигенцiя въ смыслѣ интеллигенцiи теоретическаго или познающаго духа; такъ что эта дѣятельность состоитъ, именно, въ познанiи или познаванiи объекта. Въ этомъ теоретическомъ отношенiи своемъ, какъ усвоенiи себѣ внѣшнихъ предметовъ посредствомъ познаванiя ихъ, душа человѣческая проходитъ слѣд. три ступени: 1, воспринимаетъ объектъ какъ единичный, или какъ нѣчто единичное, индивидуальное (эта дѣятельность теоретической души назыв. ощущенiемъ въ отличiе отъ чувствованiя), 2, душа человѣческая обобщаетъ единичные индивидуальные объекты и обобщая ихъ, снимаетъ съ нихъ ихъ чувственныя тѣлесныя, матерiальныя вещественныя стороны, открывающiяся въ ней нашими ощущенiями. Эта дѣятельность теоретической души и есть такъ назыв. воображенiе (ein bildung) въ смыслѣ составленiя въ душѣ нашей образа объекта; это обыкновенно назыв. въ логикѣ представленiемъ предмета въ отличiе отъ понятiя, какъ сущности предмета, заключающагося въ томъ, что обыкновенно назыв. существеннымъ признакомъ предмета и наконецъ 3, душа человѣческая снимаетъ всякую чувственную, какъ вещественную сторону съ единичныхъ объектовъ и созерцаетъ ихъ внутреннюю сторону, т. е. ихъ сущность, которая выражается именно въ ихъ существенныхъ признакахъ, какъ въ томъ, что назыв. понятiемъ въ смыслѣ основной формы мышленiя человѣческаго ума. которая (форма), затѣмъ преобразуется въ сужденiе, какъ единство

понятий и наконецъ въ умозаключение, какъ единство суждений или соединение ихъ. Такимъ образомъ душа понимаетъ собою все, что до его понимания казалось ей чуждымъ, предвращая все этого теоретич. дѣятельностью въ свою мысль, такимъ образомъ душа видитъ во всѣхъ своихъ объектахъ саму себя, т. е. видитъ въ нихъ нѣчто духовное, такъ какъ она сама есть духъ, есть духовное, а слѣд. видитъ въ объектахъ свое, а не чужое, т. е. усвоиваетъ ихъ себѣ и въ этомъ смыслѣ сознаетъ, что она во всей своей теоретической дѣятельности определяется сама собою, а не чѣмъ нибудь внѣшнимъ или что все равно: душа человѣческая достигаетъ такимъ образомъ чистой свободы, какъ независимости отъ всего внѣшняго въ своемъ самоопредѣлении къ дѣятельности. Поэтому такая дѣятельность души человѣческой и называется мышлениемъ вообще.

Затѣмъ, теоретический духъ, сознивая такимъ образомъ своимъ мышлениемъ, что его-то мысль и есть сущность всѣхъ объектовъ, всѣхъ предметовъ, всѣхъ существъ или что его-то мысль и есть основа всей внѣшности, какъ дѣйствительности, какъ реальности, становится духомъ практич. или волею, гдѣ онъ влагаетъ уже въ объекты самъ себя или, что все равно, влагаетъ въ нихъ свои мысли. Въ такой дѣятельности и состоитъ та дѣятельность, которая назыв. собственно практической дѣятельностью или практическимъ отношениемъ души человѣческой, духа къ объектамъ духа также, какъ субъекта, а именно, какъ духа практическаго или, что все равно, воли человѣческой, ибо, въ самомъ дѣлѣ. то, что хочетъ человѣкъ, то и дѣлаетъ онъ по своей волѣ съ внѣшнимъ объектомъ,

и въ этомъ смыслѣ онъ влагаетъ свою волю во внѣшніе объекты; воля же основывается на мышленіи, т.е. она хочетъ того, что прежде размышляла, представляла себѣ прежде хотѣнія, какъ мысль, и потому то можно сказать, что она влагаетъ свои мысли во внѣшніе объекты, предметы. Такою-то практической дѣятельностью своей духъ дѣйствуетъ сперва и вообще, какъ чувственная, такъ сказать, воля т.е. только или природное, естественное влеченіе къ самоудовлетворенію, къ удовлетворенію себя посредствомъ предметовъ, объектовъ, къ удовлетворенію, именно, своихъ потребностей, своихъ нуждъ или къ восполненію чувствуемыхъ объектовъ, недостатковъ, какъ бы пробѣловъ. Это есть первая ступень развитія практическаго духа, гдѣ онъ является какъ духъ чувственный. Но затѣмъ во 2, духъ практическій дѣйствуетъ также какъ воля, но уже въ смыслѣ способности выбора того или другаго изъ двухъ или болѣе объектовъ, вслѣдствіе предпочтенія одного объекта прочимъ объектамъ, также впрочемъ для удовлетворенія своей извѣстной субъективной потребности. На такой ступени практическій духъ или волю можно назвать произволеніемъ въ смыслѣ свободнаго выбора. Наконецъ, въ 3, духъ практич. или воля дѣйствуетъ какъ истинная свободная и разумная воля, а не какъ чувственная и ни какъ свобода выбора, ибо въ обоихъ предшествующихъ образахъ своей дѣятельности, въ обоихъ проявленіяхъ своихъ, т.е. въ чувственной воли и въ произволеніи еще нѣтъ истинной, разумной свободы для воли, потому что въ нихъ духъ человѣческій, какъ воля, находится еще въ зависимости отъ

природныхъ, естественныхъ влеченій, которымъ она желаетъ удовлетворить, такъ что эти природныя влеченія ея опредѣляютъ къ дѣятельности, ея обусловливаютъ и слѣд. въ ней нѣтъ еще истиннаго самоопредѣленія свободы. Равнымъ образомъ воля, какъ чувственная воля, необходимо еще зависитъ отъ внѣшнихъ предметовъ, объектовъ, ибо въ самомъ дѣлѣ чувственная воля хочетъ такого предмета, къ которому устремляется, такъ сказать, сама природа, и именно, къ которому она влечется по своему произволу или же приходитъ въ свободному выбору, выбирая только изъ представляющихся ей тѣхъ или другихъ объектовъ, а не свободно располагаетъ, независимо отъ того, какіе объекты ей представляются для удовлетворенія своихъ природныхъ влеченій ея самоудовлетворенія. Слѣдов., въ этомъ смыслѣ, какъ выражается Гегель, воля хочетъ еще чего-то другаго, а не самой себя, т.е. искомой своей свободы, чтобы быть свободною, чтобы самоопредѣляться. Истинная разумная свобода обнаруживается лишь тогда, когда воля въ своихъ природныхъ влеченіяхъ и въ самыхъ желаемыхъ его объектахъ хочетъ не этихъ влеченій и не этихъ объектовъ, а своей собственной свободы, какъ выраженіе или осуществленіе дѣйствительности, объективированія своей собственной сущности, а именно, когда практическій духъ, когда воля хочетъ дѣйствовать, какъ существо свободное, независимо ни отъ своихъ собственныхъ природныхъ влеченій, ни отъ внѣшнихъ объектовъ. Этотъ духъ, эта воля, хотящая такимъ

образомъ только своей свободы, есть духъ объективный, т.е. духъ, осуществляющій свою субъективную свободу въ объектахъ, такъ что здѣсь духъ субъективный переходитъ уже въ объективный духъ. Въ такой дѣятельности своей духъ стремится собственно не къ объектамъ, не къ предметамъ внѣшнимъ, какъ къ чему то отъ себя отдѣльному, постороннему, чуждому, а стремится къ свободному выраженію себя, своей мысли, своего разума въ объектахъ, въ предметахъ, слѣдов., въ выраженіи, къ осуществленію въ дѣйствительности, въ объективности своей разумной свободы, такъ что цѣль дѣятельности этой разумной и свободной есть не иная, какъ указанная, т.е. осуществленіе его сущности, понятія, реализація свободы. Такъ переходитъ Гегель отъ философіи субъективнаго духа, этого перваго отдѣла, къ философіи объективнаго духа, ко второму отдѣлу. Итакъ.

Отдѣлъ второй. Философія объективнаго духа.

На этомъ отдѣлѣ мы должны нѣсколько болѣе остановиться, потому что здѣсь найдемъ то понятіе, которое спеціально насъ занимаетъ, т.е. право. Объективный духъ есть, какъ мы видѣли, воля или духъ практич., осуществляющій въ дѣйствительности или реализирующій свою истинную свободу въ частностяхъ, во внѣшнихъ предметахъ, почему этотъ отдѣлъ и назыв. философіею объективнаго духа. Такимъ образ. съ переходомъ своимъ въ эту область внѣшнихъ предметовъ,

объектовъ, въ этомъ мірѣ, гдѣ духъ проявляется уже, какъ духъ субъективный, какъ свободная воля, онъ не теряетъ въ этомъ мірѣ своей свободы, какъ своей сущности а напротивъ, имѣя въ виду сознательную цѣль, неохраняя свою разумную свободу, объективный духъ, какъ духъ практическій, какъ свободная воля преобразуетъ и внѣшній міръ въ средства для своихъ сознательныхъ цѣлей. Поэтому Гегелева философія объективнаго духа есть ничто иное, какъ этика или какъ ученіе о нравственности въ обширномъ смыслѣ этого слова. Ея предметъ и содержаніе есть, именно внѣшній міръ, какъ міръ этическій, нравственный въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. есть область нравственности въ обширномъ смыслѣ, которая есть область свободы въ отличіе отъ физическаго міра, какъ области природы или какъ области необходимости. Весь этотъ нравственный, этическій міръ назыв. Гегель также притомъ употреблялъ это слово „право" въ обширнѣйшемъ смыслѣ, нежели въ какомъ обыкновенно употребляютъ его юристы а именно, онъ употребляетъ его въ этическомъ смыслѣ вообще, въ смыслѣ чего-то этическаго, нравственнаго въ обширномъ смыслѣ вообще. Онъ называетъ и свою философію объективнаго духа, именно, философіею права и излагаетъ ее подъ этимъ именно названіемъ въ особенномъ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Философія Права" или „Очерки Естественнаго права и Государствовѣдѣнія" Эта часть всей философіи имѣетъ своимъ

предметомъ, говоритъ Гегель, идею права или что все равно, понятіе права и его осуществленіе въ дѣйствительности, реализацію, ибо, какъ я сказалъ, разсматривая Гегелеву философію вообще, по ученію Гегеля, идея есть ничто иное, какъ единство существованія внѣшняго бытія и понятія предмета. Эта часть, говоритъ Гегель, должна развить изъ понятія идею, т.е. изъ понятія права идею права, которое есть разумъ предмета, т.е. разумное въ правѣ и которое, какъ я сказалъ, есть ничто иное какъ свобода. Почва, т.е. основа права, есть вообще нѣчто духовное, т.е. право есть ничто иное, какъ осуществленіе духа, именно, объективированіе его. Ближайшее же мѣсто и отправная точка права есть воля, которая свободна, т.е. о правѣ слѣдуетъ говорить философіи на томъ мѣстѣ, гдѣ разсматривается свободная воля въ своемъ осуществленіи въ объектахъ, въ предметахъ нравственнаго міра. Эта же самая воля, какъ воля свободная, должна быть и отправною точкою философіи права, т.е. съ этого и слѣдуетъ начать самое разсмотрѣніе и изложеніе философіи права, какъ въ самомъ дѣлѣ мы и начали въ этомъ обозрѣніи, „такъ что, продолжаетъ Гегель, свобода составляетъ субстанцію, сущность права, понятіе его и вмѣстѣ составляетъ назначеніе его (права), т.е. право и назначено, существуетъ именно для того, чтобы осуществлять свободу и что система права есть потому царство осуществленной въ дѣйствительности свободы, какъ говоритъ Гегель. Поэтому реализація свободы это и есть система права, не въ смыслѣ необъективнаго неположительнаго права, а системы права какъ праведнаго и справедливаго, система философскаго права, философскаго права или, что все равно, система права самимъ духомъ изъ самого себя производи-

ный, какъ вторая природа, т.е. какъ сказалъ уже Шеллингъ, (это и заимствовано у Шеллинга) самъ духъ производитъ юридическій порядокъ, самъ устанавливаетъ право, слѣдоват., есть виновникъ права, родитель такъ сказать права, - продуцируетъ право изъ самого себя, независимо ни отъ чего, свободно, какъ вторая природа, т.е. природа есть тотъ-же, какъ говорилъ Шеллингъ, міръ права т.е. не есть физическая природа, но есть природа, возвышающаяся надъ физическимъ міромъ, есть міръ нравственный, міръ юридическій, именно, міръ свободы человѣческой, какъ истинной и разумной свободы человѣческаго духа. Право, продолжаетъ Гегель, требуетъ, чтобы существованіе, внѣшнее бытіе (das Sein) вообще было существованіемъ свободной воли, т.е. чтобы внѣшнее бытіе человѣческаго духа, объектированіе его во внѣ, было ничѣмъ инымъ, какъ внѣшнимъ выраженіемъ его свободы, его свободной воли. Слѣдоват., право вообще есть свобода, какъ идея, заключаетъ Гегель, т.е. какъ реализированное понятіе. Наконецъ, право, говоритъ Гегель, есть нѣчто святое вообще, т.е. есть нѣчто неприкосновенное само по себѣ, ненарушимое само по себѣ, потому что право есть осуществленіе абсолютнаго понятія, т.е. самосознательной свободы, а свобода есть абсолютное понятіе, какъ понятіе абсолюта, т.е. сама въ себѣ, самосущая и, слѣдоват., въ самой себѣ пребывающая, а то что пребываетъ, что вѣчно, то неприкосновенно, то не можетъ быть нарушено такъ, чтобы оно уничтожалось. Напротивъ, всякая попытка уничтожить его, отрицать его ведетъ къ тому, что право восстановляется. Это восстановленіе и у-

становляетъ такимъ образомъ само себя. Отрицая неправо, право является тогда истиннымъ, дѣйствительнымъ существованіемъ, переходя такимъ образомъ чрезъ неправо, оно является ясновидимымъ для всѣхъ правомъ, какъ разумною, истинною свободою, самосущею, вѣчною, составляющею именно, понятіе права и реализацію идеи права.

Право въ этомъ смыслѣ, т.е. въ обширномъ смыслѣ этого слова, ~~...~~ діалектически развивается по слѣдующимъ тремъ ступенямъ: во 1, какъ абстрактное или формальное право, которое юристы называютъ собственно правомъ, правомъ въ собственномъ тѣсномъ смыслѣ этого слова; во 2, какъ моральность или мораль, что называется также нравственностью, но въ собств. тѣсномъ смыслѣ этого слова и, наконецъ, въ 3, какъ нравственность (Sittlichkeit) въ особенномъ значеніи этого слова, а именно, какъ нѣчто такое, что составляетъ сущность установленныхъ людскихъ союзовъ и что проявляется именно въ правахъ этихъ союзовъ. Сдѣлаемъ обозрѣніе каждаго изъ этихъ отдѣловъ философіи права.

1, Абстрактное или формальное право.

Абстрактное или формальное право есть, по Гегелю, какъ онъ самъ его опредѣляетъ, существованіе свободной воли, хотящей чистаго существованія своей с..боды или удовлетвореніе естественныхъ влеченій или потребностей; такъ напр. въ область этого права входитъ, между прочимъ, собственность. Е вотъ хозяинъ, или собственникъ, вещи, на которую онъ имѣетъ право собственности. Какъ мы знаемъ изъ опыта, часто, находясь только тому, что онъ есть ея собственникъ

т.е. радуется такому существованію или выраженію, реализаціи своей свободы, свободной воли въ данной вещи, принадлежащей ему въ собственность, радуется даже и тогда, когда онъ не употребляетъ ея для удовлетворенія своихъ естественныхъ потребностей или влеченій, просто радуется самой своей свободѣ. Идея въ этомъ смыслѣ абстрактнаго или формальнаго права есть непосредственное существованіе свободы воли, хотящей чистаго существованія свободы, помимо всякихъ другихъ цѣлей: или, что все равно, это право есть опредѣленное, внѣшнее бытіе, бытіе свободы, ставшей объективн. предметною, какъ выраженною вовнѣ, именно, во внѣшней природѣ, т.е. въ частяхъ ея, назыв. обыкновенно вещами. Въ области этого права свободная воля разсматривается прежде нежели она будетъ развита вполнѣ, т.е. прежде нежели будетъ развито вполнѣ все ея содержаніе, т.е. все то, что содержится въ ея предметѣ, что составляетъ ея сущность. Слѣдоват., въ области этого права разсматривается свободная воля помимо всякаго ея содержанія, независимо отъ него и въ этомъ отношеніи отвлеченно отъ него, абстрактно, почему это право и назыв. у Гегеля въ этомъ смыслѣ абстрактнымъ правомъ. Здѣсь разсматривается свободная воля такъ, какъ будто-бы въ ней не было опредѣленнаго содержанія, никакого матеріала, какъ будто-бы свободная воля была вполнѣ совершенною, т.е. была-бы простою, безсодержательною формою, не смотря на то, что въ ней есть однакоже опредѣленное содержаніе, какъ мы увидимъ далѣе. Въ этомъ смыслѣ право на этой ступени назыв. Гегелемъ не только абстрактнымъ, но вмѣстѣ и формальнымъ. Все содержаніе свободной воли, которое отвлекается въ этомъ правѣ, отвлечен-

томъ, отвлеченномъ, которое не разсматривается въ этомъ правѣ, какъ бы въ безсодержательной формѣ, какъ бы въ формѣ права; все содержаніе свободной воли развивается и раскрывается, слѣдов., никакъ не въ области этого права, права на этой ступени, а въ слѣдующихъ уже за этою областью ступеняхъ развитія права, какъ внѣшняго опредѣленнаго бытія, существованія и бытія свободной воли, каковы суть, какъ мы сказали: мораль или моральность (Moralität) и нравственность (Sittlichkeit), такъ что въ этихъ двухъ областяхъ свободная воля вообще обращаетъ уже вниманіе на то, что содержитъ въ себѣ, какъ матерія, какъ содержаніе свободной воли. Такъ напр. въ области морали или моральности, заключающейся въ свободной воли, содержаніе опредѣляется уже, какъ мы увидимъ, какъ добро, котораго хочетъ, желаетъ субъективная воля единичнаго человѣка, которое слѣдов., составляетъ содержаніе его свободной воли, матерію, между тѣмъ, какъ, напротивъ, области абстрактнаго или формальнаго права отвлекается и отъ этого содержанія, какъ и отъ всякаго другаго содержанія, напр. отъ особенныхъ интересовъ человѣка, которые онъ можетъ имѣть въ проявлени своей свободной воли, можетъ имѣть въ томъ, что чѣмъ нибудь будетъ пользоваться, что нибудь будетъ устранять. Вотъ почему абстрактное, отвлеченное или формальное право и есть самая первая ступень проявленія свободной воли, самая непосредственная, т. е. безъ посредства особеннаго содержанія, неопредѣленная ступень, неопредѣленная по содержанію и слѣдоват., какъ ступень абстрактная, формальная или ступень абстрактной формальной воли въ ея развитіи

Возьмемъ напр. самое первое проявленіе свободной воли въ природѣ, во внѣшнихъ вещахъ, какъ оно является въ области абстрактнаго или формальнаго права. Такимъ первымъ проявленіемъ, по ученію Гегеля, есть владѣніе которое есть собственность, т. е. усвоеніе лицомъ вещи какъ части внѣшней природы. Абстрактному или формальному праву нѣтъ никакого дѣла до того, съ добрымъ ли или худымъ намѣреніемъ съ моральной точки зрѣнія пріобрѣтаетъ человѣкъ вещь въ свое владѣніе, усвояетъ ее, дѣлаетъ ее своею собственностью и затѣмъ для абстрактнаго права нѣтъ никакого дѣла до того, дурно или хорошо человѣкъ распоряжается своею вещью съ моральной точки зрѣнія, лишь-бы человѣкъ не нарушалъ при этомъ пріобрѣтеніи и при этомъ распоряженіи своими вещами личность, неприкосновенность другихъ лицъ, неприкосновенность проявленія ихъ свободной воли. Вотъ въ этомъ и состоятъ всѣ, такъ сказать, велѣнія, требованія абстрактнаго или формальнаго права, для котораго все равно съ добрымъ-ли или недобрымъ намѣреніемъ человѣкъ пріобрѣлъ вещь, такъ что абстрактное право въ этомъ смыслѣ безразлично для свободной воли, почему оно и называется формальнымъ правомъ. Напротивъ, моральность требуетъ, чтобы человѣкъ, пріобрѣтая въ свою собственность вещи, и распоряжался-бы ими, какъ говорятъ, добросовѣстно, т. е. согласно съ тѣмъ моральнымъ чувствомъ добра, которое присуще совѣсти человѣка. Такимъ образомъ различіе между абстрактнымъ и формальнымъ правомъ, съ одной стороны и между моралью или моральностью съ другой стороны, какъ различіе между, такъ назыв., юриди-

ческою точкою зрѣнія съ ~~другой~~ одной стороны и моральною точкою съ другой, обнаруживается въ указанномъ примѣрѣ о приобрѣтеніи и распоряженіи собственностью. Въ области абстрактнаго права или формальнаго права, говоритъ далѣе Гегель, свободная воля, какъ единичная воля, какъ воля единичнаго человѣка, даетъ себѣ бытіе (das sein), внѣшнее бытіе, существованіе непосредственно, т.е. въ частяхъ внѣшней природы, въ объективномъ мірѣ, безъ посредства всего того, что относится къ области свободной воли на слѣдующихъ затѣмъ ступеняхъ ея развитія. Напротивъ, на второй ступени, именно, въ области моральной свободы воля изъ внѣшняго бытія, существованія во внѣшнемъ мірѣ, въ природѣ, въ мірѣ вещей обращается уже внутрь себя, какъ субъективная единичная воля, противопоставляя себя всеобщей волѣ, всеобщему объективному, предметному проявленію свободной воли, сама опредѣляетъ себя тѣмъ, что сознаетъ она въ своемъ содержаніи добромъ. Такъ, въ области абстрактнаго или формальнаго права или, что все равно, съ юридической точку зрѣнія, человѣкъ можетъ сказать о себѣ „я свободенъ", а именно, свободенъ въ этой непосредственной вещи, которая есть моя вещь, свободенъ, какъ въ моей вещи. Но здѣсь въ этой области человѣкъ не можетъ сказать „я не только свободенъ въ этой непосредственной вещи какъ въ моей собственности, т.е. въ этой части объективнаго предметнаго міра; но я свободенъ также и въ себѣ самомъ, т.е. въ субъективномъ, такъ сказать, мірѣ". Послѣднее можетъ сказать человѣкъ о себѣ уже въ области моральной, а именно, съ моральной точки зрѣнія, потому что съ этой

точки зрѣнія человѣкъ является свободнымъ въ томъ смыслѣ, что его свободная воля, какъ субъективная воля, является независимою отъ чего либо другаго внѣшняго, а является самостоятельною вполнѣ, самосущею, обособляясь отъ всего другаго, погружаясь сама въ себя, въ ея субъектъ, тотъ субъектъ, который свободенъ вслѣдствіе такого обособленія отъ всего внѣшняго міра. Далѣе, въ области абстрактнаго или формальнаго права свободная воля есть единичная воля или воля единичнаго человѣка какъ лица, т. е. какъ самосознающаго самого себя существа въ томъ смыслѣ, что онъ сознаетъ себя существомъ свободнымъ, именно, какъ единичнымъ, отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ существъ, какъ такое существо, которое можетъ отвлечься отъ всего и остаться при себѣ. Въ своей единичности, однакоже, не иначе, какъ опредѣленное я, т. е. такое-то я, которое именно опредѣлено по особенному его положенію, напр. какъ я такого-то возраста, такого-то роста, вообще, какъ такого-то особеннаго качества и проч.. Слѣдоват., такое единичное, опредѣленное лицо исключаетъ само собою всѣ другія единичныя опредѣленныя лица, отвлекаясь отъ нихъ. Эта-то опредѣленная отвлеченная и въ этомъ смыслѣ абстрактная единичность и есть то, что называетъ Гегель личностью. Поэтому личность сама по себѣ никому и ничему, ни для кого и ни для чего не доступна, по своей сущности, не прикосновенна, не нарушима, свята. Лицо есть свободная воля въ области права, хотящая свободы, какъ субъективной этой свободы, объектъ которой (свободной воли) есть часть внѣшней природы, которая назыв. вещью. Въ области абстрактнаго или формальнаго права всякая

человѣкъ, но только человѣкъ, а не кто или что другое, есть лицо, несмотря на то, что въ исторіи, въ древности и теперь еще на востокѣ и человѣка часто унижаютъ на степень вещи, отказывая ему въ личности. Будучи признаваемъ лицомъ прочими людьми, также какъ лицами, человѣкъ можетъ стать субъектомъ полномочій, даваемыхъ правомъ и называемыхъ правами въ субъективномъ смыслѣ. Эта-то возможность или эта способность человѣка стать субъектомъ правъ и называется въ области абстрактнаго или формальнаго права, собственно-личностью, въ значеніи правоспособности. Слѣдоват., правоспособность есть общее всѣмъ людямъ, какъ лицамъ, качество. Отсюда слѣдуетъ такое основное велѣніе формальнаго или абстрактнаго права, какъ безусловное велѣніе, какъ категорическій императивъ, въ смыслѣ перваго основнаго юридическаго закона, а именно: будь лицомъ и уважай всѣхъ другихъ людей, какъ лицъ, т.е. обращайся съ ними, какъ съ лицами, помимо всѣхъ ихъ особенностей, всего особеннаго ихъ содержанія, опредѣляемаго ихъ особенными качествами, ихъ особенными заслугами, до которыхъ нѣтъ дѣла лицу въ области формальнаго или абстрактнаго права, ибо оно должно уважать всѣхъ людей просто какъ лицъ, или только какъ лицъ, ибо и самъ человѣкъ въ этомъ смыслѣ долженъ быть лицомъ, т.е. долженъ быть лицомъ правоспособнымъ, пользующимся свободною, разумною волею въ проявленіи ея во внѣшнемъ мірѣ, въ мірѣ вещей, какъ частей внѣшней природы. Слѣдоват., всякій человѣкъ, какъ разумно-свободное существо есть лицо и слѣдов., всякій человѣкъ есть правоспособное существо и хотя

бы онъ и не могъ осуществлять на дѣлѣ своихъ правъ, своей правоспособности, все равно онъ все таки остается лицомъ. Такъ напр. не могутъ осуществлять на дѣлѣ своихъ правъ сумасшедшіе, дѣти, находящіяся еще въ утробѣ матери и до извѣстной степени несовершеннолѣтніе; но не смотря на то, всѣ эти существа суть лица, суть правоспособныя существа, хотя они и не имѣютъ того, что въ отличіе отъ правоспособности назыв. юридическою дѣеспособностью, т.е. хотя они и не могутъ пользоваться на самомъ дѣлѣ правоспособностью. Въ такой личности, или въ правоспособности всякаго человѣка въ этомъ смыслѣ и состоитъ то, что назыв. равноправностью всѣхъ людей, ибо всѣ люди, какъ лица, правоспособны и въ этомъ смыслѣ равноправны. Въ области абстрактнаго или формальнаго права нѣтъ дѣла также и до особенной воли, т.е. до особенныхъ интересовъ, пользъ и благъ человѣка, какъ и до особенной основы его самоопредѣленія воли къ дѣятельности, къ дѣяніямъ, т.е. до намѣренія, до цѣли и т. под. До всего этого нѣтъ дѣла въ области абстрактнаго права, ибо съ этой точки зрѣнія всякій человѣкъ долженъ смотрѣть на другихъ людей съ той точки зрѣнія, что всѣ другіе люди суть также лица, суть правоспособныя существа. Поэтому-то право на этой ступени есть, какъ я сказалъ, отвлеченное абстрактное право т.е. отвлеченное отъ всего, указаннаго нами, а также оно есть нѣчто формальное, безсодержательное, или оно даетъ способность человѣку, какъ правоспособному существу, на что нибудь въ смыслѣ возможности только на что нибудь, отвлекая все то, что содержитъ въ

себѣ эта возможность, эта способность, отвлекая все, ближайшимъ образомъ опредѣляющее человѣческую дѣятельность, на что обращаютъ вниманіе мораль или моральность (цѣль, намѣреніе, умыселъ при совершеніи дѣянія и т. под.). Но возможность вообще значитъ бытіе, имѣющее значеніе, также и небытія, ибо возможность чего либо значитъ не больше, что это можетъ быть, можетъ и не быть. Потому абстрактное или формальное право, давая лицу возможность чего либо, даетъ только дозволеніе на что либо лицу, даетъ только полномочіе ему, какъ субъективныя права, именно, въ смыслѣ возможности, потому что нѣтъ необходимости, какъ я говорилъ, для лица преслѣдовать свое право, пользоваться имъ, употреблять это право, проявлять его, ибо иначе право превратилось бы въ обязанность. Вслѣдствіе также своей абстрактности необходимость права, какъ юридической обязанности, ограничивается только отрицательно, т. е. только запрещеніемъ состоящимъ вообще въ томъ, чтобы данное лицо не нарушало чужой личности, чтобы оно оставляло цѣлую личность неприкосновенною, равно какъ не нарушало и всего того, что вытекаетъ изъ чужой личности, т. е. что является послѣдствіемъ правоспособности другаго человѣка. Потому-то, говоритъ Гегель, есть только юридическое дозволеніе, юридическое запрещеніе, а вовсе нѣтъ юридическихъ повелѣній, которыми-бы предписывали положительно что либо дѣлать. Право ограничивается только тѣмъ, что или что нибудь дозволяетъ дѣлать или что нибудь запрещаетъ дѣлать; но право ничего не повелѣваетъ. Слѣдов., велѣнія права

отрицательны, а не положительны. Это видно уже изъ самого, приведеннаго нами верховнаго юридическаго закона, выраженнаго такъ: будь лицомъ и уважай другихъ, какъ лицъ, ибо, хотя-бы такое дозволение или запрещение налагаемое правомъ, выражено было словами такъ, что казалось-бы, что эти слова выражаютъ положительное повелѣние, что нибудь дѣлать, однакоже, эта положительная форма можетъ и должна быть въ области права раскрыта такъ, чтобы она выражала запрещение. — Такимъ образ. въ подобной положительной формѣ замаскировано только запрещение, такъ что положение въ формѣ повелѣния, по сущности своей, есть ничто иное, какъ запрещение. Выражение напр. „уважай другихъ людей, какъ лицъ", не значитъ того, что человѣкъ обязанъ что либо дѣлать въ пользу другихъ лицъ, а значитъ собственно, не нарушай чужой личности. Или напр. выражение: уважая чужую личность, уважай и ея собственность, хотя и выражено въ такой формѣ, что кажется приказаниемъ, но это приказание не есть нѣчто положительное, не есть повелѣвающее человѣку что-нибудь дѣлать т. е. повелѣвающее всѣмъ прочимъ людямъ, кромѣ хозяина вещи, дѣлать что нибудь въ пользу этого хозяина по отношению къ его собственности, а значитъ собственно — не нарушай права собственности лица, не захватывай его вещи, не воздѣйствуй на нее безъ его позволения, слѣдоват., относись къ нему отрицательно.

Абстрактное или формальное право, т. е. опредѣленное въ свою очередь теоретически развивается у Гегеля по слѣдующ. тремъ главнымъ ступенямъ: 1, владѣние, которое есть

собственность (такъ выражается Гегель въ томъ смыслѣ, что собственность начинается владѣніемъ, владѣніе заканчивается собственностью). Здѣсь, подъ этимъ названіемъ Гегель разсматриваетъ то, что юристы называютъ вещными правами (всѣ вещи права), т.е., всю область правъ, которая имѣетъ дѣло съ непосредственнымъ отношеніемъ лица къ вещи, безпосредство другихъ лицъ. Вторая ступень, по Гегелю, есть договоръ. Здѣсь уже лицо относится къ вещи чрезъ посредство другихъ лицъ, съ которыми оно договаривается, съ которыми оно приходитъ въ соглашеніе касательно какой нибудь вещи, такъ что, на первой ступени, когда лицо является собственникомъ, тогда оно является съ единичною своею волею, относится къ своей вещи, распоряжается ею безпосредства другихъ лицъ, между тѣмъ какъ на второй ступени, на которой право, по ученію Гегеля, является договоромъ, лицо можетъ дѣйствовать на вещь не иначе, какъ чрезъ посредство другихъ лицъ, такъ что его отношеніе къ вещи есть отношеніе посредственное. Я напр. хочу дѣйствовать на извѣстный домъ, принадлежащій другому лицу. Для того, чтобы имѣть право дѣйствовать на этотъ домъ я долженъ пріобрѣсти это право чрезъ посредство того лица, которому оно принадлежитъ, т.е. я долженъ вступить съ нимъ въ договоръ найма (наемъ квартиры) или договоръ купли и продажи, мѣны и т. под.. Здѣсь на этой ступени подъ рубрикою договора разумѣется все то, что юристы называютъ обязательнымъ правомъ (jus obligationum), т.е. системою обязательства (obligationes), которыхъ главнымъ основаніемъ является договоръ. Третья ступень есть неправо (das Unrecht) въ томъ смыслѣ, что эта сту-

пень служитъ переходомъ отъ права абстрактнаго или формальнаго къ морали, моральности или нравственности въ тѣсномъ смыслѣ. Сдѣлаемъ краткое обозрѣніе этихъ ступеней.

I. Владѣніе, которое есть собственность.

Лицо, говоритъ Гегель, не можетъ оставаться и не остается само въ себѣ какъ неопредѣленное, а должно реализировать свое понятіе, состоящее въ его правоспособности, т. е. должно дать своей волѣ, т. е. своей свободѣ, своеволію внѣшнюю сферу, внѣшнюю область, бытіе, существованіе въ вещи или лица, какъ таковое, какъ лицо не можетъ оставаться и не остается на самомъ дѣлѣ какъ непосредственный единичный субъектъ въ себѣ заключенный, сознавая что его свободная воля требуетъ для себя внѣшняго существованія, бытія. Слѣдов., лицо, по самой своей сущности, требуетъ своего проявленія. Это бытіе, существованіе, проявленіе во внѣ лица, т. е. его свободной воли, какъ осуществленіе въ дѣйствительности лицомъ своей субъективной свободы лицу выражается въ объективномъ, внѣшнемъ мірѣ, или въ природѣ посредствомъ усвоенія себѣ ея частей, назыв. вещами, или, что все равно, посредствомъ превращенія ихъ въ свою собственность, ибо вообще вещь есть нѣчто несвободное, безличное и безправное и, слѣд., не имѣющее сознанія, которое получаетъ свою цѣль, становясь средствомъ для лица. Въ этомъ смыслѣ говоритъ Гегель, что разумность собственности лежитъ не въ удовлетвореніи [illegible] потребностей своего при[illegible], а въ томъ, что

въ собственности сливается собственность субъективная, личность, т. е. свободная воля перестаетъ быть только въ себѣ самой заключающейся, субъективною, ибо въ этомъ смыслѣ свободная воля есть предметъ психологіи, а становится уже объективною, ибо здѣсь разсматривается свободная воля не въ той части философіи духа, которая называется философіею объективнаго духа и въ которой одинъ изъ отдѣловъ есть психологія, а разсматриваетъ въ той части философіи, которая есть философія объективнаго духа и у которой Гегель разсматриваетъ философію права. Въ томъ владѣніи, которое есть собственность, лицо выражаетъ свою волю непосредственно во внѣшнихъ вещахъ, какъ частяхъ объективнаго, предметнаго міра, какъ частяхъ природы, которыя будучи сами по себѣ безличными, неразумными и несвободными существами, могутъ быть только объектами, предметами правъ лица; какъ единичнаго ихъ субъекта, а вовсе не могутъ быть субъектами права, ибо вообще природа, какъ внѣшній міръ, безправна относительно духа и духъ, какъ свободное лицо, имѣетъ потому право подчинять себѣ природу, влагая въ нея свое свободное содержаніе, какъ высшее содержаніе того, какое заключаетъ въ себѣ вещь, природа, влагая, именно, въ нея свою свободную волю, эту духовную свою сущность и такимъ образомъ, соприкасаясь духомъ своимъ съ вещью. Въ такомъ соприкосновеніи лица съ вещью, какъ съ частью природы и осуществляется въ дѣйствительности абстрактное или формальное право непосредственно, безъ посредства другихъ лицъ, реализируется это абстрактное или формальное право [illegible] какъ реализирующее его свободное лицо.

его правоспособности непосредственно. Эта непосредственная реализація и есть то, что называется владѣніемъ (possessio). Во владѣніи слѣдов., соприкасаются лицо и вещь другъ съ другомъ и притомъ соприкасаются не только тѣлесно, но и духовно, т. е. лицо не только удерживаетъ вещь въ своей тѣлесной власти, что называется юристами собственно удержаніемъ (detentio), но и проникаетъ вещь своею свободною волею, влагая ее въ нее. Въ этомъ смыслѣ римскіе юристы говорятъ: adipiscimur possessionem corpore et animo, т. е. мы пріобрѣтаемъ владѣніе тѣломъ и душею, т. е. напр. какъ лицо, имѣю право влагать во всякую вещь свое право, свою свободную волю и вещь чрезъ это самое становится моею, получаетъ отъ меня цѣль, свое назначеніе, мною ей даваемое, такъ какъ вещь сама по себѣ не имѣетъ цѣли, назначенія, будучи безличною, будучи не свободною. Затѣмъ изъ такого владѣнія (possessio) развивается собственность въ собственномъ смыслѣ (dominium) а именно, лицо усвояетъ себѣ вещь, дѣлаетъ ее своею собственностью. Намѣреніе имѣть вещь своею собственною собственностью, animus sibi habendi, какъ говорятъ юристы, превращаетъ владѣніе изъ факта, какъ оно первоначально является, въ право — jus. Такимъ образомъ владѣніе и переходитъ въ собственность какъ въ право что [illegible]ируется, именно, вслѣдствіе признанія прочими лицами извѣстнаго единичнаго лица собственникомъ извѣстной вещи, т. [illegible] вслѣдствіе признанія, что, данная вещь является исключительною собственностью извѣстнаго лица, являясь для всѣхъ другихъ лицъ неприкосновенною, такъ что всякое другое лицо, которое бы захотѣло

воздѣйствовать на эти вещь безъ посредства собственника, слѣдов., не заключая съ нимъ согласія, договора явилось бы чрезъ это, нарушителемъ его личности, выраженной, проявленной въ вещи. Такимъ образомъ это само отношеніе лицъ, къ собственнику, хозяину вещи и ведетъ къ тому, что представляется у Гегеля, какъ вторая ступень развитія абстрактнаго или формальнаго права, которую онъ назыв. договоромъ.

II Договоръ.

Посредствомъ вещи лицо вступаетъ въ отношеніе къ другимъ лицамъ. Это отношеніе и назыв. договоромъ. Непосредственнымъ внѣшнимъ выраженіемъ лица въ вещи, какъ въ своей собственности, свободная воля единичнаго лица соприкасается со свободною волею уже другихъ лицъ, такъ что здѣсь являются двѣ свободныя воли двухъ лицъ, взаимно соприкасающіяся другъ съ другомъ. Эти лица соприкасаются другъ съ другомъ вслѣдствіе своего отношенія къ вещи и чрезъ посредство вещи, именно, въ томъ, что называется договоръ, а такъ какъ они суть неприкосновенныя существа какъ разумныя и свободныя существа, какъ правоспособныя существа или такъ какъ они суть лица, то границы этого выраженія ихъ свободы или границы собственности могутъ быть опредѣлены не иначе какъ общею ихъ волею, какъ ихъ взаимнымъ свободнымъ соглашеніемъ, которымъ устанавливается, именно, переходъ собственности въ извѣстныя вещи отъ одного лица къ другому. Такъ, свободно сдѣлавши вещь своею собственностію, усвоивъ ее себѣ, свободное лицо освобождаетъ ее изъ подъ власти другого лица, которому она прежде принадлежала

въ собственность. Вотъ это и совершается въ договорѣ, каковъ напр. договоръ купли-продажи. И такъ договоръ есть соглашеніе единичныхъ свободныхъ волей лицъ на что нибудь такое, предметомъ чего является вещь. Поэтому, заключеніе договора зависитъ, именно, отъ свободной воли договаривающихся лицъ, и слѣдов., въ договорѣ соглашеніе единичныхъ свободныхъ волей лицъ совершенно случайно зависитъ отъ ихъ воли: они могутъ согласиться, могутъ и не согласиться между собою, такъ что соглашеніе между единичными свободными волями въ этой области права, въ договорѣ м. быть, м. и не быть. Случайно также соглашеніе волей единичныхъ лицъ не только между собою но и со всеобщею волею, выраженною въ правѣ, т. е. оно можетъ быть, можетъ и не быть, ибо, какъ уже Шеллингъ говорилъ, право представляетъ съ характеромъ всеобщей воли, съ которою единичная воля можетъ быть согласна, можетъ быть и не согласна; слѣдов. случайно исполненіе со стороны воли права, какъ велѣнія со стороны всеобщей воли, случайно и не исполненіе или нарушеніе права. На случайность, именно, такого соглашенія единичныхъ волей между собою и со всеобщею волею, а слѣд. и на возможности несоглашенія единичныхъ волей между собою и со всеобщею волею, основывается возможность того, что назыв. неправомъ (unrecht), ибо вообще неправо есть несогласіе единичныхъ волей между собою и со всеобщею волею. Такимъ образомъ переходитъ Гегель отъ договора къ разсмотрѣнію неправа, (das unrecht), которое представляется третьею и послѣднею ступенью діалектическаго развитія абстрактнаго или формальнаго права.

такъ,

III. Неправо (das unrecht).

Главныя ступени діалектическаго развитія или главные его роды суть слѣдующіе: Во 1, das unbefangene recht, т.е. такъ сказать, невинное неправо, это есть гражданское неправо или гражданская неправда. Оно бываетъ именно тогда, когда изъ многихъ основаній права одно основаніе, вслѣдствіе безсознательнаго пониманія со стороны лица, признается за дѣйствительное право, а прочія основы признаются только призраками права, а не правомъ. Тогда возникаетъ споръ между лицами о своихъ правахъ. При этомъ спорѣ каждая изъ двухъ спорящихъ между собою сторонъ не отрицаетъ права, вообще не отрицаетъ обязанности своей подчиняться всеобщей волѣ, подчиняться праву, а напротивъ признаетъ вообще право, признаетъ его начала вѣчныя, но утверждаетъ, что это право именно на его сторонѣ, а не на сторонѣ его противника и вслѣдствіе этого самовольно подводитъ подъ начала права, подъ его [illegible] предметъ своего спора. Это неправо называется правомъ или гражданскою неправдою, потому что такой споръ есть, именно, предметъ гражданскаго правосудія, гражданскаго суда или судопроизводства; таковъ, напр., судъ между наслѣдниками о томъ, кому должно принадлежать наслѣдство, т.е. оставшееся послѣ умершаго имущество. Споръ есть послѣдствіе того, что каждая изъ спорящихъ сторонъ поступаетъ такъ, что основываетъ свое право наслѣдованія на какомъ-либо одномъ основаніи и на немъ строитъ свое притязаніе, какъ на правѣ и подводитъ такимъ образомъ подъ это основаніе своевольно свое положеніе, данное свое притязаніе на право насильственно, отрицая тѣ основанія, которыя приводитъ противникъ, какъ неправомѣрныя. Слѣдов.

спорящія стороны признають право, признають всеобщую волю, основывая свои притязанія на велѣніяхъ всеобщей воли, на правѣ. Но такое подтвержденіе своихъ требованій подводитъ требованіе всеобщей воли самовольно, односторонне. Потому-то и является споръ, который разрѣшается гражданскимъ судомъ, тѣмъ, что онъ присуждаетъ - кому изъ спорящихъ сторонъ принадлежитъ наслѣдство на основаніи права, взятаго во всѣхъ его основаніяхъ, со всѣхъ его сторонъ, а не на основаніи одной какой нибудь его стороны. Вотъ въ чемъ заключается сущность гражданскаго неправа; она назыв. невиннымъ неправомъ, потому что въ этомъ случаѣ спорящія стороны дѣйствительно думаютъ, что на ихъ сторонѣ право, а не на сторонѣ ихъ противниковъ, и если они спорятъ, то они вовлекаются въ этотъ споръ безъ сознанія своей неправости. Если-бы они сознали свою неправость, то въ такомъ случаѣ они не спорили между собою. Если-же они сознаютъ свою неправость и доводятъ дѣло до процесса, то въ такомъ случаѣ они выступаютъ уже изъ этой области невиннаго права, тогда они являются уже виновными въ нарушеніи права; но эта виновность не есть юрид. виновность, т.е. лица въ этомъ случаѣ не совершаютъ правонарушенія и признаютъ право дѣйствующимъ на самомъ дѣлѣ, доказательствомъ чего служитъ то, что они обращаются къ суду съ тѣмъ, чтобы онъ рѣшилъ, кому въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ право. Слѣдоват., во всякомъ случаѣ это гражданское неправо есть въ этомъ смыслѣ невинное неправо, т.е., не преступное съ юридической точки зрѣнія неправо.

Вторая ступень неправа или второй видъ его, какъ дальнѣйшее его разви-

ніе, есть обманъ - fraus, иногда называется также dolus, хотя dolus имѣетъ значеніе и злаго умысла. Этого рода неправо бываетъ тогда, когда единичная воля, воля единичнаго лица признаетъ вообще право, т. е. признаетъ всеобщую волю, которой выраженіе и есть право, что оно должно дѣйствовать, но за таковое право выдаетъ уже сознательно свое неправо, такъ что неправо здѣсь маскируется, такъ сказать, правомъ, сохраняетъ наружный видъ права, хотя въ сущности оно и есть неправо и есть нарушеніе права. Его можно назвать и назыв. полицейскимъ неправомъ, полицейск. неправдою въ томъ смыслѣ, что оно преслѣдуется обыкновенно полиціею и какъ обманъ подлежитъ уголовному правосудію. Я наприм. предъявляю ко взысканію съ кого либо фальшивый вексель, какъ-бы данный этимъ именно лицомъ. Я, положительно знаю, что это фальшивый вексель, но выдаю его за настоящій и слѣд. подъ видомъ настоящаго векселя я взываю къ праву. Я признаю, слѣд., дѣйствіе права, какъ дѣйствіе всеобщей воли и требую, чтобы право дало мнѣ полномочіе на то, чтобы взыскать съ извѣстнаго лица извѣстную сумму денегъ по векселю. Слѣдов., здѣсь лицо, нарушающее право, хотя и невинно, но въ первомъ случаѣ, дѣйствуетъ, однако, вполнѣ сознательно, вполнѣ сознательно нарушаетъ право, но по крайней мѣрѣ старается удержать наружный видъ права. Въ этомъ и состоитъ обманъ.
Наконецъ, третья ступень неправа есть, по выраженію Гегеля,

насиліе или преступленіе.

Это уголовное неправо или уголовная

неправда, т.е. то неправо, которое есть предметъ уголовнаго правосудія, уголовнаго разбирательства суда. Оно бываетъ уже тогда, когда единичная воля дѣйствуетъ насильственно, нарушая право не только вовсе не признавая его, не только отрицая его само въ себѣ, но даже не стараясь придать ему по крайней мѣрѣ наружный видъ права, какъ въ обманѣ. Когда напр., кто нибудь крадетъ, воруетъ вещь, то въ такомъ случаѣ онъ прямо нарушаетъ чужое право, на чужую собственность и слѣд. не признаетъ право собственности, отрицаетъ его, ибо, если-бы онъ не отрицалъ это право собственности, то въ такомъ случаѣ онъ не посягалъ-бы на чужую собственность, не нарушалъ-бы ее. Но такъ какъ право не можетъ быть отрицаемо, такъ какъ право неприкосновенно ибо оно есть осуществленіе дѣйствительности, разумной свободы, то необходимо слѣдуетъ за такимъ отрицаніемъ права отрицаніе неправа, т.е. отрицаніе отрицанія, или за такимъ насильственнымъ нарушеніемъ права со стороны нарушителя слѣдуетъ другое насиліе противъ самого нарушителя, насиліе со стороны права, со стороны всеобщей воли, которая приводитъ къ подчиненію себѣ противящуюся ей единичную волю, такъ что первое насиліе уничтожается этимъ вторымъ насиліемъ, принужденіемъ, неправо уничтожается правомъ и въ этомъ смыслѣ возстановляется право, т.е. въ этомъ смыслѣ [illegible]

силіе неправа, преступленіе, ничтожность его въ самомъ себѣ. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что неправо не имѣетъ истиннаго дѣйствительнаго бытія, существованія, а имѣетъ только мнимое, призрачное бытіе, существованіе, что и доказывается тѣмъ, что это призрачное существованіе снимается, уничтожается, какъ признакъ, именно, правомъ, какъ имѣющимъ дѣйствительное существованіе, ибо право есть реализація свободной воли, свободы, которое существенно лицу, которое является неприкосновеннымъ, такъ какъ дѣйствительно абстрактное или формальное право соединяется съ властью на принужденіе, какъ принудительное право.

Отъ права въ этой послѣдней ступени его развитія Гегель переходитъ къ моральности такимъ образомъ. Въ неправѣ вообще единичная воля обособляется отъ всеобщей воли. Въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ видахъ неправа, даже въ такъ назыв. невинномъ неправѣ, въ гражданскомъ ~~не~~ неправѣ единичная воля самовольно подводитъ избранную его какую нибудь основу права подъ право, какъ подъ всеобщую волю и изъ этого подведенія выводитъ правомѣрность своего притязанія, не говоря уже о второй ступени неправа, гдѣ уже явно обособленіе отъ всеобщей воли единичной воли, выражаемое тѣмъ, что единичная воля не подчиняется, вовсе всеобщей волѣ, хотя и признаетъ обязательность такого подчиненія и вслѣдствіе такого признанія, хотя и выдаетъ свое неправо за

право, хотя и старается удержать по крайней мѣрѣ наружный видъ не права за своимъ неправомъ и, не говоря, наконецъ, о явномъ обособленіи единичной воли, отъ всеобщей воли на третьей ступени, а именно въ преступленіи, которое уничтожается принужденіемъ, выражаемымъ преимущественно наказаніемъ. Вслѣдствіе такого обособленія единичной воли отъ всеобщей воли, единичная воля перестаетъ уже существовать во внѣ, въ объективномъ предметномъ мірѣ, ибо она становится особенною, сущею самою по себѣ, слѣдовательно, становится уже существующею внутри самого субъекта, ибо въ неправѣ она хочетъ опредѣлить себя къ дѣятельности совершенно свободно, т. е. чисто изъ самой себя, будучи сама погружена въ саму себя, а не хочетъ опредѣлять себя всеобщею волею, правомъ, и слѣдов. обособляетъ себя отъ права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обособляетъ себя и отъ всего внѣшняго. Такое обособленіе единичной воли такимъ образомъ вводитъ ее въ область абстрактнаго или формальнаго права, какъ во внѣшнее существованіе ея свободы во внѣшнемъ субъективномъ мірѣ и вводитъ ее уже въ область морали или моральности, какъ внутреннее существованіе свободы во внутреннемъ мірѣ, въ мірѣ субъективномъ. Это и есть сущность морали или моральности. И такъ,

Отдѣлъ II.

Мораль или моральность.

Единичная воля, которая достигла въ правѣ до сознанія своей силы опредѣляетъ себя чисто изъ себя самой, какъ субъекта, есть субъектъ въ этомъ смыслѣ слова, а не есть уже лицо, какимъ была единичная воля въ области абстрактнаго или формальнаго права, гдѣ единичная свободная воля, какъ правоспособное существо, опредѣлялась всеобщею волею и осуществлялась во внѣшнемъ объективномъ мірѣ, въ мірѣ вещей. Напротивъ въ области морали единичная свободная воля знаетъ себя, свою свободу и хочетъ только себя самого, обособляясь отъ всего внѣшняго ей, т. е. и отъ всеобщей воли и отъ внѣшняго міра вещей. Другими словами: до этихъ поръ, т. е. въ области абстрактнаго или формальнаго права человѣкъ дѣйствовалъ, какъ лицо, съ правами на вещь, т. е. съ правомъ на соединеніе съ собою вещи, какъ части внѣшняго міра, а здѣсь въ области морали человѣкъ начинаетъ дѣйствовать уже, какъ субъектъ, т. е. независимо ——— отъ всего субъективнаго внѣшняго сознавая уже различіе между своимъ внутреннимъ я, изъ него самого исходящимъ самоопредѣленіемъ къ дѣйствительности съ одной стороны и между осуществленіемъ своей свободы внѣ себя, во внѣшности въ мірѣ вещей, въ природѣ. Въ этой области морали, на которую восходитъ въ своемъ діалектическомъ процессѣ духъ объективный или практическій, необходимо представляютъ слѣдующія понятія, какъ ступени діалектическаго развитія [illegible] въ этой, [illegible]

или моральности, а именно во 1, умыселъ (der Vorsatz) и вина (die Schuld); во 2, намѣреніе или благо, (которое должно отличать по Гегелю, какъ и вообще отъ того, что называется благомъ, между тѣмъ какъ обычно смѣшиваютъ эти понятія, добро и благо, въ особенности французскіе мыслители, напр. Аренсъ, говоритъ чего происходитъ въ ихъ философіи большая запутанность. Иногда и русскіе мыслители смѣшиваютъ эти понятія и для нихъ уже нѣтъ того извиненія, какъ для французскихъ мыслителей, ибо на французскомъ языкѣ имѣется одно только слово для выраженія блага и добра — le bien, между тѣмъ какъ на русскомъ языкѣ имѣется для этого два слова (также какъ и на нѣмецкомъ, по которому благо выражается словомъ das Wohl, а добро — das Gute); въ 3, добро (das Gute) и совѣсть. Итакъ,

I. Умыселъ и вина.

Внѣшніе объекты, предметы существуютъ, конечно, независимо отъ человѣка, какъ дѣйствующаго субъекта, независимо отъ его свободной воли, хотя всякое дѣяніе человѣка, субъекта есть совокупность чувствуемыхъ измѣненій или перемѣнъ, произведенныхъ человѣкомъ субъектомъ, его волею во внѣшнемъ объективномъ мірѣ. Слѣдовательно, хотя всякое дѣяніе человѣка какъ субъекта, есть его собственное дѣло, а не дѣло чего либо или кого либо другого, однакоже, вслѣдствіе своей независимости, своей внѣшности, въ отличіе отъ субъекта, отъ человѣка, своей объективности, міра объективнаго, [illegible] можетъ имѣть, дѣя-

~~[illegible]~~ совершенно извращенъ то, что первоначально, непосредственно, прямо заключалось въ доктринѣ свободной воли дѣйствій субъекта, или, что все равно, что человѣкъ замышлялъ, умышлялъ, что было его умысломъ, такъ, что отъ его дѣянія можетъ произойти, и въ самомъ дѣлѣ нерѣдко происходитъ и не именно перемѣна во внѣшности, какую онъ хотѣлъ своимъ дѣяніемъ, а какая нибудь другая, болѣе или менѣе отличная отъ умышленной или перемѣны, или же перемѣна, произведенная въ объективномъ мірѣ не бываетъ вполнѣ тою перемѣною, которую замышлялъ субъектъ, человѣкъ при самоопредѣленіи своемъ къ извѣстной дѣятельности и къ извѣстнымъ дѣяніямъ. А напримѣръ хотѣлъ, умышлялъ, замышлялъ не болѣе какъ побить В., а вышло, что онъ убилъ его; онъ хотѣлъ произвести первую перемѣну, а объективный міръ извратилъ, измѣнилъ эту перемѣну такъ, что изъ простыхъ побоевъ вышло убійство. Поэтому-то субъектъ, человѣкъ и не признаетъ всѣ вообще перемѣны, совершающіяся въ объективномъ мірѣ по поводу его собственнаго дѣянія, своимъ собственнымъ дѣломъ, а признаетъ своимъ собственнымъ дѣломъ только то изъ данной перемѣны во внѣшности, въ объективномъ мірѣ, о чемъ онъ напередъ зналъ и чего онъ напередъ хотѣлъ или, что все равно, что онъ замышлялъ, что было въ его умыслѣ, о чемъ онъ думалъ напередъ. Такимъ-то образомъ и возникаетъ то понятіе, которое называется умысломъ. Но въ это-то только умышленное человѣкомъ, замышленное имъ напередъ [illegible]

себѣ въ вину, въ этомъ только и считаетъ себя виновнымъ, за это только считаетъ себя отвѣтственнымъ; все же прочее онъ признаетъ происшедшимъ независимо отъ его воли, а именно, отъ того, что онъ называетъ случайностью или случаемъ (casus) и слѣдовательно невольнымъ своимъ дѣяніемъ, а несвоимъ собственнымъ дѣломъ и при томъ не признаетъ онъ себя въ этомъ виновнымъ, за это отвѣтственнымъ. Если напр. А хотѣлъ только побить В, но на самомъ дѣлѣ убилъ его, то А признаетъ себя виновнымъ только въ побояхъ, а не въ убійствѣ, не вмѣняя себѣ въ вину убійство, а вмѣняя себѣ въ вину только побои и слѣдовательно, признавая себя только отвѣтственнымъ напр. предъ закономъ только за побои, какъ за преступленіе. Такой примѣръ приводитъ между прочимъ и Гегель изъ исторіи, сопровождая его важнымъ замѣчаніемъ. Одинъ, убившій своего отца, незнавшій, что это его отецъ, не можетъ быть, конечно, обвиненъ въ отцеубійствѣ. Однакожъ въ древнихъ законодательствахъ не придавали такой цѣны какъ теперь субъективн. вмѣненію, т.е. въ древности обыкновенно судили собственно самое дѣяніе, какъ оно выражалось объективно, помимо субъективнаго умышленія, не восходя, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ къ субъекту, какъ субъективному. Слѣдовательно, сужденіе о вмѣненіи въ вину субъекту его дѣятельности или же напротивъ сужденіе о невмѣненіи ему и слѣдовательно объ отвѣтственности и неотвѣтственности субъекта, человѣка, не имѣли въ древности такой высокой [illegible], какую оно имѣетъ въ новѣйшее

время. Замѣтимъ, что Аристотель былъ первый мыслитель, обратившiй вниманiе на важное не только въ области морали, но и въ области права, ученiе о вмѣненiи, а именно, въ своемъ сочин. „Этика".

Вторая ступень:

II Намѣренiе и благо.

Совершая дѣянiе, обнаруживая въ нихъ свою волю, человѣкъ, какъ разумный и свободный субъектъ имѣетъ въ виду, замышляетъ, умышляетъ не только произвести во внѣ, во внѣшности, объективности тѣ или другiе единичные чувственные перемѣны, но имѣетъ въ виду, замышляетъ, умышляетъ еще и то, что есть общаго всѣмъ этимъ перемѣнамъ для человѣка. Какъ такое единое цѣлое, которое предаетъ всему дѣянiю именно, отличное особенное качество въ отличiе отъ прочихъ дѣянiй, особенный характеръ, особенное значенiе, что и выражается обыкновенно особенными названiями. Напр. мы говоримъ, что человѣкъ хочетъ, замышляетъ, умышляетъ совершить кражу, грабежъ или мошенничество. Каждое изъ этихъ дѣянiй (кража, грабежъ или мошенничество) есть дѣянiе отличное, имѣющее особенный характеръ, особенное качество, которымъ, они взаимно другъ отъ друга отличаются, хотя эти три преступленiя и подводились у насъ прежде подъ одинъ и тотъ-же родъ преступленiя, и именно подъ кражу, такъ что прежде по нашему законодательству существовали: воровство-кража, воровство грабежъ, воровство-мошенничество. Каждое изъ этихъ преступленiй,

являясь такимъ образомъ съ особеннымъ качествомъ выражаетъ собою цѣлую совокупность, какъ соединеніе въ одно цѣлое, перемѣнъ, совершаемыхъ виновными во внѣшности, въ объективномъ мірѣ, почему каждое изъ этихъ преступленій обозначается разными названіями, а именно такими, которыя обозначаютъ особенный характеръ, особенное качество этихъ преступленій. Такъ говоримъ напр. объ убійствѣ, какъ совокупности такихъ перемѣнъ, которыя вызвали смерть человѣка, о зажигательствѣ и т. п. Человѣку какъ разумному и свободному субъекту, свободно и возможно знать это общее многимъ единич. чувств. перемѣнамъ, соединенное въ одно цѣлое качество и совершить дѣянія именно съ такимъ то опредѣленнымъ качествомъ, характеромъ. Вотъ это и значитъ имѣть намѣреніе или дѣйствовать съ намѣреніемъ или преднамѣренно, напр. красть или совершать грабежъ, мошенничество, убійство и т. под.. Равнымъ образомъ человѣку свойственно также и относить такое преднамѣренное и слѣд. свое собственное дѣяніе къ самому себѣ, т. е. человѣкъ имѣетъ право на то, чтобы особенное содержаніе его дѣянія, въ чемъ именно оно состоитъ, изъ чего оно слагается, не было ему постороннимъ, чуждымъ по своимъ послѣдствіямъ, нисколько не касалось бы его самого, его личности; напротивъ онъ имѣетъ право на то, чтобы его дѣяніе состояло въ тѣснѣйшей связи съ его собственными личными потребностями, интересами, цѣлями, такъ, чтобы оно доставляло ему удовлетвореніе въ видѣ пользы или удовольствія,

словомъ, чтобы оно соотвѣтствовало тому, что назыв. его благомъ (das Wohl) и вообще его счастью въ смыслѣ совокупности благъ, имѣющихъ извѣстное постоянство, продолжительность и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяющихъ въ себѣ всѣ блага, такъ что они представляются другъ другу обусловливающимъ, другъ отъ друга зависимымъ, находящ. между собою въ тѣснѣйшей связи. Это-то благо, это счастье и имѣетъ окончательно въ виду, какъ послѣднюю цѣль совершение своихъ дѣяній. Такъ напр. человѣкъ убиваетъ кого нибудь съ тѣмъ, чтобы ограбить его и чрезъ это получить пользу, напр. разбогатѣть, приобрѣсти богатство, въ чемъ онъ и поставляетъ свое благо, вообще свое счастие, или же онъ убиваетъ, но съ тѣмъ, чтобы отмстить другому человѣку, что также доставляетъ ему удовольствие, въ чемъ слѣдоват. онъ видитъ свое благо, слѣд. особенное благо, опредѣляемое самымъ человѣкомъ въ смыслѣ пользы, въ смыслѣ удовольствія, но во всякомъ случаѣ въ смыслѣ самоудовлетворенія, что человѣкъ имѣетъ въ виду при совершении всякаго своего дѣянія, если это дѣяние есть умышленное, или предначмѣренное. Побудительная-же причина, побужденіе или мотивъ совершаемаго человѣкомъ, дѣйствія есть потому съ одной стороны то, что онъ замышляетъ, какъ дѣяние съ особеннымъ его качествомъ, съ особеннымъ характеромъ; или что лежитъ въ его умыслѣ, какъ побужденіе, напр. кража, напр. грабежъ, напр. убійство, а съ другой стороны то, чего онъ намѣревается окончательно достигнуть посредствомъ своего дѣяния, какъ добра, пользы или удовольствія,

счастья, напр. посредствомъ убійства, грабежа и т. под. желая разбогатить, или отмстить другому лицу, такъ что благо есть конечная цѣль всякаго человѣческаго дѣянія, а самое дѣяніе есть только средство для достиженія такой цѣли. Наконецъ,

Третья ступень.

III Добро и совѣсть.

Между самымъ дѣяніемъ, которое совершаетъ человѣкъ съ особеннымъ умышленіемъ или намѣреніемъ, съ желаніемъ достигнуть особеннаго блага съ одной стороны и между всеобщею волею, выражающеюся въ правѣ въ собственномъ смыслѣ съ другой стороны легко можетъ явиться противорѣчіе, противоположность, а именно, когда благо, осуществляемое, имѣемое въ виду человѣкомъ, какъ конечная цѣль его дѣятельности, не имѣетъ общаго нравственнаго характера, который свойственъ праву, какъ выраженію всеобщей воли, ибо только то особенное благо можетъ получить общее нравственное достоинство, которое согласно со всеобщею волею, съ правомъ въ этомъ смыслѣ. Такъ напр. богатство, какъ благо, пріобрѣтено посредствомъ преступленія напр. кражи, грабежа, мошенничества и т. под., есть такое благо, которое не имѣетъ общаго нравственнаго достоинства, будучи противоположно всеобщему благу, ибо истинное благо для человѣка, какъ субъекта съ его особенною волею, есть, именно то, въ которомъ согласуется, соединяется, гармонируется особенная воля со всеобщею волею. Такое только добро есть добро, какъ всеобщее добро и какъ абсолютное добро, т. е. безусловное,

Корр. [illegible]

а между тѣмъ бываетъ такъ, что добро противорѣчитъ всеобщей волѣ, выражающейся въ правѣ, потому что всеобщая воля или право можетъ не имѣть въ виду пріятной для субъекта цѣли, которая состоитъ въ его собственномъ добрѣ. Такъ напр. всеобщая воля, право, требуетъ непремѣнно исполненія всякаго, законнымъ образомъ заключеннаго договора, между тѣмъ какъ это исполненіе можетъ быть и непріятно и не выгодно для одной изъ договаривающихся сторонъ, такъ что это не есть ея особенное благо. Однакоже оба эти понятія, т. е. благо или особенная воля субъекта и право или всеобщая воля, въ немъ выражающаяся, состоящая сказаннымъ образомъ въ абсолютной между собою противоположности, примиряютъ или доходятъ къ единству, согласно свойству діалектическаго процесса Гегелевской философіи, по которой двѣ первыя ступени являются между собою противорѣчащими, между тѣмъ, какъ послѣдняя ступень выражаетъ собою единство этихъ абсолютныхъ противоположностей, которыми примиряются или приходятъ необходимо къ единству, соединяясь въ высшемъ понятіи. Какое-же это высшее понятіе, въ которомъ соединяется особенная воля, особенное благо и право? Это есть идея добра, т. е. добра, какъ идея, слѣд., реализированное понятіе добра, какъ реализированная сущность добра, а это бываетъ тогда, когда особенная воля субъекта хочетъ именно этого добра, которое есть всеобщее благо, какъ своего особеннаго блага, какъ своего особеннаго счастья и, когда въ виду его, этого блага, какъ въ виду конечной цѣли своей дѣятельности, субъектъ совершаетъ дѣяніе, ибо тогда-то его дѣяніе имѣетъ уже общее нравственное достоинство, свойственное праву, какъ выраженію всеобщей воли. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ Гегель, добро есть идея.

какъ единичное понятіе, т.е. въ значеніи Гегеле-
вой сущности разумной воли, именно всеобщей
воли и особенной воли и есть реализированная
свобода, какъ абсолютная т.е. безусловная и бе-
зотносительная, конечная, т.е. послѣдняя цѣль
міра, ибо свобода есть сущность этого добра,
есть понятіе добра, слѣдоват. реализированная
свобода есть идея добра, какъ всеобщая конечная
цѣль всего міра въ его цѣлости; т.е. и при-
родная, и духовная и нравственная.

Первая ступень діалектическаго развитія
такого примиренія, единенія всеобщей и осо-
бенной воли, особеннаго добра и права, какъ
выраженія всеобщей воли, есть добродѣтель,
въ смыслѣ непосредственной гармоніи побу-
дительной причины дѣяній субъекта, т.е.,
умысла и желанія субъекта, т.е. намѣренія,
съ разумомъ, съ разумніемъ, съ особенностью
понятія добра, слѣдов., съ идеею добра, ибо до-
бро, какъ идея и есть нѣчто разумное.
Это потому, что, въ самомъ дѣлѣ, то
добродѣтельно, что имѣетъ уже этотъ
навыкъ къ добродѣтели, какъ навыкъ уже
прямо непосредственно дѣлать то, въ чемъ
особенная воля гармонируетъ со всеобщею во-
лею непосредственно, прямо, т.е., такъ ска-
зать, безсознательно и невольно вслѣдствіе
того, что человѣкъ сознательно и волею сво-
ею положилъ навыкъ дѣйствовать такъ
именно, а не иначе. Въ этомъ смыслѣ до-
бродѣтель и назыв. Гегель непосредственною
гармоніею между особенною волею съ ея по-
бужденіемъ или умысломъ или желаніемъ
или намѣреніемъ, съ его особеннымъ добромъ
съ одной стороны и всеобщею волею съ другой
стороны - слѣд. какъ идею добра.

Первая ступень есть добродѣтель въ
томъ смыслѣ, что здѣсь въ самомъ дѣлѣ та-
кая непосредственная гармонія, такое непосред-
ственное примиреніе, которое совершается

непосредственно, прямо, ибо добродѣтель есть извѣстнаго рода навыкъ, т.е. навыкъ дѣлать добро, такъ что кто привыкъ дѣлать добро, тотъ дѣлаетъ его инстинктивно, какъ-бы безсознательно, хотя этому навыку должна предшествовать свободная добрая дѣятельность. Но затѣмъ дѣло примиренія не можетъ совершиться только посредствомъ такого непосредственнаго соединенія особенной воли со всеобщею волею, какъ оно проявляется въ добродѣтели, ибо въ добродѣтели отсутствуетъ еще то, что необходимо для дѣятельности какъ дѣятельности свободнаго и разумнаго субъекта, а именно, отсутствуетъ еще въ объясненномъ нами смыслѣ или по указаннымъ причинамъ и сознаніе (это разумное) и свобода (это вольное), а потому примиреніе между особенною и всеобщею волею должно взойти отъ добродѣтели къ высшей ступени, т.е. необходимо, чтобы субъектъ сознательно и свободно дѣйствовалъ на самомъ дѣлѣ согласно со всеобщею волею, вслѣдствіе того что онъ сознаетъ, что это согласіе его особенной воли со всеобщею волею есть для него нѣчто должное, есть для него долгъ, такъ что онъ дѣйствуетъ по долгу, согласуя свою особенную волю со всеобщею волею. Собственно въ этомъ смыслѣ долгъ есть уже вторая ступень діалектическаго развитія примиренія, согласія, единства, гармоніи единичной воли со всеобщею волею. Но долгъ есть для субъекта нѣчто абстрактное, отвлеченное [illegible] неопредѣленное требованіе отъ его дѣятельности, какъ неопредѣленное велѣніе для его дѣятельности, которое можетъ быть выражено только въ самой всеобщей формѣ, а именно въ такой: поступай или дѣйствуй согласно со всеобщею волею, а именно, согласуя съ нею свою особенную волю, а потому имѣй попеченіе не только о своемъ благѣ, какъ благѣ особенномъ

которое есть цѣль твоей особенной воли, но имѣй попеченіе и о всѣхъ другихъ людяхъ, объ общемъ благѣ, какъ о благѣ, имѣющемся въ виду всеобщею волею. Такая всеобщность этого требованія или велѣнія долга, какъ бы приписываемаго всеобщею волею, такая всеобщность неопредѣленна въ томъ смыслѣ, что, оставаясь при одномъ такомъ требованіи, человѣкъ не знаетъ какъ именно ему поступать въ единичныхъ, отдѣльныхъ случаяхъ и слѣдов., для его конкретной дѣятельности, для его единичныхъ конкретныхъ дѣяній такое требованіе остается совершенно невыполнимымъ, вслѣдствіе именно такой отдѣльности, отвлеченности этого требованія, этого велѣнія для его дѣятельности какъ для единичныхъ дѣяній, ибо дѣятельность человѣческая и есть совокупность единичныхъ дѣяній, слагается изъ нихъ. Слѣдов., должны быть поставляемы такія требованія для его особенной воли, которыя, именно, вмѣняли-бы ему исполненіе тѣхъ или другихъ единичныхъ дѣяній, какъ исполненіе его долга которыя были-бы, слѣдоват., вообще опредѣленными. Притомъ, если субъектъ будетъ дѣйствовать по долгу и только по долгу, т. е. не будетъ живой истинной связи между имъ самимъ, какъ его особенною волею съ одной стороны и между тѣмъ, что велитъ долгъ, съ другой, представляя это велѣніе содержащимъ въ себѣ добро; словомъ сказать, доброе содержимое въ такомъ велѣніи долга, будетъ также абстрактно, отвлеченно отъ самого субъекта, не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его особеннымъ добромъ, ибо должное есть по самой своей сущности нѣчто внѣшнее для субъекта, а не исходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самого субъекта изъ его воли, не согласуется съ этою волею такъ, чтобы оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и его особен-

ного волею, а не только велѣніемъ, внѣшнимъ для его воли такъ что въ этомъ случаѣ особенное благо не есть нѣчто согласное со всеобщимъ благомъ; со всеобщими велѣніями всеобщей воли. Между тѣмъ субъектъ, какъ я сказалъ, имѣетъ окончательно въ виду, при совершеніи своихъ дѣйствій, благо какъ нѣчто такое, что есть его благо, которое не только должно быть примирено со всеобщимъ благомъ, но которое не уничтожается этимъ всеобщимъ благомъ. Итакъ, дабы особенное благо субъекта было возможно въ самомъ дѣлѣ, дабы вмѣстѣ съ тѣмъ долгъ, который онъ исполняетъ или обязанъ исполнять, пересталъ бы для субъекта абстрактнымъ требованіемъ, абстрактною, отвлеченною, безсодержательною, мертвою формою, абстрактнымъ добромъ и чѣмъ-то внѣшнимъ, чуждымъ для него, безъ всякой живой связи съ нимъ, дабы оно было живо, конкретно, опредѣленно, т.е. дабы было конкретное опредѣленное въ немъ содержаніе, дабы добро изъ абстрактнаго добра стало бы добромъ конкретнымъ, содержащимъ въ себѣ то, что не есть только внѣшнее для человѣка, субъекта, а есть и его внутреннее добро, нужно субъекту возвратиться къ побужденію, къ мотиву или умыслу, желанію или намѣренію и на нихъ останавливаться при совершеніи всякаго своего дѣянія, т.е. нужно субъекту сдѣлать добро предметомъ своего желанія или умысла и побужденіемъ, мотивомъ или намѣреніемъ своей особенной воли при совершеніи своихъ дѣяній. Вотъ это есть уже третья и послѣдняя ступень діалектическаго развитія примиренія соеди-ненія, гармоніи особенной и всеобщей воли. Но въ противоположность абстрактному добру и абстрактному внѣшнему долгу

[на]ружному, какъ внѣшняя для субъекта воля субъекта, его особенная воля въ области морали должна опредѣляться сама изъ себя, а не изъ чего нибудь внѣшняго, отъ него независимаго, а потому, въ противоположность абстрактному добру или абстрактному внѣшнему долгу, воля субъекта, его особенная воля въ области морали сама должна опредѣлить совершенно свободно и сознательно, что слѣдуетъ именно признать добромъ и что зломъ. Итакъ, прямое рѣшеніе не абстрактное, всеобщее, а конкретное, т. е. во всѣхъ особенныхъ случаяхъ, во всѣхъ особенныхъ дѣяніяхъ, слѣдовательно, съ большею опредѣленностью, что есть доброе и какой умыселъ и какое побужденіе, намѣреніе суть добрыя и что есть злое или какой умыселъ, какія побужденія суть злыя, зависитъ въ этой области морали отъ самаго субъекта, т. е. отъ того, что называется совѣстью въ смыслѣ субъективнаго моральнаго чувства или моральнаго сознанія, убѣжденія самаго субъекта. Совѣсть есть вмѣстѣ съ тѣмъ и хотѣніе субъекта, именно есть воля, хотящая добра, но хотящая вообще такого добра, которое признается таковымъ, т. е. добромъ даннымъ субъектомъ, слѣдовательно, въ этомъ смыслѣ хотящая только субъективнаго добра, а не добра самаго по себѣ, независимо отъ него существующаго, сущаго абсолютно, объективно, а слѣдовательно, хотящая добра только особеннаго, а не всеобщаго. Понятно, добро въ области морали, какъ зависящее только отъ совѣсти субъекта, [illegible] перемѣнно и переходитъ даже [illegible] само въ противоположное, въ злое. [illegible] несправедливо, говоритъ Гегель, [illegible] въ правѣ субъективности, т. е. [illegible]

навать его дѣломъ сознанія и хотѣнія субъекта, его совѣсти, а не чѣмъ то внѣшнимъ для него, чуждымъ, что съ другой стороны несправедливо, или эта абстрактная отвлеченная отъ среды дѣятельность человѣческая, основанная на совѣсти, отвлеченная отъ всеобщаго объективнаго добра, не разовьется въ свою очередь дальше, т.е. если человѣкъ останется только при своей совѣсти, будетъ руководствоваться ея указаніями и станетъ думать, что то, на что его совѣсть указываетъ, какъ на доброе и есть дѣйствительно всеобщее абсолютное доброе, а то, на что она указываетъ - какъ на противоположное и есть, въ самомъ дѣлѣ, всеобщее абсолютное злое. - Только въ тѣ времена, прибавляетъ Гегель, когда дѣйствительность, т.е. среда, въ которой живетъ человѣкъ, сама по себѣ пуста, безсодержательна, бездушна, безъ всякой твердой опоры, только въ тѣ времена дозволяется индивиду, человѣку бѣжать изъ объективности, т.е. изъ такой дѣйствительности, погружаясь внутрь самого себя и слѣдовательно, руководясь указаніями своей собственной совѣсти на то, что есть доброе и что есть злое. Въ такое время жилъ напримѣръ Сократъ, который имѣлъ потому полное право руководствоваться своей совѣстью, а не чѣмъ нибудь другимъ, потому что среда, въ которой онъ жилъ, была пуста, безъ всякаго опредѣленнаго нравственнаго содержанія, не представляла ничего духовнаго, - была бездушна. Но и въ этомъ случаѣ явилось то столкновеніе, которое имѣетъ характеръ трагедіи въ исторіи человѣчества, а именно, столкновеніе Сократа съ объективностью совѣсти Сократа со средою его окружающею, причемъ эта борьба окончилась видимо, временно, какъ

уничтожителемъ вмѣстѣ съ жизнью Сократа всего того, что онъ проповѣдывалъ словами и своею собственною дѣятельностью, но что, будучи запечатлѣно этою правовою насильственною смертью, и принесло свои плоды, развившись, именно, въ философіи его учениковъ и послѣдователей ближайшихъ и отдаленнѣйшихъ, такъ что онъ и былъ первымъ основателемъ того философскаго ученія, которое до него собственно не существовало въ смыслѣ системы, а развѣ только въ смыслѣ отдѣльныхъ изрѣченій разныхъ греческихъ мудрецовъ, а именно ученія о нравственности или Этикѣ. Дальше дабы добро имѣло напротивъ твердую, прочную, всеобщую объективную для себя опору, оно должно утвердиться въ законномъ нравственномъ сознаніи, убѣжденіи, которое было бы общимъ для всѣхъ людей, живущихъ въ извѣстномъ обществѣ, въ извѣстномъ постоянномъ и самоцѣльномъ людскомъ общественномъ союзѣ. Но на такую ступень своего діалектическаго развитія возвышается объективный практическій духъ уже на высшей сравнительно съ обѣими предшествующими ступенями, области, т.е. сравнительно съ областью абстрактнаго или формальнаго права и въ области морали, а именно духъ возвышается уже въ этомъ случаѣ въ область, такъ называемой Гегелемъ, нравственности, какъ отличной и отъ права и отъ морали, той нравственности, которая объективируется въ людской общественной жизни, именно, въ людскихъ постоянныхъ и самоцѣльныхъ общественныхъ союзахъ, гдѣ нравственность является какъ естественно то, къ чему стремилась мораль или моральность, но чего она вполнѣ недостигла, а именно какъ единство

особенной воли со всеобщею волею и какъ единство того, въ чемъ проявляется та или другая воля, какъ единство абстрактнаго или формальнаго права и морали или моральности, въ которой развивается особенная воля. Такъ переходитъ Гегель отъ морали или моральности, какъ втораго отдѣла объективнаго духа или философіи права, ~~какъ~~ къ нравственности, какъ къ третьему и послѣднему отдѣлу. И такъ,

III Нравственность.

Нравственность въ томъ смыслѣ, какой Гегель придаетъ этому слову, есть, какъ я сказалъ, единство права и морали, а слѣдовательно единство того, что есть содержаніе всеобщей воли, въ которомъ именно выражается право, т.е. единство добра объективнаго, какъ самаго по себѣ сущаго, абсолютно, независимо отъ человѣка отъ субъекта, самосущаго съ одной стороны и единство субъективнаго добра, какъ добра особеннаго, а именно: нравственность, говоритъ Гегель, есть самое твердое единство, соединеніе объективнаго, внѣшняго, всеобщаго, что свойственно абстрактному или формальному праву, и субъективнаго внутренняго, что свойственно морали или моральности ибо праву самому по себѣ взятому, какъ формальному или абстрактному недостаетъ момента субъективности для того понятія, въ которомъ осуществляется идея добра и наоборотъ морали или моральности не достаетъ другаго момента идеи добра, а именно, объективности. Оба эти момента и соединяются уже въ нравственности, ибо нравственность есть съ одной стороны нѣчто субъектив-

ное, а съ другой стороны и нѣчто объективное, т. е. кто нравственен, того особенная воля соединяется необходимо со всеобщею волею, такъ напримѣръ нравственность самоцѣльныхъ и постоянныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ каждымъ членомъ такого нравственнаго союза, если его особенная воля соединяется со всеобщею волею даннаго союза, напр. семьяниномъ, какъ членомъ семейнаго союза, если его особенная воля, какъ одного изъ членовъ этого союза, гармонируетъ съ всеобщею волею семейнаго союза. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о доброй нравственности и относительно всѣхъ прочихъ людскихъ общественныхъ союзовъ. Такъ, когда въ такъ называемомъ гражданскомъ обществѣ, особенная воля каждаго человѣка отъ общества, какъ гражданина, совпадаетъ со всеобщею волею всего гражданскаго общества, то является такъ-же нравственно добрая воля этого гражданина. Наконецъ, въ третьемъ, самомъ высшемъ и послѣднемъ союзѣ въ государствѣ, когда члены государства согласуютъ свою особенную волю со всеобщею всего государства, то онъ можетъ быть названъ нравственно добрымъ. Здѣсь уже дѣятельность человѣка основывается на вполнѣ опредѣленномъ велѣніи и потому теряетъ свою прежнюю неопредѣленность, которая имѣла мѣсто въ области морали, гдѣ человѣкъ руководится указаніями своей совѣсти, а именно семьянинъ знаетъ опредѣленно, какія его дѣйствія добрыя и какія злыя, если онъ только будетъ смотрѣть на своихъ членовъ семьи и именно какъ на членовъ семьи и будетъ согласовать свою дѣятельность съ

дѣятельностью всей семьи. Въ такой гармоніи особенной воли со всеобщею волею и выражается величіе нравственности, какъ вполнѣ опредѣленное величіе.

Итакъ нравственность по своей сущности, соединяетъ въ себѣ то, что было разъединено на предшествующихъ ступеняхъ развитія объективнаго или практическаго духа, т.е. въ области формальнаго или абстрактнаго права, какъ прав. ступени этого развитія и въ области морали или моральности, какъ второй ступени этого развитія. Въ этомъ смыслѣ нравственность есть послѣдняя ступень діалектическаго развитія объективнаго или практическаго духа. И въ самомъ дѣлѣ, въ области нравственности вполнѣ уже развита, раскрыта бываетъ свободная воля, вполнѣ осуществляется въ дѣйствительности, вполнѣ реализируется, именно, понятіе, сущность, разумъ и права и морали. Право въ этой области становится уже соотвѣтственно идеею, какъ реализаціею свободы въ этой сферѣ нравственности, т.е. въ постоянномъ и самодѣльномъ людскомъ общественномъ союзѣ. Здѣсь, въ этой области нравственности, уже вполнѣ развито содержаніе идеи добра, здѣсь понятіе, сущность, разумъ добра реализируется въ самомъ дѣлѣ и во всемъ, въ объективномъ нравственномъ мірѣ, который состоитъ, именно, изъ людскихъ общественныхъ союзовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ углубляющейся внутрь себя свободной воли субъекта, потому что разумная свобода есть и какъ объективная и какъ субъективная нравственность есть вполнѣ реализированное [illegible] разумной [illegible] есть идея свободы.

Итакъ Гегель признаетъ нравственность единствомъ права и морали, какъ высшимъ ихъ понятiемъ, къ которому они возводятся; слѣдовательно это есть третья и послѣдняя ступень дiалектическаго развитiя объективнаго или практическаго духа, ибо въ нравственности соединяются по ученiю Гегеля, какъ мы сказали, моментъ объективности, внѣшности, всеобщности, моментъ свойственный только одному абстрактному или формальному праву съ одной стороны и моментъ субъективности, внутренняго, особеннаго, свойственной одной только моральности съ другой стороны, или, что все равно, нравственность есть единство добра объективнаго и добра субъективнаго, такъ что въ области нравственности, а именно въ людскихъ постоянныхъ, самоцѣльныхъ общественныхъ союзахъ, общенiяхъ, какъ въ объективномъ нравственномъ мiрѣ, а также и въ углубляющейся внутрь себя воли субъекта, какъ въ субъективномъ мiрѣ, осуществляется, реализируется вполнѣ понятiе, сущность, разумъ свободы, какъ объективн. такъ и субъективн., такъ что нравственность въ этомъ смыслѣ есть идея свободы, ибо въ области нравственности и раскрывается вполнѣ содержанiе, идея добра, какъ реализацiя, понятiе, сущность добра. Здѣсь, т. е. въ области нравственности опредѣляется точнымъ и для всякаго человѣка очевиднымъ образомъ, что мы должны дѣлать какъ доброе, и чего не должны дѣлать какъ злаго, а именно, это устанавливается тѣми велѣнiями ума, которыя суть такъ назыв. нравственные законы, въ смыслѣ законовъ этическихъ. При томъ эти велѣнiя, требо-

вания ума въ области нравственности
неостаются только отвлеченными,
абстрактными требованіями, кото-
рыя должны быть приведены въ испол-
неніе, должны быть осуществлены, не
остаются только тѣмъ, что называет-
ся долгомъ въ смыслѣ чего-то абстракт-
наго, как требованія еще въ области
предыдущей, т.е. въ области морали мо-
ральности, а напротивъ, представляют-
ся уже осуществленными, исполняемы-
ми въ самой дѣйствительности, въ ре-
альности, а именно, въ людской обществен-
ной жизни, ибо по ученію Гегеля, если хо-
тите знать что вамъ дѣлать, какъ
доброе и чего не дѣлать, какъ злаго, вы
твердо, точно и ясно можете это узнать
изъ самой общественной жизни, т.е. нужно
быть хорошимъ, добрымъ членомъ того
союза, котораго вы состоите членомъ, и
вы будете дѣлать то, что слѣдуетъ вамъ
дѣлать, какъ доброе, а именно если вы
будете дѣлать доброе въ семействѣ, въ
гражданскомъ обществѣ и въ государствѣ,
то вы будете тѣмъ самымъ являться
добрымъ членомъ семейства, гражданска-
го общества и государства и тѣмъ самымъ
исполните уже въ самой дѣйствитель-
ности требованія ума, какъ требованія
истинной и разумной свободы, какъ тре-
бованія идеи добра, какъ требованія нрав-
ственности или нравственныхъ законовъ;
эти нравственные законы осуществляют-
ся такимъ образомъ въ этомъ именно
нравственномъ объективномъ мірѣ, въ
людскомъ обществѣ, но не иначе какъ посред-
ствомъ субъективной воли, какъ чрезъ посред-
ство хотѣнія самихъ лицъ, самихъ субъ-
ектовъ дѣятельности, именно членовъ
данныхъ общественныхъ союзовъ. субъектив-

ная же воля съ своей стороны является единого въ нравственномъ мірѣ съ субъективною волею, а тѣмъ что требуютъ эти законы, эти общественные союзы отъ лицъ, отъ субъектовъ, ибо субъективная воля находитъ въ этихъ требованіяхъ, въ этихъ нравственныхъ законахъ саму себя, т.е. свою собственную сущность, находитъ, именно, въ соотвѣтствіи объективнаго требованія со своими собственными требованіями, такъ что эти нравственные законы суть не столько внѣшніе, чуждые ей, а суть вмѣстѣ и внутренніе, суть ея собственныя требованія, ея собственные законы, которые она исполняетъ, почему она и свободна. Слѣдов., въ нравственности вполнѣ примиряется, соединяется объективн. и субъективн., всеобщее и особенное, всеобщая воля, объективная воля общественныхъ союзовъ и субъективная воля членовъ этихъ союзовъ, право, выражающееся во всеобщей волѣ и добро, являющееся особенною цѣлью, къ которой стремится субъектъ. Слѣд. въ нравственности такимъ образ. и соединяется, какъ извѣстно, объективное или формальное право и моральность или мораль, ибо въ нравственности соединяется присущее праву и моральности свойство, которое ~~въ области нравственности~~ входитъ въ области нравственности, являясь ея существенными составными интегральными частями или моментами. Содержаніе въ этомъ смыслѣ нравственныхъ законовъ, которые суть и законы объективные какъ бы извнѣ установленные для субъективной воли и вмѣстѣ съ тѣмъ ея собс/

ственные законы, требованіе ея собственной природы, есть въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ идея добра, которая раскрывается въ нравственности, въ нравственномъ мірѣ, именно, въ общественной жизни, а эта жизнь въ свою очередь развивается въ обществахъ, соединеніяхъ союзахъ многихъ людей, какъ лицъ, или какъ субъектовъ нравственныя дѣятельности. Въ основѣ этихъ людскихъ общественныхъ союзовъ лежитъ, именно, нравственность, а въ составѣ этихъ людскихъ общественныхъ союзовъ, каждый человѣкъ какъ лицо и какъ субъектъ, есть единичное, разумное и свободное существо и вмѣстѣ съ тѣмъ есть и членъ одного живаго нравственнаго цѣлаго, т. е. семьи гражданскаго общества и государства, ибо семья, гражданское общество и государство суть три главныя ступени діалектич. развитія людской общественной жизни или, что все равно, три главн. рода людск. общественныхъ союзовъ, въ которыхъ реализирует-ся добро, какъ понятіе, или въ котором постепенно осуществляется нравственность, ибо содержаніе нравственности, нравственныхъ законовъ есть идея добра. Скажемъ существеннѣе о каждомъ изъ этихъ трехъ обществ. союзовъ, въ которыхъ раскрывается нравственность или, что все равно, идея добра, какъ содержаніе нравственности.

1, Семья или семейство. Здѣсь добро или нравственность осуществляется непосредственнымъ образомъ, т. е. прямымъ образомъ, т. е. ~~прямымъ образомъ~~ безъ всякаго посредства, и въ этомъ смыслѣ какъ-бы сама собою, природнымъ, естеств. обра

зомъ, ибо здѣсь нравственность существуетъ, какъ природное субъективное чувство любви, которое, по ученію Гегеля, есть нравственность въ формѣ природной, естественной. Здѣсь лицо или субъектъ, въ силу любви своей къ людямъ, какъ членъ семьи, перестаетъ быть уже отдѣльнымъ, изолированнымъ и въ этомъ см. самостоятельнымъ, а чувствуетъ, сознаетъ, что онъ самъ по себѣ недостаточенъ, самъ по себѣ не полонъ, а что его восполненіе возможно только въ единствѣ съ другими людьми, субъектами, именно, съ ними, съ которыми вмѣстѣ онъ и составляетъ одно нравственное цѣлое, одинъ союзъ, который назыв. семейнымъ союзомъ или семьею, семействомъ, въ которомъ единство основывается именно на естественномъ непосредственномъ чувствѣ членовъ семьи между собою. Семья семейство, какъ первая главная ступень общественн. нравствен. союзовъ въ свою очередь сама діалектично развивается по тремъ ступенямъ. 1, Основаніемъ семьи служитъ то общеніе, соединеніе людей, которое назыв. супружескимъ союзомъ, въ которомъ два лица или субъекта различнаго пола, образуютъ въ чувствѣ взаимной любви другъ къ другу одно нравственное цѣлое, одинъ союзъ, отказываясь отъ своей физической, природной единичности, вслѣдствіе сознанія, своей природной недостаточности и необходимости въ природномъ восполненіи себя, какъ лица одного пола, лицомъ или субъектомъ другого пола. 2, Для своего осуществленія семья или семейство имѣетъ нужду въ имуществѣ, въ которомъ семья

и получаетъ все внѣшнее бытіе, какъ бытіе опредѣленное видимое, а самое имущество чрезъ то, что въ немъ семья, этотъ союзъ получаетъ свое внѣшнее бытіе, получаетъ нравственный характеръ, нравственное значеніе, какъ говоритъ Гегель, т. е. когда имущество принадлежитъ единичному лицу, то оно является предметомъ абстрактнаго или формальнаго права и имѣетъ своимъ свойствомъ удовлетвореніе потребностей только единичнаго человѣка, между тѣмъ какъ въ семьѣ этотъ характеръ имущества измѣняется, и именно, въ семьѣ имущество является удовлетворяющимъ потребностямъ цѣлаго общества т. е. семьи, и почему члены семьи заботятся объ имуществѣ, заботятся объ его пріобрѣтеніи, имѣя въ виду потребности цѣлаго общества, т. е. семейства и потому моментъ осуществленія потребностей единичнаго человѣка, лежащій въ абстрактномъ [illegible]іи, въ области абстрактнаго или формальнаго права, здѣсь въ области нравственности, въ семействѣ превращается въ чисто нравственное, въ моментъ нравственности, получаетъ нравственное значеніе, ибо попеченіе о другихъ, а не только о самомъ себѣ, есть уже чисто нравственное, какъ имѣющее своимъ содержаніемъ чисто добрую цѣль. Въ попеченіи объ имуществѣ, о его пріобрѣтеніи для цѣлаго [illegible] и выражается нравственность. [illegible] единство супруговъ [illegible] чувство любви, выражается внѣшнее бытіе именно въ дѣтяхъ, происходящихъ отъ брака. Потому-то, что въ нихъ выражается это единство супруговъ и любятъ родители своихъ дѣтей, какъ любятъ они сами себя и даже больше [illegible], потому что дѣти суть какъ бы [illegible] или [illegible] жизни, потому что жизнь ихъ [illegible], [illegible] [illegible]

ется въ ихъ дѣтяхъ. Давая дѣтямъ физическое бытіе посредствомъ физическаго рожденія, родители, вслѣдствіе такого чувства къ нимъ любви, даютъ имъ и нравственное бытіе именно посредствомъ воспитанія. Такъ дѣти вырастаютъ мало по малу и дѣлаются наконецъ самостоятельными лицами, субъектами, способными основать въ свою очередь новыя свои собственныя семьи, отдѣльныя отъ той семьи, которой они были до сихъ поръ членами. Между тѣмъ родители умираютъ, и такимъ образомъ прежняя семья разрушается. На основаніи разрушившейся семьи, вообще семействъ, которыя единственно основывались на естественномъ, природномъ чувствѣ любви, образуется новый общественный союзъ, называемый Гегелемъ гражданскимъ обществомъ. Итакъ.

II. Гражданское общество.

Когда семья разрушилась, то ея члены получаютъ свою самостоятельность, являясь какъ особенныя лица, особенные субъекты съ своими особенными потребностями интересами и цѣлями. Такъ члены семьи переходятъ въ гражданское общество, становятся его членами. Однако-же и при этомъ переходѣ каждый изъ членовъ гражданскаго общества необходимо находится въ самомъ дѣлѣ въ общеніи со всѣми прочими членами, во взаимныхъ отношеніяхъ къ другимъ членамъ, потому что каждый изъ нихъ также является самъ по себѣ недостаточнымъ, каждый изъ нихъ не иначе можетъ удовлетворить своимъ особеннымъ потребностямъ, достигнуть своихъ особенныхъ цѣлей, какъ чрезъ посредство или при помощи другихъ лицъ или субъектовъ. Такимъ

образомъ и составляются союзы, общеніе между самостоятельными членами, новаго общественнаго союза, какъ членами гражданскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь каждый человѣкъ, дѣйствуя по видимому только въ виду своихъ особенныхъ потребностей, интересовъ и цѣлей необходимо въ тоже время дѣйствуетъ, хотя даже и не-вольно и безсознательно и для удовлетворенія интересовъ и потребностей всѣхъ другихъ лицъ, общихъ интересовъ всего союза гражданскаго общества, такъ что человѣкъ думалъ, что онъ преслѣдуетъ только свои особенныя цѣли, онъ въ тоже время непремѣнно служитъ и общимъ цѣлямъ. Въ этомъ и состоитъ нравственное значеніе и этого общественнаго союза, гражданскаго общества, а именно въ томъ, что члены его необходимо дѣлаютъ добро и другимъ людямъ, своимъ сочленамъ, дѣйствуя повидимому въ виду только своихъ собственныхъ потребностей, интересовъ и цѣлей, такъ что между этими лицами и субъектами образуются сами собою внѣшнія общественныя связи или взаимная зависимость, какъ солидарность общихъ имъ потребностей, интересовъ и цѣлей. Въ этомъ смыслѣ это есть въ самомъ дѣлѣ гражданское общество т.е. есть въ самомъ дѣлѣ общеніе, союзъ, единство лицъ или субъектовъ не абстрактныхъ и самостоятельныхъ только, т.е. не изолированныхъ, неотдѣльныхъ другъ отъ друга, но состоящихъ вмѣстѣ въ общеніи, въ союзѣ, образующихъ вмѣстѣ одно живое цѣлое. Подъ видомъ этихъ-то общихъ имъ потребностей интересовъ и цѣлей, этихъ внѣшнихъ общественныхъ связей, соединяющихъ такимъ образ. самостоятельныя лица и субъекты въ одно живое цѣлое, является та уже идея добра

~~вида всѣхъ ихъ субъективная идея добра~~, которая въ семьѣ является чисто объективною, а въ гражданскомъ обществѣ становится вмѣстѣ и субъективною, а именно: въ семьѣ каждый человѣкъ, дѣйствуетъ согласно съ идеею добра, дѣйствуетъ именно въ видахъ общихъ всей семьѣ интересовъ, потребностей и цѣлей, такъ что въ этомъ смыслѣ добро въ семьѣ является чисто объективнымъ, внѣшнимъ для каждаго человѣка, въ гражданскомъ-же обществѣ, на оборотъ, каждый членъ дѣйствуетъ для своихъ собственныхъ цѣлей, интересовъ и потребностей, дѣйствуя такимъ образ. въ виду субъективнаго добра, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотя невольно и безсознательно и объективнымъ потребностямъ, интересамъ и цѣлямъ, и объективному добру.

Таково нравственное значеніе того общественнаго людскаго союза, который Гегель назыв. гражданскимъ обществомъ (bürgerliche Gesellschaft), отличая его въ первый разъ съ полною точностью и отчетливостью отъ государства, съ которымъ до тѣхъ поръ многіе мыслители смѣшивали это гражданское общество, съ которымъ оно смѣшивалось и на самомъ дѣлѣ, такъ что до тѣхъ поръ не имѣли понятія о томъ, что гражданское общество есть нѣчто отличное отъ государства, имѣющее отъ него свою самостоятельную жизнь, хотя и входящее въ составъ государства, образуя въ немъ то, что назыв. личнымъ элементомъ въ отличіе отъ вещественнаго элемента, каковы являются въ государствѣ его области, территорія. На этой ступени діалектич. развитія нравственности общая всѣмъ членамъ гражданскаго общества цѣль сознается больше или менѣе уже всѣми его членами, но однако, эта общая имъ цѣль, хотя и служитъ для этихъ чле-

ною, соединяющею ихъ внѣшнею безсознательною и невольною связью въ одно цѣлое, но эта общая цѣль въ гражданскомъ обществѣ не есть еще одна абсолютная, т.е. безусловная и безотносительная всеобщая цѣль, а есть только не болѣе, какъ совокупность тѣхъ или другихъ внѣшнихъ цѣлей, общихъ только сравнительно съ особенными частными цѣлями каждаго изъ членовъ гражданскаго общества, т.е. потребности каждаго члена гражданскаго общества, его интересы и цѣли, какъ особен. цѣли, становятся общими для всѣхъ членовъ гражданскаго общества и въ этомъ смыслѣ являются общими цѣлями, но эти общія цѣли не возвышаются къ одной единой всеобщей для нихъ цѣли. Единое единство этихъ общихъ цѣлей уже какъ абсолютно общихъ представляетъ, по ученію Гегеля, государство, члены котораго перестаютъ уже быть особенными лицами или субъектами съ особенными болѣе или менѣе частными потребностями, интересами и цѣлями, перестаютъ быть частными лицами и субъектами, и становятся публичными лицами или субъектами, положительными членами, субъектами того высшаго постоянного и самоцѣльнаго людскаго общественнаго союза, который назыв. государствомъ и который представляетъ собою такую цѣль, къ которой стремятся всѣ члены этого союза въ силу присущаго человѣку, его природѣ уже, по замѣчанію Аристотеля, стремленія къ политической и государственной жизни. Такъ переходитъ Гегель отъ гражданскаго общества къ третьей и послѣдней ступени діалектическаго развитія философіи права или объективнаго духа или нравственности, къ государству.

Государство.

Третья и последняя ступень развитія постоянныхъ, самоцѣльныхъ обществъ, союзовъ, собственно нравственности, по ученію Гегеля, есть государство. Государство есть единство и семьи и гражданскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ соединяются основы того и другаго общества, такъ что общественные союзы входятъ въ составъ государства въ видѣ его моментовъ, а именно и основа семьи, т. е. чувство природной любви, потому что любовью соединяются между собою члены государства въ одинъ союзъ, въ государство, которое есть общее всѣмъ отечество и вмѣстѣ съ тѣмъ соединяются и основы гражданскаго общества, какъ моменты, которые, какъ мы видѣли, состоятъ въ самостоятельности лицъ и субъектовъ, какъ членовъ гражданскаго общества, какъ гражданъ, ибо въ самомъ дѣлѣ, въ государствѣ каждый членъ его является вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ гражданиномъ въ области своей частной жизни, въ области своихъ частныхъ особенныхъ интересовъ, потребностей и цѣлей притомъ, обѣ эти основы, т. е. основа семейства и гражданскаго общества соединяются здѣсь въ истинномъ смыслѣ этого слова, т. е. примиряются, составляютъ гармонію, согласіе, такъ что ни одна изъ нихъ не вредитъ другой, т. е. чувства любви другъ къ другу членовъ государства существуетъ, не вредя самостоятельности членовъ государства и наоборотъ, самостоятельность ихъ не вредитъ этому чувству любви, такъ что онѣ существуютъ вмѣстѣ р-

помъ. Далѣе, въ государствѣ, какъ въ треть-
ей и послѣдней ступени генетическаго разви-
тія общественныхъ союзовъ, а слѣдоват. и нрав-
ственности жизнь общества достигаетъ са-
мой высшей точки своего діалектическаго
развитія, самой, такъ сказать, своей души.
Здѣсь нравственность, нравственное об-
щеніе между людьми утверждается на
признаніи государства всѣми членами граж-
данскаго общества, всѣми гражданами аб-
солютно, всеобщ. для себя, для всей ихъ сво-
бодной дѣятельности разумною цѣлью, т.е.
на признаніи, что единственно государ-
ство придаетъ прочность, твердость, какъ
всей ихъ публичной, такъ и частной жиз-
ни гражданъ. Это потому, что государ-
ство осуществляетъ абсолютно всеобщую
цѣль всѣхъ и каждаго, которая цѣль есть
ничто иное, какъ идея добра или, нравствен-
ная идея. Въ этомъ-то смыслѣ Гегель говоритъ
о государствѣ, что оно есть дѣйствитель-
ность нравственной идеи, что оно есть нрав-
ственный духъ, какъ открывшаяся явно всеоб-
щая субстанціальная воля, сознающая са-
му себя и приводящая въ исполненіе то,
что именно она сознала и притомъ
такъ, что въ государствѣ всеобщая суб-
станціальная, объективная свободная во-
ля, т.е. выражающаяся въ нравахъ и обы-
чаяхъ, въ законахъ и учрежденіяхъ государ-
ства, состоитъ въ единствѣ, гармоніи
съ субъективною свободною волею единичныхъ
гражданъ, нравы и обычаи, законы и учреж-
денія суть ничто иное, какъ выраженіе субъ-
ективной воли единичныхъ гражданъ, выра-
жающей общія цѣли государства. Слѣдов.,
государство есть самое высшее осуществленіе

въ дѣйствительности разумной свободы, осуществленiи того, что требуетъ именно разумъ (λόγος), ибо абсолютная цѣль и право λόγος'а и состоитъ въ томъ, чтобы разумная свобода была и стала дѣйствительною, такъ какъ по ученiю Гегеля все вообще разумное дѣйствительно, какъ и все дѣйствительное разумно. Въ этомъ-то смыслѣ свобода, какъ разумное и вмѣстѣ какъ дѣйствительное, и есть конечная, т.е. послѣдняя верховная цѣль государства, но цѣль не въ смыслѣ внѣшней цѣли, которая для него извнѣ кѣмъ либо или чѣмъ либо поставлена съ тѣмъ, чтобы государство ее достигло, а цѣль внутренняя, т.е. присущая самому государству, т.е. составляющая его собственное природное назначенiе, такъ что государство въ этомъ смыслѣ самоцѣльно, и не имѣетъ для себя какой нибудь посторонней внѣшней ему цѣли, внѣшняго ему назначенiя. Говорятъ, напр., что цѣль государства состоитъ въ достиженiи благосостоянiя и безопасности гражданъ, такъ что смотрятъ на государство какъ на полицейское учрежденiе, имѣющее главною своею внѣшнею цѣлью безопасность и благосостоянiе (Polizeistaat); или говорятъ напр., будто бы государство имѣетъ своею цѣлью въ смыслѣ внѣшней цѣли защиту личности и имущества гражданъ посредствомъ установленнаго государствомъ права и въ этомъ смыслѣ смотрятъ на государство, какъ на юридическое учрежденiе или, какъ нѣмцы говорятъ, какъ на Rechtsstaat, и т. п. Это не вѣрно, потому что конечная верховная цѣль государства есть ему присущее природное назначенiе, которое и намѣчено [illegible] [illegible] право надъ [illegible] [illegible]

ными членами, такъ что для нихъ высочайшая обязанность состоитъ въ томъ, чтобы быть добрыми и хорошими членами своего государства. Когда говорится о такой разумной свободѣ, осуществляемой государствомъ, то не слѣдуетъ, говоритъ Гегель, брать за отправную точку единичн. т.е. того или другаго человѣка, единичное его сознаніе, а слѣдуетъ только отправляться отъ существеннаго сознанія, т.е. отъ того, что вообще составляетъ сущность разумной свободы, что составляетъ ея понятіе, которое не создается тѣмъ или другимъ единичнымъ человѣкомъ, какъ членомъ государства, потому что оно пребываетъ само въ себѣ, реализируясь въ государствѣ, въ формѣ разумной свободы, какъ самостоятельная и какъ разумная сила. Единичныя люди суть только не болѣе, какъ моменты, ибо, что государство существуетъ, говоритъ Гегель, это истина въ томъ смыслѣ, что государство есть ни что иное, какъ шествіе въ мірѣ абсолютнаго божества, т.е. абсолютъ во всей своей дѣятельности, жизни, во всемъ своемъ діалектическомъ процессѣ вступаетъ наконецъ въ міръ на ту высшую ступень, которая назыв. государствомъ. Итакъ, основа государства есть мысль, разумъ, осуществляющ. въ дѣйствительности какъ разумная свободная воля; но при этомъ нужно помнить, что, если такъ говорится о государствѣ, то говорится не о томъ или другомъ единичномъ государствѣ, а объ идеи государства, т.е. о государствѣ, которое есть реализированное понятіе, сущность свободы, между тѣмъ [illegible] то или другое государство въ [illegible] [illegible]ительности [illegible] оно [illegible], [illegible]

сти, не есть разумѣется, такое полное осуществленіе разумной свободы. Однако-же при этомъ слѣдуетъ помнить также и то, что всякое государство въ дѣйствительности какое-бы оно ни было, какіе-бы оно не имѣло недостатки, пороки, все таки есть государство и слѣдов., все таки въ немъ лежитъ то, что составляетъ сущность государства, его понятіе, все таки оно есть болѣе или менѣе реализированное понятіе государства, все таки оно представляетъ въ какомъ-нибудь отношеніи реализацію этого понятія, идею государства, подобно тому какъ и всякій человѣкъ, какой-бы онъ ни былъ (тѣлесно больной, калѣка, недугующій, порочный), все-таки есть человѣкъ, все таки въ немъ осуществляется его сущность, его понятіе, все таки въ немъ болѣе или менѣе реализирован. сущность, понятіе человѣчности.

Государство такимъ образомъ, опредѣленное Гегелемъ, діалектически-развивается по слѣд. тремъ главнымъ ступенямъ. Во 1, оно развивается само въ себѣ и для себя, внутри себя, т.е. какъ особенное живое цѣлое, какъ индивидъ, имѣющій свое особенное устройство и свое управленіе. Это есть предметъ такъ назыв. внутренняго государственнаго права, т.е. того, что теперь назыв. собственно государственнымъ правомъ, какъ наукою. Во 2, будучи такимъ индивидомъ, такимъ единичнымъ особеннымъ государствомъ, какъ индивидуальнымъ цѣлымъ, государство вмѣстѣ съ тѣмъ приходитъ и въ различныя внѣшнія отношенія къ другимъ также единичнымъ госу-
[illegible]

дарствами отношенія къ другимъ также еди-
ничнымъ отношеніямъ. Эти взаимныя между
ними отношенія, какъ внѣшнія для нихъ,
опредѣляются тѣмъ правомъ, которое назыв.
внѣшнимъ государственнымъ правомъ, а всѣ
вообще различныя внѣшнія отношенія между го-
сударствами въ ихъ совокупности, какъ одно
живое цѣлое, опредѣляются тѣмъ, что назыв.
международнымъ правомъ, которое есть пред-
метъ науки, назыв. этимъ же именемъ. На-
конецъ въ 3, каждое единичное государство, со-
стоитъ во взаимныхъ отношеніяхъ съ други-
ми государствами, является въ качествѣ то-
го, что назыв. Гегель народнымъ духомъ, т. е.
особеннымъ духомъ того народа въ смыслѣ
гражданскаго общества, который входитъ въ
составъ одного особеннаго государства, какъ
личный его элементъ. Этотъ особенный на-
родный духъ проявляется въ видѣ общихъ это-
му народу или гражданскому обществу пра-
вилъ, составляющихъ его нравственность
и придающихъ этому народу опредѣленную
особенность. Но съ другой стороны особенный
народный духъ существуетъ и подъ извѣст-
ными народными условіями, каковы суть
пространство и время, какъ особенными мѣст-
ными и временными обстоятельствами, фи-
зически опредѣляющими его особенность. Подъ
руководствомъ или подъ вліяніемъ такой сво-
ей и нравственно или физически опредѣ-
ленной особенности, нравственный духъ по-
степенно развиваетъ свое особенное сознаніе
и осуществляетъ его въ дѣйствительности.
Это значитъ, что каждое государство имѣ-
етъ свою особенную исторію. Въ этой своей
особенной исторіи каждое государство или,
что все равно, каждый особенный духъ наро-
да осуществляетъ въ дѣйствительности
одну какую нибудь [illegible]

особищей объективной идеи добра, какъ идеи нравственной, служа съ этой стороны и въ этомъ отношеніи ея представителемъ. Въ этомъ смыслѣ каждое государство, каждый народъ имѣетъ свое особенное историческое призваніе или предназначеніе, которое онъ выполняетъ своею особенною исторіею. Такъ напр. призваніе древней Греціи состояло именно въ возведеніи изящныхъ искуствъ, въ особенности скульптуры и архитектуры, на ту высокую степень совершенства, которая и теперь является предметомъ удивленія всѣхъ людей и народовъ, а также и въ томъ, что древняя Греція положила основаніе той наукѣ, которая въ свою очередь лежитъ въ основѣ всѣхъ прочихъ наукъ, а именно, такъ назыв. философіи, содержащей въ себѣ принципы всѣхъ прочихъ наукъ и въ этомъ смыслѣ служащей для всѣхъ ихъ основой. Или напр. призваніе древняго Рима состояло въ томъ, чтобы развить частное или гражданское право, такъ назыв. Гегелемъ, абстрактн. или формальное право, которое, въ самомъ дѣлѣ, было доведено въ Римѣ до такого совершенства, что и теперь составляетъ предметъ удивленія всѣхъ людей и народовъ, такъ что и теперь римское право является столь же необходимымъ для истиннаго юридическаго образованія, сколько необходимо для филолога изученіе античныхъ языковъ и литературы Греціи и Рима. Или напр. призваніе Евреевъ состояло, именно, въ томъ, что евреи первые признали единобожіе, монотеизмъ истинною основою религіи и т. п.. Но вслѣдствіе особенной и слѣдов., односторонней жизни, вслѣдствіе особеннаго историческаго призванія единичныхъ государствъ и народовъ происходили и происходятъ столкновенія, ко-
[illegible]

народами, которыя суть послѣдствіе обыкновенно всякой односторонности. Діалектическій процессъ такихъ всемірныхъ столкновеній и образуетъ содержаніе, такъ назыв., всемірной или всеобщей исторіи, на поприщѣ которой и выступаютъ особенные народные духи, особенные единичные народы или государства. Это есть предметъ уже новой философской науки, къ которой мы переходимъ, а именно, предметъ философіи исторіи, которую Гегель изложилъ подъ этимъ названіемъ въ особенномъ спеціальномъ сочиненіи. Во всемірной всеобщей исторіи всеобщая нравственная идея является какъ бы абсолютною силою подчиняющею себѣ всѣ единичные народы государства, подчиняющіе особенные единичные народные духи. Въ этомъ смыслѣ во всемірной исторіи всеобщая абсолютная нравственная идея или всеобщій всемірный духъ является абсолютнымъ судьею надъ особенными народными духами, надъ единичными народами и государствами, но не какъ абстракція и не разумн. необходимость, не какъ слѣпая судьба, рокъ, какъ это представляли древніе, а какъ самъ по себѣ и для себя сущій и становящійся духъ. Всеобщая или всемірная исторія произноситъ какъ-бы безъапелляціонный судъ надъ единичными народами, государствами, рѣшаетъ, кто изъ нихъ въ данное время есть главнѣйшій въ сравненіи съ другими неглавными представителями абсолютнаго всеобщаго духа, абсолютной нравственности, или кто изъ нихъ является носителемъ современ. въ этомъ смыслѣ ступени развитія нравственности, какъ развитія всеобщаго, всемірнаго духа и слѣд., кто изъ нихъ имѣетъ право господствовать въ смыслѣ такого представительства надъ всѣми прочими государствами, народами. Такью напр. въ свое

время была Грецiя, Римъ и др. народы. Въ этомъ смыслѣ всемiрная или всеобщая исторiя есть дѣйствительно всемiрный судъ, какъ выразился поэтъ Шиллеръ.

Итакъ цѣль всемiрной всеобщей исторiи есть раскрытiе, осуществленiе въ дѣйствительности всеобщей нравственной идеи во всемъ ея совершенствѣ, во всей ея полнотѣ и чистотѣ, т.е. къ такому осуществленiю дѣйствительности и направляется и стремится вся всемiрная или всеобщая исторiя. Особенные-же народные духи, единичные народы и государства служатъ не болѣе какъ только орудiями для достиженiя такой цѣли всеобщей всемiрной исторiи, но въ сознанiи хода этой всеобщей всемiрной исторiи сознаетъ и выражаетъ самъ себя духъ мiра, мiровой духъ, всемiрный духъ уже какъ духъ абсолютный. Этотъ абсолютный духъ дѣлаетъ себя дѣйствительнымъ въ процессѣ всемiрной, всеобщей исторiи, осуществляя въ ней цѣль свою, т.е. всеобщую, абсолютную нравственную идею, какъ идею добра, какъ идею свободы, осуществляя ее, какъ свою собственную сущность, природу, естество. Такимъ образ. абсолютный духъ самъ себя осуществляетъ въ дѣйствительности, производитъ самъ себя изъ самого-же себя, самъ себя сознаетъ и приходитъ самъ къ самосознанiю. Въ этомъ самосознанiи духа и состоитъ все его бытiе, все его существованiе, вся его жизнь, дѣятельность, все его дiалектическое развитiе, движенiе, его абсолютный процессъ. Для такого самосознанiя духъ и дѣлаетъ самъ себя предметомъ, или предметнымъ объективнымъ именно во всеобщей исторiи. Но вполнѣ сознавши себя, духъ возвышается уже на самую высшую ступень своего дiалектическаго процесса, возвышаясь къ самому себѣ изъ своей отчужденности, изъ внѣшняго,

изъ объективнаго, изъ области права въ область всемірной исторіи и становясь такимъ образ. здѣсь уже всемірнымъ духомъ. Возвышаясь вслѣдствіе такого сознанія или самосознанія, духъ является уже не субъективн. только и необъективнымъ духомъ, а духомъ абсолютнымъ. Такъ восходитъ Гегель къ философіи абсолютнаго духа, а именно къ третьему и послѣднему главному отдѣлу философіи духа, или всей вообще своей философской системы. И такъ,

Отдѣлъ III.

III. Философія абсолютнаго духа.

Въ ходѣ самосознанія или осуществленія своего въ дѣйствительности абсолютный духъ проходитъ слѣдующія три главныя ступени діалектическаго своего развитія, которыя суть вмѣстѣ три раздѣла этого отдѣла, а именно: 1, абсолютный духъ сознаетъ и осуществляетъ себя въ формѣ объективн. внѣшней, а именно, матеріальной, вещественной, природной, чувственной посредствомъ творческой художественной человѣческой фантазіи, какъ способности человѣческаго духа, потому что, въ самомъ дѣлѣ, въ изящныхъ художественныхъ произведеніяхъ, какъ результатахъ творчества этой фантазіи, этой способности сознаетъ и выражаетъ человѣкъ, человѣчество абсолютн. мысль въ формѣ именно объективной, внѣшней вещественной, матеріальной, природной, а именно, или въ формѣ слова, что назыв. поэзіею, или въ формѣ звуковъ, что есть принадлежность искуства, назыв. музыкою, или наконецъ въ формѣ видимости, что есть принад-

лежащихъ трехъ, такъ назыв. пластичныхъ искусствъ въ этомъ именно смыслѣ, а именно архитектуры или зодчества, скульптура или ваяние и живопись, ибо то произведение человеческой фантазіи назыв. изящнымъ, художественнымъ произведеніемъ, въ которомъ возможно полнѣе, вѣрнѣе и точнѣе выразить какую нибудь мысль художника. Вообще это есть область изящныхъ искусствъ и художествъ въ смыслѣ практич. дѣятельныхъ художествъ, а съ др. стороны это есть область той теоріи объ изящныхъ искусствахъ и художествахъ, которая въ смыслѣ науки назыв. такимъ именно названіемъ, т. е. теоріею изящныхъ искусствъ и художествъ или же называется иногда и эстетикою въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, ибо въ обширномъ см. слова подъ эстетикою разумѣется вообще всякая наука, имѣющая своимъ предметомъ чувственное. Въ этомъ тѣсномъ смыслѣ эстетика также имѣетъ своимъ предметомъ чувственное, но разсматриваемое съ особенной стороны, въ особенномъ отношеніи, а именно какъ выражающая въ себѣ въ этой чувственной формѣ нѣчто духовное, мысль, какъ мысль абсолютную, которая будучи такимъ образ. выражена, становится реально осуществленною въ дѣйствительности, т. е. осуществленною въ дѣйствительности именно въ формѣ художественной, какъ въ формѣ изящнаго произведенія. Слѣдов., эстетика или теорія изящныхъ искусствъ и художествъ есть первая ступень развитія философіи абсолютнаго духа.

Вторая ступень абсолютнаго духа развивается напротивъ не въ объективной, а въ субъективной формѣ, не во внѣшности, а во внутренности самого субъекта, какъ мысль и въ серд-

[illegible]ства, человѣка, человѣчества, т.е. въ формѣ
но образныхъ представленій и чувствованій,
такъ что именно въ этихъ образныхъ пред-
ставленіяхъ и чувствованіяхъ выражается аб-
солютная мысль. Это есть область религіи,
какъ предметъ второго раздѣла этого от-
дѣла философіи абсолютнаго духа, который
(раздѣлъ) составляетъ предметъ и содержа-
ніе особенной философской науки, науки, фи-
лософіи религіи, ибо религія и представ-
ляетъ мысль образную, какъ мысль абсолют-
наго и являетъся имѣющего своею основой имен-
но чувствованіе, какъ религіозное чувствова-
ніе. Гегель изложилъ и особенное специальное со-
чиненіе въ 2-хъ томахъ именно раздѣлъ
философіи абсолютнаго духа, назвавъ это
сочиненіе философіей религіи.

Наконецъ въ 3, абсолютный духъ созна-
етъ и осуществляетъ себя въ формѣ объек-
тивной и субъективной единицы, въ ихъ един-
ствѣ, что есть уже третья и послѣдняя
ступень діалектическаго развитія, именно
въ формѣ субъективной мысли человѣческой
[illegible] и наукой, которая исключительно состоитъ
[illegible], какъ абсолютная мысль (это
есть предметъ третьяго и послѣдняго
раздѣла философіи абсолютнаго духа, а
[illegible]
[illegible]
ея этой философіи). Этимъ раздѣломъ и
завершается все діалектическое развитіе
философіи абсолютнаго духа, а [illegible]
нею и все діалектическое развитіе всей
философской системы, такъ что въ фило-
софіи съ ея исторіею мысль, λόγος, разумъ,
тождественное съ дѣйствительнымъ, это
абсолютное, постепенно сознается и осу-
ществляется вполнѣ въ соотвѣтствующей
ему формѣ, а именно, въ этомъ самомъ

въ адекватной мысли формѣ, т. е. также въ формѣ мысли, а не въ формѣ чувственной, какъ въ области эстетики, или въ области теоріи изящныхъ искуствъ, или какъ въ формѣ религіи, какъ въ чувственной формѣ, приличествующей именно религіи. Во всѣхъ этихъ трехъ формахъ выражается одна и таже абсолютная мысль, но только различнымъ образомъ, смотря по формѣ ея выраженія. Такъ художникъ выражаетъ напр. мысль, напр. самое божество въ формѣ художественнаго произведенія, въ формѣ чувственной: или въ поэзіи, или въ звукахъ музыки или архитектурою, строя напр. храмы для божества, или скульптурою, ваяніемъ или живописью. Тоже самое абсолютное божество выражается также и въ религіи, но выражается въ образныхъ представленіяхъ и въ чувствованіяхъ т. е. религія представляетъ различные образы божества, явленія божества въ различныхъ образахъ, которые представляются предметомъ религіозныхъ чувствованій въ томъ смыслѣ, что религіозныя чувствованія полагаютъ божество какъ нѣчто возвышающееся абсолютно надъ человѣчествомъ, надъ человѣкомъ. Но только одна философія выражаетъ абсолютную мысль совершенно въ тождественной съ нею формѣ, также въ формѣ мысли: божество является въ философіи не въ какомъ нибудь чувственномъ видѣ, какъ въ изящныхъ искуствахъ и не въ какихъ нибудь образныхъ представленіяхъ, составляющихъ предметъ и содержаніе чувствованій, какъ въ религіи, а является именно какъ мыслимое, въ формѣ также мысли, какъ абсолютное, разумное, тождественное съ дѣйствительнымъ, какъ вѣчно сущее и пребывающее и въ этомъ смыслѣ дѣйствительное, но такъ что это вѣчно сущее и пребывающее есть ничто иное, какъ осуществленіе λόγος, разума, мысли, какъ мысли безотносительной и

безусловной или прямо какъ мысли аб-
солютной. Духъ человѣческій, какъ умъ,
или какъ интеллигенція, по ученію Гегеля
можетъ такимъ образомъ сознать аб-
солютное, абсолютъ въ себѣ самомъ, какъ
свою мысль, какъ мыслимое имъ и чрезъ
себя самого, т.е. своимъ личнымъ мышле-
ніемъ, независимымъ ни отъ чего, ни отъ
какого опыта, ни отъ чего внѣшняго
въ мышленіи, а именно, на той ступени
своего развитія, когда умъ человѣческій,
какъ интеллигенція возвышается до фи-
лософіи, ибо человѣкъ съ своимъ умомъ
съ своею интеллигенціею, есть, по уче-
нію Гегеля, какъ мы видѣли, ничто иное, какъ
одна изъ ступеней всего діалектическаго
развитія абсолюта, а именно такая,
въ которой абсолютъ сознаетъ самъ се-
бя. Слѣдов. человѣкъ имѣетъ способность
какъ возможность на этомъ основаніи со-
знать абсолютное изъ себя, изъ своей мы-
сли, какъ моментъ діалектическаго раз-
витія самого абсолюта и слѣдов., самъ
въ себѣ имѣетъ возможность, способность
сознать абсолютъ чрезъ посредство са-
мого себя, т.е. чрезъ собственную свою дѣя-
тельность, которая есть ничто иное,
какъ мышленіе во всей его чистотѣ въ
всей его абсолютности, т.е. безотно-
сительности и безусловности. Такое
чистое мышленіе есть ничто иное
какъ содержаніе философіи, ея предметъ
ибо, какъ мы видѣли, ничто иное и не
развивается діалектически во всей фи-
лософской системѣ, какъ мышленіе тожде-
ственное съ бытіемъ, которое, прошед-
ши на ту ступень, гдѣ оно явля-

ется абсолютнымъ мышленіемъ, какъ чистымъ мышленіемъ или какъ мышленіемъ объ абсолютѣ, является такимъ мышленіемъ, въ которомъ все уже становится опредѣленнымъ, между тѣмъ какъ въ началѣ это мышленіе не имѣло другого содержанія, кромѣ совершенно неопредѣленнаго, какъ мы видѣли бытія, по своему содержанію безсодержательнаго, пустого въ себѣ, которое въ такой своей пустотѣ и было едино съ небытіемъ, тождественнаго съ нимъ. Въ этой своей отвлеченности отъ всякой опредѣленности, съ этой своей абстрактности мышленіе и на послѣдней ступени своего развитія, является также тождественно съ бытіемъ. Но это мышленіе уже вполнѣ развитое, вполнѣ конкретное въ противоположность абстрактному мышленію, а именно содержаніе и этого полнаго, конкретнаго мышленія есть также бытіе, какъ и содержаніе абстрактнаго мышленія, какъ и содержаніе абстрактнаго бытія, съ котораго начинается философія Гегеля, но съ тою существенною разницею, что тамъ бытіе было совершенно неопредѣленнымъ, а здѣсь оно является вполнѣ опредѣленнымъ. Въ этомъ смыслѣ конецъ Гегелевой философской системы вполнѣ совпадаетъ съ ея началомъ: начинается она съ мышленія тождеств. съ бытіемъ и оканчивается мышленіемъ, также тождественно съ бытіемъ. Этотъ конецъ есть уже результатъ всего пройденнаго мышленіемъ, тождественнымъ съ бытіемъ діалектическаго его развитія. Въ этомъ смы

сть Гегель сравниваетъ свою философскую діалектическую систему съ окружностью круга, въ которой всякая точка есть начало и вмѣстѣ конецъ круга. Взявши ее за начало, мы смотримъ на нее какъ на ту математическую точку, которая еще вовсе не завершила своего самодвиженія, оставаясь только точкою, совершенно слѣдов., въ этомъ смыслѣ неопредѣленною, подобно тому, какъ мы начинаемъ философскую систему Гегеля, именно, съ такого же начала, которое совершенно неопредѣленно, которое есть какъ-бы математическая точка, въ кругѣ, т.е. мы начинаемъ ее съ мышленія, тождественнаго съ бытіемъ, но абстрактнымъ бытіемъ и вслѣдствіе этого съ абстрактнымъ мышленіемъ. Но подобно тому, какъ математическая точка, совершая самодвиженіе, образуетъ кругъ, когда придетъ сама къ себѣ, когда конецъ этого развитія совпадетъ съ началомъ, и философская система Гегеля заканчиваетъ свое развитіе, когда мышленіе, тождественное съ бытіемъ, опредѣлится всѣми всѣми тѣми ступенями діалектическаго развитія, которыя въ этомъ мышленіи тождественнымъ съ бытіемъ, закончившимъ свое діалектическое развитіе, являются только его моментами, входя какъ интегральныя составныя существенныя части въ его самое, такъ что въ этомъ смыслѣ философія, которая есть послѣдняя ступень философіи абсолютнаго духа имѣетъ своимъ предметомъ все то, что мы до сихъ поръ разсматривали какъ ступени развитія мысли Λόγος'а, тождественнаго съ дѣйствительностью. Изъ сказаннаго [illegible], всѣ тѣ [illegible]

и разряды, которые суть ничто иное, какъ ступени Гегелевой философской системы, являются моментами развитія философіи, которая въ свою очередь, какъ абсолютная философія, есть результатъ всего этого движенія и вмѣстѣ съ нимъ есть результатъ и всего того своего развитія въ дѣйствительности, подчиненнаго условіямъ времени и мѣста, и историческимъ условіямъ, словомъ сказать, есть результатъ всей своей исторіи. И такъ въ этомъ смыслѣ можно сказать, что философія есть ничто иное, какъ наука объ абсолютѣ или объ абсолютномъ, ибо абсолютъ или абсолютное и развивается діалектически по всѣмъ ступенямъ развитія, которыя суть моменты философіи, можно сказать, философія есть наука, которая содержитъ въ себѣ принципы прочихъ наукъ, ибо все то составляетъ ея моменты, ступени ея развитія, которые, будучи отдѣльно взяты, являются предметами тѣхъ или другихъ спеціальныхъ наукъ. Каждая спеціальная наука находитъ въ философіи свою основу, свою почву, свой принципъ, свое начало. Такъ напр. вся область юридическихъ наукъ находитъ свой принципъ въ философіи, напр. въ философіи объективнаго духа и т. п. И такъ въ этомъ смыслѣ умъ человѣческій есть и источникъ и орудіе, по ученію Гегеля, познанія всего, составляющаго предметъ его философіи, а слѣдовательно и познанія права, какъ праведнаго и справедливаго, составляющаго предметъ той части философіи, которая называется философіею права или философіею объективнаго духа. Умъ человѣческій есть источникъ [illegible]

го познанія, т. е. въ себѣ самомъ, въ своемъ мышленіи умъ человѣческій находитъ это понятіе праведнаго и справедливаго, которое затѣмъ развивается въ философіи права, какъ мыслимое право, какъ раціональное разумное право и которое объективируется, осуществляется въ дѣйствительности, какъ дѣйствительное, реальное или такъ называемое положительное право. Вмѣстѣ съ тѣмъ умъ человѣческій есть и орудіе познанія права, какъ праведнаго и справедливаго, ибо только чрезъ посредство философскаго мышленія умъ человѣческій познаетъ право, какъ праведное и справедливое. Въ этомъ-то смыслѣ умъ человѣческій есть, по ученію Гегеля, формальный принципъ права, т. е. праведнаго и справедливаго. Умъ человѣческій, по ученію Гегеля, не есть тотъ умъ, который только мыслитъ, котораго дѣятельность состоитъ только въ мышленіи, не есть только мыслящій или теоретическій умъ, не есть только интеллигенція, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ умъ человѣческій есть и хотящій умъ, въ этомъ смыслѣ практическій умъ, есть воля. Все различіе между теоретическимъ и практическимъ мышленіемъ или хотящимъ умомъ по Гегелю, есть различіе, состоящее въ различномъ отношеніи одного и того же ума къ одному и тому же предмету, а именно, умъ теоретическій, какъ мыслящій, какъ интеллигенція, познавая что-нибудь, дѣлаетъ чрезъ то это что-нибудь, которое до познанія было для него чуждо, было для него внѣшнимъ, дѣлаетъ это своимъ внутреннимъ, усвоиваетъ его, ибо въ усвоеніи такомъ

чего нибудь мышленіемъ и состояніи познанія, между тѣмъ, какъ умъ практическій, какъ воля, то что до хотѣнія воли оставалось для человѣка чѣмъ то внѣшнимъ, чуждымъ, то вслѣдствіе хотѣнія, какъ въ результатѣ хотѣнія дѣлаетъ своимъ, усвоиваетъ, а именно тѣмъ, что вкладываетъ во внѣшнее, чуждое ему свою мысль, а именно дѣлаетъ его средствомъ для задуманной своей цѣли. Такимъ образомъ существенно одна и таже дѣятельность ума человѣческаго и какъ интеллигенція и какъ воли. Все различіе состоитъ только въ различномъ отношеніи къ тѣмъ или другимъ предметамъ ума человѣка, какъ интеллигенціи и какъ воли. Въ этомъ и выражается нераздѣльность интеллигенціи и воли, ума мыслящаго и ума хотящаго, ума теоретическаго и ума практическаго. Этой нераздѣльности [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] интеллигенціи [illegible] ли, безъ хотѣнія, ибо мышленіе само также есть свободный актъ воли. Выражаясь теперь со всею точностью, можно сказать, что Гегеля формальный принципъ [illegible] умъ человѣческій нераздѣльно и какъ интеллигенція и какъ воля, и какъ умъ мыслящій и какъ умъ хотящій. Этимъ формальнымъ принципомъ, поставленнымъ такимъ образомъ и развитымъ Гегелемъ [illegible] мы законность различныхъ формальныхъ принциповъ [illegible] въ нихъ [illegible] представителями, ибо всѣ прочіе представители суть ничто иное, какъ [illegible] [illegible] [illegible]

принциповъ права, поставляющіе формальные принципы болѣе или менѣе сходные съ принципами тѣхъ философовъ, на которыхъ мы указали такимъ образомъ непроизвольно. Непроизвольно мы также заканчиваемъ и развитіе формальныхъ принциповъ права указаніемъ на формальный принципъ Гегеля, именно, на умъ человѣческій (который явился и до него у всѣхъ философовъ формальнымъ принципомъ права, за исключеніемъ тѣхъ, которые стоятъ на первой философской ступени развитія этихъ формальныхъ принциповъ, какъ принциповъ донаучныхъ или ненаучныхъ) а именно, потому что Гегелевъ формальный принципъ есть самое полное, самое развитое представленіе формальнаго принципа права, что что слѣдуетъ признать такой умъ человѣческій за формальный принципъ права въ томъ смыслѣ, что это есть тотъ принципъ, до котораго достигли, дошли постепенно, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] фактъ. Но при этомъ мы должны сдѣлать нѣкоторую оговорку, а именно слѣдующую. Гегелева философск. система представляется одностороннею и потому невѣрною вполнѣ, не истинною. Поэтому необходимо ее восполнить тою или др. стороною, которая не видна въ этой Гегелевой философск. системѣ. Гегель есть высочайшій представитель, высшій развитель идеалистич. философск. системы, а потому необходимо восполнить идеалистич. сторону Гегеля другою философск. [illegible]

[illegible]

такимъ образ.. Идеализмъ скажемъ мы, есть положит. фактъ. Умъ человѣческій есть формальн. принципъ права, ибо положит. фактъ томъ, что умъ человѣч. сознаетъ самъ въ себѣ свое мышленіе, праведное и справедливое, такъ что мышленіе его есть источникъ его познанія а слѣд., и формальный принципъ права въ этомъ смыслѣ. Но, мало того, умъ человѣч. познаетъ праведное и справедливое чрезъ посредство своего мышленія, чрезъ посредство самого себя, а слѣд. мышленіе есть не только источникъ, но и орудіе познанія праведнаго и справедливаго. Слѣдов. положит. фактъ свидѣтельствуетъ, что умъ человѣческій долженъ быть признанъ формальнымъ принципомъ права. Но, если мышленіе человѣч. ума и есть формальный принципъ права, и есть его источникъ и орудіе, то не въ томъ смыслѣ, чтобы умъ человѣческ. находилъ въ своемъ мышленіи праведное и справедливое, какъ уже нѣчто готовое, такъ что ему слѣдуетъ только потрудиться взять его и развить изъ самого себя и все дѣло кончено. Нѣтъ, умъ человѣческій въ томъ смыслѣ есть формальн. принципъ права въ какомъ Аристотель назыв. его ~~дюнамисъ~~ δύναμις, т.е. есть способность или возможность познать праведное и справедливое въ себѣ самомъ, въ своемъ мышленіи, но не есть дѣйствительное познаніе. Для этого необходимо человѣку, какъ и всему человѣчеству, мыслить, трудиться въ своемъ мышленіи, вырабатывать своимъ мышленіемъ, праведное и справедливое что онъ и дѣлаетъ. Что сдѣлано въ этомъ отношеніи то и есть философія права, т.е. праведнаго и справедливаго. Въ исторіи философіи права все болѣе и болѣе развивается и въ ширь и въ глубь. Она развивается въ ширь въ томъ см., что она обнимаетъ собою болѣе предметовъ; такъ напр. въ древности вовсе не было извѣстно то, что назыв. нынѣ междунар. правомъ [illegible] права развивается и въ глубь

такъ напр. въ древности не проникали во всю глубь человѣч. сущности и вслѣдствіе этого не признавали нѣкоторыхъ людей свободными по самому ихъ существу, такъ что нѣкоторые велич. изъ друг. греческ. философовъ, каковы Платонъ и Аристотель признавали рабство чѣмъ-то естественнымъ, чѣмъ то необходимымъ, какъ разумнымъ, т.е. какъ праведнымъ и справедливымъ. Но, вслѣдствіе углубленія въ сущность человѣка, вслѣдствіе представленія, что человѣкъ есть по сущности своей, разумное и свободное существо, въ настоящ. время уже смотрятъ на человѣка, какъ на такое существо, которое не м. б. рабомъ вслѣдствіе именно того, что оно разумное и свободное существо, такъ что рабство признается теперь противнымъ правдѣ и справедливости. Въ этомъ см. ограниченномъ нами, мы можемъ назвать умъ человѣч. источникомъ праведнаго и справедливаго и слѣд. формальнымъ принципомъ права. Съ др. стороны, мы можемъ назвать его также и орудіемъ познанія праведнаго и справедливаго, слѣд., формальн. принципомъ права, но также съ оговоркою, съ ограниченіемъ, а именно: это не значитъ, чтобы человѣкъ, какъ существо тѣлесное, въ качествѣ именно такого существа могъ мыслить абстрактно, отвлеченно отъ дѣйствительности, чтобы его мышленіе не имѣло ничего общаго съ дѣйствительностію. Самъ Гегель, который считаетъ свою философію завершеніемъ всего истор. развитія философіи признаетъ, что разумное тожественно съ истиннымъ, съ дѣйствительнымъ. Поэтому человѣкъ признаетъ праведное и справедливое, хотя и чрезъ посредство ума, т.е. его мышленія, но это мышленіе возбуждается въ немъ дѣйствительностью, реальностью, положит. фактами, которыми, такъ сказать, кишитъ вся всемірная исторія. Онъ видитъ, въ какихъ взаимн. отношеніяхъ членовъ обществъ. союзовъ проявляется праведное и справедливое, хотя и подъ условіемъ времени и [illegible],

[illegible]

Праведное и справедливое не есть нѣчто отвлеченное отъ дѣйствительности, а есть объективирующееся въ дѣйствительности, хотя постепенно и прогрессивно. Понятіе сущность права становится дѣйствительностью, какъ праведное и справедливое, становится реальностью, реализируется, становится идеею. Или, другими словами, выражаясь терминами общими прочимъ современнымъ философскимъ системамъ: право мыслимое, какъ идеалъ, какъ идеальное право, какъ право въ идеѣ, какъ идея права объективизуется, реализируется, становится дѣйствительнымъ въ реальномъ дѣйствительномъ правѣ, которое называется положительнымъ правомъ. Это-то положительное право безпрестанно также дѣйствуетъ на мыслимое право, подобно тому какъ мыслимое право дѣйствуетъ на положительное право, такъ что они взаимно другъ на друга дѣйствуютъ: идеальное право если только осуществляется въ положительномъ правѣ, то положительное право дѣйствуетъ на идеальное право, т. е. возбуждаетъ идеалы праведнаго и справедливаго. Такой законъ мышленія замѣтилъ уже и Бэконъ, котораго несправедливо считаютъ одностороннимъ эмпирикомъ, онъ призналъ что идеальное и дѣйствительное не есть нѣчто отдѣленное цѣлою пропастью, которая не можетъ быть пройдена, а напротивъ, идеальное и дѣйствительное между собою едины въ томъ смыслѣ, что идеальное реализируется въ дѣйствительности, такъ что дѣйствительность есть реализація идеаловъ. Тѣ идеалы, которые не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, не суть истинные идеалы, а суть безо-

различать, особенно въ наукѣ отъ основы и слѣдствія: основа и слѣдствіе есть всегда нѣчто мыслимое, а не дѣйствительно существующее, такъ что если одна мысль выводится изъ другой, какъ изъ своей основы, то первая мысль есть ея основа, а вторая мысль, выводимая изъ первой, есть слѣдствіе первой мысли. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы называемъ причины того, что даетъ бытіе и становленіе праву, реальными принципами права, какъ дѣйствительно существующими причинами праведнаго и справедливаго, такъ что праведное и справедливое есть дѣйствительно существующее по этимъ причинамъ, сл. нѣчто дѣйствительно сущее, какъ дѣйствіе этихъ причинъ. Итакъ, мы теперь можемъ опредѣлить реальн. принципъ права, какъ праведнаго и справедливаго такимъ образ.: это есть причина бытія и становленія права, т. е. праведнаго и справедливаго, какъ его дѣйствіе, или что есть источникъ права вообще, какъ праведнаго и справедливаго въ отличіе отъ того значенія источниковъ права, которое имѣетъ такое выраженіе по отношенію не къ праведному и справедливому, т. е. не къ мыслимому праву, а къ положительному праву, а именно, по отношенію къ положительному праву юристы различаютъ, какъ мы увидимъ ниже, три главныхъ формъ или источниковъ права, а именно,

обычное право, законодательное право и
такъ называемое право юристовъ, т. е.
практическое или судебное право, въ судахъ
выработанное или выработанное мышле-
ніемъ юристовъ.

Точно также, какъ есть множество
формальныхъ принциповъ права, есть так-
же множество и реальныхъ принциповъ;
но все это множество можетъ быть под-
ведено подъ извѣстные роды и виды, и подъ
виды, а именно, мы можемъ различать
два главные рода или двѣ главныя сту-
пени генетическаго развитія реальныхъ
принциповъ права, какъ первостепенныя,
такъ сказать, ступени, а виды этихъ
родовъ суть уже второстепенныя сту-
пени каждой главной ступени генети-
ческаго развитія реальныхъ принци-
повъ права. Первую главную ступень ге-
нетическаго развитія въ человѣческомъ
сознаніи реальныхъ принциповъ права
[составляетъ] [illegible] объектив-
ныхъ реальныхъ принциповъ права,
а вторую ступень [illegible]
субъективныхъ реальныхъ принципо-
вовъ права. Слово объективный и субъек-
тивный имѣютъ различное значеніе.
Въ данномъ случаѣ подъ объективно-
[illegible]
[illegible]
природы, стихіями, принципы права
какъ его причины, какъ его источни-
ки вообще, а подъ субъективными прин-
ципами права разумѣются [illegible]
тивъ реальные внутренніе принципы
права, т. е. принципы природы, есте-
ству человѣка, какъ въ немъ заклю-
чающіеся. Объ объективныхъ реальныхъ
принципахъ права мы здѣсь будемъ-

говорить прежде чѣмъ о субъективныхъ, потому что объективные принципы суть еще внѣшніе для человѣка, для его естества, природы, между тѣмъ какъ субъективные суть уже присущіе человѣческой природѣ, не чуждые ей и въ этомъ смыслѣ ближайшіе человѣку. Тѣ философы, которые поставляютъ и поставляли объективные принципы права, искали и ищутъ причины его бытія и становленія внѣ человѣка, стоятъ потому на первой ступени генетическаго развитія человѣческаго сознанія вообще реальныхъ принциповъ права, а тѣ философы, которые поставляютъ и поставляли субъективные реальные принципы права, искали и ищутъ его какъ праведнаго и справедливаго уже внутри самого человѣка, въ его естествѣ, природѣ, стоятъ уже на второй ступени генетическаго развитія человѣческаго сознанія реальныхъ принциповъ права. Различая такимъ образомъ объективные и субъективные принципы права, философы въ этомъ случаѣ смотрятъ на самое право, какъ праведное и справедливое, различнымъ образомъ, а именно: тѣ, которые поставляютъ объективные принципы права, разумѣется, не признаютъ праведнаго и справедливаго чѣмъ-то существеннымъ для человѣка, заложеннымъ съ его природою и въ этомъ смыслѣ естественнымъ, природнымъ и слѣд. отвергаютъ то, что будто бы есть какое-то природное, естественное право, напротивъ, тѣ философы, которые поставляли и поставляютъ субъективные реальные принципы права, смотрятъ на право въ смыслѣ праведнаго и справедливаго, какъ на нѣчто существенное человѣку, слѣдоват., признаютъ существованіе естественнаго, природнаго права, какъ существеннаго человѣку. Такое различіе объективныхъ и субъективныхъ реальныхъ принциповъ права, также какъ сло-

зать предпочтеніе ихъ однихъ другимъ со стороны философовъ коренится уже въ самой античной древности, а именно, нѣкоторые греческіе, а за ними римскіе юристы поставляли одни объективные, а другіе субъективные реальные причины права. Потому же эти уже философы, которые далеко не развили мышленія о праведномъ и справедливомъ на ту ступень его развитія, на которой оно теперь находится, обратили вниманіе на вопросъ о томъ, какая причина бытія и становленія праведнаго и справедливаго? Это потому, что они обративъ вниманіе на праведное и справедливое, на то, что называли греки δίκαιον, а римляне – justum, justitia, они должны были прежде всего рѣшить вопросъ въ этомъ своемъ ученіи о праведномъ и справедливомъ, которое у грековъ называется дикеологіею, какъ основной вопросъ, откуда праведное и справедливое получаетъ свое бытіе, отъ внѣ-ли человѣка независимо отъ него, отъ его сущности природы или-же напротивъ оно получаетъ бытіе и становленіе изъ сущности, изъ природы человѣка и слѣдов. какой источникъ права и выражали такой свой вопросъ, на который они старались отвѣчать, въ такой формѣ: праведное и справедливое (τὸ δίκαιον, justum) и слѣдов. неправедное и несправедливое (τὸ ἄδικον, injustum) есть-ли таковое по природѣ (φύσει, natura) или же по закону, по установленію человѣческому (νόμῳ θέσει, lege)? Чрезъ всю древнюю дикеологію проходитъ этотъ вопросъ у всѣхъ древнихъ философовъ, которые касались вопроса о праведномъ и справедливомъ. Этотъ вопросъ имѣлъ для нихъ не одно только теоретическое значеніе въ смыслѣ удовлетворенія научной любознательности, но и практическое значеніе въ томъ смыслѣ, что философы старались рѣшить вопросъ, есть-ли право, которымъ они занимались, единственно устано-

[illegible] и [illegible] общежитии, въ государствѣ,
его обычаями, его законами, его приказами; или
же оно лежитъ въ самой природѣ человѣка, такъ
что его нельзя изучать, какъ выразился Цицеронъ,
изъ законовъ, изъ преторскихъ эдиктовъ, изъ су-
дебныхъ рѣшеній, обычаевъ и т. под., а необходи-
мо изучать ex animo ipsae naturae, т. е. въ
глубинѣ самой человѣческой природы нужно
искать его положеній, а не въ однихъ только
законахъ, обычаяхъ и судебной практикѣ. Прак-
тическое значеніе имѣлъ этотъ вопросъ пото-
му, что если нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, другаго
права, кромѣ положительнаго права, т. е. ес-
ли нѣтъ такого права, которое бы было ес-
тественнымъ, природнымъ правомъ, то въ
такомъ случаѣ всякій человѣкъ, имѣющій или
получившій силу установлять законы, мо-
жетъ издавать какіе угодно законы, требуя
ихъ исполненія, какъ праведнаго и справедли-
ваго, такъ что въ этомъ случаѣ право есть
ничто иное, какъ слѣдствіе произвола человѣ-
ческаго. Если эту мысль провести до конца,
то въ такомъ случаѣ оправдывается всякій
произволъ, всякій переворотъ, всякое насиліе,
всякая деспотія, тираннія, отъ кого бы онѣ
не происходили, отъ большинства или отъ
меньшинства, отъ деспота или тирана,
отъ единовластителя вообще, отъ монарха,
отъ олигарховъ или отъ демократовъ. Все
праведное и справедливое не можетъ имѣть
другого истиннаго значенія, кромѣ [illegible]
ра случайности и произвола. Одни изъ древ-
нѣйшихъ греческихъ и римскихъ философовъ
утверждали, что есть право происходящее
изъ естества природы человѣка или естест-
венное, природное право (τὸ φύσικον νόμον, jus
naturale) и слѣдов., поставляли для права объ-
ективные принципы, какъ-то напр. Пла-
тонъ, Аристотель, Цицеронъ и вообще стоики

другіе, напротивъ, не признавали другаго права, противъ того, которое теперь назыв. положительнымъ правомъ и въ такомъ смыслѣ поставляли для права объективные принципы, какъ напр. софисты и эпикурейцы. Одинъ изъ древнѣйшихъ философовъ, скептиковъ, жившій въ II в. до Р. Хр., основатель, такъ называемой, новой академіи, въ отличіе отъ древней академіи, какъ философской школы, основанной самимъ Платономъ, а именно Карнеадъ, въ бытность свою въ городѣ Римѣ, въ качествѣ временнаго посланника къ Римлянамъ отъ Аѳинъ, произнесъ здѣсь публично двѣ рѣчи о праведномъ и справедливомъ, изъ которой въ одной защищая, что есть естественное, природное право, а въ другой, произнесенной имъ на другой же день, защищая противное тому мнѣніе т. е. что нѣтъ естественнаго, природнаго права, а есть только одно положительное право. Слѣдов., онъ не отдавая преимущества ни субъективному, ни объективному принципу права, самъ себѣ опровергая, совершенно соотвѣтственно скептическому характеру своей философіи, не дозволявшей произносить о чемъ-бы то нибыло никакого рѣшительнаго сужденія - ни утвердительнаго, ни отрицательнаго, ибо скептики не признавали чего-нибудь истиннымъ, а допускали только разную большую или меньшую вѣроятность какого ни будь сужденія, какъ подобіе истины или правдоподобіе, а не какъ истинное сужденіе въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ силу именно того, что они не признавали истины постижимою изъ человѣческаго ума, - или какъ выразился одинъ изъ древнихъ софистовъ, Горгій (...), если-бы умъ человѣческій и могъ постигнуть истину, то онъ не могъ бы выразить ее надлежащимъ соотвѣтствующимъ образомъ. Истина не только не постижима, говорили софисты, но ее и вовсе нѣтъ; но если допустить, что истина есть, то должно сказать, что она непостижима для ума

человѣческаго, то нужно сказать, что она не выразима человѣческимъ языкомъ.

Итакъ, какъ извѣстно, нужно различать объективные и субъективные реальные принципы права, какъ два главные рода реальныхъ принциповъ права. Итакъ,

1.) Объективные реальные принципы права.

Между ними нужно различать три вида, а именно: а) объективные реальные принципы права, выражающіе случайность; б) объективные реальные принципы права, выражающіе внѣшнюю физическую необходимость и в) объективные реальные принципы права, выражающіе нравственную необходимость. Но эти три названные нами вида перваго рода, т. е. объективныхъ принциповъ права суть также ничто иное, какъ ступени ихъ генетическаго развитія, въ такомъ именно порядкѣ слѣдующіе одни за другими въ силу своей большей или меньшей отдаленности отъ другаго рода принциповъ, такъ что первый ихъ видъ (т. е. объективные реальные принципы права, выражающіе случайность) есть самый отдаленный отъ субъективныхъ принциповъ права, второй видъ стоитъ къ намъ ближе, и наконецъ третій видъ стоитъ въ самой близжайшей связи къ субъективнымъ принципамъ. Итакъ,

а) Объективные реальные принципы права, выражающіе случайность.

Это суть такіе принципы, которые выражаютъ, что право есть продуктъ какой нибудь случайности, какъ чего-то совершенно внѣш

чаго для природы; для естества человѣческаго и въ этомъ смыслѣ, какъ самые отдаленные отъ этого естества природы человѣческой они составляютъ первый видъ объективныхъ принциповъ права. Замѣтимъ, что здѣсь слово случайность мы противополагаемъ слову необходимость, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношенiи, ибо, хотя та и другая необходимость есть также нѣчто внѣшнее для природы человѣческой, какъ и случайность, однакоже случайность существенно отличается отъ той и другой необходимости, ибо все то, что не есть необходимо ни физически, ни нравственно, то называется обыкновенно случайнымъ. Слѣдов. въ этомъ смыслѣ случайность существенно отличается отъ необходимости, какъ физической, такъ и нравственной, а именно, случайно все то, что м. быть или стать, сдѣлаться, совершиться или совершаться такъ или иначе, такъ что случайность въ этомъ смыслѣ есть возможность чего либо, а необходимость, напротивъ, есть все то, что не можетъ быть иначе, какъ оно есть, что не можетъ стать, сдѣлаться, совершаться иначе, какъ оно совершается, дѣлается и прочее, что не можетъ иначе совершаться или физически (это физическая необходимость) или нравственно (это нравственная необходимость).

Изъ случайности, такимъ образомъ намъ уясненной, выводятъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые философы происхожденiе права, какъ изъ источника въ смыслѣ природы его бытiя и становленiя, въ немъ-бы впрочемъ, не полагали эти философы случайность, т.е. какъ бы они ее не опредѣляли ближайшимъ образ. Одни философы опредѣляютъ эту случайность какъ случайно образовавшiеся въ обществѣ обычаи и нравы, или какъ случайно явившiяся въ обществѣ законоположенiя и учрежденiя

или какъ случайно установившіяся въ обществѣ мнѣнія или какъ случайно преобладающее въ обществѣ то или другое воспитаніе, порождающее то или другое право или наконецъ и всякія другія случайныя обстоятельства, порождающія право, такъ что исчерпать всѣ виды случайности нѣтъ возможности, потому что случайность по самой своей сущности безконечно разнообразна, ибо она не есть необходимость, которая въ противоположность случайности всегда одна и таже. Вслѣдствіе такого безконечнаго разнообразія существеннаго случайности и дедуцируемые изъ него философами опредѣленія суть также безконечно разнообразное, какъ безконечно измѣняющееся и въ этомъ смыслѣ какъ случайно такое или другое требованіе права, какъ зависимое единственно отъ случайности. Поэтому философы, поставившіе реальные принципы права такую случайность, не могутъ дедуцировать изъ нея никакого другого опредѣленія права, какъ только такое, что оно есть случайная норма дѣятельности человѣческой, какъ членовъ извѣстнаго общественнаго союза въ цѣломъ и въ частяхъ его, опредѣляемая въ этомъ обществѣ его властью какъ силою, слѣд. насиліемъ, принужденіемъ. Уже древніе греческіе софисты признали случайность реальнымъ принципомъ права и потому смотрѣли на право, какъ на такую случайную норму, когда напр. они говорили вообще, что мѣрою или мѣриломъ, т.е. критеріемъ того, что есть и чего нѣтъ, а слѣдов. и того, что праведно и справедливо и что неправедно и несправедливо, есть человѣкъ, т.е. каждый единичный человѣкъ, какъ индивидъ въ каждый данный моментъ его существованія, что поставилъ, какъ извѣстно уже Протагоръ основаніемъ всей софистики. По его мнѣнію мѣрою, мѣриломъ, критеріемъ того, что праведно и справедливо и что неправедно и несправедливо, есть случайное мнѣніе каждаго единич

каго человѣка въ каждую минуту его существованія, мнѣнія измѣняющееся, какъ измѣняется самъ единичный человѣкъ въ каждую минуту. Или, напр., софисты утверждали въ особенности что право по природѣ или природное, естественное право, какъ праведное и справедливое, есть ничто иное, какъ полезное сильнѣйшему въ обществѣ, въ государствѣ и потому имъ выдаваемое и поставляемое для другихъ, какъ-бы праведное и справедливое такъ что согласное съ законами, произвольно поставленными сильнѣйшими людьми для слабѣйшихъ, какъ нѣчто выгодное, полезное сильнѣйшимъ по ихъ собственному, случайному мнѣнію, и есть право, и есть праведное и справедливое. Такъ говорили въ особенности изъ софистовъ Калликлъ, Фразимахъ и Полъ, какъ извѣстно намъ изъ „разговоровъ" Платона. Или же праведное и справедливое, какъ утверждали нѣкоторые софисты, есть то, что полезно слабѣйшему, которое и поставляетъ онъ съ тою цѣлью, чтобы не терпѣть обиды отъ сильнѣйшаго, выдавая людямъ что нибудь за право, какъ ему полезное. Или же даже иногда говорили софисты, что праведное и справедливое есть вообще согласное и случайно существующимъ правамъ и обычаямъ даннаго народа или съ законами и учрежденіями даннаго государства или народа, въ немъ случайно установившимися. Но сравнительно со всѣми другими философами, съ особенною опредѣлительностью выставилъ случайность реальныхъ принциповъ права и разъяснилъ ее многими примѣрами знаменитый франц. философъ XVI ст. Монтень (1533-1592) именно въ XII главѣ 2 кн. извѣстнаго главнаго его сочиненія, подъ названіемъ Essais, опыты. Монтень былъ однимъ изъ новыхъ скептиковъ. Скептицизмъ его выражается ясно уже въ его изреченіи, приводимомъ имъ именно здѣсь, когда онъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, что такое праведное и справедливое и откуда оно происходитъ. Изреченіе это состоитъ въ слѣдующихъ

словахъ: все движется, все мечется, можетъ быть и такъ, какъ мнѣ знать! Затѣмъ скептицизмъ Монтеня выражается и въ слѣдующемъ опредѣленіи человѣка, которое совершенно согласно съ его основнымъ изреченіемъ: „человѣкъ есть существо волнистое, волнующееся, т. е. подвижное, измѣнчивое, гибкое, податливое, легко поддающееся внѣшнимъ впечатлѣніямъ, какъ случайнымъ вліяніямъ или вліяніямъ случайности, вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ". Наконецъ, можно сказать, что скептицизмомъ проникнуто все главное сочиненіе Монтеня Essais, въ которомъ излагается его взглядъ на право, какъ имѣющее своимъ принципомъ случайность. Но скептицизмъ Монтеня не былъ такъ строго послѣдовательнымъ, какими въ древности отличались скептики, собственно такъ назыв. въ отличіе отъ софистовъ, особенно такъ назыв. Пирронисты, эти древнѣйшіе скептики, получившіе свое названіе отъ основателя своей школы Пиррона и затѣмъ, такъ назыв. новые академики, въ числѣ которыхъ, [illegible], Карнеадъ, [illegible] считается уже въ новое время знаменитый и какъ историкъ и какъ философъ-скептикъ Шотландскій мыслитель Юмъ. Впрочемъ скептицизмъ Монтеня былъ еще сравнительно довольно умѣреннымъ, не будучи строго консеквентнымъ. Хотя этотъ скептицизмъ Монтеня и коренился въ философіи древнихъ скептиковъ, но Монтень обновилъ этотъ древній скептицизмъ и въ особенности скептицизмъ новыхъ академиковъ и развилъ его своеобразно и самостоятельно. При этомъ Монтень предпочелъ скептицизмъ, какъ отрицательную философію, тому направленію философіи, которое назыв. догматизмомъ, въ противоположность скептицизму въ смыслѣ положительной [illegible]

кой, которая основывается не на положительныхъ фактахъ, а на произвольныхъ основныхъ положеніяхъ, выдаваемыхъ за такія аксіомы, которыя въ области вѣрованія или религіи, называются обыкновенно догмами и которыя характеризуютъ извѣстное философское направленіе названіемъ догматизма. Вотъ почему Монтень говорилъ, что скептицизмъ доставляетъ ему жизнь мирную, спокойную, свободную отъ всякихъ треволненій, какъ полагали древніе эпикурейцы, такъ что въ этомъ отношеніи скептицизмъ Монтеня ослабленъ и, такъ сказать, окрашенъ эпикуреизмомъ. Въ этомъ смыслѣ Монтень и говорилъ, что если весь міръ движется, мечется, то, напротивъ, мудрый человѣкъ долженъ сохранить спокойствіе духа среди такого всеобщаго движенія; именно потому, что все вокругъ него движется, онъ долженъ быть въ этомъ отношеніи неподвиженъ. Для такого спокойствія духа, для такого мира, всего лучше, говоритъ Монтень, если нами будетъ править міровой порядокъ, такъ, что мы не будемъ сами разслѣдовать его, въ чемъ онъ именно состоитъ на самомъ дѣлѣ. Подъ этимъ порядкомъ Монтень, какъ онъ самъ говоритъ, разумѣетъ обычаи (les coutumes), ибо обычаи есть главное правило изъ всѣхъ правилъ гражданъ вообще, главный всеобщій законъ, какъ законъ изъ всѣхъ законовъ, которыми и долженъ руководствоваться мудрый человѣкъ для сохраненія своего внутренняго мира, спокойствія духа. Пусть каждый, говоритъ онъ, соблюдаетъ обычаи, какъ законы, и онъ можетъ постоянно жить спокойно и всегда духъ его будетъ наслаждаться миромъ. Что касается законовъ совѣсти, т.е. законовъ моральныхъ, о которыхъ говорятъ, что они, будто бы порождаются природою, т.е. что будто-

бы они сами прирождаемы, то, эти законы на самомъ дѣлѣ порождаются также обычаями, такъ что реальный принципъ морали, какъ и права, есть также обычай, а обычай самъ по себѣ случаенъ, а потому реальнымъ принципомъ права являются также случайныя, постоянно измѣняющiяся мнѣнiя. Такой взглядъ свой на правду и справедливость развиваетъ Монтень подробно и разъясняетъ разными примѣрами, изъ которыхъ видно, что онъ ставитъ реальнымъ принципомъ права случайность. Приведемъ одно такое важное и рѣшительное мѣсто изъ сочиненiя Монтеня, изъ котораго достаточно ясна вся суть его ученiя о случайности, какъ о реальномъ принципѣ права. „Если-бы, говоритъ Монтень, захотѣли мы извлечь правило, т.е. основное правило, или практическiй принципъ для нашей нравственности, т.е. для нашей нравственной дѣятельности вообще, изъ насъ самихъ, т.е. изъ нашей собственно человѣческой природы, естества, то въ какое-бы замѣшательство и смятенiе мы подвергли-бы тогда сами себя? Въ самомъ дѣлѣ, что совѣтуетъ намъ разумъ въ томъ отношенiи какъ намъ поступать добронравственно? Разумъ совѣтуетъ намъ, чтобы каждый изъ насъ подчинялся обычаямъ или законамъ своей стороны, но этотъ нашъ разумъ ничего иного намъ не высказываетъ какъ только то, что для нашей нравственности нѣтъ иного правила, какъ основнаго правила, нѣтъ иного практическаго принципа, кромѣ случайнаго, – слѣд., измѣнчиваго, а между тѣмъ истина, въ полномъ смыслѣ этого слова должна быть неизмѣнчива, а одна и таже вездѣ и всегда. Если бы человѣкъ зналъ такую истину и согласную съ нею правду и справедливость, т.е. неизмѣнную, которая-бы имѣла плоть, т.е. имѣла-бы реальную

дѣйствительность, или, если-бы онъ зналъ существованіе истины, какъ истинной сущности всего, то онъ-бы не обусловилъ ни истины вообще, ни правды и справедливости въ особенности, законами или обычаями той или другой стороны и не принималъ бы добродѣтели въ томъ или другомъ образѣ, смотря потому, что вздумается считать добродѣтелью какимъ нибудь персамъ или индусамъ. Вообще, мы видимъ ясно, что ничто не подвержено столь непрестанному волненію, какъ обычай или законъ. Что, говоритъ онъ, совѣтуетъ въ такой нашей нуждѣ, т.е. при такой измѣнчивости и многоразличіи обычаевъ и законовъ, нашъ разумъ, что онъ рекомендуетъ относительно того, какъ намъ поступить? Онъ говоритъ, чтобы мы слѣдовали просто обычаямъ, законамъ нашей страны, но вѣдь это больше ничего не значитъ, какъ только то, что мы должны предаться волнующемуся морю мнѣній своего народа или монарха, которые представляютъ намъ правду и справедливость въ столь многообразныхъ краскахъ и облекаютъ ихъ въ столь многоразличныя формы, сколько въ ихъ страстяхъ произойдетъ многоразличныхъ измѣненій, т.е. сколько ихъ страсти представятъ разныхъ измѣненій, разныхъ причудъ, капризовъ. Но я, говоритъ Монтень, съ своей стороны не могу имѣть такого гибкаго сужденія о правдѣ и справедливости, чтобы при опредѣленіи того, что считаютъ за правду и справедливость всѣмъ подчиняться, всѣмъ поддаться. И въ самомъ дѣлѣ, что это за добродѣтель, которая сегодня въ почетѣ, въ кредитѣ, а завтра — нѣтъ, которая, слѣд., перемѣняется во времени и которую перепра-

са черезъ какую нибудь рѣчку, раздѣляющую двѣ страны, чтобы то, что считается въ одной странѣ добродѣтелью, было признано въ другой странѣ преступленіемъ? Что за правда и справедливость, которая ограничивается такими-то горами и которая есть неправда и несправедливость у людей, живущихъ по ту сторону горъ. Смѣшно, забавно слышать, что люди говорятъ для того, чтобы законамъ придать какую нибудь достовѣрность, т.е. чтобы можно было имъ довѣряться, какъ чему-то праведному и справедливому, что будто-бы есть нѣсколько твердыхъ, непремѣнныхъ законовъ, которые они называютъ природными, естественными законами, потому де, что они напечатлѣваются въ родѣ человѣческомъ, какъ обусловленные собственною природою, естествомъ человѣческимъ, но когда имъ приходится перечислять эти, такъ назыв. природные, естественные законы, то одни изъ нихъ насчитываютъ такихъ законовъ три, другіе - четыре, или даже больше, или меньше того. Гдѣ-же признакъ того, что эти, такъ назыв., естественные, природные законы не имѣютъ такого сомнительнаго достоинства, такъ и всѣ прочіе положительные законы? Притомъ эти, такъ назыв., природные, естественные законы мнѣ кажутся очень жалкими, потому что можемъ-ли мы назвать иначе эти законы какъ не жалкими, если въ безконечномъ числѣ этихъ природныхъ, естественныхъ законовъ не встрѣчаемъ мы ни одного такого закона, которому-бы счастье или произволъ судьбы дозволялъ быть принятымъ всѣми людьми, съ согласія всѣхъ народовъ. Эти природные, естественные законы столь шатки, что даже въ числѣ какихъ нибудь трехъ или четы

рехъ, избранныхъ изъ этихъ законовъ, какъ основныхъ, нѣтъ ни одного такого, который былъ бы принятъ всѣми людьми, а между тѣмъ это есть единственный признакъ, по которому можно судить, что такой законъ есть дѣйствительный, прирожденный, естественный. Всеобщее признаніе и одобреніе людьми извѣстнаго закона дѣйствительно служитъ доказательствомъ, что природа повелѣла намъ соблюдать такой законъ, слѣдовать ему безъ всякаго сомнѣнія, вѣрить въ его достоинство, его достовѣрность. Въ этомъ случаѣ всякій народъ и всякій единичный человѣкъ почувствовалъ бы, что есть естественные природные законы, которые необходимо исполнять. Но, напротивъ, мы знаемъ, что нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы люди не расходились больше, какъ въ законахъ, обычаяхъ; такъ что то, отъ чего люди въ одной странѣ отвращаются какъ отъ постыднаго, рекомендуется въ другой странѣ какъ похвальное. Лакедомоняне напр., какъ извѣстно, ловкость въ кражѣ считаютъ даже похвальною съ точки зрѣнія того, что она подготовлена къ военной хитрости, между тѣмъ какъ въ наше время кража считается постыднымъ порокомъ и преступленіемъ. Браки у насъ между близкими родственниками вообще запрещаются подъ страхомъ наказанія, между тѣмъ какъ въ другихъ странахъ, въ особенности въ древнемъ Египтѣ, чѣмъ ближе состояли въ родствѣ брачущіеся — тѣмъ лучше, — такъ что браки между самыми ближайшими родственниками считались почетными. Такимъ образомъ дозволялось убійство въ нѣкоторыхъ странахъ, — напр. въ самой Греціи, въ Лакедомонѣ убивались дѣти, которые не могли быть хорошими гражданами

въ смыслѣ спартанскомъ; т. е. не м. быть хорошими воинами, потому что въ государствѣ все было расчитано на войну. Далѣе, дозволялось въ другихъ странахъ и даже похвалялось отцеубійство, многоженство, распутство всякаго рода и т. п.. Словомъ, нѣтъ ничего такого, что не было-бы принято обычаемъ или закономъ какого нибудь города, какъ нѣчто дозволенное и даже похвальное. Что есть, существуютъ природные, естественные законы въ человѣкѣ, что они ему присущи, какъ и всей природѣ, - это для насъ очевидно также, какъ и то, что существуютъ естественные законы и въ другихъ тварях, но въ человѣкѣ эти законы помрачены, потому что лукавый разумъ человѣка вмѣшивается во все, чтобы надъ всѣмъ ему господствовать, командовать, и приводить чрезъ это все въ замѣшательство, такъ сказать, онъ уродуетъ истинный образъ вещей, измѣняя его сообразно своей сущности, своему непостоянству. Всѣ вообще предметы имѣютъ различныя фазы или различныя стороны. Вотъ откуда-то преимущественно и возникаетъ различіе людскихъ мнѣній: одинъ народъ, разсматриваетъ данный предметъ съ одной стороны и на ней останавливается, а другой народъ разсматриваетъ приблизительно съ другой стороны и на ней останавливается. Такъ напр., намъ теперь нельзя ничего представить ужаснѣе, какъ съѣсть трупъ своего отца, а между тѣмъ народъ, у котораго это было нѣкогда въ обычаѣ, считалъ это выраженіемъ сыновняго благоговѣнія, почтенія и любви къ своимъ родителямъ, такъ что съѣдая трупъ своего отца, человѣкъ тѣмъ старался самымъ достойнымъ и почетнымъ образомъ схоронить своего отца, принимая его въ самого себя, превращая какъ-бы въ свою кровь и кости останки

своего отца, и слить съ тѣмъ, какъ бы вновь оживляя его и возрождая его чрезъ превращеніе въ живую плоть и принимая его въ свой желудокъ и такъ сказать, и оживляя имъ всѣ части своего тѣла. Нельзя представить себѣ, какою жестокостью, какимъ безчестнымъ дѣломъ показалось бы для такихъ народовъ нашъ обычай - хоронить своихъ родителей такъ, какъ мы ихъ теперь хоронимъ, т.е. бросать ихъ остатки въ землю на съѣденіе червямъ.

Указанныхъ мѣстъ изъ соч. Монтеня достаточно для пониманія, въ какомъ смыслѣ случайность является у него объективн. реальн. принциповъ права. Объ этой случайности, какъ объективномъ реальномъ принципѣ права, замѣтимъ слѣдующее: тѣ философы, которые признаютъ случайность реальнымъ принципомъ права т.е. источникомъ, изъ котораго оно происходитъ, причиною его бытія и становленія стоятъ на самой первой ступени генетическаго развитія ученія объективныхъ реальныхъ принциповъ права потому что, признавая какъ-нибудь случайность причиною бытія и становленія права, они не признаютъ собственно т.е. не сознаютъ никакой причины. Ибо, если кто скажетъ, что что-нибудь произошло случайно, или еще прибавитъ для полноты и опредѣленности, что то или другое произошло только отъ случайности, чисто случайно, или что такое-то дѣйствіе, произведено случайностью, какъ ею причиною, то онъ тѣмъ самымъ заявитъ, что вовсе не знаетъ самой причины извѣстнаго дѣйствія; однако-же вмѣстѣ съ тѣмъ, это значитъ, что онъ искалъ причины хотя и не нашелъ ее. Слѣдов., нельзя сказать, чтобы въ этомъ смыслѣ случайность не была имъ, по крайней мѣрѣ, признана реальнымъ принципомъ права и все таки можно въ этомъ смыслѣ сказать, что философы, утверждающіе что случайность въ какой-бы то ни было обр-

Корр. в Типогр.

мъ, или въ какомъ бы то ни было видѣ есть
причина бытія и становленія права, уже поста-
новляютъ нѣкоторые реальные принципы
права, хотя они стоятъ на самой первой сту-
пени генетическаго развитія сознанія реаль-
ныхъ принциповъ права. Но съ другой сторо-
ны эти философы, признающіе случайность
реальнымъ принципомъ права, должны вмѣ-
стѣ съ тѣмъ признать, что право не есть
нѣчто неизмѣнное, а что оно, напротивъ,
измѣняется подъ условіями мѣста и време-
ни т.е. что оно въ разныя времена и въ раз-
ныхъ мѣстностяхъ, странахъ, а именно, въ раз-
ныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ раз-
личается, т.е. оно различно не только какъ
право дѣйствительное, реальное или такъ
назыв. положительное право, но и какъ мысли-
мое, или такъ назыв. естественное, раціо-
нальное, природное право, словомъ, какъ правед-
ное и справедливое, такъ что люди и народы
различно смотрятъ въ разныя времена и
въ разныхъ мѣстностяхъ, странахъ на то,
въ чемъ именно состоитъ праведное и справед-
ливое. Но, если право случайнаго происхожде-
нія, если случайность есть причина его бы-
тія и становленія, то право необходимо д.
быть вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно различ-
но и слѣд. безконечно измѣнчиво, потому что
случайность по самой своей сущности, по
самому своему существу безконечно разно-
разна. Что касается измѣнчивости и сопр.
многообразія права, какъ положительнаго,
и мыслимаго, т.е. праведнаго и справедлива-
го, то ее, конечно, никакъ нельзя отрицать.
Эта измѣнчивость есть положительный фак-
Въ дѣйствительности праведное и справедли-
вое осуществляется, реализируется, объекти-
вируется въ обычаяхъ и законахъ того или
другаго общественнаго союза, подчиняясь вмѣ-
стѣ съ тѣмъ всѣмъ обусловливающимъ жизнь

даннаго общественнаго союза обстоятельствамъ, которыя видоизмѣняютъ, модифицируютъ право вслѣдствіе своего вліянія. Поэтому обычаи и законы болѣе или менѣе различны и даже иногда противоположны въ той или другой странѣ или въ то или другое время, именно подъ вліяніемъ данныхъ обстоятельствъ и условій. Отъ того болѣе или менѣе различны и даже иногда противоположны и людскіе взгляды, мнѣнія на содержаніе, матерію праведнаго и справедливаго, т. е. на велѣніе объективной правды и справедливости, какъ праведнаго и справедливаго, или на законы, въ отличіе отъ субъективной правды и справедливости, какъ добродѣтели, составляющей принадлежность извѣстнаго субъекта. Но всё до сихъ поръ сказанное нами о правдѣ, есть указаніе на одинъ только изъ моментовъ или существенныхъ сторонъ правопонятія; слѣд. будетъ опрометчиво выводить отсюда такое заключеніе, что, какъ выражается Монтень, нѣтъ иного правила, закона для всей нашей дѣятельности, кромѣ случая или случайности, такъ что случайность есть, будто-бы реальный принципъ права, что нѣтъ ничего праведнаго и справедливаго, кромѣ согласнаго съ этою случайностью, именно, съ обычаями и законами даннаго общества въ данное время, подъ условіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, безконечно разнообразныхъ и слѣд. случайныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы ни была продолжительна давность, т. е. давностное существованіе и давностное дѣйствіе обычаевъ и законовъ, дѣйствующихъ въ извѣстномъ обществѣ, все таки откуда нибудь да взялись эти обычаи, эти законы, какъ нибудь да произошли, а слѣд., не обычаи, не законы и вообще не то, что назыв. положит. правомъ,

есть реальный принципъ праведнаго и справедливаго, а должно быть другое какое нибудь начало, какъ праведное и справедливое (justum). Притомъ и самые обычаи и законы не случайны, потому что нельзя назвать случайностію обусловливающія ихъ обстоятельства, какъ имѣющія свои причины, которыя правда, могутъ быть намъ и неизвѣстны, но которыя тѣмъ не менѣе существуютъ. Далѣе, нельзя также никакъ сказать о праведномъ и справедливомъ, чтобы оно вовсе не существовало, а что существуетъ только то или другое положительное право, дѣйствующее въ томъ или другомъ общественномъ союзѣ въ то или другое время. Такъ въ особенности представляютъ право новѣйшіе реалисты, потому что какъ мы замѣтили прежде мы наблюдаемъ тотъ положительный фактъ, что люди обыкновенно судятъ о положительномъ правѣ, руководствуясь или своимъ чувствомъ права или своимъ сознаніемъ права и ставятъ праведное и справедливое мѣриломъ, критеріемъ положительнаго права, (само положительное право не можетъ быть самымъ критеріемъ) или, что все равно люди мѣряютъ свое положительное право мѣриломъ объективной правды и справедливости, т.е. существующаго праведнаго и справедливаго. Но разумѣется, они мѣряютъ только праведное и справедливое, какъ они его представляютъ, а представляютъ, понимаютъ они его различно, вслѣдствіе различныхъ условій и обстоятельствъ, въ которыхъ они бываютъ поставлены. Такія-то различныя представленія, или пониманія, многихъ людей и цѣлыхъ обществъ о томъ, въ чемъ именно состоитъ праведное и справедливое, на что оно уполномочиваетъ людей, т.е. какія оно даетъ

людямъ субъективныя права и къ чему оно обязываетъ, т.е. какія налагаетъ обязанности, вотъ что порождаетъ обязанности, - вотъ что порождаетъ то, что софисты и скептики разныхъ временъ назыв. различно будто-бы правдою и справедливостью, вотъ что вводитъ ихъ въ то заблужденіе, что они считаютъ себя вправѣ отрицать бытіе иного права, кромѣ положительнаго въ той или другой странѣ, въ то или другое время. Въ самомъ дѣлѣ оказывается, что они смѣшиваютъ при этомъ право само по себѣ по своей сущности, по своему понятію (а не по пониманію) или, что все равно, смѣшиваютъ само правопонятіе съ людскими представленіями, мнѣніями о праведномъ и справедливомъ, какъ его пониманіемъ со стороны людей, между тѣмъ какъ понятіе и пониманіе между собою могутъ быть различны и даже противоположны (можно не понимать того, что составляетъ понятіе, т.е. сущность даннаго предмета). Право никакъ не можетъ быть различно, а пониманіе его сущности, его понятія можетъ быть безконечно разнообразно. Наконецъ, виды и различія и даже противоположность мнѣній, взглядовъ, пониманій правды и справедливости - въ нихъ софисты и скептики всѣхъ временъ не видятъ ничего общаго между собою, а тѣмъ менѣе видятъ существующее между ними единство, вслѣдствіе котораго все сводится къ единой правдѣ и справедливости, - единству, состоящему уже въ томъ, что предметъ всѣхъ этихъ различныхъ людскихъ взглядовъ, мнѣній, представленій, пониманій всегда одинъ и тотъ-же, а именно: праведное и справедливое право по своей сущности, по своему понятію и еще болѣе въ томъ, что несомнѣнные положительные факты свидѣтельствуютъ о постепенномъ и даже поступательномъ, или прогрессивномъ историческомъ развитіи въ человѣчествѣ его взгля-

довъ, воззрѣній и мнѣній, пониманій правды и справедливости — развитій, обусловливаемомъ всеобщимъ историческимъ развитіемъ. Что именно прогрессивно развивается не только положительное право, но и пониманіе самого праведнаго и справедливаго, (и въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, сказать, что праведное и справедливое различно, но только въ этомъ смыслѣ), — доказательствомъ тому служатъ примѣры, приведенные Монтенемъ о дикихъ людяхъ, съѣдающихъ трупъ своихъ родителей, о чемъ ужасно даже и помыслить просвѣщенному человѣку. Этотъ рѣзкій примѣръ, именно вслѣдствіе своей рѣзкости, свидѣтельствуетъ о томъ, что и дикіе народы чувствуютъ, что есть нѣчто праведное и справедливое и только въ другомъ образѣ выражаютъ его, понимаютъ его. Дикіе считаютъ своею обязанностію даже убивать своихъ престарѣлыхъ родителей, а не только съѣдать мертвые ихъ трупы, потому что въ дикомъ состояніи жизнь дряхлыхъ стариковъ невыносима, тяжела не только для близкихъ къ нимъ людей, но и для нихъ самихъ, чего никакъ нельзя сказать о жизни дряхлыхъ стариковъ среди образованнаго народа. Потому отцеубійство считается добродѣтелью, между тѣмъ какъ у образованныхъ народовъ отцеубійство считается самымъ тяжкимъ преступленіемъ. Дикіе и образованные народы равно руководствуются при этомъ инстинктивнымъ чувствомъ любви, къ родителямъ, и потому если дикіе убиваютъ родителей, то не изъ ненависти къ нимъ, а изъ любви. Но любовь дикаго человѣка, конечно, и не можетъ быть любовью просвѣщеннаго человѣка, а потому и представленіе дикаго о праведномъ и справедливомъ также дико, какъ и онъ самъ. Чѣмъ просвѣщеннѣе вообще становятся люди и народы, тѣмъ и вз-

съ ихъ на содержаніе праведнаго и справедливаго, т.е. на веленія его, на законы, такъ назыв. естеств., природн. становятся просвѣщенные. Просвѣщенное человѣчество несомнѣнно идетъ впередъ, — это положительный фактъ, а слѣд. вмѣстѣ съ тѣмъ идетъ впередъ и самое представленіе, пониманіе, взглядъ человѣчества на правду и справедливость, на его содержаніе. Такъ, напр. вся древность и даже величайшіе изъ древнихъ греческихъ философовъ — Платонъ и Аристотель, какъ главные представители древней античной мудрости, признавали рабство согласнымъ съ правдою и справедливостью, такъ что рабство извѣстныхъ людей и цѣлыхъ народовъ они признавали естественнымъ, природнымъ состояніемъ. Напротивъ того, въ наше время свобода, слѣд., правоспособность, равноправность всѣхъ гражданъ предъ закономъ признается согласною съ праведнымъ и справедливымъ, а рабство признается вообще противнымъ правдѣ и справедливости.

На все сказанное ни Монтень, ни вся вообще софисты и скептики всѣхъ временъ не обращали и не обращаютъ никакого вниманія и потому впадаютъ въ ту односторонность, что не признаютъ иного праведнаго и справедливаго, кромѣ согласнаго съ положительнымъ правомъ, иной правды и справедливости, кромѣ дѣйствующаго въ данномъ людскомъ общественномъ союзѣ и въ данное время положительнаго права, такъ что даже такое положительное право они признаютъ случайнымъ, т.е. обусловливаютъ его географическими и историческими обстоятельствами, не признавая или не зная, что положительное право есть реализація правды и справедливости, реализованная правда и справедливость, реализація не внѣшняя, а [illegible]

ненная и притомъ прогрессивная, ибо эта реализація происходитъ въ исторіи человѣчества и, слѣд. подчиняется также необходимымъ условіямъ такъ назыв. геогр. и историч.. И самые взгляды на праведное и справедливое, т.е. на его содержаніе, на его велѣніе также развивается въ исторіи человѣчества постепенно, прогрессивно подъ вліяніемъ также необходимыхъ историческихъ и географическихъ условій. Слѣдов. какъ положительное право такъ праведное и справедливое не есть, а становится т.е. не существуетъ какъ нѣчто готовое, какъ самосущее или какъ развитое вполнѣ въ какой нибудь странѣ, въ какое нибудь время, а постепенно и притомъ прогрессивно развивается въ человѣчествѣ, такъ что праведное и справедливое не есть нѣчто сущее а есть становящееся, выраженіемъ котораго во внутреннемъ человѣческомъ мышленіи служитъ философія права, а въ самой дѣйствительности, реальности — положительное право, которое есть предметъ положительнаго правовѣдѣнія.

II Объективные реальные принципы права, выражающіе внѣшнюю физическую необходимость.

Здѣсь слово „необходимость" противополагается слову „случайность" но эта необходимость со случайностью имѣютъ то общее что какъ та, такъ и другая есть внѣшняя, т.е. необусловливаемая внутреннею природою, естествомъ человѣка, такъ что какъ тотъ, такъ и другой принципъ суть равно объективные принципы.

Съ другой стороны, эта внѣшняя необходимость отличается отъ другой внѣшней необходимости, о которой мы будемъ говорить послѣ, тѣмъ, что та внѣшняя необходимость, о которой мы говоримъ здѣсь, есть

необходимость физическая, между тѣмъ какая необходимость, о которой мы будемъ говорить послѣ, есть необходимость нравственная. Это значитъ, что физическая необходимость дѣлаетъ физически необходимымъ для человѣка поступать такъ, а не иначе, т.е. независимо отъ его свободы и воли, между тѣмъ какъ нравственная необходимость вызываетъ человѣка поступать такъ и не иначе, предполагая возможность со стороны воли человѣка - поступать такъ или иначе. Поэтому изъ принципа права, выражающаго внѣшнюю физическую необходимость, можетъ быть выведено только такое опредѣленіе права, какъ праведнаго и справедливаго, что оно есть нѣчто согласное съ тѣмъ, что, какъ бы извнѣ даннымъ, и въ этомъ смыслѣ физически для него необходимымъ, и именно съ тѣмъ, что всего чаще наз. природнымъ, но не въ смыслѣ внутренняго естества человѣка, а въ смыслѣ внѣшняго для него міра, т.е. міра, окружающаго человѣческое самосознающее Я.

Изъ древнихъ греческихъ философовъ первый сюда принадлежитъ Гераклитъ. Разсматривая формальные принципы права, мы сказали, что Гераклитъ признаетъ единственно сущимъ, пребывающимъ вѣчный, божественный міровой законъ, управляющій всѣмъ вѣчнымъ теченіемъ, становленіемъ міра. Этотъ міровой законъ Гераклитъ называлъ между прочимъ, судьбою, или необходимостью, именно въ смыслѣ внѣшней физической необходимости. Такой міровой законъ или такая внѣшняя необходимость есть, по ученію Гераклита, праведное и справедливое, какъ міровая правда и справедливость въ объективномъ смыслѣ т.е. въ смыслѣ міроваго закона, владычествующаго во всемъ мірѣ, во

всей природы, какъ нѣчто въ ней необходимое; а не въ смыслѣ субъективномъ, не въ смыслѣ добродѣтели. Эта міровая правда и справедливость, этотъ міровой законъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и міровой порядокъ, какъ физическая необходимость, онъ подчиняетъ себѣ, по ученію Гераклита, всякое, такъ теперь назыв. положительное право, всякое реальное, дѣйствительное право всѣхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, потому что положительное право настолько и потому имѣетъ обязательную силу, на сколько оно подчиняется міровой правдѣ и справедливости или выводится изъ нея, или на сколько согласно съ нею. Конечно, положительное право того или другаго общеcтв. союза можетъ физически отклониться, или обособиться отъ міровой правды и справедливости, міроваго права, но не можетъ даже физически пребыть постоянно въ такомъ своемъ уклоненіи или обособленіи, потому что міровая правда и справедливость, хотя можетъ быть отклонена, но не можетъ быть нарушена и даже сколько нибудь измѣнена. Въ случаѣ своего нарушенія міровая правда и справедливость снова возстановляется, не переставая дѣйствовать ни на минуту. Точно также, что мы сказали объ отношеніи между міровою правдою и справедливостью и положительнымъ правомъ слѣдуетъ сказать, по ученію того же Гераклита, и объ отношеніи между правомъ вообще съ одной стороны и между внѣшнею человѣческою дѣятельностью съ другой стороны, а именно: міровая правда и справедливость и истекающее изъ нея положительное право, хотя физически и можетъ быть нарушена дѣятельностью того или другаго человѣка, но не м. быть уничтожена, ни даже сколько нибудь измѣнена такою дѣятельностью [illegible]

бывание человѣка въ отклоненіи, въ обособленіи его отъ міровой правды и справедливости и отъ положительнаго права, съ него согласнаго, и всякое, такъ назыв. Гераклитомъ, ~~превозноше-ше~~ превозношеніе человѣкомъ себя надъ ними, надъ правомъ вообще, всякое противное ему эгоистическое своеволіе, или эгоистическій произволъ отрицается физически самою правдою и справедливостью, а вмѣстѣ и положительнымъ правомъ, такъ что дѣйствія ихъ вполнѣ возстановляются. Такимъ образомъ правда и справедливость, или праведное и справедливое, по ученію Гераклита, можетъ быть опредѣлена какъ вѣрность людскаго общественнаго союза съ его положительнымъ правомъ, и чрезъ него со всеобщимъ міровымъ закономъ, или міровымъ порядкомъ, и также, какъ вѣрность каждаго члена людскаго общественнаго союза своему особенному союзу, съ его закономъ, съ его правомъ, какъ правомъ положительнымъ, или чрезъ его посредство - вѣрность этого же члена людскаго общественнаго союза всеобщему міровому закону, міровому порядку, въ которомъ, хотя и необходимы, по ученію Гераклита, физическія особенности и даже противоположности, но столько же необходимо и физическое примиреніе, дабы весь міръ могъ быть тѣмъ, что онъ и есть въ дѣйствительности, т.е. общимъ, гармоническимъ, стройнымъ, прекраснымъ цѣлымъ, тѣмъ что греч. философъ VI в. до Р. Хр. Пиѳагоръ называлъ κόσμος. Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй сказать, что физическая необходимость есть одинъ изъ моментовъ праведнаго и справедливаго т.е. въ этомъ смыслѣ праведное и справедливое владычествуетъ въ мірѣ независимо отъ человѣческой воли, какъ нѣчто внѣшнее

для нея, какъ объективн. такъ что даже сама природа человѣка не можетъ уничтожить ее, или въ томъ смыслѣ, что прихедное и справедливое не есть, а становится въ мірѣ независимо отъ человѣческой воли, или, какъ это выражается въ народной русской пословицѣ: „все минется, одна правда останется."

Изъ новѣйшихъ философовъ призналъ нѣкоторымъ, впрочемъ образомъ и въ нѣкоторомъ отношеніи внѣшнюю физическую необходимость реальнымъ принципомъ права знаменитый нѣмецк. философъ - Лейбницъ (1646-1716). Онъ отправляется отъ той общей мысли, что сущность или субстанція каждаго единичнаго индивидуальнаго существа въ мірѣ составляетъ присущую ему единичную силу. Эта сила назыв. Лейбницомъ „монадою" т.е. единицею (назв. это позаимствовано у Пифагорейцевъ). Такъ какъ единичныхъ, индивидуальныхъ существъ въ мірѣ безконечное множество, то отсюда слѣдуетъ, что существуетъ безконечное множество единичныхъ силъ, сущностей, субстанцій, или монадъ, которыя, какъ индивиды, какъ индивидуальныя существа независимы другъ отъ друга, самостоятельны. Не смотря на такую ихъ самостоятельность, какъ и на самостоятельность независимыхъ отдѣльныхъ единичныхъ существъ, весь міръ есть одно, одно живое, связное, внутреннее цѣлое. Это потому, что монады въ своихъ дѣйствіяхъ состоятъ между собою въ отношеніи, въ полномъ согласіи, въ полной гармоніи. Такое то согласіе, такую то гармонію и назыв. Лейбницъ предустановленною гармоніею (harmonia praestabilita). Поэтому, эта гармонія вытекаетъ изъ самой сущности монадъ.

а такъ какъ монады суть сущности единичныхъ существъ, то изъ самой сущности единичныхъ существъ. Предустановлена она въ силу всеобщаго мірового закона, который установленъ Божествомъ, какъ первомонадою, прежде, чѣмъ были прочія монады, слѣд., Лейбницъ понимаетъ предустановленную гармонію въ смыслѣ созданной Богомъ гармоніи т.е. въ предположенной Богомъ мировой цѣли, цѣли всего міра быть всему въ гармоніи. Не только, впрочемъ въ своемъ ученіи о монадахъ вообще, или въ своемъ сочиненіи, названномъ имъ „Монадологіею", но и въ своей „Этикѣ" т.е. въ ученіи о нравственности," въ обширномъ смыслѣ слова, т.е. въ той ея части, которая содержитъ въ себѣ ученіе, о правѣ, какъ о правдѣ и справедливости, Лейбницъ имѣетъ въ виду индивидуальную жизнь съ ея самостоятельностью всѣхъ существъ, но не иначе, какъ такъ, чтобы такая самостоятельная жизнь была въ гармоніи съ жизнью прочихъ самостоятельныхъ существъ и со всеобщею гармоніею всего міра, стало быть гармоническою жизнью стало быть гармоніею. Въ этомъ смыслѣ Лейбницъ говоритъ: „связующая весь міръ предустановленная гармонія представляется въ людскомъ общественномъ союзѣ, какъ супружество, союзъ родителей и дѣтей, союзъ господъ и слугъ, община и государство. Правда и справедливость есть такая добродѣтель, которая характеризуетъ нормальное существованіе человѣческого общежитія, въ томъ смыслѣ, что она представляетъ собою гармонію. Въ этомъ его смыслѣ, можно сказать, по ученію Лейбница, что реальный принципъ права есть

мiровая предустановленная гармонiя, которая есть ничто иное, какъ мiровой порядокъ.

Нѣкоторые философы признавали реальнымъ принципомъ права внѣшнюю физическую необходимость еще и въ др. смыслѣ, а именно, въ смыслѣ внѣшней для человѣка силы, внѣшняго насилiя и притомъ нѣкоторые изъ нихъ даже отождествляли право силою. Изъ древнихъ греческихъ философовъ сюда относятся въ особенности греческiе софисты когда они, какъ, напр. это прямо извѣстно о Фразимахѣ, утверждали, что праведное и справедливое есть полезное сильнѣйшему. Изъ первыхъ мыслителей на этой ступени стоитъ особенно англiйск. философъ Гоббесъ (1588 - 1669), а изъ новѣйшихъ Шварцъ - Карлъ Людвигъ фонъ - Галле (1768 - 1854) въ своемъ пресловутомъ сочиненiи въ шести томахъ издан. подъ заглавiемъ: „Restauration der Staatswissenschaft", т.е. возстановленiе государств. науки, гдѣ онъ устроилъ свое ученiе съ одной стороны на не понятыхъ имъ ученiяхъ Гоббеса, а съ др. стороны теократическихъ и абсолютистическихъ фантазiяхъ. Но положительные факты свидѣтельствуютъ, что обыкновенно различаютъ право и силу даже тѣ люди и цѣлые народы, которые руководствуются только простымъ чувствомъ права; они говорятъ при этомъ просто, что такой-то человѣкъ дѣйствуетъ по праву, а такой-то дѣйствуетъ неправильно, какъ сильнѣйшiй, прибѣгаетъ только къ силѣ, насилiю, такъ что они противополагаютъ право силѣ. Слѣд. выраженiе право силы, которое и теперь въ ходу: „право силы", т.е. право сильнѣйшаго, есть выраженiе самопротиворѣчащее. Сознанiе же права, т.е. правосознанiе уже строго

различаетъ право и силу; такъ напр. софисты съ такимъ сознаніемъ, уже прямо говорятъ, что одно человѣческое дѣяніе есть дѣйствіе силы, какъ своей причины, а другое человѣческое дѣяніе есть дѣйствіе права, какъ своей причины, и слѣд. они противополагаютъ силѣ право. Но тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что и сила есть одинъ изъ существенныхъ моментовъ правопонятія, а именно, въ томъ смыслѣ, что 1, только праведное и справедливое дѣйствительно истинно сильно, мощно, могуще, а неправедное и несправедливое — напротивъ, безсильно, немощно, какъ это, между прочимъ превосходно доказалъ въ своемъ знаменитомъ сочин. о правѣ Платонъ устами Сократа противъ софиста Фразимаха, утверждавшаго, что, будто-бы праведное и справедливое есть полезное сильнѣйшему; 2, право, какъ въ субъективномъ, такъ и въ объективномъ значеніи, необходимо требуетъ для своего дѣйствія силы, потому что право въ объективномъ смыслѣ, какъ система юридич. законовъ, должно имѣть обязательную силу, т.е. должно быть охраняемо отъ нарушенія и въ случаѣ нарушенія должно быть возстановлено силою, т.е. принужденіемъ, а субъективное право, какъ правомочіе, есть ничто иное, какъ полномочіе, дарованное по праву въ объективн. смыслѣ, слѣдов. есть могущество, власть, сила, подчиняющая себѣ все, что является предметомъ этого права. Такимъ образомъ объективное и субъективное право, есть только право въ возможности, а не въ дѣйствительности.

Наконецъ, съ новаго времени и даже со на-

стоящаго дня мы находимъ распространен-
нымъ, къ сожалѣнію даже между юристами
мнѣніе, что будто-бы внѣшняя физическая
необходимость есть реальный принципъ пра-
ва мнѣніе, частію, заимствованное, частію
безсознательное, а именно, сюда можно отне-
сти, по крайней мѣрѣ отчасти, поставл-
ленное впервые съ особенною опредѣлительностью
Томазіемъ (1655-1728 г.) развитое затѣмъ
Кантомъ и окончательно доведенное до край-
ности Фихте Старшимъ до сихъ поръ почти
общепринятое между юристами, по край-
ней мѣрѣ односторонними, воззрѣніе на пра-
во, въ правопонятіи котораго находятъ эти
ученые одинъ только физическій элементъ
или моментъ, т.е. силу, насиліе, или при-
нужденіе, опуская изъ виду, какъ справедли-
во замѣчаетъ Тренделенбургъ, два другіе
столь-же существенные для права элемента
или момента, а именно, этическій или юри-
дическій, и вслѣдствіе этого они отличаютъ
право отъ морали принудительностью
права, выражающею именно физическую необ-
ходимость и непринудительностью морали,
какъ отсутствіемъ этой необходимости, ко-
торая замѣняется нравственною необходи-
мостью. Съ своей стороны мы замѣтимъ,
что вообще необходимость можетъ быть
признана существ. признакомъ развѣ толь-
ко неправа, т.е. отрицанія права, а не
положительнаго права; другими словами:
принужденіе употребляется государствомъ,
а именно, его верховною властью, а въ про-
чихъ общественныхъ союзахъ властью этихъ
союзовъ, только въ случаѣ неправа, какъ
правонарушенія отрицанія права, а вовсе

не тогда, когда человѣкъ поступаетъ согласно съ правомъ. Это есть общiй всѣмъ извѣстный положительный фактъ.

Итакъ, на второй ступени генетическаго развитiя сознанiя объективныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые выводятъ право изъ того, что мы назвали внѣшнею, физическою необходимостью, и которые потому, опредѣляютъ право, какъ физическiй необходимый законъ, какъ необходимый порядокъ людскаго общежитiя, необходимый потому, что онъ есть существенная составная часть всеобщаго мiроваго порядка, который самъ по себѣ не нарушимъ, непрестанно возстановляется физическою силою послѣ всякаго уклоненiя отъ него или послѣ всякаго его нарушенiя. Слѣд., право есть такой законъ людской общест. жизни, который существенно соединяется въ этомъ смыслѣ съ принужденiемъ.

III. Объективные реальные принципы права, выражающiе внѣшнюю нравственную необходимость.

Эта необходимость отличается отъ внѣшней физической необходимости тѣмъ, что она уже налагаетъ на человѣка нравственныя въ обширномъ см. обязанности, какъ моральныя, такъ собственно и юридическiя обязанности, предполагая, слѣд. свободной человѣч. волѣ исполнять ихъ или не исполнять, въ чемъ и заключается существенный признакъ нравственности. Поэтому, эта необходимость есть нравственная, а не физическая необходимость. Но и эта нравственная необходимость имѣетъ нѣ-

что общее съ физической необходимостью, а именно то, что какъ та, такъ и другая необходимость разсматривается только какъ внѣшняя необходимость, т.е. какъ проистекающая не извнутри природы, естества человѣка (о такой необходимости мы будемъ говорить при разсматриваніи субъективныхъ реальныхъ принциповъ); а потому какъ изъ одной, такъ и изъ другой необходимости выводятся реальные объективные, а не субъективные принципы права.

Уже въ древней Греціи нѣкоторые философы, отчасти Сократъ, но въ особенности Платонъ, понимали подъ правдою и справедливостью, какъ праведнымъ и справедливымъ, нравственный міровой порядокъ въ смыслѣ именно внѣшней нравственной а не физической необходимости. Въ самомъ дѣлѣ внѣшняя нравственная необходимость есть одинъ изъ моментовъ правопониманія, если мы будемъ понимать право, какъ нравственный порядокъ всякаго вообще людского общественнаго союза, во всѣхъ лицъ, гдѣ только жили и живутъ люди въ смыслѣ существъ нравственныхъ вообще т.е. существъ разумно свободныхъ. Затѣмъ, такой принципъ принимали тѣ философы, которые утверждали, что праведное и справедливое есть ничто иное, какъ согласіе съ волею, съ внушеніями для человѣка велѣніями Верховнаго Существа, Божества, которое налагаетъ своими велѣніями нравственныя въ объективномъ смыслѣ обязанности на человѣка. Такой принципъ былъ поставленъ огромнымъ большинствомъ средневѣковыхъ христіанскихъ философовъ-теологовъ, дедуцировавшихъ правопониманіе изъ велѣній Божіихъ, потому что они признавали, что праведное и справедливое есть ничто иное, какъ согласіе съ велѣніями Божіими, или съ заповѣдями, какъ ве-

...ветхозавѣтной, такъ и новозавѣтной церкви ученіи о нихъ правда и справедливость въ смыслѣ добродѣтели есть ничто иное, какъ согласіе съ заповѣдями Божіими внѣшнимъ образомъ выражаемое во взаимныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ людей между собою, какъ членовъ одного и того же людскаго общественнаго союза. Хотя многіе изъ этихъ писателей признавали правду и справедливость и въ смыслѣ добродѣтели вообще, и въ смыслѣ общественной добродѣтели, но такое значеніе правды и справедливости есть уже не юридическое, а моральное, которое возникло впервые у евреевъ вслѣдствіе того, что государственное ихъ устройство было теократическое (Богоправленіе) — въ которомъ Богъ признавался верховнымъ царемъ надъ внѣшними собственно, такъ называемыми царями, какъ Его помощниками (или какъ они выражались — Богъ боговъ), такъ что всякій еврей признавшій этого единаго Бога Боговъ признавалъ себя обязаннымъ не только морально, но и юридически исполнять все его велѣнія, какъ своего Бога и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ своего царя, т. е. признавалъ себя обязаннымъ быть въ этомъ смыслѣ вообще добродѣтельнымъ, такъ что правда и справедливость имѣла значеніе въ ветхомъ завѣтѣ добродѣтели вообще. Но такъ какъ добродѣтель есть безгрѣшность, въ смыслѣ религіозномъ, кто праведный и справедливый въ ветхомъ завѣтѣ признавался безгрѣшнымъ вообще, а такъ какъ только одинъ Богъ безъ грѣха, то только въ этомъ смыслѣ назывался праведнымъ, т. е. безгрѣшнымъ, нравственно совершеннымъ, а люди болѣе или менѣе праведные и справедливые назывались праведниками. Такое значеніе

правды и справедливости, въ смыслѣ добродѣтели вообще, перешли изъ ветхаго завѣта въ новый, гдѣ въ особенности въ посланіяхъ Апостола Павла очень часто говорится объ оправданіи человѣка въ смыслѣ освобожденія его отъ первороднаго грѣха, а именно, какъ слѣдствія этого грѣха, такъ и избавленія отъ наказанія за этотъ грѣхъ; здѣсь, именно говорится о правдѣ и справедливости въ смыслѣ безгрѣшности которая приписывается только единому Богу въ трехъ лицахъ. Такъ и теперь понимаютъ правду и справедливость въ обширномъ смыслѣ добродѣтели вообще тѣ писатели, которые основываютъ все на Св. Писаніи. Но многие изъ средневѣковыхъ христіанскихъ теологовъ въ качествѣ уже философовъ въ своемъ ученіи о правдѣ и справедливости, придали уже болѣе тѣсный смыслъ правды и справедливости, разумѣя подъ нею если не вообще добродѣтель, то по крайней мѣрѣ, преимущественно общественную добродѣтель въ разъясненномъ нами смыслѣ. Однако они все таки выставляютъ реальнымъ принципомъ права - волю Божію въ смыслѣ внутренней нравственной необходимости, ибо правда и справедливость средневѣковымъ философамъ теологамъ представлялась столь какъ-бы неестественною человѣку, какъ существу грѣховному по своей природѣ, что она могла быть достигнута людьми не иначе, какъ только съ помощью Благодати Божіей, т. е. человѣкъ по своей грѣховности не могъ самъ собою, безъ помощи Божіей исполнять велѣнія, заповѣди божіи и стать добродѣтельнымъ. Если разсматривать такой реальный принципъ, какъ принципъ христіанской добродѣтели во-

ѣще, какъ правды и справедливости съ теологической точки зрѣнія, или со стороны вѣры въ Божественное откровеніе, то противъ него, конечно, ничего нельзя сказать потому, что въ этомъ смыслѣ воля Божія есть дѣйствительно моментъ правды и справедливости; но, если разсматривать эту правду и справедливость съ чисто философской научной точки зрѣнія, со стороны познаній, добываемыхъ человѣческимъ умомъ самостоятельно, какъ это не дѣлали тѣ средневѣковые христіанскіе философы, которые принимали правду и справедливость въ смыслѣ общественной добродѣтели, а не въ смыслѣ добродѣтели вообще, то такое ученіе о правдѣ и справедливости уничтожаетъ самостоятельность философіи права, какъ науки, а именно, есть или смѣшеніе философіи вообще съ христіанскою теологіею, какъ это дѣлали, обыкновенно средневѣковые, такъ называемые отцы церкви, patres ecclesiae, или подчиненіе философіи христіанской теологіи, какъ это дѣлали средневѣковые схоластики, говоря, что философія есть ancilla theologiae, т.е. служанка теологіи.

Противъ такого уничтоженія самостоятельности философіи права посредствомъ смѣшенія ея съ теологіею, вооружился знаменитый голландскій философъ-юристъ Гуго-Гроцій. Онъ говорилъ, что право, какъ правда и справедливость не зависитъ отъ воли Божіей, а слѣдовательно самостоятельно, что правда и справедливость была бы правдою и справедливостью какъ 2×2=4, и если бы даже не было Бога (чего понятно нельзя сказать безъ крайней дерзости), а потому философія права, предметъ которой есть правда и справедливость, или естественное право, есть наука самостоятельная, кото-

что слѣдуетъ отдѣлить отъ теологіи и
которую не слѣдуетъ подчинять ей, какъ
это дѣлали теологи философы до Гуго-Гроція
въ средніе вѣка. Но Гуго-Гроцій не ограничился
однимъ признаніемъ самостоятельности
естественнаго права, какъ науки, а самъ по-
строилъ систему ея, какъ самостоятельную
науку въ сочиненіи своемъ „de jure belli ac
pacis" - о правѣ во время войны и мира, пра-
вѣ въ смыслѣ правды и справедливости ибо
здѣсь jus означаетъ не положительное право,
a justum, такъ что это заглавіе можно
перевести „de justo in bello ac in pace" - о томъ,
что праведно и справедливо во время войны и
мира. За такое-то возстановленіе той само-
стоятельности философіи права, какъ нау-
ки, какую оно имѣло уже въ древней филосо-
фіи и какую она утратила въ средніе вѣ-
ка, Гуго-Гроцій по справедливости признает-
ся творцомъ естественнаго права или фи-
лософіи права, какъ науки, или по крайней
мѣрѣ, ея возстановителемъ. Не смотря одна-
ко на такой великій подвигъ Гуго-Гроція не
только въ исторіи новой философіи, но даже
въ исторіи новѣйшей философіи встрѣчает-
ся не мало попытокъ возвратиться вспять,
т.е. смѣшать философію права съ теологіею
или подчинить её ей, съ тѣмъ развѣ различ-
іемъ, что такое смѣшеніе дѣлается съ по-
мощью результатовъ новыхъ научныхъ из-
слѣдованій; въ этомъ смыслѣ она представ-
ляется въ обновленномъ видѣ противъ преж-
няго. Такихъ философовъ называютъ въ но-
вое время теологизирующими по отноше-
нію къ естественному праву, какъ науки.
Главнымъ представителемъ изъ такихъ но-
вѣйшихъ теологизирующихъ философовъ
является бывшій профессоръ Берлинскаго уни-
верситета, послѣдователь, хотя и самостоя-
тельный, Шеллинга, въ послѣднемъ фази-

развитія его философской системы называет-
ся философія откровенія Шталь (1802-1869 г.),
а именно, въ его сочиненіи: „Философія пра-
ва", которое имѣло нѣсколько изданій. Во гла-
вѣ его философіи права стоитъ положеніе,
или мысль, что умъ или разумъ человѣчес-
кій не въ состояніи привести человѣка къ по-
ложительному знанію и что поэтому фило-
софія должна возвратиться къ вѣрѣ и къ ученію
откровенія. Въ такомъ смыслѣ [illegible]
понимать знаменитое изреченіе Шталя: „
наука должна вернуться назадъ." Самый
идеальный принципъ, по ученію Шталя, об-
щій для права, нравственности и справедливо-
сти выражается, по [illegible] Шталевой
философіи права, принципъ вѣчный, а
именно, Шталь выводитъ праведное и спра-
ведливое изъ личности божіей, какъ пер-
вопричины всего. Правда и справедливость, гово-
ритъ, между прочимъ, Шталь, имѣютъ сво-
имъ источникомъ, т.е. верховнымъ, руководящимъ
принципомъ верховную личность, т.е. лицо
возвышающееся надъ всѣми лицами, верховное
лицо, а это именно Божество. Это [illegible]
ніе это верховное лицо непремѣнно хочетъ
того, чего хочетъ его святая воля и, конеч-
но въ духѣ такого своего хотѣнія, такъ что
все совершается именно по правдѣ и спра-
ведливости; но тѣмъ не менѣе Богъ предоста-
вляетъ также и свободу, а слѣдовательно и пра-
ва самостоятельности и др. воли, т.е. человѣ-
ческой. Только такимъ образомъ, говоритъ
онъ, объясняется древнее устройство всего мі-
ра, состоящее въ томъ, что въ мірѣ допускается
преступленіе, какъ нарушеніе велѣній святой
Божіей воли, и такъ, что на самое это велѣніе
Божіей воли, нарушаемое преступленіемъ, на-
лагается печать, которая не можетъ быть, какъ
выражается Шталь, никакимъ образомъ, сло-
мана, т.е. что воля Божья сама по себѣ не на-

нерушима, неприкосновенна, свята. Поэтому правда и справедливость вѣчно вращается, говоритъ Шталь, около этихъ обоихъ полюсовъ, т.е. съ одной стороны она ничего не противорѣчитъ изъ установленнаго Богомъ порядка въ мірѣ, т.е. такъ, что воля Божья, ея велѣнія сохраняются въ ихъ цѣлости, въ ихъ ненарушимости, — съ другой стороны, правда и справедливость вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не умаляетъ свободы человѣческой, а слѣдовательно и самостоятельности человѣческой. Такимъ образомъ волю Божію и волю человѣка Шталь находитъ возможность соединить, согласить, привести въ гармонію. Далѣе, правда и справедливость имѣя, какъ было сказано, своимъ источникомъ личность Божью, есть вообще необходимая принадлежность, атрибутъ только личности, только лица, говоритъ Шталь. Въ самомъ дѣлѣ, если бы верховный принципъ всего, первопричина, какъ Божество, былъ бы безличнымъ, то въ такомъ случаѣ вовсе невозможна идея правды и справедливости и слѣдовательно и самаго правопонятія, ибо въ самомъ дѣлѣ личность есть правоспособность, и слѣдовательно съ личностью предполагается право. Но правда и справедливость есть принадлежность личности и лица только въ отношеніи къ другимъ лицамъ, а не въ отношеніи лица къ самому себѣ, т.е. если мы говоримъ о правдивыхъ и справедливыхъ дѣяніяхъ лица, то это значитъ, что эти дѣянія лица простираются на другія лица, а не на самое это лицо, потому что отношеніе лица только самому себѣ, своей сущности, природѣ, т.е. исполненіе велѣній этой сущности, природы не тождественно съ правдою и справедливостью. Слѣдовательно, здѣсь устраняется, напр., принципъ выраженный стоиками и повторенный затѣмъ Цицерономъ: что правдивое и справедливое состоитъ въ томъ, чтобы жизнь человѣка была согласна съ его приро-

дою, съ его сущностью, т. е. какъ разумнаго существа. Правда и справедливость не имѣютъ своимъ предметомъ, объектомъ самого же дѣятеля, а имѣютъ своимъ предметомъ другія какія нибудь лица, такъ что Шталь въ этомъ отношеніи подтверждаетъ то, что говорили Платонъ, а за нимъ Аристотель о правдѣ и справедливости, а именно, что правда и справедливость есть чужое добро, т. е. дѣйствующій по правдѣ и справедливости дѣлаетъ доброе и полезное не себѣ а другимъ. Поэтому правда и справедливость, продолжаетъ Шталь, предполагаетъ царство, т. е. господство одной личной воли надъ другими личностями, такъ что, то лицо праведно и справедливо, которое подчиняется воли господствующаго надъ нимъ лица, кто бы ни было это лицо, [illegible] или верховной власти своего отечества, своего государства или въ власти другого общественнаго союза, котораго онъ состоитъ членомъ, напр. власти главы семейства и наконецъ, власти своего согражданина въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ по отношенію къ нему права частныя, ему принадлежащія какъ собственнику, напр. право исключать всякое вліяніе другого лица на свои вещи, заключать договоры и соглашенія и т. п. Итакъ правда и справедливость, продолжаетъ Шталь, означаетъ ненарушимое охраненіе велѣній со стороны господствующаго, властвующаго лица, т. е. въ правдѣ и справедливости заключается необходимость исполнять ея предписанія, ея велѣнія, ея законы какъ велѣнія господствующаго лица по отношенію къ подчиненнымъ ему лицамъ. Таково значеніе правды и справедливости, говоритъ Шталь, въ первоначальномъ и объективномъ смыслѣ этого слова, т. е. въ смыслѣ совокупности велѣній одного лица для другихъ лицъ ему подчиненныхъ, когда напр. говорятъ, что правда и спра-

ведливость требуетъ исполненія такихъ-то дѣяній и т.п., ибо тогда правда и справедливость является чѣмъ-то внѣшнимъ для того лица, которое исполняетъ ея велѣнія и слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, она является объективною. Въ этомъ то смыслѣ говоритъ далѣе Шталь, мы приписываемъ правду и справедливость всякому законному лицу, которое устанавливаетъ законы по отношенію къ подчиненнымъ лицамъ и которое завѣдываетъ этими законами, т.е. завѣдываетъ правосудіемъ, которое есть правда и справедливость въ смыслѣ осуществленія ея велѣній въ дѣйствительности. Такъ, мы приписываемъ въ этомъ смыслѣ правду и справедливость прежде всего Богу, затѣмъ Монарху или другимъ представителямъ государства, далѣе законодателю, судьѣ, отцу и т.п. а не простому человѣку, простому гражданину, какъ таковому, т.е. намъ равному, такъ что правда и справедливость непремѣнно предполагаетъ съ одной стороны господство, а съ другой подчиненіе, слѣдовательно неравенство. Всѣ частные лица являются равными, но напр. по заключенію договора между ними устанавливается неравенство, а именно, насколько одно лицо имѣетъ права, на столько другой имѣетъ обязанности, слѣдовательно, подчиняется власти перваго лица, ибо, какъ извѣстно, право есть власть.

Но слово правда и справедливость употребляется и въ другомъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ субъективномъ, какъ непремѣнное исполненіе велѣній высшаго лица со стороны подчиненныхъ ему лицъ. Когда напр., говорятъ, что такое то дѣяніе лица или такое то лицо праведно и справедливо, то въ такомъ случаѣ правда и справедливость употребляется въ субъективномъ смыслѣ этого слова

а именно, какъ предписывающія лицу исполняющему велѣнія со стороны господствующаго надъ нимъ лица, какъ подчиненнаго ему; какъ подчиненному этого отношенія, какъ субъекта этого отношенія. Это есть именно, преимущественно, библейское словоупотребленіе правды и справедливости, т.е. это значеніе правды и справедливости, въ какомъ оно употребляется въ Библіи или священномъ писаніи, и именно, въ смыслѣ праведности, какъ добродѣтели вообще.

Но во всѣхъ значеніяхъ этого слова правды и справедливости, слѣдовательно, какъ въ субъективномъ, такъ и въ объективномъ смыслѣ, правда и справедливость по своему понятію, т.е. по своей сущности, состоитъ въ нерушимости даннаго установленнаго порядка, каково бы ни было особенное содержаніе правды и справедливости, т.е. въ чемъ бы не состояли особенныя требованія, велѣнія закона. Такъ напр., смотря по своему содержанію, правда и справедливость, говоритъ Шталь, есть или мужество или цѣломудріе, или что нибудь другое. Вообще содержаніе нравственныхъ требованій и велѣній, какъ нравственныхъ идей, многоразлично; напр., любовь къ ближнему, супружеская любовь, вѣрность, благочестіе, цѣломудріе; вѣрность гражданская, патріотизмъ и т.п. — все это суть различно-нравственныя идеи, содержащія въ себѣ различныя требованія, велѣнія или законы. Къ числу такихъ нравственныхъ идей и принадлежитъ также и правда и справедливость, ибо это есть такая идея, которая кладетъ печать нерушимости на исполненіе всѣхъ другихъ нравственныхъ идей, т.е. кто исполняетъ требованія, велѣнія этой нравственной идеи, которая въ особенности называется правдою и справедливостью, тотъ тѣмъ самымъ исполняетъ требованія

вытія и всѣхъ вообще нравственныхъ идей. Такой взглядъ Шталя есть взглядъ христіанскій вообще, христіанскихъ мыслителей, которые говорили, что правда и справедливость, какъ добро, какъ добродѣтель, какъ основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей, и самодовлѣющее и основа всѣхъ ихъ, есть единственная добродѣтель. Какъ единая нравственная идея, въ этомъ смыслѣ правда и справедливость, если и должна быть названа, говоритъ Шталь, идеею нравственнаго міра, какъ такового, т. е. она есть такая идея, на которой основано бытіе и сохраненіе всего нравственнаго міра, безъ которой нравственный міръ былъ бы невозможенъ. Такъ, словомъ „правда и справедливость“ выражается отношеніе нравственнаго могущества, силы и авторитета высшей божества, государства или какой нибудь другой власти, или нравственный авторитетъ Божества, государства или другой власти къ свободѣ людей, стоящихъ подъ ихъ велѣніями. Это отношеніе состоитъ однако не только въ неизмѣнномъ сохраненіи или соблюденіи самихъ предвѣленій божества со стороны всѣхъ людей или государства со стороны его членовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ сохраненіи или охраненіи предоставленнаго людямъ божествомъ или государствомъ области, сферы бытія или существованія природы, т. е. въ субъективномъ смыслѣ, какъ сферы, области предоставленной людямъ свободы, ибо, продолжаетъ Шталь, сущность правды и справедливости состоитъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ ненарушимомъ сохраненіи этическаго т. е. нравственнаго въ объективномъ смыслѣ порядка, установленнаго божествомъ, какъ нравственнаго мірового порядка, или государствомъ, какъ общественнаго порядка государства, а само лицо съ его субъективными правами или вообще личность, какъ правоспособность существа, есть …

ный принципъ, источникъ всего этическаго нравствен. порядка, какъ міроваго, такъ и государственнаго, равно какъ и источникъ, принципъ всѣхъ велѣній, установленныхъ закономъ, которыя д. б. выполняемы лицами, какъ таковыми, ибо только въ этомъ случаѣ ихъ дѣятельность можетъ быть согласна съ правдою и справедливостью, можетъ быть праведною и справедливою. Поэтому правда и справедливость, говоритъ Шталь, проявляется двоякимъ образомъ, какъ охраняющая, т.е. охраняющая нравствен. порядокъ міра или государства, власть, сила отъ всякаго его нарушенія, которою властью обезпечиваются предоставленныя его права, подчиненнымъ ей лицамъ, какъ субъективн. права и притомъ права, какъ въ отношеніи къ ней самой, т.е. къ власти, такъ и въ отношеніи къ др. лицамъ. 2°, правда и справедливость проявляется какъ мздовоздающая власть, которая, смотря потому, будутъ-ли или не будутъ исполняемы ея велѣнія (а исполнять или не исполнять велѣніе возможно, потому что человѣкъ является свободнымъ существомъ) награждаетъ или наказываетъ человѣка съ тѣмъ, чтобы воздать ему должное съ того цѣлью, дабы награжденіемъ и наказаніемъ проявить вѣчное господство этическ. нравственнаго порядка міроваго или государственнаго. Оба эти элемента, т.е. власть какъ охраняющая и какъ мздовоздающая, лежатъ необходимо въ самомъ понятіи, сущности правды и справедливости, суть существ. его элементы или моменты и притомъ находятся въ нераздѣльномъ

единствѣ, т.е. не м. б. правды и справедливости безъ охраненія нравственнаго порядка и безъ мздовоздаянія людямъ за исполненія или неисполненія ея требованій, велѣній.

И такъ, заключаетъ Шталь, идея правды и справедливости не ограничивается одною только областью права въ собственном см. слова; напротивъ, она есть принадлежность нравствен. міра вообще во всѣхъ его областяхъ и на всѣхъ ступеняхъ его развитія, такъ что, гдѣ есть этическ. нравств. порядокъ, тамъ непремѣнно есть правда и справедливость. Относительно внутренней области нравствен. міра, т.е. области религіи и морали, къ области внутрен. душевнаго міра мыслей, чувствъ и желаній правда и справедливость есть правда божественная, т.е. въ смыслѣ божественнаго правосудія, ибо только божество судитъ нашѝ внутрен. мысли, чувствованія, помышленія. Она есть въ этомъ смыслѣ охраняющій велѣнія Божія вѣчн. судъ Божій, надъ людьми, какъ въ нынѣшней земной, такъ и въ будущей небесной жизни, ибо охраняются эти велѣнія не только мздовоздающимъ правосудіемъ божіимъ въ будущей жизни, но уже и въ этой жизни тѣмъ правосудіемъ, которое древние называли Немезидою, владычествующею уже и въ земныхъ судьбахъ человѣка. Во внѣшн. области нравствен. міра, т.е. въ области собственно права, какъ области внѣшней дѣятельности человѣка, правда и справедливость есть принадлежность человѣческаго, т.е. принадлежность гражданскаго общества, которая господствуетъ

въ гражданскомъ правосудіи имѣемъ всего [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], что эта правда и справедливость есть законъ [illegible] или [illegible], покровительствующій государству, охраняемый гражданскимъ, т. е. граждански. правосудіемъ. Преступленіе божествен. правды и справедливости назыв. грѣхомъ, а преступленіе граждански. правды и справедливости есть собственно назыв. преступленіе, награда же праведнымъ и справедливымъ, какъ со стороны божествен., такъ и со стороны гражданской правды и справедливости или правосудія, состоитъ не столько въ особенныхъ отличіяхъ праведныхъ и справедливыхъ и неправедныхъ и несправедливыхъ, сколько въ самомъ причастіи къ нравствен. порядку, т. е. къ тому, что они суть члены этого нравствен. порядка, нравств. міра. Такъ причастіе къ нравстве. порядку, къ царствію божію и соединеніе со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ неразрывно душевное спокойствіе есть, въ самомъ дѣлѣ, наградою того, кто соблюдаетъ велѣнія божіей правды и справедливости, а лояльный подданный государства находитъ себѣ награды въ защитѣ и въ охраненіи со стороны законовъ, какъ членъ извѣстн. людскаго общенія. Итакъ, правда и справедливость какъ тамъ, такъ и здѣсь существенно одна и та же, и имѣетъ равное дѣйствіе и тамъ и здѣсь; слѣд., идея правды и справедливости есть общая и теологіи и правовѣдѣнія, ибо божественная правда и справедливость есть предметъ теологіи, а гражд. — предметъ правовѣ

дѣнія. Изъ этого послѣдн. выраженія ясно теологизированіе Шталя, сведеніе теологіи, какъ науки и правовѣденія въ смыслѣ соединенія и т. д., а также въ смыслѣ единенія правовѣденія, какъ науки теологіи, ибо ее право, какъ праведное и справедливое выводится Шталемъ изъ одного божества или изъ воли, какъ изъ абсолютной личности, изъ абсолютнаго лица, которая или которое (воля или лицо) и есть так. образ., по ученію Шталя, реальный, объект. принципъ права. Самое же право въ объективн. смыслѣ Шталь опредѣляетъ такимъ образ.: право есть норма и порядокъ человѣческаго общежитія; оно имѣетъ своею задачею охранять внутрен. цѣль, какъ нравствен. идею всякаго учрежденія до крайняго предѣла этой идеи, т. е. по возможности до конца. Въ такомъ опредѣленіи правопониманія, дѣйствительно заключается одинъ изъ его моментовъ, ибо право является такою внѣшнею нравствен. необходимостью для человѣческаго общества, въ силу которой охраняется всякое постановленіе общественной власти съ цѣлью, чтобы присущая такому постановленію цѣль его, какъ нравств. идея, была-бы достигнута этимъ постановленіемъ и чтобы слѣдов. это самое постановленіе было цѣлесообразно.

Итакъ на третьей и послѣдней ступени генетич. развитія человѣч. сознанія реальныхъ объективн. принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые производятъ право изъ того, что мы назвали внѣшнею нравствен. необходимостью

и которые признавали обязательными право потому, что оно есть порядокъ нравственнаго міра, нравств. міровыхъ законовъ, которые сами по себѣ не преложны, незыблемы, не нарушимы.

Такъ, мы окончили разсмотрѣніе вообще объективн. реальныхъ принциповъ права. ~~А такъ~~

б). Субъективные реальные принципы права.

Это суть тѣ принципы, которыми выражается внутреннее, въ самомъ человѣкѣ находящееся, составляющее его сущность природу. Между этими субъективными реальными принципами права, мы можемъ различить три главные вида, которые суть также ничто иное, какъ ступени генетич. развитія человѣческ. сознанія реальныхъ субъективн. принциповъ права, а именно: I субъективн. реальные принципы права, выражающіе физич., вообще чувств. природу человѣка, II субъективн. реальные принципы права, выражающіе разумную, нравственную, вообще духовную природу человѣка и наконецъ III субъективные реальные принципы права, выражающіе всю вообще, всецѣлую природу человѣка. Итакъ,

I. Субъективн. реальные принципы права, выражающіе физическую природу человѣка.

Древними представителями этихъ принциповъ являются греческ. философы, въ особен-

[illegible] софисты, когда они признавали толь-
[illegible] сильнаго человѣка, имѣющимъ естественное
право преобладать по своей природѣ, согласно
[illegible] по своему природному естественному пра-
[illegible] и отстаивали [illegible] чело-
вѣку, [illegible] по [illegible] природ-
ному естественному праву. Нѣкоторые
изъ софистовъ признавали также точно
[illegible], въ [illegible] аристократа
[illegible], которые желали [illegible]
[illegible] этого слова, т. е. [illegible]
[illegible] было исключительною [illegible] властью
[illegible], которые [illegible] пользовались
[illegible] его [illegible] и [illegible] для своихъ
только личныхъ выгодъ, а не для общаго бла-
га. Такого человѣка [illegible] софисты са-
мымъ счастливымъ изъ всѣхъ людей, имен-
но потому, что онъ могъ дѣлать все, что
ему вздумается, что онъ по природному
естественному праву имѣлъ всѣ права, а
прочіе люди [illegible] были
[illegible], не имѣющими никакихъ правъ.
Впрочемъ одинъ изъ софистовъ, который въ
одномъ изъ разговоровъ Платона, въ особенно-
сти защищалъ этотъ тезисъ, а именно Фра-
зимахъ, защищалъ противъ Сократа, ука-
зывавшаго всю несостоятельность ея, если
подъ именемъ сильнаго понимать только
сильнаго физически, говорилъ; что подъ силь-
нымъ вообще онъ вовсе не думаетъ понимать
только сильнаго физически, какого нибудь
атлета, бойца, и напротивъ, онъ имѣетъ
въ виду здѣсь сильнаго въ искусствѣ пра-
вить государствомъ, начальствовать надъ
всѣми такъ, чтобы всѣ въ государствѣ дѣ-
лали все то, чего онъ желаетъ, а желаетъ
онъ для себя полезнаго. Впрочемъ, строго го-

воря, Фразимахъ, какъ представитель, какъ типъ многихъ софистовъ, приведенныхъ Платономъ, защищавшии то положеніе, что право порождается природою человѣка, истекаетъ изъ нея, на самомъ дѣлѣ здѣсь играя только словомъ, Κράτος, которое у греков имѣло двойной смыслъ, а именно означало и сильнаго физическаго, и сильнаго умомъ знаніемъ и умѣньемъ, подобно тому какъ и наше слово „сильный" такихъ же два значенія (сильнаго физически и сильнаго умственно - говорятъ напр. что такой-то человѣкъ силенъ въ математикѣ). Слѣдов., можно сказать, что софисты не остались здѣсь себѣ совершенно консеквентными, вѣрными (да и не могли остаться), почему они и не могутъ явиться представителями этого перваго главнаго вида субъективныхъ реальныхъ принциповъ права, состоящихъ въ выводѣ права, какъ праведнаго и справедливаго изъ физической природы человѣка. Но въ новое время являются уже такіе философы, которые въ самомъ дѣлѣ защищаютъ вѣрность такого принципа совершенно послѣдовательно. Особенною послѣдовательностью въ этомъ отношеніи отличается знаменитый голландскій философъ XVII в. Спиноза (1632-1677) котораго полное собраніе сочиненій на латинск. языкѣ вышло не очень давно въ небольшомъ форматѣ. Изъ всѣхъ его сочиненій для насъ особенно важны слѣдующія два: этика и сочин. подъ назван. Politicus tractatus. Спиноза дедуцировалъ право изъ того, что онъ называлъ потенціею, могуществомъ, принадлежащимъ каждому существу, какъ отдѣльному, какъ индивиду и между прочимъ человѣку, какъ индивиду. Онъ утверждалъ, что всякій вообще индивидъ, т. е. всякое живущее

всякій человѣкъ имѣетъ на столько природнаго естественнаго права въ субъективномъ смыслѣ этого слова, на сколько управомоченъ, на сколько онъ имѣетъ мочи, могущества, потенціи, т.е. на сколько способенъ сохранить себя, т.е. свою индивидуальность. Само, прибавляетъ Спиноза, что это право въ субъективномъ смыслѣ, даваемое такимъ образомъ природою, естествомъ человѣка индивиду, вытекающее изъ этой природы человѣка, какъ физическаго существа, какъ существа матеріальной природы, есть именно потому естественное или природное право въ субъективномъ смыслѣ; сама же природа, которая даетъ человѣку, какъ и всякому существу, такое право является такимъ образомъ относительно къ индивидуальнымъ природнымъ естественнымъ правамъ въ объективномъ смыслѣ слова, т.е. является системою законовъ, которыми устанавливаются такія права индивида, истекающія изъ его физическаго могущества, мочи. Такъ говоритъ Спиноза, въ видѣ примѣра, большія рыбы по природному естественному праву въ субъективномъ смыслѣ и въ смыслѣ законовъ, въ смыслѣ природы, которая даетъ имъ такое право, поѣдаютъ меньшихъ рыбъ, имѣютъ право на то потому, что они имѣютъ на то мочь, а дѣлаютъ они это съ цѣлью сохранить свое существованіе, свою индивидуальность. Такъ, и могущественный человѣкъ по природному естественному праву, въ смыслѣ субъективномъ и объективномъ подчиняетъ себѣ менѣе могущественныхъ людей. Точно также и государство подчиняетъ себѣ гражданъ, изъ которыхъ оно состоитъ вслѣдствіе своего могущества, вслѣдствіе превосходства своего могущества предъ могуществомъ отдѣльныхъ гражданъ. Слѣдовательно, и государству принадлежитъ

[illegible] природы право получить себѣ отдѣльныя [illegible], какъ право естественное при[illegible] съ цѣлью охраненія своего индивидуальнаго существованія. По Спинозовъ принципу права (могущество, потенція) существованія [illegible] и другой стороны онъ [illegible] принципа софистовъ (силы) - тѣмъ, [illegible] Спиноза съ своимъ принципомъ права со[illegible] одинъ изъ природныхъ физич. инстинктовъ, влеченій человѣка, какъ существа физическаго а именно, природное физическое влеченіе человѣка къ самосохраненію, къ сохраненію своей индивидуальности. Въ этомъ смыслѣ Спинозовъ принципъ, хотя по своей сущности сходенъ съ принципомъ софистовъ, ибо могущество, потенція есть тоже со[illegible] [illegible] что и сила, но существенно отлича[illegible] этотъ принципъ софистовъ тѣмъ, что сила у софистовъ была понятіемъ воли неопредѣленнымъ, между тѣмъ какъ могущество Спинозы является совершенно опредѣленнымъ именно тѣмъ, что индивидъ на столько имѣетъ права, насколько онъ способенъ по[illegible] сему природному естеств. праву, на сколько онъ можетъ сохранить самъ себя, свое существованіе какъ индивида, самосохраненіе есть одинъ изъ присущихъ человѣка, какъ существа физическаго, влеченій. Но не смотря на такое важное различіе между принципами Спинозы и софистовъ, въ сущности у нихъ одинъ и тотъ же односторонній принципъ, а именно и Спиноза, и софисты выводятъ право только изъ физической природы человѣка, разсматривая его только съ одной стороны, односторонне, какъ существо физическо[е] хотя Спиноза разсматриваетъ съ большею односторонностью вслѣдствіе того, что онъ соединяетъ съ могуществомъ природное влеченіе

человѣкахъ къ самосохраненію, [illegible] физически необходимымъ для человѣка, [illegible] щества физическаго, а именно, онъ выводитъ пра[в]о изъ физической (а не правственной) природы человѣка, какъ изъ физической необходимости для него удовлетворить свое влеченіе, инстинктъ къ самосохраненію.

Впрочемъ, кромѣ Спинозы и большинство философовъ, относимыхъ къ новой философіи (начиная отъ Бэкона и Декарта и доходя до Канта) признали реальнымъ принципомъ права, оставляя въ сторонѣ понятіе о силѣ или могуществѣ, одно какое нибудь природное физическое влеченіе, или же нѣсколько физическихъ инстинктовъ человѣка, присущихъ его природѣ физической, требующихъ физически отъ него, чтобы онъ ихъ удовлетворилъ, какъ существо только физическое. Одни изъ этихъ философовъ признали субъективнымъ реальнымъ принципомъ права общежит. природное влеченіе человѣка, т. е. инстинкты, которые присущи ему къ общенію его съ другими людьми, къ составленію или общественныхъ союзовъ, помимо всякихъ выгодъ, которыя могутъ произойти отъ такого общенія, а только прямо для того, чтобы удовлетворить этому общенію, совершенно безкорыстно. Другіе же философы, напротивъ признали реальнымъ субъективн. принципомъ права эгоистическіе принципы или принципы имѣющіе въ виду особенную выгоду, собствен. пользу человѣка какую-бы то ни было, такъ что онъ обращаетъ вниманіе уже на самого себя, на свою личную выгоду, пользу, на свое я, едо (отсюда и назв. „эгоистическіе принципы") вслѣдствіе также присущаго человѣку влеченія, инстинкта къ удовлетворенію такой необходимости, присущей его физической природѣ. Наконецъ, есть и такіе

философы, которые старались примирить эти и др. принципы въ томъ см., чтобы признать и эгоистич. и общительн. влеченія, равно принципами права, какъ реальнымъ субъект. принципомъ права; но и въ этомъ случаѣ философы все таки поставляютъ принципомъ права нѣчто такое, что коренится въ физич. природѣ человѣка и притомъ они стараются примирить указанные принципы только внѣшнимъ образ., поставляя, такъ сказать, рядомъ эти к др. влеченія, вслѣдствіе чего они являются примиренными только внѣшн. образ., не будучи возведены къ высшему понятію, которое-бы ихъ соединяло. Вслѣдствіе этого, философы, старающіеся такимъ образ. примирить эти принципы или даютъ преобладаніе общительн. влеченія надъ эгоистическ. влеченіемъ или же напротивъ эгоистич. надъ общительн., или же стараются слить ихъ внутреннимъ образ., подводя ихъ подъ одно понятіе, въ которомъ-бы они сливались, соединялись. Такъ, общительн. природное влеченіе призналъ впервые реальнымъ субъективн. принципомъ права съ особенною опредѣленностью Гуго-Гроцій или Гуго-де Гротъ въ своемъ знаменитомъ сочин. „De jure belli ac pacis". Въ этомъ сочин. онъ говоритъ, что societatis appetitus, т. е. природн. естественн. влеченіе человѣка къ обществу, какъ совершенно безкорыстное, чистое влеченіе есть принципъ права. Изъ этого Гуго-Гроцій дѣлаетъ такой выводъ, что право мож. б. названо стражемъ, оберегающимъ общество, custodia societatis, вслѣдствіе именно того, что право выводится изъ societatis appetitus.

Эгоистическое природн. влеченіе призналъ реальн. субъективн. принципомъ права впервые

съ особенною опредѣленностью. англійск. философъ XVII в. Гоббесъ, а именно онъ опредѣлилъ это эгоистич. влеченіе еще ближайш. образомъ, говоря, что человѣкъ имѣетъ природное влеченіе къ сохраненію своей жизни и своихъ членовъ, т. е. членовъ своего организма, слѣд., къ сохраненію своей жизни и своего здоровья. Право въ естеств. смыслѣ у Гоббеса является ничьимъ инымъ, какъ удовлетворяющимъ такой потребности въ такомъ физическ. природн. влеченіи человѣка, какъ къ эгоистич. влеченію, имѣющему въ виду сохранить жизнь человѣч. существъ и ихъ здоровье, точно такъ, какъ Гуго-Гроцій сказалъ, что право служитъ къ тому, чтобы сохранить существованіе общества, къ которому имѣетъ природн. влеченіе человѣкъ, какъ существо физическое.

Примирить обществ. и эгоистич. реальн. принципы права старался впервые нѣмецк. философъ XVII в. Пуфендорфъ (1632-1694). Онъ особенно замѣчателенъ тѣмъ, что былъ профессоромъ естественнаго права или философіи права, какъ науки, которую онъ преподавалъ въ Геттингенскомъ Университетѣ. Примиряя эти принципы, слѣд., соединяя ихъ только внѣшнимъ образ., онъ всё таки сдѣлалъ это такъ, что у него преобладаетъ эгоистич. принципъ надъ общительнымъ. Но нѣкоторые философы, поставляя такой реальный субъективн. принципъ права, старались слить уже внутрен. образ. эгоистич. и общительн. влеченія, въ высшемъ понятіи, а именно, въ такомъ природн. естествен. влеченіи, въ которомъ бы соединялись эти принципы. Впервые выразилъ такой принципъ, какъ природное влеченіе Лейбницъ и затѣмъ развилъ этотъ принципъ его послѣдователь, популяризировалъ и систематизировалъ его ученіе нѣмецк. философъ

Вольфъ (1679-1754). Изъ его сочиненій, которыя [illegible] изданы [illegible] собраніемъ, для насъ особенно важены: Jus naturale, Jus gentium и Institutiones juris naturalis. Такое природн. влеченіе, въ которомъ соединяются указанныя два влеченія, онъ назвалъ влеченіемъ человѣка къ совершенствованію и выразилъ его въ слѣдующ. требованіи, обращенномъ къ человѣку: усовершенствуй самого себя (т. е. свое внутреннее, самъ себя) и свое состояніе (т. е. свое внѣшнее, свое положеніе въ обществѣ). Это совершенствованіе есть удовлетвореніе эгоистич. влеченій, ибо здѣсь имѣется въ виду свое совершенствованіе, совершенствованіе самого себя и своего состоянія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это совершенствованіе имѣетъ и общительн. значеніе, такъ что Вольфъ далѣе продолжаетъ: „усовершенствуй также и другихъ и ихъ состояніе", т. е. внутреннее и внѣшнее ихъ положеніе.

Къ этой же группѣ наконецъ принадлежатъ новѣйшіе философы, которые выразили природное влеченіе, какъ эгоистич. и общительные влеченіе вмѣстѣ взятыя, въ смыслѣ природн. влеченія къ полезному, къ пользѣ, utilitatem, ибо они разумѣли подъ этимъ влеченіемъ къ полезному, къ пользѣ не только влеченіе къ пользѣ самого себя, какъ индивида, но и къ пользѣ другихъ. Такой принципъ высказалъ философъ XVIII ст. Гельвецій (1716 - 1775) и сочиненіе котораго для насъ особенно важено: „De l'homm et Du bonheur. Но въ особенности развилъ такой принципъ пользы англійск. философъ Іеремія Бентамъ (1748 - 1832 г.), котораго изданы всѣ сочиненія и наконецъ, извѣстн. во многихъ отношеніяхъ и между прочимъ какъ политико-экономистъ Джонъ-Стюартъ Милль (1806-187[illegible]) изъ сочиненій котораго въ данномъ случаѣ [illegible]

по сочиненiе подъ заглав. „Утилитаризмъ".

Нѣкоторые древн. римскiе философы опредѣляли вообще естеств. природное право, jus naturale, какъ право такъ сказать инстинктивное, именно, общее человѣку съ прочими животными, вслѣдствiе того, что въ человѣкѣ есть нѣкоторые инстинкты общiе ему съ прочими животными. Такъ напр. знаменитый римскiй юристъ Ульпiанъ, въ Юстинiановыхъ институцiяхъ и дигестахъ опредѣляетъ естеств. право такимъ образ.: jus naturale est, quod natura omnia animalia docuit, т.е. естеств. право есть такое, которому научила природа всѣхъ животныхъ, т.е. которое вытекаетъ изъ физической природы всѣхъ животныхъ, ибо это право свойственно не только человѣческому роду, говоритъ далѣе Ульпiанъ, но и всѣмъ животнымъ, рождающимся какъ на сушѣ, такъ и въ водѣ. Отсюда, говоритъ Ульпiанъ вытекаетъ соединенiе самца съ самкою, мужчины съ женщиною, слѣд. супружескiй союзъ, со всею его юридическ. обстановкою и послѣдствiями, отсюда рожденiе дѣтей, а слѣд. и союзъ родителей и дѣтей также разсматривается съ юридической стороны, отсюда воспитанiе, которое также входитъ въ составъ правъ со стороны дѣтей и обязанностей со стороны родителей. Все это вытекаетъ изъ природы физической человѣка, а именно изъ его инстинктовъ, каковы суть инстинкты половые съ выводными изъ него инстинктами (воспитанiемъ дѣтей и т. под.).

Наконецъ здѣсь мы не можемъ не упомянуть о современномъ намъ французск. мыслителѣ Литтре, главн. послѣдователѣ, толкователѣ и развителѣ положит. философiи франц. мыслителя нынѣшн. столѣтiя Огюста Конта. На основанiи этой филосо-

фіи Литтре дедуцируетъ праведное и справедливое или правду и справедливость, la justice, опредѣляя ее въ томъ же смыслѣ, какъ и римскіе юристы, односторонне также выводя ее изъ физическ. природы человѣка, какъ изъ цѣльнаго субъективн. принципа права, но своеобразно, оригинально, а не такъ, какъ до сихъ поръ дѣлали выводъ прежніе мыслители. Онъ излагаетъ такой выводъ въ двухъ своихъ статьяхъ, помѣщен. въ нынѣ прекратившимся изданіи, а именно журналѣ, который онъ издавалъ вмѣстѣ съ своими сотрудниками, подъ назван. „Позитивная философія". Литтре говоритъ: „внутрен. ткань, т.е. тѣлесная организація всякаго живаго органическ. существа, а слѣд., и человѣка, заставляетъ его чувствовать двоякаго рода потребность, т.е. подчиняетъ его двоякаго рода потребностямъ, какъ чему-то физически необходимому, такъ что онъ долженъ необходимо удовлетворить имъ, какъ существо физическое: а именно, во 1, потребность въ питаніи, которой подчиняется человѣкъ для того, чтобы онъ могъ самъ существовать какъ индивидъ или своего индивидуальнаго существованія, какъ говоритъ уже Спиноза, для удовлетворенія инстинктамъ самосохраненія и во 2, потребность въ половыхъ соединеніяхъ, обусловливаемыхъ полов. различіемъ между людьми, которой потребности человѣкъ подчиняется съ тѣмъ, чтобы могъ существовать уже родъ человѣческій, слѣд., для поддержанія и сохраненія своего рода, съ тѣмъ, чтобы родъ человѣческій могъ размножаться посредствомъ дѣторожденія. Изъ потребности перваго рода, т.е. потребности питанія и происходитъ, говоритъ Литтре, влеченіе, инстинктъ человѣка,

называв., обыкновенно, эгоизмомъ или самолюбіемъ или себялюбіемъ, а изъ потребности [illegible]. сочувствій, которую Огюстъ-Контъ назвалъ альтруизмомъ, т.е. любовью къ др. людямъ (l'amour des autres). Вся мораль, т.е. нравственность въ собствен. тѣсномъ смыслѣ истекаетъ изъ этихъ двухъ природн. влеченій, инстинктовъ, какъ изъ своихъ принциповъ, т.е. изъ эгоизма и альтруизма или изъ принципа эгоистич. или альтруистическаго, а такъ какъ корень эгоизма и альтруизма есть вообще внутрен. ткань, тѣлесная организація человѣка, то отсюда слѣдуетъ, что мораль коренится въ этой, именно, внутренней ткани, т.е. вообще въ тѣлесной организаціи человѣка. Отправная точка обоихъ принциповъ т.е. эгоистич. и альтруистич., слѣдов., отправная точка всей морали, всѣхъ моральныхъ явленій есть, дѣйствіе, произведеніе живой сѣрой субстанціи въ мозговыхъ конволютахъ. Замѣтимъ уже здѣсь, что относительно дѣйствія и отправленія мозга Литтре говоритъ здѣсь съ такою увѣренностью, что можно было-бы подумать, что эти дѣйствія намъ совершенно извѣстны научнымъ образ., между тѣмъ какъ, напротивъ, физіологія еще только начинаетъ разъяснять себѣ кое-что изъ мозговыхъ отправленій. Но мораль, продолжаетъ Литтре, дѣлится на два различные разряда, рода, области, смотря потому, относится ли она до храненія индивида (это одна область морали) или до сохраненія рода (это др. область морали). Слѣдоват. перваго рода мораль порождается, по Литтре, эгоизмомъ а вторая — альтруизмомъ. Къ эгоизму относятся вообще, по ученію Литтре, всѣ личныя чувствованія и страсти,

которыя имѣютъ въ виду самого индивида, [illegible] этими чувствованіями и страстями, а именно имѣетъ въ виду сохраненіе этого индивида. Но эгоизмъ представляетъ въ этомъ отношеніи слѣдующ. постепенность. На самой низшей, слѣдов., на первой ступени эгоизмъ состоитъ въ удовлетвореніи тѣхъ потребностей, безъ которыхъ жизнь человѣка, какъ индивида, вовсе не могла бы продолжаться. На второй, высшей ступени эгоизмъ состоитъ въ благоразумномъ употребленіи всѣхъ вообще средствъ, служащихъ къ такому удовлетворенію, дабы человѣкъ, какъ индивидъ, могъ сколько возможно совершеннѣе выполнять свое дѣло, свою обязанность, т. е. дабы онъ могъ пользоваться наилучшимъ здоровьемъ, дабы онъ былъ способенъ къ большему труду и дабы онъ могъ прожить сколько возможно больше. Наконецъ, на самой высшей, на третьей и послѣдн. ступени эгоизмъ состоитъ въ попеченіи человѣка, какъ индивида о себѣ самомъ, но уже изъ моральн. лицъ, т. е. въ его попеченіи въ его заботахъ, о своемъ положеніи въ обществ. порядкѣ, въ обществ. быту, т. е. о положеніи его какъ члена людскаго обществ. союза. До альтруизма или до любви къ другимъ людямъ относятся всѣ чувствованія и страсти, имѣющія въ виду сохраненіе уже всего человѣческ. рода. Но альтруизмъ, какъ и эгоизмъ, представляетъ въ этомъ отношеніи постепенность, а именно: на самой первой, низшей ступени альтруизмъ порождаетъ семейство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и семейныя привязанности; на второй, высшей ступени альтруизмъ порождаетъ общительность, которая имѣетъ свою точку отправленія и опоры въ семьѣ;

на третьей ступени альтруизмъ порождаетъ любовь къ отечеству, патріотизмъ и наконецъ, на четвертой и послѣдней ступени альтруизмъ порождаетъ любовь къ человѣчеству. Всѣ эти виды и ступени альтруизма суть иныя комбинаціи сложн. чувствованій, которыя образуются и затѣмъ отвердѣваются, становятся постоянными и дѣлаются центрами или средоточіемъ нашей дѣятельности; поэтому всѣ сказанные виды и ступени альтруизма м. б. возведены посредствомъ ихъ анализа, разложенія, къ ихъ коренному источнику, который состоитъ въ половомъ различіи и въ сохраненіи поддержанія рода человѣческаго. Замѣтимъ, что такое возведеніе всѣхъ вообще видовъ и ступеней альтруизма къ половому различію едва ли возможно. Положимъ еще, что супружеск. любовь м. б. возведена къ полов. различію и что любовь родителей къ дѣтямъ м. б. возведена къ поддержанію рода человѣч.; но весьма мудрено подвести подъ половое общеніе общительность, любовь къ отечеству и любовь къ человѣчеству безъ всякихъ натяжекъ. Итакъ, продолжаетъ Литтре, не одинъ ближайшій принципъ морали, а два: принципъ эгоистич. и принципъ альтруистич., изъ которыхъ каждый стоитъ во главѣ одного только разряда или области морали. Такимъ обр. и выводитъ Литтре всю мораль или нравственность въ собств. тѣсн. смыслѣ изъ физич. природы человѣка, какъ изъ ея реальнаго субъективн. принципа. Это, какъ видите, такой выводъ, который не только односторонень, но и не имѣетъ въ своей основѣ твердыхъ и вѣрныхъ научн. положит. фактовъ не смотря на то, что такое признаніе основывается на томъ, что составляетъ будто бы сущность истинной положит. философіи, заключ. въ тѣснѣйшую связь съ морально

или нравственностью въ собств. смыслѣ. [illegible] ... [illegible]. Ближайшими принципами эгоизма и альтруизма, приводитъ Литтре правду и справедливость, la justice, съ этими же ближайшими принципами что он[illegible] таким образ.. Подъ правдою и справедливостью Литтре существенно разумѣетъ тоже самое, что разумѣли подъ нею римские юристы, когда опредѣляли justiciam, а именно, они говорили, что justicia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi, а именно правду и справедливость Литтре опредѣляетъ такимъ образ.: „она есть добродѣтель (la vertu), въ силу которой мы воздаемъ всякому, что ему подаетъ, воздаемъ должное. Но Литтре своеобразно дедуцируетъ такое свое опредѣление правды и справедливости (la justice), а именно, такимъ образ.. Среди людей, говоритъ онъ, идея правды и справедливости истекаетъ не изъ чего иного, какъ изъ чисто интеллектуальнаго факта, крайне простаго, дѣйствительно созерцательнаго, которымъ доказывается, что идея правды и справедливости есть идея сложная. Идея родившаяся, вслѣдствие ассоциации, сближения или соединения двухъ идей: идеи мести и идеи оскорбления морали или идеи моральнаго укрощения, обуздания, подавления преступления. Идея мести или мщения вытекаетъ изъ эгоизма, именно изъ удовлетворения человѣкомъ своего Я, а идея оскорбления морали вытекаетъ изъ альтруизма, потому что альтруизмъ возбуждаетъ въ человѣкѣ отвращение ко всему тому, что оскорбляетъ этотъ альтруизмъ„ любовь человѣка къ другимъ людямъ, такъ что альтруизмъ и вводитъ идею погашения, обуздания, подавле-

преступленія въ составъ понятія самого преступленія, къ ...момѣнтъ. И такъ, заключ. Литтре, правда и справедливость, какъ и мораль истекаютъ изъ эгоизма и альтруизма, какъ изъ своихъ принциповъ, а вмѣстѣ съ ними изъ внутр. ткани человѣка, т. е. вообще изъ ... природы человѣка. Замѣчу вообще, что здѣсь ... некоторую неудовлетворительность, а также то, что эти принципы слишкомъ односторонни, не говоря уже о томъ, что дедуцированіе ихъ натянуто, частью не ясно и не довольно опредѣленно. Принципы правды и справедливости Литтре односторонни, ибо они суть ничто иное какъ инстинкты эгоистич. и альтруистич., а всѣ вообще инстинкты суть нѣчто, какъ извѣстно, физически необходимое, а не нравственно необходимое, входящіе въ составъ одной стороны человѣч. природы, а именно, физич. его стороны. Конечно, нельзя не признать множества инстинктовъ, присущихъ человѣку, какъ существу физическ., нельзя также не признать и того, что инстинкты человѣка какъ эгоистич., такъ и альтруистич. составляютъ существ. моменты въ понятіи права, но эти инстинкты, разсматриваемые не отдѣльно, а вмѣстѣ, составляютъ только одинъ изъ моментовъ правопонятія, а потому Литтре, какъ и вообще всѣ философы, которые опредѣляютъ право, какъ нѣчто удовлетворяющее инстинктамъ человѣч. опредѣляютъ его односторонне.

И такъ, на первой ступени историч. развитія реальн. субъект. принциповъ права стоятъ философы, которые производятъ право изъ физич. природы человѣка, односторонне вообще и въ особенности изъ одного или изъ многихъ ...инстинктовъ, какъ изъ природн. присущихъ физич. природы человѣка, слѣпыхъ, т. е. безсознательныхъ и безотчетныхъ невольныхъ влеченій человѣка, а потому опредѣляютъ право, какъ правило, норму, законъ, который обязателенъ пот. только, что имъ удовлетворяются эти именно инстинкты или природн. влеченія человѣка, какъ существа физическаго, а именно, удовлетворяя влеченіе или къ общенію или влеченіе эгоистич. или влеченія къ совершенствованію или наконецъ, удовлетворяя эгоистич. и альтруистич. инстинкты вообще.

На второй ступени стоятъ тѣ философы, которые признаютъ субъект. реальные принципы права, выражающіе разумную нравств. вообще духовную природу человѣка.

Итакъ,

II. Римскіе объективные принципы права, выражающіе разумную природу, согласно общей высшей природѣ человѣка.

Въ разумной природѣ вообще, какъ источникѣ права, въ разумной сущности человѣческой природы въ ея теоретическомъ видѣ, какъ силѣ познающей и мыслящей, или же въ ея практической, какъ направляющей волю къ дѣятельности практической или внѣшней дѣятельности, — дедуцировали правопонятіе въ древности стоики и затѣмъ Цицеронъ.

Въ этомъ смыслѣ они говорили, что человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ жить сообразно съ природою, — и какъ выражаются они secundum naturam vivere, т.е. съ своею разумною природою, слѣдовать этой разумной природѣ и что въ этомъ и состоитъ его истинное счастіе. Цицеронъ прибавляетъ къ этому, что такимъ образомъ праведное — justum, правда — justitia должна быть выведена изъ самой глубины природы человѣческой, а не изъ чего нибудь внѣшняго, изъ преторскихъ эдиктовъ, изъ законовъ постановленныхъ народнымъ собраніемъ, словомъ сказать, изъ нравовъ, обычаевъ, законоположеній, учрежденій того или другаго государства; что justitia такимъ образомъ выведенная имѣетъ въ себѣ обязанности для гражданина какъ члена общества относительно прочихъ гражданъ. Эти обязанности сводитъ онъ къ тремъ главнымъ, которыя затѣмъ римскіе юристы назвали tria principia juris, т.е. три основныя велѣнія или предписанія: первое велѣніе, выраженное Цицерономъ, а затѣмъ и римскими юристами, neminem ledere буквально значитъ ни-

му не вредить, а въ юридическомъ смыслѣ, какъ юстиція, есть, такъ сказать, [illegible] нѣсть, относящаяся къ области права, [illegible] устанавливаются обязанности [illegible] на рукѣ [illegible] и въ [illegible] смыслѣ [illegible] ніе значитъ не нарушать чужого права. Это велѣніе есть, какъ видимъ, отрицательное велѣніе - justitiae. Второе велѣніе praecepta juris выражается такъ: honeste vivere, что буквально значитъ честно жить, а такъ какъ это есть также велѣніе justitiae въ смыслѣ гражданской добродѣтели и слѣдовательно относится къ области права, то подъ нимъ разумѣется велѣніе относительно гражданъ дѣйствовать во всемъ согласно съ правомъ. Это велѣніе есть уже положительное велѣніе въ отличіе отъ перваго, какъ отрицательнаго. Наконецъ, третье и послѣднее велѣніе выражается такъ: suum cuique tribuere, что буквально значитъ воздавать каждому свое, и въ смыслѣ юридическомъ - воздавать каждому то, что ему принадлежитъ уже какъ свое, какъ его право, т.е. не дѣлать ничего противнаго чужимъ правамъ (это отрицательное велѣніе), и дѣлать все согласное съ чужими правами (это положительное велѣніе), такъ что это третье велѣніе имѣетъ характеръ и положительный и отрицательный, и такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ характеръ перваго и втораго велѣнія, потому-то и не можетъ быть больше трехъ основныхъ велѣній, ибо можетъ быть велѣніе положительное и отрицательное, или такое, въ которомъ соединяется и положительное и отрицательное велѣніе. Такъ какъ въ послѣднемъ велѣніи соединяется то, что составляетъ существенный признакъ перваго и втораго велѣнія, соединяются, слѣдовательно, оба предыдущія велѣнія, то по-

тому въ этомъ велѣніи, suum cuique tribuendi, видѣли римскіе юристы сущность justitiae, т.е. правды и справедливости, какъ добродѣтели гражданской и потому опредѣляли самую юстицію, согласно съ этимъ, такимъ образомъ: justitia est constans et perpetua voluntas jus suum cuique tribuendi, т.е. правда и справедливость, какъ добродѣтель, есть воля, хотѣніе постоянное и непрерывное воздавать каждому свое. Слѣдовательно, можно сказать въ этомъ смыслѣ, что justitia, правда и справедливость въ этомъ смыслѣ, какъ добродѣтель, есть извѣстный habitus, т.е. состояніе или навыкъ, въ силу котораго онъ всегда постоянно и безъ всякихъ противоположныхъ этому дѣйствій непрерывно хочетъ не дѣлать ничего противнаго чужимъ правамъ (это отрицательное положеніе согласное съ отрицательнымъ велѣніемъ) и дѣлать все согласное съ положительнымъ правомъ, съ чужими правами (это положительное положеніе, согласное съ положительнымъ велѣніемъ). Знаменитый греческій философъ Платонъ, ближайшій изъ учениковъ Сократа, дедуцировалъ правду и справедливость также изъ разумной и притомъ болѣе опредѣленной, нравственной природы человѣка вообще, но его дедукція, въ сравненіи съ дедукціею стоиковъ и Цицерона, представляется гораздо болѣе развитою и опредѣленною. Такъ онъ утверждалъ, что душа человѣческая состоитъ изъ трехъ частей, или изъ трехъ способностей, или силъ: изъ высшей части, части разумной, которая сама по себѣ, по своей сущности, природѣ, разумна. (Это есть разумъ, умъ) и затѣмъ изъ двухъ низшихъ частей, способностей, или силъ, также, которыя сами по себѣ не разумны, но которыя могутъ стать разумными,

когда онъ подчиняется высшей части души, разуму, а именно, это есть, средняя часть души, называемая у Платона ~~Θυμος~~ θυμός — названіе, которое не имѣетъ вполнѣ соотвѣтствующаго слова въ другихъ языкахъ, но которое, пожалуй, можно перевести словомъ сердце, но разумѣя подъ сердцемъ сердечные, такъ сказать, порывы души, энергическую ея силу, или, какъ обыкновенно переводятъ, это есть пылкость, ярость. Само собою разумѣется, что эта часть души только тогда будетъ разумною, когда эти сердечные порывы, эта пылкость, ярость будутъ разумны, когда эта часть души будетъ подчинена высшей ея части, разумной части. Съ другой стороны, эта часть души есть средняя въ томъ смыслѣ, что она подчиняетъ себѣ непосредственно, прямо, третью самую низшую часть или силу души, а именно, пожелательную силу, пожелательную способность, какъ способность чувствованій, желаній, которая сама по себѣ также неразумна, но которая дѣлается разумною, когда она подчиняется средней части души, а именно, сердцу, но въ томъ его состояніи, когда сердце подчиняется съ своей стороны разуму, такъ что разумъ чрезъ посредство сердца подчиняетъ себѣ пожелательную способность и дѣлаетъ ее разумною. Уже изъ этого видно, что каждая изъ этихъ способностей, силъ души имѣетъ свои особенности, свое какъ бы особенное назначеніе, призваніе. Способность или совершенство каждой такой части души человѣческой и есть то, что называетъ Платонъ особеннымъ ея дѣломъ, добродѣтелью (ἀρετή), свойственною каждой части души человѣческой. Такъ разумные части души, разуму, уму, свойственна добродѣтель, называемая мудростью или разумностью

(σοφία), которая соотвѣтствуетъ ея особенное дѣло, назначеніе, призваніе, состоящее въ томъ, чтобы эта часть души начальствовала, господствовала надъ всею душею, т. е. надъ низшими ея способностями. Далѣе средней части души, сердцу (Θυμός) свойственна та особенная добродѣтель, которая называется мужествомъ (ἀνδρεία), а этой добродѣтели соотвѣтствуетъ то особенное ея дѣло, чтобы подчиняясь съ одной стороны разумной части души, разуму, и подчиняя себѣ съ другой стороны посредствомъ разума, ума, пожелательную способность и въ этомъ смыслѣ охранять дѣйствія разума отъ всего, что ему вредно, не боясь ничего, чего не должно бояться, т. е. никакихъ страданій, печалей и даже самой смерти, а боясь того, чего слѣдуетъ бояться, а именно, боясь стыда, безчестія, такъ что мужество состоитъ и въ положительномъ и въ отрицательномъ дѣйствіи. Наконецъ, третья самая низшая часть души, пожелательная способность стремится удовлетворить чувственнымъ потребностямъ человѣка и ей свойственна та добродѣтель, которая называется σωφροσύνη и которою выражается все то, что нынѣ называется благоразуміемъ, воздержностью, умѣренностью и самообладаніемъ, этой добродѣтели соотвѣтствуетъ то ея особенное назначеніе, призваніе, дѣло, которое состоитъ въ томъ, чтобы умѣрять чувственныя пожеланія, подчиняя ихъ разуму, сохранять въ нихъ должную мѣру, установленную именно разумомъ, воздерживать ихъ въ должныхъ предѣлахъ и въ этомъ отношеніи всегда обладать собою, не подчиняясь рабски своимъ чувственнымъ пожеланіямъ. Если, такимъ об-

разомъ, говоритъ Платонъ, каждая такая часть души будетъ добродѣтельна, совершенна по своему, т.е. если она будетъ дѣлать что ей слѣдуетъ, соотвѣтственно съ естествомъ, природой, а слѣдовательно, если, такимъ образомъ, она будетъ исполнять только свое собственное дѣло, никакъ не вмѣшиваясь въ дѣла прочихъ частей души, то и вся человѣческая душа будетъ добродѣтельна, совершенна, и именно, будетъ праведною и справедливою. Такъ что по Платону, какъ и по Сократу, добродѣтель, какъ совершенство всей души, есть добродѣтель, которая называется правдою и справедливостью (δικαιοσύνη), въ смыслѣ, именно, праведности, какъ гражданской добродѣтели. Въ соотвѣтствіи съ добродѣтелью души единичнаго человѣка стоитъ добродѣтель всего государства, ибо государство, по Платону, есть также человѣкъ, только не индивидъ, но только большой человѣкъ, огромный индивидъ, какъ соединяющій въ себѣ во-едино многихъ единичныхъ людей своихъ членовъ, своихъ гражданъ, которые должны потому состоять между собою въ единствѣ, но которые вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и душа единичнаго человѣка, должны быть раздѣлены именно на три части въ смыслѣ трехъ различныхъ классовъ, разрядовъ, состояній, сословій, именно, соотвѣтствующихъ тремъ сказаннымъ частямъ единичнаго человѣка и при томъ каждый гражданинъ долженъ быть причисленъ къ тому классу, сословію, разряду, къ какому предназначаетъ его природа, ибо, по Платону, природа однихъ гражданъ высшая; другихъ - средняя и третьихъ - низшая, что онъ и выражаетъ въ томъ сравненіи, что къ душамъ однихъ гражданъ при-

мѣшивается золото (это души граждан, составляющихъ высшій классъ), къ душамъ другихъ граждан примѣшивается серебро (души граждан средняго класса) и наконецъ, къ нѣкоторымъ душамъ примѣшивается мѣдь и желѣзо (это души третьяго и послѣдняго класса). Обыкновенно отъ каждой души съ ея особенною природою рождаются души, сыновья, съ такою же природою, какъ говоритъ Платонъ. Отъ золота можетъ произойти золото, отъ серебра - серебро, отъ мѣди и желѣза - мѣдь и желѣзо, но не обратно. Однако же Платонъ допускаетъ, что могутъ быть въ этомъ отношеніи исключенія и въ такомъ случаѣ слѣдуетъ переводить граждан изъ одного класса въ другой. Если, напримѣръ, отъ гражданина низшаго класса родится человѣкъ, съ душею, въ которой примѣшано золото, то его слѣдуетъ перевести въ высшій классъ и, на оборотъ, если отъ гражданина высшаго класса родится человѣкъ, къ душѣ котораго будутъ примѣшаны мѣдь и желѣзо, то въ такомъ случаѣ его слѣдуетъ перевести въ низшій классъ и т.п. Высшему классу, соотвѣтствующему высшей, разумной части души, по ученію Платона, свойственна добродѣтель той же части души, а именно мудрость и соотвѣтствующее этой добродѣтели особенное дѣло, которое также состоитъ въ томъ, чтобы этотъ высшій классъ начальствовалъ, господствовалъ надъ низшимъ, что-бы онъ правилъ государствомъ, такъ что высшій классъ состоитъ, именно, изъ правителей государства, которые поэтому должны быть мудрыми или покрайней мѣрѣ должны стремиться къ мудрости, быть любомудрыми философами, т.е. стремящимися къ истинн…

знанію, особенно же къ знанію высшей идеи абсолютнаго добра, которую они и должны осуществлять въ видѣ правды и справедливости въ государственномъ устройствѣ своего управленія государствомъ. Далѣе, среднему классу, соотвѣтствующему средней части души (Θυμός), присуще свойственно мужество, какъ особенная добродѣтель, особенное совершенство, а особенное дѣло этого класса состоитъ въ томъ, чтобы подчинять начальствующимъ, правителямъ государства низшій классъ, чтобы охранять начальствующихъ правителей государства, т.е. ихъ дѣйствія какъ отъ внутреннихъ, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ, такъ что въ этомъ смыслѣ это есть классъ воиновъ, которые потому должны быть мужественными. Изъ воиновъ-то и берутся правители государства, а именно, лучшіе изъ этихъ воиновъ. Въ этомъ отношеніи, эти два класса соединяются особенно тѣснымъ образомъ. Въ самомъ дѣлѣ, общее ихъ призваніе, дѣло состоитъ въ томъ, чтобы стоять на стражѣ государства, т.е. чтобы сторожить его существованіе и его благосостояніе, и, именно, то его устройство, которымъ и достигается благосостояніе государства. Въ этомъ смыслѣ правители и воины называются у Платона общимъ именемъ стражей государства. Наконецъ, низшему классу гражданъ, соотвѣтствующему пожелательной части души, свойственна особенная добродѣтель, а именно, воздержность, умѣренность, самообладаніе, какъ особенная добродѣтель этой части души и соотвѣтствующее этой добродѣтели особенное дѣло, состоящее въ доставленіи средствъ для всего государства, слѣдовательно и для самихъ себя и для стражей государства, которые бы ихъ трудами удовлет-

[illegible] своих [illegible] интересанные
[illegible] без [illegible] для опреде-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] непосредственности
[illegible] именно. И
[illegible]
[illegible]
[illegible] вообще ра-
[illegible] у
[illegible]
[illegible] вели-
[illegible] в отношениях дво-
[illegible] собственно ва-
[illegible] в государстве, [illegible] пра-
[illegible] представителей высшей
[illegible] чинов [illegible]
[illegible] части души
[illegible] правительственной
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] совершенный и
[illegible]
[illegible]
[illegible] будет [illegible]
[illegible] совершенный бы-
[illegible] справедливым [illegible]
[illegible] государство [illegible]
[illegible] подражанию правды и спра-

ведливостью. Въ согласіи съ этою добродѣтелью, соединяющею въ себѣ всѣ другія главныя кардинальныя добродѣтели: и мудрость, и мужество, и воздержность, умѣренность, самообладаніе и стойкость. Эта всецѣлая добродѣтель всего государства устроена и осуществляется въ немъ верховная идея абсолютнаго добра.

Итакъ, правда и справедливость по отношенію какъ къ государству, такъ и къ отдѣльному человѣку, существенно по Платону одна и таже, а именно, она состоитъ въ томъ, чтобы въ душѣ человѣческой всякая ея часть, а въ государствѣ всѣ его классы вѣрно и своевременно исполняли свое назначеніе, призваніе. То государство, которое было бы устроено такимъ образомъ, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ правители были бы мудрыми философами, правящими во имя ума, разума, осуществляющими въ немъ верховную идею абсолютнаго добра, не будучи сами стѣснены въ управленіи государствомъ никакими положительными законами, является первостепеннымъ, идеальнымъ государствомъ, которое Платонъ начерталъ въ своемъ сочиненіи „Πολιτεία." Ближайшимъ къ нему, второстепеннымъ образомъ государства, которое было бы устроено такъ, что въ немъ правители управляли бы на основаніи законовъ, но такихъ, которыми бы, по возможности, осуществлялась идея абсолютнаго добра. Такое государство, въ отличіе отъ первостепеннаго, можно назвать подзаконнымъ государствомъ. Оно начертано Платономъ въ другомъ главномъ его сочиненіи, относящемся къ нашему предмету, подъ заглавіемъ „Законы". Къ числу главнѣйшихъ представителей принциповъ права, выражающихъ разумную вообще духовную природу человѣка принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и величайшій ученикъ Плато-

на, Аристотель. Онъ дедуцировалъ правду
и справедливость такъ же, какъ и Платонъ,
изъ разумной вообще нравственной приро-
ды человѣка; но пришелъ къ своеобразному,
отличному отъ Платона опредѣленію прав-
ды и справедливости. По ученію Аристоте-
ля, весь міръ вообще, со всѣмъ, что есть въ немъ
движется къ присущей ему конечной, послѣд-
ней цѣли, которую называетъ Аристо-
тель благомъ, добромъ. Первую главную сту-
пень этого движенія къ развитію состав-
ляетъ по ученію Аристотеля, неоргани-
ческая природа, въ смыслѣ совокупной цѣло-
сти всѣхъ неорганическихъ существъ а вто-
рую ступень этого движенія составля-
етъ природа уже органическая, въ смыслѣ
совокупной цѣлости всѣхъ органическихъ
существъ. Органическая природа существ-
венно отличается, по ученію Аристотеля
отъ неорганической тою живою силою, кото-
рую онъ называетъ душою. По Аристотель
различаетъ три ступени развитія души,
отъ которыхъ зависятъ и ступени сама-
го ея совершенства. Такъ, Аристотель от-
личаетъ во 1-хъ душу, такъ сказать, прозя-
бательную, вегетативную, а именно, рас-
тительную, свойственную растеніямъ, кото-
рыхъ дѣятельность состоитъ только въ
питаніи и размноженіи своего рода. За-
тѣмъ, во 2-хъ Аристотель различаетъ вто-
рую, высшую ступень, а именно душу жи-
вотную свойственную всѣмъ живымъ су-
ществамъ животнымъ, которыхъ дѣя-
тельность состоитъ въ чувствительно-
сти т.е. въ ощущеніи и въ произвольномъ
движеніи, т.е. въ возможности перемѣнѣть
мѣсто но такъ, что и животныя имѣютъ
также въ себѣ душу растительную или
прозябательную. Наконецъ, въ 3-хъ, третья сту-
пень есть, по Аристотелю, душа собственно

человѣческая т.е. разумная, дѣятельность
которой состоитъ въ мышленіи и въ свобод-
номъ воленіи, хотѣніи и вообще, она свой-
ственна человѣку и только человѣку, но, какъ
высшая часть человѣческой души, она чуж-
да всѣмъ остальнымъ существамъ органи-
ческой природы. Дѣятельное свойство, какъ
способность или сила этой души, есть мы-
шленіе и соединенное съ нимъ нераздѣльно
познаваніе а также хотѣніе или воленіе.
Впрочемъ, въ душѣ человѣческой заключают-
ся также и друг. двѣ низшія части души,
а именно душа вегетативная, произрастатель-
ная и душа животная, но уже какъ низ-
шія части души въ сравненіи съ этою выс-
шею разумною природою человѣка состоящею
въ этой высшей душѣ человѣческой, съ ея спо-
собностями и силою. Эти низшія части
души сами по себѣ не разумны, но могутъ
стать разумными, подчиняясь высшей ча-
сти души, т.е. разуму, который указыва-
етъ надлежащую мѣру для всѣхъ вообще
природныхъ влеченій, какъ истинную среди-
ну между излишкомъ и недостаткомъ их.
Постоянное и непрестанное хотѣніе души
человѣческой, какъ душевная склонность, на-
выкъ соблюдать во всѣхъ природныхъ вле-
ченіяхъ должную средину, какъ надлежа-
щую мѣру, опредѣляемую правымъ разу-
момъ, и есть, по ученію Аристотеля, эти-
ческая, нравственная въ обширномъ смыс-
лѣ добродѣтель, которая потому всегда
бываетъ противоположною пороку, какъ
двумъ крайностямъ, какъ безмѣрностямъ
т.е. какъ излишкомъ и какъ недостат-
комъ природныхъ влеченій, сравнительно
съ мѣрою, опредѣляемою правымъ разумомъ.
Такъ, напримѣръ, по Аристотелю щед-
рость есть этическая добродѣтель ибо
она есть средина между двумя крайностями

какъ пороками а именно, между скупостью какъ недостаткомъ щедрости и между расточительностью какъ излишкомъ щедрости; – середина опредѣляемая именно правымъ разумомъ для природныхъ влеченій, присущихъ человѣческой душѣ. Такъ самое всеобщее влеченіе человѣка есть стремленіе къ довольствію и избѣганіе неудовольствія или страданія. Правый разумъ и требуетъ, чтобы въ стремленіи къ удовольствію не было ни излишка, ни недостатка. Постоянная душевная склонность, навыкъ держаться въ этомъ отношеніи истинной средины, соблюдать надлежащую мѣру, указываемую правымъ разумомъ, есть та этическая добродѣтель, которая называется вообще умѣренностью, воздержанностью и которой противоположны какъ пороки, излишекъ въ стремленіи къ удовольствіямъ и недостатокъ умѣренности, какъ тупое равнодушіе къ удовольствію. Мѣра средина въ избѣганіи неудовольствія есть добродѣтель, называемая мужествомъ, а противоположные ему крайности, какъ пороки, суть: излишекъ мужества, безумная дерзкая отвага и, какъ недостатокъ мужества, трусость. По ученію Аристотеля, недовольно еще человѣку обладать навыками добродѣтельными, а необходимо еще, чтобы эти добродѣтели дѣйствовали, ибо въ полномъ смыслѣ добродѣтель, по Аристотелю, не есть только возможность (δύναμις) т.е. склонность въ смыслѣ способности дѣлать что нибудь соотвѣтственно правому разуму, но необходимо она должна быть дѣятельною дѣятельностію и, на самомъ дѣлѣ, обнаруживаемою, энергическою (ἐνεργῶ, ἐνέργεια) а именно она должна производить нѣчто доброе, благое, такъ чтобы въ самомъ дѣлѣ она была (ἐνέργεια) добродѣтельною, чтобы напримѣръ человѣкъ не только умѣренно, воздержанно жилъ, хотѣлъ бы умѣ-

ренности, воздержанности во всемъ, но чтобы имѣлъ эту склонность, возможность быть умѣреннымъ, воздержаннымъ, но чтобы онъ совершалъ на самомъ дѣлѣ соотвѣтствующіе такой своей способности поступки и въ натуральномъ, чтобы онъ мужественно дѣйствительно совершалъ дѣла мужества и проч. Въ произведеніи нравственно добраго, добродѣтельнаго, какъ дѣла, какъ результата, и состоитъ разумная дѣятельность или разумная жизнь собственно души человѣческой, и въ этой разумной дѣятельности или жизни состоитъ свое собственное дѣло души человѣческой, ея назначенія, ея призванія. Та этическая добродѣтель, которая содержитъ въ себѣ всѣ прочія этическія добродѣтели, есть, по ученію Аристотеля, правда и справедливость. (δικαιοσύνη). Но эти понятія правды и справедливости Аристотель развилъ гораздо болѣе, нежели Платонъ. Онъ опредѣлилъ ее такъ что она есть такая этическая добродѣтель, которая имѣетъ приложеніе къ взаимнымъ внѣшнимъ отношеніямъ людей между собою, какъ членовъ общества, какъ гражданъ, такъ что такими только отношеніями она и ограничивается и въ этомъ смыслѣ область ея есть именно область права; она не простирается, напр., на отношенія человѣка къ самому себѣ. Другими словами: она есть исполненіе на самомъ дѣлѣ налагаемыхъ на человѣка нравственныхъ обязанностей къ другимъ людямъ, какъ членамъ одного съ нимъ государства; она есть слѣдовательно такая добродѣтель, которая предполагаетъ общеніе между людьми, предполагаетъ общество или государство. Въ этомъ смыслѣ она есть общественная добродѣтель, какъ общественная правда и справедливость. Разсматривая съ той стороны, что она содержитъ въ себѣ всѣ этическія

добродѣтели, она называется также Аристотелемъ всеобщею добродѣтелью, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ особенныхъ добродѣтелей, и состоитъ какъ въ положительной такъ и въ отрицательной дѣятельности человѣка. Отрицат. праведн. и справедл. внѣшняя дѣятельность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ намѣренно, съ злымъ умысломъ не причинялъ-бы вреда другому человѣку относительно и внѣшнихъ и тѣлесныхъ его благъ, внѣшнихъ, каково наприм. имущество, т. е. чтобы онъ не дѣлалъ ничего такого, чтобы нарушилъ права другаго на имущество, и тѣлесныхъ благъ, каковы здоровье, жизнь, т. е. чтобы онъ ничего не предпринималъ противъ здоровья и жизни другихъ людей а также и относительно ихъ внутреннихъ благъ, подъ которыми Аристотель разумѣетъ душевныя блага, каково, напр., душевное спокойствіе человѣка, т. е. чтобы человѣкъ не нарушалъ такого спокойствія другихъ людей. Далѣе, дѣйствуя праведно и справедливо положительнымъ образомъ, человѣкъ долженъ дѣйствовать такъ, чтобы соблюдать должную соразмѣрность благъ и золъ, пользъ или выгодъ съ одной стороны, и невыгодъ съ другой стороны, или правъ и обязанностей, т. е. чтобы онъ не присвоивалъ къ себѣ болѣе надлежащаго, должнаго относительно благъ, нежели сколько онъ того заслуживаетъ по своимъ качествамъ, болѣе выгодъ, болѣе правъ, чѣмъ онъ достоинъ. И напротивъ, онъ не долженъ стараться имѣть менѣе золъ, менѣе выгодъ, обязанностей, чѣмъ ему слѣдуетъ имѣть, менѣе надлежащаго, менѣе должнаго. Итакъ правда и справедливость состоитъ въ томъ, чтобы каждому человѣку при распредѣленіи благъ и золъ, именно какъ внѣшнихъ благъ между людьми въ смыслѣ гражданъ, присвоено было, какъ свое для него, то, чего онъ заслу-

живаетъ по своимъ качествамъ относительно не только благъ, выгодъ, правъ, но и относительно золъ, невыгодъ, обязанностей, такъ чтобы людямъ, гражданамъ, равнымъ по своимъ качествамъ, по своему достоинству, присвоено было равное въ этомъ смыслѣ, а не равнымъ присвоено было неравное, чтобы было, такимъ образомъ между гражданами равенство вообще, но не абсолютное а относительное. Въ этомъ состоитъ распредѣляющая правда и справедливость, распредѣляющая, такимъ образомъ, по достоинствамъ а не абсолютно права и обязанности между гражданами, блага и зла, выгоды и невыгоды. Но если равенство это, такимъ образ. установленное распредѣляющею правдою и справедливостью, то д. б. возстановлена правда и справедливость. Въ томъ ея дѣйствіи, гдѣ она возстанавливается, будучи нарушенною, гдѣ она уравниваетъ такимъ образомъ гражданъ между собою относительно благъ и золъ, она есть уравнивающая или возстановляющая правда и справедливость. Но, повторяю, въ томъ и другомъ случаѣ равенство д. быть не абсолютное, а условное и относительное ибо тогда только она будетъ соотвѣтствовать правдѣ и справедливости, потому что праведное и справедливое есть не абсолютно равное, какъ говорили Пифагорійцы, а относительное, условное. Положительная праведная и справедливая внѣшняя дѣятельность человѣка состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ всѣ свои добродѣтели направлялъ къ благу других людей, обращалъ на служеніе уже не своего, личнаго блага. Въ этомъ смыслѣ Аристотель говоритъ, что правда и справедливость, есть чуждая добра и въ этомъ смыслѣ правда и справедливость соединяетъ, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ добродѣтели и

потому онѣ есть добродѣтель во всей ея полно-
тѣ, во всемъ составѣ [illegible]. Въ этомъ смы-
слѣ онѣ есть самая высшая, самая совершен-
ная [illegible] добродѣтель, а какъ особен-
ная добродѣтель или особенной правды и спра-
ведливости [illegible], правда и справедливость
есть съ одной стороны всеобщая правда и
справедливость, т. е. соединяющая въ себѣ всѣ
добродѣтели и съ др. стороны она есть особен-
ная правда и справедливость, состоящая въ
установленіи и въ возстановленіи равенства,
какъ самая высшая, самая совершенная до-
бродѣтель. Но какъ всеобщая, такъ и особен-
ная правда и справедливость есть правда
и справедливость просто или абсолютно
сама по себѣ, по своей сущности. Но эта сущ-
ность д. быть, однако, осуществлена въ дѣй-
ствительности. Главные виды этого осу-
ществленія въ дѣйствительности правды
и справедливости суть, по Аристотелю:
домашняя или семейная правда и справед-
ливость и политич. или государственная
правда и справедливость. Домашняя или
семейная правда и справедливость отно-
сится до взаимныхъ внѣшнихъ отношеній
людей между собою, какъ членовъ дома семьи
въ слѣдующихъ людскихъ общеніяхъ и людскихъ
общественныхъ союзахъ: во 1, правда и спра-
ведливость въ союзѣ супружескомъ или во
взаимныхъ отношеніяхъ супруговъ; во 2,
правда и справедливость въ союзѣ родителей
и дѣтей или въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ
между собою и 3) правда и справедливость
въ союзѣ господъ съ рабами или въ ихъ вза-
имныхъ отношеніяхъ между собою. Осущест-
вленіе взаимной правды и справедливости
во всѣхъ этихъ видахъ людскихъ обществен-
ныхъ союзахъ не есть еще полное, потому
что для его полноты необходимо чтобы лю-
ди, состоящіе въ общеніи между собою, въ об-

[illegible] составляли союзъ, были свободны и равны [illegible] въ [illegible] общественныхъ союзахъ [illegible] которыя свободны [illegible]); точно также въ семьѣ роди- [illegible] и дѣти [illegible] этого союза свободны, но не [illegible] и тако- [illegible] члены [illegible] и неравны. Полная [illegible], при которой всѣ чле- [illegible] равны, есть, по Аристоте- лю политическая или государственная прав- да и справедливость, т.е. высшая [illegible] ея, господствующая надъ всѣми прочими, т.е. надъ [illegible] содержащимъ въ себѣ всѣ [illegible], а именно, того [illegible], которое Аристотель называетъ политич. или государственнымъ [illegible]. Эта правда и справедливость [illegible] или вообще до госу- дарства, т.е. до [illegible] гражданъ, или въ [illegible] въ единичныхъ гражданъ, со- ставляющихъ государство, какъ его членовъ, до [illegible] лицъ [illegible] этого слова.

Итакъ, по ученію Аристотеля, правое, праведное и справедливое во всѣхъ его [illegible], какъ мыслимое съ его видами, т.е. какъ всеобщее и какъ особенное и, далѣе, какъ существующее въ дѣйствительности, въ реальности съ всѣми его видами (домашняя семейная и государствен- ная политическая правда и справедливость), имѣетъ своимъ источникомъ въ смыслѣ его ре- альнаго субъективнаго принципа, разумною, нравственною природою человѣка и слѣдов., есть само нѣчто разумное, какъ нравственно доброе, а именно, оно состоитъ въ законосообразности или въ законности съ одной стороны и въ равенствѣ, не абсолютномъ, а относительномъ и условномъ съ другой стороны.

За Аристотелемъ, тѣ изъ философовъ новыхъ и далѣе новѣйшихъ, которые выводили понятіе

праведнаго и справедливаго также изъ разумной природы человѣка, выводили его не изъ разумной человѣческой природы вообще, какъ это дѣлали древніе философы, а выводили изъ того, что называется теоретическимъ разумомъ, т. е. изъ разума, какъ мыслящей познавающей способности человѣческой души, или же изъ такъ называемаго практическаго разума, т. е. изъ мышленія направляющаго свободную человѣческую волю къ практической дѣятельности, т. е. къ свободному произведенію внѣшнихъ дѣяній, въ силу нравственной слѣдов. духовной природы человѣка. И причемъ они выводили изъ разумной человѣческой природы правопонятіе въ обоихъ его значеніяхъ, т. е. не только въ смыслѣ формальнаго принципа права, но и въ смыслѣ реальнаго субъективнаго принципа права, т. е. въ смыслѣ такихъ требованій, велѣній для человѣческой природы, изъ которыхъ происходитъ право, какъ праведное и справедливое, как согласное съ этимъ велѣніемъ. Такъ изъ теоретическаго разума, какъ изъ реальнаго субъективнаго принципа права, дедуцировалъ правоположеніе съ собственною опредѣленностью Волластонъ. Онъ своеобразно разъяснилъ въ томъ смыслѣ приведенное мною положеніе стоиковъ и Цицерона состоящее въ томъ, что человѣкъ долженъ слѣдовать своей разумной природѣ. Это положеніе по мнѣнію Волластона, значитъ ничто иное, какъ то, что человѣкъ долженъ слѣдовать истинѣ, ибо, говоритъ онъ, что ложно, то никогда не можетъ быть ни нравственно добрымъ ни праведнымъ и справедливымъ, потому что оно противно самой природѣ человѣка. Никакое дѣяніе разумнаго существа, противорѣчащее истинному сужденію

или отрицающее нѣчто такое, что само по себѣ существуетъ въ дѣйствительности, не можетъ быть ни праведнымъ и справедливымъ, ни нравственно добрымъ. Нравственное добро соотвѣтствуетъ истинному сужденію человѣка, а нравственное зло соотвѣтствуетъ ложному сужденію человѣка. Такъ, напримѣръ, говоритъ Волластонъ, рабство противно правдѣ и справедливости, ибо оно соотвѣтствуетъ тому ложному сужденію, что человѣкъ, будтобы не есть существо свободное. Здѣсь Волластонъ очевидно смѣшиваетъ дѣйствія нашей познавательной способности разума интеллигенціи, теоретическія дѣйствія съ дѣйствіями нашей желательной способности, воли, съ практическими дѣйствіями, между тѣмъ какъ ихъ слѣдуетъ различать, не доводя однако этого различія до противоположности въ томъ смыслѣ, будто между ними нѣтъ ничего общаго, ибо общее между ними есть именно душа, природа человѣка. Подобно тому, и познавательная и желательная способность суть равно способности души. Вслѣдствіе сказаннаго смѣшенія дѣйствій нашей познавательной и желательной способности, Волластонъ не могъ объяснить, почему есть множество дѣяній, которыя признаются безразличными въ нравственномъ отношеніи, а между тѣмъ основаны на ложномъ сужденіи. Такъ напримѣръ, я срываю въ своемъ саду цвѣтокъ и потомъ безцѣльно бросаю его, какъ это часто дѣлаютъ неблаговоспитанныя дѣти. Это дѣяніе безъ сомнѣнія противно истинному сужденію о цвѣткѣ, потому что цвѣтокъ по своей природѣ есть существо живое, жизнь котораго не должно уничтожать безцѣльно, но не смотря на то,

нельзя сказать, чтобы такое дѣяніе было противно доброй нравственности, а можно только сказать, что оно глупо.

Философъ Гербартъ, какъ мы видѣли, призналъ присущимъ уму человѣческому также въ смыслѣ нравственной природы человѣка, такъ называемыя, практическ. и этической нравственной въ обширномъ смыслѣ идеи. Подъ ними онъ разумѣлъ образцы или идеалы для всѣхъ вообще видимыхъ, внѣшнихъ волеотношеній т.е. для того, каковы должны быть отношенія воли человѣческой, чтобы онѣ безусловно нравились намъ людямъ, какъ безкорыстнымъ зрителямъ, чтобы мы ихъ безпристрастно одобряли, как согласныя съ нашими природными практическими идеями. Такихъ практическихъ или этическихъ идей, по Гербарту безчисленное множество, но всѣхъ ихъ онъ сводитъ къ пяти идеямъ. Значенія этихъ идей мы уже указали, разсматривая формальные принципы права. Изъ этихъ идей, идея права есть присущій человѣческому уму, т.е. нравственной природѣ человѣка, образецъ для такого отношенія между двумя волями, т.е. волею одного лица и волею другаго, которое возникаетъ вслѣдствіе ненамѣренной случайной встрѣчи волей въ одномъ какомъ нибудь предметѣ, когда напр., два лица желаютъ распоряжаться однимъ и тѣмъ-же предметомъ, въ одно и то-же время. Если это такой внѣшній предметъ, что имъ могутъ распоряжаться два лица не исключая взаимно другъ друга, то такое распоряженіе возможно и не производитъ никакого столкновенія; такъ напр. люди могутъ пользоваться такимъ образ. воздухомъ, свѣтомъ, не приходя между собою въ столкновеніе. Но, если внѣшній предметъ будетъ такого рода, что при распоряженіи имъ необходимо устранить другихъ лицъ

или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ распоряженіе этимъ предметомъ такимъ или другимъ способомъ, то въ такомъ случаѣ возникаетъ между волями двухъ лицъ такое волеотношеніе, которое состоитъ въ столкновеніи ихъ волей или въ томъ, что Гербартъ называетъ споромъ (Streit). Вотъ такой-то споръ намъ безусловно не нравится, какъ безпристрастнымъ зрителямъ, именно, въ силу присущей практич. уму, нашей нравственной природѣ идеи права, въ силу которой, сказанное отношеніе двухъ лицъ должно быть избѣгаемо, т. е. предупреждаемо или прекращаемо. Для такого избѣжанія спора и необходимы твердыя правила, нормы, законы, установленные по соглашенію волей. Это и суть юридическія нормы, законы, совокупность которыхъ и образуетъ право въ объективномъ смыслѣ. Слѣдовательно, право въ объективн. смыслѣ есть совокупность нормъ, законовъ, установленныхъ для предупрежденія или прекращенія споровъ. Изъ этого права въ объективномъ смыслѣ возникаютъ права въ субъективномъ смыслѣ съ отвѣтствующими имъ юридическими обязанностями, а именно: сказанныя юридическія нормы, законы предоставляютъ каждому лицу свободно вращаться въ области свободы до извѣстныхъ предѣловъ (это суть права въ субъективн. смыслѣ) а др. лицамъ эти нормы, законы запрещаютъ переступать такой предѣлъ. Такое Гербартово опредѣленіе правопонятія похоже на Кантово опредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ также одностороннее, формально въ томъ отношеніи, что и по ученію Гербарта, какъ и по ученію Канта право какъ праведное и справедливое требуетъ отъ человѣка только ограниченія его свобод-

наго произвола совмѣстимостью съ нимъ свободнаго-же произвола другихъ лицъ, не опредѣляя, въ чемъ именно состоитъ содержаніе, матерія вѣчныя правды и справедливости.

Фихте Старшій и Шеллингъ опредѣляли право также согласно съ Кантомъ въ томъ отношеніи, что и по ихъ ученію право есть ограниченіе свободы, выводя правопонятіе вообще изъ духовной природы человѣка, хотя опредѣляли его своеобразно, различно. Какъ именно они опредѣляли правопонятіе и какъ дедуцировали его, мы говорили объ этомъ при разсмотрѣніи формальныхъ принциповъ права, ибо у нихъ одинъ и тотъ же принципъ есть вмѣстѣ и матеріальный и формальный въ смыслѣ разумной и вообще духовной природы человѣка.

Уже до Канта знаменитый французскій писатель Жанъ-Жакъ-Руссо, родившійся въ Женевѣ въ 1712 г. и умершій въ 1778 г. призналъ право не ограниченіемъ свободы, какъ Кантъ, Фихте и Шеллингъ, а напротивъ, ея осуществленіемъ въ дѣйствительности, и именно, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „объ общественномъ договорѣ или принципы государственнаго права". Здѣсь говоритъ Руссо, что ту свободу, которую имѣетъ человѣкъ въ естественномъ, т.е. въ дообщественномъ или до государственномъ состояніи онъ, конечно, теряетъ ее въ государствѣ, вступая въ него. Но эта свобода, продолжаетъ онъ, есть ничто иное какъ рабство, ибо только природныя влеченія суть ея двигатели. Такую мнимую свободу человѣкъ теряетъ въ государствѣ, но за то здѣсь пріобрѣтаетъ истинную свободу, которая состоитъ въ подчиненіи законамъ, которымъ люди сами себя подчинили, такъ что здѣсь люди воплощаютъ умъ, разумъ своего права, а не требованія своихъ природныхъ влеченій. Такимъ образомъ вы видите, что и Жанъ-Жакъ-Руссо

выводитъ право изъ разумной вообще природы человѣка, но выводитъ своеобразно. Однакоже Руссо понимаетъ еще эту свободу просто только какъ сумму свободы единичныхъ людей въ смыслѣ соединенія изъ единичнаго произвола, говоря, что право есть осуществленіе всеобщей воли (volonté generale), въ смыслѣ суммы волей всѣхъ гражданъ или по крайней мѣрѣ большинства гражданъ, и слѣдовательно, подъ свободною волею онъ разумѣетъ произволъ, подобно Канту и Шеллингу. Напротивъ Гегель, хотя и выводитъ право подобно Канту, Шеллингу и Руссо также изъ духовной природы человѣка, но опредѣляетъ право въ обширномъ смыслѣ, т. е. съ включеніемъ права въ собственномъ смыслѣ, абсолютнаго или формальнаго права и моральности или нравственности въ тѣсномъ смыслѣ и нравственности въ обширномъ смыслѣ, т. е. нравственности въ общественныхъ людскихъ союзахъ и притомъ опредѣляетъ право какъ осуществленіе уже въ дѣйствительности, какъ реализацію, объективированіе свободы истинной и разумной, какъ идею всеобщей свободной воли въ смыслѣ субстанціальномъ, т. е. существенномъ для человѣческой воли, какъ это мы сказали, разсматривая формальные принципы права, гдѣ человѣкъ разсматривается какъ существо духовное. Наконецъ мы не можемъ опустить безъ вниманія одного изъ главныхъ еще до сихъ поръ живущихъ послѣдователей Гегеля, профессора философіи Берлинскаго университета, философа Мишле, котораго слѣдуетъ отличать отъ французскаго историка Мишле. Мишле въ своемъ сочиненіи, подъ заглавіемъ „Естественное право или философія права, опредѣляетъ право также какъ осуществленіе въ дѣйствительности свободы, не только свободы человѣчес-

и равенства и братства между людьми. Онъ говоритъ, свобода, которая содержитъ въ себѣ какъ субъектъ своей свободной воли личность человѣка и во вторыхъ, какъ объектъ этой свободной воли, есть также свободная воля всѣхъ другихъ людей. Слѣдовательно, — всякій человѣкъ въ этомъ отношеніи равняется всѣмъ другимъ людямъ. Поэтому въ неразрывной связи со свободою людскою находится и равенство между людьми. Въ этомъ равенствѣ заключается причина того, что люди сознаютъ единство ихъ между собою, а это единство и есть братство. Слѣдовательно, въ неразрывной связи со свободою и равенствомъ находится братство между нами. Итакъ, свобода, равенство и братство, заключаетъ Мишле, которыя въ отдѣльности были выставлены въ различное время, въ настоящее время суть три неразрывныхъ, необходимые одна для другой, равноправныя стороны одного проявленія правосознанія, такъ что право есть и свобода, и равенство, и братство, т.е. право, какъ праведное и справедливое, состоитъ и въ свободѣ, и въ равенствѣ, и въ братствѣ, а не такъ, что свобода въ отдѣльности или равенство или братство въ отдѣльности являются принципами права, какъ это прежде говорили нѣкоторые философы. Эти стороны права впервые, говоритъ Мишле, были найдены въ новѣйшей философіи, а именно, свобода впервые указана Жанъ-Жакомъ Руссо, равенство — [illegible] и братство [illegible] Мишле, 4 Нояб. 1848 г. во Французской конституціи свобода, равенство и братство были провозглашены какъ [illegible] права и [illegible] положенія [illegible], [illegible] изъ основанія права государства, т.е. и въ [illegible]

жизни и въ самой практикѣ. Всѣ та-
кимъ образомъ мы, взятыя вмѣстѣ,
указанные принципы и соотвѣтствующее имъ по
[illegible], сущность, правопонятіе.

Всѣ до сихъ поръ приведенные нами выво-
ды правопонятія односторонни, ибо право-
понятіе выводится здѣсь изъ духовной при-
роды человѣческой, не обращая вниманія на
всю всецѣлую природу человѣка.

И такъ на второй ступени генетическаго
развитія стоятъ тѣ философы, кото-
рые выводятъ правопонятіе изъ разумной,
нравственной, вообще духовной природы че-
ловѣка односторонне и притомъ, кото-
рые опредѣляютъ право, какъ праведную
и справедливую норму, законъ которой
обязателенъ для человѣка, потому что
человѣкъ есть существо разумное, нрав-
ственное и вообще духовное и который
(законъ) регулируетъ жизнь человѣка
какъ существа разумнаго, нравственна-
го, вообще духовнаго, въ обществѣ или въ
общеніи его съ другими подобными ему су-
ществами, людьми. Наконецъ третья и
послѣдняя ступень:

III. Реальные субъективные принципы права, выражающіе единую всецѣлую природу человѣка.

Съ особенною полнотою выставилъ всецѣ-
лую природу человѣка ближайшимъ реаль-
нымъ субъективнымъ принципомъ права и
старался изъ него дедуцировать правопонятіе,
новѣйшій философъ Краузе, о которомъ
мы говорили, и главнѣйшій изъ его послѣдо-
вателей Аренсъ, умершій въ 1876 г. профес-
соромъ Лейпцигскаго университета, а имен-
но, въ его сочиненіи „Naturrecht": мы здѣсь
скажемъ только объ Аренсѣ, [illegible]

что довольно сказали о Краузе, разсматривая его формальный принципъ.

Философія права говоритъ Аренсъ, должна вывести аналитически особенный принципъ права или идею права изъ полной сущности, природы человѣческой и изъ всѣхъ жизненныхъ отношеній человѣка въ ихъ цѣлости, т.е. изъ всѣхъ сторонъ его жизни, каковы есть хозяйственная, религіозная, нравственная и юридическая, научная, литературная и общественная вообще. Затѣмъ, этотъ особенный принципъ должна философія права уже синтетически привести въ связь съ послѣднею или конечною цѣлью человѣческаго бытія, т.е. съ назначеніемъ единичнаго человѣка и всего человѣческаго общества, изъ всеобщаго нравственнаго порядка міра, изъ мірового порядка. Наконецъ, философія права должна синтетически провести свой найденный ею особенный принципъ права по всѣмъ существеннымъ моментамъ его развитія, какъ ступенямъ этого развитія и расчлененіе его на всѣ подчиненныя этому принципу отношенія или стороны общественной жизни, поставивъ идею права, какъ идеалъ для осуществленія его въ дѣйствительности и такимъ образомъ посредствомъ одного и того же принципа права представить связь между всѣми частями правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія. Вся система основоположеній для всѣхъ особенныхъ частей этихъ областей науки будетъ такимъ образомъ связана одними и тѣми же принципами и правильно расчленена какъ живое цѣлое. Соотвѣтственно такимъ требованіямъ и старается изложить философію права Аренсъ въ своемъ сочиненіи по этому предмету, подъ названіемъ „Естественное

право." Хотя, говоритъ Аренсъ, въ этомъ отношеніи прежде многіе философы въ своихъ теоріяхъ, въ своемъ ученіи о правѣ приняли за его отправную точку какъ реальный принципъ права, природу человѣка, какъ его понималъ самъ Аренсъ, но они приняли не цѣлую, не полную природу человѣка, а только нѣкоторыя отдѣльныя части этой природы, а именно въ особенности тѣ или другія природныя влеченія или общительные или эгоистическія или соединенныя, слитые между собою тѣ и другіе, между тѣмъ какъ Аренсъ говоритъ самъ о себѣ, что онъ признаетъ только всецѣлую природу человѣка реальнымъ принципомъ права. Къ тому же, продолжаетъ Аренсъ, только въ новѣйшее время добыто его учителемъ Краузе, высшее познаніе права, состоящее въ томъ, что для живого пониманія права, должно искать такого понятія, которое было бы понятіемъ центральнымъ, сосредоточеннымъ для самого права и для дѣятельности человѣческой, а именно, это понятіе должно искать въ основномъ принципѣ добра, блага, или благъ вообще, дабы такимъ образомъ возможно было привести право въ связь съ нравственностью вообще, имѣющею своимъ предметомъ благо и блага и слѣдовательно, привести право въ связь съ этикою, какъ наукою о нравственности. По этому, продолжаетъ Аренсъ, логическое развитіе особеннаго принципа права или идеи права, т.е. правопонятія должно 301, отправляться отъ психологическаго изслѣдованія этой идеи, отъ опредѣленія, какъ эта идея проявляется въ сознаніи образованнаго человѣка въ его душѣ (что? [illegible]

изслѣдованіе и называется психологическимъ) и затѣмъ, во 2) это методическое развитіе идеи права должно разсмотрѣть антропологически сущность природы человѣка во всѣхъ ея способностяхъ или силахъ (потому это изслѣдованіе и называется антропологическимъ), и наконецъ, въ 3) это развитіе идеи права должно этически свести или возвести всѣ эти человѣческія способности или силы къ нравственному этическому понятію (отъ того оно и называется этическимъ изслѣдованіемъ), а именно, къ благу и благамъ вообще, какъ содержанію всѣхъ жизненныхъ отношеній и жизненныхъ цѣлей человѣческихъ. Въ этихъ-то трехъ методическихъ дѣйствіяхъ философія права, какъ наука, и содержитъ по ученію Аренса, этотъ путь развитія идеи права, т.е. правопонятія, который Аренсъ, слѣдуя Краузе, назвалъ аналитическимъ его развитіемъ. Это развитіе состоитъ въ разложеніи на составныя части самой всецѣлой природы человѣка.

Но на этомъ аналитическомъ развитіи Аренсъ, какъ и Краузе еще не останавливается, а требуетъ, дабы послѣ такого аналитическаго развитія философія права синтетически связала бы всѣ найденные его такимъ образомъ принципы права во всей полной, единой, всецѣлой природѣ человѣка, именно, связала бы, соединила бы съ верховнымъ принципомъ всего бытія и всякой вообще жизни, т.е. съ первосуществомъ, божествомъ (почему такое развитіе, такой путь называется синтетическимъ, т.е. соединяющимъ), дабы такимъ образомъ дать всему юри- [illegible] порядку двой

щую опору, т.е. верховную основу состоящую, именно, въ единой всецѣлой человѣческой природѣ, которая есть такимъ образомъ реальный принципъ или, вѣрнѣе единая, всецѣлая природа человѣческая въ психофизической сперва индивидуальности и затѣмъ возведенная систематически къ божеству, какъ къ верховному принципу этого принципа. Согласно съ своимъ требованіемъ отъ философіи права, Аренсъ и начинаетъ въ самомъ дѣлѣ, съ психологическаго изслѣдованія идеи права, какъ съ перваго эмпирическаго дѣйствія, и вотъ что онъ находитъ въ результатѣ этого изслѣдованія. Право, говоритъ онъ, какъ всеобщее понятіе или идея, проявляется въ человѣческомъ сознаніи, т.е. въ духѣ его, какъ одно изъ такихъ всеобщихъ понятій, идей, которыми мы, люди, руководимся для обсужденія и улучшенія настоящаго нашего состоянія. Поэтому идея права принадлежитъ къ числу тѣхъ высшаго порядка идей, которыя даютъ высшее направленіе всей нашей духовной дѣятельности, что составляетъ предметъ психологіи, почему это есть психологическое дѣйствіе аналитическаго развитія. Идеи высшаго порядка суть во 1, истиннаго или истины, во 2, идея прекраснаго, изящнаго или идея красоты и въ 3, идея добра или блага, куда принадлежатъ: а) идея нравственная въ собственномъ смыслѣ, или идея морали и b) идея права. Но, продолжаетъ Аренсъ, доброе и благое и какъ моральность и какъ моральное, и какъ право, отличается отъ двухъ первыхъ идей, т.е. отъ идеи изящнаго и идеи красоты, именно, тѣмъ что идея морали и права относится до свободнаго хотѣнія, до свободной дѣятельности человѣ-

ческой, до него не относится идея истины и идея красоты, ибо идея морали и права суть нравственныя идеи въ обширномъ смыслѣ этого слова и потому находятся между собою въ тѣснѣйшей связи.

Итакъ, есть всего три рода идей высшаго порядка: идея истины, идея красоты, и идея нравственная, какъ идея блага, добра, въ двухъ ея видахъ, а именно, идея морали и идея права. Затѣмъ, для этихъ то трехъ родовъ идей и существуютъ также соотвѣтствующія имъ трояхаго рода законы, а именно въ 1, для идеи истины, т.е. для ея изслѣдованія существуютъ законы мышленія или знанія или, такъ называем., логическіе законы, во 2, для идеи красоты, т.е. для воспріятія изящнаго, прекраснаго и для сужденія о немъ существуютъ, такъ называем., эстетическіе законы и наконецъ, въ 3) для идеи морали и права, какъ идеи нравственной вообще, т.е. для свободнаго хотѣнія и свободной дѣятельности существуютъ законы этическіе, нравственные, съ подраздѣленіями ихъ на моральные и юридическіе. Въ отношеніи къ идеи морали и идеи права, идея добра и блага есть по ученію Аренса общая для нихъ идея т.е. идея добра, блага содержитъ въ себѣ обѣ эти идеи как нравственныя идеи въ обширномъ смыслѣ или [или] какъ этическія, практическія идеи. Добро, благо, есть вообще, по ученію Аренса, все то, что соотвѣтственно съ природою человѣка, т.е. его полного, цѣлостного природою и тако согласно съ обоснованными на этой природѣ истинными потребностями человѣчества. Слѣдовательно, добро, благо, есть нѣчто достойное вожделѣнія человѣка, чего стоитъ желать, т.е. какъ удовлетворяющее истиннымъ по-

ребностямъ всецѣлой полной природы человѣческой. На основаніи сказаннаго Аренсъ прямо высказываетъ мысль, что какъ мораль, такъ и право коренятся во всецѣлой природѣ человѣка и что онѣ достойны вожделѣнія. Какъ таковыя, т.е. коренящіяся во всецѣлой природѣ человѣка и достойныя его вожделѣнія, мораль и право суть, говоритъ Аренсъ, существенныя блага человѣческой жизни. Однакоже, мораль и право различаются одно отъ другаго тѣмъ, что мораль всегда находится въ связи съ субъективными побужденіями и цѣлями внѣшней дѣятельности человѣка, его дѣяній, поступковъ, обусловливаясь въ томъ смыслѣ, что для добрыхъ моральныхъ побужденій къ дѣятельности требуется, чтобы ея мотивы, цѣли были также добрые. Право разсматриваетъ дѣяніе человѣка, напротивъ, только съ внѣшней стороны, вообще объективной, т.е. помимо ихъ субъективныхъ мотивовъ и цѣлей. Далѣе мораль требуетъ, чтобы то, что есть благо, добро, было совершаемо человѣкомъ само по себѣ, безусловно, т.е. ради самаго блага и добра и чтобы такимъ образомъ субъективные мотивы и цѣли были согласны съ субъективнымъ благомъ добромъ, между тѣмъ какъ право смотритъ вообще на дѣянія человѣка съ внѣшней стороны, не обращая вниманія на ихъ мотивы. Однакоже, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что всякая вообще дѣятельность человѣка, т.е. положительная и отрицательная, должна направляться къ предмету, какъ къ достойному вожделѣнія, какъ къ своей цѣли; такъ точно и право всегда имѣетъ въ виду благо, добро. Это благо, добро можетъ быть или данное человѣческой личности добро, благо, какъ жизнь, свобода, т.е. оно

смотрѣній состоитъ, какъ тѣмъ внутреннее [illegible] свободнаго лица, его имущество, состоитъ во внѣшнихъ благахъ, и въ этомъ именно, стало быть, его имущество составную часть существа, съ которымъ хотя и въ тѣсной связи, [illegible] этическимъ, имѣетъ также быть праведное. Право всегда имѣетъ своею задачею регулировать, касающуюся жизни и благъ, внѣшнюю дѣятельность человѣка во всѣхъ отношеніяхъ, какія только требуютъ обращенія на нихъ должнаго вниманія, ибо основаніе права лежитъ во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ человѣческой жизни, касающихся благъ человѣка и общества, а потому правильное познаніе этихъ отношеній должно служить для права основою и постояннымъ руководителемъ. Эти отношенія суть, по Аренсу и Краузе, ничто иное какъ то, что называется сторонами или элементами общественной человѣческой жизни, о которыхъ мы будемъ говорить, разсматривая ступени развитія общественной жизни человѣка. Изъ этого изслѣдованія идеи права Аренсъ выводитъ слѣдующее его опредѣленіе: право есть норма, регулирующая употребленіе, т.е. регулированіе, осуществленіе свободы человѣческихъ отношеній, касающихся жизни и благъ человѣка и человѣческаго общества. Поэтому говоритъ Аренсъ, необходимо развить этическое ученіе о благѣ, добрѣ или о благахъ, какъ основное ученіе о правѣ, ибо какъ изъ сказаннаго видно, это ученіе о благѣ [illegible] особенное ученіе о правѣ. Для этого необходимо разсмотрѣть антропологически всю внутреннюю сущность человѣка. Такъ поступаетъ Аренсъ: Человѣкъ, именно, отличается отъ прочихъ живыхъ тѣлъ, что онъ есть лицо, - это значитъ, что онъ есть самосознающее существо, одаренное умомъ, такъ что

ція есть основа его мышленія. Этотъ-то
ція и служитъ между прочимъ основаніемъ
общему всѣмъ людямъ назначенію. Всякій ин-
дивидуумъ долженъ стремиться, стараться
выполнить свое назначеніе, т.е. занять свое
мѣсто въ міровомъ этическомъ порядкѣ, орга-
низмѣ. Но всецѣлое назначеніе человѣка состо-
итъ именно въ осуществленіи въ своей жизни
добра, блага, ибо добро, благо, есть собственно
основное содержаніе всей человѣческой жизни,
всей его дѣятельности. Добро всякаго вообще су-
щества есть то естественное существенное
содержаніе во всякой области, сферѣ его жиз-
ни, такъ что это существо, сообразно съ своею
сущностью, природою, натурою можетъ и
должно осуществлять его въ своей жизни. Доб-
ро, благо есть потому все его основаніе ему
существенное жизненное назначеніе. Въ вы-
полненіи этого и состоитъ совершенная
жизнь. Право должно дать человѣку всѣ усло-
вія для выполненія имъ своего назначенія, или
все то, отъ чего зависитъ свободная дѣятель-
ность людей, взятыхъ порознь и вмѣстѣ для
достиженія жизненныхъ цѣлей, жизненныхъ
благъ. Такъ какъ назначеніе человѣка состо-
итъ въ осуществленіи добра, блага, во всѣхъ об-
ластяхъ, сферахъ общественной жизни, какъ
добро, благо, о которомъ говоритъ Аренсъ
есть понятіе этическое, въ этомъ смыслѣ
можно сказать, что право есть средство для
нравственности въ обширномъ смыслѣ. На
основаніи всего сказаннаго, задача права со-
стоитъ въ томъ, чтобы жизнь человѣческая
осталась совершенною посредствомъ предла-
гаемыхъ свободнѣ человѣч. свободою же прочихъ
людей условій, и такъ какъ единственно содер-
жаніе жизни есть, какъ мы сказали, добро,
благо, то мы можемъ сказать, что право тре-
буетъ единственно естественнаго добра, бла-

га, на сколько оно условливается человѣческой
свободою, чтобы оно реализировалось посредство
всѣхъ этихъ условій, взятыхъ въ цѣлости, сл
довательно, право, какъ идея, право какъ пр
вопонятіе есть принципъ, нормирующій
условія назначенія человѣка, какъ разумнаго
щества, одареннаго умомъ и отличающа
отъ прочихъ животныхъ; но всѣ условія чел
вѣческой разумной жизни, отъ которыхъ вс
блага зависятъ, могутъ быть преимуще
достигаемы въ человѣческомъ обществѣ, то
право есть принципъ, которымъ осущес
вляется добро, благо во всѣхъ областяхъ челов
ческой жизни, которымъ регулируются вс
эти области въ своемъ существованіи въ св
емъ развитіи, или право въ смыслѣ все-та
ки идеи, есть упорядочивающій, организую-
щій принципъ человѣческой жизни, правом
должны быть приведены въ связь всѣ жизнен
области, всѣ составныя стороны человѣческ
жизни для взаимнаго споспѣшествованія
ихъ прогресса должны быть приурочены,
направлены, соединены другъ съ другомъ для
споспѣшествованія тому въ чемъ состоитъ
прогрессъ всѣхъ жизненныхъ областей, или
споспѣшествованія прогрессу культуры, об
зованности. Такъ какъ само общество ес
организмъ жизненныхъ областей, то и усло
вія для его существованія, для его организова
наго развитія составляютъ также орга-
низмъ и также живой, а потому право
есть, какъ уже опредѣлилъ его самъ Краузе,
органическое цѣлое зависимыхъ отъ дѣятел
ности свободныхъ человѣческихъ, а не отъ приро
ды, условій для возведенія въ органическое цѣлое,
въ связь всѣхъ жизненныхъ цѣлей единичныхъ
личностей всѣхъ человѣческихъ обществъ, или
право есть органическое цѣлое, во времени жиз-
ни являющееся въ свободной разносторонност,

единое верховное добро или право есть временная и свободная условливаемость разумной жизни человѣчества. Въ этомъ смыслѣ все право, какъ уже сказано, есть право блага, Güterrecht.

Подобно Аренсу и бывшій профессоръ философіи Берлинскаго университета, Тренделенбургъ въ своемъ сочиненіи „Naturrecht", вышедшемъ вторымъ изданіемъ, смотритъ на право также какъ на средство нравственности, какъ на органъ или орудіе нравственности, какъ онъ выражается, и, подобно Аренсу, дедуцируетъ право изъ всей единой природы человѣческой, какъ изъ реальнаго субъективнаго принципа права. Но Тренделенбургъ дедуцируетъ право своеобразно, отлично отъ дедуцированія Аренса, а именно, такимъ образомъ, онъ отправляется отъ той мысли, которую высказалъ и нѣсколько развилъ уже древн. велик. Аристотель, а именно: всему міру, т.е. всѣмъ его существамъ, говоритъ Тренделенбургъ, присуща цѣль, какъ внутренняя цѣль (τέλος), которая и двигаетъ данныхъ существъ, т.е. побуждаетъ ихъ къ дѣятельности. Но изъ всѣхъ существъ міра только человѣкомъ сознается присущая ему цѣль, сознается именно его умомъ, ибо только человѣкъ одаренъ умомъ, какъ высшею познавательною способностью, а также только человѣкъ желаетъ, хочетъ этой цѣли, желаетъ именно ея свободная воля человѣческая, ибо только человѣкъ одаренъ такою свободною волею. Человѣкъ мыслитъ о томъ, чего хочетъ и хочетъ того, о чемъ мыслитъ: слѣдовательно, мышленіе и хотѣніе или ихъ органы, умъ и воля, состоятъ въ человѣкѣ въ единствѣ между собою, такъ что дѣятельность человѣка, сознательная и свободная, ставитъ себѣ внѣшнюю цѣль, стараясь

достигнуть ея своего высшаго дѣятельностью, на сколько эта дѣятельность имеетъ въ себѣ этически нравственный элементъ, т.е. на сколько она есть нравственно добрая дѣятельность, въ противоположность порочной дѣятельности. Всякая же прочая внѣшняя дѣятельность человѣка безразлична съ нравственной точки зрѣнія, ибо безъ мышленія и сознанія, безъ свободной воли, не мыслима нравственность, т.е. не можетъ быть и рѣчи о нравственно добрыхъ или о нравственно дурныхъ дѣяніяхъ. Вообще, присущая каждому существу особенно внутренняя цѣль составляетъ его особенное естество, природу. Такъ и присущая человѣку внутренняя его цѣль составляетъ также его особенную природу, естество. Въ этомъ смыслѣ эту природу можно назвать человѣчностью. Эта-то природа человѣка или человѣчность и движетъ человѣка, т.е. побуждаетъ его къ дѣятельности, какъ существо разумное, сознающее свою природу. Но такъ какъ человѣкъ есть существо не только разумное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свободное, то онъ воленъ двигаться и не двигаться этою природною цѣлью, т.е. воленъ дѣйствовать согласно съ человѣчностью или противъ человѣчности. Такая дѣятельность, если она совершается сознательно и свободно, то, будучи согласна съ человѣчностью, съ особенною природою человѣка, съ его внутреннею цѣлью, есть нравственно-добрая дѣятельность, а если она не согласна съ человѣчностью, то она является нравственно дурного дѣятельностью. Для такой нравственной дѣятельности есть для человѣка верховные основные этические, нравственные въ обширномъ смыслѣ законы, какъ законы нравственности. Право же есть ничто иное, какъ орудіе, органъ нравственности, а именно, право дѣлаетъ во-

можнымъ и охраняетъ нравственность, а также право дѣлаетъ возможнымъ существованіе и такихъ живыхъ цѣлыхъ организмовъ, людскихъ общеній съ ихъ членами, которыя осуществляютъ въ своей дѣятельности нравственность, т.е. нравственное добро и которое въ этомъ смыслѣ слова суть нравственные организмы, нравственныя общенія, каковы въ особенности семья и государство. Съ этой точки зрѣнія Тренделенбургъ опредѣляетъ понятіе или идею права такимъ образомъ: право охраняетъ - силою, могуществомъ цѣлаго общества внѣшнія условія необходимыя для осуществленія въ дѣйствительности нравственности или нравственнаго добра или право есть въ нравственномъ цѣломъ общеніи людскаго союза сумма, совокупность тѣхъ всеобщихъ опредѣленностей, т.е. законовъ, нормъ дѣятельности, въ силу которыхъ происходитъ то, что нравственное цѣлое, т.е. людской общественный союзъ можетъ сохраняться далѣе, ибо всякое право, если оно есть въ истинномъ смыслѣ право, а не неправо, вытекаетъ изъ влеченія охранять нравственное цѣлое, т.е. нравственное общеніе между людьми, нравственные союзы. Однакоже въ этомъ смыслѣ признаетъ Тренделенбургъ вообще три существенные элемента, момента или стороны права, а именно: во 1,) этическій элементъ (этотъ въ силу котораго право есть орудіе, органъ нравственности); во 2,) физическій элементъ (это тотъ, въ силу котораго право соединяется съ принужденіями, въ случаѣ его нарушенія или неисполненія) и наконецъ во 3,) логическій элементъ, этотъ, въ силу котораго къ праву, какъ всеобщему, - ибо право есть законъ, а законъ заключаетъ въ себѣ нѣчто общее, - возводится все частное, единичное, т.е.

подводятся подъ законъ особенные случаи въ судебныхъ постановленiяхъ, всѣ единичные казусы или, что все равно, можно сказать на оборотъ, въ силу этого логическаго элемента всеобщее низводится къ единичному, т.е. всеобщие законы прилагаются къ единичнымъ случаямъ, а потому этотъ элементъ называется логическимъ, что сущность логической дѣятельности, а именно, сужденiе и умозаключенiе, въ немъ заключаются, т.е. въ возведенiи единичнаго ко всеобщему или на оборотъ въ низведенiи всеобщаго къ единичному, настолько, замѣтимъ между прочимъ, что если Аренсъ и Тренделенбургъ смотрятъ на право какъ на средство нравственности, то, если бы они остались строго послѣдовательными, они должны были бы придти къ такому выводу, который заключаетъ въ себѣ самомъ противорѣчiе, а именно, къ тому выводу, что всякое право, которое не есть средство для нравственности, есть не право, а слѣдовательно, должны придти и къ мысли о допущенiи насильственнаго ниспроверженiя права или къ перевороту, къ революцiи, къ чему они вовсе не думали придти.

Итакъ, на третьей и послѣдней ступени развитiя человѣческаго сознанiя объективныхъ реальныхъ принциповъ права стоятъ тѣ философы, которые производятъ право, подобно Аренсу и Тренделенбургу изъ человѣческой природы вообще, какъ тѣлесной, такъ и духовной нераздѣльно и соотвѣтственно этому опредѣляютъ понятие права, хотя, какъ это мы видѣли, и опредѣляютъ его различно.

Итакъ, мы окончили разсмотрѣнiе вообще реальныхъ принциповъ права. Но кро-

…реальныхъ принциповъ права выстав-
…лены были нѣкоторыми философами
…акже теологическіе и практическіе прин-
…ипы права являются главными по отно-
…енію ко всѣмъ принципамъ права, ибо
…ормальные принципы права служатъ
…тому, чтобы вести къ реальнымъ
…принципамъ права, потому что нуж-
…сперва знать другіе, посредствомъ ко-
…познается право, для того, чтобы уче-
…ость познать причины бытія и уста-
…овленія права, такъ что формальные
…принципы права ведутъ къ реальнымъ,
…за тѣмъ изъ реальныхъ принциповъ пра-
…вытекаютъ и теологическіе и практи-
…ескіе принципы права, а именно, пер-
…не суть теоретическіе выводы изъ реаль-
…ыхъ принциповъ права или суть про-
…зводные теоретическіе принципы пра-
…а, а послѣдніе т. е. практическіе прин-
…ипы суть практическіе выводы, также
…роизводные принципы. Итакъ въ этомъ
…ысль реальные принципы права суть
…лавные, такъ сказать, центральные прин-
…ипы для всѣхъ прочихъ принциповъ какъ
формальныхъ, такъ теоретическихъ и
практическихъ. Изъ реальныхъ принци-
…повъ права и выводятся непосредственно
…или иначе обусловливаются, на нихъ основы-
…ваются съ одной стороны тѣ теорети-
…ческіе принципы, которые можно наз-
…вать телеологическими принципами, а
…съ другой все собственно такъ называемые
практическіе принципы права. Мы дол-
…жны начать съ теологическихъ принци-
…повъ права, потому что они стоятъ ближе
къ реальнымъ принципамъ права, ибо тѣ
и другіе суть равно теоретическіе прин-
…ципы права, а также потому, что практ…

ческіе принципы права обусловливаются не только реальными, но и телеологическими принципами права, а слѣдовательно ихъ предполагаютъ. И такъ

Раздѣлъ третій.

Телеологическіе принципы права.

(Principia finalia juris id est justi).

Подъ ними мы разумѣемъ принципія правопониманію цѣли (τέλος) бытія и становленія права или опредѣленія, къ какой именно цѣли стремится право, такъ что телеологическіе принципы права могутъ быть названы по-русски въ этомъ смыслѣ цѣлестремительными. Это значитъ, что такими принципами указывается на то, для чего именно т.е. для какой цѣли или на какой конецъ (finis) право по своей сущности, по своей природѣ, есть, существуетъ, становится, развивается или должно существовать, должно развиваться; другими словами: указываетъ на значеніе права или на разумные причины его бытія (raison d'etre), какъ выражаются французы. Такъ какъ телеологическіе принципы права выводятся непосредственно изъ реальныхъ принциповъ права, или обусловливаются, на нихъ обосновываются, то телеологическихъ принциповъ права можетъ быть только шесть главныхъ ступеней, т.е. ступеней ихъ генетическаго развитія, соотвѣтственно же шести главнымъ группамъ или родамъ реальныхъ принциповъ права. Замѣтимъ, что тѣ философы, которые поставляютъ реальные принципы права, не всегда сами же

и выводятъ изъ нихъ телеологическіе принципы права, хотя такой выводъ самъ по себѣ простъ и ясенъ. Поэтому намъ здѣсь нѣтъ надобности много распространяться о телеологическихъ принципахъ права послѣ того какъ мы много говорили объ ихъ основаніяхъ, т.е. реальныхъ принципахъ права, и потому намъ достаточно здѣсь привести нѣсколько примѣровъ, въ видѣ краткихъ указаній, на главные роды или на главныя группы телеологическихъ принциповъ или, что все равно, на главныя ступени ихъ генетическаго развитія. Итакъ,

Первая ступень, или первая группа, первый родъ: такъ напр. софисты, признавъ что въ сущности индивидуальный и моментальный произволъ человѣка есть реальный принципъ права, тѣмъ самымъ признали, что осуществленіе въ дѣйствительности именно въ государствѣ такого произвола со стороны правителей и есть цѣль права или его телеологическій принципъ.

Вторая ступень: такъ напримѣръ Гербартъ признавъ реальнымъ принципомъ права внѣшнюю физическую необходимость, какъ мировую правду и справедливость, тѣмъ самымъ призналъ, что право имѣетъ своею цѣлью осуществленіе въ государствѣ именно въ его законахъ, этой мировой правды и справедливости.

Третья ступень: такъ напримѣръ средневѣковые философы и теологи, признающіе реальнымъ принципомъ права внѣшнюю нравственную необходимость, какъ волю Божію, заповѣди Божіи, какъ голосъ Божій въ человѣкѣ, въ его совѣсти, тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ своею цѣлью ихъ осуществленіе, исполненіе.

<u>Четвертая ступень</u>: такъ напримѣръ философы, признавшіе реальнымъ принципомъ права исключительно физическую природу человѣка, именно, природныя влеченія, инстинкты, или общительные — какъ напр. Гуго-Гроцій, или эгоистическіе — какъ напр. Гоббесъ, или тѣ и другіе въ опредѣленномъ видѣ — какъ напр. Пуфендорфъ, или въ слитномъ видѣ — какъ напр. Вольфъ, — тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ своею цѣлью удовлетвореніе требованіямъ этихъ природныхъ влеченій.

<u>Пятая ступень</u>: такъ напримѣръ философы, признавшіе реальнымъ принципомъ права исключительно разумную, нравственную или вообще духовную природу человѣка, — тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ своею цѣлью осуществленіе въ государствѣ и вообще въ общественныхъ людскихъ союзахъ требованія этой природы или удовлетворенія потребностямъ этой природы.

Наконецъ, <u>шестая и послѣдняя ступень</u>: философы, признавшіе реальнымъ принципомъ права всю единую или всецѣлую человѣческую природу, тѣмъ самымъ признали, что право имѣетъ своею цѣлью удовлетвореніе потребностямъ всей вообще человѣческой природы, всѣмъ ея требованіямъ, въ ихъ единой всецѣлости.

Наконецъ, какъ реальными такъ и телеологическими принципами права обусловливаются непосредственно такъ называемые практическіе принципы права. Такъ мы и переходимъ къ четвертому и послѣднему раздѣлу, или къ четвертому и послѣднему главному роду, главной группѣ принциповъ права вообще, а именно, къ практическимъ принципамъ права. Итакъ,

Раздѣлъ четвертый.

Практическіе принципы права

(Principia agendi justae) или принципы дѣятельности, какъ праведной и справедливой дѣятельности.

Подъ ними разумѣемъ мы, какъ показываетъ самое слово, основныя правила, законы или велѣнія, которыми должны, т. е. нравственно обязаны всѣ люди, всякій человѣкъ и всякій общественный людской союзъ непосредственно руководиться во всѣхъ своихъ внѣшнихъ дѣяніяхъ, чтобы эти дѣянія могли быть, такимъ образомъ, признаны праведными и справедливыми или согласными съ правдою и справедливостью съ ея требованіями. Вотъ въ этомъ смыслѣ мы и называемъ эти принципы права практическими, т. е. дѣятельными. Эти принципы права обыкновенно выводятся самими философами изъ поставляемыхъ или же реальныхъ, а иногда вмѣстѣ съ телеологическими принципами и даже нерѣдко и изъ формальныхъ принциповъ права вообще, слѣдовательно изъ всѣхъ теоретическихъ принциповъ права, въ отличіе отъ которыхъ эти принципы права и суть практическіе принципы, такъ что формальные, реальные и телеологическіе принципы права и служатъ основаніемъ для этихъ практическихъ принциповъ права. Вотъ почему, мы и поставили на послѣдней ступени разсмотрѣніе этихъ практическихъ принциповъ права въ ихъ представителяхъ.

Практическіе принципы права были опредѣленно выращены формулированы толь-

ко новыми и новѣйшими философами, да и то далеко не всѣми. Впрочемъ, если самъ философъ и не формулировалъ своего практическаго принципа права, то мы и сами легко можемъ формулировать его именно на основаніи его практическихъ принциповъ права, изъ которыхъ они обыкновенно выводятся. Такъ какъ есть всего шесть ступеней генетическаго развитія реальныхъ и телеологическихъ принциповъ права, изъ которыхъ выводится практическій принципъ права, то всего можетъ быть шесть ступеней генетическаго развитія и практическихъ принциповъ права.

Первая ступень: такъ напримѣръ, если софисты поставляли реальнымъ принципомъ права эмпирическій познаваемый въ смыслѣ формальнаго принципа права, умомъ человѣческимъ индивидуальный и моментальный произволъ человѣка, какъ нѣчто случайное, поставляли цѣлью права удовлетвореніе такого произвола; то мы сами можемъ вывести отсюда и формулировать такой практическій принципъ права софистовъ, хотя сами софисты его и не выводили, и не формулировали, поступай согласно съ твоимъ индивидуальнымъ и моментальнымъ произволомъ.

Вторая ступень: такъ напримѣръ по ученію Гераклита, мировая правда и справедливость или мировой законъ, мировой порядокъ есть реальный принципъ права, постигаемый умомъ, какъ формальный принципъ, и если Гераклитъ требуетъ, чтобы никто ни правительство ни гражданинъ не превозносили бы себя надъ міровою правдою и справедливостью, надъ міровымъ закономъ, надъ міровымъ порядкомъ не требы-

валъ бы въ эгоистическомъ обособленiи отъ мiроваго порядка, а напротивъ, подчинялся бы ему, въ чемъ и состоитъ праведное и справедливое, правда и справедливость человѣческая, которая осуществляется какъ нѣчто физически необходимое, то отсюда мы можемъ вывести и формулировать такой практическiй принципъ права, подчиняйся во всей своей внѣшней дѣятельности мiровой правдѣ и справедливости, не превозносясь надъ ними, не пребывай отъ нихъ въ обособленiи, а именно, подчиняйся прежде всего и ближе всего закону твоего государства, какъ выражающему эту мiровую правду и справедливость.

Третья ступень: такъ изъ формальнаго, реальнаго и телеологическаго и вообще изъ практическаго принципа права, средневѣковыхъ философовъ, изъ воли Божiей, познаваемой изъ откровенiя, мы можемъ вывести и формулировать слѣдующiй практическiй принципъ права, хотя далеко не всѣ эти философы, теологи его формулировали: исполняй волю Божiю, веленiя, заповѣди Божiи, подчиняйся голосу твоей совѣсти, какъ голосу самаго божества и дѣйствуй соотвѣтственно ему.

Четвертая ступень: такъ напримѣръ тѣ философы, которые поставили реальнымъ принципомъ права физiологическую природу человѣка, познаваемую умомъ и требующую своего удовлетворенiя, то есть какiя нибудь инстинкты, природныя влеченiя, - или обязательные или

эгоистическiе, либо примиренные, либо слитые между собою, или въ отдѣльности, должны были послѣдовательно вывести отсюда и формулировать въ общихъ выраженiяхъ такой практическiй принципъ права: удовлетворяй требованiямъ твоей физической природы. Такъ Спиноза изъ своего реальнаго принципа права, постигаемаго умомъ, какъ формальнымъ принципомъ права, а именно изъ потенцiи, могущества, необходимаго для удовлетворенiя природныхъ влеченiй индивида къ сохраненiю имъ своей индивидуальности, самъ выводитъ и формулируетъ такой практическiй принципъ права: каждый индивидъ долженъ стараться, на сколько онъ можетъ, пребывать въ своемъ состоянiи. Далѣе, изъ Гуго-Гроцiева природнаго влеченiя къ общенiю съ другими людьми (Societatis appetitus), то есть какъ самъ Гуго-Гроцiй объясняетъ, къ общенiю мирному, спокойному и притомъ устроенному согласно съ требованiями разума, слѣдующiй практическiй принципъ права, который самъ Гуго-Гроцiй не выводитъ: удовлетворяй твоему природному влеченiю къ мирному и разумному общенiю твоему съ др. людьми. Такъ, самъ Гоббесъ выводитъ право изъ эгоистич. природн. влеченiя къ сохраненiю своей жизни и своихъ членовъ, т.е. своего тѣлеснаго организма, какъ изъ реальнаго

принципа, постигаемаго разумомъ, какъ формальнымъ принципомъ права, выводитъ такой практическій принципъ права: должно искать мира, т.е. спокойствія, подразумѣвая, что его нужно искать, именно, въ виду сохраненія своей жизни, своихъ членовъ, своего здоровья. Такъ, Пуфендорфъ, старающійся примирить Гуго-Гроціево общительное природное влеченіе и Гоббесово эгоистическое природное влеченіе признаніемъ прирожденной потребности человѣка, также какъ природнаго влеченія къ мирному общенію его съ другими людьми, въ виду удовлетворенія природнаго влеченія къ общенію, потому что, говоритъ онъ, человѣкъ не можетъ остаться въ единствѣ, т.е. внѣ общенія его съ другими людьми и что есть необходимое для такого общенія, то есть праведно и справедливо (justum), а что препятствуетъ такому общенію, то есть неправедно и несправедливо (injustum), - самъ отсюда выводитъ и формулируетъ такой практическій принципъ права: всякій человѣкъ обязанъ, сколько это отъ него зависитъ, уважать и сохранять общительность (societatem) т.е. общеніе съ другими людьми. Такъ Вольфъ изъ своего реальнаго принципа права, изъ природнаго влеченія человѣка къ совершенству, въ которомъ сливаются, по его мнѣнію, всѣ уже природныя влеченія и которое познается умомъ, какъ формальнымъ принципомъ права, самъ выводитъ и дедуцируетъ такой практическій принципъ права: совершенствуй себя (т.е. внутреннее), и свое состояніе (т.е. нѣчто внѣшнее), а также совершенствуй другихъ и ихъ состояніе.

<u>Пятая ступень</u>: такъ напр., изъ Платонова реальнаго и формальнаго принципа права и согласного съ нимъ опредѣленія правово-

нятія мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права; хотя самъ Платонъ и не выводитъ его: какъ человѣкъ вообще, подчиняй неразумныя части твоей души разумной ея части, разуму, а какъ гражданинъ государства, дѣлай только свое дѣло, обусловливаемое твоею особенною натурою и зависимымъ отъ нея правомъ общественнаго положенія въ государствѣ, никакъ не вмѣшиваясь въ дѣла другихъ. Такъ изъ формальнаго и реальнаго принципа права Аристотеля и согласнаго съ нимъ опредѣленія правопонятія мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права, хотя самъ Аристотель и не выводитъ его прямо, т. е. со всею полнотою и ясностью: какъ разумное существо вообще, не вреди другимъ людямъ, служи чужому благу, вспомоществуй другимъ и воздавай каждому свое, какъ нѣчто должное, самъ поступай законно вообще, соотвѣтственно и согласно истинному равенству между людьми, и если оно нарушено, возстановляй его. Такъ изъ реальнаго и формальнаго принципа стоиковъ, а вмѣстѣ и Цицерона и согласнаго съ нимъ опредѣленія правопонятія мы можемъ вывести и формулировать слѣдующій практическій принципъ права, который, впрочемъ, выразилъ его отчасти, хотя и не совсѣмъ прямо Цицеронъ: живи соотвѣтственно съ природою (secundam naturam vivere), т. е. съ разумною природою человѣка. Такъ Волластонъ выводитъ право изъ постигаемаго человѣческимъ умомъ, какъ формальнымъ принципомъ права, согласія внѣшней дѣятельности человѣка съ истиною, какъ реальнымъ принципомъ права. Отсюда можно вывести и формулировать такой практическій принципъ права, хотя онъ самъ и не выводитъ его: поступай такъ, чтобы твои дѣянія были основаны на истинномъ

сужденiи. Такъ изъ реальнаго принципа Ж. Ж. Руссо можно вывести и формулировать слѣдующiй практическiй принципъ права, хотя онъ самъ его и не выводитъ: подчиняйся всеобщей волѣ, выраженной единогласно твоими согражданами, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ ихъ. Далѣе, Кантъ самъ выводитъ изъ реальнаго принципа права, присущаго практическому уму, т. е. нравственной природѣ человѣка безусловнаго велѣнiя, категорическаго императива, — самъ выводитъ и формулируетъ слѣдующiй практическiй принципъ права: поступай такъ, чтобы свободное пользованiе твоею волею, т. е. твоимъ произволенiемъ было согласно съ такимъ же свободнымъ произволенiемъ каждаго другого лица и всѣхъ лицъ вмѣстѣ. Фихте также самъ выводитъ изъ своего реальнаго принципа права, сознаваемаго умомъ первоначально и теоретическимъ и практическимъ, какъ формальнымъ принципомъ права, и самъ-же формулируетъ такой практическiй принципъ права: каждый человѣкъ свободно долженъ ограничить свою свободу, т. е. произволъ, понятiемъ возможности свободы, произвола другого человѣка, но подъ условiемъ взаимности, т. е. съ тѣмъ, чтобы этотъ другой человѣкъ съ своей стороны дѣлалъ тоже самое. Изъ Шеллингова реальнаго и формальнаго принципа права мы можемъ вывести и формулировать слѣдующiй практическiй принципъ права, хотя онъ самъ его и не выводитъ: принуждай самъ себя подчинять свободно всеобщей волѣ свою особенную волю, какъ свое произволенiе, свое эгоистическое влеченiе къ благу, добру, счастью, именно, подчинять это свое индивидуальное благо, добро, счастье добру, счастью всѣхъ, и такимъ образомъ самъ ограничивай свой собственный произволъ свободою всеобщей воли. Изъ Гегелева

реальнаго и формальнаго принципа права, намъ достаточно разъясненнаго, мы можемъ вывести и формулировать слѣдующій практическій принципъ права вообще, хотя онъ самъ его и не выводитъ: осуществляй въ дѣйствительности, какъ объектированіе абсолюта, разумную свободу вообще. Въ частности мы можемъ вывести практическіе принципы права Гегеля какъ права объективнаго или такъ назыв. абстрактнаго формальнаго права, такъ и моральности, такъ и нравственности въ собственномъ смыслѣ, а именно, такимъ образ. практическій принципъ права въ собственномъ смыслѣ, какъ права абстрактнаго формальнаго, самъ Гегель формулируетъ такимъ образомъ: будь лицомъ и почитай другихъ людей лицами, т. е. при осуществленіи своей свободной воли во внѣшнемъ видимомъ мірѣ, въ мірѣ вещей. Будь лицомъ и почитай другихъ лицъ значитъ — будь разумно свободнымъ существомъ и почитай другихъ лицъ также разумно свободными существами, которыя, какъ таковыя, именно, и выражаютъ свою разумную свободу во внѣшнемъ мірѣ, въ вещахъ, усвояя ихъ себѣ и управляя ими. 2, Изъ теоретическаго принципа морали, моральности мы можемъ вывести и формулировать практическій принципъ права, такимъ образомъ: осуществляй твою свободную волю согласно со всеобщею свободною волею, развивающеюся въ нравственныхъ этическихъ людскихъ общеніяхъ, каковы: семья, гражданское общество и государство, именно, въ качествѣ членовъ этихъ общеній, т. е. будь добрымъ семьи, гражданскаго общества и государства. Изъ Гербартова теоретич. и этическ. такъ называемой идеи права, какъ реальнаго принципа права мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права: подчи-

няйся законамъ, какъ выраженію всеобщей во- ли, предупреждающей и пресѣкающей споръ между лицами при ненамѣренномъ столкновеніи ихъ волей между собою при распоряженіи или однимъ и тѣмъ-же предметомъ.

Наконецъ, <u>шестая ступень</u> и послѣдняя. Изъ Краузева реальнаго и формальнаго принципа права мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ: предоставляй другимъ людямъ въ твоей временной жизни всѣ зависящія отъ твоей свободы условія, необходимыя для того, чтобы выполнить своё назначеніе, стремится къ достиженію разумной цѣли, которая состоитъ въ разумной жизни со всѣми областями, сферами ея, имѣющими въ виду благо и блага, какъ жизненной цѣли вообще или осуществленіе нравственности вообще, для чего, такимъ образомъ, право и служитъ средствомъ, именно, и этой нравственной цѣли. Наконецъ, изъ Тренделенбургова реальнаго формальнаго принципа права мы можемъ вывести и формулировать такой практическій принципъ права, хотя онъ самъ его и не выводитъ: будь истиннымъ человѣкомъ, т.е. существомъ свободно разумнымъ и нравственно добрымъ; охраняй и поддерживай развитіе этическихъ организмовъ, т.е. нравственныхъ людскихъ союзовъ, семьи, гражданскаго общества и государства, вмѣстѣ со всѣми членами этихъ союзовъ для осуществленія вообще нравственности, какъ цѣли, для чего право и служитъ органомъ, орудіемъ, содержа въ себѣ, однако, не только одинъ этосъ, т.е. нравственно этическій элементъ, но сверхъ того еще два элемента, а именно, физическій и логическій.

Мы разсмотрѣли главные практическіе принципы во 1, вообще и въ особенности, именно,

какъ особенно выдающіеся принципы преимущественно изъ философскихъ системъ главныхъ представителей историко-генетическаго развитія философіи права въ видѣ примѣровъ; во 2, всесторонне, а не односторонне, т. е. никакъ не теряя изъ виду практическихъ принциповъ такого рода, которые представляютъ собою какую-бы то ни было существенную сторону во всемъ генетическомъ развитіи принциповъ права; въ 3, всеобъемлюще, т. е. обнимая все существенное содержаніе всѣхъ вообще принциповъ права и наконецъ въ 4, всецѣло, т. е. какъ одно цѣлое, генетически развивающееся. Уже изъ такого нашего разсмотрѣнія принциповъ права видно, какъ различны и даже можно сказать по видимому противоположны между собою поставленные разными мыслителями ближайшіе принципы права и выведенныя изъ нихъ опредѣленія правопонятія. Но въ этомъ можно было бы лѣе удостовѣриться, если-бы мы представили всѣ безъ исключенія принципы права, какіе только когда-нибудь и кѣмъ нибудь были поставлены, и всѣ опредѣленія правопонятія. Но приводить всѣ принципы права здѣсь было-бы не умѣстно, какъ не согласно со свойствомъ нашей науки, въ чемъ нѣтъ и надобности для нашей науки, потому что всѣ прочіе не приведенные нами принципы суть ничто иное какъ своеобразные оттѣнки приведенныхъ нами особенныхъ принциповъ, или, такъ сказать, переходы отъ одного принципа къ другому. Что же касается до неприведенныхъ нами опредѣленій правопонятія, то онѣ или выводятся изъ приведенныхъ нами принциповъ и въ такомъ случаѣ они суть не болѣе какъ своеобразные оттѣнки или переходы приведенныхъ нами опредѣленій правопонятія или же если эти опредѣленія правопонятія вовсе не выведены

-ни изъ какихъ принциповъ права тѣми самыми мыслителями, которые ихъ приводятъ, то они позаимствованы ими у другихъ мыслителей, которые выводятъ ихъ изъ поставленныхъ уже ими самими принциповъ права и притомъ такъ, что они или позаимствованы ими и остаются безъ всякаго измѣненія или-же болѣе или менѣе самообразно измѣнены, но всегда такъ, что не могутъ имѣть притязанія на оригинальность, на самостоятельность и потому на то, чтобы мы обязаны были о нихъ здѣсь упомянуть въ нашей наукѣ, которая разсматриваетъ все вообще, всесторонне, всеобъемлюще и всецѣло. Но во всякомъ случаѣ мы должны признать, что принциповъ права, поставляемыхъ разными мыслителями множество, а опредѣленій права и еще гораздо больше и что тѣ и другіе болѣе или менѣе различны, разнообразны, если они не противоположны одни другимъ. Въ виду такого-то несомнѣннаго положительнаго факта, спрашивается, какъ вообще относится и на самомъ дѣлѣ должна относиться наука, именно, философія права къ различнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права. Такимъ-то образомъ мы переходимъ отъ второй къ третьей и послѣдней главѣ этого перваго отдѣла первой части нашей науки, какъ той главѣ, которая есть конечная послѣдняя точка всего этого генетическаго развитія перваго отдѣла, разсматривающаго вообще принципы и опредѣленія права, а именно, мы приходимъ генетически къ той главѣ, которая, коротко говоря, должна разсматривать отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

И такъ,

Глава третья

Отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Наука, именно, философія права ставитъ себя во многоразличное отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ права въ своихъ представителяхъ, философахъ; но всѣ эти отношенія къ нимъ можно свести къ двумъ главнымъ родамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свои виды, а иные виды въ свою очередь имѣютъ подвиды, а именно, во 1, къ отрицательному отношенію и во 2, къ положительному отношенію. Разсмотримъ каждое изъ этихъ отношеній съ ихъ видами и подвидами, и для этого раздѣлимъ эту главу на два раздѣла, а именно: во 1, отрицательное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права и во 2, положительное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. И такъ,

Раздѣлъ первый.

Отрицательное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Въ отрицательное отношеніе ставитъ себя наука въ видѣ своихъ представителей къ принципамъ и опредѣленіямъ права тогда, когда она отрицаетъ возможность ихъ вообще или по крайней мѣрѣ состоятельность тѣхъ принциповъ и опредѣленій права, которые до сихъ поръ были выставлены. На этомъ основаніи мы можемъ различить два вида отрицательнаго отношенія, а именно во 1, скептическое отношеніе науки къ принципамъ

и опредѣленіямъ права и во 2°, положительное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. И такъ,

I Скептическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Въ это отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ права ставитъ себя наука тогда, когда она не признаетъ вообще возможности постановленія какихъ-бы то ни было принциповъ и опредѣленій права, ни прежде, ни теперь, ни впослѣдствіи, однимъ словомъ никогда. Но въ такое отношеніе ставитъ себя наука двоякимъ образомъ, а именно или прямо или только косвенно. Поэтому мы можемъ различать два подвида скептическаго отношенія къ принципамъ и опредѣленіямъ права, а именно 1, прямое скептическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права и 2, косвенное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Необходимо начать съ перваго, какъ прямаго отрицательнаго отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, стоящаго всего дальше отъ положительнаго отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, потому что такой порядокъ обусловливается генетическимъ развитіемъ самыхъ этихъ принциповъ. И такъ,

1, Прямое скептическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Въ такое отношеніе ставитъ себя наука тогда, когда она отвергаетъ возможность вообще постановленіе какихъ-бы то ни было

и когда-бы то ни было принциповъ и опредѣленій права и притомъ совершенно прямо отвергаетъ именно на томъ основаніи, на какомъ обыкновенно скептики отвергаютъ всякую достовѣрность, допуская развѣ только большую или меньшую вѣроятность; отвергаютъ всякую истину, правду, допуская развѣ только большее или меньшее правдоподобіе, подобіе истины, на томъ основаніи, что признаютъ, что человѣческому уму невозможно, не доступно познаніе истины вообще, а слѣдов., и познаніе истинныхъ принциповъ и опредѣленій права. Невозможность познанія доказывается такими скептиками тѣмъ, что всѣ до сихъ поръ поставляемые принципы и опредѣленія права не достовѣрны, не истинны, а не достовѣрность, не истинность они доказываютъ тѣмъ, что они различны и даже противоположены между собою. Будучи таковыми, такъ заключаютъ скептики, всѣ принципы и опредѣленія права, какіе только кѣмъ либо и когда либо были выставляемы, уже сами себя взаимно отрицаютъ, уничтожаютъ. Слѣдов., наука, именно, философія права и сама вправѣ всѣхъ ихъ, какъ недостовѣрные, неистинные, отвергнуть, а эти ихъ взаимныя отрицанія происходятъ, какъ думаютъ скептики, отъ того, что вообще принципы права не доступны человѣческому уму, не познаваемы, а слѣдов., не познаваемо и то, что изъ нихъ выводится, т. е. опредѣленіе понятія права или правопонятія. Такое прямое скептическое отношеніе ко всѣмъ опредѣленіямъ правопонятія, а слѣдов., и ко всѣмъ принципамъ права выразилъ, напр. у насъ профессоръ Кіевскаго Университета г. Розенкампфъ, въ названномъ мною сочиненіи, подъ назв. „Очерки юридической

Энциклопедіи", а именно; на 27 стр. этого сочиненія онъ говоритъ слѣдующее: „всѣ попытки уяснить существо идеи права, или понятія права, какъ высшей абсолютн. идеи, дать ей опредѣленіе, которое обняло-бы всѣ ея черты, были безуспѣшны"... Но скажемъ мы, наука могла-бы относиться такъ прямо скептически къ принципамъ права и дедуцированнымъ изъ нея опредѣленіямъ права тогда, когда всѣ посылки, на которыхъ основано тогда скептическое отношеніе, были-бы вѣрны, вообще тогда, когда-бы ихъ можно было основать на положительныхъ данныхъ. Однако, философія права не имѣетъ никакихъ положительныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ она могла-бы сказать, что принципы и опредѣленія права для человѣческаго ума не познаваемы. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ скептикъ не можетъ привести никакого другаго доказательства ихъ непознаваемости, вообще ихъ постановленія чѣмъ-бы то ни было и когда-бы то ни было, кромѣ развѣ только того, что принципы и опредѣленія права до сихъ поръ нами не познаны. Но противъ этого легко возразить, что мало ли что прежде не было познано людьми, а потомъ стало познано, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ положит. факты. Потому сказать, о чемъ либо только то, что оно еще нами не познано, конечно, еще можно, пот. что въ этомъ случаѣ можно сослаться на положит. факты; но сказать, что что-либо никогда и впредь не будетъ познано, пот. что до сихъ поръ не было познано, это совершенно гадательно, не вѣрно, пот. что будущее не есть еще положит. фактъ, на которомъ можно было-бы опереться. Далѣе, утвержденіе со

стороны скептиковъ, что что-нибудь не можетъ б. познано, есть самопротиворѣчіе, потому что, будучи самими послѣдоват. сами ми себѣ, скептики никакъ не должны ничего не утверждать, какъ истиннаго, и не отрицать, какъ ложнаго, именно, потому что въ силу мнѣнія скептиковъ, ничто не м. б. познаваемо, какъ истинное или какъ ложное а слѣдоват., скептики могутъ развѣ только допустить вѣроятность, правдоподобіе чего-либо. Но можетъ быть скажутъ намъ скептики, что вѣроятно, правдоподобно, что принципы и опредѣленія права не познаваемы вообще, и эта вѣроятность это правдоподобіе основывается, скажутъ они, на томъ, что принципы и опредѣленія права сами себя взаимно отрицаютъ, будучи различны и даже противоположны между собою? И этого наука не можетъ допустить, потому что мало-ли на свѣтѣ есть различнаго и даже по видимому противоположнаго между собою, однако же это различіе и даже по видимому противоположность существуетъ вмѣстѣ, сосуществуетъ въ одно время, въ одномъ мѣстѣ, вообще совмѣстимо, не уничтожаетъ другъ друга, что подтверждается и тѣми предметами, которые подлежатъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ: напр. различны т. п. и др. звуки, однако же они другъ друга не уничтожаютъ, не отрицаютъ, а напротивъ соединяются и составляютъ гармонію, которая не возможна безъ различія звуковъ; или напр. различны и даже противоположны въ отношеніи вкуса сладкое и горькое, въ отношеніи осязанія - жидкое и газообразное, въ отношеніи обонянія - благовонное и зловонное, а въ отношеніи зрѣнія все кажется раз-

личнымъ и даже противоположнымъ и не-
смотря на то, все это существуетъ. То же
самое мы находимъ и въ той области, кото-
рая хотя и не подлежитъ нашимъ внѣш-
нимъ чувствамъ, а подлежитъ нашему вну-
треннему чувству, каковы наприм. прекра-
сное и безобразное, доброе и злое, праведное
и справедливое и неправедное и несправедливое
слѣдоват., и это возраженіе скептиковъ несо-
стоятельно. Наконецъ мы должны прибавить
еще противъ подобн. возраженій скептиковъ,
что искать принциповъ чего либо, т.е. не толь-
ко ближайшихъ (напр. ближайшій принципъ
права), но даже верховныхъ, столь свойственно
человѣческому уму вообще, что онъ не можетъ
даже отдѣлаться отъ этого исканія, что
доказывается тѣмъ, что люди, которые яв-
ляются представителями ума, философы
въ самомъ дѣлѣ искали и ищутъ до сихъ
поръ этихъ принциповъ, такъ что это
есть также несомнѣнный положитель-
ный фактъ, противъ котораго ничего
не можетъ сказать скептицизмъ. Что ка-
сается собственно до опредѣленія права,
т.е. правопонятія, то не только искали
и ищутъ его философы, какъ мы знаемъ
изъ положительныхъ фактовъ, но даже
искать его необходимо, потому что, какъ
справедливо замѣтилъ Тренделенбургъ,
въ одной изъ своихъ мелкихъ статей, „безу-
словно въ наукѣ (т.е. не имѣетъ права вой-
ти въ ея составъ) все то, чего понятіе
не опредѣлено. Слѣдовательно, невозмож-
но, продолжаетъ онъ, чтобы право ос-
талось таковымъ, т.е. чтобы его поня-
тіе не было опредѣлено, потому что
еслибы оно осталось таковымъ, то и
самая наука права сдѣлалась бы не-

возможною". Въ самомъ дѣлѣ, прежде чѣмъ говорить о наукѣ права, необходимо сказать о чемъ мы будемъ говорить и тогда уже можно будетъ знать, что это такое. Но если не будетъ опредѣленій права, то безъ сомнѣнія не будетъ и принциповъ и права, потому что опредѣленія правопонятія основываются на принципахъ, въ особенности на главныхъ центральныхъ принципахъ, а именно, на реальныхъ принципахъ, потому что къ нимъ стремятся формальные принципы права съ одной стороны и изъ нихъ выводятся телеологическіе и практическіе принципы права.

По всѣмъ сказаннымъ причинамъ наука права не должна относиться прямо скептически къ принципамъ и опредѣленіямъ права, т.е. не должна признать прямо невозможности вообще постановленія какихъ-бы то ни было, и когда-бы то ни было принциповъ и опредѣленій права.

2) Косвенное скептическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Это есть второй подвидъ скептическаго отношенія вообще. Въ такое отношеніе косвенно скептическое ставитъ себя наука въ лицѣ своихъ представителей, когда она отвергаетъ возможность вообще постановленія принциповъ и опредѣленій правопонятія, не косвенно, а именно, чрезъ то, что она противопоставляетъ всякому вообще философскому изученію, будто бы вовсе несостоятельному, такъ называемое историческое изученіе права, какъ единственно состоятельное. Слѣдоват., можно сказать въ этомъ смыслѣ, нау-

ка, такимъ образомъ, косвенно отвергаетъ и возможность вообще постановленія философіею права какихъ-бы то ни было принциповъ права и выведенія изъ нихъ опредѣленій правопонятия, потому что если не состоятельно вообще всякое философское изученіе права, то, разумѣется, не состоятельны и всѣ поставляемые философами принципы права и опредѣленія, потому что это самое постановленіе ихъ и должно служить отправною точкою для всего философскаго изученія права. Такъ косвенно скептически отнеслась и философія права вообще а тѣмъ самымъ и ко всѣмъ принципамъ и опредѣленіямъ правопонятия, такъ назыв., историческая школа юристовъ, такъ что названіемъ „историческая школа" обыкновенно обозначается особеннаго рода противоположеніе исключительно историческаго правовоззрѣнія философскому правовоззрѣнію. Историческое правовоззрѣніе высказано впервые съ особенною опредѣлительностью знаменитымъ не такъ давно умершимъ юристомъ, Савиньи, бывшимъ профессоромъ Римскаго права въ берлинск. Универ., а затѣмъ Прусскимъ министромъ Юстиціи, а именно въ его сочиненіи, подъ заглавіемъ: „О призваніи нашего времени къ законодательству и къ наукѣ права". 1814 г. Впрочемъ, впослѣдствіи Савиньи нѣсколько смягчилъ это свое воззрѣніе въ своемъ сочиненіи, къ сожалѣнію не оконченномъ, подъ заглавіемъ: „Система современнаго римскаго права", т.е. какъ оно обработано до настоящаго времени наукою. Это исключительно историческое правовоззрѣніе Савиньи —

начало себѣ между юристами много послѣдователей болѣе или менѣе своеобразныхъ, которые и образовали вмѣстѣ то, что называется исторической школою юристовъ особенно послѣ того, какъ они начали издавать собственный органъ для этой школы, подъ названіемъ „періодическій журналъ для исторической науки права". Они признали основателемъ своей школы Савиньи, хотя и до Савиньи было положено первое основаніе этой школы исключительно историч. правовоззрѣніемъ со стороны знаменитаго профессора Римскаго права Геттингенскаго университета, Густавомъ Гуго. Но имъ было положено только первое основаніе, - еще недостаточно опредѣленно выраженное. Затѣмъ главнымъ самостоятельнымъ уже болѣе точнымъ развителемъ правовоззрѣній исторической школы юристовъ, былъ преемникъ Савиньи, на каѳедрѣ Римскаго права, также недавно умершій, Пухта. Какъ въ общей части своего сочиненія, подъ названіемъ „Объ обычномъ правѣ", такъ и во введеніи къ другому своему сочиненію, которое (введеніе) издано на русскій языкъ, подъ названіемъ „Cursus der Institutionen" - а также въ началѣ сочиненія подъ названіемъ „Пандектное право" онъ развивалъ историческое правовоззрѣніе. Скажемъ, по какому поводу возникла эта школа, а затѣмъ уяснимъ, въ чемъ существенно состоитъ ея правовоззрѣніе.

Поводомъ къ образованію этой историческои школы юристовъ было слѣдующее обстоятельство. Когда Германія свергла съ себя иго Наполеона I, то знаменитый профессоръ Геттингенскаго Университета Тибо возымѣлъ мысль о составленіи для всей Германіи Германскаго Гражданскаго Уложенія, которое и уложилъ въ осо-

бенной брошюрѣ 1814 г., подъ заглавіемъ „О необходимости гражданскаго уложенія для Германіи". Противъ этого сочиненія, т. е. противъ главныхъ его мыслей и выступилъ Савиньи въ своемъ сочиненіи подъ заглавіемъ „о призваніи нашего времени въ законодательствѣ и наукѣ права". Въ этомъ сочиненіи Савиньи отказываетъ своему времени въ такомъ призваніи, а именно, стараемся развить ту мысль, что настоящее, т. е. тогдашнее время ни формально, т. е. ни относительно языка относительно терминовъ, ни матеріально, т. е. относительно полноты и внутренней связи содержанія ученій гражданскаго права не способно произвести годнаго для Германіи гражданскаго уложенія. По этому-то поводу Савиньи и высказалъ въ своемъ сочиненіи то свое исключительно историческое правовоззрѣніе, которое потомъ легло въ основаніе правовоззрѣній, такъ называемой исторической школы юристовъ. Взамѣнъ общаго германскаго уложенія, предлагаемаго Тибо, Савиньи предлагаетъ, какъ единственное средство для развитія дѣйствовавшаго тогда въ разныхъ частяхъ Германіи права разумное и живое историческое изученіе этого самаго права во всѣхъ его частяхъ, каковы суть: собственно Римское право, затѣмъ чисто Германское право - общее и частное, партикулярное въ томъ или другомъ государствѣ и наконецъ, каноническое право, церковное право римско-католической церкви.

Въ этомъ состоитъ историческій поводъ образованія исторической школы юристовъ. Спрашивается, въ чемъ же существенно состояло правовоззрѣніе этой исторической школы юристовъ? Оно существенно состояло въ томъ, что эта школа признала, что право вообще, какъ языкъ, нравы и изящныя искусства,

не имѣетъ какого нибудь отдѣльнаго бытія отъ всѣхъ сторонъ общественной жизни народа, что право не есть какое нибудь особенное явленіе въ этой жизни, которое бы совершенно своеобразно возникало или образовалось и развивалось отлично отъ образованія, возникновенія этихъ именно сторонъ жизни, каковы языкъ, нравы и изящныя искуства; напротивъ, всѣ эти стороны общественной жизни, какъ ея явленія суть, по мнѣнію исторической школы, ничего иное какъ произведеніе или продукты дѣятельности одного и того же народа какъ общества, который выражаетъ въ нихъ свою особенность, свой особенный характеръ или то, что историческая школа юристовъ назыв. особеннымъ народнымъ духомъ, такъ что всѣ стороны общественной жизни народа образуютъ вмѣстѣ одно цѣлое вслѣдствіе одного общаго всему народу чувства или убѣжденія въ ихъ потребности или въ ихъ необходимости. Слѣд., по мнѣнію исторической школы право возникаетъ въ народѣ не случайно и не произвольно, а напротивъ, подобно языку, живетъ непосредственно въ сознаніи того народа, который ее производитъ, редуцируетъ и затѣмъ развиваетъ. Производитъ народъ свое право постепенно, а именно, такимъ образомъ. Вначалѣ право всякого народа бываетъ скудно содержаніемъ, т. е. бѣдно содержащимися въ немъ юридическими понятіями, но за то эти юридическія понятія вполнѣ выражаются въ формѣ живаго внутренняго живаго чувства, часто, даже какъ предметъ народныхъ вѣрованій или прямо въ формѣ открытой внѣшней дѣятельности, въ которой на-

годъ проявляетъ яснымъ нагляднымъ для всѣхъ образомъ свое правовоззрѣніе, особенно напр. при овладѣніи какою нибудь вещью съ намѣреніемъ освоить ее себѣ, при разныхъ сдѣлкахъ въ силу договоровъ, при вступленіи въ бракъ, при завѣщаніяхъ, наслѣдованіяхъ и т. под., какъ это видно въ особенности изъ исторіи римскаго права и отчасти изъ исторіи русскаго права. Но подобно тому, какъ народный языкъ нуждается для своего сохраненія и дальнѣйшаго развитія въ непрестанномъ его употребленіи, какъ бы въ упражненіи въ немъ со стороны народа, такъ и право нуждается для своего сохраненія во внѣшней видимой власти. Въ наше время эта власть принадлежитъ преимущественно законодательству государства, т. е. юридическимъ законамъ или нормамъ, охраняющимъ въ государствѣ права писаннымъ или формальнымъ ихъ утвержденіемъ, фиксированіемъ, именно со стороны государственной законодательной власти. Въ началѣ же, въ первобытные времена народной жизни эта власть, охраняющая право принадлежитъ, т. к. назыв., народному или обычному праву, т. е. юридическіе законы или нормы охраняются самою жизнью народа, т. е. такими его обычаями, въ которыхъ выражаются юридическ. правила, понятія. Итакъ, первоначально содержаніе права скудно, бѣдно; но право ростетъ органически, развивается вмѣстѣ съ народомъ, съ развитіемъ самаго народа, такъ какъ оно есть его произведеніе, его продуктъ, его сторона жизни. Вслѣдствіе возрастающаго и развивающагося обильнаго разнообразія взаимныхъ отношеній между членами даннаго народа, содержаніе самаго права становится все богаче и богаче. Тогда-то право переходитъ изъ непосредственнаго народнаго сознанія какъ сознаніе всего народа или какъ изъ всеобщаго правосозерцанія въ сознаніе особеннаго сословія, класса, народа, а именно въ созна-

такъ называемыхъ правовѣдовъ или юристовъ, которые становятся тогда представителями или органами своего народа относительно какъ охраненія права, такъ и дальнѣйшаго его развитія, пріученія или усовершенствованія. Съ этого-то времени право живетъ уже двойственною такъ сказать жизнью: съ одной стороны, какъ часть всей народной жизни, какъ народное право или какъ обычное право, а съ другой стороны, какъ содержаніе особенной науки, науки правовѣдѣнія, называемаго юристами или какъ, такъ называемое, научнаго права, а также какъ выражающагося въ практической особенно судебной дѣятельности юристовъ, въ отличіе отъ научнаго права, вообще отъ права юристовъ. Словомъ, и какъ научное и какъ практическое право въ смыслѣ непосредственнаго произведенія дѣятельности юристовъ въ этомъ именно качествѣ какъ научной или теоретической такъ и практическое, обычное право и право юристовъ, одинаково коренятся въ народномъ духѣ въ народномъ міросозерцаніи. Наконецъ, что касается до третьей формы положительнаго права въ отличіе отъ двухъ сказанныхъ формъ (отъ обычнаго права и права юристовъ), а именно, до законодательнаго права или законодательства, то хотя оно и есть непосредственное произведеніе, какъ сказано было, государственной законодательной власти, но и оно вытекаетъ изъ народнаго обычнаго права, слѣдовательно, вмѣстѣ съ нимъ коренится также въ народномъ духѣ. Итакъ какъ есть всего три сказанныя формы положительнаго права (обычное или собственно народное право, право юристовъ и право законодательное); то отсюда слѣдуетъ (такой выводъ дѣлаетъ историческая школа), что все вообще право есть

произведеніе, продуктъ народнаго правосознанія. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ приверженцы исторической школы юристовъ, право всегда прямо зарождается изъ народныхъ нравовъ и вѣрованій и притомъ въ смыслѣ сознанія со стороны народа его необходимости, обязательности въ немъ (ex opinione necessitatis, какъ выражается юристъ) и первоначально возникаетъ ненамѣренно, безъ рефлексіи, а потомъ уже порождается намѣренно, съ рефлексіею, мнѣніемъ, порождаютъ его юристы, какъ представители народа, народнаго правовоззрѣнія, народнаго духа. Слѣдовательно, право вездѣ и всегда порождается внутренними, безмолвно дѣйствующими въ народѣ силами, а не произволомъ законодателя. Законодатель ничего болѣе не дѣлаетъ, какъ только отвѣчаетъ, формулируетъ порожденное такимъ образомъ право, фиксируетъ его письменно и формально, а не какъ порождаетъ его. Затѣмъ право, какъ и всѣ прочія стороны народнаго быта, народной жизни находятся въ непрерывномъ связномъ, какъ одно цѣлое, постоянномъ и прогрессивномъ образованіи и развитіи, такъ что оно не можетъ ни оторваться отъ своего прошедшаго, ни затмиться отъ своего будущаго. Только такъ а не иначе и можетъ быть понято надлежащимъ образомъ всякое нынѣ и вообще въ данный моментъ времени дѣйствующее въ данномъ народѣ право, какъ право положительное.

Въ такомъ-то одностороннемъ историческомъ пониманіи права или правовоззрѣній полагаетъ историческая школа юристовъ истинное значеніе того, что называется изученіемъ права такъ что изучать право, по ученію этой школы, значитъ изучать единое и непрерывное, связное, какъ цѣлое и прогрессивное историческое образованіе, возникновеніе и дальн

нѣйшее развитіе положительнаго право
даннаго народа.
Въ этомъ состоитъ существенное право
воззрѣніе исторической школы юристовъ. Из
живъ его, какъ наиболѣе выдающійся примѣръ
на косвенное скептическое отношеніе науки
принципамъ и опредѣленіямъ права, мы за
тимъ о немъ вообще слѣдующее, какъ доста
ное здѣсь для нашихъ спеціальныхъ цѣлей. В
на эта мысль исторической школы юристо
что на сколько восходитъ исторія къ прош
лому народа, вездѣ и всегда она непремѣнн
встрѣчаетъ безъ рефлексіи, возникающее у
рода право, порождаемое ненамѣренно а т
же, что это право, такимъ образомъ пер
начально возникающее, продолжаетъ за
образоваться и развиваться въ непрерывно
связи, какъ одно цѣлое вмѣстѣ съ развитіе
самаго народа. Но эта мысль, сама по се
вѣрная, вовсе не дѣлаетъ еще излишнею ф
лософію права какъ науку или философск
изученіе права, потому что такимъ об
стороннимъ исключительно историческ
правовоззрѣніемъ вовсе не разрѣшается в
росъ, откуда же именно выводитъ право
обязательность, которая, какъ и всякая о
зательность, есть нравственная, эти
кая обязанность, какъ нравственно долж
какъ бы затѣмъ оно не возникло, ненамѣ
но ли и безъ рефлексіи или же намѣренно
рефлексіею. Сами приверженцы историч
кой школы юристовъ утверждали, что
только право, но и языкъ и нравы и изя
ныя искуства суть произведенія народн
духа, народнаго сознанія. Почему же, спра
вается, законы языка и законы изящныхъ
кусствъ не имѣютъ нравственной этичес
обязательности, обязательной силы, или не
нравственные этическіе законы, нормы, ка

и являются нормы закона права или юри-
ческіе законы. Вообще историческая шко-
ла юристовъ предлагаетъ намъ исторію воз-
никновенія положительнаго права но самое
понятіе права оставляетъ она вовсе не разъ-
ясненнымъ или недостаточно опредѣленнымъ.
Такое опредѣленіе правопонятія, равно какъ
его основы, т. е. причины права есть дѣло
уже не исторіи положительнаго права, а фи-
лософіи права, какъ науки. Всего лучше, на-
глядные видимъ такой недостатокъ въ пра-
вовоззрѣніи исторической школы юристовъ
въ опредѣленіи понятія права, которое пред-
лагаетъ намъ одинъ изъ главныхъ предста-
вителей этой школы а именно Пухта. Пра-
во, говоритъ Пухта, есть убѣжденіе, общее
людямъ, состоящимъ между собою въ прав-
номъ общеніи. Въ самомъ дѣлѣ, въ такомъ
опредѣленіи права то, что слѣдовало бы еще
опредѣлить, объяснить, выводится уже какъ
нѣчто опредѣленное: „право въ правномъ об-
щеніи" (правный есть прилагательное отъ
существительнаго право, которое и слѣду-
етъ опредѣлить.). Правда, Пухта прибав-
ляетъ къ этому слѣдующее замѣчаніе:
воля цѣлаго народа или его отдѣла порож-
даетъ право. Это, впрочемъ, нельзя назвать
уясненіемъ понятія, собственно права, ибо
иначе самая воля порождаетъ, кромѣ пра-
ва, и многое другое, что не есть право, какъ
самая же историческая школа говоритъ
даже порождаетъ противное праву, не
право, а какъ это другое отличается отъ
права или отъ правнаго общенія, порядка,
то оставляетъ Пухта безъ разъясненій,
слѣдовательно и съ этой стороны право
у него не является достаточно объясненнымъ
опредѣленнымъ. Не уясняется понятіе пра-
ва даже ссылкою исторической школы юри-

...овъ вообще на то, что называется естественнымъ выращеніемъ или ростомъ права и т.п. признаніемъ понятія права и указаніемъ на то, что право растетъ, развивается естественно, само собою, потому что естественно растетъ, развивается, кромѣ права, кромѣ юридическихъ законовъ, еще и многое другое въ народѣ. Наконецъ, историческая школа юристовъ вообще какъ бы забываетъ, что философія права исходитъ вовсе не изъ историческаго начала права, возникновенія и происхожденія права, какъ права положительнаго, дѣйствующаго въ извѣстномъ народѣ, а изслѣдуетъ философскіе начала права т.е. то, что называется собственно принципами права, и стремится, чтобы на немъ, какъ на основѣ, основать правопонятіе, или что все равно, чтобы изъ него дедуцировать правопонятіе, логически вывести его.

Вслѣдствіе сказанныхъ причинъ косвенно скептическое отношеніе къ философскимъ принципамъ и опредѣленіямъ права, въ какое ставитъ себя историческая школа юристовъ, не должна ставить себя наука. Впрочемъ, нужно сказать, что въ наше время уже многое сгладилось изъ такого одностороннеисторическаго правовоззрѣнія даже среди остатковъ послѣдователей исторической школы юристовъ.

2) Отрицательныя отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Чисто отрицательныя отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права мы назвали скептическимъ ея отношеніемъ, хотя какъ мы видимъ, это скептическое отношеніе не есть то, какимъ оно должно быть, не

то отношеніе, ведущее къ положительному отношенію науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, а есть отношеніе отрицательное не только болѣе близкое къ положительному отношенію, нежели скептическое отношеніе а потому оно поставлено на второмъ мѣстѣ, послѣ скептическаго отношенія, такъ какъ это отношеніе есть ложно критическое отношеніе или псевдокритическое положеніе ибо истинная критика всегда ведетъ къ положительному отношенію. Въ такое отношеніе ставитъ себя наука, когда она, провѣривъ болѣе или менѣе критически поставленныя уже мыслителями принципы и опредѣленія права, выводитъ изъ той критики такое заключеніе, что всѣ они невѣрны а потому она и отвергаетъ всѣхъ ихъ. Слѣдовательно, она отвергаетъ ихъ, въ отличіе отъ скептическаго отношенія, только потому, что эти принципы и опредѣленія права не вѣрны, ложны несостоятельны; слѣдовательно, все таки наука ставитъ себя въ такое отношеніе, считаетъ возможнымъ найти истинные принципы права и основанныя на нихъ истинныя опредѣленія права. Мало того, въ этомъ случаѣ наука даже признаетъ необходимымъ искать эти принципы и опредѣленія права до тѣхъ поръ, пока они не найдутся, сознавая, что безъ нихъ невозможна истинная наука права. Такъ хотя не вполнѣ по крайней мѣрѣ, отчасти отнесся къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права съ полною ясностью и опредѣленностью извѣстный Тренделенбургъ, недавно умершій, бывшій профессоромъ философіи въ Берлинскомъ Университетѣ въ своемъ сочиненіи Naturrecht и въ особенности въ одной изъ своихъ монографій. Тренделенбургъ напоминаетъ намъ прежде всего, что сказалъ за

нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ знаменитый нѣмецкій философъ Кантъ объ опредѣленіяхъ, дефиниціяхъ всякихъ понятій вообще и объ опредѣленіяхъ, дефиниціяхъ права въ особенности. „Прекрасно, говоритъ Кантъ, но часто трудно придти къ опредѣленію дефиниціи, такъ, юристы еще до сихъ поръ ищутъ опредѣленія своего понятія права" (слѣдовательно еще не нашли). Напомнивъ такое изреченіе Канта и предложивъ свое уже извѣстное опредѣленіе права, Тренделенбургъ прибавляетъ: если теперь все еще продолжается тоже самое (т.е. то, что сказалъ Кантъ о юристахъ, т.е., что они еще ищутъ опредѣленія понятія права и слѣдовательно не нашли его) и если такъ не должно оставаться, т.е. если юристы должны же наконецъ придти къ окончательному опредѣленію понятія права, безъ чего ихъ наука, какъ наука права, не была бы вовсе наукою, то да не пренебрегутъ юристы, ставъ привыкшіе составлять себѣ строгія логическія опредѣленія, дефиниціи разныхъ юридическихъ понятій, да не пренебрегутъ тѣмъ, чтобы сдѣлать новую попытку опредѣлить дефиницію права вообще, ибо кто убѣжденъ (а въ этомъ долженъ быть убѣжденъ всякій человѣкъ науки) что безправно въ наукѣ, т.е. не имѣетъ права войти въ ея составъ, все то, чего понятіе не опредѣлило, тотъ не захочетъ чтобы понятіе права осталось не опредѣленнымъ. Далѣе, кто убѣжденъ (а въ этомъ долженъ быть убѣжденъ всякій человѣкъ науки), что опредѣленіе, дефиниція есть завершеніе и послѣднее слово всякаго изслѣдованія, (какъ это въ-особенности говорилъ Гегель, который сказалъ именно, что философія права можетъ быть опредѣлена только тогда, когда будетъ проведено опредѣленіе, дефиниція поня

тія права, чрезъ все содержаніе науки, чрезъ что дается ея изложенію систематическая связь, форма, которая необходима для науки ибо безъ систематической связи наука не возможна и что опредѣленіе понятія, которымъ наука занимается, и есть торжество принципа, т. е. есть доказательство самымъ дѣломъ истинности, вѣрности того принципа, изъ котораго дедуцируется опредѣленіе должнаго понятія), — тотъ не долженъ отказываться отъ такого опредѣленія права, т. е. отъ опредѣленія правопонятія, а напротивъ, долженъ снова вскатывать камень на гору, хотя бы съ рискомъ, что онъ опять скатится внизъ, т. е. онъ долженъ попытаться составить новое опредѣленіе правопонятія, хотя бы онъ опасался, что это опредѣленіе правопонятія не будетъ окончательнымъ и слѣдовательно вполнѣ истиннымъ, такъ что хотя бы онъ былъ убѣжденъ что трудъ его будетъ подобенъ труду извѣстнаго въ мифологіи Сизифа, который былъ осужденъ богами на такую не скончаемую работу (безпрестанно вскатывать камень на гору, зная что этотъ камень опять скатится внизъ), все таки онъ не долженъ оставлять этого труда.

Объ этомъ отношеніи науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права нужно сказать слѣдующее. Вѣрна та мысль Тренделенбурга и вообще представителей такого отношенія, что наука должна относиться критически къ поставленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права, потому вѣрна, что наука вообще, какъ результатъ познанія, ничего не должна принимать на вѣру, а напротивъ, все должна подвергать критикѣ, для того чтобы прійти къ истинѣ. Но наука не есть Сизифова работа, какъ выражается Тренделенбургъ, т. е. она не есть проклятый богами,

ни къ чему негодный безплодный неблагодарный трудъ человѣка. Правда, это трудъ непрестанный, нескончаемый, но это благословенный, плодотворный, производительный, благодарный, трудъ ума человѣческаго, котораго представители и суть дѣятели наука. Правда также, что въ виду различныхъ и даже по видимому, противоположныхъ принциповъ и опредѣленій права, наука уже потому должна отнестись къ нимъ критически; но истинная научная критика ихъ никакъ не можетъ привести такъ къ признанію всѣхъ ихъ такъ напрасно потеряннымъ трудомъ, послѣ котораго наука должна начинать все сызнова, должна начинать искать все совершенно новыхъ принциповъ и опредѣленій права такъ, что какъ будто до сихъ поръ ничего не было сдѣлано наукою въ этомъ отношеніи, да еще, будто бы, наука должна искать съ опасеніемъ, съ рискомъ, что весь ея трудъ будетъ совершенно напрасно потеряннымъ, безъ видимой пользы. Если бы критика пришла къ такому чисто отрицательному результату, то она тѣмъ самымъ заявила бы о себѣ, что она есть ложная критика, псевдокритика, потому что истинная научная критика принциповъ и опредѣленій права, непремѣнно приведетъ къ положительному результату, руководясь признаніемъ того, что умъ человѣческій въ его представителяхъ не могъ даромъ, непроизводительно трудиться до сихъ поръ, какъ не будетъ даромъ трудиться всегда и впредь. Правда, трудъ ума человѣческаго непрестаненъ, нескончаемъ, но въ томъ смыслѣ что наука, по своей сущности, нескончаема, ибо наука есть ничто иное, какъ познаніе, т.е. познава-

ніе истины, есть слѣдовательно нѣчто подвижное, какъ все живое, а не есть просто безжизненное, мертвое, неподвижное окостенѣлое знаніе, а также руководясь признаніемъ, что умъ человѣческій не обнимаетъ сразу истины всей истины вполнѣ, а потому что непрестанно ищетъ истины и въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать вмѣстѣ съ великимъ нѣмецкимъ философомъ и литераторомъ Лессингомъ: если бы Богъ, держа въ одной рукѣ истину, а въ другой вѣчное непрестанное исканіе истины, стремленіе къ истинѣ, что и обозначается словомъ философія (любомудріе, т.е. стремленіе къ истинѣ), сказалъ бы мнѣ выбирай одно изъ двухъ: то я бы отвѣчалъ: дай мнѣ, Боже, исканіе истины, ибо полное обладаніе его принадлежитъ только Тебѣ единому.

Итакъ, въ заключеніе всего этого перваго рода отношеній науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, который мы назвали отрицательнымъ отношеніемъ, мы можемъ сказать слѣдующее: наука и должна относиться къ поставленнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права отрицательно ни въ смыслѣ прямаго ни въ смыслѣ косвеннаго отрицанія, ни въ смыслѣ псевдокритическаго отрицанія принциповъ и опредѣленій права. Но если таково истинное требованіе отъ истинной науки, то отсюда слѣдуетъ, конечно, что наука должна относиться къ поставленнымъ принципамъ и опредѣленіямъ права положительно. Такъ переходимъ мы ко второму раздѣлу этой Б главы, въ которомъ разсматривается положительное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Итакъ,

Раздѣлъ второй.

Положительное отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права какъ второй видъ этого отношенія.

Наука ставитъ себя въ положительное отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ права тогда, когда она не отрицаетъ ни ихъ возможности, ни ихъ состоятельности, а, напротивъ, признаетъ и ихъ возможность, и ихъ состоятельность. Но такое признаніе со стороны науки многоразличныхъ принциповъ и опредѣленій права бываетъ многоразлично, потому что многоразличнымъ образомъ ставитъ себя наука къ принципамъ и опредѣленіямъ права. Все множество различныхъ положительныхъ отношеній, въ которыя до сихъ поръ ставила себя наука, къ принципамъ и опредѣленіямъ права, а вмѣстѣ съ тѣмъ и то положительное отношеніе, въ которое она наконецъ „должна себя къ нимъ поставить, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ родамъ, которые суть ничто иное, какъ ступени генетическаго развитія въ человѣческомъ сознаніи положительнаго отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, слѣдующія, въ такомъ именно порядкѣ: 1, эклектическое отношеніе; 2, синкретическое отношеніе; 3, органическое. 4, діалектическое и 5, генетическое отношеніе. Скажемъ о каждомъ изъ нихъ порознь и въ связи ихъ между собою. Итакъ,

I. Эклектическое отношеніе.

Подъ этимъ отношеніемъ разумѣемъ мы такое отношеніе къ принципамъ и опредѣле-

ніямъ права, которое состоитъ въ томъ, что изъ множества различныхъ и даже, по видимому, противоположныхъ принциповъ и опредѣленій права, которые до сихъ поръ были когда либо и кѣмъ либо восстановлены, наука избираетъ одинъ какой, нибудь принципъ (отсюда и названіе отъ ἐκλέγω – избираю), а, слѣд. неизбѣжно и одно какое нибудь опредѣленіе права, какъ дедуцированное изъ этого избраннаго его принципа, а затѣмъ отвергаетъ всѣ прочіе принципы и опредѣленія права какъ невѣрные, какъ ложные. Но при такомъ выборѣ мы не можемъ руководствоваться ничѣмъ инымъ, какъ развѣ однимъ нашимъ индивидуальнымъ мнѣніемъ, произволомъ, чѣмъ вообще и руководствуются въ философіи тѣ мыслители вообще, которые называются потому эклектиками, т. е. какъ бы выборщиками изъ разныхъ философскихъ системъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ положеній, связанныхъ или только внѣшнюю связью, съ тѣмъ развѣ только отъ нихъ отличіемъ по отношенію къ принципамъ и опредѣленіямъ права, что при эклектическомъ отношеніи науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права эклектики произвольно избираютъ изъ разныхъ философскихъ системъ не отдѣльныя какія нибудь положенія, а одинъ какой-нибудь принципъ, а затѣмъ дедуцируютъ изъ него одно опредѣленіе права. Но въ такое отношеніе, какъ въ отношеніе, основанное на индивидуальномъ произволѣ, наука не должна ставить себя, потому что наука вообще не терпитъ никакого произвола. Ставящіе себя въ такое отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ права мыслители суть не болѣе, какъ послѣдователи одной какой нибудь философской системы, потому что они относятся положительно къ ней одной, а ко

всѣмъ прочимъ философскимъ системамъ относятся отрицательно. Вотъ причина, почему эклектическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права**, есть первая ступень генетическаго развитія этого отношенія въ человѣческомъ сознаніи этого отношенія, - потому, именно, что это отношеніе относится положительно къ одной какой-либо философской системѣ. Такъ въ наше время особенно много послѣдователей имѣетъ Гербартова, Краузева и Гегелева философскія системы въ такомъ именно порядкѣ, т.е. больше всего имѣетъ послѣдователей Гербартова философская система, затѣмъ меньше Краузова и, наконецъ, меньше всего Гегелева. По отношенію къ принципамъ и опредѣленіямъ права и этихъ послѣдователей можно найти, именно, эклектическое отношеніе.

II. Синкретическое отношеніе.

Подъ нимъ разумѣемъ мы отношеніе къ принципамъ и опредѣленіямъ и опредѣленіямъ права, которая состоитъ въ томъ, что изъ множества различныхъ и даже по видимому противоположныхъ между собою принциповъ и опредѣленій права избираются мыслителями уже не одинъ, а два или больше принципа права, и стараются ихъ или примирить, т.е. связать ихъ внѣшнею связью, собственно говоря, смѣшать или же слить ихъ, т.е. посредствомъ возведенія ихъ къ одному высшему принципу права, чтобы затѣмъ изъ такихъ смѣшанныхъ или или же слитыхъ принциповъ дедуцировать опредѣленіе права, имъ соотвѣтствующее. Конечно, это отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права

уже, какъ ясно видно, шире эклектическаго, потому что при синкретическомъ отношеніи избирается не одинъ, а два и больше принципа, изъ которыхъ уже выводится затѣмъ даже высшій принципъ; но все таки и синкретическое отношеніе не больше какъ выборка принциповъ, основанная также на индивидуальномъ мнѣніи и произволѣ, чего вообще не должна терпѣть наука, оставаясь наукою, а потому и это отношеніе есть только отчасти положительное, отчасти же отрицательное, такъ какъ оно признаетъ истинными только два или больше избранные имъ принципа, а прочіе отвергаетъ какъ ложные. Вотъ почему это есть вторая ступень генетическаго развитія въ человѣческомъ сознаніи къ принципамъ и опредѣленіямъ права, т. е. она подходитъ ближе къ чисто положительному отношенію. Мыслители, ставившіе себя въ такое синкретическое отношеніе, называются вообще синкретиками; они признаютъ вѣрными какіе нибудь двѣ или больше принципа, но односторонніе, а потому они стараются сдѣлать ихъ всесторонними чрезъ восполненіе одного принципа другимъ, а именно, или только внѣшнимъ ихъ примиреніемъ, т. е. собственно ихъ смѣшеніемъ, съ предпочтеніемъ одного принципа надъ другимъ, съ примиреніемъ этихъ принциповъ или же со слитіемъ ихъ, какъ это дѣлали Гуго-Гроцій, Вольфъ и др., съ общительными и эгоистическими принципами.

III. Органическое отношеніе.

Подъ нимъ мы разумѣемъ отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права, состоящее въ томъ, что всѣ принципы, а слѣ-

довательно, и всѣ выведенныя изъ нихъ опредѣленія права стараются мыслители этого рода соединить уже внутреннею связью, а не внѣшнею въ одно органическое живое цѣлое, такъ назыв. организмъ въ томъ предположеніи, что эти принципы и опредѣленія, вмѣстѣ взятыя, составляютъ такой единый организмъ, такое единое органическое цѣлое. Поэтому, такое отношеніе и можно назвать въ этомъ смыслѣ органическимъ. Оно есть уже третья ступень генетическаго развитія отношенія науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права въ человѣческомъ сознаніи, потому третья ступень, что оно относится уже положительно и нисколько не отрицательно ко всѣмъ вообще принципамъ и опредѣленіямъ права какіе когда нибудь и кѣмъ нибудь были выставлены. Но такое отношеніе все-таки погрѣшаетъ въ томъ, что оно основывается на томъ предположеніи, которое само не состоятельно, а именно на томъ, что если соединить внутреннею связью всѣ поставленные до сихъ поръ принципы и опредѣленія права, то въ результатѣ получатъ вполнѣ истинный принципъ. Такое предположеніе не можетъ быть вѣрнымъ, потому что оно не основано на положительномъ фактѣ, произвольно, а слѣдов., противно сущности науки. Произвольно оно потому, что кто же, спрашивается, можетъ поручиться, что впредь не будетъ уже найдено никакихъ новыхъ принциповъ, а слѣд., не будетъ выведено изъ нихъ никакихъ новыхъ опредѣленій права, потому что никакъ нельзя утверждать, что если связать внутреннею связью всѣ до сихъ поръ поставленные принципы и опредѣленія права, то изъ нихъ получится единое полное цѣлое, по-

добн[illegible] действительному положению права [illegible]. Мимо того, подобное предположение [illegible] сущности науки, которая, как известно, [illegible] развивается. Следовательно, наука не должна относиться к тому образ. к[illegible] принципам и определениям права, хотя такое отношение есть уже собственно вполне положительное. [illegible] на то, в такое именно отношение [illegible] все тѣ мыслители, которые избрали при изложении философии права, так назыв. органическую [illegible], [illegible] в [illegible] на право, как на организм, [illegible], напр. Краузе и его главный последователь в этом отношении Аренсъ почему и ихъ отношения к принципам и определениям права можно назвать органическим, [illegible] уже о том, что слово организм, которое [illegible] употребляют везде и в общей жизни и в науке, [illegible] собственно злоупотребление или [illegible] неправильно употребляется, так как этим словом ничего не выясняется. В самом дѣлѣ, [illegible] есть собственно принадлежность тѣх. назыв. органических существ, каковы растения и животные, которые представляют собою действительно такое органическое цѣлое. Если же мы назовем организмом что нибудь другое, напр. науку права, государство и т. п., то это будет только уподоблением тому, что называется собственно организмом. Это уподобление можно допустить, конечно, в том случае, когда оно [illegible] [illegible] образ. объясняет что, что само по себѣ слишком темно, отвлеченно. Поэтому, [illegible] слово "организм" употребляется в известном случае, как уподобление, то оно м. б. съ пользою употребляемо; но дѣло в том, что это слово часто употребляют без всякаго смысла, так что оно не достигает никакой цѣли.

IV. Диалектич. отношение науки к принципам и определениям права.

Под ним разумеют отношение, состоящ[illegible] в[illegible]

томъ, что всѣ принципы и опредѣленія права пре-вращаются въ ступени діалектич. процесса, какъ по-стигательнаго самоосвобожденія права (третій процессъ), продолжается до тѣхъ поръ, пока право, какъ понятіе, не перейдетъ въ другое понятіе, которое уже не есть предметъ науки права, а именно, какъ мы видѣли, у Гегеля, пока философія права въ обширн. смыслѣ слова, въ смыслѣ философіи объективн. духа, не перейдетъ въ философію абсолютн. духа, что, какъ извѣстно, совершается у Гегеля чрезъ посредство философіи исторіи. Въ такое отношеніе къ принципамъ и опредѣле-ніямъ права, въ особенности, ставитъ науку одинъ изъ главныхъ, до сихъ поръ живущихъ послѣдователей и представителей гегельянцевъ, берлинскій профес-соръ Мишле, въ своемъ сочиненіи „Naturrecht." Какъ гегельянецъ, онъ разсматриваетъ все мышленіе то-жественное съ бытіемъ, слѣдуя своему принципу, какъ діалектич. процессъ абсолюта. Но этотъ про-цессъ Мишле, какъ и Гегеля, а именно, процессъ діалектическій, совершаемый по законамъ трехъ моментовъ, есть не болѣе какъ предположеніе и притомъ такое, которое вноситъ произвольно извѣстные принципы въ науку и точно также про-извольно исключаетъ изъ науки нѣкоторые прин-ципы, а именно тѣ, которые, при всемъ стараніи, при всѣхъ натяжкахъ, не м. б. вдвинуты, вти-снуты, въ такъ назыв., діалектич. процессъ аб-солюта. Но, тѣмъ не менѣе, можно сказать, что это отношеніе науки къ принципамъ и опредѣ-леніямъ права, не только есть положительное отношеніе, какъ предшествующая ему органи-ческое, но уже въ сравненіи съ нимъ есть высшая, четвертая ступень генетическаго развитія принциповъ и опредѣленій права въ человѣчес-комъ сознаніи. Это потому, что органическое отношеніе не видитъ еще вовсе никакого дви-женія въ принципахъ и опредѣленіяхъ пр[ав]а, а огра-ничивается только ихъ сопоставленіемъ или со-единеніемъ въ одно ограниченное живое цѣлое и слѣдов., собственно умерщвляющее ихъ и оставляю-

щее безъ всякаго движенія, между тѣмъ какъ діалектическое отношеніе, по самой своей сущности, именно потому, что оно предполагаетъ діалектич. процессъ, а процессъ есть, именно, самодвиженіе, непремѣнно предполагаетъ и движеніе самаго права вмѣстѣ съ его принципами и опредѣленіями.

Итакъ, мы показали, что наука не должна относиться къ постановленнымъ до сихъ поръ принципамъ и опредѣленіямъ права ни эклектически, ни синкретически, ни органически, ни даже діалектически. Остается, конечно, относиться къ наукѣ, къ принципамъ и опредѣленіямъ права генетически. Итакъ,

V Генетическое отношеніе науки къ принципамъ и опредѣленіямъ права.

Оно состоитъ въ томъ, что наука смотритъ на всѣ поставленные принципы и опредѣленія права какъ на ступени генетич. развитія человѣч. сознанія, а наша наука, по отличительной сущности ея содержанія, и должна представить принципы и опредѣленія права не иначе, кк генетически. И въ самомъ дѣлѣ, въ предшествующей, второй главѣ перваго отдѣла, первой части нашей науки мы представили такое ихъ генетическое развитіе, а потому повторять его здѣсь, въ третьей главѣ, не будемъ. Скажемъ только, что изъ доказаннаго во второй главѣ постепеннаго генетич. развитія всѣхъ принциповъ и опредѣленій права ясно усматривается вѣрность замѣчаній, сюда именно относящихся, а именно, опредѣляя понятіе права или право, по его понятію, право просто, абсолютно, т.е. безотносительно и безусловно, всѣ мыслители разумѣютъ подъ словомъ право

(jus droit, recht) правое (das Rechte), ~~т.е.~~ какъ праведное и справедливое (τὸ δίκαιον), т.е. ~~все~~ какъ согласное съ правдою и справедливостью и притомъ въ двойномъ смыслѣ: а., въ субъективномъ, т.е. въ смыслѣ качества субъекта, какъ праведнаго и справедливаго человѣка, въ смыслѣ его праведности и справедливости, какъ его добродѣтели и т.д.), въ объективн. смыслѣ этого слова, въ смыслѣ законовъ или, лучше сказать, всей системы законовъ для внѣшней человѣческой дѣятельности въ людскихъ общественныхъ союзахъ или въ этомъ смыслѣ объективнаго праведнаго и справедливаго, какъ объекта, какъ предмета человѣческаго знанія, мышленія, познанія или какъ мыслимаго права, обыкновенно называемаго естественнымъ правомъ, въ отличіе отъ реальнаго дѣйствительнаго, собственно такъ называемаго, положительнаго права. Позатѣмъ, во 2., вторая группа философовъ, стоящихъ на одной и той же ступени генетическаго развитія въ человѣческомъ сознаніи принциповъ и опредѣленій права, старалась опредѣлить его понятіе ближайшимъ образомъ, чрезъ основаніе разъясненной нами прежде обязательности права, т.е. почему право обязательно для людей, отправляясь при этомъ отъ различныхъ основаній, какъ отъ главныхъ реальныхъ принциповъ права и въ самомъ дѣлѣ опредѣляя правопониманіе различно. Это различіе происходитъ вслѣдствіе того, что каждая группа философовъ смотритъ на правопониманіе съ различныхъ сторонъ, выражающихъ одинъ какой нибудь моментъ или элементъ правопониманія, такъ что правовоззрѣніе каждой группы философовъ вѣрно, но не вполнѣ, потому что оно одностороннее. Слѣдовательно, если взять всѣ до сихъ поръ поставленные философами принципы и опредѣленія права порознь, то они окажутся

односторонними и только вмѣстѣ взятые
они многосторонни, т.е. выражаютъ уже
многие моменты, элементы правопонятія,
но все-таки не всесторонни, потому что если
взять ихъ даже въ совокупности, сумму ихъ,
то все-таки нельзя говорить о всестороннемъ
выраженіи или правопонятія, потому что
никто не можетъ поручиться, чтобы впредь
не были открыты еще новыя начала или мо-
менты правопонятія, потому что это
было бы гадательно, не основано ни на какихъ
положительныхъ фактахъ. Отсюда слѣду-
етъ, въ 3) что одни опредѣленія правопоня-
тія более или менее восполняются или,
по крайней мѣрѣ исправляются другими.
Съ этимъ восполненіемъ или по крайней мѣ-
рѣ исправленіемъ опредѣленій правопоня-
тій, какъ взаимнымъ ихъ восполненіемъ или
исправленіемъ, и находится въ ~~связи~~ не раздѣльной
связи восполненіе или, по крайней мѣрѣ ис-
правленіе главныхъ принциповъ права, ка-
ковы суть реальные принципы, по принципамъ,
о которыхъ мы уже сказали, т.е. потому, что
~~формальные~~ въ реальнымъ принципамъ ~~[illegible]~~ стремятся
всѣ ~~эти~~ прочіе принципы, каковы телеоло-
гическіе и практическіе, изъ нихъ вытека-
ютъ, такъ что изъ реальныхъ принциповъ
и выводится непосредственно опредѣленіе
правопонятія. Но такъ какъ изъ этихъ
главныхъ реальныхъ принциповъ права вы-
водятся, какъ извѣстно, телеологическіе
принципы и практическіе принципы, то
въ связи съ восполненіемъ или, по крайней мѣ-
рѣ, съ исправленіемъ реальныхъ принциповъ
права и выводимыхъ изъ нихъ непосредствен-
но опредѣленій правопонятія находится так-
же восполненіе или, по крайней мѣрѣ, исправ-
леніе телеологическихъ и практическихъ прин-
циповъ права. Наконецъ, вмѣстѣ съ воспол-
неніемъ или, по крайней мѣрѣ, исправленіемъ

реальныхъ принциповъ права находится восполненіе или по крайней мѣрѣ, исправленіе даже формальныхъ принциповъ права, потому что формальные принципы и выводятся непосредственно изъ реальныхъ принциповъ права, а чрезъ ихъ посредство и прочіе принципы права, т. е. какъ телеологическіе, такъ и практическіе. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ то, что всѣ вообще до сихъ поръ выставленные философами опредѣленія права и его принципы, какъ взаимно себя восполняющіе или, по крайней мѣрѣ, исправляющіе, должны быть разсматриваемы вмѣстѣ и въ связи между собою. Такая связь есть частью внѣшняя, обусловливаемая именно послѣдовательностью появленія ихъ во времени одного за другимъ, въ исторіи, частью внутренняя обусловливаемая генезисомъ человѣческаго научнаго, философскаго воззрѣнія. Слѣдовательно, такая связь есть вмѣстѣ и историческая и генетическая, ибо историческая связь есть связь внѣшняя и генетическая есть связь внутренняя. Если это взаимное восполненіе или, по крайней мѣрѣ, исправленіе опредѣленій права и его принциповъ мы станемъ разсматривать исторически, то мы отнесемся къ опредѣленіямъ права и его принципамъ не иначе какъ исторически. Но представить собственно историческое развитіе принциповъ и опредѣленій права — есть одна изъ главныхъ задачъ особенной науки, отличной отъ нашей, называем. исторіею философіи права, а не энциклопедіею права, ибо эта энциклопедія должна, какъ извѣстно, представить право, а слѣдовательно и его принципы и опредѣленія, не исторически, а генетически, въ силу отличительной сущности ея содержанія отъ содержанія про-

чихъ наукъ и притомъ представить ихъ во всеобщности, всесторонности, всеобъемлемости и всецѣлости, какъ это мы дѣйствительно и сдѣлаемъ во второй главѣ. Но при такомъ представленіи мы не должны забывать, что внѣшнее видимое развитіе ихъ во внѣшней дѣйствительности и реальности происходитъ именно въ предѣлахъ историческихъ условій времени и пространства, происходитъ въ исторіи, исторически, исторія же вообще не есть нѣчто законченное, а есть нѣчто продолжающееся. Поэтому мы никакъ не смѣемъ утверждать, что мы получимъ всеобщее, всестороннее, всеобъемлющее и всецѣлое опредѣленіе правопонятія, если мы соединимъ въ одно опредѣленіе какъ въ одно всецѣлое всѣ до сихъ поръ поставленные опредѣленія правопонятія, т.е. всѣ открытые въ понятіи права его элементы, или моменты; напротивъ, въ виду того, что до сихъ поръ философы все еще продолжаютъ по своему опредѣлять правопонятіе, въ виду такого именно положительнаго факта мы можемъ ожидать съ вѣроятностью, что такъ будетъ и впереди до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не откроются всѣ моменты или элементы понятія права, а, слѣдовательно и такіе, которые еще вовсе не открыты научнымъ философскимъ мышленіемъ. Поэтому мы должны, во 1, прежде всего воспользоваться всѣми моментами или элементами, которые открыты въ понятіи права представителями ума человѣческаго, философами, что мы и сдѣлали въ предыдущей, второй главѣ и затѣмъ, во 2, мы должны искать новыхъ въ немъ моментовъ, или элементовъ. Но спрашивается, гдѣ же прежде всего мы должны отыскивать ихъ? Прежде всего въ самыхъ словахъ, которыми выражается право, ибо

въ этихъ словахъ выражаютъ народы свое правовоззрѣніе, потому что всякое вообще слово есть ничто иное, какъ выраженіе народнаго сознанія о какой нибудь сторонѣ или элементѣ понятія обозначаемаго даннымъ словомъ, какъ воззрѣнія того народа, на языкѣ котораго встрѣчается данное слово. И такъ, мы не должны ограничиваться здѣсь только опредѣленіями правопонятія со стороны философовъ и вообще мыслителей, какъ представителей науки, а должны обратить вниманіе также и на такія значенія права, которыя выводятся какъ изъ производства, изъ этимологіи, какъ изъ употребленія слова „право" въ языкахъ разныхъ народовъ, или другими словами, мы должны обратить здѣсь вниманіе не только на научное опредѣленіе правопонятія, но должны также обратить вниманіе и на вербальное опредѣленіе его, т.е. по словопроизводству и, наконецъ, на номинальное, т.е. по словоупотребленію. Это потому мы должны сдѣлать, что умъ человѣческій выражаетъ свое правовоззрѣніе не только чрезъ посредство философовъ и вообще представителей науки, какъ своихъ органовъ, но и непосредственно въ языкахъ разныхъ народовъ, потому что въ словахъ употребленныхъ на этихъ языкахъ для обозначенія правопонятія, какъ и въ самомъ употребленіи этихъ словъ народы и вообще человѣчество выражаетъ также существенные понятія права моменты, или элементы; но съ тѣмъ различіемъ, что выраженные народами на своихъ языкахъ существенные моменты, или элементы правопонятія, суть выраженія не научнаго, а вненаучнаго человѣческаго правовоззрѣнія, т.е. суть выраженія того, что мы назвали и объяснили прежде словомъ чувство права, которое не основано ни на какихъ принципахъ

и въ этомъ смыслѣ не научное, каковы и вербальныя и номинальныя опредѣленія права, такъ что въ этомъ смыслѣ оно есть безпринципное и не научное въ отличіе отъ научныхъ опредѣленій права, которыя научны, какъ основанныя на принципахъ, какъ выраженія научнаго правосознанія. Отношеніе науки къ такимъ ненаучнымъ безпринципнымъ въ объясненномъ смыслѣ вербальнымъ и номинальнымъ опредѣленіямъ права можетъ и должно быть предметомъ новаго раздѣла этой третьей главы перваго отдѣла первой части нашей науки, - третьяго и послѣдняго, въ отличіе отъ первыхъ двухъ отдѣловъ, которые разсматриваютъ также опредѣленія правопониманія, но основанныя на принципахъ, а слѣдовательно, научныя опредѣленія права. Этотъ третій и послѣдній раздѣлъ третьей и послѣдней главы перваго отдѣла первой части нашей науки можетъ быть коротко озаглавленъ такъ: „отношеніе науки къ ненаучнымъ опредѣленіямъ права въ объясненномъ смыслѣ“ и такъ,

Раздѣлъ третій.

Отношеніе науки къ ненаучнымъ опредѣленіямъ права.

Здѣсь, какъ и въ предыдущемъ раздѣлѣ, мы, конечно, не можемъ да и не представляется въ этомъ надобности и интереса, къ этому не вызываетъ и свойство нашей науки, разсматривать всѣ многочисленныя правопониманія слова на разныхъ языкахъ

народовъ, а потому намъ достаточно будетъ разсмотрѣть слова, выражающія правопонятіе на языкахъ только нѣсколькихъ народовъ, а именно: на нашемъ родномъ языкѣ, потому именно, что онъ есть родной, отечественный, что онъ есть къ намъ ближайшій, затѣмъ на языкахъ иностранныхъ, индоевропейскихъ неправильно называемыхъ нѣмцами индогерманскими, на тѣхъ языкахъ, которые суть языки образованнѣйшихъ народовъ древняго и новаго міра. Мы вправѣ разсмотрѣть такія слова на этихъ языкахъ, ~~начальное~~ знаніе которыхъ требуется отъ всякаго истинно-образованнаго гражданина, а именно, на германскомъ языкѣ, преимущественно въ собственномъ смыслѣ слова, на нѣмецкомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что съ нѣмецкимъ языкомъ находятся въ ближайшемъ сродствѣ многіе другіе германскіе языки, каковы суть: голландскій, шведскій, датскій и проч., затѣмъ мы должны разсмотрѣть эти слова на англійскомъ языкѣ, какъ переходномъ отъ германскаго къ романскому, а затѣмъ на романскихъ языкахъ и изъ нихъ преимущественно на французскомъ языкѣ тѣмъ болѣе, что съ нимъ сходны проч. романскіе языки, каковы Итальянскій и Испанскій.

Различныя значенія права, которыя оно выражаетъ въ разныхъ языкахъ, должны быть разсмотрѣны, однако, не иначе какъ въ генетическомъ порядкѣ, а именно, въ томъ постепенномъ порядкѣ, въ какомъ происходитъ генезисъ самыхъ словъ вообще, и именно, начиная съ значенія чувственнаго нагляднаго и въ этомъ смыслѣ пер-

высшаго, первоначальнаго, простого, ибо отвлеченіе есть уже дальнѣйшая дѣятельность человѣческаго ума, и всякое затѣмъ постепенно къ болѣе абстрактному умственному значенію, которое въ другомъ смыслѣ называется переноснымъ или метафорическимъ значеніемъ. Замѣчу мимоходомъ, что наши словари никогда не составляются такимъ образомъ, т.е. въ нихъ никогда не ставится на первомъ мѣстѣ чувственное значеніе слова, а затѣмъ, переносное, метафорическое, между тѣмъ какъ это въ значительной степени облегчило бы изученіе языка.

Слово право имѣетъ, какъ и прочія слова, свои ступени генетическаго развитія, которыя необходимо нами должны быть разсмотрѣны для того, чтобы въ каждой такой ступени найти соотвѣтствующіе ей элементы или моменты правопонятія и посмотрѣть, какъ къ нимъ должна относиться наука. Всѣхъ такихъ главныхъ ступеней пять: во 1-хъ право какъ правое въ значеніи прямаго; во 2-хъ право въ значеніи истиннаго, въ 3-хъ право въ значеніи благаго, въ 4-хъ право въ значеніи добраго, т.е. нравственно добраго въ отличіе отъ благого, подъ которымъ разумѣется только полезное-доброе и наконецъ, въ 5-хъ въ значеніи соединяющаго людей въ высшія видимыя общенія или такъ называемый людской общественный союзъ. И такъ,

Первая ступень:

Право въ значеніи прямаго.

На нашемъ родномъ языкѣ въ старину

обыкновенно употреблялось слово право
как нарѣчіе, вмѣсто нынѣ употребляе-
маго слова прямо, т.е. безразлично одно за
другое. Это старинное словоупотребленіе это-
го слова въ такомъ смыслѣ осталось и до на-
стоящаго времени въ нѣкоторыхъ народныхъ
пословицахъ и въ нѣкоторыхъ производныхъ сло-
вахъ. Такъ напр. говорятъ: „правъ какъ дуга"
(ирон.), „право (т.е. прямо) ходить, душею
не кривить", „ходи право (т.е. прямо), гляди
право". Въ нынѣшнемъ народномъ языкѣ да-
же и теперь часто говорится: „иди право"
(т.е. прямо); „правый путь, т.е. прямой путь;
правая дорога, т.е. прямая дорога. Точно так-
же и въ производныхъ словахъ слово право упо-
требляется часто въ смыслѣ прямо; такъ
напр. слово „править" значитъ прямить,
дѣлать прямымъ, или равнять что-ли-
бо, напр. въ выраженіи: „править дорогу",
т.е. дѣлать ее прямою болѣе или менѣе
или равнять дорогу; править кирпичъ,
т.е. прямить, равнять его, что дѣлаютъ
когда онъ еще сыръ и мягокъ, - „править
желѣзную полосу, т.е. сдѣлать ее прямою.
Другое производное слово отъ слова право,
въ смыслѣ прямо, есть прямило или
прямилка - это снарядъ для расправле-
нія чего либо. Съ этимъ словомъ сходно
слово <u>правило</u>, - это снарядъ, состоящій
изъ прямой доски съ узенькой отвѣ-
сомъ, который плотники и каменщи-
ки употребляютъ для возведенія стѣнъ
и заборовъ прямо, т.е. отвѣсно, а так-
же слово прямило, или прямильце, подъ
которымъ разумѣется собственно де-
ревянный брусокъ, въ родѣ большей ли-
нейки аршина въ два, который упо-
требляется для кирпичной кладки, что

бы правитъ, т. е. прямитъ кирпичъ. Далѣе, отсюда же происходитъ глаголъ правлять въ значенiи прямить, равнять что нибудь, а затѣмъ уже отъ этого глагола происходятъ слова: отправлять, исправлять, направлять, управлять, сохраняющее въ себѣ значенiе права въ смыслѣ прямого. Отъ слова право въ смыслѣ прямо происходитъ и слово правило въ значенiи уже не вещественномъ, а духовномъ, и именно въ значенiи постоянныхъ нормъ или законовъ для всякой вообще дѣятельности людской и вообще какъ внутренней, такъ и внѣшней, а именно во 1.) въ силу природной, естественной необходимости т. е. въ смыслѣ требованiя, вытекающаго прямо изъ природы, естества извѣстнаго рода дѣятельности, какъ присущей ей нормы, соблюденiе которой дѣлаетъ эту дѣятельность такою, что она обозначается именно словомъ нормальная дѣятельность. Такъ говорятъ въ логикѣ о правилахъ, какъ нормахъ, законахъ мышленiя, въ грамматикѣ - о правилахъ языка, какъ его нормахъ, въ эстетикѣ - о правилахъ изящныхъ искусствъ какъ ихъ нормахъ и т. п. Во 2-хъ въ силу нравственной необходимости, т. е. въ смыслѣ веленiя высшаго существа, имѣющаго, какъ высшее существо, власть надъ низшими существами, ему подчиненными, каково Божество или человѣкъ властвующiй. Такое существо налагаетъ на человѣка нравственную обязанность исполнять, соблюдать его постановленiя, которыя суть правила для его свободной дѣятельности. Такъ напр., говорятъ о заповѣдяхъ божiихъ, въ смыслѣ такихъ правилъ

и о постановленіяхъ законодательной власти въ смыслѣ такихъ же правилъ. Наконецъ, во 3-хъ въ смыслѣ свободнаго и сознательнаго самоопредѣленія человѣческаго. Такъ напр. говорятъ: „я поставилъ себѣ правиломъ или за правило дѣлать то-то или не дѣлать того-то“, что предполагаетъ именно свободное и сознательное самоопредѣленіе со стороны такого человѣка, поставляющаго себѣ то или другое правило. Во всѣхъ приведенныхъ нами производныхъ словахъ, коренящихся въ словѣ право, имѣющемъ значеніе прямого, выражается вообще прямое стремленіе или направленіе предмета – или пассивное, т.е. возбуждаемое другимъ предметомъ или активное, т.е. изъ самого предмета истекающее и направляющееся къ извѣстной опредѣленной цѣли. Въ этомъ смыслѣ право есть ничто иное какъ то, чѣмъ указывается прямое устремленіе, направленіе человѣческой дѣятельности къ опредѣленной цѣли, т.е. той цѣли, которою эта дѣятельность опредѣляется, какъ дѣятельность правая, въ смыслѣ правомѣрной, или праведной и справедливой дѣятельности. Другими словами, правомъ устремляется, направляется человѣческая дѣятельность прямо такъ, какъ это должно быть, а именно, по праву, т.е. по правдѣ и справедливости. Такое значеніе слова права обусловливается его словопроизводствомъ, а именно, слово право какъ и слово правый, равно какъ и сродныя съ ними слова, отъ одного и того-же съ ними корня происходящія, суть тоже самыя слова производныя отъ корня „пра, пру“. Слово „пру“ въ первона-

тому какъ и у насъ есть такіе предлоги которые усиливаютъ значеніе словъ, предъ которыми они стоятъ, каковы, напр. раз и пре. Итакъ, directe или directus значитъ разпрямо т.е. очень прямо, препрямо. Отъ словъ directe и directus произошелъ латинскій глаголъ dirigo, что значитъ устремляю, направляю что нибудь прямо къ опредѣленной цѣли а отсюда слово directio значитъ самое устремленіе, самое направленіе. Мало того, и въ латинскомъ языкѣ есть общій съ греческимъ языкомъ корень dic, что значитъ указаніе именно на цѣль, устремленіе, направленіе къ цѣли. Отсюда производное латинское слово digitus - палецъ, т.е. указывающій на что нибудь; indico - указывать, показывать, а отсюда важный юридическій терминъ indicium показаніе, напр. свидѣтельское. Даже латинскій глаголъ dico значитъ собственно указываю, показываю, заявляю, а затѣмъ уже говорю, напр. въ особенности въ такихъ юридическихъ выраженіяхъ, какъ jus dicere - указывать право, т.е. что должно быть въ данномъ случаѣ правомѣрнымъ (напр. при обвиненіи, при спорѣ), а отсюда - произносить судъ, постановлять судебныя рѣшенія, судебные приговоры. Но это выраженіе, состоящее изъ двухъ словъ, - jus dicere, - сливается у римлянъ въ одно слово въ глаголъ judico, и которое есть въ самомъ дѣлѣ сложное слово изъ jus и dicere, означающее то же самое, что и jus dicere. Отсюда происходитъ judicium - судъ, какъ показывающій право, judex судья, какъ то показывающій право.

Отъ латинскаго слова directus именно въ среднемъ родѣ - directum, произошло французское слово droit право, что видно уже изъ того что оно прежде писалось такъ, что между

буквами i и t была буква c (droict). Но въ особенности это видно изъ того, какъ пишется слово право на итальянскомъ языкѣ. Droit употребляется французами вмѣсто direc- tement. Съ другой стороны, отъ латинскаго слова dirigo произошло французское слово diriges - направлять, устремлять что либо къ опредѣленной цѣли, а также и слово direction - направленіе, въ основѣ котораго также лежитъ понятіе объ устремленіи, направленіи чего либо прямо къ опредѣленной цѣли. Слѣд. въ словѣ droit, происшедшемъ отсюда, также заключается тоже понятіе.

Въ нѣмецкомъ языкѣ слово recht не происходитъ отъ латинскаго слова rectum, какъ можно было бы заключить по созвучію этихъ словъ, а произошло отъ древнегерманскаго корня rik, сроднаго съ санскритскимъ корнемъ rig, а отъ послѣдняго произошелъ санскритскій глаголъ - riga, что значитъ быть прямымъ, стоять прямо. Отъ древнегерманскаго rik произошелъ глаголъ richten - дѣлать прямымъ, устремлять прямо къ опредѣленной цѣли, что видно изъ производнаго отсюда существительнаго Richtung - направленіе. Вотъ почему нѣмецкое слово recht значило прежде у нѣмцевъ то же, что теперь значитъ слово gerade, т. е. прямо, такъ напр. прямо стоять, прежде выражалось у нѣмцевъ словами recht stehen, а теперь выражаютъ это съ прибавленіемъ предлога auf, говоря auf recht stehen. Впрочемъ, и до сихъ поръ иногда употребляется въ нѣмецк. языкѣ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, выраженіяхъ слово recht вмѣсто gerade, напр. нѣмцы говорятъ recht winkel, т. е. прямой уголъ. Вообще слово recht есть древне германское слово, означающее gerechten sein - быть направленнымъ, устремленнымъ къ опредѣленной цѣли и въ этомъ смыслѣ

recht значитъ richtigkeit, такъ что das rechte или das gerechte есть направленное или устремленное прямо къ опредѣленной цѣли, какъ къ своему праву.

Отъ древнегерманскаго корня rih произошло и англійское слово right, которое значитъ также и право и прямо. Но въ тоже время отъ латинскаго слова directum произошло англійское слово direct, которое значитъ тоже прямо, но еще значитъ, какъ глаголъ, направлять, устремлять что либо къ опредѣленной цѣли. Слѣдоват. и въ англійскихъ словахъ выражается понятіе о направленіи чего либо прямо къ опредѣленной цѣли.

Итакъ, мы нашли, что въ словѣ право и въ производныхъ отъ него словахъ въ индоевропейскихъ языкахъ образованнѣйшихъ народовъ по преимуществу заключается понятіе о чемъ-то прямомъ. Поэтому право, по своему понятію, по своей сущности, по своей природѣ, какъ правое, т. е. праведное и справедливое, есть нѣчто прямое и притомъ въ слѣдующихъ значеніяхъ, какъ ближайшихъ опредѣленіяхъ этого прямаго: во 1, право, само по себѣ взятое, есть нѣчто прямое, какъ прямо стоящее, т. е. не уклоняющееся ни въ какую сторону, непреклонное, непоколебимое, непреложное, незыблимое, неподвижное. Во 2, право уже въ своемъ дѣйствіи постоянно дѣлаетъ прямымъ, ровняетъ все, что само по себѣ есть не прямое, что само по себѣ криво, неровно и т. под. и постоянно направляетъ, устремляетъ все прямо къ опредѣленной цѣли, т. е. къ тому, чтобы дѣятельность человѣческая была согласна съ правдою и справедливостью. И въ самомъ дѣлѣ, всякое нарушеніе, всякое преступленіе есть нѣчто иное, какъ кривое, что и обозначается въ русскомъ языкѣ словомъ кривда. Это кривое и должно выпрямить, сдѣлать пря-

мымъ, чтобы право опять было возстановлено. Въ самомъ дѣлѣ, правомъ все равняется, т. е. равняется нарушенное неправомъ, положительными законами опредѣленное равенство гражданъ между собою, какъ равенство передъ законами. Наконецъ, неправо есть уклоненіе отъ пути, какъ правды, какъ справедливости, какъ цѣли права. Поэтому право должно постоянно направлять все къ этой опредѣленной цѣли, въ случаѣ уклоненія отъ нея человѣческой дѣятельности.

Въ такомъ-то простомъ, первоначальномъ значеніи права по его словопроизводству и словоупотребленію выразили народы свое донаучное чувство права, по его понятію, сущности и природѣ, а именно въ этомъ словѣ первоначально выражаются такіе существенные моменты его понятія: во 1, право само по себѣ есть правое т. е. праведное и справедливое, а, будучи опредѣляемо отрицательно, есть нѣчто неизмѣнное, въ противуположность измѣнчивому праву, а именно въ противуположность измѣнчивому положительному праву извѣстнаго общества, народа, государства, дѣйствующему въ извѣстное время, а опредѣляемое же положительно или утвердительно, есть постоянное, твердое, пребывающее, вѣчно въ противоположность возникающему или преходящему, измѣняющемуся, временному или мѣстному праву того или другаго людскаго общественнаго союза, народа или племени.

На основаніи положительныхъ фактовъ мы должны признать вообще вѣрными такія правовоззрѣнія народовъ, человѣчества, выражаемыя въ такомъ его обозначеніи, однако же съ слѣдующими существенными ограниченіями. Такъ а) право само по себѣ какъ праведное и справедливое, есть несомнѣнно нѣчто неизмѣнное, но въ

томъ только смыслѣ, что оно не должно измѣняться изъ какихъ либо постороннихъ ему видовъ, соображеній, или, какъ обыкновенно выражаются, право, какъ правосудіе или правый судъ, долженъ быть не лицепріятнымъ, безпристрастнымъ для обѣихъ сторонъ (обвинителя и обвиняемаго, истца и отвѣтчика), не преклоняясь ни предъ какими внѣшними вліяніями или не руководствуясь никакими личными соображеніями. Но 1, право <u>само по себѣ</u> неизмѣнно, а не въ томъ смыслѣ, чтобы люди никогда не измѣняли своихъ взглядовъ на содержаніе права, на его велѣнія, требованія, ибо противъ этого свидѣтельствуютъ также положительные факты (напр. взглядъ человѣчества на свободу или на равенство людей). 2, право само по себѣ какъ праведное и справедливое, въ самомъ дѣлѣ, есть нѣчто постоянное, но только въ смыслѣ присущей человѣку, его природѣ, естеству, способности чувствовать, сознавать и выражать или осуществлять въ дѣйствительности праведное и справедливое, а не въ смыслѣ чего либо прирожденнаго человѣку или чего нибудь просто самосущаго, т. е. отдѣльно отъ человѣка, какъ бы существующей идеи. Далѣе 3, право, праведное и справедливое въ своемъ дѣйствіи въ самомъ дѣлѣ не нарушимо и въ этомъ отношеніи священно, свято, но въ томъ только смыслѣ, что никакая власть, никакими силами не въ состояніи превратить право въ неправо и неправо въ право, и кромѣ того въ томъ смыслѣ, что правомъ предотвращаются и пресѣкаются правонарушенія, что право возстановляется само собою, будучи нарушено неправомъ. Слѣд., право есть въ этомъ смыслѣ нѣчто постоянное, непреходящее, между тѣмъ какъ неправо, его отрицающее, есть нѣчто преходящее. Кромѣ того, оно не нарушимо, посто-

явно въ томъ смыслѣ что правомъ всѣ рав-
няются, т.е. что оно уравниваетъ всѣхъ, воз-
давая каждому должное, какъ свое, какъ suum,
возстановляя нарушенное равенство, такъ
что предъ правомъ или, какъ обыкновен-
но говорятъ, предъ закономъ всѣ равны,
что право устремляетъ все прямо къ оп-
редѣленной цѣли, давая направленіе всей
внѣшней дѣятельности человѣческой въ людскихъ
общественныхъ союзахъ, служа для этой дѣятель-
ности постояннымъ обязательнымъ прави-
ломъ, требуя, чтобы всѣ шли прямо къ оп-
редѣленной цѣли, т.е. къ реализаціи права,
какъ правды и справедливости, не уклоняясь
отъ этой цѣли ни въ какую сторону (а не въ
томъ смыслѣ право постоянно въ своемъ дѣй-
ствіи, что будто-бы неправо не имѣетъ
дѣйствительнаго бытія, что будто-бы толь-
ко право его имѣетъ какъ говоритъ Гегель)
потому что неправо исчезаетъ, таетъ какъ
воскъ предъ правомъ и, какъ свидѣтельству-
ютъ положительные факты, по крайней мѣ-
рѣ всеобщая исторія человѣчества, вѣрна
русская пословица, которая гласитъ: „все ми-
нется одна правда останется."

Такъ, мы опредѣлили право по его сущ-
ности, по его природѣ, въ значеніи прямаго,
такъ что прямота его есть одинъ изъ сущест-
венныхъ моментовъ правопонятія въ разъяс-
ненномъ нами смыслѣ. Но почему же, спраши-
вается, мы начали генетическое развитіе этихъ
значеній правопонятія, выражающихся въ народ-
ныхъ языкахъ, именно съ такого значенія пра-
ва, какъ прямаго, какъ съ первой ступени это-
го развитія? Это потому, что значеніе права
въ смыслѣ чего-то прямаго есть самое первона-
чальное самое простое опредѣленіе права, ибо
во 1, называя право прямымъ, человѣческій
умъ опредѣляетъ это подлежащее право ска-
зуемымъ прямое, которое онъ беретъ непосред-

ственно изъ внѣшняго опыта, изъ окружающей его природы, въ которой онъ находитъ то, что назыв. прямымъ въ противоположность кривому, такъ что опредѣляя право въ этомъ значеніи прямо, человѣческій умъ еще вовсе не относитъ право къ себѣ, не переноситъ его въ себя, въ свое я. Этотъ переносъ дѣлаетъ уже умъ человѣческій въ слѣдующихъ затѣмъ значеніяхъ правопонятія, которыя всѣ уже суть значенія переносныя, символическія, въ отличіе отъ первоначальнаго не символическаго. Человѣкъ переноситъ правопонятіе въ себя, въ свое я, какъ нѣчто прямое, какъ нѣчто неизмѣнное и постоянное прежде всего въ своемъ чувствованіи, а затѣмъ въ своемъ мышленіи, и тогда уже слово право, какъ правое, какъ праведное и справедливое, получаетъ значеніе чего-то истиннаго, почему такое значеніе есть уже вторая ступень генетическаго развитія въ опредѣленіи правопонятій, выражающихся въ народныхъ языкахъ. Итакъ,

II, <u>Вторая ступень: право, какъ правое, т.е. праведное и справедливое въ значеніи истиннаго.</u>

Въ нашемъ отечественномъ языкѣ слово право, въ самомъ дѣлѣ, употребляется въ такомъ именно значеніи, а именно или въ видѣ нарѣчія, когда говорятъ „право" вмѣсто того, чтобы сказать <u>истинно</u>, т.е. во истину, по истинѣ, увѣряя въ истинности чего либо, т.е. вѣрности, справедливости, напр., въ выраженіи: я право не знаю того-то и того-то или 2, въ видѣ прилагательнаго правый, когда оно употребляется вмѣсто истинный, напр. въ выраженіи, ты правъ, т.е. ты сказалъ истину, правду или 3, въ видѣ даже существительнаго, т.е. когда слово право употребляется вмѣсто слово и-

тина, какое значеніе слова право было обыч-
нымъ въ нашемъ старомъ языкѣ. Хотя въ со-
временномъ языкѣ слово право и не употреб-
ляется въ значеніи истины, зато слово право
удержало это значеніе въ словахъ сложныхъ
и производныхъ; напр. православіе значитъ по-
слѣдованіе ученію правой, т.е. истинной вѣ-
рѣ или значитъ вообще истинная вѣра. От-
сюда слово православный т.е. исповѣдающій
истинную вѣру; отсюда происходитъ и слово
правовѣріе, т.е. исполненіе истинной вѣры,
и правовѣрный, какъ называютъ себя соб-
ственно магометане. Отсюда-же юридическій
терминъ правомѣріе - истинная, правильная
и полная мѣра, а въ переносномъ смыслѣ зна-
читъ то же, что правосудіе. Отсюда же сло-
во правомѣрный, т.е. соотвѣтствующій ис-
тинной правильной, вѣрной и полной мѣ-
рѣ и слѣд. равномѣрный въ своихъ частяхъ, про-
порціональный, соотвѣтствующій мѣрѣ, а
въ переносномъ смыслѣ - соотвѣтствующій соб-
ственно съ положительнымъ правомъ, какъ
съ своею мѣрою, соотвѣтствующій, согласный
съ нимъ и въ этомъ смыслѣ правосудный. От-
сюда-же происходитъ и существительное пра-
вомѣрность - согласіе съ собственно положитель-
нымъ правомъ, какъ съ своею мѣрою, какъ съ сво-
имъ критеріемъ. Самое слово правосудность,
правосудіе происходитъ отъ слова право, въ см.
истины; правосудность значитъ собственно
истинное сужденіе вообще, а въ переносномъ см.
именно юридическомъ, значитъ судъ, соотвѣт-
ствующій праву или правый, праведный, пра-
вомѣрный судъ, правомѣрное судебное рѣшеніе
и приговоръ. Далѣе, самое наше слово правда
произошло отъ слова право въ этомъ значе-
ніи, а отъ слова правда произошло наше сло-
во справедливость. Въ словѣ справедливость
предлогъ съ указываетъ на то, что слово спра-

ведливость значитъ собственно согласіе съ прав-
дою. Вотъ почему, какъ слово правда, такъ и слово
правда и справедливость употребляютъ въ зна-
чении истинное вообще, а именно или 1, въ формѣ
нарѣчія, напр. говорятъ: правда въ правду, за-
правду, взаправду, по правдѣ, т.е. поистинѣ,
истинно, справедливо, - или 2, въ формѣ существ-
вительнаго, напр. говорятъ совершенная правда,
что правда - то правда; сказать кому всю
правду; сказать правду матку.

Въ греческомъ языкѣ прилагательно δίκαιος,
праведный и справедливый, употребляется вмѣ-
сто ἀληθής истинный, такъ что, эти слова
замѣняются одно другимъ, напр. говорится
λέγειν δίκαιον - говорить истинную правду.
Въ латинскомъ языкѣ употребляются од-
нѣ слова за другія въ значеніи праведнаго
и справедливаго и въ значеніи истиннаго; такъ,
justus употребляется вмѣсто verus, напр.
juste laudantur вмѣсто vere laudantur. Во
французскомъ языкѣ вмѣсто слова droit упо-
требляется слово raison, въ смыслѣ истинное,
напр. говорятъ: donner raison à quelqu'un вмѣ-
сто donner droit à quelqu'un т.е. утверждать,
что на чьей либо сторонѣ правда и справедли-
вость. Кромѣ того, во французскомъ языкѣ
слово juste употребляется вмѣсто слова vrai.
Въ нѣмецкомъ языкѣ употребляется слово
recht вмѣсто слова wahr, напр. въ выраженіи
es ist recht вмѣсто es ist wahr. Отъ слова
recht въ смыслѣ истинное, произошло слово
Rechtigkeit и Aufrechtigkeit - не уклонность,
истинность, т.е. прямота, соединенная съ
истиною, выраженною безъ лжи и обмана, безъ
коварства и лукавства. Наконецъ, и въ англій-
скомъ языкѣ употребляется слово Right вмѣ-
сто слова Truth, напр. въ выраженіи: истина
на вашей сторонѣ.

Итакъ, на языкахъ разныхъ народовъ умъ чело-

вѣческій выразилъ тотъ существенный моментъ правопонятія, что право есть нѣчто истинное и слѣд., что правда и справедливость есть истина. Этотъ же самый существенный моментъ въ правопонятіи, какъ моментъ, порождаемый донаучнымъ чувствомъ человѣчества, замѣченъ былъ и открытъ нѣкоторыми философами. Такъ, нѣкоторые философы, преимущественно Уолластонъ, какъ мы знаемъ, право какъ праведное и справедливое, отождествилъ съ истиною. Но истина есть одинъ только изъ существенныхъ моментовъ правопонятія, почему мы и не можемъ признать, подобно Уолластону, что вся сущность права заключается въ его истинности; тѣмъ не менѣе этотъ моментъ правопонятія такъ существененъ, что онъ имѣетъ огромную и теоретическую и практическую вѣрность, которую должны признать и мы, горшеты на основаніи положительныхъ фактовъ. Такъ во 1, право, какъ истинное, заключаетъ въ себѣ необходимое требованіе его познанія человѣческимъ умомъ, мышленіемъ, его выразумѣнія, его осмышленія, его пониманія, какъ чего-то такого, что само по себѣ разумно, въ чемъ есть разумъ, смыслъ, въ чемъ есть истина, а истина и есть предметъ науки. И въ самомъ дѣлѣ, на право смотрѣли многіе философы какъ на нѣчто само по себѣ разумное, называя его всеобщимъ и необходимымъ разумомъ, всеобщею и необходимою истиною. Но на разумное, на смыслъ, на разумъ въ правѣ, мы не должны смотрѣть теперь какъ на какой то нечеловѣческій разумъ, напр., Божественный, какъ въ особенности смотрѣли нѣкоторые средневѣковые философы, а должны смотрѣть, напротивъ, какъ на разумъ чисто человѣческій, потому что все право есть только человѣческое право. Во 2-хъ, право, какъ истин-

ное, необходимо заключаетъ въ себѣ предположеніе его сознанія, познанія, безъ котораго не возможна никакая правомѣрная, праведная и справедливая дѣятельность, и слѣдов. невозможно никакое праведное и справедливое постановленіе въ какой нибудь человѣческой средѣ. Поэтому всегда и вездѣ положительное право требовало и требуетъ отъ всѣхъ гражданъ своего государства знанія своихъ законовъ вообще, юридическихъ нормъ; но оно не только предполагаетъ и требуетъ знанія его нормъ, но даже знанія праведнаго и справедливаго вообще, ибо оно подвергаетъ отвѣтственности гражданина не только за такія дѣянія, поступки, которые запрещены, но и за такія дѣянія, которыя хотя не запрещены положительнымъ правомъ, какъ преступленія, но тѣмъ неменье которыя признаются преступными или чувствомъ права или правосознаніемъ въ данное время со стороны людскаго общественнаго союза, или даже со стороны всего человѣчества вообще. Извѣстно, что когда Солона спросили, почему онъ пропустилъ въ своемъ законодательствѣ наказаніе за отцеубійство, то онъ отвѣчалъ, что я пропустилъ не потому, что забылъ такое важное преступленіе, а потому, что считаю его невозможнымъ, такъ какъ оно противно человѣческой природѣ.

Отъ слова право въ значеніи истины или истиннаго переходитъ умъ человѣческій непосредственно къ слову право въ значеніи блага и такимъ образомъ переходитъ изъ области теоретической, изъ области мышленія, гдѣ цѣлью является познаніе истины, въ область практическую, потому что ея цѣлью есть уже благо. Переходъ этотъ происходитъ потому, что благо есть такое понятіе которое по своей сущности не м. остоиться только

теоретическимъ, т. е. въ значеніи только истины, какъ цѣли или продукта мышленія, познанія человѣческаго, а необходимо становится практическимъ, а именно получаетъ значеніе блага, какъ цѣли стремленія всей человѣческой практической дѣятельности. Такъ переходимъ мы къ третьему главному значенію права, или къ третьей ступени генетическаго его развитія въ человѣческомъ сознаніи, на которой право имѣетъ значеніе благаго. Итакъ,

III Третья ступень: право въ значеніи благаго.

Здѣсь слово благо отличается отъ слова добра тѣмъ, что подъ добромъ разумѣется нравственно доброе, какъ добро само по себѣ и для себя, какъ самостоятельное и самоцѣльное добро, а подъ благомъ разумѣемъ мы безразличное въ нравственномъ отношеніи доброе, какъ доброе для чего нибудь, такъ что оно служитъ средствомъ, и слѣд. въ этомъ смыслѣ какъ полезное для чего либо. Впрочемъ, такое значеніе придаемъ мы здѣсь словамъ благо и добро условно, находясь въ необходимости выразить два различныя понятія, между тѣмъ какъ эти слова въ общежитіи употребляются безразлично. Мы придаемъ этимъ словамъ различное значеніе, употребляя ихъ въ смыслѣ научныхъ терминовъ. Народы вообще выражаютъ часто свое чувство право и сознаніе права, признавая его благомъ, какъ чѣмъ-то благимъ, именно для человѣка въ его общественной жизни. Это выражаютъ они въ своихъ языкахъ тѣмъ, что отождествляютъ правое и благое, а именно, когда они противополагаютъ правое, какъ благое для себя лѣвому, какъ чему то для себя дурному, худому, злому. Въ основаніи такого про-

тивоположенія между правымъ и лѣвымъ. лежитъ, можно сказать, конструируемая человѣческимъ мышленіемъ прямая математическая линія, раздѣляющая все, внѣ человѣка находящееся, на двѣ области, изъ которыхъ одна область называется людьми правою стороною, а другая лѣвою стороною, а именно относительно или разсматриваемаго человѣкомъ какого нибудь предмета, когда, наприм. говорятъ о правомъ и лѣвомъ берегѣ рѣки, принимая во вниманіе ея теченіе отъ источника къ устью или относительно разсматривающаго предметъ человѣка, субъекта, т. е. въ соотвѣтствіи съ его правымъ и лѣвымъ глазомъ, или съ его правою и лѣвою рукою, или вообще съ правою или лѣвою стороною всего его корпуса. Въ этомъ-то общемъ смыслѣ народы различаютъ правое и лѣвое вообще такъ, что они правое предпочитаютъ лѣвому, или даже такъ, что правое признаютъ благимъ для людской общественной жизни, въ противуположность лѣвому, какъ противному этой жизни, какъ дурному. Противоположеніе праваго лѣвому, можетъ быть, происходитъ отъ того, что, вслѣдствіе предразсудка и основанныхъ на немъ привычекъ и обычаевъ, правая рука обыкновенно признается главнымъ орудіемъ внѣшней, видимой дѣятельности человѣка и, какъ такое главное орудіе, обыкновенно употребляется предпочтительно предъ лѣвою рукою. Предпочтеніе вообще праваго лѣвому выражается во многихъ такъ назыв. обрядовыхъ юридическихъ дѣйствіяхъ, въ нѣкоторыхъ публичныхъ, торжественныхъ засѣданіяхъ, а также въ нѣкоторыхъ народн. поговоркахъ, напр. въ нашей пословицѣ: „правая рука всегда правѣе

Противоположеніе благому, какъ полезному для людской жизни, лѣваго, какъ недобраго, вреднаго также выражается въ различныхъ другихъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ; такъ, напр. при заключеніи условій, договаривающіяся стороны подаютъ взаимно другъ другу правыя руки, или бьютъ по рукамъ. При вѣнчаніи связываются правыя руки жениха и невѣсты. Особенно же это противоположеніе выражается въ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣріяхъ и предразсудкахъ; такъ напр. если правая рука свербитъ, чешется, то говорятъ, что хвалятъ, а если лѣвая - то бранятъ; если человѣкъ увидитъ первый разъ новорожденную луну съ правой стороны и если при этомъ онъ чего пожелаетъ, то въ этомъ видитъ счастливое предзнаменованіе, а если увидитъ съ лѣвой стороны, то въ этомъ видитъ дурное предзнаменованіе для своихъ желаній; если кто вставши отъ сна вступитъ правою ногою, то, по суевѣрію, надѣется провести день благополучно, а если лѣвою ногою - то не благополучно. Не совсѣмъ исчезло еще и такое суевѣріе, что грѣшно спать на правомъ боку, потому что въ этомъ случаѣ можно задавить своего Ангела Хранителя, который всегда бываетъ у насъ на правой сторонѣ, тогда какъ злой духъ на лѣвой сторонѣ. Впрочемъ, помимо всѣхъ подобныхъ обнаруженій до научнаго чувства права, какъ чего то благаго, не нужно ни человѣку, ни обществу, ни народу стоять на высшей ступени образованности, чтобы чувствовать, что право есть нѣчто благое. Вырабатывая изъ такого чувства права научное уже сознаніе права, многіе древніе философы признали право вообще добромъ. Такъ, Сократъ, говоритъ, что не знаетъ права, кото-

рое, не было-бы благомъ, т. е. полезнымъ, добромъ для чего либо, понимая подъ благомъ не нравственно доброе, а благое вообще въ разъясненномъ нами смыслѣ. Противники Сократа, софисты, признавали также, что право есть благо или для сильныхъ или слабыхъ, понимая благо въ смыслѣ выгоды, пользы. Многіе затѣмъ средневѣковые философы признали право вообще средствомъ для человѣческаго благоденствія, счастія. Всѣ новые философы (начиная отъ Декарта и Бекона и доходя до Канта) признали право благомъ въ томъ смыслѣ, что право удовлетворяетъ какому либо влеченію человѣка, какъ присущей ему потребности, и тѣмъ даетъ человѣку довольство, а именно, оно удовлетворяетъ или эгоистическое или общительное, альтруистическое влеченіе, или то и другое вмѣстѣ. Даже большинство новѣйшихъ философовъ (начиная съ Канта) смотрѣли на право какъ на благое для людской жизни, а именно, или для того, чтобы возможна была свобода, предполагая, что у человѣка есть инстинктъ, природное влеченіе къ свободѣ (Кантъ, Фихте, Шеллингъ и даже Гегель), или же для того, чтобы прекратить споръ, распрю между людьми, которая абсолютно не можетъ нравиться человѣку (Гербартъ), или для того, чтобы дать свободѣ условія, необходимыя для практической жизни (какъ утверждалъ Краузе и главн. его послѣдователь Аренсъ), или для того, чтобы возможна была нравственность или нравственно-людскіе союзы, какъ говорилъ въ особенности Тренделенбургъ. Мы съ своей стороны не можемъ не признать въ понятіи права, какъ существеннаго момента блага, ибо это подтверждаютъ положительные факты; но мы должны также и признать, что всѣ вообще философы, опредѣляющіе

право вообще какъ благое, впадаютъ въ односторонность, потому, что вообще не возможно остановиться на понятіи права, какъ на чемъ-то добромъ, т.е. какъ на полезномъ. Если-бы мы остановились только на этомъ его значеніи, то мы должны были-бы признать право не болѣе какъ только средствомъ для какой нибудь внѣшней, если посторонней цѣли, потому что, если-бы право было не болѣе какъ такимъ только средствомъ къ цѣли, то отсюда слѣдовало-бы само собою, что съ достиженіемъ такой цѣли, право превратилось бы въ неправо, а это было-бы самопротиворѣчіемъ понятія права, ибо никогда право не можетъ быть не правомъ. Поэтому необходимо взойти отъ значенія права какъ благаго, добраго, т.е. какъ добра, самого въ себѣ и для себя, какъ чего то полезнаго, къ добру въ собственномъ смыслѣ слова, а именно къ добру въ нравственномъ, этическомъ смыслѣ или къ этическому добру. Это есть четвертое значеніе права. Итакъ,

IV. Четвертая ступень: право въ значеніи нравственно-добраго.

Въ этомъ значеніи право относится уже до человѣческой воли, именно, до свободнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательнаго выраженія обнаруженія ея хотѣнія въ дѣяніяхъ, или поступкахъ человѣческихъ, т.е. во внѣшней, видимой человѣческой дѣятельности. Такъ, въ самомъ дѣлѣ люди, вообще говоря о хотѣніи человѣческой воли или объ обнаруженіи ея въ дѣяніяхъ или поступкахъ человѣческихъ, признаютъ ихъ или нравственно добрыми, хорошими самими по себѣ, или нравственно дурными самими по себѣ, злыми, порочными

ставится въ числѣ однихъ нравственно-[illegible] нравственно доброе хотѣніе человѣка, или нравственно доброе дѣланіе человѣческое праведнымъ и справедливымъ, а нравственно худое противное хотѣніе человѣческое или нравственно дурное, злое, порочное дѣланіе человѣческое называютъ неправеднымъ и несправедливымъ. 1) Если это доброе хотѣніе и доброе дѣланіе выражается во взаимныхъ внѣшнихъ отношеніяхъ людей между собою, какъ членовъ постоянныхъ и мимолетныхъ общественныхъ союзовъ; то дѣятеля его, какъ добродѣтель, называютъ правдою и справедливостью, въ смыслѣ праведности, а противное ему вообще называютъ неправдою и несправедливостью, въ смыслѣ неправедности. 2) Въ преимущественномъ значеніи въ правдѣ [illegible] какъ нравственно доброе выражается во [illegible] быть больше или менѣе вообще [illegible] во всѣхъ языкахъ и многихъ [illegible] въ особенности въ языкахъ европейскихъ народовъ. Такъ, въ русскомъ языкѣ, и которые слова, какъ праведное и справедливое, употребляются въ смыслѣ нравственно добраго такъ, напр. говорится, право ходить, думать не кривить? Также и употребляется правый, какъ праведный и справедливый употребляется также въ смыслѣ нравственно добраго; напр. говорятъ правый человѣкъ, т.е. нравственно добрый человѣкъ, который иначе называется праведнымъ человѣкомъ. Въ латинскомъ языкѣ и добродѣтель въ особенности въ [illegible] вообще называется праведностью.

А въ греческомъ языкѣ часто употребляются безразлично какъ синонимы, τὸ δίκαιον (праведное и справедливое) и τὸ ἀγαθόν (доброе т.е. нравственно доброе). Въ латинскомъ языкѣ также часто употребляются какъ [illegible]

понятия <u>justum и bonum</u> и даже эти два слова нерѣдко соединяются въ одно нераздѣльное цѣлое; напр. римские юристы опредѣляли jus naturale, между прочимъ, какъ justum et bonum или bonum et justum. Во французскомъ языкѣ о нравственно добрыхъ людяхъ говорится, что они суть les justes (праведники). Въ нѣмецкомъ языкѣ о нравственно добрыхъ людяхъ говорится, что они суть Rechts или gerechtsleute, т.е. праведники. Наконецъ, въ английскомъ языкѣ нравственно добрыхъ людей называютъ также праведниками: just man or Norian. Но въ особенности на этотъ существенный моментъ правопонятия, т.е. на то, что въ немъ заключается понятие нравственно добраго, указываетъ греческое прилагательное δίκαιος, праведный и справедливый, а именно тѣмъ, что это слово происходитъ прямо отъ существительнаго δίκη, а это слово въ свою очередь происходитъ отъ корня δίκ, который значитъ собственно казать, указывать, въ этомъ-же смыслѣ, въ какомъ употреблялось въ особенности прежде нѣмецкое слово weisen. Греческий корень δίκ сохранился въ этомъ смыслѣ и въ нѣкоторыхъ латинскихъ словахъ, напр. indicare, indicium, digitus, такъ что происшедшее отъ греческаго корня δίκ δίκαιος значитъ то-же что и нѣмецкое weise, т.е. образъ, видъ, какъ внѣшний образъ, а именно, какъ образъ опредѣленной внѣшней дѣятельности человѣческой, опредѣленной; т.е. неизмѣнной, постоянной и потому повторяющейся и, слѣдовательно, обыкновенный обычай. Отсюда произошло греческое слово δίκη, въ смыслѣ обычаевъ или нравовъ, а именно въ людскихъ общественныхъ союзахъ, въ смыслѣ того, что греки называли ἔθος

т. е. въ смыслѣ общественной нравственности, и именно въ смыслѣ нравственности, какъ совокупности правилъ, или законовъ, обязательныхъ для людей, общественныхъ союзовъ въ цѣломъ и въ частности и для членовъ этихъ союзовъ. Поэтому человѣка, какъ гражданина, какъ члена общественнаго союза и называли греки δίκαιος, т. е. праведнымъ и справедливымъ, котораго внѣшняя, видимая дѣятельность была согласна съ нравственностью (ἔθος) своего государства, своего общества, или иначе съ законами (νόμος), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Въ Греціи подъ словомъ законъ (νόμος) понимались не только законы писанные, совокупность которыхъ составляетъ такъ называемое положительное право, но также и вообще всѣ общественные, государственные учрежденія и наконецъ, всѣ обычаи и нравы, что указываетъ именно на связь между словомъ νόμος — законъ съ одной стороны и словомъ δίκη съ другой стороны. Слѣдовательно, τὸ δίκαιον, т. е. право, какъ праведное и справедливое, какъ законъ въ этомъ смыслѣ, есть у грековъ нравственно, этически благое или доброе въ нравственномъ, этическомъ смыслѣ этого слова. Такое чувство права, какъ праведнаго и справедливаго, ~~на~~ находимое нами у греческаго народа, возведено греческими философами въ научное понятіе права, а именно, и они стали смотрѣть на право, какъ на нравственно доброе, слѣдовательно, какъ нравственное въ обширномъ смыслѣ или этическое понятіе.

Отъ значенія права, какъ нравственно добраго, умъ человѣческій восходитъ къ значенію права, какъ къ тому что, соединяющему людей во внѣшнее, видимое общеніе, въ общественный, по-

стоянный и самоцѣльный людской союзъ, восходитъ именно потому, что въ этомъ союзѣ и выражается, обнаруживается, объективируется право какъ нравственно доброе. И такъ,

V Пятая ступень: право какъ прямое, т.е. правдивое и справедливое въ значеніи связи соединяющей людей въ внѣшніе общенія въ людскіе, общественные, постоянные и самоцѣльные союзы.

Этотъ существенный моментъ въ понятіи права также чувствуется всѣми людьми и выражается всѣми народами на ихъ языкахъ, когда они говорятъ о правѣ въ смыслѣ правдиваго и справедливаго; но на самомъ дѣлѣ, въ словѣ право выраженъ былъ прямо этотъ существенный моментъ одними Римскими римлянами, а именно въ ихъ словѣ jus, хотя сами римляне и римскіе юристы обыкновенно производили слово jus отъ существительнаго justum велѣніе, которое является производнымъ словомъ отъ слова jubeo, такъ что по этому производству слово jus значитъ будто бы повелѣніе. Но уже то обстоятельство, что слово jus короче слова justum и jubeo, должно было указать на несостоятельность такого производства. Дѣйствительно, въ новѣе время узнали, что корень латинскаго корня jus есть <u>ju</u>, который сохранился въ санскритскомъ языкѣ и значитъ связывать, соединять. Впрочемъ, этотъ корень ju сохранился даже въ нѣкоторыхъ латинскихъ производныхъ словахъ, очевидно, выражающихъ понятіе о связи, о соединеніи, какъ-то въ словахъ jugum - пара воловъ, запряженныхъ, слѣд. соединенныхъ вмѣстѣ въ одинъ плугъ, ярмо, такъ что и самое слово ярмо обозначается тѣмъ-же словомъ

jugum. Отъ слова jugum произошелъ глаголъ jugare - запрягать воловъ, т.е. соединять ихъ, jugamentum скотъ рабочій, волы, когда они соединены вмѣстѣ; и наконецъ, отъ него же произошелъ важный для юристовъ терминъ conjugium, что значитъ супружество, какъ соединеніе людей разнаго пола. Такимъ образ., въ словѣ jus, по его истинному словопроизводству, выразили римляне нѣчто связующее, соединяющее. Спрашивается что оно связываетъ? Очевидно, связуетъ людей во внѣшнихъ, видимыхъ общеніяхъ, въ отличіе отъ внутренней связи людей, какъ гармоніи мыслей, чувствъ и желаній. Это внѣшнее общеніе между людьми и есть то, что мы должны называть людскимъ общественнымъ союзомъ вообще, какъ постояннымъ и самоцѣльнымъ; постояннымъ въ томъ смыслѣ, что этотъ союзъ заключается не на какое нибудь опредѣленное время, на извѣстный срокъ, съ истеченіемъ котораго онъ самъ-бы разрушился; а самоцѣльнымъ въ томъ смыслѣ, что этотъ союзъ не имѣетъ внѣ себя какой нибудь опредѣленной цѣли, т.е. такой цѣли, съ достиженіемъ которой онъ-бы разрушился. Такъ напр., нельзя сказать, чтобы бракъ имѣлъ своею цѣлью рожденіе дѣтей, потому что въ такомъ случаѣ супруги должны бы расходиться въ то время, когда по физіологическимъ условіямъ, у нихъ не можетъ быть дѣтей. Къ постояннымъ и самоцѣльнымъ союзамъ относится во 1), союзъ семейный, (заключающій въ себѣ три существенныя ступени генетическаго развитія, а именно: а), союзъ супружескій, b), союзъ родителей и дѣтей и с), союзъ родственниковъ) во 2), союзъ родовой, въ составъ котораго входятъ отдѣльныя семьи, соединяющіеся въ одинъ союзъ; въ 3), союзъ племенной (слова

родъ и племя мы употребляемъ какъ условные термины для обозначенія различныхъ понятій, а именно, подъ родомъ мы разумѣемъ соединеніе нѣсколькихъ семействъ въ одно цѣлое, а подъ племенемъ мы разумѣемъ уже соединеніе нѣсколькихъ родовъ); въ 4, союзы соціальные, но только тѣ изъ нихъ, которые въ самомъ дѣлѣ постоянны и самоцѣльны въ объясненномъ смыслѣ, а именно, сюда относится тотъ союзъ, который называется обыкновенно гражданскимъ обществомъ или государственнымъ обществомъ; наконецъ въ 5, союзъ политическій, государственный, элементами котораго служатъ: во 1, само государство (отдѣльныя государства, политическіе союзы въ тѣсномъ смыслѣ); во 2, международный союзъ, какъ союзъ между различными государствами и наконецъ въ 3, общенародный союзъ, обнимающій собою всѣ народы и всѣ государства.

Такой существенный моментъ въ понятіи права, какъ соединяющаго людей въ общественные, самоцѣльные и постоянные союзы, и служитъ уже непосредственнымъ переходомъ къ праву постоянныхъ и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, или, что все равно, къ такъ называемому праву въ объективномъ смыслѣ, въ отличіе отъ праведнаго и справедливаго (justum). На одномъ объективномъ правѣ основываются субъективныя права съ соотвѣтствующими имъ обязанностями, какъ правовыми или юридическими обязанностями, въ отличіе отъ моральныхъ. Такъ мы переходимъ отъ перваго отдѣла ко второму отдѣлу первой части нашей науки. Итакъ,

Отдѣлъ второй.

Развитіе права.

Подъ развитіемъ разумѣется здѣсь развитіе генетическое въ объясненномъ нами прежде смыслѣ, а вовсе не историческое, а подъ правомъ разумѣется здѣсь собственно такъ назыв. право (jus), а не право, какъ правдивое и справедливое, о которомъ мы говорили уже въ первомъ отдѣлѣ. Это собственно такъ назыв. право, jus, генетически развивается въ человѣческомъ сознаніи по слѣдующимъ двумъ ступенямъ: во 1-хъ, какъ право въ объективномъ смыслѣ (jus in sensu objectivo, sensu objectivo) или, короче, объективное право и во 2, какъ право въ субъективномъ смыслѣ (jus in sensu subjectivo, sensu subjectivo) или, короче, субъективное право. Такъ объективное право есть первая ступень генетическаго развитія собственно такъ назыв. права, а субъективное есть вторая ступень его развитія и вотъ почему: право, какъ правое, или какъ правдивое и справедливое, justum, не есть нѣчто заключенное само въ себѣ такъ, чтобы оно вовсе не проявлялось ни въ чемъ, а напротивъ, оно проявляется въ чемъ-либо, оно объективируется, оно становится объективнымъ, предметнымъ или въ мышленіи человѣческаго ума или въ дѣятельности свободной человѣческой воли. Если оно становится предметомъ мышленія человѣческаго ума, то въ такомъ случаѣ объективное право мы можемъ называть мыслимымъ правомъ, хотя оно обыкновенно назыв. естественнымъ или природнымъ правомъ; если же оно, проявляясь, становится предметомъ, объектомъ свободной человѣческой воли, что во-

[illegible] [illegible] [illegible], реали-
[illegible] [illegible] право можно подвести въ
[illegible] [illegible] [illegible]тельныхъ, [illegible]-
[illegible] [illegible] объективнаго права хотя
[illegible] [illegible] [illegible] непосредственныхъ
[illegible] [illegible] право и все практичное и спра-
ведливое (разумное), ясно, существенно перехо-
дитъ въ объективное право, которое [illegible]
[illegible] непосредственно [illegible], и
есть первая ступень историческаго развитія
собственно такъ назыв. права. [illegible]
въ объективномъ правѣ основываются пра-
ва, которыя есть принадлежности достоин-
ства, или полномочія какого нибудь субъекта,
какъ субъекта [illegible] [illegible], поэтому
право въ этомъ смыслѣ и назыв. субъектив-
нымъ правомъ. Отсюда видно, что объектив-
ное право есть основа субъективнаго права,
а именно въ томъ смыслѣ, что [illegible]
[illegible] субъективнаго права [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible], [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] объективнаго права [illegible] [illegible];
а [illegible] [illegible] права [illegible] [illegible]
въ историческомъ развитіи [illegible], что на
[illegible] [illegible], что [illegible] и объективное
право, [illegible] [illegible] для субъективнаго пра-
ва должно быть предшествующимъ [illegible]
[illegible] историческаго развитія собственно
такъ назыв. права [illegible], а субъективное
право [illegible] [illegible]. Отсюда [illegible]
[illegible] видно, что [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] историческаго развитія собственно
такъ назыв. Права [illegible] [illegible]
[illegible], потому что вообще [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
только то, что на немъ основано. Объектив-
ное право есть основа для субъективнаго
права, а субъективное право есть [illegible]

на немъ и, если бы не было двери, сокрытой двер-
дверь не можетъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ вто-
рой отдѣлъ первой части распадается на два
отдѣла. Всего распадается не иначе, не болѣе,
какъ на 2 главы и притомъ въ такомъ поряд-
кѣ и съ такими именно заглавіями, какъ
выражающими особенное содержаніе каж-
дой изъ нихъ: Глава I - право въ объективномъ
смыслѣ или объективное право и глава II - пра-
во въ субъективномъ смыслѣ, или субъектив-
ное право. Итакъ,

Глава первая.

Право въ объективномъ смыслѣ, или объективное право.

Въ греческомъ языкѣ оно выражается сло-
вомъ νόμος - законъ, а въ англійск. языкѣ слово
right не имѣетъ объективнаго значенія и
имѣетъ только значеніе субъективное, какъ
полномочіе; на латинскомъ языкѣ оно выра-
жается словомъ jus; во французскомъ droit,
а по нѣмецки Recht.

Право въ объективномъ смыслѣ или объ-
ективное право есть система нравствен-
ныхъ въ обширномъ смыслѣ, или этиче-
скихъ законовъ, обязательныхъ для внѣш-
ней дѣятельности человѣческой во внѣшнихъ
людскихъ общеніяхъ, какъ постоянныхъ
и самоцѣльныхъ людскихъ общественныхъ
союзахъ. Этими законами опредѣляются
и охраняются какъ взаимныя внѣшнія
отношенія членовъ этихъ союзовъ между
собою и къ самымъ союзамъ, въ ихъ цѣломъ
и въ ихъ частяхъ, такъ и устройство и
управленіе этихъ самыхъ союзовъ въ ихъ
цѣломъ и въ частяхъ.

гическое опредѣленіе права. Во 1-хъ мы сказали, что право въ объективномъ смыслѣ или объективное право есть система законовъ. Подъ системою законовъ разумѣется здѣсь соединеніе ихъ въ одно цѣлое, но связью внутреннего, т.е. связью, присущею самымъ законамъ. Поэтому объективное право никакъ наукѣ не слѣдуетъ понимать просто какъ цѣлую, безсвязную совокупность отдѣльныхъ законовъ, какъ скопленіе, или агрегатъ и даже не слѣдуетъ и такъ понимать, что объективное право есть соединеніе законовъ посредствомъ внѣшней связи, которую устанавливаютъ сами издатели этого объективнаго права, по своему произволу, вслѣдствіе внѣшнихъ постороннихъ цѣлей, а напротивъ, наука должна смотрѣть на соединеніе законовъ въ одно цѣлое, какъ на соединеніе ихъ въ силу внутренней связи ихъ между собою, присущей самымъ законамъ, т.е. ихъ содержанію (а содержаніе есть нѣчто внутреннее); потому что только такое, а не иное соединеніе есть такъ назыв. систематическое соединеніе, т.е. соединеніе, образующее въ строгомъ смыслѣ систему, какъ единое научное цѣлое.

2) Право въ объективн. смыслѣ есть система законовъ, какъ мы сказали, нравственныхъ или этическихъ въ общемъ смыслѣ. Подъ ними разумѣемъ мы законы челов. свободы или точнѣе, для человѣческой свободы, т.е. для человѣческой свободной воли или, что все равно, законы не какъ существа физическаго, а какъ существа свободнаго и въ этомъ смыслѣ нравственнаго, ибо нравственность не возможна безъ свободы. Вотъ почему эти

законы назыв. нравственными въ обширномъ смыслѣ слова или этическими (объ [illegible]). Эти нравственные въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы человѣческой свободы суть постоянныя для человѣческой свободной воли правила (regulae) или постоянныя нормы (normae). Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что этими законами, какъ правилами или нормами, регулируется или нормируется свободная человѣческая воля. Нравственные въ обширномъ смыслѣ или этическіе законы необходимо предполагаютъ, что человѣкъ есть существо свободное, или одаренное свободною волею, т. е. что человѣкъ есть существо способное самоопредѣляться, способное быть первоначальною причиною и своей внутренней дѣятельности въ самомъ себѣ (своего образа мыслей, образа чувствованій и желаній) и своей внѣшней дѣятельности (своихъ поступковъ, своихъ дѣяній), потому что если бы человѣкъ не былъ существомъ свободнымъ, то немыслимо было бы и существованіе самыхъ нравственныхъ въ обширномъ смыслѣ, или этическихъ законовъ.

Объективное право есть система особеннаго вида нравственныхъ въ обширномъ см. или этическихъ законовъ, а именно есть система правовыхъ или юридическихъ законовъ въ отличіе отъ другаго вида тѣхъ же законовъ, отъ законовъ нравственныхъ въ собственномъ, или тѣсномъ смыслѣ, иначе назыв. моральными, система которыхъ называется собственно нравственностью, или моральностью или моралью въ объективномъ смыслѣ. Юридическіе законы отличаются отъ моральныхъ законовъ въ слѣдующ.: 1) юридическіе законы обязываютъ только внѣшнюю человѣческую дѣятельность, т. е. обнаруживаемую во внѣ, а именно обнаруживае-

кую мысль, что человѣкъ производитъ какое нибудь измѣненіе во внѣшнемъ мірѣ, тогда какъ моральные законы простираютъ свое ~~дѣйствіе~~ вліяніе не только на внѣшнюю но и на внутреннюю дѣятельность человѣка, т.е. на чувствованія, мысли и дѣянія человѣческія. Однако же, при практическ. примѣнені[и] не только моральныхъ, но и юридическихъ законовъ ко внѣшней дѣятельности человѣка, къ его поступкамъ приходится иногда восходить юристамъ, въ особенности въ уголовныхъ дѣлахъ, ко внутренней, субъективной дѣятельности человѣка, а именно, къ его намѣреніямъ. 2, юридическіе законы имѣютъ обязательное дѣйствіе только во внѣшнемъ, видимомъ общеніи между людьми, какъ членами извѣстнаго постояннаго и самостоятельнаго людскаго обществен. союза, въ внѣшнемъ общеніи людей между собою и со своимъ союзомъ въ цѣломъ и въ частяхъ его, а моральные законы имѣютъ обязательное дѣйствіе не только во внѣшнемъ, но и во внутреннемъ общеніи людей между собою, т.е. въ общеніи, основанномъ на согласіи людей между собою въ чувствованіяхъ, мысляхъ и желаніяхъ и притомъ не только во взаимныхъ отношеніяхъ людей между собою, но и въ отношеніяхъ ихъ къ божеству и другимъ существамъ къ живымъ. 3), юридическіе законы, въ случаѣ неисполненія ихъ, дѣйствуютъ принудительно, употребляя насиліе физическое или психическое, т.е. угрозу, тогда какъ нравственные законы, въ случаѣ ихъ неисполненія, не могутъ прибѣгать къ насилію, потому что въ противномъ случаѣ дѣяніе не имѣло-бы нравственнаго характера. Наконецъ, 4, все что повелѣвается или запрещается юридич. законами, повелѣвается и запрещается и моральными зако-

нами, но не все, что повелѣвается, запрещается моральными законами, повелѣвается и запрещается юридическими законами, такъ что моральные законы въ этомъ смыслѣ шире юридическихъ. Но это не значитъ, чтобы юридическіе законы дозволяли положительно что-нибудь противное моральнымъ законамъ, что-нибудь нравственно дурное съ моральной точки зрѣнія, ибо юридическіе законы не дозволяютъ, а только допускаютъ многое нравственно дурное, противное моральнымъ законамъ въ томъ смыслѣ, что не подвергаютъ наказанію за совершеніе такихъ дѣяній.

3., Объективное право сказали мы, опредѣляетъ и ограничиваетъ взаимныя внѣшнія отношенія членовъ постояннаго и самостоятельнаго людскаго общественнаго союза между собою и къ своему союзу въ цѣломъ и въ частяхъ его. Это значитъ, что такія отношенія суть видимыя проявленія, обнаруженія, а не внутреннія, невидимыя проявленія обнаруженія, каковы отношенія дружбы и любви, ненависти и неприязни. Послѣдняго рода отношенія опредѣляются и ограничиваются не юридическими а моральными законами. Юридическими законами опредѣляются они лишь на столько, на сколько они проявляются во внѣшнихъ дѣяніяхъ. Такъ, напр. юридич. законы предписываютъ, напр. чтобы супруги любили другъ друга, причемъ, конечно, они понимаютъ не самое чувство любви, а то, чтобы они въ своихъ отношеніяхъ другъ ко другу въ какихъ нибудь внѣшнихъ дѣяніяхъ не проявили чего нибудь противнаго этой любви, такъ какъ эти дѣянія, противныя супружескому союзу, являются преступными съ юридической точки зрѣнія. Далѣе, взаимныя внѣшнія отношенія людей, по-

чиняющіяся юридическимъ законамъ, суть отношенія людей, какъ членовъ постоянныхъ и самостоятельныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ, а не просто какъ людей, то взаимныя отношенія людей, просто, какъ людей, подчиняются моральнымъ законамъ, а не юридическимъ. Значитъ, отношенія людей, подчиняющіяся юридическимъ законамъ, суть взаимныя отношенія ихъ, какъ членовъ такихъ союзовъ и между собою (это суть частныя отношенія, какъ правоотношенія или юридическія отношенія) и къ своему союзу въ цѣломъ и въ частяхъ его (это суть общественныя или публичныя отношенія, какъ юридическія отношенія.

4. Правными или юридическими законами, сказали мы, опредѣляются и охраняются такія отношенія, которыя по содержанію своему суть или подходящія подъ такъ назыв. опредѣлительные или опредѣляющіе законы или подъ такъ назыв. охранительные или охраняющіе законы. Тѣ законы, которые опредѣляютъ такія отношенія, т.е. указываютъ въ чемъ они именно должны состоять, можно назвать и называютъ опредѣлительными или опредѣляющими правными, юридическими законами, (каковы напр. всѣ почти такъ назыв. гражданскіе законы), а такіе законы, которыми охраняются сказанныя отношенія, т.е. которыми они защищаются отъ нарушенія, можно назвать и называютъ охранительными или охраняющими, каковы напр. всѣ карательные законы и отчасти полицейскіе законы. Но и въ моральныхъ законахъ, а не только въ правныхъ или юридическихъ, можно различить опредѣлительные или опредѣляющіе и охранительные или охраняющіе законы, хотя предметъ ихъ опредѣленія и

охраненія нѣсколько иной, нежели предметъ опредѣленій и охраненій правныхъ юридическихъ законовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя мѣры охраненія иныя, нежели мѣры охраненія нравственныхъ законовъ.

5., Наконецъ, правными или юридическими законами опредѣляются и охраняются также устройство и управленіе постоянныхъ людскихъ общественныхъ союзовъ въ цѣломъ и въ частяхъ ихъ. Подъ устройствомъ мы разумѣемъ тотъ самый строй цѣлаго союза или его части, который дѣлаетъ внѣшнее между людьми общеніе постояннымъ и самоцѣльнымъ людскимъ общественнымъ союзомъ или его частью, ибо безъ такого строя это внѣшнее общеніе не было-бы вовсе ни постояннымъ, ни самоцѣльнымъ союзомъ (таковы напр. законы, опредѣляющіе устройство нашего государства, извѣстные подъ именемъ основныхъ госуд. законовъ), а подъ управленіемъ разумѣется здѣсь дѣятельность такого союза, какъ постояннаго и самоцѣльнаго, которая имѣетъ въ виду сохраненіе его существованія и его развитія. Такимъ образомъ всѣ законы, имѣющіе въ виду такія цѣли, суть законы, относящіеся до управленія государства, каковы именно наши законы, извѣстные подъ именемъ государственныхъ и губернскихъ, или областныхъ законовъ, законы финансовые, полицейскіе и т. п. И моральнымъ законамъ могутъ быть подчинены устройство и управленіе людскихъ общественныхъ союзовъ, но уже въ видѣ правныхъ или юридическихъ законовъ, а именно, въ виду сохраненія, существованія и развитія сказанныхъ союзовъ, какъ внутренняго, а не внѣшняго общенія между людьми, и не только между людьми, но и общенія людей съ Богомъ

и съ прочими сущностями въ міръ. Такъ какъ правит. въ объективномъ смыслѣ, или этическіе законы, постоянныя правила или нормы образуютъ въ своемъ систематическомъ соединеніи объективное право, то потому, короче объективное право можетъ быть опредѣлено такимъ образомъ: объективное право есть система правовыхъ или юридическихъ законовъ, нормъ, а такъ какъ объективное право имѣетъ дѣло со внѣшнею дѣятельностью человѣческою въ постоянныхъ самостоятельныхъ людскихъ общественныхъ союзахъ, какъ таковыхъ, то объективное право можетъ быть опредѣлено короче такимъ обр.: объективное право есть право обществъ, но въ этомъ случаѣ подъ обществомъ мы должны разумѣть постоянные и самостоятельные людскіе общественные союзы, а подъ правомъ мы должны разумѣть юридическіе законы, нормы, а не какіе нибудь другіе. При томъ, опредѣляя объективное право, какъ право обществъ, въ смыслѣ системы его правовыхъ юридическихъ законовъ, нормъ, никакъ нельзя смѣшивать, какъ это иногда дѣлаютъ даже юристы, этихъ входящихъ въ составъ объективнаго права юридическихъ законовъ съ тѣмъ, что называется социологами также законами обществъ, но въ другомъ смыслѣ. Подъ законами общества социологи вовсе не разумѣютъ его правовыхъ, юридическихъ законовъ, его объективнаго права, какъ систему этихъ законовъ, а разумѣютъ только законы всѣхъ явленій обществ. жизни, какъ чего то въ нихъ постоянно повторяющагося и при томъ часто, совершенно напрасно, ограничивая социологію только хозяйственною экономич. сферою, социологи разумѣютъ подъ законами общества законы именно хозяйственной эконо-

16p